

ВЛАСТИТЕЛИ

И

МАГИ

ЕРЕМЕЙ ПАРНОВ

ΑΒΙΗΡΕΟΝ

ΝΜΟΡΣΕΙ

Еремей

ВЛАСТИТЕЛИ И МАГИ

Парнов

Книга вторая

МОСКВА
«ТЕРРА» — «TERRA»
1996

ББК 70
П18

Художник
И. МАРЕВ

Парнов Е. И.

П18 Властители и маги: В 2 кн. Кн. 2. — М.: ТЕРРА, 1996. — 464 с.

ISBN 5-300-00787-0 (кн. 2)

ISBN 5-300-00785-4

Основываясь на богатейшем историческом материале, известный российский писатель в увлекательной форме рассказывает о загадочной триаде: властитель—маг—охранник. Действие разворачивается и во дворце фараона, и в Древней Греции, и в Древнем Риме, и в средневековой Европе. Не обойдены вниманием и российские цари и правители, а главное, те, кто всегда стоял ближе всего к «сильным мира сего»: будь то оракул, чародей, маг или астролог.

В издание вошла книга вторая (капитулы 8–15) нового произведения Еремея Парнова «Властители и маги».

П 0503010000-547
А30(03)-96 Без объявл.

ББК 70

ISBN 5-300-00787-0 (кн. 2)
ISBN 5-300-00785-4

© Издательский центр «ТЕРРА», 1996

ТАНЦЫ С САЛАМАНДРАМИ

**Капитула
восьмая**

ДЕВА И СИНЯЯ БОРОДА

Когда мне было пять лет, отец мой находился однажды в комнате, где процеживали щелок; он играл на виоле и пел, сидя близ огня (на дворе стоял сильный холод). Вдруг он заметил случайно, что в пламени резвилось какое-то животное, вроде ящерицы. Батюшка, тотчас смекнув, что это такое, позвал мою сестру и меня, показал на змеившееся животное и дал мне сильную пощечину, заставившую меня горько заплакать. Отец с нежностью обтер мои слезы и сказал: «Друг мой, я ударил тебя не для того, чтобы за что-нибудь наказать, но лишь для того, чтобы ты помнил, что ящерица, которую ты видишь в огне, саламандра, животное, которое не видел еще ни один человек».

«Записки Бенвенуто Челлини».

Я — Франсуа, чему не рад,
Увы, ждет смерть злодея,
И сколько весит этот зад,
Узнает скоро шея.

*Четверостишие, которое написал
Вийон, приговоренный к повешению.*

1

Пляшущую в огне саламандру видели в Черной башне замка Шамптосе, на Луаре, в холодную ночь декабря 1404 года, когда на свет появился Жиль, барон де Ре. А шестого октября 1440 года, когда его сожгли на главной площади Нанта, всех городских детей отколотили палками, дабы запомнили навсегда казнь еретика, колдуна, чернокнижника, убийцы младенцев и растлителя девиц. Детство, юность, да и вся жизнь Жили пришлись на лихолетье. Династическая война (1337—1453), которую начал английский король Эдуард III, заявив права на французскую корону, переросла в столетнюю и конца ее не предвиделось.

Страну опустошали захватчики, повсюду орудовали разбойничьи шайки, крестьяне жгли рыцарские замки, свирепствовала чума.

Браки в ту пору заключались в раннем возрасте. Смерть выкашивала целые семьи. Не щадила ни бедняков, ни королей, угасавших от непонятных болезней, едва взойдя на престол. Всякий раз на похоронах вспоминалось проклятие старого тамплиера.

Юный Жиль был дважды обручен, но едва дело доходило до свадьбы, невесты умирали. Третья попытка оказалась удачной.

Теперь можно было скликать вассалов и отправляться на войну: Париж и добрая половина страны заняты англичанами. Герцог Бургундский на стороне врага.

Перелом в изнурительном для обеих сторон противостоянии наступил неожиданно. В ставку Карла VII (1403—1461) прискакала никому не известная крестьянская девушка в мужском наряде, назвавшаяся Жанной. Ей было видение Богоматери, вдохновившей взять в руки меч. Речи Жанны звучали так страстно и убедительно, словно и впрямь внушены были свыше. Все, кто стояли тогда с королем в Шеноне, и Жиль де Ре прежде всех, были зачарованы и восхищены. Она прямо заявила Карлу, назвав его «милый дофин», что коронует его в Рейнском соборе и поведет за собой армию на врага. Самоотверженный порыв был искренне чист, а голос звучал так призывно и убежденно, что, казалось, само небо вещало ее устами. Жиль не сводил глаз с лица девы, взволнованного, тронутого нежным румянцем. Ей устраивали проверки, пытаясь поймать на противоречиях, смутить богодухновенную веру в возложенную на нее миссию, но она осталась все такой же восторженной и непреклонной.

— Чем я могу доказать? Коронацией в Реймсе!

Двадцатилетний Карл колебался. Боязливый и мнительный, он избегал сражений, постоянно менял планы, прислушивался к любым советам, но редко следовал им.

Он и сам толком не понял, как ей удалось убедить его. Ее восторженная воля подавила сомнения.

Карл поручил барону де Ре охранять отважную деву. Жиль сам подобрал для нее подходящие латы и, стремя в стремя, они двинулись к осажденному Орлеану. Шеститысячной армией командовал герцог Алансонский, но все глаза были устремлены на деву. Она направила герольда с письмом, адресованным регенту Бедфорду, требуя передать ключи от всех захваченных городов, ибо англичане все равно будут «по Божьей воле» изгнаны из французской земли.

Где могла научиться грамоте крестьянская девушка из деревни Домреми, на границе Шампани и Бургундии, когда далеко не каждый дворянин умел написать свое имя?

Хронист Кузино, лично встречавшийся с Жанной, пишет, что ее отец Жак Дарт (так писалась в XV веке фамилия д'Арк) и мать Изабо — «простые сельские жители, которые пасли скот».

Выказав незаурядное упорство и смелость, Жанна сумела уговорить капитана близлежащего замка Вокулер отправить ее в сопровождении нескольких солдат к королю. Вера, которую она несла в своем сердце, передавалась другим, подобно электрическому заряду. Ужасы войны усугубляли и без того высокий религиозный накал. Люди жили в постоянном ожидании чуда, воспринимая любое отклонение от устоявшегося миропорядка как некое знамение. Только проникнувшись духом эпохи, ощущая ее нервный пульс, можно постичь дивный феномен Жанны.

Надежда на покровительство провидения владела защитниками города еще до появления девы. Когда же случайным осколком ядра был смертельно ранен английский полководец граф Солсбери, все преисполнились уверенностью милости неба.

29 апреля 1429 года войско подошло к Орлеану, и группа лазутчиков просочилась внутрь. 4 мая были взяты укрепления Сен Лу, 6 — захвачен форт Августинцев, 7 — Турель, 8 — прорвана многомесячная блокада! Чудо!

Преследуя неприятеля, Жанна совершала один победный рейд за другим. 12 июня освобожден Жаржо, затем Божанси, Менг, победа у Пате. Чудо!

«И видели Деву, воткнувшую свое знамя на укрепления, и рядом с ней постоянно видели сьера де Ре», — записал королевский хронист Жан Шарнтье.

И вот, как и было предвещено, перед ней открылись ворота Реймса. В собор, где хранились священные регалии, Жанна вошла вместе с Жилем вслед за королем. Церемония коронации состоялась 17 июля. И вновь они рядом: Жанна по правую руку короля, Жиль — по левую.

— Милый король, вы исполнили волю Божию, показав, что вы подлинный король, которому принадлежит королевство.

Теперь на Париж! Осень дала знать о себе ветрами, ливнями и распутицей. Поистратив запал, не привыкшие к долгим походам свитские кавалеры начали проявлять раздражение. Орлеанская дева становилась опасной. Коннетабль и принцы чувствовали себя оттесненными на вторые роли. Кто привычно наушничал и строил козни, а кто открыто чинил помехи.

Но Жанна продолжала идти вперед, устремленная в ей одной открытые дали. Всюду, где она появлялась, люди падали на колени. В их глазах она была святой, ангелом Божиим, посланным во спасение. Дивные успехи и неуязвимость в битвах осенили ее сияющим нимбом. Это вынуждены были признать даже враги: в стане англичан появились признаки растерянности. Всюду, где появлялась дева, французам сопутствовал успех. Невзирая на интриги и всяческое противодействие, она вела их от победы к победе.

Если раньше, в походе на Реймс, распахнули, презрев права Бургундского герцога, ворота Труа и Шалон, то нынче и британские лорды сдавали без боя крепости и редуты.

Между тем, слухи о том, что на деве уже нет благодати, множились. Да, она выполняла Божию волю, но теперь, когда освобожден Орлеан и дофин получил корону, ее миссия исчерпана. Король, скликавший французов «присоединиться к принцу Алансонскому и Жанне Деве», не повторял более подобных призывов. По мере продвижения к Парижу все ошутимее давали знать о себе отчуждение двора и неприязнь полководцев.

Взять город штурмом не удалось. В довершение всего стрела английского лучника пробила Жанне предплечье.

Это ли не доказательство, что Богородица уже не охраняет ее?

Отступление не означало поражения. Повсюду разрасталось пламя народной войны. Изменников карали беспощадно. Крестьянское ополчение все чаще поспевало на помощь.

Но влиянию Жанны на короля пришел конец. Ее фактически изолировали от войны. Почувствовав себя пленницей, птицей в золотой клетке, дева покинула ставку и отправилась в Иль-де-Франс, где шли упорные бои.

На этом и разошлись пути Жанны д'Арк и Жилья де Ре. Ей, семнадцатилетней девушке, не могли простить военных успехов, ему — богатства и независимости.

Глубоко разочарованный, он вернулся в свои владения.

2

Однажды ночью, когда из распоротого молниями небесного чрева хлестали ледяные потоки, в ворота замка Тиффож постучался промокший до нитки путник. Стуча зубами от холода, он смиренно просил о ночлеге.

На сей раз злой дух, принужденный являть себя лишь в человеческом облике, избрал жалкую оболочку бродячего нигроманта. Он так прямо и отрекомендовал себя мажордому и был впущен, потому что таких, как он, радушно привечали в замках сьера де Ре.

Редкий астролог, а уж тем более алхимик не попробовал себя на сомнительном поприще черной магии. И немудрено. Не только чтобы прожить, но зачастую и выжить, герметическим мастерам постоянно приходилось демонстрировать свою мощь. Эликсир Розенкрейца и порох были уделом избранных, прочим оставались мошеннические проделки с золотом да наводящие ужас манипуляции с расчлененными трупами.

Именно к числу подобных алхимиков-некромантов, добывающих свой попахивающий костром хлеб с помощью шарлатанских трюков, принадлежал итальянец Франческо Прелати, всюду и везде хваставший своим домашним, ручным, можно сказать, демоном по кличке Баррон. Часто попадавший на воровстве и разных мошеннических проделках, он удивительным образом всякий раз выходил сухим из воды. Ради денег изворотливый итальянец мог пойти не только на обман, но и на более тяжкие преступления. Этого человека и приютил маршал Франции Жиль де Лаваль барон де Ре. Приютил на свою беду и в назидание потомству, ибо разыгравшиеся вскоре события не имели аналогов за всю прошлую и последующую историю инквизиции и ведовства.

В замке перебивало множество адептов Искусства, в том числе и компатриотов Прелати. Последним был Антонио из Палермо, отъявленный вор и обманщик, которого пришлось выгнать.

На смену ему явился фламандец Корнелиус, парень угрюмый и простоватый, но упорный и знающий ремесло. Жиль к нему благоволил. Корнелиус обещал получить магистериум — камень философов — на будущую Пасху, но коварный конкурент выжил его из

замка уже на другую неделю. «Белое» колдовство не могло угнаться за «черным» ни по части добывания золота, ни в заманчивых видах на долголетие. К тому же, удаления Корнелиуса потребовал лично Баррон, которого он, по словам Прелати, раздражал своими невежественными заклинаниями. В отместку фламандец пустил слух, что по наущению наглого некроманта барон де Ре погубил молодую жену, а за ней и следующую, а теперь собирается и третью извести. Так родилась клеветническая легенда.

На самом же деле тот, кого прозвали впоследствии Синей бородой, не убивал своих жен. У него вообще была лишь одна верная подруга жизни — Екатерина де Туар, которую он нежно любил, хотя и не упускал случая прижать где-нибудь в укромном углу молоденькую крестьянку. Здоровяк рыцарь действительно носил бороду, причем золотисто-русую, которую домашний цирюльник бережно расчесывал по утрам черепаховым гребнем. Судьба ничем не обделила Жилья де Ре. Его родовитые предки Краоны и Монморанси оставили ему славнейший во Франции герб и тучные нивы, расположенные в самых плодородных, изобилующих виноградом и дичью частях Бретани. Потеряв в одиннадцатилетнем возрасте отца, он оказался на попечении добряка деда, во всем ему потакавшего, и зажил вольготной, ничем и никем не ограниченной жизнью. Выпестованный лучшими учителями, молодой сеньор изучил древние языки, разбирался в искусствах, умел наслаждаться тонкой беседой, изысканными яствами, благородными упражнениями в охоте с линиялым¹ соколом и фехтовании. Он знал толк и в лошадях, и в добром вине, и в старинном оружии. Страстный библиофил, Жиль де Ре тратил баснословные суммы на приобретение редких книг, которые тут же переплетались в дорогие шагреневые переплеты, украшенные фамильным крестом на золотом поле. Маршальский жезл он получил в день коронации Карла, которому отвоевал трон, сражаясь бок о бок с самой Девой, призванной благим небом спасти Францию от англичан. Ничтожный, неблагодарный король бросил Жанну на произвол судьбы. В самый разгар алхимических исканий до Жилья дошла весть, что Жанну захватили бургундцы. Это случилось 23 мая 1430 года, когда она предприняла вылазку из окруженного Компьена.

Барон тут же отправился к королю и предложил деньги для выкупа, но встретил резкий отказ.

— Она не состоит в армии, и потому не подлежит выкупу. К тому же, нарушила приказ.

Как отмечает бургундский хронист Монстреле, англичане «ни одного капитана или полководца не боялись так, как эту Деву».

Бургундцы передали пленницу герцогу Люксембургскому, а тот за десять тысяч золотых ноблей продал ее англичанам.

Герцог Бедфорд, регент, за ценой не постоял. Несколько месяцев назад он короновал в Париже своего восьмилетнего племянника

¹ Особо ценимый годовалый сокол

Генриха королем, английским и французским. Представлялась великолепная возможность открыть процесс против Жанны. Если удастся доказать, что Карла короновала еретичка и ведьма, действовавшая по наущению дьявола, то церемония в Реймсе будет объявлена незаконной.

Организацию дознания и суда Бедфорд поручил своему клеврету, епископу города Бове, Пьеру Кошону. В награду ему была обещана богатая Руанская епархия.

Жиль де Ре бросился к Ла Гиру, другу Жанны, под началом которого была рота гасконцев. План простой: напасть на Камп де Лувьер и вырвать деву из лап инквизиторов. Но когда все уже было готово Жанну неожиданно переводят в другой замок и увеличивают охрану.

Кошон намерен придать судебной комедии видимость юридически безупречного разбирательства.

Для начала узницу в присутствии герцогини Бедфорд подвергли врачебному освидетельствованию на предмет установления девственности. От этого зависело многое. В случае утраты невинности, вступала в действие самая суровая формула: «связь с дьяволом».

Скрепя сердце, инквизиторы вынуждены были отказаться от этого обвинения. Оставалось собрать доказательства ереси и ведовства.

Обвинительное заключение, полное казуистских вывертов, было написано по-латыни. Жанна не могла понять, что ей инкриминируют инквизиторы, простодушно отвечая на нелепые, как ей казалось, вопросы.

— Почему вы надели мужскую одежду?

— Я ехала на войну.

Все двенадцать статей обвинения получили одобрение Сорбонны. Они включали: притязания на беседы со святыми и ангелами, фальшивые пророчества, еретические убеждения, неповиновение церкви и почему-то еще и родителям.

Процесс длился несколько месяцев. Жанну предупредили, что ее сожгут на костре, если она не признает своих заблуждений. В тюрьме ее обманом побудили вновь обрядиться в мужское платье. Это и стало главным доказательством обвинения.

Жиль попытался было отбить Жанну, но опоздал, обманутый предателем, указавшим не ту дорогу. Он подошел со своим отрядом к Руану, когда все было кончено.

— Я не верю в то, что ее сожгли! — сказал он, узнав о казни. — Она бессмертна.

Очевидно, у него были основания так говорить. Уже находясь при дворе, ему довелось встретиться с мадемуазель д'Армуаз, в которой он признал свою Жанну. Была ли действительно сожжена «нераскаянная еретичка» Жанна д'Арк или ее подменили другой жертвой, так до конца и не выяснилось.

Жиль де Ре с головой окунулся в алхимические трактаты. Не прошло и нескольких лет, как этот антипод благороднейшего Дон

Кихота стал законченным безумцем. Возжаждав волшебной власти над миром, он с присущей ему необузданностью промотал приданое жены и принялся расточать наследственные богатства. Театральные представления с роскошными костюмами и декорациями, пиры и охоты, на которые съезжалось все окрестное дворянство, словно призваны были затмить своим великолепием королевские празднества. Но затмили они лишь и без того помраченное воображение бретонского барона. Злые языки обвиняли Ре в противоестественном влечении к мальчикам, которые, якобы, стали таинственным образом пропадать то здесь, то там. Поползли мрачные слухи о том, что в боттеге¹, оборудованном для заезжего чернокнижника, изготавливаются снадобья из человеческой крови. Как бы там ни было, но маршал действительно изменился. Он сделался нетерпимым и вспыльчивым. К безумным прожектам и экстравагантным выходкам добавились бесконечные тяжбы, которые вконец опустошили фамильные сундуки. И если раньше пристрастие к герметическим сочинениям лишь тешило воображение, то теперь мечта о философском камне обрела характерные черты болезненной мании. Grand oeuvre² представлялось ему единственным средством, способным не только поправить подорванное хозяйство, но и обрести наконец сверхчеловеческое могущество.

Но к собственному немалому огорчению, Жиль не ощущал в себе призвания к алхимическим подвигам. Он был слишком хорошо образован, чтобы не сознавать свою полнейшую непригодность к постижению таинств. Слова Фламеля о «двух змеях, которые взаимно убивают одна другую и задыхаются в собственном яде» заставляли учащенно биться доверчивое сердце, но ничего не говорили уму. Выход, однако, скоро нашелся, ибо на рынке чудес предложение всегда опережает спрос.

Прознав о причудах знатного сеньора, в его замки проложили тропу всякие кудесники, стремившиеся перешеголять друг друга заманчивыми обещаниями и фокусами.

Башни Тиффожа спешно стали переоборудоваться под лаборатории. Усердно раздуваемое мехами, хищно запылало пламя в алхимических горнах. Над замком, о котором из-за пропадающих мальчиков и без того шла худая слава, за клубился вонючий устрашающий дым.

В разгар таких лихорадочных исканий сие родовое поместье почтил посещением августейший гость — дофин Людовик, нагрянувший в сопровождении многочисленной свиты. Чтобы как следует принять именитого гостя, Жилю пришлось вновь обратиться за ссудой к ростовщикам. Впрочем, это его не слишком озаботило, потому что великое деяние обещало с лихвой покрыть любые долги. Жаль было лишь гасить печи, где созревало несметное богатство. Но ничего не поделаешь: тайные грехи, которые все труднее становилось скрывать, научили Ре осторожности. Вход в лабораторию

¹ Кабинет врача вместе с аптекой.

² Великое деяние (фр.).

спешно замуровали, а пролаз-алхимиков разместили по вассальным мызам.

Тряхнув стариной, прожженный гуляка пустился во все тяжкие. Едва проводив убогого принца и его алчную свору, он велел распечатать заветную дверь и вернуть разжиревших на дармовых хлебах шарлатанов.

В мае 1435 года в гости к маршалу пожаловал и сам король. Он стеснен в средствах и нуждается в ссуде, но у Жиля нет денег. Все наличные средства улетели вместе с дымом из труб лаборатории, истрачены на забавы.

Карл, затаив угрозу, дает понять, что никогда более не обратится за помощью.

Его гнев выходит наружу после грандиозного представления с многозначительным названием «Осада Орлеана». Это не только дерзкий выпад, но и наглая демонстрация богатства и роскоши.

«И этот бастард еще смеет говорить, что у него нет денег! Да он пригоршнями швыряет их на ветер!»

Сто сорок актеров прочли 20 500 стихов, написанных Жилем, его актерами и поэтами, 350 фигурантов участвовали в спектакле. Празднества были организованы столь пышно, что устроители сочли нужным изготовить украшенный миниатюрами манускрипт с описанием торжества (оригинал хранится в Ватикане и по сей день). На все про все ушло сто тысяч экю. По тем временам колоссальная сумма: годовой доход графства. Короля не столько уязвило напоминание о Жанне, сколько наряды актеров. Даже одежда нищих была сшита из дорогой ткани.

Видимо, именно в этот период и произошло первое столкновение между мессиром Прелати и хозяином замка, потребовавшим показать наконец знаменитого Баррона. Изворотливый и наглый итальянец, два года водивший доверчивого барона за нос, предпочел не обострять отношения.

— Сию минуточку, ваша милость. — Приложив палец к губам, он на цыпочках отправился разведать обстановку. Затворившись у себя в башне и промучив Жиля долгим ожиданием, возвратился с победной улыбкой на лукавых устах, чтобы поздравить сеньора с успехом. Оказывается, упрямый Баррон в конце концов смилился и завалил помещение горами червонного золота. Ре пришел в совершенный восторг и выразил намерение полюбоваться долгожданным сокровищем хотя бы через щелку. Против ожидания Прелати не стал отговариваться и повел стравшего от любопытства хозяина в келью, увешанную скелетами и чучелами крокодилов. Но едва приоткрыв дверь, он тут же захлопнул ее с испуганным криком:

— Козни дьявола! Козни дьявола!

С трудом оправившись от потрясения, некромант сообщил, что произошла какая-то непредвиденная ошибка: золотую кучу стережет жуткого вида зеленый змей.

— Ах, змей! — вскричал отважный рыцарь, вообразивший себя святым Георгием. — Сейчас мы ему покажем!

Вооружившись мечом и распятием, в котором, согласно преданию, хранилась частица подлинного голгофского креста, он вознамерился взглянуть на чудовище и забрать богатство. Последнее было совсем нелишним, ибо почти все земли уже находились в закладе.

— Остановись, несчастный! — Прелати упал на колени, вновь обнаружив испуг, на сей раз непритворный. — Заклинаю тебя именем, которое не смею произнести! — Он молитвенно сложил ладони и загородил собою дверь. Сражаться с демоном, да еще силой креста Господнего, было, по его словам, последней глупостью. Бес улетит, и пропадай золото.

Ре, воспитанному лучшими риторам и схоластами Франции. подобный довод показался достаточно веским, и он согласился вернуть семейную реликвию обратно в капеллу.

Этим промедлением и воспользовался злокозненный Баррон, обратив благородный металл в какой-то красный, весьма подозрительный порошок. Пришлось, разумеется при посредстве Прелати, вступить в длительные переговоры. Сеньор Тиффожа был согласен на все. Собственноручно составив формальный договор, в котором уступал свою бессмертную душу за всеведение, богатство и могущество, он покорно скрепил его кровью. Казалось бы, чего больше? Но коварный василиск настаивал на все новых и новых доказательствах преданности. Сначала это был совершенный пустяк: курица, которую требовалось принести на алтарь по всем правилам сатанизма. Затем враг человеческого потребовал, устами Прелати, свое излюбленное блюдо — неокрещенного младенца.

Вольному барону, безраздельному властителю жизни и смерти своих крестьян, и такое оказалось под силу. Истребив в угоду извращенным страстям сто сорок отроков — так впоследствии значилось в документах процесса, — Ре мог позволить себе потешить дьявола этой единственной жертвой. Знал ли он, что на весах церковного суда она перетянет все остальные, вместе с бесчисленными сотнями, приписанными молвой? Не мог не знать, ибо повсюду свирепствовала инквизиция, да не допускал и мысли о каком бы то ни было суде над собой.

Убийства на почве распутства или по иным, не связанным с отправлением культа мотивам были вне компетенции епископа, а светского суда барон де Ре мог не опасаться. В своих землях он был полновластным хозяином. Жаль только, что они были заложены, вернее проданы с правом выкупа бретонскому герцогу Жану и его людям — канцлеру и епископу нантскому Малеструа, казначею Жофруа Феррону. У Жили просто не достало воображения сопоставить столь важное обстоятельство с крохотной жертвой, принесенной на сатанинский алтарь. Зато заимодавцы сразу связали концы с концами. Благо сам Ре дал им заманчивую возможность предотвратить нежелательный выкуп и навечно закрепить за своим гербом доходнейшие поместья.

Нужно было лишь дождаться удобного случая, чтобы вытащить на белый свет всю дьявольскую подноготную: маниакальные изу-

верства, черную магию, некромантию, сатанизм. Неукротимый барон сам привел в действие приготовленную для него мышеловку. Поссорившись с братом герцогского казначея Феррона, поселившимся в одном из отданных под заклад замков, Жиль собрал под свое знамя с полсотни вооруженных вассалов и пошел войной на собственные владения. Не посчитавшись с духовным саном недруга, которого обнаружил коленапреклоненным у алтаря, Ре выволок его из капеллы, велел заковать в цепи и отправил в подземную тюрьму. Скорый на расправу, барон даже не задумался над тем, на кого поднял руку. Ему и в голову не пришло, что его владения сосредоточены, по сути, в одних руках, ибо канцлер и казначей могли быть подставными лицами в финансовых операциях своего феодального сеньора.

Пока епископ разрабатывал дело об оскорблении церкви и исподволь вел расследование ритуального жертвоприношения, герцог потребовал немедленно освободить пленника и очистить отданный в залог замок, грозя наложить крупную пеню. Окончательно утратив ощущение реальности, Жиль не только отказался подчиниться приказу, но даже набросился на герцогского посланника с кулаками. В ответ на столь недвусмысленное оскорбление герцог незамедлительно осадил Тиффож и принудил буяна к сдаче.

Казначеев братец вернулся на прежнее место и принялся составлять жалобу, столь необходимую в задуманной нантским епископом интриге. Отрезвев от пережитого унижения, Жиль де Ре пораскинул мозгами и решил помириться с герцогом. Предварительно посоветовавшись с Прелати и получив на то благосклонное согласие домашнего демона, он отправился в Нант. Хитроумный герцог принял раскаявшегося грешника с нарочитым благодушием, что явилось в глазах безумца лишним доказательством могущества Баррона. Вернувшись домой, Ре с удвоенным рвением принялся за алхимические проказы. В полную силу заработали мехи, небо над Тиффожем вновь заволочло разноцветными дымами. Под их злоеющей завесой опять поползли слухи о том, что хозяин принялся за старое и губит на потребу дьяволу невинных детей. Светские и духовные власти узнали о том с поразительной быстротой. Герцог, однако, только что примирившийся со строптивым вассалом, предпочел временно остаться в тени, предоставив действовать епископу.

Публично обвинив Ре в ереси и непотребстве, Малеструа потребовал созыва церковного суда, на котором представил восемь свидетелей. В основном это были женщины, чьи дети исчезли самым таинственным образом. Никакими доказательствами против Жили свидетели не располагали, но заслуженная им мрачная известность заставляла предполагать самое худшее. Епископ, конечно, сознавал легковесность подобных обвинений, но, придав огласке совершенные или якобы совершенные бароном де Ре злодеяния, он надеялся на то, что объявятся и развяжут языки действительные очевидцы творимых в Тиффоже мерзостей. Однако, вопреки ожиданиям, таких оказалось всего двое, причем их показания были ничуть не

лучше прежних. Прямых улик против маршала-колдуна не было, и добыть их без помощи «доктора Ой-ой» — палача не представлялось возможным. Однако отдать пэра Франции в объятия инквизиторских мясников было не так-то просто. Путь к дыбе лежал через судебную процедуру.

13 сентября 1440 года епископ Малеструа направил Ре судебный вызов, в котором скрупулезно перечислялись все его действительные и мнимые грехи. Маршал явился на суд с гордо поднятой головой, полстью уверенный в том, что сумеет приструнить не в меру резвых обвинителей. Не сомневаясь в конечном успехе, епископ решил действовать напролом и отдал приказ взять под стражу всех приспешников и слуг хозяина замка, а землю вокруг перекопать. Последнее было проще сказать, нежели сделать, но сама весть о том, что ищут останки убиенных детей, произвела на людей сильное впечатление. В виновности Жилия уже никто не сомневался. Дело принимало для него дурной оборот. Вместо того, чтобы заявить через адвоката о своей неподсудности нантскому епископу, маршал Франции попался в ловко расставленную ловушку и в пылу полемики дал согласие прибыть через десять дней на специально назначенное разбирательство, в котором, кроме Малеструа и прокурора, должен был принять участие вице-инквизитор Жан Блонен.

Обвинение не теряло времени зря. Пока самоуверенный барон ожидал назначенного дня, слухи о том, что виновность его уже доказана, распространились по всей Бретани. В резиденцию епископа приходили осмелевшие крестьяне и ремесленники, требуя покарать душегуба. Жилия обложили по всем правилам волчьей охоты. Все новые безутешные матери громогласно обвиняли его в убийстве пропавших без вести сыновей. Добровольных свидетелей собралось так много, что судьи никак не укладывались в ими же отведенный срок. Пришлось отодвинуть сессию на 8 октября. Это ничуть не огорчило Малеструа, который прекрасно понимал, что каждый лишний день теперь льет воду на его мельницу.

Судебное заседание началось при шумном скоплении негодующих толп. Рыдания и вопли безутешных родителей перекрывались проклятиями в адрес злодея и благословениями, обращенными к его обвинителям. И некому было обратить внимание суда на одно досадное упущение: ни в одном из показаний не прозвучало конкретное имя исчезнувшего ребенка, словно безутешные матери начисто позабыли, как звали их незабвенных детей! На фоне общей экзальтации остался совершенно незамеченным и даже не вошел в протокол и запоздалый протест Жилия, сославшегося на неподсудность. Поздно! Божьему суду подвластны не только владетельные сеньоры, но даже венценосные короли, а судьям в Нанте удалось создать атмосферу именно Божьего суда, довести наэлектризованность до высшего предела и свести на нет любые возражения. Жиль де Ре был обречен, хотя понял это лишь в объятиях палача, который с садистским сладострастием принялся выворачивать ему суставы.

Но пока до крайностей не дошло, он держался с присущей ему самоуверенностью и презрительным молчанием отвечал на обращенные к нему вопросы. Однако это не лишило прокурора уверенности, когда он перечислял инкриминируемые обвиняемому деяния, тщательно распределенные по сорока девяти пунктам. Здесь было богохульства и колдовство, оскорбление святынь и священнического сана, сношение с дьяволом и злокозненная ересь. Зато о детоубийстве, которому придавали такое значение до начала процесса, упоминалось теперь как-то вскользь, причем в самом конце обвинительного акта, где перечислялись порочные черты обвиняемого, склонного к противоестественным влечениям, пьянству и кутежам. Получалось, что Жилья де Ре судили совсем не за то, в чем он действительно был как будто виновен. Сто сорок детских жизней легли в одну строку с винопитием!

Напрасно Жиль обзывал судей лжецами и злодеями, напрасно вновь и вновь твердил о своей неподсудности. Вице-инквизитор, перед которым за долгие годы прошли толпы ни в чем, в отличие от сеньора Тиффожа, не повинных людей, видел и не таких героев, и все они в конечном итоге получали свое. Он вообще не обращал внимания на возражения и протесты.

Когда после утомительного для всех перечисления обвинительных пунктов подсудимого спросили, признает ли он себя виновным, а тот разразился в ответ негодующей тирадой, епископ благосклонно кивнул и торжественно произнес формулу, отлучающую прислужника дьявола от церкви.

Жиль сначала не поверил своим ушам, а затем, придя в неистовство, принялся кричать, что не признает юрисдикции церковного суда, ибо вменяемые ему злодеяния являющиеся уголовными, и он требует свидания с королевским прокурором. Перемолотый инквизиционными жерновами, он даже не заметил, что как раз об уголовщине, которая камнем лежала у него на сердце, почти не было речи. Судьи хорошо знали свое дело, введя разбирательство в привычное инквизиционное русло. Они решительно отвергли протест Жилья де Ре, как неосновательный, и дали ему сорок восемь часов, чтобы подготовиться к защите. Разобрав пункты обвинения, прокурор вынес соответствующее заключение о подсудности. Бесчинства в капелле, оскорбление святыни и противоестественные наклонности подлежали суду епископа; все остальное: ересь, алхимия, вызывание дьявола и служение ему — проходило по ведомству инквизиции. Насчет погубленных детей уже никто и не заикался. Да и рыдающие матери куда-то вдруг подевались, и негодующие толпы больше не осаждали тюрьму. Напротив, народ как будто даже сочувствовал попавшему в беду барону, которого знали как доброго и отзывчивого господина.

Когда слушание дела возобновилось, перед судьями предстал совсем другой человек. Стеная и плача, вчерашний надменный пэр рухнул на колени, умоляя снять отлучение. Он покорился суду и просил прощения за проявленную строптивость, изъявляя готов-

ность произнести требуемую присягу. Добровольно признаваясь в совершенных убийствах — сто сорок! — он демонстративно шел навстречу церковному трибуналу. Писец зарегистрировал показание, но суд на нем своего высокого внимания не задержал. Жилю было предложено объясниться по пунктам, относящимся к служению дьяволу.

На какой-то миг в нем пробудился прежний гонор:

— Пусть меня сожгут живым, если кто-нибудь докажет, что я призывал дьявола, заключал с ним договор или приносил ему жертвы!

Инквизитор распорядился огласить показания свидетелей, полученные на закрытом допросе, куда не был допущен даже сам обвиняемый.

Само собой разумеется, показания были составлены по всей форме и полностью уличали Жилю в дьяволопоклонстве. Особенно впечатляюще выглядели обличения приближенных слуг, не поспившихся на сочные подробности. Судя по очевидным даже для инквизиционного суда нелепостям, бедняги явно переусердствовали в очернении своего господина. Впрочем, главное место на процессе отводилось не показаниям челяди, а признаниям одиозного некроманта Прелати и ведьмы Меффрэ, которая якобы поставляла сеньору младенцев для inferнальных экспериментов. Прелати, в частности, представил суду почти протокольную запись проделанных им вместе с обвиняемым магических действий. Можно лишь удивляться тому, что подобный некромант и чернокнижник, сумевший к тому же обзавестись персональным демоном, вышел из когтей инквизиции живым и здоровым. Судьи не хотели отплатить черной неблагодарностью человеку, который помог им сокрушить основного врага. Как только был оглашен приговор по делу сеньора Тиффожа, столь неосмотрительно заложившего свои владения, как Прелати, а вместе с ним и Меффрэ были выпущены на свободу.

На Жилю показания свидетелей произвели гнетущее впечатление. Он окончательно пал духом и не стал отказываться от возведенных на него чудовищных обвинений. Даже Баррона, которого так и не удостоился лицезреть, принял на себя поверженный титан.

Казалось бы, суд, а вместе с ним и пребывающий за кулисами герцог могли трубить победу. Подсудимый целиком и полностью изобличен, и нет препятствий для вынесения ему смертного приговора. Но инквизиционный суд — особый суд. При разборе дел, связанных с пособничеством сатане, у судей всегда остается подозрение, что обвиняемый признался не до конца, что он еще таит в себе нечто исключительно важное, предвкушая скорую смерть как долгожданное избавление.

Именно о таком случае говорится в «Молоте ведьм¹», в разделе, красноречиво озаглавленном «Двадцать второй вопрос о том, каков

---

¹ Законченная в 1487 году инквизитором Генрихом Инститорисом в содружестве с Якобом Шпренгером, эта самая мрачная книга средневековья вобрала в себя весь предшествующий опыт инквизиционных судов.

третий способ произнесения приговора, в частности, против лица, о котором идет худая молва и которое подлежит допросу под пытками».

Этот раздел настолько подходит к делу Жилья де Ре и с такой полнотой вскрывает чудовищно извращенное мышление инквизиторов, что заслуживает пристального внимания.

«Случается, что обвиняемый не может быть уличен ввиду отсутствия или собственного признания, или очевидности преступления, или доказательности показаний свидетелей, или жесткости улик. Возложить на него клятвенное отречение от ереси не представляется возможным. Но показания обвиняемого противоречивы... При таких обстоятельствах возможно решиться на допрос обвиняемого под пытками. Сообразно с этим решением произносится приговор, который и объявляется обвиняемому. При этом указывается, что приговор скоро будет приведен в исполнение. Однако судья не должен с этим торопиться... Если все остальные средства воздействия остались бесплодными, то следует приступить к допросу, применяя умеренные пытки без кровопролития. Но судья знает, что цель пыток зачастую не бывает достигнута. Одни из пытаемых обладают столь слабым характером, что они подтверждают все, что им говорят, и даже ложные сведения подтверждаются ими. Другие же столь упорны, что они, несмотря ни на какие пытки, ни в чем не хотят сознаться. Те, которые уже раньше были пытаемы, выносят пытки лучше, так как они (при поднятии на дыбах) тотчас же вытягивают руки, а потом подгибают их. Хотя есть среди подобных пытаемых и такие, которые оказываются менее выносливыми. Есть и такие, которые с помощью чар выдерживают стойко все пытки. Во время пыток они представляются как бы нечувствительными. Они скорее умрут, чем сознаются. Ввиду этого при пытках надо действовать с величайшим умением и обращать очень много внимания на свойства пытаемого... Если пытка не принудила обвиняемого к признаниям, то судья тут же назначает продолжение пытки на второй или на третий день».

Руководствуясь инструкциями вроде тех, что так подробно разработал потом Инститориис, подгоняемые садистским усердием судьи предложили отдать Жилья де Ре палачам. Напрасно выжатый, как губка, утративший волю человек заверял их в своей готовности признать любые обвинения и принести покаяние. Они не верили или, вернее, делали вид, что не верят в его искренность.

— Разве я не возвел на себя таких преступлений, которых хватило бы, чтобы осудить на смерть две тысячи человек! — воскликнул в отчаянии Жиль. Рыдая и прося молиться за упокой своей пропащей души, проследовал он к виселице. Над городом плыли молитвенные песнопения и похоронный звон.

Когда, согласно приговору, палач затянул петлю и мертвое уже тело швырнули в огонь, прежде столь усердно проклинавшие грешника горожане встали на колени и пролили сочувственную слезу.

Растрогался и герцог, заметно округливший свой майорат. Еще не закончилось расследование, как он поспешил передать владения барона Ре своему сыну, хотя у Жилия был младший брат Рене, которому король разрешил произвести раздел до того, как родовые имения оказались в закладе. Напрасно некоторые историки, а вслед за ними и романисты утверждают, что Жиль де Ре пал жертвой не столько жадности соседей, сколько алчности и вероломства друзей. Жизнь не мозаика, ее нельзя раззять на четко ограниченные фрагменты. Все в ней переплетено в тугие узлы, которые опасно рубить мечом. Ведь после не разберешься в обрывках нитей. Все сложилось против него, включая рыцарскую верность Жанне.

Прошло «всего» 552 года, и Жиль де Ре был оправдан, благодаря инициативе специального комитета, возглавляемого бельгийским писателем Жильбером Пруто.

Были изучены все материалы инквизиционного суда, закладные на земли, завещания, ленные грамоты и прочее. Жильберу Пруто удалось отыскать документы, которые дают основание утверждать: Жиль де Лаваль де Ре во время суда находился в «мистико-алкогольном умопомрачении», вызванном насильным принятием ежедневно пяти литров «ипокраса» (так называлось местное вино крепостью 22 градуса) и трехчасовыми молитвами.

«Это был почти сталинский процесс», — утверждает писатель, который долгие годы пытался восстановить историческую истину в отношении Синея бороды, человека, который стал символом зла и в течение веков был окружен атмосферой мрачного очарования. Решение о реабилитации Жилия де Лавалья, естественно, не будет иметь какой-либо юридической силы. Не сможет оно и развеять давний миф. Герой сказки Шарля Перро и впредь будет появляться на страницах книг и в рассказах нянек и бабушек.

ИМПЕРАТОР — МАГ

Астролог

(повторяя громко тихий подсказ Мефистофеля)

Как золото, нам Солнце свет свой льет;
Меркурий, вестник, за услуги ждет
Награды щедрой; благосклонный нам
Бросает взор Венера по утрам
И вечером; Луны капризен вид;
Марс, хоть бессилен, гибелью грозит;
Юпитер всех ясней всегда сиял;
Сатурн велик, а кажется нам мал.
Хоть как металл он низко оценен,
Но, если взвесить, — полновесен он.
Да, коль сойдутся Солнца Лик с Луной,
Сребро со золотом, — это знак благой!
Все явится, что б пожелать ты мог:
Дворцы, сады, балы, румянец щек;
Ученый муж доставит это вам.
Исполнив то, что невозможно нам.

Император

Всю речь вдвойне как будто слышу я,
А все же трудно убедить меня.

Говор толпы

Что мелет он
На старый тон?
Врет звездочет!
Алхимик врет!
Сто раз слышал!
Напрасно ждал!
Опять и тут
Обманет плут!

Гете «Фауст»

Гениальная сцена, вобравшая в себя все мыслимые коллизии астролого-алхимического действия под сенью императорского балдахина! Заложенный в ней глубинный смысл нуждается в расшифровке, ибо трудно было бы выбрать лучший путеводитель по таинственным лабиринтам алхимии, где в черных «киммерийских тенях» блуждают всевозможные чудища, призраки и скелеты. Планеты и планетные металлы — одно, как едины в своей темной основе алхимия и астрология.

Мало кто знает, что прототипом безымянного героя Гете (он появляется во второй части «Фауста») послужил Рудольф II (1552—1612), знаменитый кайзер-алхимик, чье имя уже мелькало на наших страницах.

Сын императора Максимилиана II и Марии Австрийской, он приходился внуком Карлу V и воспитывался при испанском дворе.

Стоит затронуть коронованных владык, как тебя сразу затягивает в дебри генеалогии, и приходится разбираться, кто кому кем приходится, иначе возникнет масса неясностей и придется объяснять, как тот же Рудольф попал из Эскуриала в Пражский град и при чем тут Венгрия, которую он потеряет.

Поэтому лучше сразу бегло набросать диспозицию.

Карл V (1500—1558), император «Священной Римской империи германского народа» (1519—1556), испанский — под именем Карлоса I — король (1516—1556), происходил из династии Габсбургов. В Священную Римскую или, как ее еще называли, Германскую империю входили немецкие земли, раздробленные на королевства, герцогства, курфюршества, ландграфства, эрцгерцогство Австрия, Чешское королевство и т. д.

Отец Рудольфа Максимилиан (1527—1576) был племянником Карла и тоже провел детство в Испании. В течение своей недолгой, но наполненной распрями и тревожностями жизни он был избран сначала Римским королем, а затем и Чешским, и Венгерским. Немецкие князья, явно тяготевшие к реформации, подали за него свои голоса, когда освободился императорский трон.

Не в пример Карлу V и его сыну Филиппу II, фанатичным католикам, залившим кровью Нидерланды, он склонялся к протестантизму и вообще отличался мягким, уступчивым характером, старался разрешать конфликты мирным путем, предоставил известные свободы австрийцам и чехам, пытался защитить фламандцев от зверств инквизиции. Отец в свое время даже угрожал отнять у него наследственные права. Воинствующие католики прозвали Максимилиана «Вторым Юлианом-отступником». Веры он, однако, не переменил.

Из пяти его сыновей двое — Рудольф и Матвей — получили императорскую корону, а одна из трех дочерей стала королевой Франции. Карл IX, ее супруг, наверняка знаком читателю по романам Дюма-отца и Проспера Мериме, как «герой» Варфоломеевской ночи.

Теперь несколько слов о Филиппе II (1527—1598), опекуне Рудольфа. В 1555 году он заставил отца отречься от трона. Имперская корона от него ускользнула, но осталась Испания, вместе с европейскими владениями (Нидерланды, Милан, Неаполь, Сицилия и Сардиния) и богатейшими заокеанскими колониями.

Карл и Филипп тоже частенько появляются на страницах Дюма, но, пожалуй, самую яркую характеристику дал им Шарль де Костер, уроженец Фламандии. Пепел сожженных пращуров стучал в его сердце.

«Когда Уленшпигель и Сооткин подошли к костру, ворон опустился на плечо Клааса; и они слышали стук его клюва о кости трупа. Тут прилетело и прочее воронье.

Уленшпигель бросился было на костер разогнать воронье, но стражник остановил его:

— Эй, колдун, ты ищешь руки казненного. Но ведь руки сожженного не могут сделать тебя невидимкой? — Невидимкой делают только руки повешенного, каким и ты будешь когда-нибудь.

— Господин стражник, — ответил Уленшпигель, — я не колдун, а осиротевший сын того, кто там висит на столбе, а эта женщина — его вдова. Мы хотим приложиться к его телу и взять на память частицу его праха...

...Дома Сооткин взяла кусочек черного и кусочек красного шелка, сшила мешочек и всыпала в него пепел...

— Пусть этот пепел, который был сердцем моего мужа, в красном, подобно его крови, и в черном, подобно нашей скорби, будет вечно на твоей груди, как пламя мести его палачам.

— Да будет так, — сказал Уленшпигель».

«Тиль Уленшпигель»

Теперь мы можем вернуться к Рудольфу, чьими первыми детскими впечатлениями стали костры на площади Вальядолида, где сжигали ведьм, колдунов и еретиков.

Мрачный садист Филипп перешеголял отца в этом веселом занятии. Маленький Рудольф случайно подслушал разговор слуг, забывших младенческие выходки короля.

Создатель несравненного «Тилия», собирая старинные фламандские легенды, разыскал в архивах множество примечательных документов, включая письма Карла, Филиппа, великих инквизиторов, герцога Альбы. Каждому слову писателя можно верить.

«Возвратившись однажды с похода, император спросил, почему не вышел к нему навстречу сын его, Филипп, с должным приветом.

Архиепископ, воспитатель инфанта, ответил, что принц не захотел выйти, объяснив, что любит только книги и одиночество.

Император осведомился, где находится инфант.

Воспитатель полагал, что принца надо искать в каком-нибудь темном закоулке; так они и сделали.

Они прошли длинную вереницу комнат, пока набрали, наконец, на какой-то чулан без пола, освещаемый только дырой. Здесь они увидели вбитый в землю столб, на котором подвешена была маленькая обезьянка, как-то присланная из Индии в подарок его высочеству, дабы позабавить его ужимками зверька. Внизу дымилась еще тлеющие дрова, и в чулане стоял отвратительный запах жженого волоса.

Зверек так страдал, издыхая на огне, что его маленькое тельце ничем не напоминало некогда живое существо...»

В Испании мне удалось, чисто случайно, найти документальное подтверждение этому мерзкому эпизоду биографии католического короля.

И Карлос Испанский, и Карл IX Французский, и Филипп, не говоря уже о Рудольфе, — «наши люди». Мы не раз еще встретим их имена.

Как и Филипп, фактически заменивший ему отца, но всегда отчужденный, ушедший в себя, принц Рудольф тоже любил книги и одиночество, а еще — картины, статуи, монеты, медали и знал в этом толк. Был тонким ценителем музыки, разбирался в архитектуре, интуитивно постигая божественные пропорции и готики, и барокко. Струны его души словно откликнулись на долетавшие из беспредельного далека звуки. Он улавливал гармонию сфер в красках и мраморе, бронзовом литье и перекрестье нервюр¹.

Божественная красота человеческого тела открывалась ему в статуях обнаженных античных богинь и закованных в латы кондотьеров, восседающих на тяжеловесных конях, но живые полнокровные люди вызывали противоречивое чувство. Недоверчивый и подозрительный, подверженный приступам беспросветной тоски, он сторонился людей. Даже пражского обер-бургграфа Урсина Розенберга допускал до себя лишь в силу необходимости и с величайшей неохотой.

Выпадали дни, когда он вообще затворялся во внутренних покаях и, отгородясь от двора и мира, предавался черной меланхолии: то истово молился, простаивая ночи напролет на коленях перед чудотворной иконой Божьей матери, то в остервенении грыз ногти, пытаясь разобраться в хитросплетениях колдовских книг. Напрасно обеспокоенный гофмаршал и удрученный государственными делами казначей томилась у запертых створок аудиенц-зала. Пышно разодетые алебардисты, получившие приказ никого не впускать, стояли, как изваяния, неумолимо скрестив древки. Пока Рудольф беседовал с заезжими некромантами и каббалистами или бил поклоны перед образами в золоченых рамах, государственные дела могли подождать.

Неудовлетворенная тоскующая душа оживлялась в общении с мастерами резца и кисти. С неподдельным увлечением Рудольф рассматривал наброски и чертежи, вникая в мелочи, замечая неточности и огрехи, давал пояснения, порой и сам хватался за уголь, чтобы двумя-тремя небрежными штрихами запечатлеть явившийся, как озарение, образ.

И его понимали. Император по праву слыл тонким ценителем и щедрым меценатом. На вещи, ласкавшие воображение, когда сердце сжимала тревога и сладкая боль, он не жалел денег.

В Праге мне довелось ознакомиться с инвентарным списком, составленным императорским антикваром Даниэлем Фрешлем. Экспонаты коллекции разбиты на три раздела: натуралия (природные объекты), артификалия (художественные произведения) и сциентифика (научные приборы и инструменты).

Этот весьма длинный перечень, охватывающий 1607—1611 годы, является убедительнейшим свидетельством вкуса, глубоких знаний и дальновидности Рудольфа Габсбурга. Его собрание отра-

¹ Вертикальные ребра колонн.

жает не только дивное многообразие мира, но и его систему, единство, внутреннюю связь всего со всем. Эти слегка пожелтевшие листы, исписанные изысканной каллиграфией, и сейчас, почти через четыре века, насыщены какой-то электрической силой. Оно передается, это странное наваждение, это стремление к беспредельному, эта духовная жажда любой ценой обрести ключ к надмирной гармонии.

Откуда такое у воспитанника иезуитов? У инфанта, которого вымуштровал изувер Филипп? Сказалось все: литургии и книги, сумрачный этикет самого чопорного в Европе двора и солнечный искрометный испанский гений.

Книги и открыли ему дорогу в удивительный мир трансмутаций. Сделавшись ярым адептом Искусства, Рудольф жил в постоянном ощущении близости озарения, но оно все не наступало. Его кипучая деятельность в таинственной области трансмутаций уже стоила казне столько, что никакое алхимическое золото не смогло бы восполнить потерь. Даже если бы удалось обратиться в чистопробный металл все запасы свинца в пражском арсенале.

Педантичный и точный, он, увлекшись чтением или работой в лаборатории, забывал о назначенной аудиенции. Напомнить о себе никто не решался. Даже папский легат кардинал Маласпина вынужден был терпеливо ждать. Об астрологе Тихо де Браге и лейб-медице Тадеуше фон Гаск и говорить не приходится.

Как-то другой врач, имперский граф Михаэль Майер раздобыл манускрипт чернокнижника IV века Зосимы Панополитана. Граф отдал редкую книгу переплетчику и в день святого Рудольфа преподнес императору.

«Я видел жреца, стоящего перед престолом, имевшим форму чаши и с многочисленными ступенями. Жрец изрек: «Я жрец святилища и нахожусь под гнетом мощи, которая меня отягощает. На рассвете пришел слуга, который схватил меня, убил мечом, разделил меня на куски. Содрал кожу с моей головы, он смешал кости с мясом и прокалил меня на огне, чтобы внушить мне ту истину, что дух распадается вместе с телом. Вот мощь, которая меня отягощает». Пока жрец так говорил, глаза его налились кровью. Окончив, он разорвал на куски собственное тело. Я видел, как он убивал самого себя, грызя себя зубами, и упал на землю. Охваченный ужасом, я проснулся и принялся размышлять над виденным, спрашивая, это ли истинный состав воды».

Пытаясь разгадать аллегория, император вдруг вспомнил свои детские сны, изнурительные кошмары, одолевавшие его в пору раннего созревания. Сколько раз он вот так же умирал, терзаемый палачами в остроконечных колпаках, но из окровавленной плоти вновь возникало тело, подобно материи, преобразенной в купели трансмутаций.

«Дух распадается вместе с телом!» Он хорошо помнил эти слова. Они пришли из тех снов, наполненных неизбежным страданием, омытых слезами и потом пробужденной похоти.

В покрытой черным лаком исповедальне, где каждая жердочка была выточена из драгоценного ливанского кедра, вкрадчивый духовник тщился выпытать постыдную тайну, смутившую чувствительную душу инфанта, но вместо того, чтобы выложить свои маленькие грехи, ребенок затеял чуть ли не богословский диспут. Его, оказывается, волнует каверзный вопрос, в каком виде праведник предстанет перед Господом. Сомнения, как удалось дознаться, проистекали из неразборчивости в чтении. Отправным пунктом послужили схоластические вопросы Хулиана, архиепископа Толедского: «В каком возрасте умершие воскреснут? Воскреснут ли они детьми, юношами, зрелыми мужчинами или старцами? В каком облике они воскреснут и с каким телесным устройством? Сделаются ли жирные при жизни снова жирными или худощавыми? Будут ли существовать в той жизни половые различия? Приобретут ли воскресшие снова потерянные ими здесь, на земле, ногти и волосы?»

Заметив в принце предрасположенность к мистицизму, иезуиты развили ее, доведя до опасной грани истерии. Фанатично преданный идеалам самого крайнего католицизма, он все глубже погружался в темный омут духовидения, становясь послушной куклой в руках первого попавшегося шарлатана. Невзирая на преследования, в Испании еще оставалось достаточно астрологов и кабалистов, чтобы просветить любознательного принца. Перед ним приоткрылась завеса в заманчивый мир превращений. Все казалось таким достижимым: слава, неограниченное могущество, вечная жизнь, но не на небе, а здесь, на земле. Призраки адского пламени и цепенящий ужас перед неумолимо приближающейся кончиной всецело овладевали его потрясенной душой. Эту свинцовую — металл Сатурна! — тяжесть он пронес через всю жизнь: от Вальядолида до Праги.

Сколь часто, восстав среди ночи с тревожно колотящимся сердцем, Рудольф вместо того, чтобы спуститься в капеллу, бросался в темную галерею и припадал губами к алтарному лаку, смутно различимому в настороженной мгле. Как хотелось верить, что святая Мадонна, встречающая волхвов на пороге хлева, поможет излить тяжкое бремя в благодарных слезах. Эту алтарную композицию он ставил на первое место среди собранных им работ несравненного Мейстера Теодорика. Как он раньше не замечал этих скорбных всепрощающих очей Непорочной! Как мог, равнодушно скользнув взглядом, проходить мимо... Но вопреки всему, окрашенное дерево оставалось безответно холодным. Суетная мысль разъедала экстатическую наивность порыва, бросавшего римского императора на колени перед мертвой доской.

Что-то мешало самозабвению, не давало молиться. Глухая угроза ощущалась в нервюрах крестового свода, ледяное дыхание дуло в затылок, безысходность обступала со всех сторон.

В простенках между опорными столбами, к которым были приставлены железные истуканы с опущенным забралом, висели десят-

ки картин, изображавших святое семейство, терзаемых великому-чеников, полный ангельский чин. Но ни одна из них в сущности ему, Рудольфу, уже не принадлежала. Он должен исчезнуть без следа, а они останутся висеть на своих крюках, рядом с пустыми латами, где по стальной черни проложен золотой толедский узор. Ничего не возьмешь с собой!

Вот «Святое семейство с ангелами и святыми Барбарой и Катериной» кисти Йозефа Гейнца. Золотых кубков и мечей современной работы никак не могло оказаться тогда в Вифлееме, но тем явственнее ощущается магическое дуновение вневременности. «Поклонение трех волхвов» — полихромный рельеф Адриана де Вриса. Рудольф приобрел все его работы последних лет. Составился почти полный олимпийский пантеон в изысканной бронзе. По императорскому заказу Бартоломей Шпрангер написал «Святого Себастьяна». Привязанный к дереву и пронзенный стрелами, мученик умирает с улыбкой на устах. Радость со страданием пополам. Сомнение и вера. Как это созвучно душе!

Сколько собрал он бесценных полотен, подписанных именами прославленных мастеров — немцев, итальянцев, испанцев, фламандцев. Сколько денег потратил, комплектуя мюнц-кабинет, где представлены лучшие образцы монетной чеканки. И, спрашивается, зачем? Чтобы все это досталось ненавистному брату Матвею, который и без того успел отобрать у него, императора, наследственные австрийские земли, Венгерское королевство, маркграфство Моравию?..

«Да ведь и Матвею ничего не дано удержать», — поспешно подсказало угнетенное воображение. На смену ему придет новый эрцгерцог, до коего Рудольфу нет ни малейшего касательства, и разом присвоит себе все достояние: земли, селения, этот веками строившийся Град, где собрана утонченная роскошь картины, статуи, золотые медали, инструменты для вычисления положений светил... Словом, решительно все, без остатка. Заберет и не вспомнит. Даже отзвука благодарности не ощутит, самоуверенный наглец. В чем-в чем, а в солдафонах-эрцгерцогах дом Габсбургов никогда не испытывал недостатка. И, как ни странно становилось обидно уже за Матвея. Что-то подсказывало Рудольфу, что брат не долго будет распоряжаться его добром.

Перед глазами возникла золоченая латунь небесной сферы, сверкающий обруч меридиануса высветился с явственной осязаемостью до последнего завитка гравировки. Прибор изготовил по чертежу императора Эразм Габермел. Вселенная, расчисленная на градусы и минуты, таинство демиурга, запечатленное в кольцах эклиптики и экватора, пересекшихся в захватывающем дух крене.

Все уйдет: мир и эта музыка сфер, звучащая в сердце.

О том, где будет он, император, что произойдет с ним самим, когда свершится непостижимая ему перемена, и думать нельзя было без содроганий. Нетопыринные крылья, крокодильи пасти, чешуйчатые кольца огнедышащих гадов — все то, что так щедро

рассыпала на холстах и досках фантазия, было лишь бледной тенью истинных ужасов. Пылающее жерло ада, как изобразил Гейнц в «Страшном суде»? Смуглые темнокожие демоны с мохнатыми ногами сатиров? Архангел с раскаленным мечом? Голые тела, изломанные мукой? Нет, нет и нет!

Даже представить себе нельзя леденящие кровь провалы, где стынет закрученный губительным смерчем туман. Круговращение вечности. Ничто не просвечивает сквозь мятущиеся вихри: ни клочущая лава, ни мертвенный потусторонний огонь. Не будет ни котлов с кипящей смолой, ни зазубренных пил, ни колес с расчлененными трупами и смердящих виселиц. Вещи, которые повсеместно встречаются на земле, слишком ничтожны, чтобы заполнить собою вечность. То, что скрывается, чему и названия нет, должно выглядеть неизмеримо ужасней. И оно будет длиться всегда, без конца и начала, пока не прозвучит труба и не разверзнутся могилы и все мертвецы, сколько их лежит в земле, не восстанут, подняв крышки поваленных гробов.

Можно ли считать некромантию и чернокнижье смертным грехом? Кардинал Маласпина, не осуждая алхимические искания императора, уклончив в этом вопросе. Ведь и римские первосвященники держат при себе астрологов и кабалистов, пытаюсь раздвинуть завесы грядущего. Важны не средства, а конечная цель. Посвятив себя священной борьбе за повсеместное торжество католической веры, Рудольф смел уповать на милость неба. Разве духовники не отпускали ему грехи после каждой исповеди? Но гнетущее предчувствие непоправимости происходящего с ним губительного процесса не давало успокоения. Все труды, все надежды шли прахом. Невольно закрадывались сомнения насчет цели Всевышнего по отношению к роду людскому.

Филипп Испанский с детства готовился сжигать людей. Сначала истреблял мух и бабочек, потом терзал несчастных кошек, а под конец устроил аутодафе для любимой обезьянки. Наследовав Карлу V он развернул широкую охоту за протестантами во всех подвластных ему провинциях. Мужчин и женщин бросали в огонь сотнями, тысячами, вместе с детьми. Но вопреки всем усилиям, во Фландрии восторжествовала реформация. Неужели так было угодно Богу?

Венгерскую корону — стемму святого Стефана — Рудольф получил в тот самый достопамятный 1572 год, когда Карл IX в ночь на 24 августа перебил тысячи гугенотов, но ведь не всех! Никто и помыслить не мог, что на престол христианнейших венценосцев взойдет вчерашний гугенот!

В 1575 году, сделавшись королем Римским и Чешским, наследник Габсбургов столкнулся с упорным противодействием чехов-лютеран, а спустя еще год, уже как император Священной Римской империи, с прискорбием обнаружил, что и в немецких землях полным-полно реформаторов. В иных городах Венгрии, Богемии и даже самой Австрии последователи еретика Лютера

составляли более половины жителей. И, нимало не стыдясь собственной скверны, благоденствовали и плодили новых еретиков. Сколько владетельных князей перешло в лютеранство. И с этим приходилось считаться.

Попытка малость потеснить раскольников кончилась для апостолического величества весьма плачевно. После упорной войны 1604—1606 годов Венгрия отвоевала политическую и религиозную свободу. Часть королевства святого Стефана вообще отпала от Габсбургской короны. Ободренные этим успехом, не замедлили восстать и терпеливые чехи, которых император по наивности считал самым законопослушным народом. Под грохот бомбард и пищалей под окнами они вынудили его скрепить своей подписью «Грамоту величества», дарующую свободу вероисповеданий.

Ни о каких праздниках с поджариванием богоотступников в разрисованном пляшущими чертями санбенито, что повсеместно происходили в Испании, нечего было и мечтать. Тем более, что на защиту еретиков встали местные власти. Этим поспешил воспользоваться Матвей, который, заручившись поддержкой семейного совета, начал исподволь подыгрывать обнаглевшей черни, суля ей всяческие послабления. Рудольфа едва не хватил удар, когда он узнал, что ему придется уступить коронные марки в Верхней и Нижней Австрии. Каринтия, Штирия, Крайна! Он словно ножом откромсал их от своего кровоточащего тела. Дожить до того, чтобы на шестидесятом году подвергнуться форменному четвертованию! Печальная участь. И где-то в облачных кружевах уже занесен меч для завершающего удара. Сама мысль, что придется расстаться с последним, вызывала обморочное головокружение.

Как любил он дремотный и ласковый город, опочивший за плавным извивом реки! Как страшился утратить мистическую связь с затаенным молчанием его сумрачных башен. Мосты, монастырские крыши, золотые решетки, платаны — каждый штрих, каждый абрис вещим знаком ложился в неохватный прочтенью узор. Ни звук, ни краска — ничто не существовало отдельно. Медная прозелень куполов, как слезы, стекала на стены, и вечность плутала в узких запутанных улочках, и тщетно искала свое отражение в зеркалах запруд. Хлюпая замшелыми ковшами, скрипели мельничные колеса, сбившись со счета, переливали века. И всякая нота ложилась в ей одной предназначенный ряд, рождая мелодию, чья власть беспредельна.

Шла на убыль короткая летняя ночь. За окнами, в уныло рачтававшейся мгле уже мерещилась громада собора. Рудольфу, пережившему однажды шквал в Бискайском заливе, показалось, что его потерявшую мачту и паруса каравеллу снова несет на встающий из яростной пены утес.

Неужели всевидящее око в лучезарном треугольнике окончательно померкло для него? За грехи, за гордыню, за дерзновенное стремление приподнять несказанный покров. И ничего нельзя предотвратить, и нужно терпеть из последних сил, истекая кровью души.

В сумраке лестничной арки белела богатырского вида фигура в плаще, ниспадавшем широкими складками. От скреплявшей его на плече фибулы струилось голубоватое мерцание, высвечивая бородастое лицо и схваченные обручем волнистые кудри. И чем пристальнее вглядывался в дерзкого незнакомца застигнутый врасплох император, тем яснее прорисовывались черты. Сомнений быть не могло: перед ним стоял, опираясь о меч, кайзер Рудольф, чей прах вот уже четыре сотни лет покоился в фамильном склепе.

— Не веришь своим глазам, щенок? — не разжимая каменных губ, молвил суровый воитель. — Да, я тот самый, что оставил тебе в наследство коронные земли, отнятые у богемских Пржемысловичей... Славно же ты ими распорядился, нечего сказать! — прикрикнул он голосом Филиппа Испанского и, звякнув шпорами, поманил за собой.

Рудольф II чуть ли не на цыпочках покорно последовал за Рудольфом I, сошедшим с портрета. Потусторонние ветры раздували белый плащ за спиной свирепого пращура.

Позади оставались галереи и переходы, гудели ступени под мочуей пятой, мелькали темные зеркала. Не чуя ног под собой, дрожащий наследник успел заметить, что его проводник никак не отражался в стекле, а сам он, помолодев на много лет, принял забытый облик маленького кронпринца, что летел, смешно покачиваясь на тоненьких ножках, в черном испанском костюме с цепью Золотого Руна на груди. И недоставало духа хоть на мгновение остановиться, и жутко было оторвать взгляд от алебастрового сава-на впереди. Открылись витые аркады лестницы Всадников, за ней спальня Владислава и, после очередного спуска, — древняя кладка романского дворца под Владиславовым залом, а дальше опять зарыбили ступени, крестовые своды с лотарингским львом и звездой Вифлеема, анфилада парадных покоев в заброшенном Людвиковском крыле.

И только тут, едва отдышавшись от стремительной гонки, Рудольф II догадался, что перед ними раскрываются замурованные ходы. Ранее он даже не подозревал, что во дворце столько всяческих закоулков, и мог поклясться, что с трудом узнает большую часть помещений. О подземельях, где в зарешеченных нишах вперемешку с костями валялся ржавый железный хлам, он даже не подозревал.

— Куда мы так мчимся? — спросил, вернее, подумал он, опасаясь, что призрак ведет его прямехонько в ад.

И, словно в подтверждение ужасной догадки, далеко впереди затеплился огонек. Не успел впечатлительный император потерять сознание, как очутился в освещенном свечным огарком подвале, в котором узнал крипту под собором Святого Вита, где покоились каменные гробы королей. Значит, напрасно заподозрил он предка в дурных намерениях. Вместо преисподней старый вояка привел в святое место, открыв тайные переходы. О том, что Рудольф I упокоился в Инсбруке, задолго до того, как был начат постройкой

собор, император, лишенный империи, даже не вспомнил. Ведь со смертью спадают завесы, развязываются узлы.

Саркофаги стояли на вмурованных в фундамент грубо обтесанных глыбах. На одной из них, застланной малиновым бархатом, лежала знакомая корона с державой. Единственный огонек множился в гранях драгоценных камней, и жаркие блики, перебегая по золотым обручам, дрожали в чеканных рельефах и мертвенный жемчуг наливался теплом.

— Это мои королевские регалии! — преисполняясь гордыни, хотел воскликнуть Рудольф II.

— Были твои. Теперь они возвращаются к ним, — Рудольф I опустил могучий кулак на ближайшую крышку, и подземный колодец наполнился угрожающим гулом. Не только тесные стены, но и потаенные недра откликнулись на этот загробный рокот негодующей дрожью кварцевых жил. — Для тебя нигде не осталось места, — белый рыцарь легко читал невысказанное. — Все переходит к Матвею: Вена, Прага, Тироль, — прощально и даже как бы с сочувствием прошептал он, задувая свечу.

Вместе с мраком в подземелье ворвался отравленный тлением вихрь, отдающий фитильным угаром, и погасил сознание. Уносясь в звездную бесконечность, император силился понять, что означал тот истекший восковыми слезами огарок, но не успел, ибо его бестелесная сущность растворилась в пространстве.

Дух нехотя возвратился под обветшалую кровлю, когда лейб-медик Гаек отворил кровь. С помощью чудодейственных капель и бальзамических мазей больного удалось привести в сознание.

— Что со мной? — неповинуящимся языком спросил Рудольф, ощущая в левой половине лица леденящую скованность. — Где я?

— Вы у себя в опочивальне, ваше величество. — Из-за полога бесшумно выдвинулся граф Майер. — Нет ни малейшей причины для беспокойства. Не правда ли, досточтимый доктор Гаек?

Лейб-медик слегка вздрогнул, но до ответа не снизошел, занятый своими притираниями. Положение было критическое. Теплота крови, судя по цвету и густоте, определенно превысила третью степень и приближалась к наивысшему «обжигающему» пределу.

— Поднимите меня, я хочу сесть, — слабым голосом попросил Рудольф. — Это вы, Кеплер? — Он увидел стоявшего в отдалении астронома. — Исправили гороскоп?

Иоганн Кеплер подавил вздох. Он явился в Бельведер, намереваясь поднести императору свои астрономические таблицы, которые назвал «Рудольфовыми». Ни о каком исправлении и речи не было в их последнюю встречу. Застав переполошенных врачей и придворных, собрался было уйти, но Майер на всякий случай его удержал. Пришлось придумывать на ходу.

— Сатурн в третьем доме, Луна и Юпитер в доме здоровья, — не дрогнув ни единым мускулом, сообщил он. — Я только что вновь проверил гороскоп его величества. День святого Рудольфа император встретит в охотничьем костюме.

— Еще минута, и вы скажете, сколько ответвлений насчитывают рога оленя, которого подстрелит его величество на охоте, — неприязненно повел плечом лейб-медик.

— Я весь в крови? — Рудольф, к которому понемногу возвращалась подвижность, приподнял голову, но, увидев забрызганную рубашку, в изнеможении откинулся на подушки.

Обработав невидимые точки, влияющие на теплоту и сухость внутренних жидкостей организма, Гаек дал больному снотворное. Все, что было в человеческих силах, он сделал. Остальное зависело от природы и провидения, одухотворяющего каждый ее атом. Судя по состоянию, в котором пребывал император, когда перепуганный камергер обнаружил его без признаков жизни на холодном полу картинной галереи, особых надежд на долголетие питать не приходилось. Ангел смерти подал первый предупреждающий знак. Если припадок повторится, то уже к Рождеству пражские колокольни будут трезвонить в честь нового короля. Впрочем, как знать: Рудольфу везло. Далеко не всякому государю удавалось дожить до столь почтенного возраста. Во Франции, например, короли мерли, как мухи. Карл IX — от яда, которым, как потом выяснилось, была пропитана каждая страница любимой книги, Генрих III и Генрих IV — от кинжала наемных убийц.

По случаю счастливого выздоровления императора в соборе Святого Вита отслужили благодарственную обедню. Пышная процессия, миновав статую святого Георгия, поражающего дракона, приблизилась к Золотым дверям собора, увитым по такому случаю гирляндами алых роз.

Чинно пригнув головы, вступали высшие сановники империи в густую тень портала. Все скамьи, кроме передних, обозначенных красным шнуром, были заполнены нарядными дамами и кавалерами. Рудольф поднялся на королевское место, престарелый архиепископ поправил усыпанную жемчугом митру, и служба началась.

Над кружевом прилепившихся к исполинским колоннам витых лестниц, над крылатыми ангелами, над гербами усопших и вензелями решеток заплескали ритмичные волны органа. Трепетали сердца, наполняясь грустью надежды и всепрощения, созвучно протяжным каденциям мерцали лампы в капеллах. Ароматы курений пощипывали ноздри и благодарные слезы шекотали глаза.

В удручающем одиночестве возвышался апостолический кайзер над людьми и мраморными изваяниями королевской гробницы. Отделенный от мирской суеты балюстрадой балкона, еще при жизни вознесенный к горним высям, изливавшим сквозь витражные окна беспощадный, немислимый свет. Но непонятная тоска притягивала Рудольфа к тяжелой бронзе склепов, вмурованных в стены и пол. Не давая воспарить на восходящих потоках мелодии, что-то помнило в нем о нисхождении туда, в ярусы преисподней. А ведь приближалась полоса сплошных празднеств и так хотелось думать о благостном, светлом...

Орденским братствам францисканцев, доминиканцев и премонстратов были переданы богатые пожертвования, окончательно опустошившие казну. Настоятель собора получил из рук императорского духовника драгоценную раку, на которую пошло сорок марок золота и двести тридцать восемь каратов бриллиантов. Для раздачи милостыни был приготовлен бочонок серебряных грошей. Но пылали над Золотыми воротами храма адские котлы и трубы сзывали мертвых на страшный суд.

МАГИ ИМПЕРАТОРА

На свете есть одна страна,
Где службы служит Сатана.
Он настоятель не простой.
Он прочь откинул крест святого.
И выкинул бесценные
Писания священные.
Пусть кто-то думает из вас,
Что небылица сей рассказ.
Но на земле, поверьте,
Есть пострашнее черти.
И каждый может в них узнать
Прелатов, княжескую знать.

Томас Мурнер. «Сатана-настоятель»

Пускай вселенная полна
Исчадиями ада, нас не поглотит Сатана
Не нам бояться надо.

Мартин Лютер

1

«Видение кайзером Рудольфом II кайзера Рудольфа I» — одна из многих легенд «Рудольфинской Праги». Запечатленную на гравюре сцену «встречи двух императоров» не удалось подтвердить документальными свидетельствами. До сих пор жалею, что не хватило денег купить этот раритет в лавке на «Золотой улочке», возле собора святого Вита. В здешних крошечных домиках, сохранившихся с тех самых времен, обитали, как гласит молва, алхимики, наводнившие Прагу. На самом же деле, тут жили охранники и низшая прислуга, что ничуть не умаляет прелести дивного уголка, овеянного ароматом неповторимой эпохи.

К «королю адептов и адепту королей» со всех концов света стекались звездочеты и одержимые священным безумием искатели философского камня, прорицатели, чудотворцы. Среди отъявленных шулеров и жалких фокусников попадались и люди во всех отношениях замечательные. Одни спасались от преследований инквизиции, другие и впрямь жили надеждой совершить «Великое деяние», прочих гнала нужда.

И все так или иначе находили приют в Праге и могли заработать грош-другой на корку хлеба и кружку доброго пива. Прага — мистический город, где тайные нити истории сплелись в дивное кружево. Стоит взглянуть с Карлова моста на зеркало Влтавы-Молдавы, пройти через Кампу на Малу Страну, а затем вернуться назад, в Юзефов, чтоб надолго застыть перед циферблатом Майзеловой си-нагоги, где стрелка бежит против хода времени, и вы околдованы.

«Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» (Б. Пастернак)

Нет равного ватиканскому Святому Петру, неповторима парижская Нотр-Дам, а только собор Святого Вита в Пражском граде особенно близок сердцу. И все, что вокруг — Лорета, увитые виноградом аркады, мощеные площади, стены монастырей. И все, что внизу — дворцы имперских князей, винные погребки, террасы с горшками герани, лестницы.

Люблю фигуры на мосту и аспидную брусчатку с мальтийским крестом, выложенным белым, и церковь с тем же универсальным знаком о восьми вселенских концах. Церковь Девы Марии под Цепью, построенная в XII веке, помнит гордых госпитальеров, не познавших еще горечи поражения. Разве не удивительно? Никогда не забуду дом Солнца и дом Луны, готику старо-новой синагоги и надгробья, сорванные с могил, астрологические часы со скелетом, звонящим в колокол, и солнечные часы в иезуитском Клементинуме. Проклятый Рыцарь, просыпаясь раз в сто лет, стережет заплывавшее в кривоколенных закоулочках время.

Всюду мерещатся тени моих непрожитых жизней: кабачок палача «под Зеленой лягушкой», дом Фауста, откуда вылетел черт, таверна «Златый гад» со змеем в алхимической позолоте. Краешком памяти знаю, что никогда не бывал Иоганн Фауст в том заколдованном доме с дырявой крышей, а жил там Тихо де Браге, но одно дополняет другое. В церкви Девы Марии, у Тына на Старом Месте, плита из красного мрамора хранит прах Рыцаря-астронома. Коричневой патиной бронзовеет рельефный образ его. Он стоит в полном стальном уборе, одной рукой опираясь на глобус, другой сжимая рукоятку меча.

Спасибо, Прага! Твои астрономы, кабалисты, госпитальеры, алхимики стали моими героями. И все, все напоминает о Рудольфе, раздираемом вечной борьбой света и тьмы.

Пражский Град. Ворота Матиаса, как чехи зовут Матвея. Они созданы по образцу триумфальных арок имперского Рима. Идея принадлежала Рудольфу, он своей рукой вносил добавления в чертежи несравненного Джованни Филиппи, но первый камень лег через год после его смерти, при Матиасе.

Императорские конюшни. Капелла святого Роха на Страгове в виде латинского креста о восьми концах и церковь Святой Троицы на Малой Стране — шедевр зарождающегося барокко!

Она все еще звучит, музыка сфер, соединяя круги небес с кругами Дантова ада.

Где-то там, в десятом рве восьмого круга, стонут тени алхимиков Гриффолينو и Капоккьо.

Божественный флорентиец был слишком суров к прошельгам-фальшивомонетчикам. Жизнь показала, что подделка благородных металлов — не самый смертный из возможных грехов.

Близость двора и католических соборов, с их устремленными в небо шпилями, мощными контрфорсами и легкими, летящими в небо аркбутанами, наверное, порядком смущала незадачливых чер-

нокнижников. Но нашествие ловких мастеров на все руки, надо думать, не слишком раздражало клириков и прихожан. Практичные немцы и добродушные чехи предпочитали усилить действие чудотворной молитвы не менее чудодейственным снадобьем, а ежели это не помогало, с удвоенным рвением прибегали к спасительным обрядкам матери-церкви.

Так или иначе, но разновесный талер иногда перепал в тощий алхимический кошель, и, если бы не снедающая сердце честолюбивая жажда свершить «Великое деяние», скромный изготовитель лекарств мог бы рассчитывать на устойчивый доход. Но деньги, в полном смысле слова, вылетали в трубу, потому что большинство герметистов свято верили в возвышенные цели Искусства. Тем более, что сам кайзер покровительствовал герметическим изысканиям.

Пражанин Густав Мейринк, зачарованный волшебной эманацией имперской столицы, где некогда пересекались потаенные тропы европейского средневековья, воспел рудольфинскую эпоху в романах «Голем» и «Вальпургиева ночь». Проникновенный знаток и вдохновенный ценитель герметических учений, он глубоко разбирался в астрологии и кабале, тибетской и тамплиерской мистике, розенкрейцерстве и друидизме. В алхимически зашифрованном, иначе не назовешь, романе «Ангел западного окна» он уделил немало ярких страниц императору Рудольфу.

«В последний раз мы с Келли осуществили проекцию и порешили к алой пудре не прикасаться, а на скудные запасы полученного золота как можно скорее покинуть Англию и отправиться в Богемию, к императору Рудольфу, знаменитому адепту королевского искусства...»

Рассказ о поездке в «Мекку алхимиков» ведется от лица Джона Ди (1527—1608). «Проекция», которую он якобы произвел вместе с Эдвардом Келли (1553—1597), собратом по «королевскому искусству», означает не что иное, как «облагораживание» металла с помощью философского камня («алая пудра»), превращение свинца в золото. Английские артисты (от Arts — Искусство), искусники ведут таинственные беседы с такими людьми, как Тихо де Браге (1546—1601), Иоганн Кеплер (1571—1630), Джордано Бруно (1548—1600).

Сопоставив даты, мы приходим к неизбежному выводу, что оказаться все вместе в Праге они могли не позднее 1597 (смерть Келли) и никак не ранее 1600 года, когда Кеплера пригласил приехать сюда Браге, нуждавшийся в помощнике для обработки наблюдений. Бруно, если он вообще когда-нибудь посещал Богемию, уже находился в то время в Риме, в инквизиционном застенке.

Короче, несовпадение налицо. Стоило ли приносить правду истории в жертву легендам, несмотря на все их обаяние? Еще как стоило! Сведения о Бруно, Кеплере, Браге можно найти в любом энциклопедическом словаре. Но что мы знаем о сокровенных исканиях великих подвижников и страстотерпцев науки? О тех сверх-

идеях, что одухотворяли эпохи, приводя в действие могучие подспудные силы? Кто подтолкнул Колумба на поиски Нового Света, Доктора Ди — полюса? Откуда вообще взялись секретные карты Земли и неба, с их неведомыми мирами, которые еще предстояло открыть!

К началу XVII века оформился «внутренний круг» посвященных, объединивший вне зависимости от школы, политической ориентации, вероисповедания, людей духа. Сами того не ведая, они образовали невидимое братство — орден без главенства и иерархии. Мейринк руководствовался правдой искусства, магической, не подвластной диктату времени.

В эпизоде с гороскопом Валленштейна Кеплер предстал перед нами уже на закате жизни. Перенесемся на три десятилетия назад, в пору его становления, и проследим основные вехи.

Гениальный астроном заслуживает особого внимания, тем более, что это добавит несколько живописных мазков к портрету Рудольфа, которого обычно рисуют свихнувшимся чернокнижником. Это не верно: император покровительствовал не только герметическим наукам, но живо интересовался математикой и всем, что касалось природоведения.

Кеплер родился в городке Вейле, близ Штутгарта, в обедневшей дворянской семье. Поступив на факультет теологии, он вскоре увлекся астрономией, решив, что «прославлять Бога можно не только богословием». Подобный образ мысли вполне отвечал духу раннего реформаторства. Переехав в Грац, где занял место преподавателя, молодой астроном написал свою первую работу, в которой удивительная смелость и раскованность мысли сочеталась с фантастикой, что сегодня могли бы смело назвать научной. Ради хлеба насущного он вынужден был составлять гороскопы и календари, а гонения на протестантов заставляли постоянно менять место. Как ни странно, в Грац его пригласили иезуиты. Прагматичные и гибкие, они умели смотреть далеко вперед. Заявив о себе, как о яром последователе гелиоцентрической системы, что было отнюдь не безопасно — вспомним костер Джордано Бруно, — Кеплер четко сформулировал главную цель: найти истинную гармонию планетного мира, установить закон, связывающий его воедино. Разве не та же мысль вдохновляла Рудольфа? Каждому свое: император избрал путь мистического озарения, преосуществления в процессе алхимических трансмутаций, астроном — математику. Где-то они должны были пересечься. За приглашением Тихо де Браге стояла судьба.

Реформатор практической астрономии тоже отдал дань постановке генитур, но это не отвлекало его от главного. В построенной им в 1576 году обсерватории «Ураниборг» он свыше двадцати лет вел определения положений светил с наивысшей для своего времени точностью. Ему удалось открыть два неравенства в движении Луны, доказать, что кометы являются небесными телами, составить каталог звезд и таблицы рефракции. Но он старел.

«Подмастерье» нужен был позарез. После долгого размышления, «звездный рыцарь» остановил свой выбор на Кеплере и не обманулся. Иоганну тоже повезло попасть на выучку к такому мастеру. На основе его скрупулезных наблюдений над положениями Марса и были сформулированы памятные по школе «законы Кеплера». После смерти Браге император назначил рыцаря Иоганна лейб-математиком, что отнюдь не означало отставки от составления гороскопов.

Годы, проведенные в Праге, стали для него временем расцвета и благоденствия. Смерть Рудольфа обозначила начало долгого периода скитаний, неустроенности и бесконечных тревог.

Семейная жизнь не удалась: неудачная женитьба, смерть дочери, но самым тяжелым ударом явился арест матери, обвиненной в колдовстве. Семидесятилетней женщине грозил костер.

Кеплер, тогда уже лейб-математик суверенного герцога Вюртембергского, хорошо понимал, откуда дует ветер. Судьба неграмотной старухи никого не волновала. Удар был направлен лично против него, коперниканца — ниспровергателя церковных догм. Ждать помощи от единоверцев не приходилось. Лютеране столь же успешно жгли колдунов и ведьм, как и католики.

Начиналось все с заурядной тяжбы, которую легко можно было разрешить в гражданском порядке. Брат Кеплера, оловянных дел мастер Кристоф, изготовил по заказу соседки Урсулы дюжину тарелок, но посуда пришлась не по вкусу, и завязалась перебранка. Мать не выдержала и выбежав на двор, наговорила лишнего. Соседка, в свою очередь, ответила грубостью и обозвала Катарину Кеплер «старой ведьмой». Казалось бы, на том должно было и закончиться, но душа человека — потемки. Зная, что Катарина врачевала хвори настоями, Урсула пустила слух, будто та опоила ее колдовскими травами.

Этим и воспользовался некий Урбан, состоявший на службе у князя Ахилла, герцогского брата. Молодой князь, который ничем, кроме охоты и хорошеньких женщин, не интересовался, как-то загнал оленя в леонбергских лесах. По обычаю, выпили «на крови», закусили свежатиной и расположились передохнуть у догорающего костра. Ахилл предавался подсчетам — олень оказался «юбилейным», обер-егерьмейстер наполнял опустевшие кубки. Когда беседа с охотничьей темы переключилась на амурную, Урбан, близкий родственник Урсулы, заговорил о ведьмах.

Обстановка благоприятствовала «страшным» историям: дремучий лес, угасающие уголья, винные пары. У каждого нашлась подходящая байка, но только один Урбан смог назвать конкретное имя — Катарина Кеплер. Урсула, само собой, была представлена жертвой дьявольских козней. Князь обещал разобраться. Так завершилось «дело», ничем в принципе не отличающееся от тех, что помечены дьявольским клеймом: «Хранить вечно».

Судебный чиновник Лютер Эйнгорн тут же приказал доставить старую женщину под стражей, что окончательно закрепило за ней

репутацию ведьмы. В сущности, большего и не требовалось. Встречный иск семьи Кеплер, обвинившей Урсулу и Урбана в клевете, после долгой проволочки остался без удовлетворения. Соседская склока переросла в уголовный процесс. Обвинительное заключение состояло из 49 пунктов, один страшнее другого.

О том, что мать находится в заключении, Кеплеру стало известно спустя несколько месяцев. Герцог Вюртембергский умыл руки. Математик не стоил того, чтобы осложнять и без того натянутые отношения с братом Ахиллом. Тем более, что упорно распространялся слух, будто главным прислужником Вельзевула является сам Иоганн Кеплер.

Теологи не могли смириться с тем, что он, вслед за Коперником, окончательно разрушил Птолемею систему мироздания, переведя планеты с эпициклов и круговых орбит на эллиптические. Идеальная «гармония сфер», подкрепленная авторитетом церкви, отходила в область преданий. Окончательно и бесповоротно: с математикой не поспоришь. Ко всему прочему примешивалась зависть коллег, постоянно сопутствующая великим людям.

Поводом для негласного — пока! — обвинения послужило небольшое сочинение, в котором астроном, не предвидя дурных последствий, позволил себе то, что принято называть игрой ума. Речь идет о путешествии на Луну, которое, как можно было догадаться, совершил сам автор: рассказ, опять-таки с уклоном в научную фантастику, велся от первого лица.

Пожалуй, это было второе, после Лукиана Самосатского, «прилунение». Френсис Годвин, Сирано де Бержерак, Жюль Верн, Уэллс и все прочие отправляли своих героев на уже обследованную планету. Кеплер со знанием дела описал пейзаж и вид звездного неба, где ярко сияла далекая Земля и звери Зодиака предстали в ином, непривычном ракурсе.

Петли криминала вязались с жесткой последовательностью схоластических вопросов и ответов: « — Что такое язык? — Бич воздуха».

Как мог попасть человек на Луну? Только с помощью дьявола. Логика не просто железная, но не оставляющая места сомнениям. Дело Катарины приобретало новый, еще более угрожающий оборот.

Еще в XI веке прославленный правовед Бурхард, епископ Вормсский, заклеил колдуний, будто бы летающих по ночам, оседлав волков и свиней, в свите языческой богини Луны. Сеи «преступные бабенки», по его выражению, не что иное, как лгуньи, соблазненные Сатаной, а потому первейший долг священников разьяснять неразумность подобных фантазий.

В те наивные времена грань, отделяющая «лгунью» от ведьмы, была довольно зыбкой, и несчастных женщин, если когда и сжигали, то с разбором и редко.

После искоренения катарской ереси и учреждения инквизиции картина резко переменилась. Еретик стал синонимом колдуна, а колдун, соответственно, еретика.

Очередной пик колдовских процессов как раз и пришелся на рубеж XVI—XVII веков. Конец столетия требовал жертв, а раскрученный маховик останавливался не скоро.

«Правовую» основу для предъявления официального обвинения в ведовстве составили «Уголовно-судебные уложения императора Карла V», или попросту «Каролина», опубликованная в 1532 году. Все — от квалификации подозрений до применения пыток — было четко регламентировано. В статье 58 значится: «...проводить ли допрос с пристрастием, смотря по подозрению, часто, долго или коротко, сурово или не слишком, решать доверено судьбе доброму и разумному».

Ссылка на «доброту» и «разум» выглядит циничной насмешкой. Злоба, тупой фанатизм и суеверие судей стали притчей во языцех. Арестованному по подозрению в «сделке с дьяволом», а именно так квалифицировалось любое ведовство, обратной дороги не было. Те, кто не умер под пыткой, кончали жизнь на костре.

Потрясенный Кеплер думал только о матери. Не было и тени надежды на беспристрастность или же милость суда. Реформация, обманув, как и всякая революция, первоначальные упования, отнюдь не знаменовала «победу разума над мраком средневековья». На жуткой карте, где разными цветами отмечены области рьяной охоты на ведьм, первенствует Германия.

Мартин Лютер (1483—1546) недаром бросал в черта чернильницей. Отказ от демонологии не входил в его расчеты.

«Колдуны и ведьмы, — писал он в 1522 году, — суть злое дьявольское отродье, они крадут молоко, навлекают непогоду, насылают на людей порчу, силу в ногах отнимают, истязают детей в колыбели... понуждают людей к любви и соитию, и несть числа проискам Дьявола».

То же фанатичное изуверство, что и в «Молоте ведьм». И в протестантских, и в католических землях с одинаковой силой свирепствовал повальный террор.

За десять лет (1581—1591) в одной только Лотарингии было сожжено свыше тысячи женщин, примерно столько же — в Бургундии и Гаскони. Но самые чудовищные злодеяния творились во владениях немецких князей. Пандемия массовых казней, вспыхнувшая в 1603 году в Трирском курфюршестве, перекинулась на Бамберг, Вюрцбург и Кельн. Тамошние епископы отличались особо садистской жестокостью.

В Бамберге специально для ведьм даже отвели отдельную тюрьму — Малевицхауз («Дом ведьм»). Сотни невинных жертв претерпели нечеловеческие мучения в башне, обозначенной на старинной гравюре буквой «Е». Исследователи, изучавшие судебные протоколы, высказали предположение, что викарий, вершивший суд, был сумасшедшим. С этим трудно согласиться. Зверства и извращенная похоть, безусловно, свидетельствуют о каких-то психических аномалиях, но не более. Достаточно взять в руки любое из дел недавнего прошлого, и всякие сомнения насчет вменяемости отпадут

сами собой. Безумна система, действующая террористическими методами, ибо массовый террор порождает массовую истерию, которая, подобно смерчу, захватывает и жертв, и заплочных дел мастеров. Ничто, даже самый высокий пост и безупречная репутация, не дает гарантии безопасности. Начав с простонародья, опьяненные кровью людоеды перекинулись на высшее общество. Уже на четвертом процессе к сожжению была приговорена жена самого бургомистра, а вскоре и его самого потащили на костер вместе с членами магистрата. Та же участь постигла детей достопочтенных отцов города Бамберга. Не пощадили даже трехлетнюю малютку. От судебных постановлений и протоколов допросов явственно веет гарью. Читать их тяжело, но поучительно.

Аутодафе («дело веры» по-испански) за номером одиннадцать примечательно тем, что впервые публично сожгли священника.

В Кельне адская кочегарка работала с еще большей нагрузкой. По свидетельству очевидцев, леса вокруг окрестных деревень были вырублены: неоставало дров. Сохранилось письмо, написанное в камере неизвестным мучеником:

«Верно, погибло уже полгорода. Брошены в тюрьмы и сожжены профессора, кандидаты права, священники, каноники и викарии, члены монашеских орденов... Канцлер с канцлершей тоже осуждены... Трех-четырёхлетние дети заводят шашни с Дьяволом. Сжигают студентов и юношей благородных кровей в возрасте девяти-четырнадцати лет...»

Судя по тексту, автор принадлежал к университетским кругам, возможно, даже был богословом.

Кеплер едва ли обольщался на свой счет, когда бросился в Цоглинген выручать мать из узилища. Накануне его приезда там сожгли четырех колдуний.

С превеликими мытарствами ему удалось получить обвинительное заключение. Нет нужды перечислять приписываемые Катарине мерзости и святотатства.

Против нее свидетельствовал местный учитель, соседские дети и даже могильщик. Сей достойный труженик заступа поклонился на Библии, будто фрау Кеплер просила разрыть могилу отца. Ей, видите ли, захотелось подарить череп. Кому? Конечно же, Иоганну! Приводилось и такое высказывание еретички-колдуньи:

— Нет ни ада, ни рая, а умерших ждет та же участь, что и скотину.

Странноватая мысль для неграмотной старухи. Уж не повторяет ли она чужие слова?

Явно или неявно, но знаменитый астроном проходил по делу матери. Оставалось только вырвать у нее признание, что это она сподобила дьявола отправить любимого сына на Луну.

К счастью, захолустный Цоглинген порядком приотстал от Кельна и Бамберга. «Допроса с пристрастием» Катарине удалось избежать.

Согласно уложению, за «добрым дознанием» следовало «устрашение словами»: обвиняемому показывали орудия пыток и доход-

чиво объясняли, как они действуют. Примерно так поступили в 1633 году с Галилео Галилеем, принудив его отречься от учения Коперника.

К чести Катарины Кеплер, она не дрогнула и с присущей ей резкостью и прямоотой заявила:

— Делайте со мной, что хотите, но даже если вы все жилы из меня вытяните одну за другой, признаваться мне не в чем.

Судьи сочли, что она «очистилась от косвенных улик», но остались прямые. Прокурору, например, внушала подозрение манера обвиняемой «отводить глаза» на очных ставках, разрезать мясо ножом и т. п.

Кеплер решил взять защиту матери на себя, «к прискорбию», как отмечено в протоколе. Свое заключение на 128 листах он представил суду 23 августа 1621 года. Юридическое, а вернее, демонологическое творение великого астронома достойно особого комментария, что выходит за обозначенные нами пределы. Процесс он выиграл, и это главное. Отрицать факт существования ведьм, заключивших пакт с дьяволом, было равносильно самоубийству. Сосредоточившись на конкретных пунктах, он сумел доказать, что Катарина, если и занималась колдовством, то не в союзе с врагом человеческим и не намеревалась причинить кому бы то ни было вред. Сглаз, порча, чья-то сломанная нога и смерть годовалого младенца — все это можно было объяснить естественными причинами и случайным стечением обстоятельств.

Приведенные объяснения, равно как и представленные суду доказательства, были посланы на экспертизу в Тюбингенский университет. Альма-матер, гордившаяся своим питомцем, прислала благоприятный отзыв. Герцог, видимо, вздохнув с облегчением, распорядился «закрывать дело». Ему было не до ведьм. В Европе бушевала Тридцатилетняя война.

От жаждущих получить гороскоп «от Кеплера» не было отбоя.

2

Алхимическая рецептура не поддается прямому, сугубо рациональному прочтению. На дне колбы остается твердый остаток, на стенках — «киммерийские тени» пригара, но эссенция, дух, улетучивается при откупорке.

«Чувства не видят абсолютного, бесконечного, единого... Желая познать это чувствами подобен тому, кто хотел бы увидеть субстанцию, эссенцию», — утверждал Джордано Бруно.

И еще: «Рассуждая и доказывая, разум находит истину. Но выше его стоит интеллект, способность более интуитивная, чем разумная. То, чего разум достигает своим путем, интеллект воспринимает некоею интуицией (*quodam intuitu*). Наконец, выше всего стоит *mens* — истинно интеллектуальная способность».

Нечто неуловимое, по крайней мере трудно уловимое, объединяло таких титанов, как Бруно или Пико делла Мирандола с Джоном Ди, магом и авантюристом. Оно не укладывается в емкое, но окаменевшее, как зола в разбитой реторте, понятие герметизм.

Войдя в кружок флорентийских неоплатоников, Мирандола находил сходные мысли в прямо противоположных лагерях, будь то суверенный государь Лоренцо Медичи или его непримиримый враг Савонарола, фанатичный обличитель папства.

Основополагающая идея Мирандолы о том, что все религиозные и философские школы — частные проявления единой истины («900 тезисов»), не нуждались в ученых диспутах. Герметизм был своеобразной «латынью» для посвященных без ритуала посвящения, но обладающих «истинным интеллектом». «Внутренний круг» не нуждался в обетах.

Пантеистические представления (Бог и природа — одно) неизбежно приводят к Единому, к философскому камню, да только как бы задним числом. «Проекция» вроде бы прошла, а золото почему-то исчезло.

«Энтелехия — одно из самых значительных, самых глубоких философских понятий, переданных античностью Европе Нового времени. Тексты, в которых оно разъясняется, кратки и редки — несколько абзацев в «Метафизике» Аристотеля и чуть больше в его сочинении «О душе», один параграф в «Монадологии» Лейбница, одна поразительная страница в «Кризисе европейской науки» Эдмунда Гусерля. Причины такого положения очевидны: «разъяснить», сделать ясным — значит обнажить логическую рациональную и именно потому каждому внятную основу явления и структуру мысли, отражающие те последние глубины бытия, на которых противопоставление рациональности и интуиции, логики и воображения упраздняются; поэтому их естественнее и проще понять, в них вжившись, чем на основе их разъяснения». (Г. Кнабе)

Их всегда очень немного, людей, отмеченных печатью высокого интеллекта. Даже не встречаясь лично, они хорошо знают друг друга по печатным работам и отзывам единомышленников, будь то сторонники или враги. В описываемую эпоху крупных ученых вообще можно было пересчитать по пальцам, а перемещение с места на место стало насущной потребностью. К этому понуждали не только нужда и преследования, но, прежде всего, священная жажда познания. Стремление найти последнюю истину сродни исканиям философского камня. Дух довлеет над телом и словом.

В 1583 году Бруно преподает в Лондоне и Оксфорде, в 1585 он уже в Сорбонне, затем в Германии — в Виттенберге. Простой случай, и то мог свести его с будущим коперниканцем Кеплером, а про Ди с Келли и говорить не приходится.

Мы оставили их на пути в Прагу с последними крохами алхимического золота, полученными с помощью «красной пудры».

Откуда взялся универсальный катализатор?

Согласно преданию, Келли завладел зашифрованным манускриптом и двумя шарами из слоновой кости. В одном из них оказались остатки красного порошка, в другом — изрядный запас белого. С помощью первого расплавленный свинец превращался в золото, второго — в серебро. Шары, вместе с «Трактатом о западном и восточном Меркурии», много веков пролежали в склепе католического епископа, возле развалин церкви Святого Дунстана.

Первый же опыт показал, что найден «истинный магистерий», но красной пудры осталось на доньшке, а серебро, даже в большом количестве, не могло покрыть расходы на экспедицию к Северному полюсу, о чем бредил Ди, и, тем более, удовлетворить амбициозные запросы Келли. Собственно магом, в строгом смысле, из них двоих был именно Келли. Он разработал особую теургическую систему, которой присвоил имя библейского Еноха, вознесенного ангелами на небо, и язык, якобы изначальный, на котором общалось между собой небесное воинство. Даже в его сочинении «О философском камне» куда больше колдовской зауми, чем собственно химии. Сплошь пентакли, непонятные знаки и чернокнижные заклинания.

Джон Ди, баронет Гледхилл, — человек совершенно иного плана. Искусный картограф, инженер и математик, он создает механическое насекомое, способное не только ползать, но и, пусть на миг, приподняться над землей. Ему принадлежит идея нулевого, названного впоследствии Гринвичским, меридиана. Знаток и переводчик античности, он привел в восхищение Лондон постановкой «Мира» Аристофана.

Голая логика подсказывает, что представление не могло пройти мимо актерской труппы театра «Глобус», хотя нет и намека на знакомство Шекспира с Джоном Ди. Но слишком уж очевидны розенкрейцерские мотивы в «Макбете», «Цимбелине» и «Буре», чтобы не заподозрить «источник влияния». Во всяком случае, имя величайшего драматурга наверняка было известно и Келли, и Ди. Возможно, они даже называли его в своих сочинениях.

Уцелевшие фрагменты сомнительны, хотя и заслуживают внимания.

«Где искать Туле? Всюду и нигде. Или ты думаешь, что выход из подземелья, скованного демоническими звездами, ты отыщешь с помощью меча и компаса?.. Дерзай и покоряй смерть».

Джон Ди. «Туле и другие места»

Волшебное излучение «внутреннего круга». Последняя фраза могла бы стать, а возможно и была, его негласным девизом.

«Ултима Туле» — самая дальняя земля, полярная Атлантида. Ди знает, о чем говорит. Отыскать высшую истину не помогут ни компас, ни меч. Тем не менее, он отчаянно рвется к полюсу и почти убеждает королеву Елизавету, явно ему симпатизирующую, снарядить экспедицию.

Флирт на высочайшем уровне, как это постоянно случалось, закончился печально: едва удалось избежать казни. Вердиктом парламентского суда на костер были отправлены книги.

Беседовать на равных с Кеплером и Бруно (последнее не столь вероятно) мог только Ди. Астролог, алхимик и подлинный энциклопедист, он был полноправным членом герметического братства, чья первейшая заповедь начиналась словом Единство. Под этим подразумевался макрокосм и микрокосм, творец и творение, науки и свободные искусства.

В Праге он бывал в качестве картографа и едва ли сподобился предстать перед императором. Наученный горьким опытом, Рудольф уже не допускал до себя, кого попало. Требовались серьезные доказательства, что заезжий адепт и впрямь способен совершить нечто из ряда вон выходящее. За неудачу расплачивались головой.

В «Бельведер», где находились кунсткамера и лаборатория, можно было попасть только по личному приглашению. Смельчака, дерзнувшего сфокусничать, тут же отправляли в Далиборку — в дальнюю башню Градчан, под которой находился глубокий колодец для узников — гладоморня.

Адепту, знающему символику, достаточно было глянуть на барельеф перед каменным цоколем, чтобы понять, с кем придется померяться силами: Самсон со львом и Геракл, душащий Немейского льва.

Берберийский хищник встречал его и в покоях императора. Покорный, как пес, он ложился у ног хозяина, не спуская лениво настороженных глаз с залетной пташки, самонадеянно угодившей в сеть.

Переменяя короткие, точно поставленные вопросы долгими зловещими паузами, старый кайзер запускал костлявые пальцы в спутанную львиную гриву, заставляя зверя отзываться приглушенным рыком, похожим на дальний раскат грома.

Эдвард Келли, у которого оставался изрядный запас белого порошка вполне способен был попытать удачу, но в одиночку. Картина, нарисованная Мейринком, отражает фантастическую реальность, что вряд ли делает ее менее убедительной.

В «Фаусте» император — жалкая марионетка в руках Мефистофеля, в «Ангеле западного окна» — живой человек, всему знающий цену: власти, жизни, человеческой природе. Словами, мнимой ученостью и референциями с гербами владык его не проведешь.

« — Тот, кто на моих глазах превратит неблагородный металл в благородный, может потом болтать, о чем угодно, даже об ангелах. Проектер же не нужен ни Богу, ни дьяволу.

...Император резко вскочил, чего было трудно ожидать, глядя на его изможденную старческую фигуру. Шея вытянулась вперед. Голова коршуна, словно в поисках добычи, дернулась в одну сторону, в другую, потом кивнула на стену.

Внезапно открылась драпированная ковром потайная дверь.

Мгновения спустя... мы в святая святых императора Рудольфа: лаборатория маленькая, но оборудованная хорошо и со знанием дела. И вот уже угли раскалены, тигель ждет... Все остальное подготовлено так же быстро и умело. Император сам, своей опытной рукой ассистирует в качестве лаборанта. Любая попытка помочь тут же пресекается его грозным ворчанием. Подозрительность его беспредельна. Всякая возможность каких-либо шулерских трюков в присутствии августейшего адепта просто исключена. Из-под потайной двери доносится приглушенный лязг железа. Так, смерть уже на страже. Судебный процесс, который вершит Рудольф над заезжими артистами, рискнувшими морочить ему голову, более чем краток».

Бессмысленно задаваться вопросом, обладали или же нет философским камнем английские герметисты. Разумнее поинтересоваться трюком, к которому пришлось (если пришлось!) прибегнуть, пустив в дело белую пудру, которую Рудольф сперва попробовал на глаз и на ощупь.

«Император ассистирует подчеркнуто четко и беспристрастно, как послушный лаборант: все условия должны быть соблюдены, чтобы не было потом отговорок...

Свинец расплавлен... Рудольф тингирует сам. Проекция исполнена мастерски — металл начинает кипеть... Император погружает оплодотворенную «матрицу» в холодную водяную ванну. Закатав рукав, собственноручно достает из купели плод и поднимает слиток на свет: нежное мерцание чистейшего новорожденно-го серебра...»

Такое мог написать только истинный знаток «спагерического искусства». Алхимия слова у Мейринка не расходится со словом златодела-ремесленника, что заставляет предполагать существование каких-то иных, не известных науке источников. Но если и были такие документы, то они исчезли в период нацистской оккупации, когда протектором Богемии и Моравии был Рейнгард Гейдрих. Говорю это с полной ответственностью, ибо, работая в чехословацких архивах, обнаружил кое-какие следы.

Можно с полной уверенностью утверждать, что Эдвард Келли действительно побывал в Праге, хотя и несколько в ином качестве. Не как адепт тайного искусства алхимических трансмутаций, а как тайный агент лорда Уолсингема, государственного секретаря и министра тайной полиции Елизаветы, королевы Англии и Ирландии.

И это было далеко не единственное задание сэра Френсиса, создавшего первую в Европе секретную службу. Келли успел поработать, в частности даже в Москве, развив кипучую деятельность при дворе Ивана Грозного: составлял гороскопы, готовил лекарственные эликсиры, возможно даже внушил царю мысль просить руки королевы Британии. Как и всякого добропорядочного авантюриста, его порой заносило. Особенно, когда удача сама шла в руки.

Особым доверием Рудольфа пользовался знаменитый кабалист Лев Иегуда бен Бецалель (1523—1609), чье каменное надгробие доднесь хранит следы паломничества. Как и многие ученые люди той поры, Лев сочетал занятия философией и медициной, в коих весьма преуспел, с эффектными квазимагическими демонстрациями. С помощью «волшебного» зеркала, секрет которого так и остался нераскрытым, он по просьбе Рудольфа вызвал тени его августейших родителей, чем поверг императора в состояние мистического шока.

Этот документально подтвержденный факт стал оселком для самых разнообразных догадок. Гипотез, подчас весьма остроумных, выдвигалось множество, но, право, схоласты попали в точку, назвав язык бичом воздуха.

В этом лишний раз убеждают короткие реплики, которыми обмениваются герои Мейринка:

« — Этот же раввин был однажды приглашен к императору во дворец, чтобы вызвать видения умерших, — вставил Прокоп. — Современные исследователи утверждают, что он пользовался для этого волшебным фонарем.

— Разумеется, нет такого нелепого объяснения, которое не находило бы одобрения у современных ученых, — невозмутимо продолжал Цвак. — Волшебный фонарь! Как будто император Рудольф, увлекавшийся всю жизнь подобными вещами, не заметил бы с первого взгляда такого грубого обмана.

«Голем»

У букиниста, открывшего лавку в одном из домиков на Золотой улочке я нашел гравюру, запечатлевшую потрясенного императора и могущественного рабби.

С именем Лёва народная легенда связывает и великана Голема, который натворил всевозможных бед, когда нерадивый подмастерье забыл вложить к рот глиняного робота полоску пергамента с волшебными письменами¹. В сиянии этого мифа померкли подлинные заслуги мудреца, который, как Нострадамус и Теофраст Бомбаст фон Гогенгейм, известный под именем Парацельса, создал лекарства, оставившие истребительное продвижение чумы.

В многочисленных рассказах о Големе, возможно, не все вымысел. Последовав примеру прославленных предшественников, Лёв вполне мог изготовить человекоподобный автомат. Насколько можно судить по свидетельствам современников, Альберт Великий достиг на этом поприще подлинного совершенства. Его ученик Фома Аквинский, застав однажды в лаборатории механическую фигуру, занятую раздуванием мехов, принял ее за демона и, вооружившись метлой, смело вступил в схватку. «Что ты наделал, Фома! — огор-

¹ Магическое заклинание «Шем ха фораш» (др.евр.).

ченно воскликнул Альберт, найдя по возвращении лишь одни обломки. — Я потратил на это двадцать лет жизни».

Вечная тема: «Ученик чародея».

Загадка Голема волновала не только поэтов и кинематографистов, но и таких первопроходцев науки, как создатель кибернетики Норберт Винер. Название его философской книги «Творец и Голем» говорит само за себя.

История представляется вполне правдоподобной, потому что алхимических мастеров дразнила не только несбыточная мечта об универсальном катализаторе, но и казавшийся более достижимым призрак механического двойника — универсального помощника. Такое существо должно было обладать всеми нашими достоинствами и не иметь присущих живой плоти недостатков. Достоинства мыслились, конечно, как чисто человеческие, недостатки же должен был устранить более надежный, чем протоплазма, материал: обожженная глина, камень, а еще лучше — покорный обработке металл. Отголоски сказаний о механических слугах мы найдем в «Илиаде», эпосе шумеров и Эдде, древних упанишадах и Кабале.

Первые человекоподобные автоматы появились сначала в храмах. Проглотив монету, они отмеривали точную дозу благовонного масла, или совершенно бесплатно — в образе Железной девы — заключали в смертельные объятия какого-нибудь нечестивца. Сохранились описания Медного Молоха, который «проглатывал» младенцев и изрыгал пламя. Акт устрашающий, но и только. Дети, ничуть не пострадав, попадали в руки жрецов, призванных воспитывать подрастающую смену. Обряд инициаций, а не жертвоприношение.

В XVII—XVIII веках машины-андроиды возродились уже в виде игрушек. Барышни в кринолинах наигрывали на пианоле и мило раскланивались с почтенной публикой, а полуобнаженные заклинательницы змей манипулировали резиновыми удавами. Была даже машина-шахматист, которая имела честь сразиться с самим Наполеоном. Правда, в шахматном столике, скорчившись в три погибели, сидел ее создатель, но ситуация от этого, конечно, не менялась. Суверенная молва едва ли делала различия между куклой с часовым механизмом в груди и дьявольским воплощением. Неизбежные поломки таких кукол, возможно, и породили миф о взбунтовавшихся монстрах.

Первое знакомство императора с Лёвом не имело прямого отношения к глиняному роботу, хотя молва о Големе и распространилась далеко за пределы Чехии. Потерпев неудачу в борьбе против собственных подданных — чешских лютеран, воспитанник католических королей решил отыгаться на иудеях, благо «козел отпущения» всегда под рукой.

На основе многовековых летописей и народных легенд, Алоис Ирасек составил книгу «Старинные чешские сказания», в которой отдал дань ученому кабалисту.

«При короле Рудольфе II жил в Еврейском городе рабби Иегуда Лёв бен Бецалел¹, муж ученый и опытный. Он был высокого роста, и потому его называли «великим рабби». Он был сведущ не только в Талмуде и Кабале, но и в математике и астрономии. Многие таинства природы, скрытые от простых смертных, ему были известны. Известно было ему и нечто высшее, так что люди дивились силе его волхвования.

Слухи о нем шли широкою волною и дошли до града святого Вацлава, ко двору короля Рудольфа. Его придворный астролог Тихо де Браге очень уважал своего ученого собрата Иегуду Лёва. Сам монарх познакомился с ним странным способом.

Однажды ехал он в карете из Градчан в Старый Город, сопровождаемый конной свитой придворных. Это было как раз в то время, когда он издал указ о выселении евреев из Праги. Рабби Иегуда ходил ко двору просить о своих единоверцах, но его к королю даже не допустили. Зная наверно, что король поедет по Каменному мосту, рабби Иегуда стал ждать его.

Когда народ увидел на мосту пышный королевский поезд — карету, запряженную четверней в чеканной сбруе, и блестящую свиту, то он стал кричать, чтобы рабби сошел с дороги, но рабби Иегуда словно не слышал. Он остановился посреди моста, как раз перед лошадьми.

Народ кричал на ученого мужа, бросал к него камнями и грязью, но вместо камней и грязи на рабби Иегуду падали цветы, осыпая его голову, плащ и спадая к ногам его.

Приближался королевский поезд. Бен Бецалел не отступил ни на шаг. Ко всеобщему удивлению, кони не только не смяли его, но сами остановились перед ним, хотя кучер и не думал их останавливать.

Теперь рабби сдвинулся с места и с обнаженной головой обошел карету сбоку, и на ковре из роз и других цветов опустился на колени и стал просить пощады своим единоверцам.

Король, пораженный его появлением и обстановкой, при которой оно случилось, велел ему прийти в Град. Это была великая милость; в королевском Граде же он получил другую милость — ту, о которой просил: евреям позволено было остаться.

После того много раз рабби был приглашен во дворец, чтобы показать свое умение волхвования».

Отступив перед лютеранами, которым был вынужден даровать свободу вероисповеданий, Рудольф и евреев в конце концов оставил в покое, с головой погрузившись в герметические таинства.

Рабби Лёв не забывал добрых дел. В знак благодарности, он развлекал подверженного припадкам черной меланхолии кайзера эффектными демонстрациями: «вывел», как некогда Аэндорская волшебница, тени библейских пророков, после чего в зале осел потолок, вылечил императорского льва, надышавшегося парами ал-

¹ Так в тексте.

химических варев, развеял бурю, грозившую сорвать торжество по случаю приезда испанских послов.

Легенда вращается в действительность, подобно старой лозе, обвивающей мраморную колонну на развалинах храма. О том, как выглядело сооружение, можно только догадываться по рисунку фундамента, но виноградная кисть оживляет камень, удерживая смутные тени у порушенных алтарей. Попытка освободить мрамор в надежде найти врезанные в него письма заведомо обречена на провал: их давно сгладило время. И жаль лозу, которая еще способна дать опьяняющий сок.

« — Кто может сказать, что он что-нибудь знает о Големе... Он живет в легенде, пока на улице не начинаются события, которые снова делают его живым. Уже давно все говорят о нем, и слухи разрастаются в нечто грандиозное. Они становятся до такой степени преувеличенными, что в конце концов гибнут от собственной неправдоподобности».

Густав Мейринк. «Голем»

В хрониках сохранилась запись о великой чести, которую оказал мудрецу император, соизволив нанести ему ответный визит. Для Лёва высочайшая милость оказалась трудным испытанием.

«Дом его был невзрачный, старый и неотделанный, — говорится в «Старинных чешских сказаниях». — Но едва король и его свита вступили низкими дверьми в горницу, как с первого же шага начали удивляться, и удивлению их конца не было. Они очутились не в обыкновенной горнице простого обывательского дома, а в палате, достойной дворца, с куполами, роскошно разрисованными.

Лестница, ведущая в верхний этаж, в парадную комнату, была не из дерева, как в других домах, а из мрамора и блестела, как зеркало, в тех местах, где не была покрыта ковром. По ней посетители взошли в прекрасную комнату, обитую дорогими обоями и украшенную картинами. Отсюда в широко растворенные двери виднелся целый ряд богато отделанных комнат и в конце их выход на изящную галерею в итальянском вкусе.

Почтительно сопровождая короля, рабби Лёв ввел его в обширную палату, где был накрыт стол, и просил его со свитою откусать хлеба и соли.

Король принял приглашение, и рабби угостил своих гостей такою трапезою, которая сделала бы честь королевскому столу. Король, озадаченный чудодейственной мощью, благодаря которой рабби Иегуда превратил в роскошный дворец свой скромный дом, оставался здесь долго и ушел очень довольный».

Наивный и трогательный гимн в честь бестелесной богини иллюзий! Роскошь дворцов Альгамбры, открывшаяся за неприметной дверью, раздвинувшиеся стены, великолепная лестница, уводящая вверх, сказочный пир... Ничего не напоминает?

Так и есть: квартира № 50, где в ночь майского полнолуния имел место быть «Великий бал у Сатаны».

« — Нет, — ответила Маргарита, — более всего меня поражает, где все это помещается. — Она повела рукой, подчеркивая этим необъятность зала.

Коровьев сладко усмехнулся, отчего тени шевельнулись в складках его носа.

— Самое несложное из всего! — ответил он. — Тем, кто хорошо знаком с пятым измерением, ничего не стоит раздвинуть помещение до желательных пределов. Скажу вам более, уважаемая госпожа, — до черт знает каких пределов! Я, впрочем, — продолжал болтать Коровьев, — знавал людей, не имевших никакого представления не только о пятом измерении, но вообще ни о чем не имевших представления и, тем не менее, проделавших совершеннейшие чудеса в смысле расширения своего помещения».

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита»

В память о королевском визите, рабби Лёв украсил свое неприятельное жилище рисунком виноградной лозы — древнейшей эмблемой бессмертия.

Кисть винограда на каменном надгробии чудотворца. Его не легко отыскать в хаосе погребальных плит, сгрудившихся на узком клочке за древней стеною гетто. Кладбище серых памятников, сорванных с якорей заброшенных могил.

Приходят паломники со всех концов света в этот потусторонний музей, чтобы добавить свой камешек в россыпь, сокрывшую тайные знаки.

Сосуды для омовения священнослужителей храма, олени и львы, и рука в магическом жесте благославленья...

Прах предков затерян в безвестности, потомки улетели в небо с дымом печей Освенцима. Священная утварь, свитки, знамена, покровы расшитые — за стеклом выставочных витрин. Эмиссары Эйхмана, рыскавшие по всей Праге, не успели вывезти последние реликвии в рейх.

Как перепуталась пряжа, с мясом сорванная с веретена! Тени ослепших Парок окутывают ветхие кровли холодным туманом. Кружится карусель Зодиака, но некому оседлать его ярмарочных зверей.

Распалась связь времен.

Тектоническим разломом оторван Юзефов от Старого Города, и натужно скрипит Мировая ось.

Дом «У Солнца», дом «У Луны», дом «У Звезды», дом «У Трех скрипок» — астрологическая симфония, хорал барокко, музыка сфер, окаменевшая в органах фасадов. Дремотные грезы былой имперской столицы, заброшенной в жуткий XX век.

Поззия ее сложна, но при стараньи
Ее всегда угадываю я...

Витслав Незвал

«А вот редкий, необычный кадр: крошечная комнатка в переулке Алхимиков. У стены — рабби Лёв... Напротив, утонув в кресле, лежит Рудольф. У ног рабби уютно, по-кошачьи сложив лапы, мирно дремлет берберский лев императора».

Густав Мейринк. «Ангел западного окна»

Но оставим молву, вдохновлявшую не одно поколение мистиков и поэтов-романтиков, и обратимся к фактам. После Рудольфа II сохранилось несколько гороскопов, в которых благодарные за щедрое покровительство астрологи не поскупились на счастливые предсказания. Вопреки благостным прогнозам, последние дни императора-герметиста были отравлены обострившейся внутрисемейной борьбой. В 1608 году он был вынужден уступить брату Матвею Венгерское королевство, Австрийское эрцгерцогство маркграфство Моравию, а в 1611 году — и Чехию.

Габсбургский клан учредил над ним опеку, полностью отстранив от власти. Спустя год Рудольф скончался и был захоронен в крипте собора Святого Вита.

В 1942 году туда спустился обер-группенфюрер СС Гейдрих, назначенный «протектором Богемии».

ДОКТОР ФАУСТ

Во-первых, он, Фауст, обещает и поклянется, что он предается в собственность этому духу.

Во-вторых, что для большей силы он это напишет и удостоверит своею собственной кровью.

В-третьих, что всем верующим христианам он будет враждебен.

В-четвертых, что он отречется от христианской веры.

В-пятых, если кто его вновь захочет обратить, чтобы он этим не соблазнился...

После того как доктор Фауст принял это обязательство, на следующий день рано утром вызвал он духа и обязал его, как только он его призовет, появляться к нему в образе и одежде францисканского монаха с колокольчиком и подавать весть, чтобы по звону он узнавал заранее о его приходе. Спросил он потом у духа, как его имя и прозвание. Отвечал дух, что зовется он Мефистофелем.

«История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике» (народная книга)

Ангел. Продолжай занятия богословием, Фауст, и оставь занятия нигромантией¹, или ты погибнешь на веки вечные.

Мефистофель. Продолжай занятия нигромантией, Фауст, и ты станешь ученым доктором, который когда-либо жил в Азии, Африке, Америке и всей Европе.

«Доктор Иоганн Фауст», кукольная комедия (УЛЬМ)

Третий черт. Меня зовут Мефистофель Проворный, и я быстр, как человеческая мысль.

Фауст. Это поистине великая быстрота, ибо я переносую мыслью то в Европу, то в Африку, то в Америку, то в Азию. Послушай, Мефистофель, ты мне нравишься и я готов заключить с тобой договор, если ты согласен служить мне 24 года...

«Доктор Фауст или Великий негромант», кукольная пьеса с пением (Берлин)

Фауст, Фауст! Приготовься к смерти!.. Ты осужден! — ...Ты проклят навеки.

«Иоганн Фауст», кукольная пьеса.

В унылый час, в который тень земли,
Чтоб влажный лик увидеть Ориона,
На небо из Антарктики восходит,
Туманя их своим дыханьем мгlistым,
Произнеси свои заклятья, Фауст...
... в кругу волшебном имя
Начертано обратной анаграммой
И имена святых, но сокращенно,
И образы всех атрибутов неба,
И символы блуждающих светил,
Что духов вызывать способны силой.
Мужайся же, о Фауст, будь же тверд.
И магии ты силу испытай!

Кристофер Марло «Трагическая история доктора Фауста»

¹ Так в оригинале.

Сатана. Глупец! Разве он не стремился к познанию?
Четвертый черт. Больше, чем кто-либо из смертных.
Сатана. Тогда предоставь его мне.

Эфраим Лессинг. «Фауст»

Если бы камни могли кричать, может быть, нам не пришлось сетовать на «возвращение» Средневековья. Оно «возвращается» всякий раз, когда притаившиеся в глубине подсознания демоны вырываются наружу.

И, словно противостоя массовый истерии, оживают заклятия древних времен...

Гейдрих выбрал для своего рабочего кабинета один из залов южного флигеля Пражского Града. В соседних покоях разместились шифровальное отделение и группа связи. Протектор оставался по совместительству шефом РСХА — Главного управления имперской безопасности, опеленавшей паучьей сетью всю оккупированную Европу.

Оккультные поползновения непосредственного начальника рейхсфюрера Гимmlера не вызывали в нем ничего, кроме презрения. Тем не менее, он сделал все возможное, чтобы выполнить поручение: найти магические зеркала Лёва. Астрологические приборы Рудольфа уже были упакованы для отправки в Берлин, а зеркала, словно в воду канули. Гейдрих отправил своих порученцев в Терезин, где готовился последний поезд в лагерь смерти Трeблiнку, но всех раввинов отправили в первую очередь, а от антикваров и профессоров не удалось добиться ничего путного даже под пыткой. Да и были ли они на самом деле, эти мифические стекла?

Перед отъездом в ставку фюрера Гейдрих устроил семейную экскурсию. При виде сокровищ германских императоров сынишки прямо-таки прыгали от восторга.

Протектор, велел отворить часовню Святого Вита, дал им власть наиграться державными реликвиями. Потом, ради смеха, водрузил корону чешских королей на свой удлиненный — несомненно нордический — череп. Разве не он был полновластным хозяином покоренной страны? Легенда гласила, что всякий, кто осмелится возложить на себя венец святого Вацлава, умрет страшной смертью. Гейдрих, кривя губы в презрительной улыбке, осмелился.

«Помните, что туда, где целостность империи находится под угрозой, я пошлю достойного руководителя СС и возложу на него миссию восстановить эту целостность», — звучало в ушах напутствие Гитлера.

Протектор и обер-группенфюрер СС намеревался ознакомить вождя с планом первоочередных мероприятий, главным образом карательного характера. Он и мысли не допускал, что назначенная

встреча может не состояться. Ложась спать, как обычно, поставил будильник на шесть утра. До вылета предстояло еще раз проглядеть документы и сделать последние распоряжения. Пыльно-зеленый мерседес-бенц с откидным верхом остановился перед парадным входом ровно в 9.45. На аэродроме приступили к заправке личного самолета.

На крутом повороте у Выховательной гитлеровского наместника уже ожидали три молодых офицера чешской армии, загодя сброшенных на парашютах с британского бомбардировщика. И хотя автомат даст осечку, бомба сработает, как надо. Она взорвется в 10 часов 31 минуту.

Гейдрих все-таки попадет в Берлин, но с большим опозданием и в цинковом гробу.

Не отпускает память властное притяжение Праги. Обходит стрелка зодиакальный диск на Ратушной башне. Идут, идут астрологические часы, сработанные при короле Владиславе II (1271—1305) магистром Ганушем, астрономом и звездочетом. Круг за кругом, век за веком.

Вызванивают молоточки, лики апостолов сменяются в темном окошке и вдруг скелет, опрокинув склянку с пересыпающимся песком, начинает трясти колокольцем:

«Memento mori».

Волей-неволей вспомнишь знаменитого чернокнижника. И эпиграф из «Фауста» обязывает.

«В стародавнее время стоял дом На Скалке, в конце Скотного рынка на углу против монастыря На Славянах. Давно уже никто в нем не жил и потому он выглядел хмуро и угрюмо... Тоскою веяло от сада и от дома, и эта странная тоска передавалась людям. В этом проклятом месте блуждал дух доктора Фауста, который за гробом, так же как и при жизни, не имел покоя. Давным-давно доктор Фауст проживал в этом доме. Он занимался черной магией и вызывал духов. Он продал свою душу бесу, и за то бес во всем помогал ему, исполняя все его желания. Но настал час, и бес сказал:

— Довольно, тепер пойдем.

Только Фаусту не хотелось идти. Он оборонялся, как мог и как умел; заклинал, просил, но все напрасно. Бес его ухватил когтями и вылетел с ним вон; не дверьми, а прямо через крышу... А дыра, в которую он вылетел, в потолке так и осталась. Не раз ее заделывали и заштукатуривали. Но в ту же ночь штукатурка осыпалась, и дыра зияла по-прежнему. Потом на дыру махнули рукой; а когда стал появляться дух Фауста, то и вовсе дом оставили. Каждую ночь бурный дух являлся и пугал людей. Ни один человек, ни один наемник не могли выдержать в этом доме.

Так и осталось пустовать старое здание».

«Старинные чешские сказания»

Полно, неужели исторический Фауст бывал в Праге? Возможно, что и бывал. Непоседливый, как все адепты тайных наук, он исколесил пол-Европы. Несколько городов оспаривают право называть себя его родиной.

«Кто же вы, доктор Зорге?» — вспомним, как ворвался в нашу послевоенную жизнь легендарный разведчик.

«Кто же вы, доктор Фауст?»

Иоганн Фауст значится в списках студентов философского факультета Гейдельбергского университета за 1509 год. В актах декана Лаврентия Вольфаля из Шпейера, магистра, он назван первым из пятнадцати, удостоенных степени бакалавра: «К степени бакалавра, как указано выше допущены были по новому порядку, согласно действующим правилам».

Познакомимся со свидетельствами современников, встречавшихся с чародеем или знавших его понаслышке.

«Человек, о котором ты пишешь, этот Георгий Сабелликус, имеющий дерзостью называть себя главой некромантов, — бродяга, пустослов и мошенник. Его следовало бы высечь розгами, дабы впредь он не осмеливался публично учить нечестивым и враждебным святой церкви делам.

Ибо о чем ином свидетельствуют звания, которые он себе присваивает, как не о невежестве и безумии его... Так, он себе придумал подходящее, на его взгляд, звание: «Магистр Георгий Саббелликус, Фауст-младший, кладезь некромантии, астролог, преуспевающий маг, хиромант, аэромант, пиромант»... Ничтожество его мне давно известно. Как я несколько времени тому назад возвращался из Бранденбургской марки, я столкнулся с этим человеком близ города Гельнгаузена, и там на постоялом дворе мне много рассказывали о вздорных делах, совершенных им с превеликой дерзостью. Сам же он, прослышав о моем приезде, тотчас съехал с постоялого двора...»

Из письма Иоганна Тритемиуса, аббата монастыря Шпонгейм Иоганну Вирдунгу в Хаусфуте, математику и лейб-астрологу курфюрста Пфальцского, от 20 августа 1507 года

Что же инкриминирует почтенный прелат нашему новому герою? Помнит и может полностью восстановить по памяти все труды Аристотеля и Платона, похваляется в любой момент повторить все чудеса Христа, козыряет алхимическими познаниями, превосходящими всех герметистов, вместе взятых, и, наконец, порочен до мозга костей.

«...ему покровительствует Франц фон Зиккинген, наместник твоего (Вирдунга — Е. П.) князя, человек, весьма склонный ко всему мистическому; но вскоре... он стал развращать своих учеников, предаваясь гнуснейшему пороку, и, будучи изблещен, скрылся от угрожающего ему строгого наказания».

Цену подобным обвинениям мы хорошо знаем и легко можем представить себе, какое наказание ожидало Фауста-младшего.

Иоганн Тритемиус (1462—1516) — видная фигура. Теолог, историк и натурфилософ, он оставил заметный след в культуре позднего средневековья. Достаточно сказать, что его учениками были Агриппа Неттесгеймский и Теофраст Парацельс.

За уничижительными строками проглядывает ревность к успехам заезжего гастролера. Ведь он и сам сподобился прослыть чернокнижником, опубликовав сочинение под названием «Стенография», т. е. в буквальном смысле «Тайнопись». Направленное против черной магии, оно прославляло так называемую магию «естественную», нацеленную на раскрытие тайн природы, но, как это нередко случается, подверглось превратному толкованию. Под давлением капитула он принужден был сложить с себя сан аббата. Тем болезненнее, наверное, казалось ему взирать на триумф заведомого обманщика. В письме к Максимилиану I, своему покровителю, Тритемиус обрушивается на некромантов и прочих чернокнижников, обвиняя их не только в обмане, но и в преступном сговоре с дьяволом и требует самых суровых мер. Письмо датировано 1508 годом.

Не стоит повторять, какое это было время, особенно в Германии. Но для историка текст Тритемиуса настоящий клад.

Прежде всего, имя Сабелликус. Вероятно, оно образовано от латинского определения «сабинский»: сабиняне считались в Риме особо сведущими в магии. Кличка Сабинский маг была широко распространена в средние века. Встречается она и в трагедии Гете.

Особый интерес вызывает ссылка на Франца фон Зиккингена. Друг писателя-гуманиста Ульриха фон Гуттена, имперский рыцарь Зиккинген (1481—1523) возглавил рыцарское восстание в Южной Германии в 1522—1523 годах. Был смертельно ранен в сражении.

В Шпейер Тритемиус прибыл 5 июня 1505 года. Его встреча с Фаустом в Гельнгаузене, по дороге из Бранденбургской марки, т. е. Берлина, могла случиться в мае того же года. По-видимому, аббат не без основания посчитал «магистра» самозванцем, поскольку лишь спустя два года Фауст удостоился звания бакалавра. Мнение Тритемиуса разделялось многими людьми, главным образом клириками.

«Восемь дней тому назад в Эрфурт прибыл некий хиромант по имени Георгий Фауст, гейдельбергский полубог, истинный хвостун и глупец... Невежды восторгаются им... Я сам слышал в харчевне его вздорные рассказы, но не наказал его за дерзость, ибо что мне за дело до чужого безумца!»

*Из письма Муциана Руфа, каноника
в Гете, своему ученому другу Генриху
Урбану, в монастыре Георгенталь,
7 октября 1513 года*

Конрад Муциан Руф (1471—1526) обладал обширными познаниями. Он возглавлял кружок эрфуртских гуманистов, к которому принадлежал Гуттен. Такие гуманисты, как ученый-ориенталист Рейхлин и соратник Лютера Меланхтон, дарили его своей дружбой. Эрфуртцы, в частности, выступили в защиту Рейхлина, подвергнувшегося яростным нападкам реакционного духовенства. Употребленное в письме выражение «полубог» — плод погрешности в латинском написании. На самом деле следовало читать «гейдельбергский гельмштедтец». Очевидно, Руф полагал, что Фауст был выходцем из Гельмштедта.

Это подтверждает и Килиан Лейб, приор монастыря Ребдорф:

«Георгий Фауст из Гельмштедта сказал 5 июня: «Когда Солнце и Юпитер встречаются в одной созвездии, тогда рождаются пророки» (т. е. ему подобные). Он выдавал себя за комтура или учителя небольшого орденского дома иоаннитов».

В однообразии Фауста не упрекнешь: он постоянно добавляет себе все новые титулы. Комтур иоаннитов — звучало весомо.

Имя неугомонного вояжера значится во многих документах:

«Годовой отчет камермейстера Ганса Мюллера от Вальпургиева дня года тысяча пятьсот девятнадцатого до Вальпургиева дня года тысяча пятьсот двадцатого: Назначено и пожаловано философу доктору Фаусту 10 гульденов за составление гороскопа...»

Из приходно-расходной книги епископа Бамбергского

Тот самый Бамберг, печально прославленный рекордным количеством жертв! Фауст не только благополучно унес оттуда ноги, но, вместе с ними, и горсть серебра.

А вот сцена почти прямо из Гете:

«В народе ходят слухи (и это подтверждается в одной старой лейпцигской хронике), будто однажды, когда погребщикам в Ауэрбаховском винном погребе никак не удавалось выкатить непечатую бочку с вином, знаменитый чернокнижник доктор Фауст сел на нее верхом и силою его чар бочка сама поскакала на улицу».

«Лейпцигская хроника» Фогеля

Выехал Фауст, держась за бока,
Из Ауэрбаховского погребка,
Сидя верхом на бочке с вином,
И это видели все кругом.
Постигнул черную магию он,
И чертом за это был награжден.

*Надпись под соответствующей
картиной, висевшей на стене означенного погребка*

Фабула гениальной трагедии Гете слишком хорошо известна, чтобы и впредь задерживать на этом внимание.

Анабазис чародея по землям Германии не обошелся без осложнений.

«Сегодня, в среду после Вита, 1528:

Предписать прорицателю, чтобы он покинул город и искал себе пропитание в другом месте».

Протокол постановлений магистрата Ингольштадта

«...приказано некоему человеку, называвшему себя доктором Георгом Фаустом из Гейдельберга, искать себе пропитание в другом месте и взять с него обещание властям за этот приказ не мстить и никаких неприятностей им не учинять».

Протокол о высылках из Ингольштадта

Совсем, как у нас: «Слушали — постановили». Но бояться чародея сытые бюргеры, бояться.

Объективности ради обратим внимание на год: 1528. После Гейдельберга, а Гельмштедт, к слову сказать, находился по соседству, прошло двадцать лет! Фауст вполне мог стать полноправным доктором — теологии или медицины, — но он все тот же неумный бродяга. Разъезжает с гастролями, добывая «пропитание» опасным ремеслом чернокнижника.

И еще свидетельство современника, особо значимое для нас:

«Недавно с большими затратами привезли сюда из Германии некоего демонолога, то есть мага, которому подвластны духи, для того, чтобы он противился императору, как некогда Ианний и Иамварий противились Моисею. Отец лжи внушил этим людям веру в то, что этот чародей может предвидеть будущее, что от него не могут быть скрыты никакие тайные намерения, никакие помыслы, что в его власти доставить сюда обратно по воздуху королевских детей, наколдовать неисчислимые количества войск, повозок и коней, что ему открываются клады, что он может скреплять или разрушать узы брака и любви и даже излечивать стигийскими снадобьями все неизлечимые недуги, далеко зашедшую чахотку, сильную водянку и застарелую дурную болезнь».

Так писал знаменитый Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский (1486—1535), сам прославшийся отъявленным чернокнижником, за что подвергся преследованиям.

Натурфилософ, искусный врач, дипломат и философ-энциклопедист, он еще в молодые годы поступил секретарем к императору Максимилиану I. Его труды «О неверности и тщете наук и искусств» и особенно «Об оккультной философии», где пропагандировалась «естественная» магия, были известны каждому просвещенному человеку того времени.

В 1528 году он находился на службе короля Франциска I. Фауста, таким образом, «с большими затратами привезли» уже и во Францию. И по какому делу! «Королевские дети» — сыновья Франциска, которых император Карл V держал в заложниках после заключения мира в 1526 году. Обещать «доставить их по воздуху» мог только Фауст, отчаянная голова.

Имя, правда, не названо, но есть все основания думать, что Агриппа имеет в виду именно Фауста: в письме папского нунция Минуччи они упомянуты вместе, Агриппа и Фауст.

Филолог Иоахим Камерариус (1500—1574), друг и биограф Меланхтона, тоже выпорхнувший из Эрфуртского гнезда, в письме к Даниэлю Штиберу отозвался о Фаусте с нескрываемой насмешкой:

«Накануне нон я пережил печальную ночь, когда Луна находилась в противостоянии Марсу, в созвездии Рыб. Ибо твой Фауст причина того, что мне хочется с тобой об этом порассуждать. О, если бы он лучше научил тебя чему-нибудь из этого искусства, а не надул ветром суетного суеверия или какими-то чарами держал тебя в ожидании».

Умонастроение Камерариуса и понятно, и достохвально, но о Фаусте он судит с чужих слов, тогда как его корреспондент, юрист Штибер, знаком с чернокнижником лично, увлечен им и серьезно относится к его прорицаниям. Штибер принадлежит к тому же кругу, что и Камерариус: Эрфурт, виттенбергские поэты, вдохновленные Меланхтоном. Он много путешествовал по Италии, Франции, Нидерландам, жил и учился у самого Эразма Роттердамского. Казалось бы, такого на мякине не проведешь.

Фауст удачно предсказал победу Карла V над Франциском I, что восхитило Штибера, но вызвало ироническую улыбку Камерариуса: «Побеждает ли Цезарь? Так оно и должно быть»...

Не будем вдаваться в подробности: что сбылось, а что не сбылось. Возобновившаяся в 1538 году война между Францией и Испанией дает еще одну дату. Фауст жив, полон энергии, разъезжает и морочит голову сильным мира сего. Через тридцать лет после гейдельбергского «бакалаврства» мы застаем его во Франконии, окруженного фамулусами¹ и меценатами. Еще при жизни о нем начали создаваться легенды: договор с дьяволом, подписанный кровью, бес по имени Мефистофель и т. д.

Филипп Бегарди, городской врач в Вормсе, еще повторяет зады, отчитывая странствующего «по всем землям, княжествам и королевствам» нигроманта, физиогнома, кристалломанта и прочая, тогда как чьи-то руки усердно простегивают основную сюжетную кайму огненной нитью.

Реальный Фауст постепенно отходит в тень inferнального, фантастического.

Восполняя пробелы в биографии, «Народная книга» подробно повествует о матримониальных поползновениях Фауста, вызвавших неудовольствие ада:

«Спросил он тогда черта, который всегда был врагом законного брака, установленного и утвержденного Богом, можно ли ему жениться. Злой дух ответил ему: что он себе думает, не забыл ли он своего обещания?.. Ведь он обещал враждовать с Богом и всеми

¹ Ученики (лат)

людьми, поэтому не должно ему вступать в брак, ибо нельзя слушать двум господам — Богу и ему, дьяволу. Брак же создан Всевышним, а мы ему враждебны. Что же касается прелюбодеяния и распутства — это мы считаем за благо».

Фауст, однако, пытается поступить по-своему, призывает монаха, который, понятно, тоже стоит за безбрачие, и заявляет ему, что не отступит от намерения обзавестись супругой. Зачем понадобился монах, не известно, ибо дьявол в посреднике не нуждается. В доме начинается форменное светопреставление: стены дрожат, крыша вот-вот рухнет, повсюду вспыхивают огни, а Фауст не может и пальцем пошевелить.

«И сказал ему дьявол так: «Ну, говори, какие теперь у тебя намерения?»

Фауст признает себя побежденным и умоляет о прощении.

«После явился ему Мефистофель и сказал ему: «Если впредь ты будешь держать свое слово, я могу насытить твою похоть иным образом, так, что ты в жизни ничего другого не захочешь... Я буду каждую ночь и каждый день приводить тебе в постель любую женщину, какую ты увидишь в этом городе или где еще, если ты пожелаешь ее по воле своей для блуда».

Не здесь ли зародыш будущей Гретхен-Маргариты? «Любовь, что движет солнца и светила» (Данте), избирает единственный «кумир для сердца своего» (Пушкин). Не может быть двух Беатриче, Лаур или Джульет. Гете прозорливо угадал космическую идею всепобеждающего Эроса — первопотенции мироздания.

У Гете: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!».

У Шписа: «Когда доктор Фауст увидел, что срок его договора день ото дня приходит к концу, начал он вести свинскую и эпикурейскую жизнь и призвал к себе семь дьявольских суккубов, с которыми со всеми совокуплялся, и каждый из них являлся ему в другом женском образе, такой красоты, что нельзя сказать. После этого ездил он во многие государства вместе со своим духом, желая видеть всех что ни на есть женщин. Семерых из них он совратил: двух нидерландок, одну венгерку, одну англичанку, двух швабок и одну французенку, которые были украшением своих стран. С этими дьявольскими женами предавался он непотребству до самой своей кончины».

«С этими» или с суккубами? Перечисление умиляет своей псевдодостоверностью.

Но не будем забегать далеко вперед. Срок мифического договора еще не истек, Фауст продолжает чародействовать, и сообщения о нем поступают из самых разных мест.

Из Нового Света, в том числе.

Немецкий конквистадор Филипп фон Гуттен (1511—1541), кузен гуманиста Ульриха, пишет брату Морицу, князю-епископу Эйхенштетскому, из Венесуэлы:

«Ну, вот Вам обо всех морских странствиях понемножку, чтобы Вы могли видеть, что не нас одних до сих пор преследовали несча-

стья в Венесуэле: за три месяца погибли все флотилии, о которых я уже говорил, и те, которые вышли из Севильи раньше нас, и те, которые следовали за нами. Приходится мне признать, что предсказания философа Фауста сбылись почти полностью...»

Письмо датировано 16 января 1540 года.

Рыцарь Филипп отплыл от берегов Испании 19 октября 1534 года в составе экспедиции, снаряженной на средства аугсбургских банкиров и купцов, которым Карл V продал Венесуэлу. Прибыв на место, он вскоре отправился на поиски сказочной страны Эльдорадо, где золото валяется под ногами. Обрато из четырех тысяч участников похода возвратилось всего сто пятьдесят человек. Изможденные, истерзанные тропической лихорадкой, они едва держались на ногах. После смерти командующего — губернатора Хозермута, отряд возглавил Филипп. Вторая попытка закончилась для него трагически. Дойдя до верховьев реки Гваннар, конквистадоры вынуждены были повернуть назад. Как всегда в таких случаях, начались бурные выяснения отношений. Хуан де Караваха, второй человек в отряде, убил и ограбил Филиппа фон Гуттена.

Так что, строго говоря, предсказания сбылись полностью, без «почти». Оракул был приурочен к отплытию эскадры из Севильи.

Он на коне,
В стальной броне,
В лучах и тенях Ада,
Песнь на устах,
В днях и годах
Искал он Эльдорадо

Эдгар По

Гениальный дилетант, как назвал его Гессе, Фауст жил в эпоху Конкисты и как никто другой понимал, что Эльдорадо сродни философскому камню. Путь без возврата.

О похождениях доктора Фауста на амурном фронте никаких сведений нет. Судя по всему, беспутный школяр до седых волос был приверженцем Бахуса. Он подсылает буйного беса в монастырь, где его потчевали скверным вином, и вообще не упускает случая опорожнить бутылку-другую. Даже оказавшись в тюрьме города Батурбурга на реке Маас, ухитряется отплатить черной неблагодарностью добряку-капеллану, снабжавшему лиходея дармовой выпивкой. Перед нами все тот же Фауст, каким мы видели его в Аугсбургском погребке. В рассказах о его проделках, как ни странно, даже проглядывает некоторая симпатия.

Августин Лерхмйсёр приводит в книге о колдовстве следующий эпизод:

«Однажды на Масленицу, поужинав дома в Мейсене, Фауст помчался со своими приятелями за 60 миль в Зальцбург выпить на сон грядущий хорошего вина из погреба тамошнего епископа. Здесь во время попойки их случайно застал келарь и стал обзывать вора-

ми. Тогда они отправились снова восвояси, а келаря забрали с собой, и по пути Фауст посадил его в лесу на верхушку большой сосны, а сам полетел за своей компанией дальше».

В сущности, происшествие с келарем всего лишь невинная шутка неугомонных гуляк.

В другом месте Лерхмейер почти выгораживает мага-тристера:

«Не так уж преступна, хотя и греховна, проделка Иоганна Фауста из Кнютлитгена (еще один город! — *Е. П.*) в харчевне... Однажды он пил там со своими собутыльниками, и при каждой здравнице они осушали кружку наполовину, а то и до дна, как это в обычае у саксонцев, да и у всех других немцев».

Суть проделки заключается в том, что Фауст проглотил мальчишку-прислужника, перелившего вино через край.

— Хорошую еду надо запивать, — лукаво промолвил проказник, опорожнив кадку с водой.

На мольбы хозяина смилостивиться, он глумливо осклабился и указал на печь, где съежился промокший до нитки мальчуган.

Фокусничество, проказы — все в духе эпохи, с ее двойственным отношением ко всему: раю и аду, чародейству и богомольному ханжеству, блюду и воздержанию.

Ах, мало ли таких гуляк,
Кому — как дом родной — кабак
Пришли — кабатчик наготове,
Две ляжки подал им коровьи,
Миндаль, изюм и рис принес,
А чем расплатятся — вопрос

Себастиан Брант «Корабль дураков»

Вроде бы в осуждение, но, некуда деться, сладок порок.

Пьешь в меру — разговор иной

Не очень-то убеждает вынужденная сентенция.

Миф питается архетипом. Народ творит героев по собственному подобию, переноса с одного на другого не только типичные черты, но и устоявшиеся стереотипы. Дьявол всегда лгун, обольститель, гаер и бражник-гуляка. Не таким ли положено быть и его прислужнику? Отсюда многие облыжно приписываемые Фаусту похождения.

Протестантский богослов Иоганн Гаст, который лично встречался с ним в 1525 году в Швейцарии, тем не менее, идет на поводу у молвы:

«Когда мы с ним обедали в Большой коллегии в Базеле, он отдал повару изжарить птиц, и не знаю, где он купил их или от кого получил в подарок, потому что их тогда нигде не продавали, да и птиц таких в Базеле не водилось».

И это все! Но если нет фактов, могущих бросить ответ адских огней, в ход идут домыслы:

«Были у него собака и конь, которые, полагаю, были бесами, ибо они могли выполнять все, что угодно. Слышал я от людей,

что собака иной раз оборачивалась слугой и доставляла хозяину еду».

Так, со слов «очевидца» («врет, как очевидец»), на арену выходит Мефистофель в образе черного пуделя. Широко распространенный фольклорный мотив вольно и невольно «подшивают к делу» Иоганна Фауста, которое в любой момент и впрямь может дать повод к обвинению в союзе с дьяволом. Образ мысли своеобразный, но, увы, не оригинальный: где диковинная птица, поджаренная на вертеле, там и пес-оборотень.

В плену демонологических клише оказываются и Лютер с Меланктоном.

Эрудит и умница Рейхлин и словом не упоминает о Фаусте, а Филипп Меланхтон пускается во все тяжкие, возвращая нас в достопамятные времена Нерона:

«Там Симон-маг вознамерился взлететь на небо, но Петр вознес моления, чтобы он низвергся на землю. Полагаю, что апостолам много раз приходилось вступать в необычайные состязания, хотя и не все это записано. Фауст также пытался в Венеции взлететь на небо, но жестоко расшибся, упав на землю».

И такое говорится в комментариях к воскресным евангелиям! Где поп, где приход?

Легенда о Симоне-маге включена в канонический текст. Согласно «Деяниям апостолов», Симон — самаритянин прельщал ранних христиан волхвованием и чудесами. «Сей есть великая сила Божия», — с почтением и страхом отзывались о нем. Приняв крещение, он вознамерился купить за деньги «дары духа святого», дабы возвысить себя над апостолами, и был проклят Петром. Его имя было увековечено в специфическом термине «симония». Продажа церковных должностей, столь распространенная в средние века, приравнивалась, таким образом, к торговле святыми дарами.

В апокрифах, посвященных Петру, и древнехристианской книге под названием «Клементины» Симон предстает могущественным чародем: воскрешает мертвых, невредимым выходит из пламени, обращается в животных и вообще меняет личины, мгновенно исчезает и появляется в другом месте и, конечно, летает по воздуху — полный набор.

Желая на деле продемонстрировать силу своих чар, он, разумеется с помощью дьявола, спрыгнул на виду у всего Рима с высокой башни, но, по слову апостола, был посрамлен.

Лжемессию повсюду сопровождала женщина, которую он выдавал то за лунную богиню Селену, то за Елену Троянскую. Отцы церкви считали ее «блудницей из города Тира». Отсюда появление духа Елены в «Народной книге», а затем и в трагедии Гете.

«Возможно также, что фигура гомункулуса, искусственного создания Вагнера во II части «Фауста», — считает В. М. Жирмунский («История легенды о Фаусте»), — подсказана была

Гете традицией, восходящей к «Клементинам», где Симон-маг вместе с Еленой, в соответствии с гностическими представлениями, создает человека путем магической трансформации элементов».

Все во всем и все взаимосвязано: язычество, раннее христианство, гностицизм, алхимия, черная магия, но при чем тут реальный Иоганн Фауст?

«Дьявол удивительный мастер, — развивает свою аналогию Меланхтон, — может он творить такие художества, которые кажутся натуральными так что мы и не знаем. Повествуют о многих чудесах магии, о чем я уже сказал в другом месте... Так и Фауст-маг пожрал в Вене другого мага, которого спустя немного дней нашли в другом месте. Дьявол может творить много удивительного».

В рассказе о пьяных похождениях Фауста Лерхмейер уронил словечко «полетел», и вот он уже летает по воздуху и падает с башни в Венеции, — откуда взялась Венеция? — как Симон-маг. Кому-то с похмелья привиделось, что он проглотил мальчика, теперь же он пожирает другого мага.

«Слышал я также, что Фауст (помнится мне, что именно о нем шла речь) сказал в Гальберштадте: «Ну, теперь, поевши, вымойте руки, а вытрем мы их уже в Любеке».

Вольфганг Бютнер, литератор из Веймара

Чудеса растут, как снежный ком, приобретая все более мрачный оттенок. Протестанты не отстают от католиков. Сам Мартин Лютер подливает масла в огонь.

В «Застольных беседах», записанных со слов учителя Аурифабером, упомянут не только Фауст, но и его обличитель Тритемиус, настоятель Шпонгеймского монастыря.

«Когда однажды за ужином зашла речь о некоем чернокнижнике Фаусте доктор Лютер сказал внушительно: «Противоборствуя мне, дьявол не прибегает к помощи колдунов. Если бы он мог этим нанести мне вред, он бы давно уже сделал это. Не раз уже он хватал меня за глотку, но приходилось ему все-таки отпустить меня. Я-то уж по опыту знаю, каково иметь с ним дело».

Еще бы! Пятно от запущенной в лукавого чернильницы, заботливо подновляемое, долго чернело на стене.

«Спросили доктора Мартина: «Когда Самуил явился царю Сауду, вызванный колдуньей по его желанию, был ли это действительно сам пророк?». Он же отвечал: «Нет, то был призрак и злой дух, и доказывается это тем, что Бог запретил Моисею узнавать правду от мертвецов; было же это только дьявольское наваждение во образе человека божьего Так и чернокнижник аббат Шпонгеймский сумел показать императору Максимилиану в его покоях всех умерших императоров и великих героев...»

Вот те на! Какой стремительный пируэт с широчайшим размахом: от Аэндорской волшебницы (наше начало!) до Тритемия, уго-

дившего в некроманты, как кур в ощи. Отсюда можно сделать по крайней мере два многозначительных вывода.

Первый — общий: магия заразна, кто попал в ее ауру, будь ты апологет или критик, рискует сподобиться запятнать репутацию. Знаю по себе. После выхода в свет «Трона Люцифера», критических, как значится в подзаголовке, заметок, посыпались обвинения в пропаганде поповщины и чертовщины. Когда же диаметрально переменялся ветер, — атеизме.

Вывод второй — частный: если Тритемий, просвещенный испытатель «магических» сил природы, расчихвости́в Фауста, оказался вдруг его единомышленником, не вправе ли мы усомниться и в самом Фаусте? В приписываемых ему колдовских экзерсисах? Тем более, что и Агриппа Неттестгеймский, ученик Тритемииуса, попал в ту же компанию!

«В этих своих увлечениях магией и других безумствах он (архиепископ Кельнский Гебхард Трухзес)... следовал примеру графа Германа де Вид, который в годы своего отпадения (от церкви) имел около себя Фауста и Агриппу...»

Из письма папского нунция Минуччи герцогу Вильгельму Баварскому

Рационалист Абеляр, профессор Парижского университета, францисканец Роджер Бэкон, профессор в Оксфорде, Пьетро д'Абано, врач и натурфилософ, профессор университета в Падуе, наконец, Альберт Больштедтский, прозванный Альбертом Великим, профессор в Париже и Кельне — надо ли и далее множить славный ряд светочей и мучеников науки? За редчайшим исключением, все они обвинялись в злом чародействе.

Астрология и алхимия составляли неотъемлемую часть средневековой культуры вообще и мировоззрения в частности. Любой просвещенный муж, если он хотя бы на полголовы возвышался над прочими, рисковал быть обвиненным в содружестве с дьяволом.

Невзирая на всю сомнительность поведения Фауста — бахвальство и пристрастие к горячительным напиткам, он был человеком ученым, и не его вина, что «добывать пропитание» (см. вердикт Ингольштеттского суда) пришлось гороскопами и волхвованием. В этом смысле весьма показательна судьба Роджера Бэкона, универсального гения и подвижника. Математик, оптик, астроном, он четырнадцать лет провел в заточении, где создал механического слугу и первую вычислительную машину. Доктор мирабилис («удивительный») прозвали его современники.

Едва в Англию попало первое издание «Истории о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике», напечатанное во Франкфурте-на-Майне Иоганном Шписом в 1585 году, как гордые британцы тут же выкинули на прилавок свою, и тоже «народную», книгу, но посвященную Бэкону. Сюжетные ходы почти одни и те же, да и заголовок не может похвастать оригинальностью: «Знаменитая история брата Бэкона, содержащая

удивительные дела, совершенные им при жизни, также об обстоятельствах его смерти, вместе с историей жизни и смерти двух других чародеев, Бунгея и Вандермаста».

Наряду с ходульным образом мага, продавшего душу за мирские блага формируется прямо противоположный — свободолобца и бунтаря.

Студиозусы очарованы бурным красноречием доктора из Гейдельберга аплодируют его удали и резким выпадам против ханжества и лицемерия. Завсегдатаи кабачков рады случаю посидеть рядышком с ученым человеком, который не дурак выпить и не чурается соседства с простонародьем. Он и от болезни поможет, и добрый совет даст, как выпутаться из тенет судей-крючкотворов или провести сборщика налогов, готового содрать последнюю шкуру. Фауст ведь и сам бывал в переделках: сживал в каталажке, претерпел гонения. Города, откуда его выпроваживали, тоже выстраивались в почетную очередь: за Ингольшtedтом последовал Кройндах (или наоборот?), потом Нюрнберг...

Быль так густо перемешана с небылицами, что не разберешь. Лютер, так тот вообще нес несусветную, даже по тому времени, чушь про то, как чернокнижник, «обратив руки в копыта? и когти», явился на обед к императору Фридриху, отцу Максимилиана.

«Я могу сделать вашему величеству то же, если будет на то ваше разрешение». Император дал согласие. Чернокнижник стал ворожить. Неожиданно за окном раздался шум. Император высунул голову в окно, чтобы узнать, что случилось, и тут у него на лбу выросли оленьи рога, так что не мог он втянуть свою голову обратно в комнату. Тогда он сказал чернокнижнику: «Освободи меня, ты победил».

Не иначе как «застольные беседы» сопровождалась обильными возлияниями.

У Рабле этот процесс протекал веселее:

« — А я, хоть и грешник, да без жажды не пью. Когда я, Господи благослови, начинаю, ее (жажды) еще может и не быть, но потом она приходит сама — я ее только опережаю, понятно? Я пью под будущую. Вот почему я пью вечно. Вечная жизнь для меня в вине, вино — вот моя вечная жизнь».

«Гаргантюа и Пантагрюэль» («Беседы во хмелю»)

Они ведь современники — Рабле и Лютер; Лютер и Фауст.

«При жизни Лютера и Филиппа (Меланхтона) чернокнижник Фауст... проживал некоторое время в Виттенберге, — отмечал уже знакомый нам Августин Лерхмейер в своей книге о колдовстве. — Это допустили в надежде, что, приобщившись к учению, процветавшему там, он раскается и исправится».

Куда там! В цитадели протестантизма вериги суеверия и тупого обскурантизма казались еще тяжелее. Сказывался «суровый гер-

манский гений», общая атмосфера Германии, пережившей ужасы Крестьянской войны.

«...чернокнижником был и Иоганн Фауст, который натворил много пакостных дел своей черной магией и т. п.

Он всегда держал при себе собаку. Это был дьявол. В Виттенберге его схватили бы по приказу курфюрста, если бы он не скрылся вовремя. В Нюрнберге с ним поступили бы так же, если бы он не скрылся и оттуда».

Андреас Хондорф, пастор в Дройсиге

В унисон с расхожей молвой поют и клирики обоих вероисповеданий, и люди вполне светские, знающие толк в герметизме.

Иоганн Якоб Векер, автор трактата «О тайнах» (Базель, 1582):

«Особого удивления достойно то, чего достигают маги, которые заклинаниями могут сковывать людей и животных. Фауст, например, сковывал рты пьяных и орущих крестьян так, что они застыли в молчании». «Застыли» упившись до положения риз?

Леонгарт Турнейсер, лейб-медик курфюрста Бранденбургского, астролог, алхимик и, ко всему прочему, правда, по слухам, отчаянный чернокнижник:

«Следующими по рангу являются те маги, которые понимают кое-что в философии, как, например, доктор Фауст...»

Гонят бедного Фауста, как красного зверя. И податься-то толком некуда: в Женеве, у кальвинистов, тоже пылают костры.

Попробуем проследить его путь хотя бы редким пунктиром. Был ли он в Венеции, где пытался взлететь, подобно Симону-магу?

Лютер не одинок в своих нападках.

«Почти то же самое случилось и с Иоганном Фаустом, когда он, находясь в Венеции, собрался лететь без крыльев. Его хозяин поднял его в воздух и сбросил вниз так, что он сломал себе ногу, но так как он еще не отслужил своего срока, то он не погиб, как Симон-маг, а с позором бежал и, в конце концов, умер ночью на постоялом дворе в Вюрцбургской земле от того, что дьявол свернул ему шею».

Самуил Мейсериус, гольштинский пастор

В документах часто встречается Краков — родной город Николая Коперника.

«Иоганнес Фауст, родом из городка Кундлинг, научился магии в Кракове, где ее в то время преподавали открыто, и незадолго до 1540 года лживым и обманным образом практиковал ее в разных местностях Германии, вызывая восхищение многих...»

Иоганн Вир «О чудесах демонов»

«И в наше время люди, встречавшиеся с Фаустом, немецким чернокнижником, утверждают, что однажды, по просьбе нюрнбер-

жцев, он выставил... на лицезрение всем восседающих на конях Энея, Ахилла, Гектора, Геркулеса и других героев...

А так как в Кракове в старину более, чем в других местах, занимались магией, то многие упорно утверждают, что при помощи магических чар жители Кракова вызывали тени польских героев...»

Станислав Сарницус. «О Фаусте-нигроманте»

В Краковском университете действительно преподавали магию, но «естественную», так как понимали ее Тритемий и Агриппа. Постоянные же нападки обусловлены неприятием гелиоцентрической системы Коперника равно еретичной для ортодоксальных католиков, лютеран и англикан. В пьесе Марло «Трагическая история доктора Фауста» персонажи строят свои ученые рассуждения на геоцентрической модели Птолемея. Первое ее издание датируется 1604 годом. Пошел семнадцатый век!

Близится к завершению наша, весьма не успешная, но богатая неожиданностями, гонка по следам доктора Фауста. Сегодня он здесь, завтра там.

...«Фауст родился неподалеку от Веймара и Иены, воспитывался в Виттенберге... в деревне Кимлих, находящейся в полумиле от Виттенберга, его удушил дьявол»...

Августин Лерхмейер

«Предание говорит, что маги Фауст и Корнелий Агриппа, путешествуя, расплачивались в харчевнях деньгами, которые казались настоящими, но через несколько дней превращались в обломки рогов и прочий хлам».

Мартин Дельрио. «Разыскания о колдовстве»

«...в деревне Пратау видели дом, в котором, как говорят, доктор Фауста настигла злосчастная кончина».

*Из описания путешествия принцев Вюртембергских
Людвига-Фридриха и Магнуса*

«...известный чернокнижник д-р Фауст, который как раз в этот день проезжал через Корбах, предсказал, что город Мюнстер в ту самую ночь будет захвачен войсками епископа».

«Вальдекская хроника»

«Городок этот¹ примечателен тем, что, по преданию, там был растерзан дьяволом знаменитый чернокнижник доктор Иоганн Фауст...»

К. Ф. Заттлер. «Историческое описание Вюртемберга»

«...д-р Фауст частенько гостил у одного дворянина, жившего на Шлоссергассе (Эрфурт), в доме «под Якорем». Однажды, когда Фа-

¹ Книттлинген.

уст находился в Праге, куда он уехал на время, собралась у того дворянина веселая компания; заговорили о Фаусте и о том, как хорошо было бы, если бы он оказался сейчас здесь. Тотчас к дому подскакал Фауст...

Фауст всю ночь угощал пирующих любимыми винами, каких бы они только ни пожелали, а черпал он их прямо из стола. Под утро конь пронзительным ржанием призвал хозяина. Фауст вскочил на него, взвился в воздух и снова улетел в Прагу.

Вернувшись из Праги с богатыми дарами, он будто бы пригласил к себе (жил он у церкви св.Михаила) гостей, не приготовив заранее никакого угощения, и при помощи подвластного ему духа чествовал их преотлично всякими яствами, вином и музыкой».

Юст Кристоф Мотчман, профессор Эрфуртского университета

Наконец-то Прага! Троекратно названа Прага, где Фауст преbывал «некоторое время», затем возвращался в Эрфурт и вновь уносился в имперскую столицу.

Забудем о чудесах. Пусть гульденy превращаются в мусор, подобно золоту ведьм в утро колдовского похмелья или червонцам после сеанса черной магии в «Варьете». Богатые дары, вина, фонтаном бьющие из столешницы, скатерти-самобранки, волшебная музыка — все побоку. Есть человек из крови и плоти, и есть историческое свидетельство: Фауст был в Праге.

Сведения о его пребывании в Эрфурте профессор Мотчман почерпнул из хроники, составленной магистром Хогелем. Это вполне авторитетный источник, дошедший до нас в первоизданном виде. Хроника, в свою очередь, восходит к еще более раннему летописному манускрипту, составленному Рейхманом и завершенному Вамбахом в 1550 году. Приблизительно к этой дате и приурочен эрфуртский период доктора Фауста. Известно и имя рыцаря, оказавшего ему гостеприимство. Владельцем дома «под Якорем» был Вольфганг фон Демштедт. Хогель характеризует его, как ярого «паписта», противника реформации.

Если же говорить о чудесах, то поистине чудом можно счесть тот непреложный факт, что, несмотря на все превратности, уцелел дом «под Якорем»! Оконца его фасада, словно угасающие очи одряхлевшего божества, без любопытства взирают на Слесарную улицу, а черный ход выводит в узкую щель Dr.Faustgasschen — переулкa доктора Фауста.

Как проследить запутанную траекторию давным-давно улетевшей птицы? Но мы все-таки замкнули свой Пражский круг. Осталось только сказать последнее слово про «Дом Фауста» в Старом Городе. Вполне возможно что великий чародей почтил его своим пребыванием.

«Однажды осенью, в сумерки, остановился у ворот Фаустова дома молодой человек, студент, — продолжает повествование Алоис Ирасек. — Что он не имел пристанища, это было ясно

видно по его старой треуголке, поношенному сюртуку, засаленным штанам по колена, заштопанным чулкам и стоптанным башмакам.

Он был совсем бедный, почти что нищий. Как бездомный пес, он не имел приюта. Заплатить ему было нечем и его отовсюду гнали. Долго он бродил по Праге, отыскивая пристанище, просил обождать платы, но никто не хотел его слушать, никто не сжалился, никто не приютил. Так проходил он целый день и, утомленный, обескураженный, остановился перед Фаустовым домом. Как он сюда попал, он и сам не знал.

Смеркалось. Моросил дождь, и дул резкий ветер».

Впечатляющая картина. Легко понять состояние бедняги — бомжа, вымокшего, дрожащего от холода, когда он прокрался внутрь и, останавливаясь на каждой ступени, стал подниматься по скрипучей, расшатанной лестнице. Причудливые фигуры, венчавшие витые столбы на маршах, едва различались в полутьме, что только усиливало гнетущее чувство опасности, затаившейся где-то рядом. Дуло из всех щелей. Пыхавшие за витражным окном молнии озаряли на миг высокий сводчатый потолок, затянутый паутиной, дубовые панели и длинный, уходящий во мглу коридор.

Отворив первую попавшуюся дверь, он очутился в комнате со скошенными углами, где смутно вырисовывались массивные шкафы из темного дерева, такой же стол и кресло с высокой спинкой у камина.

Стуча зубами, школяр расположился на лавке и, подогнув колени, провалился в сон.

Старинное сказание обретает вещественную опору в деталях обстановки, воссозданной со знанием и безупречным вкусом чешскими дизайнерами и реставраторами.

В «Доме Фауста» (угол Вышеградской улицы и Новоместской площади) нынче размещается уникальный музей алхимии и средневековой медицины. Часть экспонатов была найдена прямо на месте — в подвалах и на чердаках. Быть может, и впрямь руки Фауста касались этих книг в тяжелых кожаных переплетах с застежками, а на этой скамье провел свою первую ночь бездомный школяр. Как бы там ни было, но, восстав поутру, он обнаружил множество интересных вещей, которые, а именно это и навевает магическое очарование, как бы вернулись теперь на свои места. Мне казалось, что в зале, где разместилась лабораторная утварь, я простоял несколько часов, хотя на самом деле пролетели какие-то минуты...

«Комната была просторная, со сводчатым куполом, разрисованным небесными светилами; там были солнце, луна, разные созвездия и небесные знамения; по стенам шли темные шкафы с книгами, толстыми и тоненькими, в старинных серых переплетах, и столы, на которых стояли банки и склянки с разноцветными жидкостями: красными, желтыми и ярко-зелеными. Посреди комнаты стоял длинный стол, покрытый зеленым сук-

ном; на столе — опять колбы, реторты и разная утварь из желтой и красной меди; листы пожелтевшего пергамента, чистые и исписанные; раскрытая книга; на ней — оловянный подсвечник с обгорелюю восковою свечой. Все выглядело так, как будто недавно кто-то тут был.

В этой комнате студент оставался долее всего.

Я так понимаю его! Какое же он должен был испытать потрясение, обнаружив в одном из покоев сквозную дыру на потолке! Проясневшее за ночь небо, нежно голубея в рваном провале, словно бы подавало знак, лучась горним светом, но студент не прислушался. Возвратившись в лабораторию, он начал перебирать бумаги и вдруг наткнулся на миску из полированного черного мрамора. В ней лежал серебряный талер, «новенький, блестящий, точно сейчас отчеканенный». Соблазн перевесил страх. Бедняк положил деньги в карман и напрямик направился в харчевню, где впервые за много дней наелся досыта.

С того дня, он каждое утро находил сверкающую монету.

Пришел известный достаток, но захотелось большего. Тем более, что под рукой оказалась «Книга духов», подробно объяснявшая, каким образом можно быстро разбогатеть.

Какой восторг и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья.
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетание этих линий!
Расходится томивший душу мрак.
Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я — бог
И вижу, символ мира разбирая,
Вселенную от края и до края.
Теперь понятно, что мудрец изрек:
«Мир духов рядом, дверь не на запоре,
Но сам ты слеп, и все в тебе мертво.
Умойся в утренней заре, как в море,
Очнись, вот этот мир, войди в него».

Иоганн Вольфганг Гете. «Фауст»

Вошел, а обратного хода не было.

Финал известен: бес, погубивший Фауста, унес через ту же дыру и студента.

Бывал в Праге Фауст, бывал, возможно даже, что и в том самом доме который назван его достопамятным именем. Пора, однако, вернуться на твердую почву. Достоверно известно, что во дворце, построенном в середине XVI века¹ в ренессансном стиле, известном как «Дом Фауста», обретался уже известный нам алхимик Эдвард Келли. Как удалось установить, он под именем Эдварда Толбота

¹ На месте строения XII века.

поселился здесь в 1588 году. До него тут жил лейб-медик Коп, а в 1740 году сюда перебрался граф Фердинанд Младота из Солоник, видный ученый-химик.

Мне, тоже химику, особенно приятно сознавать, что в данном конкретном случае переход от алхимии к химии совершился, буквально не сходя с места.

От лисьего хвоста греметь
Не будет колокола медь
Ушам от сплетен не болеть

Себастиан Брант

Очистить образ реального Фауста от сплетен, слухов и злонамеренной клеветы не так-то просто. Само имя его стало причиной всяческих домыслов и недоразумений.

Тритемиус и Руф, первые из тех, кому он запомнился, называют его Георгием, а в матрикулах Гейдельбергского университета зафиксировано: Иоганн.

Фауст («кулак» по-немецки) не столь уж редкая фамилия. Германисты полагают, что она восходит к прозвищу, которое в древние времена звучало, как Фуст. Майнцского первопечатника тоже звали Иоганном Фаустом, да и через гейдельбергскую аудиторию прошло несколько однофамильцев.

По-видимому, согласно церковной традиции, реального Фауста нарекли двойным именем Иоганн-Георг. Даже тайного советника Иоганна Вольфганга Гете далеко не всегда величали по всей форме. Для кого-то он был Иоганн, для кого-то Вольфганг, а то и вовсе ваше превосходительство. Истинное бессмертие наступило, когда достаточно было сказать просто Гете, и всем становилось ясно, о ком идет речь.

Иногда встречается написание Фаустус («счастливый» по-латыни). Вспомним шедевр Томаса Манна — роман «Доктор Фаустус», где на зловещем фоне нарождающегося нацизма бесплотной тенью проходит Мефистофель, навязавший композитору Леверкюну такой же типовой договор на двадцать четыре года. Для средневекового ученого латинизированная форма — рядовой случай: Нотр-Дам — Нострадамус, Тритемий — Тритемиус, Фауст — Фаустус.

Независимо от того, звали ли его Георгом, Иоганном или Георгиусом Сабеликусом, родился ли он в Кундлингене, Роде или Зондвеле, учился ли в Гейдельберге, Виттенберге или Ингольшtedте, Фауст оставил глубокий след в памяти поколений.

Его посмертной славе во многом способствовала опубликованная 4 сентября 1587 года во Франкфурте-на-Майне «Народная книга». Иоганн Шпис предпослал ей, по тогдашнему обыкновению, развернутый заголовок. Приведем его полностью:

«История о докторе Иоганне Фаусте, знаменитом чародее и чернокнижнике. О том, как он продал на неопределенное время свою душу дьяволу, о необычайных приключениях, очевидцем, причиной

и непосредственным участником которых он являлся, пока наконец не получил по праву заслуженной платы. Взята большей частью из его записей, найденных после его смерти, подготовлена и опубликована с тем, чтобы послужить страшным примером, грозным уроком и искренним предупреждением всем гордецам, любопытным и безбожникам».

Шпис указывает, что рукопись была подготовлена одним из его «хороших друзей из города Шпире». Личность автора несколько проясняется при знакомстве с «Предисловием для читателя-христианина». Тон, риторика, приводимые цитаты из Библии — все говорит о том, что писал теолог-протестант, стремящийся «наставить на путь истинный и уберечь от грехопадения каждого».

Но дьявол не дремлет. Живое слово прорывается сквозь пути ханжества и трафаретного благочестья: искреннего или, на всякий случай, показного — не суть важно.

За десять лет книга выдержала 22 издания на немецком и была переведена на многие языки. Она вдохновила Кристофера Марло, благодаря которому Фауст шагнул в драматургию, в мировую литературу вообще, дабы по праву занять свое место среди бессмертных героев.

Я не знаю романа или пьесы, посвященных, скажем, императору Рудольфу или доктору Ди. Если бы не Мейринк, о них бы никто и не вспомнил, тогда как образ Фауста вдохновил многих и многих. Ему отдали дань Пушкин и Ведыкин, Бенвенте и Мартинес, Гальдерод и, через Мефистофеля-Воланда, Булгаков. После Гете каждый уважающий себя немецкий поэт-романтик намеревался создать «своего» Фауста. Да и не только немецкий. Незаконченная поэма Поля Валери так и названа «Мой Фауст».

Последним откликом явился «Фауст» Фернанду Песоа. В его произведении тайна сотворения мира остается загадочнее тайны самого творца. Понять мир сложнее, чем понять Бога.

Даже если ты встретишься
с Богом лицом к лицу,
Даже если всевышний
протянет тебе руку,
Истина ускользнет от тебя,
Даже если ты порвешь паруса,
Твой путь окажется длиннее
одиночества

Оперы Гуно и Вальтера, симфонии Вагнера и Листа, живописные полотна Врубеля и Делакруа, множество фильмов, среди которых «Красота дьявола» Рене Клера сияет звездой первой величины, — щедрая дань Фаусту — человеку-легенде.

Вырвав ученого-демиурга из когтей дьявола, Гете возвысил его над стихиями. Осуществилось алхимическое преосуществление, явленное в слове «Великое деяние» совершилось, озарив неземным светом творца и мир.

Так зреют страхи. Как он даст
Звезде превысить досяганье,
Когда он — Фауст, когда — фантаст?
Так начинаются цыгане.
Так открываются, паря
Поверх плетней, где быть домам бы,
Внезапные, как вздох, моря.
Так будут начинаться ямбы.

Борис Пастернак

НОЧИ НОСТРАДАМУСА

**Капитула
девятая**

«ИЗ БЕЗДНЫ...»

Это Вакх и Ариадна.
Все спешат от жизни взять,
Ненаглядный с ненаглядной
Обращают время вспять.
Да и свита им под стать
Веселятся бесконечно.
Нравится — живи беспечно.
В день грядущий веры нет.

Лоренцо Медичи Великолепный

В тиши ночей, от взглядов ищущих сокрывшись,
Я вижу отблеск пламени во тьме,
И в этом зеркале огня картины
Всплывают будущих времен.

Мишель Нострадамус. «Центурии»

«Из бездны»¹ взывает мятущийся дух, вперясь очами в бездну.

Катреном — четверостишием, что взято в качестве эпиграфа, открывается одна из самых загадочных книг в истории человечества, по крайней мере, в европейской истории. Стихотворные циклы — центурии, каждая из которых вмещает, соответственно названию, сто катренов, охватывают колоссальный период времени: с 1555 по 3797 год. Если учесть, что автор скончался в 1566 году, в им предугаданный день, то приходится признать, что мы имеем дело с уникальным календарем, как бы заброшенным из далекого будущего с помощью некоей машины времени. Разумеется, при условии, что предсказанные события действительно сбывались. Для проверки нам, живущим на рубеже третьего тысячелетия, предоставлен исторический полигон почти в четыре с половиной века.

Что сбылось и что не сбылось? Я думал об этом, стоя в сумрачном приделе церкви Святого Лаврентия у надгробной плиты Нострадамуса. Первоначально его прах был захоронен в храме ордена Кордильеров, но во время Великой Французской революции, чье пламя опалило сокровенное зеркало пророка, могила подверглась поруганию, и прошли годы, прежде чем стало возможным перезахоронение.

Но это частность, не имеющая, или же, напротив, имеющая непосредственное отношение к вопросу вопросов: возможно ли в принципе видеть то, что еще только должно случиться через века? Впрочем, и такая постановка несколько некорректна, ибо в рамках научной картины мира будущее абсолютно открыто и говорить следует не о должном, а о возможном.

С другой стороны, все народы мира с незапамятных времен верили в судьбу, провидение, роковые предначертания — одним словом, в «фатум», как называли это понятие римляне.

¹ De profundis («Из бездны») — начало католической покаянной молитвы.

«...Я не знаю ни одного народа, будь то гуманный и образованный, либо еще дикий и варварский, который не верил, что будущее может быть узвано и предсказано определенными лицами», — писал в «Дивинации» Цицерон.

По сути вся наша история — это сплошной поток пустых пророчеств, в котором изредка мелькают крупницы отмытого золота. В пестрой толпе «старателей будущего» Нострадамусу принадлежит первейшее место. Короче, нам никуда не деться от точных, пусть и немногочисленных, попаданий «Центурий». В теорию вероятностей они никак не укладываются.

Предугадана, причем с точными деталями, гибель Генриха II (центурия I, катрен 35); предсказана трагическая кончина королевы Шотландии Марии Стюарт (центурия X, катрен 39); увидена казнь Людовика XVI и кровавый террор революции. Предсказано, задолго до социалистов-утопистов и Маркса, новое общество: «Le commun advenement» — «Коммуна грядет». Непостижимым образом, над временем и пространством, услышаны такие имена, как Napoleon и Hister, за которыми различаются близкозвучные Наполеон и Гитлер. Наконец, самое поразительное предвосхищение, где все совпадает до буквы: имя исторического лица и связанные с ним реальные перипетии:

Никто не сможет казнь предотвратить
Все будут против, письма перехватят
Смутьяны из четырнадцати сект
Мечты Руссо бесплодными оставят

Четверостишие VII, Центурия I

Жан-Жаку Руссо, чьи прекраснодушные идеи подготовили почву для революции, предстояло родиться через 146 лет после смерти Нострадамуса, но все сбылось по слову пророка: казнь короля, перехваченная переписка, оголтелая непримиримость «смутьянов» из якобинских клубов.

Кто же он, этот одинокий трагический гений, чьи всевидящие очи опалило огнем грядущих войн и бедствий? Этот Мишель Нотр-Дам, чье латинизированное имя Нострадамус звучит в ушах, как грозный набат, всякий раз, когда наступает очередное лихолетье?

Бурный расцвет астрологии и вообще герметических наук приходится на роковой XIII век альбигойских войн, век провала крестовых походов, учреждения инквизиции и повального ведовства. Последующие столетия, несмотря на костры, лишь укрепили высокий, хоть и не в меру опасный статус адептов тайного искусства.

Не было в Европе такого двора, где бы не подвизался свой астролог, окруженный боязливым вниманием вельмож и пользующийся почти неограниченным доверием сюзерена. Недаром в памяти поколений имя Екатерины Медичи неотделимо от братьев Руджери и Мишеля де Нотр-Дама, приглашенного королевой-ма-

терью в качестве врача к ее сыну — Карлу IX, будущему «герою» Варфоломеевской ночи.

Будучи личным врачом отца Екатерины — Лоренцо, герцога Урбино, глава клана Руджери Роже возглавлял школу тайных наук, из которой вышли Кардан, Агриппа Неттесгеймский и Мишель Нострадамус, упрочившие славу и влияние властолюбивого герметиста.

Среди его учеников было и искуснейшие врачи, и не менее знаменитые отравители. Пропитанная мышьяком книга, которую подсунили Карлу IX, — не выдумка. Известны ухищрения и пощипы: надушенные перчатки; та же отравленная свеча, которую подсунили Ногарре; букет живых цветов, запах которых приносил мгновенную смерть; башмаки, надев которые, упал бездыханным Хуан Австрийский. Верхом остроумия в те оригинальные времена считался нож, чье лезвие с одной стороны было намазано отравой. Хорошенькая фрейлина предлагала сгоравшему от любви кавалеру разделить с ней персик или, допустим, гранат и спокойно съедала свою половину, пока несчастный молодой человек корчился в судорогах у ее ног.

Или вспомним, например, помаду, предназначавшуюся для госпожи де Сов, дабы она своим поцелуем отравила Генриха Наваррского.

Дюма вполне реалистично описал развлечения королевы-матери по части ядов. Не совсем точно, правда, истолкован эпизод с восковой куклой, которая якобы должна была подарить Ла Молю сердце Маргариты.

«Тот, кто сделал изображение, совершенно похожее на мой вид, тот околдовал весь мой вид, он взял приготовленный для меня волшебный напиток и осквернил мое платье», — свидетельствует клинописный текст халдейского заклинания.

Увы, граф Ла Моль заслуженно взошел на эшафот. Куклу протыкали иглой, когда энвольтовали на смерть, а не занимались любовным приворотом. И то, что не удалось посредством колдовства, было достигнуто отравленной книгой о соколиной охоте.

Охота на своих королей была излюбленным занятием французских пэров. Направляемые герцогами де Гиз, лигистские фанатики действовали по испытанному шаблону. Генриха III, вступившего на трон отравленного брата, тоже сперва пытались «извести», протыкая нареченную его именем куклу раскаленной иглой. Первую операцию с восковой фигуркой проделал, насколько известно, еще Мариньи, властитель Монфакона, задумавший устранить в 1315 году Людовика X.

Утыканные гвоздями деревянные фигурки из Конго выражают в сущности ту же идею симпатической магии, жесткую связь человека с его подобием, одухотворенным колдовскими наговорами и украдкой добытыми волосами, клочком одежды, а всего лучше — каплей крови.

Таков исторический фон, где, как и в наши дни, хаотически перемешалось подлинное величие и низость, альтруизм и коварство, гений и самое низкопробное шарлатанство. В сонме всякого рода мистиков, астрологов, искателей философского камня Нотр-Дам, подобно одноименному собору, возвышается гордым утесом, вызывающим страх глупцов и преклонение гениев.

Живой природы пышный цвет,
Творцом на радость данный нам,
Ты променял на глени и хлам,
На символ смерти, на скелет.
О, прочь! Беги, беги скорей
Туда на волю: Нострадам
Чудесной книгою своей
Тебя на путь наставит сам.

Гете. «Фауст»

Творец «чудесной книги» родился в провансальском городке Сен-Реми 14 декабря 1503 года. Его дед Пьер, родом из колена Иссахарова, женился на дворянской дочери, отец — почтенный нотариус, взяв в жены Рене де Сен-Реми, породнился с аристократической семьей, давшей миру знаменитых врачей и ученых. Надо думать, это обстоятельство и предопределило медицинскую карьеру юного Мишеля, ибо Жан де Сен-Реми, его дед по материнской линии, служил лейб-медиком герцога Калабрии. Впрочем, и в роду отца, восходящем к библейскому Иакову и Лии, было достаточно выдающихся личностей, вроде Пьера Соломона, придворного лекаря и астролога Рене графа Прованского. Свое громкое имя будущий доктор «обих медицины» унаследовал от отца, преуспевающего нотариуса Жана де Нотр-Дам, вынужденного принять крещение в местной церкви Богоматери (Нотр-Дам). Первые азы науки, в том числе звездной, будущий гений постиг дома, затем отправился в Авиньон штудировать философию и завершил образование на медицинском факультете университета в Монпелье. Пожалуй, это была лучшая школа в Европе, славная своими высокоучеными профессорами, вольностями и привилегиями. К числу последних принадлежало и разрешение анатомировать трупы преступников, данное еще в 1376 году герцогом Анжуйским. Явление совершенно исключительное в эпоху террора инквизиции.

В 1522 году девятнадцатилетний студент сдал экзамен на степень бакалавра и получил право заняться практикой. Очередная волна чумы предоставила ему возможность проверить себя на деле. Тут-то и пригодились знания, полученные от мудрых дедов, постигших тайны неба и земли, зеленых трав, в частности. Не зная отдыха, молодой бакалавр разезжает по деревушкам Прованса. Далеко не всегда удается спасти тех, кого уже накрыла своим крылом черная смерть, но уберечь здоровых, не затронутых еще чумным дыханием — здесь метр Нотр-Дам не знает равных себе.

Самоотверженная борьба с эпидемией приводит его в Нарбонн, где попутно с врачеванием он совершенствует и свои астрологические навыки. Его наставниками становятся знаменитый астролог Лука Джаурико и суровый маг Роже Руджери, воспитавший целое поколение жрецов тайных наук.

Нарбонна, Тулуза, Каркассон, Бордо — Мишель колесит по родной провансальской земле, щедро удобренной пеплом сожженных катаров, и повсюду, где он появлялся, чума отступала. Медик милостью Божьей, которого впоследствии нарекли великим волшебником, чуть ли не чернокнижником, действительно далеко опередил свое время. Все чудотворство, однако, заключалось в тщательной продуманных мерах гигиены и дезинфицирующем порошке, рецепт которого подробно описан в одной из медицинских книг Нострадамуса. Стоит привести ее длинное, в духе тогдашних традиций, заглавие:

«Превосходная и очень полезная брошюра о многих отменных рецептах, разделенная на две части. Первая часть нас учит способу готовить разную помаду и духи для украшения лица. Вторая часть нас учит приготавливать варенья различных сортов из меда, сахара и вина. Составлена метром Мишелем Нострадамусом — доктором медицины из Салона в Провансе¹».

Докторского диплома, а вместе с ним берета с кистью, золотого кольца и роскошно переплетенной книги Гиппократ, он был удостоен в 1529 году. Экзамены и публичный диспут в *Alma mater* прошли с блеском. Знаменательно, что почти одновременно с Нострадамусом степень доктора медицины получил и великий Рабле. Знали ли они друг друга? Думается, что просто не могли не знать, хотя письменных свидетельств не сохранилось.

Работая в папской библиотеке Авиньона, где было богатейшее собрание древних книг по всем разделам магии, Нострадамус существенно пополнил свой и без того солидный теоретический багаж, преуспев, таким образом, и в медицине, и в алхимии, и в астрологии. Не удивительно, что факультет предложил ему место на кафедре. Однако он вскоре покинул университет. Быть может, из любви к странствиям или неизбывного стремления к свободе, что, в общем, почти одно и то же.

В Салоне, расположенном на пути из Авиньона в Марсель, Нострадамус осел после путешествия в Египет, откуда вывез массу бесценных манускриптов по магии и медицине. Рано овдовев и потеряв дочь и сына он с головой окунулся в кабалистические вычисления и генитуры, составлять которые научился еще ребенком. Великолепное знание «мертвых» языков — древнееврейского, греческого, латыни — помогло ему расшифровать самые темные, искусно засекреченные сигнатуры. Дойдя здесь, как и всюду, до совершенства, он сохранил все прочитанное в

¹ Посмертное, от 1569 года, издание хранится в Париже, в библиотеке Мазарини (№ 29289).

памяти, а рукописи предал огню. Тому самому, в котором, по учению алхимиков, обновляется природа. Стоило лишь пожелать, и дивное пламя вспыхивало перед ним в сокровенном зеркале ночи.

С Анной, безвременно оставившей его вдовцом, Мишель познакомился в Ажане, где гостил по приглашению знаменитого Жюль Скалигера, чьи труды в области математики, ботаники, медицины и прочих наук пользовались громкой славой. К сожалению, встреча двух выдающихся гуманистов не увенчалась совместной работой, на что, по-видимому, оба питали надежду. Возможно, смерть жены и детей, ставших жертвами неизвестной болезни, серьезно отразилась на характере Нострадамуса.

Вызов к инквизитору Тулузы застал ученого врасплох. По зрелому размышлению, он предпочел уклониться, ибо прекрасно понимал, что ему могут инкриминировать все, что угодно: вольномыслие, чернокнижье, ересь. Покинув Ажан, он вновь отправился странствовать по городам и весям — Лотарингии, Италии, Фландрии. Чем дальше от дома, тем лучше.

И вновь знаменательное сплетение судеб. Рабле, который после защиты докторской диссертации тоже остался преподавать в Монпелье — читал лекции по Гиппократу и Галену, занимался врачеванием, — получает аналогичный вызов. Автора непревзойденного «Пантагрюэля» никак нельзя было уличить в приверженности к черной магии и колдовству, ибо он едко высмеивал всяческие мудрствования на сей счет, включая богословские.

«...Я эту загадку совсем по-другому толкую... Это же слог пророка Мерлина! Вычитывайте в ней любые иносказания, придавайте ей самый глубокий смысл, выдумывайте, сколько вашей душе угодно...»

«Защищайте веру, вплоть до смерти включительно», — призывает в своей энциклике папа. «Я утверждаю вплоть до костра, разумеется исключительно», — ерничает бессмертный выпивоха и джокер Панург. Обвинение в святотатстве обернется куда круче самого темного волхвования. Один попугай Папего чего стоит! Папа оскорбления не простит. Тут и вправду костром попахивает. В 1546 году сожгли Этьена Доне, близкого друга Рабле. Писатель спешит укрыться в Риме. Выручает епископ Дю Белле, взявший его в состав своего посольства. Это был последний год Климента VII. Новому «Папего» пока не до злоязыкого вольнодумца. Тем паче, что король Франциск I любит дерзкого зубоскала. Но, как поется в псалмах (LXI—LXII, 7) — «бездна влечет бездну». Такие, вот, коллизии...

Нострадамус возвращается на родину в 1544 году, когда в Марселе вновь дает знать о себе чумное поветрие. В столице Прованса — Эксе — пандемия приобрела особо катастрофические масштабы. Город совершенно опустел. «Люди заворачивались в две простыни и сами себе устраивали похороны», — отмечает очевидец. Нострадамус пускает в ход снадобье, составленное им по старинным

рецептам, усовершенствованное и опробованное во многих местах. Его пилюли оказывают чудодейственный эффект. «Все, кто пользовались ими, спаслись, и наоборот», — записал он впоследствии. Парламент Прованса награждает спасителя пожизненной пенсией. Это дает ему возможность не думать о каждодневном куске хлеба и спокойно заняться науками.

Не оставляя врачебной практики, Нострадамус заботится о водоснабжении, разрабатывает действенные меры оздоровления среды обитания — экологические, как бы мы назвали их сегодня. По его проекту был построен канал, оросивший засушливые пустоши вокруг Салона. Как и водопровод, сработанный рабами Рима, он исправно действует по сей день, снабжая чистой водой множество окрестных селений.

Но вся эта поистине фаустовская деятельность — герой Гете тоже занялся под конец жизни ирригацией — была лишь необходимой данью реальной жизни. Чем дальше, тем глубже уходил одинокий гений в неизведанные глубины «вечного теперь», где время замыкалось в кольцо, подобно алхимическому змею.

В Салон де Прованс, где в 1547 году поселился Мишель Нотр-Дам, я попал чисто случайно, после международного конгресса по научной фантастике, проходившего в Монпелье. На огромном придорожном щите бросилась в глаза надпись: «Посетите Салон — родину великого Нострадамуса». Сохранился дом, где до самой смерти жил ясновидец.

Город, где родилась беспрецедентная «Книга пророчий» (*Les Propheties de M. Michel Nostradamus*), не баловал новосела добрым отношением. Воистину нет пророка в своем отечестве. Нострадамуса окружало враждебное недоверие, а то и вовсе откровенная грубость соседей, скрывавшая тайный страх. Лишь внезапный визит Карла IX волшебным образом изменил ситуацию.

— Я прибыл в Прованс только для того, чтобы вновь повидать Нострадамуса, — кратко ответил король на велемечивые приветствия магистрата. О чем беседовал будущий «герой» Варфоломеевской ночи с тем, кому дано было заглянуть в Книгу Судеб? Бог весть... Однако с той поры при встрече с Нострадамусом местные дворяне и буржуа падали на колени.

«Принц французских поэтов» Ронсар посвятил ему — «Богом избранному пророку» — одно из самых глубоких своих стихотворений. Но жизнь уже приближалась к закату, и слава не волновала усталое, отравленное горечью видений сердце.

Нострадамус скончался 2 июня 1566 года. О последних днях его поведаль метр Шавиньи де Бонуа, доктор прав:

«То, что время его перехода в другой мир ему было известно, даже день и час, об этом я могу свидетельствовать с полной уверенностью. Я очень хорошо помню, что в конце июня рокового дня сего года он собственной рукой написал на эфемеридах (звездный

календарь) Жана Стадиуса следующие латинские слова: *hic prope mors est*, т. е. «здесь приближается смерть». А в тот день, когда он сменил эту жизнь на другую, я находился около него в течение многих часов и, когда я поздно с ним распрощался до следующего утра, он мне сказал: «Вы меня не увидите в живых при восходе солнца»... Над его могилой мы поместили следующую эпитафию, высеченную по-латыни:

«Здесь покоятся кости Михаила Нострадамуса, почти божественное перо которого, по общему мнению, было признано достойным сообщать и начертать людям о влиянии звезд на будущие события, которые должны произойти на всем земном шаре. Он умер в Салоне, в Провансе, в год благодати 1566, 2 июня, имея 63 года 10 месяцев и 17 дней от роду. О, потомок, не трогай этот прах и не завидуй покою здесь лежащего».

Могилу покойного, еще не оскверненную буйной чернью, почтили своим посещением Людовик XIII, «король мушкетеров», и Людовик IV, «король-солнце». Ронсар упрекал Францию за неуважение к великому гражданину. Что можно было прибавить к его посмертной славе теперь? Рекламный щит, рассчитанный на пополнение муниципальной казны?

Тихая некогда улочка, на которой стоит дом Нострадамуса, носит его имя. Ныне здесь полным-полно туристов, приезжающих со всех континентов, чтобы хоть как-то приобщиться к неразгаданной тайне. В Салоне Мишель женился во второй раз, но, кажется, не был счастлив в браке. Таинственный, пугающий дар обрек его на вечное одиночество.

Я положил две белоснежные лилии — цветы скорби и небесной чистоты — на бронзовую плиту, тускло отсвечивающую потерто-стями.

В 1672 году «Пропеции» были напечатаны в Англии. В 49-ом четверостишии IX центурии есть совершенно конкретная, не в пример многим прочим, строфа:

«Лондонский Сенат казнит короля»

Все верно: «*Le Senat a Londres mettronat a mort leur roy*». «Умертвит». По приговору английского парламента, Карл I Стюарт был обезглавлен «как тиран, изменник, убийца и враг государства».

Сбылось дословно в 1649 году. Дата частично зашифрована порядковым номером катрена.

Столь дальнее (90 лет!) провидческое попадание болезненно задело Исаака Ньютона. Он даже пытался подобрать ключи к нострадамусовой системе, но орешек оказался покрепче закона всемирного тяготения. Время, плотно вогнанное, вместе с массой и пространственной протяженностью, в обойму всеохватной системы мироздания, дразнило величайшего физика змеиным раздвоенным языком. Как возможно проведать о том, что еще только случится через многие годы? Разве что вычислить траек-

тории всех корпускул Вселенной. Или будущее уже существует в законченном, пусть и неявном виде, в любой данный момент? Насколько можно судить, эта жгучая тайна занимала и Блезе Паскаля. «Проникновение свойственно оценивающему чувству, математический анализ — рассуждающему уму», — отметил он в «Мыслях».

Эта книга, оказавшая глубочайшее влияние на европейскую культуру увидела свет уже после смерти автора («Мысли Паскаля о религии и некоторых других вопросах», 1670). Ее начальные разделы были задуманы примерно в то самое время, когда Людовик XIV отправился в паломничество к могиле Нострадамуса. Трудно отделаться от впечатления, что королем и крамольным писателем — цензура порядком обкорнала «Мысли» — владела одна и та же мысль.

«Разве поверил бы тот, кто был в дружбе с английским королем, с польским королем и шведской королевой, что когда-нибудь он может остаться без пристанища?»

У великих и малых мира сего одни и те же злоключения, обиды и страсти, только одних судьба поместила на ободу вертящегося колеса, а других — поближе к ступице, так что им легче устоять на ногах».

«На ободу вертящегося колеса», — отметим попутно. — «Колеса кармы». Навязчивая метафора мирового процесса.

О чьих же судьбах задумывался Паскаль? Английский монарх уже упомянут. Карл I (1600—1649) еще не родился на свет, когда Нострадамус предрек его трагическую кончину. Яна II Казимира отстранили от власти польские магнаты в 1665 году. Шведская королева Кристина добровольно отреклась от престола в 1654 году. Короче говоря, троны «великих» шатались, а вместе с ними и земля под ногами «малых мира сего».

Но не о том речь. Уже само сопоставление дат (английский перевод «Пропеций», напомним, появился в 1572 году) приводит нас к Нострадамусу. «Чудесная книга» его была найдена на рабочем столе Паскаля. В груде фолиантов и рукописей, рядом с последним листком, где осталась незаконченная строка... Через Паскаля, через Ронсара, через Ньютона, через Гете распространялось воздействие Нострадамуса на читающий мир.

Человек подчас гораздо меньше, чем мыслящий тростник, и очень изредка — неизмеримо больше.

Образ «мыслящего тростника» подсказал Тютчеву проникновенные строфы:

Невозмутимый строй во всем,
Созвучье полное в природе —
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем.
Откуда, как разлад возник?
И отчего же в общем хоре
Душа не то поет, что море,

И ропщет мыслящий тростник?
И от земли до крайних звезд
Все безответен и поныне
Глас вопиющего в пустыне,
Души отчаянный протест?

Рассуждая о «несоразмерности человека», «мыслящего тростника», колеблемого волной, Паскаль возносился до «крайних звезд»:

«Пусть человек отдается созерцанию природы во всем ее высоким и неохватном величии, пусть отвратит взоры от ничтожных предметов, его окружающих. Пусть взглянет на ослепительный светоч, как неугасимый факел, озаряющий Вселенную; пусть уразумеет, что Земля — всего лишь точка в сравнении с огромной орбитой, которую описывает это светило, пусть потрясается мыслью, что и сама эта огромная орбита — не более, чем неприметная черточка по отношению к орбитам других светил, текущих по небесному своду.

И так как кругозор наш этим ограничен, пусть воображение летит за рубежи видимого: оно утомится, так и не исчерпав природу. Весь зримый мир — лишь еле различимый штрих в необъятном лоне природы. Человеческой мысли не под силу охватить ее. Сколько бы мы не раздвигали пределы наших пространственных представлений, все равно в сравнении с сущим мы порождаем только атомы. Вселенная — это не имеющая границ сфера, центр ее всюду, периферия нигде. И величайшее из проявлений всемогущества Божия заключается в том, что перед этой мыслью в растерянности останавливается наше воображение».

И еще одна краткая выдержка, словно бы соединяющая непостижимое время-пространство Нострадамуса с исчисленным миропорядком Ньютона:

«Итак, поскольку все в мире — причина и следствие, движитель и движимое, непосредственное и опосредованное, поскольку все скреплено природными и неощутимыми узами, соединяющими самые далекие и непохожие явления, мне представляется невозможным познание частей без познания целого, равно как познание целого без досконального познания всех частей».

Но если «все в мире — причина и следствие», то знание будущего равно обесмысливает и следствие, и причину. А это означает, что либо целое совсем не таково, как оно представляется тому же Паскалю, либо мир безнадежно распадается на отдельные части.

Остановим внимание на первом, ибо второе изначально неконструктивно и никуда не ведет, и обратимся к Нострадамусову оригиналу. Первые издания «Пропеций» от 1555 до 1558 годов во французских библиотеках отсутствуют. Самый старый из существующих оттисков относится к последнему в жизни автора 1566 году. По правилам Парижской национальной библиотеки, эту книгу разрешается читать за особым столиком, что непосредственно при-

мыкает к своего рода кафедре, где неотлучно восседает бдительный страж. Библиографическое сокровище! Один экземпляр посмертного издания хранится и в Государственной библиотеке в Москве, но пока недоступен читателю.

На оборотной стороне титульного листа напечатана уже известная надгробная эпитафия, за которой следует поразительное по силе воздействия откровение. Привожу его так, как это изложено в книге Максима Генина («Нострадамус», Париж—Рим, 1938).

«Уже с давнего времени и многократно я предсказывал задолго до событий то, что впоследствии сбывалось. Я желал замолчать и не писать вовсе нижеследующее по причине несправедливостей и оскорблений не только настоящего времени, но и большей части будущих времен, а также потому, что правители, секты и правительства не потерпят такие резкие и противоречивые изменения, т. е. изменения, противоречащие понятиям о чести и даже совершенно ей противоположные, что если бы я открыл то, что должно произойти в будущем, то все те, которые в настоящее время являются представителями правительства, сект, религий и вер, нашли бы все это столь малосогласным с их мелкими представлениями, что они прокляли бы то, что будущие века узнают, увидят и оценят... Все это было причиной, почему я скрыл свой язык от черни и перо от бумаги, но потом я решился сделать сообщения при помощи темных и двусмысленных сентенций о некоторых будущих, даже весьма близких событиях, но, чтобы не скандализировать мелкие самолюбия, я писал тем более туманно, чем более пророческим я считал то, что хотел сказать... Пророки через вечного Бога и добрых ангелов получили дар предвидения, при помощи которого они замечают далекие вещи и имеют возможность предвидеть будущие события... Ибо тайны Бога... проясняют причины, которые не могут сами по себе достичь ясности, ни с помощью человеческих догадок, ни другими способами познания или какой-либо оккультной добродетели, даже заключенной в небесном своде, но из самого факта абсолютной вечности, включающей в себя все времена... Познание, как результат интеллектуального творчества, не может видеть оккультное...»

Обратим внимание, но опять же попутно, на побудительный мотив зашифрованности. Это все та же алхимическая опаска, что звучит в предостережении Альберта Великого: «Будь осторожен». Тот же принцип даосов: «Говорит, кто не знает, знающий не говорит». Квинтэссенция этого удивительного человеческого документа в последних, подчеркнутых самим Нотр-Дамом словах. Кольцо Змея Времени. Единое. Вечное теперь. Я бы очень хотел заняться расшифровкой понятия абсолютная вечность, но сюжет торопит познакомиться еще с одним удивительным предсказанием, которое перо провидца из Салона все же доверило бумаге. Именно этот 35-й катрен первой центурии сделал его знаменитым еще при жизни.

В нем предсказана гибель короля Генриха II, что и произошло через пять лет после публикации книги. К этому событию мы еще вернемся в рассказе о Екатерине Медичи, жене Генриха, и их дочери Маргарите.

Пока же, в рамках данного повествования, король еще жив и на туманное предсказание, где, наряду с некими львами, упомянута не менее таинственная золотая клетка, обратили столько же внимания, сколько на все прочие. Короче говоря, не обратили вовсе. Тем не менее, Екатерина Медичи, страстная любительница мистической жути, побудила мужа пригласить прорицателя ко двору.

Нострадамус отправился в путь, истратив на путешествие 130 экю. Встретили его весьма милостиво, удостоили приватной беседы и королевского подарка, не возместившего, увы, путевые расходы. Пришлось подзанять у знакомого арматора Жана Мореля на обратную дорогу.

Однокашник Нострадамуса по Alma mater Рабле, которому позарез понадобилось навестить столицу, ухитрился сделать это за счет короны. Притом, совершенно в духе его любимого Панурга.

Предоставим слово Таллеману де Рео, автору гривуазных «Занимательных историй»:

«Вот рассказ о Рабле, который довелось мне слышать. По возвращению из Рима епископ Парижский, из дома дю Белле, которому служил Рабле, решил сыграть с беднягой злую шутку. Было это в Ницце, в Провансе; вечером он велел украсть у Рабле деньги, а в полночь все уезжают и оставляют его без гроша. Рабле, оказавшись в трудном положении, начинает раздумывать, и ему приходит в голову остроумная мысль, как добраться до Парижа. Он берет золу, смешивает ее с гипсом и насыпает это в небольшой кулек; потом он смешивает золу с углем и, наконец, перемешивает золу с песком и сажей. Все это он раскладывает по трем кулькам, прикрепляет к каждому ярлычок, прячет на столе под сукно и идет к мессе. Служанка, прибирая комнату, находит кульки и показывает их хозяину постоянного двора. На ярлычках было написано: порошок для отравления короля; затем порошок для отравления королевы; порошок для отравления дофина; и на всех ярлычках значилось, что всякий, кто понюхает порошок, умрет. Хозяин сообщил об этом судье, Ницца в ту пору принадлежала королю. Порешили отправить Рабле к государю. Его хватают, сажают на лошадь; но, поскольку виноватым он себя не чувствовал, он дорогою столько порассказал тем, кто его сопровождал, что они не знали, чем его попотчевать. Епископ Парижский докладывал королю о своем посольстве, как вдруг все услышали громкие крики во дворе Лувра: «Вот метр Франсуа! Вот метр Франсуа!». Епископ выглядывает из окна и видит Рабле. Ниццкие посланцы приводят связанного метра Франсуа к королю. Можно себе представить, как потешались над добрыми гражданами Ниццы, которые позволили себя так ловко провести».

Великолепная проделка! Но рискованная, рискованная...

Говорят также, что Рабле отказался пойти к папе, сказав: «Раз моему хозяину он дает целовать свои ноги, мне он даст целовать свой зад».

Не в пример веселому богохульнику, Нострадамус был добрым католиком, иначе бы ему не простили библейского родословия. Впрочем, и без того ставили в строку каждое лыко...

«Когда я держал в руках маленькую книжку друга Нострадамуса Шавиньи де Бонуа, изданную 30 лет после смерти пророка, — пишет Генин, — я был уверен, что найду в ней откровенности, на которые имел право только близкий друг Нострадамуса. Мои ожидания оправдались, как только я взглянул на заглавную страницу: на ней находилась гравюра, изображавшая руку, держащую над бушующим морем корону, подвешенную на тонкую нить. Наверху этого рисунка находилась латинская буква «В».

Мне тоже довелось взглянуть на этот заглавный лист. Справа от гравюры круглая печать королевской библиотеки с короной и лилиями. Факт сам по себе весьма примечательный. Французские короли искали в «астрологических» (текстологи совершенно напрасно трактуют «математических») четверостишиях ответ на самый насущный для них вопрос: «Кто следующий?».

Иначе, чем можно объяснить кладбищенские визиты «короля мушкетеров» и наследовавшего ему «короля-солнце»?

Казнь Карла I, «сбывшаяся» в преудказанный год, воистину обратила «Пропеции» в огненное зеркало судьбы. Тогда оно впервые сверкнуло в полную силу, а далее зловещая пелена сокрыла имена и сроки.

Попробуем проникнуться настроением эпохи, дабы понять, что значили для сильных мира сего нострадамовы криптограммы. Украшенная книгу гравюра, уже сама по себе провидческая, могла бы стать превосходной иллюстрацией к четверостишию 44 центурии VII.

К сожалению, оно не вошло ни в одно из дореволюционных французских изданий «Пропеций». Причина этого настолько ясна, что не нуждается в комментариях. Все понятно из текста:

Тогда, когда один Бур будет очень добр
И который будет носителем знаков закона
И от рождения носителем длинного имени,
Вследствие несправедливого бегства будет казнен.

На первый взгляд, темна вода во облацех. Прежде всего неясно, кто он, этот Бур. Но обратимся к оригинальному написанию «Bourg» и, соответственно, французскому слову «bon», добрый¹. Вместе они

¹ «Alors qu'un Bour sera fort bon», — значится в издании XVII века. Людовик XVI действительно был весьма добрым человеком.

составят — **Bourbon**, королевскую фамилию, сменившую династию Валуа на троне Франции. Начиная с Генриха IV, которому наследовал Людовик XIII, и кончая Людовиком XVI, каждый Бурбон мог отнести предсказание на собственный счет. Отсюда и цензурные изъятия, и навязчивое стремление проникнуть за непроницаемую завесу времен.

Кто именно этот самый **Bour-bon**, коему предназначено последовать за Карлом Английским?

Может, камень могильный подскажет? Или тень какая по-явится? Как-никак призраки держатся возле могил.

Подхлестнутое тревогой суеверие сродни временному смятению ума. Для того чтобы заговорила тень, нужен гений Шекспира. Впрочем, мы не знаем, какие впечатления вынесли первые Бурбоны из поездки в Салон. Возможно, вполне утешительные, ибо не им адресовалось пророчество.

Впервые оно сделалось достоянием читающей публики в 1650 году, разумеется, не во Франции, за границей. Это, отпечатанное в Лейденской типографии Леффена издание, конечно же, сразу очутилось и в королевской библиотеке. Сохранился каталог, в котором оно значится. Его составил метр Дюпи, библиотекарь Людовика XIV. К каталогу приложен и акт передачи, датированный 1657 годом, когда после смерти Дюпи книгохранилище перешло в другие руки. Все, что позволил сказать себе Нострадамус, изложено, в приведенных выше четырех строках. Возможно, в беседах с другом он пошел на большую откровенность, иначе трудно объяснить зловещую символику гравюры, таящую угрозу не только кому-то из королей, но, возможно, и всей королевской фамилии: августейшее «В» на ниточке парки... Об этом, кстати, свидетельствуют и мемуары Гюно, придворного Людовика XIV, вышедшие за сто лет до казни Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Я не знаю другого примера в истории, когда бы писатель, давно упокоившийся под могильной плитой, мог нагнать такого страха на целую династию.

Как не вспомнить тут о пророчестве, что донеслось из пламени костра, на котором был сожжен Жак де Моле? — «До тринадцатого колена».

Известен вариант четверостишия за номером 44, опубликованный в последующих изданиях «Пропеций»:

Вследствие великого спора будет дрожать земля,
Разорвав согласие, подняв голову к небу,
Окравленный рот будет плавать в крови,
На земле голова, помазанная молоком и медом

И это свершилось по слову Нострадамуса! И согласие было разорвано, и голова помазанника плавала в крови.

Сей катрен из VII центурии удивительно перекликается с помеченным тем же номером стихом центурии I:

Вернутся снова жертвоприношенья,
Хранитель веры будет предан пыткам,
Монастыри исчезнут и монахи,
Цена на мед превысит цену воска

Казнь христианнейшего — официальный титул — короля проходила на фоне антиклерикальных эксцессов. Русская революция — не исключение. Французы дали большевикам превосходный пример для подражания. Священников тащили на гильотину, церкви грабили, монастыри закрывали. Вместо поклонения Христу и Богородице утвердился культ «Верховного существа». Свечи употреблялись лишь по прямому назначению: для освещения, и производство их резко упало, что и отразилось в ценах на воск.

Не в «перекличке» ли цифр — своего рода нумерологической зашифровке — одна из тайн Нострадамуса?

Казнь Людовика XVI имела место 21 января 1793 года на площади Людовика XV, переименованной в Площадь Революции, а затем — в Place de la Concorde, «Площадь Согласия», где высится священный египетский обелиск, похищенный из Луксорского храма.

История любит накручивать змеиные кольца, а Нострадамус умел читать их запутанный узор.

«Он будет носить имя необыкновенно знатного рода, для начертания имени и титулов которого приходится употреблять половину листа бумаги», — пытался истолковать пророчество все тот же Гюно.

Оправдалось и это. Полная титулатура дома Bourbon — l'Archam-bault — займет не один десяток строк. Древний герцогский род славен династическими браками с сеньорами Дампьер и Бургонь, среди многих золотых корон на фамильном древе выделяется венец Робера де Клермона, шестого отпрыска Людовика Святого. Про Генриха IV, соединившего гербы Франции и Наварры, и говорить не приходится. Поистине славный был государь.

В контексте истории четверостишия, дополняя и расширяя друг друга, обретают особо роковое звучание.

«Я составил пророческие книги, — как ощущается стремление Нострадамуса быть понятым! — содержащие по сто четверостиший астрономических пророчеств, смысл которых я сознательно заклепал и которые доведены до 3797 года... Ибо, согласно небесным знакам... мир приближается к анарагонической революции... и согласно явному суду неба когда мы еще будем в седьмом числе тысячи, которая завершит все, приближаясь к восьмому... тогда великий и вечный Бог завершит революцию».

Троны шатались, дрожали венцы. Корона с бургонским вензелем и впрямь качалась на паутинке.

Автор зачастую не властен над начертанной им строкой. Она изобличает его потаенные — глас подсознания — желания и думы. Отсюда психологическое, прежде всего, противоречие. Нострадамус

вроде бы отрешивается от конкретных сроков и в то же самое время выдает их.

Вольно? Невольно?

«Если бы я хотел прибавить к каждому четверостишию точное время, когда событие должно совершиться, я в состоянии был бы это сделать, но это далеко не всем было бы приятно!»

Еще бы! И так он позволил себе слишком много. Если бы казнь Карла I совершилась еще при жизни провидца, он едва ли закончил бы свой земной путь в собственной постели.

И все же желание высказаться, столь понятное для писателя, то и дело перевешивает разумную осторожность. Отсюда и последствия, по сей день смущающие историков. Да и не только историков, ибо и в наши дни вокруг «Пропеций» кипят политические страсти. Здесь я имею в виду произвольную идентификацию «красных людей» как «красных»-большевиков, и предначертанный на лето 1991 года конец эры невиданного террора, исчисленный в «73 года 7 месяцев».

У нас это нашумевшее предсказание известно главным образом в переводе В. Завалишина, существенно расходящимся с оригиналом. Приведем соответствующие катрены:

Иная династия будет в России,
Страна за свободу свою восстает,
Народ, став от горя единым Мессией,
К расцвету и славе все царство ведет

* * *

Я вижу, как рушатся царские троны,
Когда их сметает людской ураган,
Республику делает хуже короны
И белых, и красных жестокий обман.

* * *

Славянский народ под ненастливым знаком,
Их тюрьмы и песни царям их не впрок,
На смену придет, как священный оракул,
Схоласт и догматик и ложный пророк.

* * *

В борьбе на верхах много злобы и споров,
Кого ж вознесет новый переворот?
Разрушены семь жестоким террором,
Раз красного красный возьмет в оборот.

И, наконец, указанный срок: 73 года, 7 месяцев.

Подстрочный перевод рисует несколько иную картину:

«И будет в месяце Октябре произведено великое преобразование, и будет так, что будут думать, что тяготение земли потеряло свое естественное движение, и что она погружена в бездну вечной тьмы. Весной будет знамения, и затем чрезвычайные изменения,

крушения королевств и мощные землетрясения. Это будет связано с рождением нового Вавилона, ничтожной дочери, расширившейся вследствие отвращения к первому полностью сожженному. Это будет продолжаться только в течение семидесяти трех лет и семи месяцев».

Французская традиция, более приближенная во времени, различалась четче.

Sapienti sat — для понимающего достаточно.

Политики времен террора якобинского, не в пример нынешним полузайкам, виртуозно сумели распорядиться нострадамовым наследством.

Всего одной — но какая! — строки достало для организации потрясающего действия.

Точно в полночь, с последним ударом часов церкви Святой Женевьевы, в первый день января 1792 года двое неизвестных вынесли на площадь пюпитр с раскрытым фолиантом. Каково же было удивление парижан, когда они увидели утром подчеркнутую строку:

«1792 год будут предполагать возобновлением века¹»

Так вскоре и случилось. Национальный Конвент постановил, что, начиная с 20 сентября 1792 года — день открытия Конвента — все государственные документы будут датироваться Первым годом республиканской эры.

Это был полный триумф пророка, которого одни поносили за гений, другие — за еврейскую кровь.

Раскрытый том «Пророчеств Мишеля Нострадамуса» оставался на площади восемь дней. Говорят, что книга, изданная 27 июня 1558 года в Лионе, по сей день находится в означенной церкви.

Это был организованный, более того — прекрасно организованный прогноз. Борясь с церковной реакцией, иллюминаты и прочие эзотерические братства черпали вдохновение со страниц удивительной книги. Революция, коль она предначертана небом, должна казаться непобедимой.

Справедливости ради назовем предшественников Нострадамуса — астрологов Пьера Тюрреля и Ришара Русса, которые предрекли великие потрясения в 1789—1814 годах.

Сложнее, если это вообще возможно, объяснить другое попадание, более или менее точное.

Родом из морского, платящего дань города,
Голова с короткими волосами,
Захватит власть сатрапа,
Разгонит всех, кто будет ему противиться,
Четырнадцать лет будет властвовать тираном.

Четверостишие 13, центурия VII

¹ В оригинале указанная дата зашифрована численным значением букв.

О ком идет речь? Вновь попытаемся разобраться в датах. Говоря о конце революции, Нострадамус предлагает свою хронологическую канву: «Когда мы еще будем в седьмом числе центурии... приближаясь к восьмому». Если соотнести это с концом XVIII — началом XIX веков, то вырисовывается прелюбопытнейшая картина.

В конце седьмой центурии, а именно 13 декабря 1799 года, уроженец портового города Аяччо на острове Корсика, Наполеон Бонапарт становится первым консулом. Правда, портреты того времени изображают его не с короткими, а, напротив, довольно длинными, согласно романтической моде, волосами, но это мелочь. Куда более интересно, что верховная власть первого консула, а затем и императора Франции действительно длилась ровно четырнадцать лет. Причем, об империи сказано прямо и недвусмысленно:

От простого солдата дойдет до Империи,
От короткого платья до длинного...

Четверостишие 57, центурия VII

«Власть сатрапа», «будет властвовать тираном»... Если столь расплывчатые определения и нельзя истолковать однозначно, то это — «дойдет до Империи» — ставит все на свои места.

Наполеон, и никто кроме. О позднейших вставках, а тем более подтасовках, говорить не приходится. «Наполорон», как сказано в первом катрене центурии VII. Даже императорский орел угадан, увиден.

Орел парит перед окнами, суля
Сражение кровавое французам.
Но мало кто знамение поймет:
Предостеречь оно не сможет слабых.

Четверостишие 1, центурия I

Тот же Гюно, еще за 111 лет до коронации Наполеона, пытается, как всегда невпопад, расшифровать смысл предсказания. Кстати сказать, придворные живописцы, запечатлевшие коронацию, оставили нам образ императора в роскошном, длинном до пят, расши- том золотом одеянии.

Дальше — больше. Нострадамус шаг за шагом словно бы увеличивает разрешающую способность подзорной трубы, волшебным образом позволяющей видеть то, что еще не случилось.

Он будет носить имя, которое никогда
Не носил никакой галльский король...
Италия, Испания, Англия будут дрожать,
Он будет в высшей степени внимателен к женщине иностранке.

Четверостишие 54, центурия IV

И здесь никаких разногласий. Дрожали. Разве что насчет женщины иностранки не все понятно. Креолка Жозефина Богарне? Австриячка Мария-Луиза? Польша Валевская? Не суть важно, хоть и любопытно до крайности.

Недалеко от Италии родится Император,
Который, как будут говорить люди, с ним связавшиеся,
Дорогой ценой будет куплен Империей,
Будут говорить, что он больше похож на мясника, чем на принца.

Четверостишие 60, центурия I

Комментарии излишни...

Возвратимся, однако, к Бурбонам, благо и отошли мы от этой линии не столь далеко, и все здесь стянуто в тугой узел: Наполеон, как логическое завершение революции, и его женитьба на Марии-Луизе, племяннице обезглавленной королевской четы. «Пророчество Казота» и «Проклятие храмовника».

«...Большая часть пророчеств, — отмечает в предисловии ко второму изданию сам Нострадамус, — сопровождалась движением небесного свода, и я видел как бы в блестящем зеркале в туманном видении великие авантюры, которые приближались к главнейшим культурам... Еще в последний раз будут дрожать все христианские королевства¹»...

В словах «движение небесного свода» дано совершенно определенное указание на метод, которым пользовался Нострадамус. Здесь либо транс, в который повергало его сосредоточенное созерцание звезд, либо практическая астрология, а скорее всего — то и другое вместе.

Насколько успешны оказались такие занятия — у Нострадамуса были все основания называть их «астрономическими» — свидетельствуют пусть немногие, но зато однозначно расшифрованные четверостишия. В том числе и нижеследующее:

Великая Империя вскоре будет перенесена
В маленькое место, которое очень скоро
начнет увеличиваться.
Совсем маленькое место ничтожного царства,
Посередине которого он поместит свой скипетр.

Четверостишие 32, центурия I

Поверим, что здесь говорится об острове Эльба, легендарных Ста дней и заточении на острове Святой Елены, среди бушующих вóлн, хотя все это можно оспорить.

С точностью никто не сможет сказать, что прозревалось провансальскому пророку в пламенеющем зеркале звездного неба. Что-то представляется достаточно ясным, а что-то намечено, словно для памяти, редкими вешками.

¹ Три великих христианских империи сгорели в огне Первой мировой: Австро-Венгерская, Германская и Российская.

Сквозь лес королевы ночью двумя частями,
Окружным путем, белый камень,
Черный монах в сером Варенне,
Титулованный Кап, причина бури, огня, крови, резни.

Четверостишие 20, центурия IX

За исключением последней строфы, здесь все сумрачно и расплывчато, словно вечерним туманом дохнуло на чудесную линзу. Выхватывая отдельные слова из и без того фрагментарного текста, Буи, современник событий, различает подробности бегства королевской семьи из Парижа. Кое-какие основания для этого, безусловно, есть. Людовик, или, как его вскоре стали называть, Луи Капет (Кап.) и в самом деле направлялся в наемной карете именно в Варенн. Верно и то, что дорога шла лесом, который назывался в ту пору «Лесом королевы». Зато уподобление «белого камня» дорожному платью Марии-Антуанетты и параллель между «черным монахом в сером» и Людовиком не кажутся достаточно убедительными. Да, королева была в белом, она всегда любила этот цвет, и Людовика опять-таки тоже нарядили в серый камзол гувернера. Маскарад не помог. Беглецов разоблачили, а причастных к побегу заговорщиков, в том числе Казота, отправили на гильотину. Короче говоря, именно в Варенне пересеклись стрелы пророчеств от обоих Иоаннов: Моле и Казота. Трудно, однако, отделаться от ощущения некоторой натяжки. Тем более, что в катрене речь идет о вполне конкретной примете — «белом камне». Буи же ссылается то на необычайную бледность королевы, то на «драгоценный камень», чем она, якобы, на самом деле является.

Концы с концами определенно не сходятся. Поражает иное — нострадамово сокращение Кап. Как уже упоминалось, французы именно так и прозвали развенчанного владыку. Причем, сразу же после поимки!

Заглянув на 236 лет вперед, Нострадамус и тут сумел все разглядеть и услышать! Нет, нельзя вот так, походя, как это делалось зачастую, отмахнуться от его необъяснимых прозрений. Необъяснимых в рамках современной картины мира и вполне понятных для самого Нострадамуса.

То, что нами ощущается как реальность, действительность, находится в постоянном движении. Оно многообразно и текуче. Дабы быть в состоянии воспринять эту пеструю карусель, мы расчлняем ее безостановочное коловращение на отдельные миги. Кадрик, что является нашему взору в ближайший и тут же ускользающий момент, называется настоящим.

Но что оно, это настоящее, если не способно стоять? Световая точка, бегущая на экране осциллографа? Продолжая рассуждать в том же духе, можно сказать, что прошлое — это миг, который едва промелькнул перед нами, как уже невидим, невозвратим. Что же касается будущего, то тут все значительно проще. Его мы не знаем,

не видим, оно может наступить, а может и не наступить. По крайней мере, для нас.

Прошедшего уже нет: оно прошло и исчезло. Будущего еще нет: оно не успело прийти. Настоящего нет в принципе: оно — бегущая точка перехода из одного небытия в другое, но в этом же движении и заключено бытие. Получается, что времени в обыденном понимании не существует вообще. Короче говоря, мы приходим к явному абсурду. По крайней мере, подобная игра ума ничего не прибавляет к нашему интуитивному пониманию времени. Можно обратиться к учению Парменида о неизменности всего существующего или взять на веру рассуждения Канта по поводу мира, который не имеет протяжения в пространстве и бытия во времени, пока мы не беремся его познать, но так и не сдвинуться с мертвой точки. Суть не в том, верить или не верить пророчествам. Недаром говорят, что мысль изреченная есть ложь. Без коренной переоценки картины мира, а для этого недостает веских оснований, мы не в состоянии понять саму возможность предвидения. И не только понять, но и принять ее в принципе. Воспарить над пространством и временем, оказаться в астрале в «вечном теперь», позволяет лишь собственный опыт, чем бы он не достигался: религиозным экстазом, медитацией, созерцанием блестящего шарика или черной точки, глубоким душевным потрясением, наркотическими парами.

Самое лучшее, на мой взгляд, благоговейно удивляться вслед за Паскалем бесконечному многообразию Вселенной. А «Нострадам чудесной книгою своей тебя на путь наставит сам».

Гете знал цену слова. В «Фаусте» крепко досталось императору-духовидцу Рудольфу II, промотавшему в астрологических исканиях казну, а в пьесе «Великий Кофта» — чудотворцу Калиостро, яркой кометой прочертившему грозовой небосклон предреволюционной Европы.

О Мишеле Нострадамусе — только восхищенные отзывы.

Перевод, опубликованный В. Завалишиным в эмигрантской печати, основывался на английском варианте Г. Робертса, где говорилось о «новых Ксерксах и Аттилах, что будут уничтожать людей по наущению «чудовищной красной секты, одной из самых кровавых», о «двух больших войнах» и, само собой, о сроке, что будет им положен Богом.

Если отсчитывать от октября 1917 года, по старому стилю, до августа 1991, по новому, то мы действительно получим искомые 73 года.

Здесь, как и во многих подобных случаях, предсказание, достаточно неопределенное, просто пришлось на руку. Впрочем, и это по-своему знаменательно, ибо о Нострадамусе всегда вспоминают в эпохи бурных потрясений. Одно то, что его имя овладевает общественным сознанием, уже означает глубокое неблагополучие. Это символ далеко зашедшей болезни и близости коренных перемен.

В августе 1914 года немецкий астролог Книпф опубликовал следующее стихотворение, приписываемое Нострадамусу. Я постарался перевести его с немецкого как можно точнее:

Коль грянет глас чудесной птицы,
Звучащий грозною протяжностью органа,
Людей на мясо резать, как баранов,
Понудит век и не купить пшеницы.

Реминисценции из Апокалипсиса здесь очевидны. Столь же ясен и горький — на все эпохи — исторический подтекст последних строф. Питомцу пропахшей кровью и дымом провансальской земли, не дожившему каких-нибудь пяти-шести лет до Варфоломеевой ночи, едва ли пришлось на сей раз чрезмерно напрягать фантазию.

Книпф, между тем, истолковал стих в духе милитаристско-шовинистической атмосферы первых дней мировой бойни. В «чудесной птице» он сразу распознал цеппелин, а в органном гласе различил шум пропеллера, подобно тому, как увидели аэропланы в железных птицах Откровения от Иоанна.

Факт предсказания Нострадамусом столкновения между тройственным согласием и Антантой был, таким образом, установлен, а победа германского оружия подразумевалась сама собой. Но на войне, как на войне. Патриотически настроенные астрологи противостоящей стороны, к тому же соотечественники пророка, быстро разыскали другой стих, из которого, как дважды два, вытекала победа Франции.

Когда к власти пришел Гитлер, нацистские идеологи взяли на вооружение мистическо-пропагандистский опыт прошедшей войны. На состоявшемся в 1936 году в Дюссельдорфе Всемирном съезде астрологов Третий рейх был провозглашен ведущей страной небесного оккультизма. Усиленно раздуваемый миф о том, что фюрером «повелевают звезды», нашел «научное» подтверждение в книге некоего Рейсмана «Астрология и культ политического вождя».

Звездочеты со всего мира, в том числе и тибетские тантрики, бросились искать счастья в Берлин. В 1937 году в Германии обосновался и швейцарец Карл Эрнст Краффт (1900—1945). Его первые публикации по «астробиологии»¹ сразу же привлекли внимание министра пропаганды Геббельса, слывшего среди нацистских бонз многогранным интеллектуалом, чуть ли не рафинированным интеллигентом. Занявшись расшифровкой, естественно в удобном для национал-социалистов направлении, нострадамовых пророчеств, Краффт, едва началась новая мировая война, уверенно предрек поражение Франции под Седаном — давно лелеемый прусскими

¹ Оккультные «астробиология», «астромедицина», «астрозоология» и «астроботаника», несмотря на современно звучащие названия, основываются на планетных типах и никакого отношения к естественным наукам не имеют.

милитаристами реваншистский акт — и падение Парижа. Успех этих тщательно спланированных в германском генеральном штабе «предсказаний» вскружил астрологу голову и он наделал каких-то глупостей. В 1941 году Краффта арестовали. На Принц-Альбрехтштрассе, 8 — ему было о чем задуматься. Когда после года тюремного заключения его освободили и направили в распоряжение все того же министерства пропаганды, он, вместо того, чтобы бежать, сломя голову, вновь вошел в опасную близость с тайными махинациями нацистов.

На сей раз астролога подчинили секретной службе СД, где он занялся своим прямым делом: составлением гороскопов. Краффт, не жалея сил, «ставил генитуры» высшего генералитета, вычислял конstellации своих и чужих, Роммеля и Монтгомери.

Узнав, что в своих оперативных решениях, а также в кадровой политике Гитлер и вправду частенько руководствуется «повелением звезд», прагматики из британской «Сикрет интеллидженс сервис» тоже завели у себя астрологов, пытаясь предугадать по гороскопам гитлеровских военачальников очередное назначение или замену.

Иногда такие прогнозы оказывались успешными, хотя и не повлияли сколь-нибудь заметным образом на положение на фронтах. По крайней мере до высадки в Нормандии, когда исход войны уже не вызывал сомнений.

Но возвратимся к Краффту, который не извлек урока ни из собственного, ни из чужого опыта и, по всей вероятности, так и не понял, что куда лучше было бы продать душу дьяволу, чем связаться с черным орденом рейхсфюрера Гиммлера.

В 1943 году астролог был вновь арестован и отправлен в концлагерь под Ораниенбургом, а незадолго до конца войны убит выстрелом в затылок по пути в Бухенвальд.

Самая низкопробная мистика, нацистская идеология, грязные приемы дешевой политической пропаганды вообще — все это вновь, как в дымящемся фокусе линзы, сошлось на загадочной книге Нострадамуса.

Все, что связано с историей, безусловно, интересно и важно. Но мы свидетели роковых минут мира, куда больше озабочены собственной судьбой. Нострадамус по возможности избегал точных хронологических привязок. Но по крайней мере один катрен он словно бы специально приурочил к концу текущего века:

В 1999 году седьмого месяца
С неба явится грозный король,
Чтобы воскресить великого ангулемского короля,
Который будет править в период между войнами.

Четверостишие 72, центурия X

Но вот как звучит этот катрен в более строгом переводе:

Год 1999, седьмой месяц,
С неба придет великий король ужаса,
Чтобы возродить великого короля Анголмуас¹
До и после Марс будет править удачей.

Многим из нас предоставляется шанс проверить, будут ли войны между Севером и Югом, о которых говорится в других стихах. Придет ли «Король Террора»? Воцарится ли на французском троне могучий потомок древних королей? Маловероятно, хотя и возможно. Судьба постфранкистской Испании, где подлинным гарантом демократии стал король из дома Бурбонов, яркий тому пример. Последние события лишний раз подтвердили что конец века чреват невиданными переменами. Монархические идеи, вопреки всем ожиданиям, овладели многими горячими головами и в странах Восточной Европы, и у нас, в России, и даже в жаркой Бразилии, где дело дошло до референдума.

Но оставим сомнительные политические прогнозы и выкладки.

Лично меня в данный момент куда больше занимает расшифровка одного из самых загадочных предсказаний:

Их девять избранных, лишенных права слова.
Вершить не будет справедливый суд
Над ними. Их судьбой распорядятся.
Проклятье в буквах: Каппа, Тета, Ламбда.

Мне кажется, я догадываюсь, что скрывается за всем этим, какие судьбоносные коллизии. Но еще не настало время приподнять покрывало Исиды, черное и сверкающее, как ночь. От намек все же не удержусь, дабы приблизить кого-то ищущего к разгадке.

Итак: Каппа, Тета, Ламбда...

Об основополагающем значении букв в «Божественном даре» дивинации читаем в Платоновом диалоге «Федр»: «И если мы стали бы говорить о Сивилле и других, которые благодаря Божественному дару прорицания множеством предсказаний многих направили на верный путь в будущем, то мы бы потратили слова на то, что всякому ясно... Древние, которые давали имена вещам.., прозвали «маническим» то прекраснейшее искусство, которое позволяет судить о будущем. Нет, считая его прекрасным, если оно появляется по Божественному определению, они и дали ему это имя, а наши современники, по невежеству вставив букву «Т», называют его «мантическим».

Так, в сущности по недоразумению, утвердился термин «мантика» — гадание. В нашем случае речь идет о криптограмме из трех греческих букв. Ключ к шифру — астрология и магическая нумерология. Буквам древних алфавитов, будь то греческий, арамейский или славянский, соответствуют строго определенные численные значения. Какую бы задачу не ставил перед своим читателем Нострадамус, одно он знал твердо: Каппа — 20, Тета — 9, Ламбда — 30.

¹ Анголмуас толкуется как Ангулем.

Три вопроса: Когда? Кто? Где?

Каппа — двадцатый век, Тета — девять избранных на подмостках истории. «Конец истории» — по мнению Фукуямы.

О дальнейших операциях пока умолчу, тем более, что они действительно требуют углубленного знания астрологии, символики чисел и правил магического сложения — гематрии.

И в этом зеркале огня картины
Всплывают будущих времен...

Обратимся к дням нынешним.

Корреспондент журнала «Пари-матч» Мари-Терез де Бросс совершила поездку в США, чтобы взять интервью у известного предсказателя В. Ионеску, специализировавшегося на интерпретации катренов Нострадамуса, вернее было бы сказать, на гаданиях по книге «Пропеций».

Встреча переросла в плодотворное соавторство, которое материализовалось в книгу «Последние победы Нострадамуса». Книга написана в форме диалогов, не требующих особого комментария. Несколько наиболее характерных отрывков придется весьма кстати: невзирая на неизбежные возвраты и кружение по спирали веков, мы все же движемся по «стреле времени».

Бросс. 2000 год уже совсем недалек. Что нас ждет при вступлении в третье тысячелетие?

Ионеску. Должен с горечью сказать, что предсказания Нострадамуса на предстоящие годы не могут придать нам оптимизма. Обнадёживающие события, о которых я говорил, отталкиваясь от его труда — я имею в виду падение коммунистических режимов в Советском Союзе и странах-сателлитах, — остались в прошлом. Напомню, что об этом я писал еще в 1976 году. Сегодня, не желая запугивать катастрофами — да и Нострадамус делал свои предсказания не для того, чтобы подталкивать апокалипсис, — все же должен предупредить: будущее не сулит Европе ничего хорошего. Если мой анализ окажется правильным, то в предстоящие годы нас ждет загнивание парламентского режима во Франции (что приведет к восстановлению монархии), неудача Европейского союза, революция в Италии, где одновременно произойдет жестокий мятеж против церкви (Святой престол будет изгнан, а в стране установится диктатура, схожая с диктатурой Муссолини), возродится гонка вооружений, наступит упадок Америки, которую поразит экономический кризис. Но самые серьезные события произойдут лет через двадцать, когда на Европу обрушатся исламо-азиатские нашествия. И это не будет мирная оккупация, нет, новые страницы истории будут окрашены кровью...

Б. Ваша интерпретация Нострадамуса нередко сильно отличается от его интерпретации другими. Большой неожиданностью стала ваша расшифровка весьма известного четверостишия, которое говорит о приходе в 1999 году Великого короля-урашителя. Есть немало людей, которые с тревогой ожидают этой даты. В 999 году

Европу уже охватывал страх перед наступающим 1000-м годом. И вот сегодня такой же страх охватывает общество... Кстати, пророк точно указывает дату его прихода — случай весьма редкий в его предсказаниях.

И. Поначалу, как и некоторые другие интерпретаторы, я полагал, что речь идет о новом Чингисхане. Но в конце концов пришел к убеждению, что Нострадамус предсказал появление нового монарха во Франции. Он родится во время солнечного затмения.

Б. Но можно ли представить себе, что в республиканской Франции будет восстановлена монархия?!

И. Можно. Будущий монарх будет старых королевских кровей, возможно, потомок Бурбонов. Исключительно сильный человек, он в конце концов сумеет изгнать исламских завоевателей и защитить католическую веру. Новый монарх родится 11 августа 1999 года. Именно он будет способствовать приходу Великого папы.

Б. По вашему предсказанию, Великий папа явится через относительно короткое время. Стало быть, он сменит антипапу, который займет место Иоанна Павла II? Это может удивить многих, поскольку последний аналогичный случай имел место в XV веке.

И. После Иоанна Павла II в католической церкви произойдут большие перемены, наступит раскол. Одновременно будут избраны два папы. Один из них окажется антипапой.

Б. Вы упоминали о нашествии азиатов на Европу...

И. Можно говорить о двух нашествиях. Одно — из Центральной Азии, другое из Ирана (или какой-то другой страны региона). Эти два антихриста, если использовать выражение Нострадамуса, объединятся против Запада... Вместе с тем Нострадамус предсказывает победу объединенных сил Запада над захватчиками. Он говорит об объединении в этой борьбе двух держав Севера.

Б. Неужели России и Америки?

И. Вполне возможно. Этот союз предусматривает сохранение их положения супердержав — во всяком случае, в военном отношении — и вмешательство Америки в события на стороне европейских государств, как она делала это во время двух мировых войн.

Б. Стало быть, мы в очередной раз будем спасены американцами?! Похоже, Нострадамус испытывал определенную слабость по отношению к ним.

И. Нет сомнения, что Соединенные Штаты в силу их неистребимого неприятия коммунизма, который рассматривается Америкой как «зараза», представляют для Нострадамуса непререкаемые ценности, неотъемлемые от самой философии пророка...

А вот если речь заходит о Соединенных Штатах, его взгляд на будущее — куда более мрачный. Чувствуется глубокое различие в тональности, когда речь идет о генерале Вашингтоне и основании Соединенных Штатов и о том, что происходит в Соединенных Штатах в наши времена. По мере того как пророк прослеживает развитие событий, его отношение к этой стране

меняется. Подчеркивая, что этой великой нации присущ «чрезмерный капитализм», он выражает сожаление чрезмерной жадной денег и материальных благ. Да, Америка может потерять честь, уважение, престиж.

Б. Вы бросаете камень в огород «нового мирового порядка»... Но вернемся к тем нашествиям, о которых вы говорили. Можете ли вы назвать их дату или хотя бы вехи, по которым можно было бы ожидать их?

И. Замечу, что Нострадамус часто ссылается на расположение планет, определяя характер и конкретное выражение предстоящих событий. Поскольку начало нашествия совпадет с вступлением Великого монарха Франции на престол, можно утверждать, что упомянутые нашествия будут иметь место в 2024 или 2023 году.

Б. Установить точную дату событий, предсказанных Нострадамусом, дело очень нелегкое — ведь за исключением 1999 и 3797 годов он не дает каких-либо временных рамок...

И. Не забывайте, что с помощью астрономических ссылок на расположение планет Нострадамус позволяет нам установить такие рамки. И, тем не менее, не вызывает сомнения, что нужно уметь расшифровать должным образом его тексты и постараться найти в эфемеридах момент соответствующего сочетания планет.

Б. Но кто может дать такую расшифровку?

И. Пророк указывает точные даты. У тех, кто пытался — не очень удачно или совсем неудачно — дать такую расшифровку, просто не хватило знаний, не было соответствующих методов... а они существуют.

Б. Не могли бы вы привести пример «удачи»?

И. Пожалуй, тот пример, который я приведу, наиболее поразителен. Соответствующее расположение планет, названное Нострадамусом, точно указало дату вступления Гитлера в Бельгию и начало блицкрига — 10 мая 1940 года. Ведь такое расположение планет настолько редко, что случайность полностью исключается. Оно встречается раз в миллионы лет! Поразительно, не так ли?

Б. Начинаю понимать, почему вы так привержены эфемеридам — они оказывают вам бесценную помощь. Так же, как и астрономия. Ведь исходя из ее законов, вы сумели с абсолютной точностью предсказать падение Горбачева!

И. Да, благодаря Нострадамусу я смог безошибочно установить, что конец политической карьеры Горбачева наступит в момент прохождения Юпитера через Льва. Поскольку это прохождение завершилось 11 сентября, мне оставалось лишь сделать соответствующий вывод.

В апреле 1991 году я находился в Японии и предсказал это событие. Горбачев тогда был в Японии; мое предсказание вызвало шок у одних и улыбку у других. Случился скандал! Но можете себе представить, какую гору писем получили мои издатели, когда Горбачев, выдающийся представитель России, покинул политическую

сцену. Астрономические данные позволили мне за сорок лет до падения коммунизма в СССР предсказать это событие.

Б. Не могли бы вы назвать еще несколько попаданий «в десятку» ваших предсказаний, сделанных «по Нострадамусу». Ведь далеко не всем его толкователям удалось сделать это.

И. Пожалуйста. Например, переизбрание Никсона, уход американских войск из Вьетнама... Изучая тексты Нострадамуса, я сумел предсказать также знаменитый «уотергейт».

Б. Неужели вы заранее знали, что разразится «уотергейт»?!

И. Еще в 1973 году я написал президенту Никсону о том, какая опасность его подстерегает. Направил ему комментированный текст четверостишия VII — 19 и предупредил, что его ожидает крупный скандал, в результате которого он потеряет свой пост.

Б. У меня в руках ответ, который вам направил Белый дом. Вас не приняли всерьез. Между прочим, если Нострадамус предсказал, что президент Никсон утратит власть в результате громкого скандала, как могли вы повлиять на ход событий, направляя предупреждение президенту? Разве вы могли опровергнуть предсказание?

И. Когда врач говорит больному, что его ожидают испытания, он не может одним махом покончить с болезнью. Зато он может предписать пути облегчения страданий. Я вел себя подобным образом. Предупреждение, которое я направил президенту Никсону, могло бы помочь ему принять соответствующие меры, чтобы более достойно выйти из создавшегося положения. Но я ни в коей мере не считал, что могу опровергнуть пророка... К тому же я никогда не «насиловал» тексты Нострадамуса, а точно следовал его предсказаниям, лишь интерпретируя их.

Б. Слушая вас, хочешь не хочешь, приходишь к мысли, что история начинает двигаться вспять и возвращает нас во времена противостояния между Востоком и Западом, между христианами и неверными. Удивительно, что, вступая в XXI век, все еще употребляют такие слова, как антихристы или варвары, причем в прямом смысле слова.

Б. История имеет циклический характер. Возврат к прошлому происходит регулярно.

Б. Я с удивлением слышу, что — как вы утверждаете — произойдет восстановление могущества католической церкви. Между тем, в конце XX века мы не можем закрывать глаза на то, что церковь все больше отходит от насущных проблем населения, что она проявляет неспособность дать ответ на вопросы, которые ставит время.

И. Вы считаете, что будущее наших народов лежит в стороне от христианства. А вот Нострадамус, повторю, считает, что история развивается циклически, как и религия. Волны антихристианства всякий раз сменяются временами возврата — с новым рвением! — к церкви, к истинным источникам веры. После Хрущева в России начался возврат к вере и это обстоятельство сыграло позже реша-

ющую роль в победе Ельцина в 1991 году. Возвращение к православию в России и других странах освобожденной Европы не вызывает сомнений.

Б. Вернусь к проблеме Великого монарха, чтобы высказать следующее соображение. Вы представляете Великого монарха человеком весьма не похожим на нынешних политиков. Он кажется каким-то нереальным. Это герой легенды, эпопеи... или комикса. Просто удивляешься, насколько пророк соответствует извечной жажде людей обрести абсолютного героя. Это характерно для всех цивилизаций. Традиция Великого монарха — традиция, рожденная не Нострадамусом. Эта традиция уходит в глубокую древность, ко временам крушения Римской империи. Люди ждали нового императора, ждали новую Римскую империю — еще более мощную, такую, которой управлял бы мудрый и справедливый монарх. Миф этот укоренился прочно в сознании европейцев.

И. Интерпретация высказываний Нострадамуса, которую я даю, не диктуется конъюнктурой, в отличие от того, как поступали многие мои предшественники. Поэтому я редко — очень редко — ошибаюсь. Очень осторожно отношусь к предсказаниям конкретного плана. И несу за них ответственность...

Оставляю предсказания «конкретного плана» на суд читателя, но коль скоро В. Ионеску делает ссылку на конкретный катрен VII — 19, считаю полезным привести подстрочник:

«Нисенский форт не может далее продолжать сражение,
Поскольку блеск золота породил надежды на мир
Начнется торг между враждующими сторонами,
Но у миротворцев будет похоронный вид»

Можно ли это отнести к «уотергейту»? К Вьетнаму? В известной мере. Но и десятки, если не сотни, других событий с такой же легкостью лягут в достаточно неопределенный контекст.

Географическую привязку — Нисенский форт, при всем желании, трудно отнести к деятельности Ричарда Никсона на посту президента.

Ниса — город, где в III веке находилась резиденция Парфянского царя, от которого осталось два городища: Старая Ниса и Новая Ниса, расположенные близ Ашхабада.

Есть еще Нис, или Ниша, — город в нынешней Сербии, возникший на месте античной Ниссы. Скорее всего, именно он и попал в волшебное поле зрения Нострадамуса.

Астрологическая интерпретация его катренов часто сопряжена с непреодолимыми трудностями. Достаточно привести в пример четверостишие 33 четвертой центурии:

Юпитер соединится более с Венерой, чем с Луной,
Появившись в белой полноте
Венера, скрытая под белизной Нептуна,
Поражена Марсом посредством мелкого белого зерна

Уже одно упоминание Нептуна выводит астрономическую картину из круга представлений XVI века! Планета Нептун была открыта, как принято говорить, «на кончике пера» только в 1846 году и тогда же получила наименование.

Феномен Нострадамуса сопряжен со множеством сюрпризов, способных поставить в тупик самый изощренный ум.

«Небесные тела без конца видны глазу», — предрекает он в катрене IV — 25. Но телескоп изобрели в 1609 году. Мысль о том, что Нострадамус располагал оптическим прибором — ведь еще Роджер Бэкон экспериментировал с линзами! — ничем не подкреплена и граничит с фантазией.

Не надо забывать и о том, что число удачных предсказаний, «побед», значительно уступает числу «поражений». Это легко проверить по катренам, которые содержат ясные, недвусмысленные указания, как, например, X — 91:

В 1609 году римский клир
В начале года у тебя состоятся выборы
Серого и черного из Кампании родом.
Такого вредного не было никогда.

Совершенно определенно можно сказать, что речь идет о выборе папы. Это тот редкий случай, когда плюс ко всему дается еще и точная дата.

Реестр пап позволяет определить во времени. Вариант единственный: Павел V (понтификат 1605—1621).

Надо сказать, что предсказание доставило много треволений римской курии и, почти наверняка, самому первосвященнику. Авторитет Нострадамуса был чрезвычайно высок, поэтому, когда наступил указанный год, все ожидали смерти Павла V. Есть сведения, что дипломатические агенты, аккредитованные при Ватикане, постоянно держали оседланных лошадей, чтобы, не теряя ни минуты, отправить курьеров с траурным известием.

Папа лишний раз подтвердил, что слухи о смерти часто оказываются сильно преувеличенными.

Спекуляции никому не делают чести. Если уж браться за толкование Нострадамовых пророчеств, то лучше сосредоточить внимание на достаточно ясных местах, а таких у него немало.

В послании к сыну он дает недвусмысленное объяснение своему необычному дару:

«Хотя я и пользуюсь словом «пророк», я не желаю столь высокое звание применять к себе в настоящее время. Ибо того, кого теперь называют пророком, некогда называли «провидцем». Строго говоря, сын мой, пророк — это тот, кто видит вещи, далекие от обычного круга познания... Если разум выстраивает будущие события, исходя из современных ему событий, они, эти будущие события, не слишком спрятаны от него и вообще не явились для него откровением. Но совершенное знание событий невозможно без Божественного вдохновения».

Вторую книгу «Центурий», увидевшую свет в 1558 году, Нострадамус сопроводил развернутым посвящением Генриху II:

«Опасность времени, достойнейший король, требует, чтобы такие тайны открывались только в загадочных предложениях, имея при этом только один смысл и ничего двусмысленного».

В этих строках все: и невольное самооправдание за вынужденную зашифрованность, и намек на инквизицию, которая, следуя библейским запретам на всяческие гадания, мягко говоря, не жаловала прогностику. Знание будущего шло вразрез с краеугольным догматом о свободе воли.

Король-рыцарь, любитель молодецких забав и прелестных женщин, никак не отреагировал на посвящение. Возможно, он даже не пролистал «Чудесной книги».

Положение изменила смерть в предугаданных обстоятельствах, а затем и еще одна, тоже предсказанная. На сей раз речь идет о Франциске II, который не просидел на троне и года. Ему и его столь же юной жене — шотландской королеве Марии Стюарт — будет посвящен отдельный рассказ, поэтому ограничимся соответствующим (X — 39) катреном:

Первый сын, вдова, несчастливый брак
Без детей, два острова в раздоре,
До 18, в незрелом возрасте,
А другой вступит в брак еще моложе.

17 ноября 1560 года молодой король тяжело захворал.

«Все придворные вспоминают 39 четверостишие из «Центурий» Нострадамуса и обсуждают его втихомолку», — доносил дожу посол Венецианской республики Мекело Сурьяно. Когда во всю силу развернется противостояние «двух островов» — Марии Стюарт и Елизаветы Английской, «обсуждение» пойдет по новому кругу.

«Здоровье короля очень неопределенное, — докладывал герцогу Козимо Медичи посол Тосканы, — и Нострадамус в своих предсказаниях на этот месяц говорит, что королевский дом потеряет двух молодых членов от непредвиденной болезни».

Так и случилось: 5 декабря скончался Франциск II, а вскоре за ним и граф Рош-Сюр-Ён, последний отпрыск младшей линии Капетингов — проклятых королей. Вместе с Нострадамовым продолжало сбываться и пророчество тамплиера.

В письме от 12 января 1561 года королю Испании Филиппу II посол де Шатонне не скрывает охватившего французский двор, да и его, Шатонне лично, смятения:

«Было замечено, что в один месяц умерли первый и последний члены королевского дома. Эти катастрофы потрясли двор вместе с предсказанием Нострадамуса, которого лучше было бы наказать, чем позволять публиковать свои пророчества, которые ведут к распространению суеверий».

Над головой Нострадамуса вновь стали сгущаться грозные тучи. Спасло покровительство всевластной Екатерины Медичи. Упо-

мянутому уже герцогу Козимо Тосканскому, ее близкому родичу, все тот же Сурьяно излагает несколько иной взгляд на деятельность беспокойного ясновидца.

«Имеется другое предсказание, широко распространенное во Франции, исходящее от этого знаменитого и божественного астролога по имени Нострадамус, и которое угрожает трем братьям, говоря, что королева-мать увидит их всех королями».

Здесь имеются в виду сыновья Генриха II и Екатерины Медици — Карл, Генрих и Франциск. О том, как сбылось это пророчество, авторство которого разделил с Нострадамусом Лоренцо Руджери, сын прославленного Роже, будет рассказано далее.

Здесь же уместно поставить точку на делах бывлых — как сбывшихся, так и не сбывшихся.

Сколь не притягательно обратить взор в прошлое, но будущее, притом достаточно близкое, волнует нас неизмеримо более. Седьмая центурия соотносится с началом третьего тысячелетия. Ее открывает, как уже было сказано, послание Генриху II, где есть поразительно точное указание на опасности, угрожающие Европе в далеком будущем, странным образом ускользнувшее от внимания многочисленных комментаторов.

«...Очаг войны вспыхнет рядом с Турцией», — дает Нострадамус приметы последних лет XX века. Можем ли мы считать «очагом войны» недавние рейды турецкой армии на территории Иракского Курдистана? «Начнутся волнения в Средиземноморье со стороны Персии и Месопотамии, а также в Европе, на сорок пятом, сорок первом и тридцать седьмом градусе северной широты». С Персией и Месопотамией (Ираном и Ираком) пророк вновь попадает в самое яблочко, но основная информация скрыта именно в географических координатах. Между тем, никто не взял на себя труд «проехаться» по этим трем параллелям. Сделаем это, вооружившись картой.

45-й градус проходит через бывшую Югославию, притом через самую ее сердцевину: Хорватию, Сербию, Боснию и Герцеговину. Комментарии тут излишни. Пойдем, однако, далее и, прорезав относительно спокойные области Краснодар и Ставрополя, въедем прямохонько в Крым, предварительно затронув Румынию с Молдавией и Приднестровьем. Словом, что ни выстрел, то в десятку.

41-й градус — прямо рядышком с достопамятным Сумгаитом — тоже приведет нас в «горячую точку» (Армения, Азербайджан). Вообще, между этими двумя параллелями лежат зоны, чреватые множеством неожиданных сюрпризов.

Последние выборы во Франции и Италии определенно свидетельствуют о росте крайних националистических настроений. И это в ведущих демократических странах. Албания, Болгария, равно как и Турция с Грецией, неизбежно втягиваются в вековечный Балканский конфликт. Тут и проблема Македонии, и Косово с его албанским населением, и острова в Эгейском море, и разделенный Кипр.

Однако нас, россиян, прежде всего тревожит другой фланг, где расположены Абхазия, Северная и Южная (грузинская) Осетия, Ингушетия, Дагестан и, конечно, пылающая Чечня. Каспий с его нефтяными вышками на шельфе и в Мангышлаке, хоть и лежит за условной границей Европы, но тем не менее, тоже находится в обозначенных пределах и, главное, в сфере средоточения интересов России, Турции и Ирана.

Те же два роковые крыла очерчивает и 37-я параллель: от нефтеносной акватории между древней Элладой и Портой до пограничных застав Таджикистана, где гроыхает эхо роковой Афганской войны.

Таков безрадостный фон наступающей эры Водолея, чьи огненные отблески уловил Салонский провидец. Будем уповать на то, что далеко не все его предсказания оправдались. Будущее остается открытым, пока не сделан необратимый шаг. Предсказанный приход Короля Террора и война между Югом и Севером, надо надеяться, все же не состоятся.

ЕКАТЕРИНА МЕДИЧИ

Но так как папы, короли,
Их сыновья, мелькнув мгновенно,
Лежат в земле, черней земли,
И всякий станет горстью тлена,
Разносчик маленький из Ренна,
Я ль не умру? Судьба одна!
Я видел все, — все в жизни бренно,
И смерть мне больше не страшна.

Франсуа Вийон

Иногда прошлое, причем далекое и чужое, выскакивает буквально из-за угла, тщась донести отголоски былой славы и доблести, ничтожества и позора. Но мы не слышим лепета, замурованного в каменной кладке не различаем таинственных знаков.

В Петербурге, на углу Невского и улицы Гоголя, стоит особняк, в котором когда-то размещался банк Вавельберга. Примечателен герб на фронтоне: шесть шаров на древнем щите, какого не сыщешь в русских гербовниках. Шары, а точнее — лекарственные пилюли — были символом знаменитого флорентийского рода Медичи, чьи предки, прежде чем стать сначала банкирами, а затем суверенными герцогами, занимались врачеванием. По странной прихоти владельца, здание петербургского банка было построено согласно образцу фамильного палаццо, в котором увидела свет знаменитая Екатерина Медичи (1519—1589).

Читатель наверняка знаком с этой удивительной женщиной по захватывающим романам Дюма: «Королева Марго», «Графиня Монсоро» и «Сорок пять». В религиозных войнах, которые обескровили Францию, ей принадлежит ключевая роль. Екатерина пережила четырех королей и сделала все возможное и невозможное, дабы не отдать трон Генриху Наваррскому.

За несколько всков банкирский дом Медичи сосредоточил в своих руках несметные богатства. От состояния дел во Флоренции нередко зависела политическая погода всей Европы. В начале XV века Медичи настолько усилились, что смогли создать самостоятельное княжество — принципат и получили герцогскую корону. Из их среды вышли такие деятели Возрождения, как Лоренцо Великолепный, щедро покровительствовавший свободным искусствам, папы Лев X (понтиф. 1513—1521) и Климент VII (понтиф. 1523—1534), Джулио Медичи в миру. Последний, кстати, и сосватал Екатерину в жены дофиню французского короля. И жениху, и невесте едва минуло четырнадцать лет. Для Екатерины это была, безусловно, блестящая партия. Будущему Генриху II (1519—1559), наследнику древней славы Валуа, брак тоже сулил немалые выгоды, хотя и был сопряжен с мезальянсом. Отец невесты — Лоренцо, герцог Урбино, бесспорно был суверенным властителем, к тому же

племянником папы Льва, но стоял на ступеньку ниже короля. Что же до матери, то ее ранг в феодальной иерархии был и того меньше, хотя она и принадлежала к такому знатному французскому дому, как де ла Тур д'Овернь.

Юная принцесса была довольно миловидна, любила роскошь, знала ей цену и, что самое главное, отличалась терпением и тактом. Если не любовь, то по крайней мере уважение супруга ей удалось завоевать с первых же дней. При этом она сумела сохранить самые добрые отношения с королем. Больше того, когда ее Генрих воспылил страстью к Диане де Пуатье, Екатерина и тут ухитрилась избежать серьезной размолвки. Выказав недвусмысленные знаки расположения пассиви мужа, она заручилась ее полным доверием. Если учесть, что эта связь оказалась длинной в жизнь, легко представить себе, чего стоило оскорбленной женщине ее терпение и притворство. Но она умела ждать. Не изведав любви, научилась ловко ее имитировать, завоевывая сочувствие двора.

Рачительно тратя личные средства на строительство дворцов, где были собраны шедевры скульптуры и живописи, Екатерина не только продолжила семейную традицию, но и снискала славу просвещенной и мудрой правительницы. Парижский Тюильри прославил ее имя в веках. В действительности же Екатерину волновало одно: власть.

Став королевой, она наводнила Лувр клеветами и наушниками. Окружив себя красавицами-фрейлинами, исподволь обратила их в куртизанок, обязанных доносить обо всем, что удалось вызвать у поклонников в самые интимные минуты. О нравах ее двора красноречиво свидетельствует история, записанная Таллеманом де Рео: «У королевы Екатерины Медичи была фрейлиной мадемуазель де Витри, легкомысленная, привлекательная и остроумная. Как-то, когда она находилась в покоях королевы, Депорт сделал ей дочку; говорят, будто однажды поутру она отправилась рожать в предместье Сен-Виктор, а вечером появилась на бале в Лувре, где даже танцевала; что с ней неладно, заметили по тому, что у нее открылось кровотечение».

Сюда следует добавить пикантную подробность насчет дырок, тайно просверленных в стенах спален. Короче говоря, королева знала все, что происходит вокруг, и ловко использовала полученные сведения. Не останавливаясь перед шантажом, она разъединяла друзей и мирила врагов. Даже в постель к принцам подсовывала своих многоопытных девочек. Пример тому — госпожа Сов, которая доносила обо всем, что делал и говорил Генрих Наваррский.

Стремясь упрочить свое влияние, Екатерина завела штат наемных головорезов и не гнушалась самого черного колдовства, в котором весьма поднаторела под конец жизни. И все же, дергая за ниточки из-за кулис, она мечтала о власти явной, до которой было еще ой как далеко. Будущее, между тем, было омрачено отсутствием наследника. В течение десяти долгих лет молодая женщина не смогла подарить мужу ребенка, хотя бы девочку, дабы окончатель-

но не прослыть неплодной. Несмотря на то, что Генрих II все свои силы отдавал обворожительной Диане, бездетной королеве угрожал развод. Даже родственник — папа не сумел бы помочь. Генрих VIII Тюдор, король Англии, женился на Анне Болейн, не получив развода с Екатериной Арагонской, хотя та и родила ему дочь.

Выручила землячка, жена флорентийского банкира Гонди, знавшая множество хитростей, известных разве что повивальным бабкам. Когда, наконец, стали появляться маленькие принцессы и принцы, ей было поручено ходить за королевскими детьми. Екатерина надеялась, что хоть кому-нибудь из них удастся получить трон: юный наследный принц приходился королю братом.

В честь покойного дяди-короля его окрестили Франциском, но уродился он хилым и рахитичным, и только героическими усилиями удалось кое-как поставить его на ноги. Впрочем, и с родными сыновьями обстояло неладно. Если не физически, то умственно подрастали ущербными. И Карл, и Генрих, и последыш, тоже нареченный Франциском, рано обнаружили отсутствие воли, мнительность и коварство. Словом, пошли не в отца — сильного, жизнерадостного, настоящего рыцаря. Зато дочери: Елизавета, Клавдия и особенно маленькая Марго выдались на славу. Впрочем, и к ним холодная королева не прикипела сердцем. В конце концов, принцесса — это орудие политики, необходимое для выгодных династических союзов.

Все были просватаны с малолетства, что ничуть не мешало поискам других, более отвечающих злобе дня, вариантов. При очевидных достоинствах Генриха II государь из него вышел неважный. Несмотря на то, что сумел разбить императора Священной Римской империи Карла V в битве под Мецем (1552), война возобновилась уже через пять лет. Филипп II, отобравший у отца сначала испанскую, а затем и императорскую корону, изрядно потрепал французские войска. Сражения шли с переменным успехом, разоряя и без того подорванное религиозной междуусобицей хозяйство. Управление страной Генрих передоверил своему фавориту Франсуа Монморанси и братьям Гизам, фанатичным католикам, которые и сами были не прочь дорваться до трона. Романтические порывы и безалаберность мужа задевали Екатерину куда больше, чем шашни на стороне. Она тайно радовалась, когда один из его незаконных сыночков пал в драке из-за красивой девки с каким-то пиратом.

О другом внебрачном отпрыске Генриха, рожденном от Николь де Савиньи, скажем особо. Вот уж воистину кармическое деяние, отдаленные последствия коего дадут знать о себе через два с половиной века! Король даровал сыну несколько доходных поместий и (помянем лишний раз Нострадамуса) титул барона де Сен-Реми. 22 июля 1756 года в одном из этих поместий — Фонтетт — у Жака де Валуа, прямого потомка королевского бастарда, родилась дочь Жанна. С ней — Жанной де Ла Мот — нам и предстоит встретиться в знаменитом «Деле об ожерелье», которое роковым образом

затронет кардинала Рогана, графа Калиостро и злосчастную Марию-Антуанетту, королеву Франции.

Вот так и проявляется себя неотвратимый рок, чьи дальние зарницы привидятся во мраке ночей невольникам пророческого дара. «Ужас и рок шествовали по свету во все времена», — справедливо заметил Эдгар По.

Заключенный 13 апреля 1559 года в Като-Камбрези долгожданный мир надлежало увековечить свадьбой Елизаветы с королем Испании Филиппом II. Таким образом, войну, продолжавшуюся 65 лет, должно было сменить чисто родственное согласие.

Но и тут любезный супруг поспешил отличиться! Решил трянуть стариной и устроить рыцарский турнир и даже принять в нем участие. И все для того, чтобы преломить копье в честь дамы сердца. И преломил. Обломок древка копья капитана шотландской гвардии графа Габриэля Монтгомери не только омрачил празднество, но и отнял у Франции ее короля. На этом событии, имевшем место на третий день пышного, но уже отдававшего нафталином мероприятия, стоит остановиться особо.

Обменявшись положенными приветствиями, облаченные в тяжелые латы соперники поскакали навстречу друг другу. При первом столкновении их копья сломались, но оба остались в седлах и, разъехавшись в противоположные концы поля, приготовились к новой сшибке. Она закончилась с тем же результатом, так что пришлось вновь разъехаться и взять, уже в третий раз, новые копья. Возможно, Монтгомери досталось древко со скрытым дефектом, иначе трудно объяснить, почему оно после облома дало столь глубокую продольную трещину. Острый отщеп, вонзившись в решетку забрала, поразил короля прямо в глаз. Поврежденной оказалась и лобная доля мозга. Промучившись десять дней, Генрих II скончался.

Трагическое событие заставило обратить внимание на предсказание Нострадамуса, содержащееся в катрене 35 первой центурии:

Молодой лев одолеет старого
На поле битвы в одиночной дуэли,
Он выколет ему глаз в золотой клетке

Более точный перевод не привносит ничего нового, но все-таки лучше соответствует оригиналу:

Молодой лев победит старого
В странном поединке на бранном поле
Он ему проколет глаз через золотую клетку

К непритворной скорби Екатерины, которой эта нелепая смерть могла бы принести регентство, она пришла с запозданием. Брат Генриха II Франциск, отныне Франциск II, уже успел достичь зрелости и был коронован вместе с молодой женой — королевой Шотландии Марией Стюарт. Впервые Екатерине пришлось пропустить впереди себя эту сияющую юной красой гордячку, осмелившуюся

назвать ее, королеву-мать, «дочерью купца», о чем тут же Екатерине было доложено.

Екатерина запомнила. Она из кожи вон лезла, чтобы королевская свадьба превратила Париж в истинную столицу мира. Перед собором Нотр-Дам выстроили открытый павильон с балдахином голубого кипрского шелка расшитого золотыми геральдическими лилиями. Из Италии и лучезарного Прованса были приглашены лучшие музыканты и гораздые на выдумку художники. Для каждой королевы и принцессы построили золоченые корабли, куда их провозжали роскошно одетые принцы. Толпы ликующих горожан, море цветов. И за все за это такая неблагодарность!

Екатерина почувствовала себя отмищенной уже через несколько месяцев. Обе королевы вновь встретились, одетые в траур, у смертного одра Франциска. Теперь настал черед Марии уступить дорогу. Она отправится в свою нищую Шотландию, а Екатерина останется в Лувре регентшей при малолетнем Карле, отныне Карле IX (1550—1574). Она располнела, обрюзгла, ее жирные пальцы напоминают обрубки, а долгожданная власть так и не пришла. По-прежнему погоду определяют Гизы. За ними Испания, папа, орден иезуитов. Стремясь сохранить баланс противоборствующих партий и остаться над схваткой, Екатерина делает авансы гонимым гугенотам, за которыми стоит юг Франции и Наваррское королевство. Народ доведен до крайности, толпы бездомных и нищих наводнили Париж.

Здесь мы вступаем на поле, хорошо простреленное поэтами и романистами: Шиллером и Стефаном Цвейгом, в случае Марии Стюарт, тем же Дюма и Проспером Мериме, когда речь идет об избиении гугенотов в ночь святого Варфоломея. Поэтому не будем останавливаться на слишком хорошо известных событиях и сосредоточим внимание на жгучих подробностях, которые ускользнули от зоркого писательского глаза. Многие исторические свидетельства остались просто-напросто невостребованными, в том числе и письма самой Екатерины.

Характерная деталь: среди головорезов, учинивших погром гугенотов, был и Генрих д'Ангулем, сын покойного Генриха II и одной из фрейлин Марии Стюарт. Все нити свиваются в единый клубок.

Злополучный катрен, естественно, тоже не прошел мимо зоркого ока Екатерины. Она не только поспешила познакомиться с провансальским провидцем, но и явно покровительствовала ему впоследствии.

Исследователи «Пропеций» в один голос говорят, что в катрене 63 шестой центурии определенно речь идет о вдовствующей королеве:

Дама, оставленная одна на царстве
Единственным, который угас на ложе чести.
Семь лет она будет плакать в горе.
Затем долгая жизнь и великие часы правления.

Совпадения вновь разительные: вдовство, ложе чести, семь лет печали и долгая жизнь впереди. Екатерина действительно носила траур ровно семь лет (на 26 дней дольше, если соблюдать точность) и скончалась, перейдя семидесятилетний рубеж, что мало кому удавалось в то время.

В данном случае, правда, нельзя исключить организованный прогноз. Приведенный катрен явно льстит королеве. Суеверная и мнительная, она, пребывая в глубоком потрясении от предыдущего пророчества, сбывшегося на ристалище — «ложе чести», вполне могла последовать «совету» оракула.

Тем более, что траур определенно отвечал ее умонастроению.

Попробуем в этой связи пролить свет на такую деликатную тему, как увлечение колдовством. О жертвоприношениях черных петухов и гаданиях на внутренностях животных, чем она время от времени занималась, написано предостаточно. В «Королеве Марго» наставником в магических экзерсисах выступает парфюмер Рене.

Стоило известных усилий найти подтверждение и токсикологическим изыскам. Агриппа д'Обинья, автор «Всеобщей истории» и близкий соратник Генриха IV, приводит подробности умерщвления Жанны д'Альбре, королевы Наваррской.

«Она умерла от яда, который через надушенные перчатки проник к ней в мозг, а изготовил яд флорентиец мессир Рене, которого после этого все возненавидели».

Дюма ошибся лишь в том, что приписал Рене «заслуги» Руджери в магических церемониях. Башня, с которой Козимо, сын Роже, наблюдал движение звезд, уцелела по крайней мере до XIX века. Ее еще застал Стендаль. Именно там, в подвале, находилась «адская кухня», где Козимо вместе с королевой предавался вивисекторским экзерсисам. В полу этой алхимической лаборатории было отверстие, через которое кровь стекала напрямик в Сену.

Вызывает любопытство и фигура итальянца Муртио Франджипини. Он обосновался во Франции как раз при Екатерине, вел бойкую торговлю перчатками, парфюмерией и занимался изготовлением духов, которыми пользовался весь двор. Уж не он ли изготовил те самые отравленные перчатки? Помаду для госпожи Сов, эту «смерть в поцелуе»?

Кстати, именно эта фрейлина дежурила вместе с мадемуазель де Ренн в спальне Екатерины в Авиньоне, когда королева с криком очнулась от сна, увидев у своих ног кардинала Лотарингского, дядю Марии Стюарт.

— Кардинал, вы мне не нужны! — воскликнула она в ужасе и замахала руками.

Об инциденте доложили Карлу IX, который послал узнать, в чем дело. В ту ночь на 23 декабря 1574 года кардинал скончался. Эта смерть не ослабила лотарингский дом. Гизы были по-прежнему сильны и свирепы. Их сестра герцогиня Монпасье содержала целый отряд профессиональных убийц. Не удивительно, что проклятое семейство преследовало королеву даже во сне.

О другом видении Екатерины сообщает в своих мемуарах ее дочь Маргарита:

«Моя мать... лежала, опасно больная, в Меце. У ее постели сидел король Карл, мой брат, моя сестра и мой другой брат, герцог Лотарингский... В исступлении она кричала, что видит сражение, видит, как все бегут... «Видите ли вон там принца Конде мертвого?» Все присутствующие думали, что она бредит. Однако, когда на следующий день ей докладывали о сражении, она сказала: «Я это вчера видела».

Не удивительно, что, обладая ярко выраженной способностью к ясновидению, королева увлекалась оккультными науками. Нострадамуса, в частности, именно она пригласила в Париж в качестве лейб-медика. Когда же он по причине подагры вынужден был возвратиться обратно в Салон, навестила его вместе с Карлом. Надо думать, ее беспокоило зловещее пророчество по поводу скорой смерти сыновей.

Зная, насколько вообще короток век французских королей, старший сын Роже — Лоренцо Великий, изучавший тайные науки вместе с Нострадамусом, предсказал Екатерине, что все три ее сына будут править, хотя наследует им все же Генрих IV. Следя за оборотами прялки и впад в сомнамбулическое состояние, он предостерег королеву от какого-то Сен-Жермена. Екатерина с тех пор всячески избегала одноименного замка, летней резиденции Валуа под Парижем, где была подземная тюрьма. Ирония судьбы: исповедником, которого пригласили к одру умирающей, был аббат Сен-Жермен.

Как все же причудливо повторяются ситуации!

«Вы дочь купца», — неосмотрительно бросила Екатерине Мария Стюат.

«Вы дочь флорентийского менялы», — не удержалась мать Генриха IV Жанна д'Альбре.

Обе окончили свои дни скверно...

О другом Сен-Жермене, жившем в XVIII веке и выдававшем себя не только за ученика братьев Руджери, но и за собеседника Иисуса Христа, речь впереди. Стоит лишь напомнить, что Бальзак уверял, будто оный Сен-Жермен дожил до 130 лет.

«Всем, что в этом этюде рассказано о кабалистическом учении, — писал Бальзак («Об Екатерине Медичи»), — автор обязан этой таинственной личности».

Как бы там ни было, но все сбылось в точности, несмотря на бойню, в которой должен был погибнуть не только король Наварры, но и его молодая жена Маргарита, дочь Екатерины. Прологом кровавых событий явилось убийство адмирала Колиньи, вождя гугенотской партии. Пойти на преступление Екатерину подвигла отнюдь не преданность католицизму. Сохраняя внешний декорум, она была глубоко равнодушна к религии. Черная магия, яды и кинжал наемного убийцы представлялись ей куда более надежным оружием, нежели месса. Развязать гражданскую войну королеву принудил

испанский посол — «железный» Альварес де Толедо, герцог Альба, озаривший кострами инквизиции Нидерланды.

— Сколько стоит у вас удар кинжалом? — спросил он на тайной встрече.

— 10 000 ударов кинжалом, — с полуслова поняла королева, — стоят столько же, сколько пушки, сожженный город, междуусобная война.

— 10 000 лягушек это все-таки не лосось, — отрезал «железный» герцог, намекая на герб адмирала с лососем в центре щита.

На этой встрече решалась судьба не только адмирала, но и Генриха Наваррского и его молодой жены Маргариты.

Чудом уцелевший очевидец Варфоломеевой ночи Агриппа д'Обиньи писал:

Здесь нет невинных рук, здесь все за кровь в ответе
В темницах, во дворцах, в особняках вельмож,
Везде идет резня, гуляет меч и нож,
И принцам не уйти, не спрятаться в алькове,
Их ложе, их тела, их слава в брызгах крови¹.

Участь гугенотов, съехавшихся на свадьбу Генриха IV и Маргариты, была решена, но в самую последнюю минуту король, спасенный Наваррцем от разъяренного вепря, пощадил новобрачных. Это не помешало ему стрелять из окна по несчастным беглецам, преследуемым шайками головорезов.

Никчемный он король, зато какой стрелок!
Из аркебузы он бегущих валит с ног.

И, наконец, о самой Екатерине:

И королева-мать со всей своей оравой
Отправилась глядеть плоды резни кровавой.

Бойня не прошла бесследно для дома Валуа. Карл IX все более отдалялся от матери, которая уже сделала ставку на следующего по старшинству сына, избранного на сейме королем Польши. Дабы задобрить Гизов, она выдала Клавдию за Лотарингского герцога д'Эльбефа. Смерть Карла IX от яда, которым была пропитана книга, лишний раз показала, что роковое предначертание начинает сбываться. Возможно, и не без содействия самой Екатерины. Смертельная рулетка набирала обороты, хотя у королевы-матери на руках осталась одна-единственная фишка для настоящей игры. Она шлет гонца в Краков. Новоявленный польский король тайно от сейма бросает «варварскую» страну и мчитя в Париж, чтобы поскорее занять престол. Однако и он, теперь уже Генрих III (1551—1589), не оправдал надежд Екатерины. Не посоветовавшись с ней, велел резать Меченого — неукротимого главу клана Гизов, и

¹ О том, что произошло в алькове Марго, читатель узнает в последующем рассказе.

посмел сблизиться с ненавистным Наваррцем, которого так и не удалось отправить на тот свет. И не удастся, ибо ему, тогда еще девятилетнему мальчику, посулил корону сам Нострадамус. Не оставил пророк вниманием и Генриха III, коему предстояло пережить знаменитый «День Баррикад» и даже бежать из Парижа, где горожане создали собственное правительство.

Республика великого города
Не захочет подчиниться больной суровости,
Трубы (войны выгонят) короля из города

Катрен 50, Центурия III

Ослепленные злобой и алчностью заклятые друзья — Екатерина и Гизы — так и не поняли, что расчищают дорогу ненавистному гугеноту. Жак Клеман наносит Генриху III смертельный удар кинжалом. Иезуитский выкормыш поверил, что станет невидимым и вознесется в рай.

Ставок больше нет. Екатерина делает последнее героическое усилие возвести на трон мужа Клавдии — Карла. Если не Валуа, то пусть уж проклятые Гизы, лишь бы не этот наваррский еретик.

Но судьбы звездными письменами записаны на небесах. Пророчество Руджери потому и запомнилось, что сбылось от альфы до омеги: отравлен Карл IX, зарезан Генрих III и, наконец, последыш Франциск скончался от туберкулеза. Даже ему, ничтожеству из ничтожеств, мать сумела добыть корону! Под ее нажимом Вильгельм Оранский, возглавивший борьбу Нидерландов против испанского владычества, согласился отдать трон принцу союзной Франции. Однако этот распутный урод тут же нарушил конституцию свободолобивых штатов и попытался захватить Антверпен. Эта авантюра, как, впрочем, и все предыдущие, закончилась позорным провалом. Семь провинций провозгласили свою независимость, а низложенный Франциск вынужден был спастись бегством.

Руджери не ошибся ни на йоту: три коронованных сына Екатерины один за другим покинули мир, а Генрих IV (и тут правы оказались оба: Руджери и Нострадамус) унаследовал французский престол, положив начало династии Бурбонов.

КОРОЛЕВА МАРГО

Мой государь, пройдут века, и не однажды
Потомки помянут дела твои, но каждый
Кто поведет рассказ о царствии твоём,
Которому хвалу мы ныне воздаем,
Любой, кто в хроники столетий углубится,
Заметит без труда пока твоя десница
Владела скипетром французским, ни на час
Беллона¹ гневная не покидала нас

Пьер Ронсар «Мир»

Стихотворение посвящено Генриху II, который больше всего любил войну, турниры и черно-белые цвета своей дамы сердца Дианы де Пуатье. Он даже посвятил ей мадригал собственного сочинения. Пожалуй, любовь это то единственное, в чем он был счастлив. Кровавый Марс и гневная Беллона не часто радовали его победными лаврами, а про рыцарские игры нечего и говорить.

На Нострадамуса, которого дальновидная Екатерина пригласила пожаловать ко двору, он едва глянул. Пророк вскоре поспешил покинуть Париж, а его книга с посвящением и роковым катреном так и осталась непрочитанной.

Неблагодарная и вместе с тем заманчивая задача набросать хотя бы эскизный портрет самой романтичной из королев — Маргариты де Валуа (1553—1615). Бесконечно грустно заранее знать, что юная и пылкая принцесса станет обрюзгшей старухой, скрывающей под накладными буклями глубокие прольсыны. Печальна участь человека на грешной земле...

Сама Венера стояла у ее колыбели. К восьми годкам принцесса Маргарита превратилась в миниатюрную женщину, отмеченную всеми притягательными признаками прирожденной красавицы. Особенно хорош был задик. Согласно греческому канону, ее, как в свое время Афродите, нарекли Каллипигой, т. е. «круглозадой». Но да не умалит столь интимная деталь прочих вполне очевидных прелестей: черные, как смоль, волосы, высокие бретонские скулы и удивительные глаза — узкие и удлиненные, сияющие жизнелюбивой жадностью. Знатоки женских статей предрекали младшей дочери Генриха II и Екатерины Медичи стезю жестокой сокрушительницы сердец. Но мудрый Нострадамус распознал в ней природную доброту. «Она многих одарит радостью, — грустно обмолвился он, — но никому не принесет счастья».

В шесть лет девочка потеряла отца. Обратится вновь к уже процитированному, притом в двух редакциях, катрену Нострадамуса:

Молодой лев победит старого
В странном поединке в ратном поле,
Он ему проколет глаз через золотую клетку

¹ Римская богиня войны

Все, как мы уже знаем, исполнилось в точности. Накануне двойной свадьбы сестры и старшей дочери короля трубы герольдов оповестили о начале рыцарского турнира в предместье Сан-Антуан. Возрождение славных традиций, столь чтимых в Испании, должно было продемонстрировать духовную близость стран-соседей, которые после затяжных войн подписали, наконец, мирный договор. Куртуазное ристалище обещало придать династическому браку короля Филиппа II и Елизаветы Валуа особую торжественность. Про Нострадамуса вспомнили, когда все уже было кончено, но ведь и астролог Лука Гаурик предупреждал короля, что ему не следует идти на турнир!

По странному стечению обстоятельств шлемы главных участников — Генриха II и графа Монтгомери — были увенчаны львиными головами¹. Дальнейшее нам уже известно: нацеленное в грудь соперника копье шотландца сломалось и острый осколок древка, проломив золотое забрало, вонзился в глаз благородного венценосца.

На трон взошел дядя Маргариты Франциск II, но вскоре умер, оставив вдовой шестнадцатилетнюю Марию Стюарт. Ему наследовал Карл IX, юноша весьма ограниченный и, как все невротики, до крайности переменчивый. Екатерина Медичи вертела им, как хотела.

Мать-чудовище, коронованный брат-истерик, распутный двор, жестокие, вероломные люди. Не вина Маргариты, что ей была назначена такая судьба. У королей не может быть собственной биографии. Их жизненная стезя определяется исключительно интересами трона, кто бы не восседал на нем: брат, отец или муж. Подрастать чудо-ребенку предстояло под сенью горностаевой мантии Карла IX.

В одиннадцать лет Маргарита впервые вкусила запретный и сладостный плод. И быстро вошла во вкус, ни при каких обстоятельствах не отказывая себе в радостях плоти. В числе ее любовников были и кровные братья: король Карл, наследовавший ему Генрих III и Франсуа, герцог Алансонский.

При суровом испанском дворе наивно полагали, что «у королей не бывает ног». В парижском Лувре, где в любом закоулке можно было наткнуться на сплетенную в жарких объятиях парочку, аскетичные нравы Эскуриала вызывали лишь смех. Возможно, что именно по этой причине расстроилось обручение маленькой Марго с Доном Карлосом, испанским инфантом. Страшно даже подумать, что бы случилось с ней, обомлешь кто-нибудь там, в Испании, про ее полные уже в ту пору ножки!

— Я видел твои ноги! — радостно вскричал, соскакивая с качелей, Генрих Наваррский, привезенный мальчиком ко двору.

— Ничего ты не видел! — рассмеялась она и тут же пообещала суженому: — Но ты их увидишь.

Легкомысленная, безнравственная, как и все вокруг, Маргарита отличалась, тем не менее, проницательным умом и любознательно-

¹ Характерная подробность, ускользнувшая от внимания комментаторов.

стью. То что ей удалось получить блестящее и разностороннее образование, равносильно чуду. В царствующем доме Валуа за все 260 лет отыскалось лишь три принцессы, способных пробудить в поэтах истинное, не заказное вдохновение. И вновь приходится говорить о «странном» стечении: все три носили одно и то же имя, а две — и титул Наваррских королев.

Расположенное в Пиренеях Наваррское королевство являлось суверенным, хотя во многом было зависимо от Парижа. Екатерина не считала Генриха Бурбонского подходящей партией для своей любвеобильной и высокоученой дочери. К тому же тот был протестантом, гугенотом по-здешнему. Лишь политические соображения вынудили ее дать согласие на этот брак. Три гражданских войны за десять лет (1562—1572) — это слишком много. Кровавые стычки на почве веры обессилили государство, не говоря уже о том, что давно настала пора присоединить маленькую Наварру. Свадьба, таким образом, должна была упрочить согласие, достигнутое противоборствующими сторонами в Сен-Жермене.

По крайней мере так выглядели намерения французского двора в глазах Генриха и его матери Жанны д'Альбре. Казалось бы, смерть королевы Жанны от быстродействующего яда должна была расстроить далеко идущие планы, но запущенная пружина продолжала раскручиваться. Свадьбу готовили с размахом. На празднества в Лувр съехался весь цвет гугенотского рыцарства во главе с адмиралом Колиньи, которого Карл IX называл «учителем и отцом».

Генрих Бурбонский, так трагически внезапно унаследовавший корону Наварры, был без ума от невесты. Он не забыл обещание, данное на качелях. Застрявшая в мозгу, как заноза, мысль о ножках Марго, распалила и без того богатое воображение молодого короля. Пересуды о любовниках не смущали. Он и сам зарекомендовал себя порядочным ходяком.

Лишь Генрих Гиз, по прозвищу Меченый, тезка и непримиримый враг, вызывал у него едкую, замешанную на ненависти ревность. Статный великан — такие всегда нравились Маргарите — рвался к власти. За его спиной стояла могущественная католическая Лига, внушавшая страх и Екатерине, и ее психопатическому сынку. Сыграв на этом, можно было сохранить голову. Ко всему прочему, Генрих любил Маргариту или ему очень хотелось так думать, что в принципе одно и то же. Да и выхода не было: он оставался заложником в Лувре.

В самый неподходящий момент невеста сделалась жертвой семейной сцены. Ее связь с Гизом вызвала у Карла IX приступ бешенства. С криком «Эта потаскуха хочет отнять у меня трон!» он потащил сестру на суд к матери. Екатерина сорвала с нее платье и отшлепала по тому самому месту, которым гордилась Венера. При виде розовых округлостей король не нашел ничего лучшего, как впиться зубами. След от укуса, обнаружившись в первую же брачную ночь, отравил Генриху Наваррскому столь долго предвкушае-

мое блаженство. Он, конечно же, заподозрил Гиза, а бедная Маргарита постыдилась открыть правду.

Торжества закончились накануне праздника святого Варфоломея. В ту самую ночь, когда были перебиты тысячи гугенотов. Сами новобрачные уцелели лишь чудом. Король, стрелявший в окно по бегущим «еретикам», слишком увлекся охотой. Главной задачей было «отцеубийство». Казалось, что смерть Колиньи обезглавит протестантов. Генрих, по счастью, провел ночь у любовницы, а на Марго у убийцы не поднялась рука. Несколько ближайших друзей мужа, искавших спасения в спальне своей королевы, были заколоты на ее глазах. Забрызганный кровью альков — вот что подарили ей на свадьбу братик и мамочка. А все-таки отныне она королева, хоть у королев ноги, безусловно, имеются, но прав на собственную биографию нет. Поэтому для полноты картины стоит повторить, что, помимо Карла, у Марго есть еще братья — Генрих и Франсуа, и оба мечтают о троне.

Объединив усилия, они отправят на тот свет блестящего кавалера де Бюсси, имевшего неосторожность вступить в связь с дамой, которую вожелели оба принца. Читатель «Графини Монсоро» знаком с персонажами этой любовной пентаграммы, где, помимо названных лиц и прекрасной Дианы, действует и ее муж, королевский егермейстер. Как обычно, грязное дело совершили наемные убийцы.

Людей XVI века нельзя судить по нормам позднейшей морали. Убийство на дуэли почиталось нормой, но принц крови не мог снизойти до поединка даже с таким дворянином, как виконт де Бюсси. Иное дело — откровенное предательство.

Организовав заговор против Карла IX, Франциск тоже действовал в общепринятых, скажем так, рамках. В случае удачи нашлось бы мало людей, готовых попрекнуть его смертью брата. Разве что строгий моралист, вроде Мишеля Монтеня. Но когда заговор провалился, а Франциск, поспешив повиниться перед королем, выдал ему всех своих сообщников, включая любовника Маргариты, свет почти единодушно его осудил.

Совет благородного Дю Белле пошел не впрок, остался, как говорится, втуне. Ничтожный последыш Валуа втоптал в грязь дружескую преданность, это истинное «сокровище владык». Быть может, они потому и сошли со сцены один за другим, недостойные эти владыки, что муза Клио устала раздавать короны ничтожествам: Карл испустил дух в 1574, Франциск — 1584, Генрих — 1589 году. Понадобилось всего пятнадцать лет, чтобы сбылось пророчество Руджери. Сцена очистилась для нового героя.

Александр Дюма заканчивает «Королеву Марго» эпизодом, в котором парфюмер Рене — отравитель Жанны д'Альбре — указывает на восходящую звезду Генриха Наваррского.

Прославленный романист, более-менее придерживаясь исторической канвы, несколько идеализирует прекрасную королеву, оставляя за рамками повествования зрелые годы. Однако именно с

этого момента заканчивается возвышенная романтика и начинается собственно история. И, добавим, тайна.

Кровавая бойня не разрешила проблемы: гугенотская партия сохраняет власть в своих провинциях. В той же Ла Рошели, например, и вообще на юге. Супруги между тем, оставаясь пленниками, живут каждый своей жизнью. Марго царит в своем поэтическом салоне, танцует павонну, изъясняется на изысканной латыни и регулярно меняет друзей сердца. Генрих Наваррский тоже заслуженно слывет бабником, что удобно в сложившейся ситуации, ибо за каждым его шагом следят. Любовница баронесса де Сов, в частности. Правда, злые языки не слишком лестно отзываются о его способностях. Госпожа де Верней даже назвала короля «Капитан Хочет, да не Может».

Однажды ему доставили некую Фанюш, выдаваемую за девственницу. На сей счет гривуазно выразился мемуарист Таллеман де Рео: «Найдя дорожку достаточно проторенной, он принял ее насвистывать. «Что это значит?» — спросила она. «А я зову тех, — ответил он, — кто прошел здесь до меня». — «Жмите, жмите и нагоните», — откликнулась Фанюш».

Добрый король: великодушный, находчивый, остроумный. Мечтал о том, чтобы в горшке каждого француза была курица, любил женщин, любил жизнь. Маргарита отдает ему должное и втайне страдает. Страсть мужа к герцогине де Бофор грозит непредвидимыми последствиями, но особенно уязвляет связь короля с Франсуазой Монморанси-Фоссе. Во-первых, она ее, Маргариты, фрейлина, но даже не это важно. Главное — все же ребенок. Дерзкая Фоссе осмелилась родить сына! Маргарита бездетна, она безумно страдает и все еще любит. Впрочем, это не мешает ей срывать цветы удовольствия. В ее салоне царит культ Прекрасной дамы. Ронсар посвящает ей изысканные стихи, ее превозносят Монтень, Малерб и Барант. «Новая Минерва», «жемчужина Валуа», «Волшебница». Впрочем, сама себя она нарекла именем Лаисы — знаменитой в древности куртизанки. Великан Гиз слывет у нее Клеонтом, законный супруг, хоть и не отличается атлетизмом, — Ахиллом. Они пока все еще друзья, сообщники, Генрих и Маргарита. Он смотрит сквозь пальцы на ее очередного обожателя — храбреца и дуэлянта Тюренна, выбранного не столько за доблесть, сколько за статю.

Нет, Маргарита определенно не создана разбивать сердца. Она щедра и снисходительна, хотя подчас и склонна к жестоким проделкам. Над молодым гасконцем Салиньяком она подшутила коварно.

«Чем бы вы могли доказать вашу любовь?» — спросила в ответ на его жалобы. — «Нет ничего такого, что бы я не сделал, моя королева!» — пылко ответил влюбленный. — «Даже приняли бы яду?» — «Да, лишь бы позволили мне умереть у ваших ног». — «Я согласна!»

В назначенный день королева вручает воздыхателю снадобье — сильно действующее слабительное — и удаляется, заперев дверь на

ключ. Результаты не замедлили сказаться. Бедный дворянин, над которым смеялся весь Париж, отправился послом в Турцию.

Особо стоит остановиться на эпизоде с графом Ла Модем. Кроме постельных дел, выбор вновь определила богатырская внешность, в романе Дюма слишком многое выдуманно. В романе красавец-гугенот предстает во всем блеске непорочной юности. На самом же деле он на целых двадцать лет старше своей коронованной пассии и весьма поднаторел в амурных забавах. Матерый зверь, много чего повидавший. По поручению Карла, он ездил в Лондон сватать королеву Елизавету за герцога Алансонского и, хотя не слишком преуспел в матримониальном посредничестве, сумел завоевать симпатию властительницы Британии. Вообще, он далеко метил. Решив сделать ставку на Франциска, перешел в его свиту где уже подвизался граф Коконас (так у Дюма), лихо проявивший себя в охоте на гугенотов. По указке Франсуа Алансона и герцога Монморанси, Ла Моль пытается устранить Гиза. Больше того: плетет интриги в надежде развязать войну с Испанией. Прекрасная Маргарита становится для него легкой добычей, а вскоре и союзницей. И колдовство здесь не при чем.

Плодовитейший романист, со вкусом описывая магическую эпоху, ни на грош не верил в магию. Зато верила и занималась некромантией Екатерина. И Карл IX тоже верил, и, увы, наша Марго. Рискуя принизить романтический облик этой высокоученой и прелестной женщины, которой Ла Моль завещал свой череп, о чем, кстати, упоминает в «Красном и черном» и любящий достоверность Стендаль, все же стоит привести свидетельство меуариста.

«Королева Марго в молодости отличалась красотой, несмотря на то, что у нее были слегка отвисшие щеки и несколько длинное лицо. Никогда, пожалуй, не было на свете женщины, более склонной к любовным утехам... Она носила большие фижмы со множеством карманчиков, в каждом из коих находилась коробочка с сердцем усопшего любовника; ибо когда кто-то из них умирал, она тотчас же заботилась о том, чтобы набальзамировать его сердце». (Жедеон Таллеман де Рео «Занимательные истории».)

История действительно занимательная.

Пылкий и беззаветный любовник, каким рисует Ла Моля Дюма, все-таки прежде всего был заядлым карьеристом и заговорщиком, у которого действительно нашли при аресте исколотую булавками восковую куклу с короной на голове. Но фигурка эта была предназначена не Маргарите, которая не нуждалась в колдовстве, чтобы лечь в постель с привлекательным мужчиной, а Карлу. Вместе со своим другом Коконасом (на самом деле Коконассо, ибо рубака-католик происходил из пьемонтских итальянцев) Ла Моль, не брезгуя никакими средствами, пытался проложить путь к трону младшему брату Карла — Франциску Алансонскому. При его дворе, кстати, состоял Дю Белле. В «Сонете принцу Франциску II» поэт, как бы между прочим, дает мудрый совет:

Любите, милый принц, простых сердец язык,
Лишь преданность друзей — сокровище владык,
Оно прекраснее, чем все богатства мира.

О, эта вечная надежда поэтов — «истину царям с улыбкой подносить» (Пушкин). Владыки не внемлют. Только наделенный Божественным даром способен понять собрата. Даже, если тот бесцельно мечет жемчуг перед свиньями.

Характерна поэтическая переключка Ронсара с Дю Белле, вынужденного пребывать вдали от любимой Франции.

Ты служишь королям, ты счастьем вознесен,
И славу Генриха умножил ты немало —
Той славою, Ронсар, что гений твой венчала
За то, что Францию в веках прославил он.

Проницательный Дю Белле не только оправдывает придворного поэта Генриха III, но и сам кадит фимиами монарху, отнюдь не достойному хвалы. Возможно, сказывается ностальгическая тоска. Издалека все, что происходит на родине, предстает в несколько идиллическом свете.

Ронсар, напротив, бросает другу ласковый упрек:

Меж тем как ты живешь на древнем Палатине
И внемлешь говору латинских вод, мой друг,
И, видя лишь одно латинское вокруг,
Забыл родной язык для чопорной латыни,
Анжуйской девушке служу я в прежнем чине,
Блаженствую в кольце ее прекрасных рук.

Дю Белле, которому осточертел и Рим, и Ватикан вместе с кардиналом, к чьей свите он был приставлен, отвечает:

Когда родной язык сменив на иностранный,
В стихах заговорил я по-латыни вдруг,
Причина, мой Ронсар, не в том, что Рим вокруг,
Не в шуме древних струй, бегущих с гор Тосканы,
Но в том, что здесь я раб немой и безымянный.

Возвратимся, однако, к Марго. Вне поэтической атмосферы, которая окружала ее с юных лет, едва ли можно понять не только духовный мир, но и поступки прекрасной королевы. Не случайно в ламентациях Дю Белле прорывается имя одной из трех Маргарит Валуа:

Ну, словом, я видал все то, чем славен Рим,
Чем он и стар, и нов, велик, неповторим,
Но я в Италии не видел Маргариты.

Напомним: авантюре Франциска споспешествовал астролог Екатерины Козимо Руджери. Будучи личным врачом Лоренцо Медичи, отец Козимо — Роже возглавил школу тайных наук, из которой вышли Кардан, Нострадамус и Агриппа, упрочившие славу и влияние властолюбивого герметиста. Среди его учеников были искус-

нейшие врачи и не менее знаменитые отравители. Пропитанная мышьяком книга, которую подсунули Карлу IX, — последовали за восковой куклой. План Ла Моля и потакавшей ему Маргариты предполагал устранение короля и передачу власти Франциску.

Не приходится удивляться тому, что бурная деятельность Ла Моля встретила столь же энергичное сопротивление. Герцог Анжуйский, будущий Генрих III, прямо-таки возненавидели его. Помимо всего прочего, он да и король Карл, испытывали еще и вполне понятную ревность. Этого любовника они уже никак не могли простить своей легкомысленной, хоть и ученой, сестренке.

На страницах «Королевы Марго» Ла Моль предстает в облике молодого пылкого кавалера, готового пожертвовать жизнью ради любви. На самом деле в описываемое время ему было уже далеко за сорок. Это был почтенный ветеран, поднаторевший в амурных баталиях и коварных интригах. Карл IX, поначалу весьма расположенный к графу, послал его в Лондон с поручением устроить брак английской королевы Елизаветы и герцога Алансонского. Англичанку подобный альянс никак не устраивал. В деле о «заговоре» Марии Стюарт французский след различался вполне отчетливо. Однако сам посол королеве понравился. Тем не менее, они ни с чем вернулся в Париж, где и был причислен к свите незадачливого жениха. С этого момента и началась его связь с Маргаритой.

Побег из Лувра, который вместе с Маргаритой и Генрихом Наваррским затевал при посредстве Ла Моля Франсуа Алансонский, провалился. Шпионка-любовница выдала заговорщиков Екатерине Медичи. Не удалась и попытка развязать крупномасштабные военные действия. Буквально через три дня после ареста заговорщиков испанцы в пух и прах разбили при Моор Керхейде высланный против них отряд. Алансон тут же отрекся от сообщников, повинившись перед матерью и братом-королем.

Ла Моля и Коконассо отдали в руки парламента, т. е. суда. Восковая фигурка послужила добавочной уликой. В ней официально признали изображение короля. Руджери, укrywшегося в посольстве Флоренции, препроводили к Екатерине. Суеверная и мстительная, она простила чародея в надежде, что тот сумеет вылечить Карла. Но яд уже сделал свое дело. Жестокая пытка, которой были подвергнуты Ла Моль (он стойко перенес мучения и никого не назвал) и его менее твердый друг-католик, ничего не дала следствию. Все, кого выдал Коконассо, были и так известны Екатерине.

В кровавой испарине умирает раненый в живот Генрих III, успев прикончить Гиза, Бюсси и назначить регентом Генриха Наваррского.

Маргарита, набальзамировав отрубленную голову любовника, проливает слезы и готовит новый побег. Один за другим погибли три ее друга сердца! Все надежды связаны на сей раз с мужем-гугенотом. Обманув бдительность Екатерины, луврский пленник бежит в Наварру и собирает войска. Париж действительно «стоит мессы». Одержав несколько побед и приняв католичество, регент

вступает в столицу уже королем Франции Генрихом IV, родоначальником новой династии Бурбонов.

Маргарите предстоит бурная полоса невзгод и разочарований. Ссоры, разрыв и даже война с мужем, тщетные попытки получить деньги у Филиппа II Испанского на продолжение этой войны и, конечно, смерть любовников, которые подчас убивают друг друга.

Оставшись в одиночестве, Марго, между тем, катастрофически полнеет. «Ваша толстая баржа», — пренебрежительно говорит про нее гордячка Верней Генриху. Два отдельных мира: два двора и два гарема. Любовь к мужу навсегда уходит из сердца Марго, зато — слишком поздно! — приходит беременность. Одного сына она рождает от сьера де Шанвалона, другого — от Обиака, но это уже никого не волнует.

Екатерина, потеряв сыновей и власть, все же надеется как-то прибрать к рукам ненавистного зятя. Для этого ей нужно женить его на одной из внучек, но что делать с Марго? И, ничтоже сумняшеся, мать отдает приказ об аресте дочери и даже подумывает о том, чтобы подослать к ней убийцу. Но она забыла, с кем имеет дело! Соблазнив тюремщика, Марго бежит из темницы. Кажется, что само время, и то не властно над этой женщиной — любимой игрушкой Венеры!

К сожалению, это не так. Огонь внутри все тот же, но оболочка дурнеет.

В 1578 году, по требованию мужа, Марго приезжает в Наварру, в захолустный Беарн. Но Генриху не удается добиться развода. Годы и годы уходят в отчаянной торговле. По обвинению в интригах в пользу Лиги ее заключают в замок Юссон. Ценой свободы становится развод, одобренный в следующем году папой Климентом VIII.

Все последующие годы развенчанная королева проводит в Париже, в своем тесном кружке острословов-интеллектуалов. Пишет мемуары, слагает стихи. Ей суждена долгая жизнь. Впереди свадьба короля Франции и Наварры с Марией Медичи, рождение наследника — Людовика XIII, будущего «короля мушкетеров», и, наконец, смерть Генриха, чья крылатая слава не уберегла его от ножа убийцы-фанатика. Маргарита, пусть косвенно, причастна к покушению, но никто не заинтересован в раскрытии истины. Следы ведут и в Испанию, и к герцогу д'Эпернону, и маркизе Верней, насмешливой любовнице славного короля, и, увы, к его второй жене, теперь уже вдове, Марии Медичи. Отныне она регентша при малолетнем Людовике XIII. Словом, все нити обрублены. Франсуа Равальяк объявлен убийцей-одиночкой. Если и были у него сообщники, то они укрылись в аду. «Свидетели» в один голос поминают черта, который являлся в облике «огромного и страшного черного пса».

К чести Генриха следует сказать, что он иногда навещал Марго. И всякий раз пенял Марии на недостаток уважения. Не мог забыть, что та недостаточно далеко вышла навстречу Маргарите при первом

ее посещения. Скорее всего, иное чувство терзало память. Блаженное опьянение, которое дано было испытать только раз, с Марго...

Танцы и речи в ее салоне шли своим чередом.

За трапезой неизменно разглагольствовал какой-нибудь сочинитель.

...и в мир сходя иной,
Молю о встрече там с прекрасной Маргаритой,
Да будет этот гимн ей верною защитой!

Это о другой королеве из рода Валуа, но и о тебе, Марго, трижды романтическая королева, писал король поэтов Ронсар, непревзойденный певец любви.

«Как причудливо тасуется колода»...
«Кровь!..»

Помните эти слова из «Мастера и Маргариты»?

И упоминание об «одной французской королеве», и возглас Наташи «Королева моя французская!».

Булгаковские герои, не только Воланд с Коровьевым, но и Наташа, домработница Маргариты Николаевны, знали, кому передала Марго частицу волшебного огня.

Гретхен-Маргарита, ради которой Фауст готов был воскликнуть: «Остановись мгновение! Ты прекрасно...»

МАРИЯ СТЮАРТ

Пускай себе неумные людишки
Не видят в астрологии чудес,
Хотя я знал их боле, чем в излишке,
Следя дороги светочей небес.
Чей род высок отнюдь не понаслышке, —
А мнят за долг блистательных принцесс
Светить и танцевать без передышки
Для загулявших до ночи повес.
Уму природы должно подивиться,
Ведь в ней прекрасный царствует закон —
Все низшее перед высшим да склонится!

Филип Сидни. «Астрофил и Стелла»

Замечательный поэт, широко образованный и талантливый дипломат, отправляясь в Париж, заказал свой гороскоп придворному астрологу покойного короля Эдуарда VI, посвятившего его в рыцари. Разрешение на двухгодичное путешествие по Европе дала ему лично королева Елизавета I (1533—1603), дочь Генриха VIII и Анны Болейн. Снабженный рекомендательным письмом к британскому послу при французском дворе, Сидни провел в Париже три месяца, став свидетелем Варфоломеевской ночи.

В феврале 1577 года Елизавета назначает его послом к Рудольфу II, поручив передать императору соболезнования по поводу смерти его отца.

Два года спустя, когда королева разыграла комедию помолвки с герцогом Анжуйским, Сидни рискнул обратиться к ней с письмом, в котором предостерегал против брака с католиком. Иному непрошеному советчику это могло бы стоить головы или по меньшей мере руки, как это сделали с Уильямом Стаббсом, но любимец Елизаветы, посвятивший ей сонет «Май», отделался легким испугом.

Он бывал в разных странах; многое видел, находясь при дворе; заседал в парламенте; ломал копыя на турнирах; помогал испанским эмигрантам.

Не буду называть имен моих добрых знакомых, отдаленных потомков поэта, которые дали мне возможность ознакомиться с первым английским изданием книги Нострадамуса. Она хранит пометки, сделанные рукой, предположительно, Филиппа Сидни. Среди нескольких подчеркнутых катренов один — опять-таки, возможно, — посвящен Марии Стюарт.

На Шотландском нагорье издревле блюли колдовской обычай: когда ребенка отнимали от груди и впервые давали испить воды, то наливали ее не в ложку, а в череп ворона — птицы мудрой и вещей.

Девочке, которая появилась на свет в хмуром замке Линлитгау, не исполнилось и недели, когда она сделалась королевой. Ее отец, Яков V Стюарт, отошел в лучший мир на 32-ом году жизни, устав

от бесконечной борьбы и невзгод. Схоронивший одного за другим малюток-сыновей, он, пребывая уже между землей и небом, безусловно воспринял весть о рождении дочери. Это был добрый государь, увлеченный ценитель женской красоты и изящной поэзии. Он любил погулять на ярмарках и выпить кружку эля с простым народом, но проклятие, тяготевшее над домом Стюартов, не минуло и его. Могущественный английский сосед Генрих VIII (1491—1547), порвав с папой, не только провозгласил себя главой новой, англиканской церкви, но и вовлек в реформаторское движение буйных шотландских баронов, посеяв, тем самым, семя кровавых столкновений и заговоров.

«Мадам, мне всего лишь 27 лет, а жизнь тяготит меня, равно как и моя корона», — писал Яков Марии де Гиз Лотарингской, которая стала его женой и королевой.

Обессиленная родами, лежала она под балдахином и с ужасом смотрела, как кружится вылетевшее из камина черное вороново перо. Оно опустилось в колыбельку, и безмятежно спавшее в ней дитя вдруг забило в горестном плаче. В ту же минуту прозвучал рог герольда, прискакавшего из расположенного вблизи Фокленда, где перестало биться благородное сердце короля-рыцаря.

Король умер, да здравствует королева!

Ворон принес ей волшебный дар без посредства людей и, увы, слишком рано. Едва встав на ножки, Мария Стюарт (1542—1587) обнаружила счастливые приметы избранницы судьбы. Все ей удавалось без малейшего усилия. Словно играя, постигала она окружающий мир. Ее успехи в музыке и танцах были под стать ее сообразительности в науках. Веселая и добросердечная, как отец, она унаследовала от Гизов отвагу и гордость. Казалось, что лотарингская кровь пересилит шотландскую и тяготеющий над Стюартами рок избыл себя со смертью Якова, который все-таки скончался в своей постели. Не от ножа убийцы, не в кровавой междоусобной сече. Залогом тому имя Пречистой Девы, светлое имя матери. Словно бы в подтверждение материнских надежд, пришла благая весть с родной французской стороны. Король Генрих II, такой же блистательный рыцарь, как и покойный отец, прислал посольство просить руку Марии для своего брата Франциска. Малютке едва минуло пять лет, а она уже просватана за наследника самого великолепного трона Европы. Жених, правда, еще моложе и, по слухам, с рождения хвор, но согласие предрешено. Просьба послов внушительно подкреплена пушками французской эскадры. Вдовствующая королева и регент граф Меррей, внебрачный сын Якова, спешно готовят приданое. Задача нелегкая, ибо все достояние шотландской короны исчисляется десятью тысячами овец. Ни бриллиантов, ни золота в казне нет.

Скрывая страх и волнение, девочка вступает на палубу галеона, осененную флагом фамильных цветов. Бедняжке невдомек, что отныне ей суждено стать игрушкой чужих страстей и вожделений. Но на первых порах все складывается вроде благополучно. Франция

встречает маленькую королеву вином и песнями. На всем пути следования увитые цветами арки, ликующие толпы, торжественные речи, мадригалы и комплименты, фейерверк и оружейные залпы.

Роскошь Лувра ослепляет. Этикет, регламент, изысканность речи и совершенно умопомрачительные туалеты. Длинноногая стройная девочка с золотистыми волосами феи в центре всеобщего интереса. Зоркие глаза ветеранов амурных баталий прозревают в ней вторую Елену Троянскую. Королева Шотландии и будущая королева Франции затмит всех здешних красавиц. Пока же она резвится со сверстницами-шотландками из своей свиты, играет в шахматы с несравненной Дианой де Пуатье, фавориткой Генриха. Девочка шутя одолевает латинскую и греческую премудрость, но не понимает, что значит «пассия», «любовница». Вообще пропускает сплетни мимо ушей, хотя видит, что королева Франции, Екатерина Медичи, вынуждена держаться в тени. Дабы угодить будущей свекрови, добавляет к обязательному перечню языков — французский, испанский, английский — еще и мелодичный итальянский язык.

Встреча в замке Сен-Жермен с нареченным производит гнетущее впечатление. Бледный subtilный мальчик с робкой улыбкой протягивает ей свою слабую длань и смотрит, смотрит... Вся боль и тоска угасающего рода Валуа в этих не по-детски печальных глазах. Она чувствует, как вдруг встрепенулось сердце, наполняясь теплом сочувствия и ответной печали. Ей суждено оберегать и лелеять хилый цветок. Она понимает это сразу и навсегда. Ей кажется, что именно такой и должна быть любовь. Мрачная бедность шотландских цитаделей вспоминается, как сон. Мария всеобщий баловень. Ее обожает король, опекают Гизы, могущественный кардинал Лотарингский, дядя по матери, преподает ей уроки дипломатии и военной стратегии.

Она и не заметила, как милые родственники вместе с брачным контрактом подsunули, говоря современным языком, «секретный протокол», на случай внезапной смерти. Согласно ему, Мария обязывалась передать французской короне права на Шотландию, Ирландию и Англию. Да, по крови дочь Стюарта могла претендовать на английский трон, на который — в день ее свадьбы! — взойдет Елизавета, незаконный отпрыск Генриха и Анны Болейн, обезглавленной за супружескую измену. Только что с того? На войну с Англией, чего так добивалась Испания, у французов нет ни средств, ни желаний. Росчерк пера, таким образом, означал вызов, брошенный Елизавете лично. И эта третья, но увы, такая призрачная корона знаменовала начало грядущих бед. Едва ли они прозрелись в радужном мелькании балов и карнавалов.

Величайшие поэты слагают в честь юной красавицы хвалебные оды.

«Жар сердца, блеск ума, вкус, прелесть форм и линий», — отмечает в ней мудрец Дю Белле.

«Звезды даровали ее глазам свой нежный блеск», — восхищается прибывший с испанским посольством Лопе де Вега.

И годы спустя, когда напомнит о себе траурным крепом вороно-
во перо, божественный Ронсар посвятит ей восхищенные строки:

Кто грудь ее ласкал, забыв на ложе сон,
За эту красоту отдаст, не дрогнув, трон.

Ни времени, ни сил не дала судьба тому, кто призван был
разделить с ней ложе.

Екатерина Медичи не пожалела средств на убранство и свадеб-
ные подарки. Собор Парижской Богоматери утопал в пунцовых
розах и белоснежных лилиях. Августейшее бракосочетание омрачи-
лось, однако, трагическим происшествием на том самом турнире.

Из готического собора в Реймсе, где испокон веков коронуются
властители Франции, Мария Стюарт вышла королевой великой
страны. Она словно плыла по воздуху, не замечая, что идущий с
ней рука об руку пятнадцатилетний отрок теряет сознание. Фран-
циск II не мог быть ни королем, ни мужем. Брачная постель стала
для него смертным одром. В оставшиеся считанные месяцы он лишь
несколько раз поднимался, чтобы показаться народу. Неизлечимый
недуг прорвался наружу гноем из ушей, и 6 декабря 1560 года
бедный страдалец скончался. Это была вторая, после отца, смерть
близкого человека.

Траурный цвет королев — белый. Мария и в скорби прекрасна,
а слезы, пролитые в усыпальнице Сен-Дени, придали ее утончен-
ному облику черты подлинного величия. Она оплакивала мужа, как
мать — безвременно опочившего сына, и вместе с ним — свою
молодость. Вдовствующая королева в шестнадцать лет! Это не та-
кая уж редкость, как корона на шестой день жизни, но все равно
слишком рано. И очень больно.

Зато Екатерина Медичи не испытывает печали. Она дождалась
своего часа. Хоть правят по-прежнему Гизы, но теперь она первая
и единственная. Не успела Мария прийти в себя, как ее сватают за
дядю Генриха Наваррского — Бурбона-Конде, но у кардинала Ло-
тарингского иные планы. Мария должна возвратиться в Шотлан-
дию, где, как и в Англии, восторжествовала реформация. Едва ли
бедная королева представляет себе, какую роль сыграет в ее судьбе
«маленькая» геральдическая добавка к гербу — английские львы.
Агенты лорда Уолсингема не спускают с Марии глаз. Предложен-
ную Лондоном «охранную грамоту» она надменно отвергает, словно
бы позабыв, с кем граничит Шотландия. «Королевы-сестры» обме-
ниваются любезными письмами, но за каждым словом проглядыва-
ет вражда. Вскоре юная вдова станет ее заложницей, но слишком
поздно поймет, что попала в ловушку.

В прозрачный креп одеты были вы,
На бедра ниспадавший с головы
В обдуманном и строгом беспорядке.
Весь перевит, искусно собран в складки,
Вздувался он, как парус в бурный час,
Покровом скорби облекая вас.

Глядя с борта, как удаляется нормандский берег, она вспоминает строфы Ронсара. Своих стихов не показывает никому, хотя и тут достигла совершенства.

Ее еще везли по унылым шотландским пустошам, подернутым пленкой тумана, когда в Эдинбург начали поступать первые послания от самых могущественных владык. Испанский король жаждет выдать ее за наследника Дона Карлоса, те же намерения преследует и австрийская ветвь Габсбургов. Разделить с нею трон горят желанием король Швеции и король Дании.

Не слишком ли много претендентов? Вглядываясь в ползущий с торфяных болт туман, она тоскует по Парижу и всерьез помышляет о монастырской келье.

Британский канцлер лорд Сесил докладывает своей государыне: «Чем дольше дела шотландской королевы останутся неурочными, тем лучше будет для Вашего Величества».

«Устроиться» делам не дают. Лондон настраивает баронов-протестантов против королевы-католички. Осмотрительная Мария избегает единоверцев. Тайный совет составлен сплошь из новоявленных реформаторов, но это мало помогает. Заговорщики нагледят с каждым днем. Джеймс, граф Меррей, ее сводный брат, потеряв право на регентство, переметнулся к Елизавете. В довершение неурядиц, англичанка предлагает ей в мужа Роберта Дадли, своего парадного фаворита, «потешного любовника». Это недвусмысленное оскорбление, вызов. Нет, дочь Стюарта сама выберет себе супруга, притом королевской крови. Желая досадить Лондону, она готовит брачный контракт с Генрихом Дарнлеем. Он не только Стюарт, но и внучатый племянник Генриха VIII, Тюдор по женской линии. Этим булавочным уколом Мария как бы подкрепляет свое право на Англию. К тому же, молодой граф хорош собой, что в ее глазах отнюдь не лишнее. В сердце такой запас нерастраченной нежности и доброты, что легко совершить глупость. Ей всего двадцать четыре и так хочется изведать любовь. Не разглядев, что перед ней чванливое ничтожество, ветрогон-себялюбец, Мария сажает избранника рядом с собой, на древний трон Стюартов. Затмивший глаза туман вскоре развеется. Нет, королева не позволит опуститься до уровня этой пьяной свиньи, изрыгающей грубую брань. Дарнлею дадут понять, что он собой представляет, иначе, можно сказать, по-английски: его перестают звать на Тайный совет, не титулуют величеством, убирают герб из тронного зала.

Мария лично вершит государственные дела, пользуясь советами Давида Риччо. Ее секретарь знает толк в политике и финансах, а ко всему прочему — превосходный музыкант. По вечерам она позволяет себе насладиться игрой на лютне с милым мальчиком, влюбленным в свою королеву. Изнеженный итальянец кажется ей беззащитным и слабым. Невольно поддаваясь чувствам, владевшим ею при встречах с Франциском, она задумчиво гладит густые черные кудри. О большем не может быть и речи: королева на пятом месяце.

В один из таких вечеров в ее спальню во главе заговорщиков ворвался Дарнлей. Только случай спас Марию от гибели. Пока она боролась с постылым супругом, его наймиты набросились на Риччо.

«О, Мадонна! Спаси меня!» — молил он, мертвой хваткой вцепившись в ножки кровати. Тогда ему обрубили пальцы и поволокли, оставляя кровавые полосы, к окну, дабы сбросить в ров искромсанное стилетами тело. Мария навсегда запомнит обращенные к ней переполненные мукой глаза. Мысленно дав клятву отомстить, она оттолкнула Дарнлея и схватившись за живот, повалилась на кровать. Теперь это животное не посмеет убить женщину, носящую во чреве его ребенка. Оказавшись пленницей в собственном дворце, она разыграла смирение. Убит музыкант-итальяшка, и только. Эка беда. Заботы о будущем материнстве маскировали подготовку к побегу.

Ее канцлер Джеймс Босуэл знает, где она и что с ней. Это настоящий мужчина. Он найдет выход. Истинный вдохновитель Меррей формально не замешан в убийстве. Значит есть шанс, стиснув зубы, вбить клин между мятежниками.

Улучив подходящую минуту, королева бросается в седло капитана своей лейб-гвардии и мчится в Данбар, фамильный замок. Здесь она в безопасности и, казалось бы, может передохнуть, но Босвел вызывает ее в Глазго, где укрылся Дарнлей. Заверив мужа, что стремится лишь к примирению, Мария заточает его в замке Кир о'Филд. В один прекрасный день башня, где вместе со слугами содержался Дарнлей, взлетает на воздух. Новорожденного сына называют Яковом, в честь деда. Это будущий демонолог король Яков I Английский и Яков VI Шотландский, но Мария не знает, что ждет его и ее.

Теперь она свободна по-настоящему и, может быть, даже счастлива. У нее родился сын — наследник престола, и ей дано было познать сладость мужских объятий. В руках Босвела она тает, как воск. Его жестокость и властолюбие кажутся ей проявлением силы Королева с рождения, Мария в первый раз чувствует себя женщиной. Ослепленная и разнеженная, она бездумно потакает неумному честолюбию любовника. Канцлер и граф, он удостаивается титула герцога Оркнейского. Но ему и этого мало. Как вепрь, он напролом рвется к трону. Окончательно рассорив королеву с шотландскими кланами, становится, наконец, ее мужем, но позорно бежит в Данию, когда вспыхивает восстание. Датчане бросают его в тюрьму, а она — «мужубийца», «папистская шлюха» — низложена. Торжествующий Меррей возвращает себе титул регента при малолетнем Якове. Сколько же сил и стойкости было у этой измученной, страдающей женщины, чтобы подняться с колен и начать все сначала!

Тайно покинув отведенный ей, как матери законного короля, замок Лохливен, собирает войско и бросается в битву.

13 мая 1568 года становится самым черным днем в жизни «прекраснейшей из королев», как назвал ее благородный Монтень. По-

терпев жестокое поражение под Лонгсайдом, она вынуждена искать защиты у «сестры-королевы», ненавистной соперницы, которую заверяла в преданности, не переставая интриговать. На рыбацкой лодке ее переправляют через Солуэйский залив. Лорд Сесил понимает, насколько опасно оставить беглянку на побережье. За ее спиной зловещие тени Гизов и Валуа, иезуиты, инквизиция, папа. Недавняя попытка реставрации католицизма заставляет быть начеку.

Низложенную королеву увозят подальше, в Йоркшир. Затем, якобы ради защиты ее чести и замирения с лордами кланов, открывают следствие по делу об убийстве Дарнлея. Дав согласие на процесс, Мария, сама того не ведая, подписывает себе смертный приговор. В руках британской разведки оказывается серебряный ларец, брошенный Босвелом при бегстве. Там все ее письма к нему и любовные стихи. Помимо нежности и страсти, в них можно усмотреть еще и посягательство на английский престол. И это самое страшное. Ловкий Уолсингем мог и подделать. Письма, само собой, не стихи ее, достойные Шекспира.

Как тяжко ночью, днем
Всегда грустить о нем!
Когда на небеса
Кидаю взгляд порою,
Из туч его глаза
Сияют предо мною

Но оставим в стороне полемику насчет подлинности этих «вещественных доказательств», продолжающуюся по сей день. Для одной Марии Стюарт по-прежнему «распутная мужеубийца», для других — «бесстрашная мученица за веру».

Октябрьское утро 1586 года, на редкость теплое и безоблачное, подготовило ей новую ловушку. В замке Фотерингей Марии передали письмо Елизаветы: отдавшись под покровительство английского закона, она должна предстать перед судом.

Кресло, в которое ей предложено сесть, расположено на несколько ступеней ниже королевского, осененного балдахином. Символический акт. Трибунал не признает в низложенной королеве суверенную особу. Вдобавок это и политический жест. Елизавета хочет показать, что Шотландия является вассалом английской короны.

— Мое место не здесь! — следует возмущенный протест.

Но лорды за судейским столом пропускают его мимо ушей.

Все предали, все обманули. Даже сын, которого бездетная Елизавета готовит себе в наследники, променял жизнь матери на корону. Скрытный, эгоцентричный, жестокосердный, он и словом не обмолвится о ее судьбе, когда начнутся переговоры о его будущем. Лорд-казначей получил указание не скупиться в деньгах, предназначенных на содержание кронпринца.

Проведя двадцать долгих лет в темнице, Мария не утратила мужества и гордости. Елизавета не торопилась с процессом, меняя тюремщиков, которые поневоле влюблялись в венценосную узницу. Ее внезапная смерть была бы наиболее удобной развязкой. Послед-

нему стражу даже делают весьма прозрачный намек, но он отказывается совершить преступление.

«Старый дурак надоед мне со своей совестью!» — в сердцах восклицает Елизавета. Она безжалостна и вероломна, как отец, но и преисполнена государственной мудрости. Суд, все члены которого тщательно подобраны, выносит в «Звездной палате» Вестминстера вердикт: «Виновна в заговоре». Остается лишь утвердить, а рука не поднимается. Страшно за свое реноме справедливой государыни, ревнительницы закона. Она подписывает приговор вместе с кипой других документов словно бы автоматически, не читая. После казни подымает крик, что произошла «чудовищная ошибка» — секретарь подсунул. Секретаря посадят, но вскоре освободят.

Казнь назначена на 8 февраля 1587 года. Ровно через двадцать, без одного дня, лет, с того момента, когда увяз коготок вольной птицы в английском силке.

И вот Мария Стюарт надевает свой самый роскошный праздничный наряд, примеряет парик и берется за тушь и румяна. Она все еще прекрасна. Старый камергер поддерживает длинный шлейф ее черного плаща, тайком утирая слезы. С гордо поднятой головой она входит в зал, где ей предстоит сбросить одежды. Все предусмотрено: даже красное дезабилье, чтобы не так бросался в глаза вид королевской крови. Королева оставляет свиту за порогом, поднимает сына с колен, целует его в лоб и, преодолевая боль в изъеденных ревматизмом суставах, всходит на обитый черной холстиной помост.

Ее прекрасная голова отпадет лишь с третьего удара и в миг постареет на двадцать лет в руке палача.

Сбылся девиз, однажды вышитый Марией на парчовом покрове: «В моем конце мое начало».

Бессмертие подарили ей художники и поэты.

ЧЕРНЫЙ ОРДЕН

**Капитула
десятая**

ТАЙНА СТАРИЦЫ СОФЬИ

СМЕРТЬ СТРАШНА ЕСТЬ ТЕМ, ихже с животою все угасают, а не тем, которым слава умрети не может. А изгнание есть страшно тем, ихже якобы описано есть место обиталища, а не тем, которые вся земля округ место едино мнят Тебе окаянство, тебе ижезновения давят, все, яже тебе блаженнаго, яже тебе цветущаго мнишь. Твои похоти тебя торгают! Ты днем и ночью мучишься.

Третье послание Курбского Ивану Грозному

1

Нострадамус нигде прямо не говорит о России. Не знаю, насколько правы комментаторы, отождествляя Русь с Аквилоном (греческое название северного ветра встречается в «Центуриях» 19 раз), но факт есть факт. Такие топонимы, как Борисфен (греч. Днепр), Сарматия, Тартария, Алания и другие, тоже не дают ясных указаний.

Можно подумать, что карта мира не изменилась со времен Геродота.

Между тем, современник провидца, императорский посол Герберштейн, оперируя той же географической терминологией, начинает свои «Записки о московитских делах» со слов: «О происхождении названия Руссия». Впрочем, иного трудно ожидать от имперского посла.

Веком ранее венецианский дипломат Амбреджо Контарини, завернувший в Москву по дороге из Персии, тоже расставляет все по своим местам в первой же фразе: «Наконец... мы вступили на землю России».

Книга оракулов и путевые дневники, скажем так, жанры не сопоставимые. Образованнейший человек своего времени и близкий друг Скалигера, разработавшего систему хронологии, Нострадамус, конечно же, располагал достаточными сведениями о далекой стране, чьи князья еще в XI веке породнились с французскими королями. Память о дочери Ярослава Мудрого — Анне, ставшей женой Генриха I, сохранилась не только в государственных актах, но и в литературных произведениях.

Московия, зажата между Литвой и Ордой, уже при Иване III начала превращаться в огромную империю, подступившую к восточным границам Европы.

О «делах в Московии» повествует Рабле, со товарищ Нострадамуса по университету, описание российских реалий можно встретить в «Народной книге» о Фаусте, герои комедии Шекспира «Напрасные усилия любви» наряжаются в «московские костюмы» — всего и не перечислишь.

Не приходится удивляться, что бурный обмен людьми, идеями привел к появлению при великокняжеском Московском дворе не только послов и купцов, но и заезжих ремесленников, миссионеров, соглядатаев и просто авантюристов всех мастей, включая «маги-ков», как выразился приказчик Англо-Московской компании Джером Горсей.

Он прибыл в Россию в 1572 году скромным клерком, но развил кипучую деятельность и сделал головокружительную карьеру. Став представителем компании и фактически полномочным министром Елизаветы I, Горсей ухитрился оттеснить на вторые роли официальных послов. Это он и никто иной, служит в самый разгар опричнины посредником между Иваном Грозным и королевой и, главное, принимает деятельное участие в матримониальных заботах царя.

«...Иван... знал, что каждый новый день угрожает более прежнего дня его безопасности, и, не зная, как ему избежать и уйти от беды совещался с Елисеем Бомелием,.. хитрым обманщиком, английским врачом, известным математиком, «маги́ком», расспрашивал, сколько лет королеве Елизавете и какой успех можно иметь, если бы Бомелий сделался посредником за него? Этому не благоприятствовали обстоятельства; Иван сам имел двух жен в живых; много королей и великих принцев крови искали руки ее величества и не могли получить; однако он считал свою особу по мудрости, величию, богатству выше других и хотел попытаться; а свою последнюю жену — царицу решил постричь в монахини и заставить жить так, как бы она была уже умершею для света».

Несмотря на очевидную тенденциозность Горсея, его мемуары обладают неоспоримой исторической значимостью. Круг его интересов отнюдь не ограничивается торговлей, дипломатией и интригами. Обольстительный и красноречивый британский джентльмен вдобавок ко всему еще и секретный агент, о чем свидетельствует уже одно посвящение, предпосланное запискам:

«Достопочтенному сэру и кавалеру Фрэнсису Уолсингему, главному государственному секретарю, состоящему при особе ее величества».

Горсей живо вникает в вопросы политики и религии, профессионально интересуется планами строительства флота, превратностями Ливонской войны, ему удалось проникнуть и в интимную жизнь государя. Характеризуя царя, как «тирана», «деспота», «жестокого», «кровожадного», он подкрепляет это леденящими кровью эпизодами, хотя и не открывает ничего существенно нового. Недоумение вызывает лишь позиция автора, пытающегося представить правление Ивана Грозного, как нечто небывалое, совершенно исключительное и неповторимое.

Если бы! Мы-то знаем, что это не так. Не возвращаясь в «Римские катакомбы», обратимся к современникам Ивана IV, чьи тени так или иначе уже прошли перед нами. Здесь и озарившие Европу

кострами инквизиции Карл V с Филиппом II, и вдохновители Варфоломеевской ночи Екатерина Медичи с Карлом IX. Те же жуткие картины массовых убийств, садистских пыток, изуверских казней; та же практика плаща и кинжала, тайных отравлений и явного насилия, циничной спекуляции религиозными догматами и фанатичного ханжества.

Да и зачем далеко ходить? Генрих VIII Тюдор тоже современник царя Ивана. Горсею ли не знать, что он отрубил голову матери нынешней его государыни? И сколько жен имел, и как с ними расправился? Как порвал с папой, отказавшим ему в разводе, и учредил под себя англиканскую церковь?

Все отражалось, как в зеркале: и двоеженство, и несправедливый суд, и казни светлейших людей эпохи.

Дословно воспроизводя филиппику царя, обращенную к духовенству, Горсей словно бы мимо ушей пропускает прямую отсылку к знаковой фигуре, увековеченной великим Рубенсом на полотне: «Нам подал благой пример славной памяти английский король Генрих VIII».

Гитлер и Сталин тоже щедро обменивались «благими примерами». Взять хотя бы 1934 год: «Ночь длинных ножей» в Германии и убийство Кирова, открывшее зеленый свет массовым репрессиям в СССР.

К этой календарной зарубке скоро вновь предстоит возвратиться...

Мы редко задумываемся о том, что про Россию XVI века знаем намного меньше, чем про Древний Рим. Отчасти это обусловлено полувековым правлением и самой личностью первого русского царя Ивана IV, но есть и иные причины. Если подсчитать, сколько пожаров пережила Москва за это столетие, то станет понятно, почему так мало документов сохранилось в наших архивах и библиотеках. Трудно поверить, но по сию пору не удалось отыскать хотя бы клочок бумаги, написанный рукой того же Ивана Грозного! Все копии, да еще и подправленные по своему разумению переписчиками последующих времен. А ведь очевидцы свидетельствуют, что царь «в науке книжного поучения доволен и многоречив зело!» Собрал крупнейшую для своей эпохи библиотеку, которую до сих пор ищут, покровительствовал русским первопечатникам, а автографов не оставил. Особенно удивляться не приходится, коли не уцелело ни единого боярского архива. О жизни крестьян, например, приходится судить лишь по церковным источникам. Слово «барщина» вдолбили со школы, а сколько дней в неделю крепостной работал на феодала, сколько денег ему отдавал, да кому принадлежал скот, — о том неведомо.

Воистину таинственный век! Сплошным туманом неведения окутаны его истоки: правление Василия III (1505—1533), одного из самых значительных государей-рюриковичей. Так уж вышло, что

он оказался как бы затерт между отцом Иваном III и сыном Иваном IV Грозным громкими их деяниями. Между тем, Василий сумел сосредоточить в своих руках больше власти, чем кто-либо из современных ему правителей, включая императора Священной Римской империи Максимилиана I, что и подтверждает Сигизмунд Герберштейн. Выполняя поручение императора и австрийского эрцгерцога Фердинанда, он дважды побывал в России: в 1517 и 1525 годах. Помимо основных европейских, он владел русским, польским и словенским языками.

Его «Записки о московитских делах» пролили лучик света на одно из самых темных дел таинственного шестнадцатого.

2

В 1934 году, когда после убийства Кирова маховик «Большого Террора» начал набирать обороты, было сделано удивительное открытие, которое по понятным причинам осталось почти незамеченным.

В ходе археологических раскопок на территории Суздальско-Покровского монастыря вскрыли небольшую могилу, находившуюся между захоронениями старицы Александры, упокоившейся в 1525 году, и старицы Софьи, в миру Соломонии Юрьевны Сабуровой. Загадочная судьба Соломонии, первой жены Великого князя Василия III, давно волновала историков. Древнее предание, записанное в монастырских анналах, гласило, что насильно постриженная в монахини Великая княгиня родила сына, нареченного Георгием. О том, что случилось с ним далее, ходили всевозможные слухи. Согласно монастырской версии, Георгий умер в младенчестве и был захоронен рядом с матерью, однако в официальной записи значилось, что возле нее покоится прах малолетней дочери Василия Шуйского царевны Анастасии. Это вызвало сомнение. Не только потому, что плита из белого камня оказалась безымянной. Подобное встречается. Настораживала манера шлифовки надгробья, а еще более — его орнамент, характерный для начала XVI, а не XVII века, когда преставилась Анастасия.

Каково же было изумление археологов, когда под плитой вообще не обнаружилось никаких останков! В почерневшей домовине лежало нечто вроде тряпичной куклы, завернутой в шитую серебром шелковую рубашонку, туго перетянутую свивальником, богато украшенным жемчугами. Реставраторы тканей подтвердили первоначальную датировку надгробий — ткани относились к XVI веку. По мнению специалистов одежда могла принадлежать мальчику 3—5 лет. Загадка созвучная мрачной фантазии Эдгара По или Кольера. Как мог исчезнуть скелет? Кому понадобилось прибегнуть к подобной бутафории? Какова цель зловещей мистификации?

Единственный источник, подтверждающий слухи о том, что находясь в монастыре, Соломония родила сына, это «Записки о Московских делах» рыцаря Герберштейна, посланника императора

Священной Римской империи Максимилиана I. Наблюдательный путешественник и опытный дипломат, он с пристальным интересом присматривался к особенностям русской жизни. Вполне естественно, что в фокусе внимания находился великокняжеский двор. Прежде, чем ознакомиться с удивительным документом рыцаря, попробуем разобраться в запутанных перипетиях драмы, разыгравшейся в великокняжеском семействе. Небезынтересно свидетельство предшественника Герберштейна на дипломатическом посту Франциско да Колло, присутствовавшего на торжествах по случаю высочайшего бракосочетания.

«Великий князь Василий, вздумав жениться, еще при жизни своего отца, обнаружил во всем государстве, чтобы для него выбрали самых прекраснейших девиц, знатных и незнатных, безо всякого различия. Привезли их в Москву более пятисот; из них выбрали триста, из трехсот — двести, после сто, наконец, только десять, осмотренных повивальными бабками, из сих десяти Василий выбрал невесту и женился на ней».

Конкурс красоты «Мисс Вселенная» явно бледнеет в сравнении с московскими смотрами. Тем более, что да Колло преуменьшил количество кандидаток. Согласно историку С. М. Соловьеву их собрали полторы тысячи!

В княжение Иоанна III, отца Василия, династический брак превратился в особо трудную проблему. У него самого первой женой была тверская княжна. Но после взятия Твери, князей, ее родню, отправили в изгнание. Рязанские же князья, равные по праву московским, находились в слишком близком родстве и женить Василия было невозможно, нависла угроза кровосмешения. Решив породниться с владетельными домами Европы, Иоанн III попытался подыскать невесту сыну в Дании или в одном из немецких княжеств. Но сватовство не увенчалось успехом. Вот и получилось, что конкурсную корону в полном смысле этого слова, завоевала дочь Юрия Константиновича Сабурова. Потомок Мурзы Чета, «выехавшего», как было принято говорить, из Золотой Орды, Сабуров ни богатством, ни знатностью не отличался. Звания боярина он удостоился только после бракосочетания молодых.

Свадьбу сыграли в сентябре 1505 года, а месяц спустя скончался Иоанн III, завещав сыну крепить могущество державы.

Василий правил двадцать семь долгих лет. При нем в состав Российского государства окончательно вошли великое княжество рязанское, Смоленск, Псков и был завершён основной ансамбль Московского Кремля. Слово «российский», кстати, появившееся в предшествующие правления, прочно утвердилось в официальной документации и великокняжеской титулатуре. Надежды удельных князей и зарубежных недругов Московского государства на междоусобные распри тоже не оправдались. Василий крепко держал бразды правления, приструнив братьев и сгноив в тюрьме племянника Дмитрия, претендовавшего на престол. Приутихли и ворчания бояр, оскорбленных «худородием» Соломонии. Впрочем, тогда уже и

сами бояре — служивые князья именовались «холопами великокняжескими».

Вопреки злобному шипению, Василий с Соломонией прожили в «добре и согласии» двадцать лет. А сына так и не дождался. Великому князю минуло уже сорок пять лет. Забота о наследнике вынуждала его к разводу. Но даже сама мысль о предстоящем расставании с любимой женой разрывала и ожесточала сердце.

Вслушаемся в смысл и звучание Псковской летописи:

«...а великому князю своя бысть кручина о своей великой княгине. Того же лета поехал князь великий... в объезд... и воззривши на небо и видев гнездо птичье на древе, и сотвори плач и рыдание велико, в себе глаголюще: люте мне, кому уподобихся аз? Не уподобихся яко птицам небесным, яко птицы небесны плодовиты суть, не зверем земным, яко звери земные плодовиты суть, ни уподобихся никому же... И приехал князь великий тоя осени из объезда к Москве и начаша думать со своими бояры о своей великой княжне Соломонии, что неплодна бысть, и нача с плачем говорить боярам: кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и уделах? Боярам ли дам, ино братья своих уделов не умеют устравивать!.. И начаша бояре говорить: князь де великий государь! Неплодную смоковницу посекают и измещут из винограда...»

Не сразу решился государь отправить Соломонию в монастырь «и повеле пострижи в черницы». Долго ездили они по святым местам, делали щедрые пожертвования, немало и церковей выстроили. Из них три в Суздале, в той самой обители, где предстояло дожидать свои дни Соломонии.

В разгар семейных забот и горестей поступил донос на брата Юрия, будто бы князь намеревается отъехать в Литву. Страх обуял Василия от одной мысли, что престол после его смерти достанется братьям. Он и жениться-то им запрещал, дабы не плодились новые наследники!

Тщетно кидалась Соломония к знахарям и знахаркам. Использовала все средства, что прописывали ей всевозможные ворожеи и деревенские колдуны, но так и не смогла забеременеть. Вместе с надеждой угасала и любовь...

«Сказывал брат ее Иван Сабуров: «Говорила мне великая княгиня есть де женка, Стефанидою зовут, рязанка, а ныне на Москве, и ты ее добуди и ко мне пришли... А после того пришел яз к великой княгине и она сказывала: прислал ты ко мне Стефаниду, и она меня смотрела, и сказала, что у меня детям не быти, а наговорила мне воду Стефанида и смачиватися велела от того, чтобы князь великий меня любил, а коли понесут к великому князю сорочку и порты и чехол, и она мне велела из рукомошника того водою смочив руку, да охватывати сорочку, порты и чехол... Черница наговорила не помню масло, не помню мед пресной, а велела ей тем тереться...»

Ближние бояре развод одобрили, хотя нашлись люди, смотревшие на это иначе. Ссылаясь на законы Божьи и человеческие,

против выступили Симеон Курбский, дед князя Бориса Курбского — обличителя Ивана Грозного, Вассиан Патрикеев, троюродный брат Василия, Берсень Беклемишев и Михаил Триволис, приглашенный Василием из Греции, и прославленный под именем Максима Грека — переводчик «Толковой Псалтыри».

Церковь позволяла уход в монастырь лишь с обоюдного согласия супругов, не говоря уже о том, что при живой жене повторный брак не допускался. Окончательный вердикт мог вынести только митрополит.

Бракоразводный процесс затянулся на несколько лет. О том, как развивались события, повествуется в «Списке судного дела» и «Выписи из государевой грамоты, что прислана к великому князю Василию Ивановичу о сочетании второго брака и разлучении первого брака чадородия ради». Автор «Выписи», старец Ферапонтова монастыря, сообщает о беседе Василия с митрополитом Даниилом, блестящим церковным писателем, ярким обличителем безнравственных мерзостей бояр и духовенства. Правда, в жизни он был далек от проповедуемых им высоких принципов морали и, в угоду государю, тут же составил письмо вселенскому патриарху с просьбой разрешить Василию развод. Однако из Константинополя пришел категорический отказ.

Разгневанный Василий начал расправу с несогласными. Первым отправили на плаху боярина Берсень Беклемишева, причем вменили ему в вину не высказанное публично мнение насчет бракоразводных законов, а какие-то «ошибки» в государственных делах. Впрочем, престолонаследие тоже вопрос политический, государственный.

Кандидатура будущей невесты уже была известна — Елена Глинская. С ней к трону придвинется ее родня, оттеснив прежних «ближних» — Сабуровых да Патрикеев, что неизбежно вызовет и другие перемещения. Каждый печется о себе и своей партии «ближних».

Россиянам ли заблуждаться по поводу причин политических процессов! Истинная вина, если таковая и в самом деле есть, никогда не объявляется. Судят за вымышленные грехи, прикрывая суть демагогией. Труднее всего было подобрать, выражаясь современным языком, «подходящую статью» для Максима Грека, почитаемого и народом, и духовенством. Но в том и состоит искусство «дознания», чтобы подавить волю и понудить к оговору. Сначала келейный монах великого книжника назвал людей, «кто прихожи были к Максиму» и «спиралися меж себя», а там и сам Максим стал давать показания против единомышленников. В надежде облегчить свою участь, он признал, что Берсень произносил речи против Василия: «...Старые обычаи князь переменял, так какого добра нам чаяти?» И мать государя гречанку Софью Палеолог не добром поминал Берсень, и преосвященного митрополита клеймил за низкое угодничество, клятвопреступником обзывал. Хоть боярин Берсень от всего упорно отрещивался, но нашли свидетеля, ближайшего его друга,

и виновного казнили «главной казнью»: отрубили голову на Москва-реке, а дьякону-сообщнику за «охульные слова» вырвали язык. Максима Грека осудили на церковном соборе, сослали в Волоколамский Иосифов монастырь, лишив права «писати или писания составлять, или посылати к кому или принимати от кого».

Вот так — «без права переписки», но хоть не на плаху. И ни малейшего намека на истинную причину. Облыжные обвинения в богохульстве, ереси и кого — государева «книжника», призванного исправлять богослужебные сочинения! Для пушей убедительности обвинили и в политических преступлениях — разжигал де войну между Россией и Турцией. Аналогии сами напрашиваются, приемы пережили века...

Родственников — сына и отца Патрикеевых Василий постриг в монахи, а их заединщиков князей Ряполовских — казнил.

Казалось, нет больше препятствий державной воле, но великий князь действует с расчетливой осторожностью, исподволь обрабатывает общественное мнение. Предаются гласности показания брата великой княгини о ее приверженности знахарским уловкам и колдовству. До того безупречная репутация Соломонии замарана. Как и повсюду в Европе, знахарство приравнилось в те времена к черной магии и ведьмовству.

На предложение добровольно уйти в монастырь Соломония ответила резким отказом. Перефразируя поэта, скажем: «Здесь кончается история и дышит почва и судьба»...

Летопись, продолжающая Несторову, гласит следующее:

«Благодарная великая княгиня Соломонияда, видя неплодство из чрева своего, яко же и древняя оная Сара, начат молити великого князя ...да повелит ей облещися в иноческий образ. Царь же государь всея Руси снача глаголити ище: како могу брак разорити, в котором совокупитися?» Так и не сумев переубедить благочестивого любящего супруга, Соломония обращается за помощью к митрополиту, которому и удается склонить Василия отпустить жену в монастырь.

Зачем же при наличии доброго согласия было запрашивать разрешение патриарха, затевать процесс «о неплодии», уличать в знахарстве? Совершенно ясно, чьи интересы отстаивает анонимный летописец, кого прославляет, как праведника.

Поэтому и представляют такой интерес свидетельства нейтральной стороны, записки дипломата Сигизмунда Герберштейна, в которых он приводит любопытные подробности. По его словам Соломония не только не давала согласия на уход от мирской жизни, но при пострижении сорвала с себя монашеский куколь и принялась топтать его ногами. Латинский слог Герберштейна предельно четок и прост:

«Возмущенный этим недостойным поступком, Иоанн Шигоня, один из первых советников, не только выразил ей резкое порицание, но и ударил ее бичем, прибавив: «Неужели ты противишься воле государя? Неужели медлишь исполнить его повеление?» После

этих слов она, упав духом, громко заявила в присутствии всех, что надевает куколь против воли и по принуждению, и призывает Бога в мстители столь великой обиды».

Яснее не скажешь.

Едва утихли за глухими стенами обители стоны и сетования новопостриженной инокини Софьи, как по Москве пронесся свадебный кортеж. Трехдневные торжества были организованы с невиданным размахом. Специальным постановлением всех участников разделили на разряды в зависимости от родовитости, заслуг и, главное, близости к великому князю. Разумеется, это вызвало множество обид и нареканий. Не по нраву боярам пришлось и свечи, что несли впереди процессии. Каждая была в два пуда и соболями обернута. Тяжело!

Успенский собор был переполнен, от жары трудно стало дышать. Византийская пышность матери Василия — Софьи Палеолог и в сравнение не шла с роскошью этой свадьбы, изумившей послов и повергшей в оторопь московский люд. Бурю негодования вызвал поступок жениха, который в угоду невесте сбрил бороду. Можно представить себе этот взрыв возмущения, если многие десятилетия спустя Петру Великому пришлось кнутом насаждать бритье бороды на Руси, когда он наводил европейские порядки. Дядюшке молодой — князю Михаилу Глинскому припомнили все его злые корысти, обозвали авантюристом, изменником, каторжником; и вообще — происхождением из литвинов. Не простили государю неправедный поступок, жалели несчастную матушку Соломонию.

Спустя несколько месяцев просочился слух, что Соломония в монастыре разрешилась от бремени сыном. Слух прилюдно подтвердили очевидцы: жены Георгия Малого, хранителя казны, и Якова Мансурова, постельничьего.

Герберштейн писал: «Во время нашего тогдашнего пребывания в Московии некоторые утверждали нам за непреложную истину, что Саломея родила сына по имени Георгий, но никому не желала показать ребенка. Мало того, когда к ней были присланы некие лица для расследования истины, то она, как говорят, отвечала им, что они недостойны того, чтобы глаза их видели ребенка, а когда он облечется в величие свое, то отомстит за обиду матери. Некоторые же упорно отрицали будто она родила».

Разноречивые свидетельства легко объяснимы. Сложнее представить состояние великого князя, когда он узнал о рождении долгожданного наследника. Вряд ли испытал радость. Слишком поздно, назад возврата нет.

Что истина, а что домыслы теперь судить трудно, если не невозможно. Хотя известно, что осенью 1526 года Василий отписал старице Софье богатую вотчину:

«Се яз Князь Великий Василий Иванович всея Руси пожаловал есми Старицу Софью в Суздале своим селом Вышеславским с деревнями...»

По какому такому случаю?

А фарс с погребенной куклой под безымянной плитой? Не то что монах, любой мирянин почел бы такое действие за смертный грех. Уж не возникла ли такая необходимость, что превыше страха Божьего?

Только через четыре года и семь месяцев у Василия и Елены появился первенец, нареченный Иваном Васильевичем.

Став государем всея Руси, давно сподобившийся прозвища Грозный, он востребовал документы, связанные с разводом отца с Соломонией и ее пострижением. На листах «Описи царского архива» помета: «Взял Государь к себе». Это случилось 7 августа 1566 года. Ящик за № 44 обратно так никогда и не вернулся. Был ли Иван IV первенцем Василия III и его законным сыном, тайна по сей день. Но с большой достоверностью можно сказать, что само появление на свет Ивана Грозного могло вынудить Соломонию — старицу Софью принять экстренные меры, чтобы ее собственный ребенок уцелел. Похоронить куклу — не такая уж глупая затея.

КРОМЕШНЫЕ ТЕНИ

«Лета 7072-го¹... попущением божим за грехи наши возьярися царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии на все православное христианство по злых людей совету Василия Михайлова Юрьева да Олексея Басманова и иных таких же, учиниша опришнину, разделение земли и градом»

Пискаревский летописец

«Режиссер С. Эйзенштейн во второй серии фильма «Иван Грозный» обнаружил невежество в изображении исторических фактов, представив прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов, наподобие американского Ку-Клукс-Клана, а Ивана Грозного, человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным и безвольным, чем-то вроде Гамлета».

«О кинофильме «Большая жизнь».

Постановление ЦК ВКП(б) от 4 сентября 1946 г

1

«Прогрессивное войско опричников»! Право, лучше не скажешь, если, конечно, подразумевать под этим саморазоблачение людоедского сталинского режима. Простое сопоставление репрессивной политики Ивана Грозного с достопамятными деяниями «вождя всех времен и народов» ставит все точки над «i». Не приходится гадать, чем именно так полюбился Сталину средневековый деспот, надумавший создать особое секретное государство в государстве. Да и психологические установки тиранов, склонных к параноическим циклам, поразительно совпадают. Право, для характеристики Сталина избранный им идеал представляет прямо-таки благодатное поле исследования. Недоучившемуся семинаристу, каждую ночь менявшему кровать на «ближней даче», трясущийся от страха царь представляется человеком сильной воли, тогда как Гамлет в его глазах просто-напросто бесхарактерный слюнтяй, «гнилой интеллигент», как принято было изъясняться. Оригинальное понимание гениальнейшего из творений Шекспира. Впрочем, это закономерно. Мучавшей Гамлета дилеммы «быть или не быть» не существовало ни для затворника Александровской слободы, ни для кунцевского анахорета. Загнанные манией преследования в глубины своего сумеречного «Я», они знали одно «Не быть!».

Казалось бы, царствованию Ивана IV история давно вынесла однозначный вердикт. Показательно, что реабилитация его началась именно в эпоху «Большого Трора». Параллельно с процесса-

¹ 1564—1565 гг.

ми в Колонном зале, шла коренная переписка истории. В полном соответствии с заповедями Большого брата из «1984» Джорджа Оруэлла: «Война — это мир», «Свобода — это рабство», «Незнание — это сила». Воистину «кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее».

Перемена знака «минус» на знак «плюс» затронула ученые монографии и статьи, школьные учебники, романы, пьесы, кинофильмы. Всюду Грозный предстает теперь радетелем Великой Руси, стойким борцом со всяческой нечистью и крамолой. Отсюда и «прогрессивность» его карательного аппарата. Ведь и ЧК — ОГПУ именуется «передовым отрядом партии».

На социальные заказ, как положено, откликнулись присяжные борзописцы, среди которых нашлось и немало крупных фигур. Тот же Алексей Толстой, «красный граф», весьма польстивший вождю апологетическим «Хлебом», разразился драматической дилогией, лживой по содержанию и беспомощной по форме. Ничто так не волновало тогда большевистское литературоведение, как проблема формы и содержания. Желанного единства — национального с социалистическим — не получилось. Но национал-социалистическим душком пахло изрядно.

Сергею Эйзенштейну на первых порах повезло больше. Глубинный талант позволил мастеру создать полнокровный художественный образ царя. Суть в том, что Грозный в исполнении Черкасова — фигура заведомо вымышленная, ничего общего не имеющая с реальным персонажем истории. Опять же в расхожих терминах эпохи это не что иное, как лакировка давно прошедшей действительности.

Вождю фильм понравился. Он вообще благоволил к Черкасову, который присвоил себе шутовскую привилегию усаживаться на кремлевских приемах у ног властелина.

Очевидно, Сталина такое соседство устраивало вдвойне. Обаяние Черкасова не только придавало добавочный блеск власти, но и лишний раз напоминало о Грозном, легитимизировало политику железной руки, ее историческую преемственность и неизбежность.

Фильм был задуман в трех сериях. Вторую часть, подвергнутую проработке вкуче с журналами «Звезда» и «Ленинград», с Ахматовой, Зощенко и Шостаковичем, Эйзенштейн закончил еще в годы войны. Сталину, намечавшему генеральную послевоенную чистку, «историческая» лента была бы как нельзя более кстати. Однако режиссер в отстаивании генеральной линии зашел слишком далеко по части аналогий тотального террора. Кровавые расправы, сопровождавшиеся дикой пляской и хмельными оргиями опричников, могли вызвать у зрителей нежелательные ассоциации.

Пережив неожиданную опалу, Эйзенштейн обратился к вождю с письмом, после чего был вместе с Черкасовым приглашен в Кремль. Разумеется, ночью, сообразно с биологическим ритмом вождя. В беседе приняли участие Молотов и Жданов. Деятели кинематографии не догадывались о грядущем походе на «безродных

космополитов», «вейсманистов-морганистов» и «убийц в белых халатах», что замыслил поклонник царя, воевавшего свои собственные города.

Сталин, не раскрывая, разумеется, ближайших планов, объяснил, какая требуется идеологическая подкладка. Вот как выглядит данная им установка в записи, сделанной артистом и режиссером:

«Царь Иван был великий и мудрый правитель. Мудрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждал страну от иностранного влияния».

«Железный занавес» и доведенная до абсурда борьба с низкопоклонством — все отражается в этой фразе, как в капле воды.

Но не случайно родилась насмешливая шутка: «Россия — родина слонов». И анекдот об Иване Грозном — изобретателе рентгена: «Я тебя, стерву, насквозь вижу». Вопреки распространенному мнению, Сталин скверно знал историю.

«Петруха открыл ворота в Европу и напустил слишком много иностранцев, — объяснял он, выдвигая на первый план родственного по духу фаворита — Ивана. И вообще: «Петруха не дорубил». Возможно, и не дорубил, со сталинской точки зрения. Грозный с его глобальным охватом был гораздо ближе к сердцу. Но насчет иностранцев генсек явно дал маху.

Иностранцев при дворе Ивана IV было полным-полно: врачи, аптекари, архитекторы и т. д. Ближайшим к царю человеком был и упомянутый Горсеем «магик» Елисей Бомелий, астролог и отравитель. Даже во главе опричного войска стояло немало иноземных выходцев: лифляндские рыцари Иоганн Таубе и Элерт Крузе, Альберт Шлихтинг — слуга и переводчик придворного врача Арнольда Лензея, немец; Генрих Штаден и, его-то следует назвать в первую очередь, знаменитый алхимик и некромант Эдвард Келли. Мы уже видели его при дворе Рудольфа II, но все, что случилось с ним в Москве, покрыто мраком.

Одно Сталин знал твердо: в забитое им крест-накрест окно, что некогда прорубил «Петруха», стало дуть из послевоенной Европы. С этим пора было покончить раз и навсегда. Объясняя, каким он хочет видеть на экране Ивана, генералиссимус договорился до полного абсурда:

«Замечательным мероприятием Ивана Грозного было то, что он первым ввел монополию внешней торговли. Иван Грозный был первый, кто ее ввел, Ленин — второй».

Вот оно как: сперва Грозный, а затем уже Ленин... Но ведь не было при Иване IV такой монополии, вообще не могло быть при феодальном хозяйстве!

Молотов со Ждановым, поддакивая хозяину, тоже постарались «образованность показать»:

«Нет шума Москвы, нет показа народа», — попенял знаток иностранных дел, прозванный в верхах «каменной задницей».

«Иван Грозный получился неврастеником», — констатировал главный идеолог, упрекнув режиссера в том, что он «отвлекает зрителя от действия бородой Грозного».

Эйзенштейн, прекрасно понимая, что царь и был неврастеником, смолчал, но бороду обещал укоротить.

Наконец, Сталин перешел к главному:

«Иван Грозный был очень жестоким. Показывать, что он был жестоким, можно. Но нужно показать, почему нужно быть жестоким. Одна из ошибок Ивана Грозного состояла в том, что он не дорезал пять крупных феодальных семейств. Если он эти пять семейств уничтожил бы, то вообще не было бы смутного времени. А Иван Грозный кого-нибудь казнил и потом долго каялся и молился. Бог ему в этом деле мешал — нужно было быть еще решительнее».

Звучит, как исповедь, полная фрейдистских проговорок. Одно это «не дорезал» чего стоит! «Петруха не дорубил», Иван «не дорезал». Сам «корифей всех наук», включая историческую, недоработок по этой части себе не позволял. И Бог ему, бывшему семинаристу, не мешал, и каяться ни в чем никогда не доводилось. Нутро свое он, тем не менее, вывернул, хотя по части фактов дал маху.

При чем, спрашивается, эти самые пять семейств? И почему пять? Ведь, будь он на месте Грозного, то вырубил бы под корень все боярство. Как показал в своей работе «Иван Грозный» В. Кобрин, истоки сталинской новации следует искать на театральных подмостках, точнее в пьесе А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович», поставленной во МХАТе.

Вспоминая о Грозном, князь Шуйский говорит, что тот «умирая, Русь пяти боярам приказал». И это все. Эти пять бояр из театральной постановки и засели в мозгу и превратились в пять семейств, ибо, если резать, то радикально — подчистую, хотя «сын за сына не отвечает».

Ленин написал работу «Толстой, как зеркало русской революции». Тем больше есть оснований рассматривать закулисную возню вокруг опороченного, а затем реабилитированного фильма Эйзенштейна, как своеобразное отражение сталинского режима в темной амальгаме времен «прогрессивной» опричнины.

Ох, не случайно на балу у Сатаны булгаковской Маргарите в сонме висельников, палачей, отравителей запомнились лишь одни глаза — Малюты Скуратова. Писатель глубоко прочувствовал внутреннюю связь времен и персонажей. Если сопоставить даты начала и окончания гениального романа с действующими в тот период персонажами, то в яблочко мишени попадут все три наркома: Ягода, Ежов, Берия. Не суть важно, кто именно: все они отразились в игумене опричников, он в них.

В 1920 году Максимилиан Волошин прозорливо угадал, проследил и предвосхитил судьбоносную связь времен.

Расплясались, разгулялись бесы
По Руси и вдоль и поперек.
Рвет и крутит снежные завесы
Выстуженный северо-восток.
...В этом ветре гнет веков свинцовых:
Русь Малют, Иванов, Годуновых,
Хищников, опричников, стрельцов,
Свежевателей живого мяса,
Чертогона, вихря, свистопляса:
Быль царей и явь большевиков.

2

Василий III, как уже было сказано, подарил старице Софье Вышеславскую вотчину. Воскресенская летопись сообщает под тем же годом: «Того же лета поставил князь великий... церковь камену у Фроловских ворот Кремля святого мученика Георгия».

Георгия! Не есть ли это указание, что мальчик все-таки был?

Знаменательно, что по случаю рождения Ивана великий князь тоже заложил в селе Коломенском шатровый храм Вознесения — непревзойденный шедевр зодчества.

«...та церковь вельми чюдна выотою и красотою и светлостию, такова не бывала преж сего в Руси», — передает летописец.

Каждый год по случаю дня тезоименитства будет бить здесь поклоны царь Иван IV...

В день его появления на свет архиепископ Макарий повелел отлить в Новгороде исполинский колокол. Пройдут годы, младенец подрастет и учинит разгром того самого Господина Великого Новгорода, чей колокол «яко страшной трубе гласящий» славил имя его. Не случайно современники почували в медном гуле рев и стенания грядущих жертв. Зловещих примет и пророчеств было предостаточно. Уже само рождение Ивана IV, нареченного впоследствии Грозным, стало как бы созвучно легендам. Утверждалось, например, что его рождение ознаменовалось громовыми раскатами, потрясшими земную твердь до основания. Гроза, якобы, разразилась внезапно, при безоблачном небе. Проведав о знаменательном событии в правящей династии сопредельного царства, казанская ханша объявила московским послам: «Родился у вас царь, а у него двой зубы: одними ему съест нас (татар), а другими вас».

Но Бог с ними, с знаменами и молвой. Если бы только это! Не успел новорожденный приникнуть к груди кормилицы, как возникли серьезные сомнения насчет его происхождения.

Как уже было говорено, первенец Иван Васильевич появился лишь на пятом году — 25 августа 1530 года, еще через два года родился слабоумный Юрий, ни единой чертой не похожий на старшего брата. Пополз слухок, что настоящим отцом царевича является князь Иван Овчина-Телепнев-Оболенский, с которым царица Елена Глинская, якобы, состояла в давней связи. Сразу же припом-

нился выкрик юродивого в день великокняжеского бракосочетания. Будто бы тот кликушествовал, что рожденное в «беззаконном браке» чадо превратится в государя-мучителя. Весьма кстати оказалась и весть, что Соломония родила в монастыре мальчика, нареченного Георгием. Спешно было проведено дознание. Августейшая монахиня оповестила, что ребенок скончался при родах и был захоронен в подземелье монастыря. Это лишь подлило масла в огонь. Стали, как это водится, говорить, будто законного сына великого князя уберегли «верные люди». Версий в более поздние времена выдвигалось множество. Согласно одной из них, спасенный отрок стал знаменитым разбойником Кудеяром. Но это вздор, лишь затемняющий многовековую загадку.

Всего три года исполнилось Ивану, когда внезапно, от пустяковой царапины, скончался его отец. Младенец с неокрепшей психикой и еще неразвитым разумом в роли самодержца — это ли не сюжет для трагедии! Истинно говорят, что тиранами обычно становятся именно те, кого судьба сподобила занять трон слишком рано. Раблепное преклонение зрелых мужей на первом плане, а за кулисами интриги, нашептывания, злодейские убийства. Не лучший, прямо скажем, фон для формирования характера.

Первые пять лет рядом с ребенком находилась мать, крепко державшая в руках вожжи государственной колесницы. Но с 3 апреля 1538 года Иван IV уже круглый сирота. Одиноким отрок в шапке Мономаха, окруженный убийцами близких родичей, напуганный слухами о «боярских изменах». Убийства происходят прямо у него на глазах. То тут, то там один род сводит счеты с другим. Сразу же после смерти Елены Глинской умертвили ее фактического соправителя и предполагаемого любовника Телепнева-Оболенского. Чего ж тут удивляться, если в урочный час и сам Иван посадит на кол телепневского сына, а племяннику велит отсечь голову на льду Москвы-реки? Причастность к государевым секретам дорого обходилась во все времена. Роковых же тайн последним Рюриковичам было не занимать. Что же касается Грозного лично, то тут, что ни шаг, то отдающая кровью загадка.

Взять хотя бы дела семейные, неотделимые от чреватых злодейством политических потрясений. Царь постоянно метался и маялся, переносил вину за собственные душевные муки на самых близких ему людей. Можно лишь гадать, как бы сложилась жизнь его первенца Дмитрия, если бы он не утонул еще во младенчестве, выпав из рук нерасторопных нянек.

Родившегося же следом Ивана Ивановича, характером и статью схожего с отцом, он не столько баловал, сколько тиранил ревнивой привязанностью. Постоянные размолвки, заканчивающиеся побоями, привели в конце концов к роковому удару посохом, результатом чего явилась смерть престолонаследника. На него, кстати сказать, в России и за границей возлагались большие надежды. Как-никак, третий сын Грозного и Анастасии Захарьи-

ной — богобоязненный Федор — отличался слабодушием и тяготился властью. Это не помешало ему окончательно закабалить крестьян, которых Иван лишил последней надежды облегчить свою долю — Юрьева Дня, единственного в году. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Как и у Синей Бороды, героя сказки Перро, жен у царя было семь. Последняя, Мария Нагая, тоже наградила его Дмитрием, но и ему не суждено было вырасти. То ли в припадке падучей напоролся на нож, то ли был зарезан, что расчистило дорогу к трону и отравило жизнь царю Борису Годунову. «Мальчики кровавые в глазах» в Пушкинской драме.

Как и не совсем достоверный отпрыск Соломонии, убиенный царевич превратился в героя легенд. Его именем воспользовались целых два вполне реальных Лжедмитрия, принесших немало горя Российскому государству. Истинным наследством Грозного стало Смутное время, растянувшееся на сотню лет. О потерянных в Ливонскую войну землях и выходе к морю говорить не приходится. Так и дожили до Петра почти в полной изоляции от Европы.

Не потрафил «Петруха» вождю народов. Вместо того, чтобы окна прорубать, лучше б голов побольше. Все симпатии на стороне Ивана. Вирши, что слагал юный семинарист, лишний раз вскрывают остро переживаемое обоими чувство неполноценности и, вместе с тем, затаенную гордыню.

Детства будущий царь по сути не знал: неприкаянность, одиночество, скрытность. Молодому великому князю постоянно мнилось, что его обворовывают, запускают руки в казну. Отсюда недоверчивость, злоба, жестокость. Сызмальства поднаторел мучить животных. Сначала сбрасывал с крыши собак и кошек («бессловесных крови проливати»), а с 15 лет и «человеков уроняти».

На семнадцатом году Иван позвал к себе митрополита Макария и объявил, что желает вступить в брак:

— Сперва думал я жениться в иностранных государствах, у какого-нибудь короля или царя; но потом я эту мысль отложил, потому что после отца и матери остался мал. Если я приведу жену из чужой земли и в нравах мы с ней не сойдемся, то между нами дурное житье будет...

Митрополит и бояре, по словам летописца, расплакались от радости. Однако юный государь огоршил их такой речью:

— Хочу прежде своей женитьбы поискать прародительских чинов и на царство, на великое княжение сесть.

На царство! Ни Василий, отец Иоанна, ни дед Иван III не решились возложить на себя царскую корону, довольствуясь титулом великих князей, а тут вишь куда замахнулся!

Великий князь — это принц, или, скажем, эрцгерцог. Определенно на ступень ниже короля. Иное дело — царь, т. е. кесарь, титул, восходящий к Юлию Цезарю, по существу императорский. Сталин, кстати, о том же помышлял. Даже эполеты примерял.

Ну, царь — так царь. Митрополит одобрил.

По всей стране боярам были разосланы грамоты:

«Когда к вам эта наша грамота придет и у которых будут из вас дочери девки, то вы бы с ними сейчас же ехали в город к наместникам нашим на смотр, а дочерей девок у себя ни под каким видом не таили бы. Кто же из вас дочь девку утаит, тому от меня быть в великой опале и казни».

Смотрины продолжались несколько дней. Выбор пал на девушку из древних боярских родов Анастасию, дочь покойного окольного Романа Захарьина-Кошкина.

Свадьбу сыграли 3 февраля, а с началом весны пошли по Москве пожары, один страшнее другого. Загорелась церковь Воздвиженья на Арбате, выгорела вся западная часть города, вплоть до Москвы-реки, затем сильный ветер обрушил град огня на Кремль: вспыхнул Успенский собор, затем Благовещенский, запылали царские хоромы, вместе с оружием погибла Оружейная палата.

Царь повелел начать розыскное дело. В толпе «черных» людей, собравшихся у паперти Успенского собора, закричали:

— Княгиня Анна Глинская волхвовала: вынимала сердца человеческие, да клала в воду, да тою водою кропила, оттого Москва и выгорела.

Абсурдное, но вполне в стиле эпохи обвинение. По наущению бояр, чернь убила Юрия Глинского, ближайшего царского родича, бросив его труп перед торгом, где казнили преступников. Веселенькое завершение медового месяца. И, главное, какое предзнаменование на царствование!

Иван, однако, прожил в любви и согласии с Анастасией тринадцать лет, свирепо искореняя действительную и мнимую крамолу.

Когда царица внезапно занемогла, он был безутешен и рвал на себе волосы. Намекали, что Анастасию извели. Дознание ничего не дало, хотя головы рубили всем, кого заподозрили в «лютейших умыслениях».

«За одно малое слово с ее стороны явилась она им негодна; за одно малое слово они рассердились», — сокрушался Иван.

Сопровождая больную жену на пути из Можайска в Москву, он не отходил от ее возка, изрыгая проклятия изменникам и лия слезы.

Ловя давно отлетевшие образы в магическом зеркале «вечного теперь», мы начали рассказ об Иване Грозном с недавнего прошлого, сейчас же из таинственного XVI нам предстоит шагнуть прямо в нынешний день.

«Раскрыта загадка смерти супруги Ивана Грозного.

Значительное количество ртути было найдено в останках жены Ивана Грозного Анастасии Захарьиной, исследование которых завершилось в Московском бюро судебно-медицинской экспертизы. Особое внимание судмедэксперты уделили анализу волос царицы (волосы накапливают вредные вещества и позволяют получить точную информацию о содержании яда в организме).

Как сообщила «МК» эксперт-химик Наталья Воронова, специалистам удалось подтвердить версию некоторых историков об отравлении Анастасии. Как известно, жена Ивана Грозного умерла при достаточно странных обстоятельствах, не дожив даже до тридцати лет. Некоторые знатоки русской истории утверждали, что причиной смерти стали частые роды, истощившие организм женщины (Анастасия подарила царю шестерых детей). Другие настаивали на версии убийства.

Анастасию Захарьину похоронили в монастыре на территории Кремля. В 1929 году обитель снесли, а останки царицы перенесли в подвал Архангельского собора. В связи с последним кремлевским ремонтом и реконструкцией специалисты получили уникальную возможность открыть саркофаг, исследовать останки Анастасии и внести хоть какую-то ясность в ее биографию.

По словам экспертов, данные исследований позволяют утверждать, что жену Ивана Грозного отравили солями ртути. Вероятнее всего, яд подмешали царице в вино. Ртуть прекрасно сохранилась в останках, постепенно проникнув в одежду и головную повязку и даже в пыль.

Попытки обнаружить в волосах убиенной другие яды результатов не дали».

Газета «Московский комсомолец», № 23, 6 февраля 1996 года угодила в мой почтовый ящик как раз, когда писались строки о «юнице» Анне. Мне это показалось своего рода знамением. Тем более, что на эту газету я никогда не подписывался.

Связь времен подчас проявляет себя самым неожиданным образом.

3

Вокруг трона образовалась опасная пустота: одни сложили голову на плахе, другие удалились, а те, кто занял их место, затаили вражду. Смерть любимой жены окончательно подкосила царя, оставшегося один на один со своими необузданными страстями. Человек крайностей, он не ведал золотой середины, скоропалительно переходя от любви к ненависти, от добра к самому черному злу. Желая завоевать дружбу князя Михайлы Репнина, пригласил его на пир. В самый разгар попойки царь и его сотрапезники пустились в пляс, облачившись в рогатые маски. Как тут не вспомнить сталинские застолья со стрельбой у Лакобы или «афинские ночи» у Енукидзе!

Репнин со слезами принялся выговаривать, что, дескать, не подобает христианскому государю такая забава.

— Веселись, играй с нами! — крикнул царь и напялил на Репнина маску.

Князь сорвал с себя мерзкую личину и в гневе ее растоптал.

— Чтоб я, боярин, стал так безумствовать и бесчинствовать?!

Через несколько дней он был заколот в церкви у алтаря, во время евангельского чтения. Хорош царь-богомолец!

В ответ на обвинение в нравственном перерождении, Иван писал князю Курбскому, бежавшему из страны в разгар кровавых репрессий:

«А зачем вы разлучили меня с женою? Если бы вы не отняли у меня мою юницу, то Кроновых жертв и не было бы».

Кроновых жертв! Царь словно предвидел, что ему, как и эллинскому богу Кроносу — пожирателю собственных детей, суждено поднять руку на сына.

Бояре, толпившиеся у трона, были далеко не ангелы, но никто из них, а уж Курбский тем паче, не был виновен в смерти царицы. Отравителя следовало искать среди опальных, обиженных.

Впав в черную меланхолию, Иван приблизил к себе новых людей, учредив невиданный на Руси полумонашеский орден кровопийц и насильников.

Особое пристрастие Сталина к этому государю, не гнушавшемуся ничем ради укрепления личной власти, продиктовано и глубоко прагматическими соображениями, и определенным созвучием душ. Вполне естественно провести параллель между сталинской идеей преобразовать партию в «орден меченосцев», воплотившейся в карательные органы, и черным орденом опричников. Недаром меч на щите сделался эмблемой «передового отряда» — НКВД. Характерная параллель: «Наша партия должна походить на орден, исповедующий иерархический порядок святого отшельничества» (Гитлер).

Само понятие «опричина» — от слова «опричь», т. е. «кроме», существовало задолго до Грозного. Он лишь придал ему вполне определенный смысл. Князь Курбский, бросивший вызов царю, прекрасно обыграл этимологию, назвав опричников «кромешниками». Нейтральное «кроме» превращается, таким образом, в «кромешную тьму» — синоним ада, а изуверская шайка — в дьявольский легион. Очень точно. Поистине велик и могуч русский язык.

Кем же были они, эти разнузданные садисты в монашеских рясах, носившие метлу и песью голову у колчана — отличительный знак «царских псов», готовых вымести любую крамолу? Личной гвардией? Инквизиционным трибуналом? Тайной полицией? Наконец, просто костоломами, пыточных дел мастерами? Вероятно, — все вместе, хотя явно провидится и некий зародыш тоталитарной системы вообще, которой дано было обрести плоть лишь в XX веке.

Помимо зловещей униформы и такого же знамени с черным орлом, опричина была связана особым уставом. Зачислению в черную братию предшествовал строгий отбор, придирчивое изучение родословной кандидата, его жены, семейных и приятельских связей.

Вспомним, что всего тридцатью годами ранее в католической Европе был учрежден орден иезуитов!

Показателен текст опричной присяги на верность:

«Я клянусь быть верным государю и великому князю и его государству, молодым князьям и великой княгине, не молчать обо всем дурном, что я знаю, слышал или услышу, что замышляется тем или другим против царя, его государства... Я клянусь не пить и не есть вместе с земщиной и не иметь с ними ничего вообще...»

Разделение страны на «опричнину» и «земщину» само по себе было равнозначно объявлению гражданской войны, победить в которой могла лишь одна, возглавляемая самим царем сторона. Раздел земель и аппарата управления позволил ему обойти думу и сосредоточить в своих руках абсолютную власть.

Приняв присягу и поцеловав крест, опричник уже не мог вступить в общение ни с кем, кроме себе подобных. Обрывались все, в том числе и семейные, связи. По одному подозрению в сношении с «земщиной» опричника убивали на месте. Смерть ждала и его опрометчивого, часто вовсе случайного, собеседника-земца. Заодно искоренялись семьи того и другого.

Все, что относилось к ордену, считалось строжайшей тайной. Замок и храм в Александровской слободе долго пользовались дурной славой. Совсем недавно археологи обнаружили в нынешнем подмосковном Александрове куски черепицы, покрывавшей эту опричную резиденцию. Керамические плиты лоснила черная, под цвет одеянию, «графитовая» глазурь. Навязчивое стремление к абсолютизму внешнего как нельзя лучше отвечало внутренней тяге к тирании, к абсолюту, мы говорим «беспределу», террора. Вполне прагматичная, далекая от мистики цель просматривается легко: метла выметает измену, собачья пасть выгрызает ее. Отсюда и практика, соединяющая эпохи. И не только практика, но и своеобразная «магия места». Опричный приказ в Москве находился рядом с Кремлем, охватывая обширную территорию, которая включала памятный спецраспределитель ЦК и кремлевскую больницу.

Царь считался «игуменом», т. е. настоятелем и великим магистром ордена. Как и в монастыре, черная братия сходилась на общую трапезу, совмещавшуюся с богослужением, хотя разнузданные пиры ничего общего не имели с аскетизмом. Буйные попойки перемежались разухабистой пляской, молитвы сопровождалась ночными оргиями. Немногие уцелевшие после чисток опричники, главным образом из бежавших от царя иноземцев, свидетельствуют: «Все, что ему (Грозному) приходило в голову, одного убить, другого сжечь, приказывает он в церкви». Недурная характеристика «государя-богомольца», который в промежутке между молебном и застольем любил наведаться в застенки.

«Есть свидетельство, что никогда не выглядит он более веселым и не беседует более весело, чем тогда, когда он присутствует при мучениях и пытках до восьми часов». Кровь возбуждала, подстегивала похоть.

Одно только перечисление жертв, коих царь под конец внес в свой синодик, занимает несколько книг: «Помяни, Господи, князя

Бориса Тулупова, князя Володимира, князя Аньдрея, князя...». И это все личные, так сказать, «враги» — князя да бояре, а сколько безвестных людей сгинуло ни за что ни про что, о том можно лишь догадываться. «Но отняли список, и негде узнать» в «Реквиеме» Анны Ахматовой.

Академик С. Б. Веселовский дал юридически точное определение административной реформы Ивана IV, понадобившейся для насаждения не свойственного русской традиции рыцарско-монашеского ордена, коим по форме и духу явилась опричнина.

«После учреждения Опричного двора царь остался государем всего государства с прежними органами центрального управления и одновременно на правах удельного князя стал хозяином части государства, выделенного в ведение Опричного двора».

Плененные в ходе Ливонской войны Таубе и Крузе с 1564 по 1571 год, т. е. с самого начала и почти до последнего часа опричнины, находились при дворе, выполняя дипломатические поручения царя. Их свидетельства проливают свет на мрачную обрядность кромешников:

«Опричники (или избранные) должны во время езды иметь известное и заметное отличие, именно следующее: собачьи головы на шее у лошади и метлу на кнутовище. Это означает, что они сперва кусают, как собаки, а затем выметают все лишнее из страны. Пехотинцы все должны ходить в грубых нищенских или монашеских верхних одеяниях на овечьем меху, но нижнюю одежду они должны носить из шитого золотом сукна на собольем или куньем меху. Он, великий князь, образовал из них над всеми храбрыми, справедливыми, непорочными полками свою особую опричнину, особое братство, которое он составил из пятисот молодых людей, большей частью очень низкого происхождения, всех смелых, дерзких, бесчестных и бездушных парней.

Этот орден предназначался для совершения особенных злодеяний.

Прежде всего монастырь, или место, где это братство было основано, был в Александровской слободе... Сам он был игуменом, князь Афанасий Вяземский келарем, Малюта Скуратов пономарем; и они вместе с другими распределяли службы монастырской жизни. В колокола звонил он сам вместе с обоими сыновьями и пономарем. Рано утром, в четыре часа, должны все братья быть в церкви; все неявившиеся, за исключением тех, кто не явился вследствие телесной слабости, не щадятся, все равно, высокого ли они или низкого состояния, и приговариваются к восьми дням епитимьи. В этом собрании поет он сам со своими братьями и подчиненными попами с четырех до семи. Когда пробивает восемь часов, идет он снова в церковь, и каждый должен тотчас же появиться. Там он снова занимается пением, пока не пробьет десять. К этому времени уже бывает готова трапеза, и все братья садятся за стол. Он же, как игумен, сам остается стоять, пока те едят. Каждый брат должен приносить кружки, сосуды и блюда к

столу, и каждому подается еда и питье, очень дорогое и состоящее из вина и меда, и что не может съесть и выпить, он должен унести в сосудах и блюдах и раздать нищим, и, как большей частью случалось, это приносилось домой. Когда трапеза закончена, идет сам игумен к столу. После того как он кончает еду, редко пропускает он день, чтобы не пойти в застенок, в котором постоянно находятся много сотен людей; их заставляет он в своем присутствии пытаться или даже мучить до смерти безо всякой причины, вид чего вызывает в нем, согласно его природе, особенную радость и веселость... И после этого каждый из братьев должен явиться в столовую или трапезную, как они называют, на вечернюю молитву, продолжающуюся до девяти часов... Что касается до светских дел, смертоубийств и других тиранств и вообще всего его управления, то отдаёт он приказания в церкви...

Все братья и он прежде всего должны носить длинные черные монашеские посохи с острыми наконечниками, которыми можно обить крестьянина с ног, а также и длинные ножи под верхней одеждой, длиною в один локоть, даже еще длиннее, для того, чтобы когда вздумается убить кого-либо, не нужно было посылать за палачами и мечами, но иметь все приготовленным для мучительства и казней...»

Описание лифляндских рыцарей полностью согласуется с подробностями кромешного ритуала, сообщаемыми Генрихом Штадемом.

«Живя в упомянутом Александровском дворце, словно в каком-нибудь застенке, он обычно надевает куколь, черное и мрачное монашеское одеяние, какое носят братья базалиане, но оно все же отличается от монашеского куколя тем, что подобно козьими мехами. По примеру тирана, также старейшины и все другие принуждены надевать куколи, становиться монахами и выступать в куколях, за исключением убийц из опричнины, которые исполняют обязанности караульных и стражей. И так великий князь встает каждый день к утренним молитвам и в куколе отправляется в церковь, держа в руке фонарь, ложку и блюдо. Это же самое делают и все остальные, а кто не делает, того бьют палками. Всех их они называют братией, также и они называют великого князя не иным именем, как брат. Между тем, он соблюдает образ жизни, вполне одинаковый с монахами. Заняв место игумена, он ест один кушанье на блюде, которое постоянно носит с собою; то же делают все. По принятии пищи он удаляется в келью или уединенную комнату. Равным образом каждый из остальных входит в свою, взяв с собою блюдо, ножик и фонарь; не уносить всего этого считается грехом. Как только он проделает это в течение нескольких дней и, так сказать, воздаст Богу долг благочестия, он выходит из обители и, вернувшись к своему нраву, велит привести на площадь толпы людей и одних обезглавить, других повесить, третьих побить палками, иных поручает рассечь на куски, так что не проходит ни одного дня, в который бы не

погибло от удивительных и неслыханных мук несколько десятков человек».

Опричника Штадена дополняет Шлихтинг, также находившийся при дворе с 1564 года.

«Все еще страдая жаждой человеческой крови, он особенно сурово наказал, под угрозой кары топором и палками, чтобы из города Москвы никто не смел отправляться по проезжей дороге, которая ведет в Новгород, ни мужчина, не женщина, напоследок даже ни собака или какая-нибудь скотина. Отправляясь же из Александровского дворца в Новгород, он посылал вперед шестьсот всадников и столько же оставлял на ходу сзади себя, равным образом он рассылал также людей вокруг, с правого и с левого бока, чтобы никто не пришел в Новгород. Если упомянутые всадники натыкались на кого-либо, будь то даже раб или челядинец тирана, или также он сам на пути заставлял кого-нибудь, то всех убивал, чтобы молва о его прибытии не опередила и он мог тем лучше застичь новгородцев, не ожидавших его и нисколько не думавших о нем. Так же поступали те, кто занимал правое и левое крыло; поэтому даже и собака не могла быть предвестницей его приближения... При всякой остановке, или в городе, или в поместье, он обычно выходил и избивал всех людей и скот, сжигал поместья и избы. Так же поступали и все остальные...»

Здесь все окутано мраком: походы против городов и монастырей, учреждение опричнины и предшествующие ему события, начиная с розысков по «делу» Соломонии и кончая переселением с чадами и домочадцами в Александровскую слободу. Можно лишь смутно догадываться, какую роковую тайну стремился раскрыть — или, напротив, утаить? — царь.

Он покинул Москву 3 декабря 1564 года, перебравшись сначала в Коломенское, затем в Тайнинское, потом в Троице-Сергиев монастырь, и лишь оттуда — в Александровскую. В чем смысл подобных метаний? На паломничество по святым местам это мало похоже, о чем прямо сказано в дополнениях к Никоновой летописи:

«Подъем же его не таков был, якоже преж того ездил по монастырям молиться, или на которые свои потехи в объезды ездил: взял же с собою святость, иконы и кресты, златом и камением драгим украшенные, и суды златые и серебряные, и поставцы все всяких судов...»

Короче говоря, не столько священную, сколько драгоценную утварь. Зачем? И с какою целью, находясь уже в слободе, громкогласно отрекся от царства в пользу малолетних сыновей? С одной стороны, отречение, с другой — полная концентрация власти. Ведь все здесь, при нем: наследники, наиболее доверенные ближние люди, войско, казна, церковные драгоценности. Распространенная версия насчет болезни не отражает всех сторон зловещей энигмы. Очевидцы в один голос утверждали, что царь неузнаваемо изменился за время пребывания в Александровской слободе. «От злости в

течение сорока этих дней у него выпали волосы из головы и бороды», — отмечали Таубе и Крузе. Увы, от злости волосы не выпадают. Злобе постоянно сопутствовал маниакальный ужас, обострившийся, как нарочно, перед новой волной неслыханных злодеяний. Соматическим расстройством, как бы выразился медик, определенно предшествовали психические. Но что тут первично, а что обусловлено: душевная ущербность или звериный страх?

Иван Васильевич срывается с места и мчится в Вологду, дабы основать там новую столицу. Даже переводит туда государственную казну. Одновременно вносит щедрый вклад в Кирилло-Белозерский монастырь, куда, вроде бы, готовится уйти вместе с сыновьями, но — на всякий случай? — спешно строит корабли для заморского плавания: «буде придется ему бежать со всей семьей». Аура страха налицо, хотя сами действия вроде бы вполне прагматичны.

Впрочем, в лихорадочной спешке определенно ощущается и шизофренический флюид. Так и не доведя до конца ни единого замысла, царь бросает начатое на полдороге, ударяясь в привычное людоедство. Он фактически бежит из Вологды, не закончив фортификационных работ. Однако и под «кромешным» сводом Александровской резиденции, в кругу «братии», не находит успокоения. Началом нового периода «бурной деятельности» станет злодейское убийство двоюродного брата Владимира Старицкого, которого царственный «игумен» вызвал к себе вместе с женой и дочерью, и всех разом отравил без лишних слов. На следствие об измене, на розыск — чего? — это никак не похоже. И пошло, поехало по накатанной дорожке. Отрубленных голов надежда-государь не считал — плевое дело. Истинное наслаждение доставляла ему забава, именуемая «обшить медведко». Царь лично науськивал свору собак на зашитого в медвежью шкуру мученика. Юмор его проявлялся весьма своеобразно. Повесив на одной перекладине дьяка Овцына и овцу, он прямо-таки корчился от смеха. «Летите на небеса, ангелочки», — напутствовал монахов, привязанных к бочке с порохом.

По смерти Анастасии Иван выказал желание взять в жены сестру польского короля Батория, однако победитель в роковой для России Ливонской войне ответил отказом.

Отвратившись от надменного Запада и обратив лицо на Восток, православный государь женился на дочери черкесского князя Темрюка, нареченной при крещении Марией. Смуглая красавица, поразившая Ивана темно-коричневым цветом своих острых, чувствительных к ласке сосков, пришлась ему по сердцу, да только память об Анастасии, незабвенной юнице, не давала покоя.

Мария Темрюковна скончалась внезапно, от неизвестной болезни, но по всему было видно, что ее отравили по приказу царя. Года два вдовец кое-как перебивался чужими женами и «портил девок бессчетно». Хотя ему было всего сорок с небольшим, он жаловался литовскому послу что зело постарел. И неудивительно. Жуткая жизнь, которую он вел, тяжелая болезнь и невоздержанность вся-

кого рода сильно способствовали преждевременной изношенности организма. Сюда же следует добавить и пережитое унижение в результате несчастливой войны с Польшей.

Можно гадать, чьим наущением богомольный и великолепно образованный властитель обратился во «льва рыкающего». Указывали, в частности, сопоставляя по времени со второй женитьбой, на Марию Темрюковну. Только едва ли Иван нуждался в чьих-то советах. На похоронах Анастасии он бился в истерике, но не прошло и месяца, как, по слову летописца, «нача царь яр быти и прелюбодействен зело». Если Анастасию он, пусть по-своему, любил, то прочих жен не слишком стеснялся. Чуть не на глазах гонялся за девками или, того хуже, возлегал с очередным недолговечным фаворитом. Он вообще был грязен в интимных делах. В Твери, где бесчинствовал, идучи с опричниками на Новгород, всем женщинам было велено встать у окон с задранными рубашками.

Тверь стала своеобразной прелюдией к погрому Медыни, Вышнего Волочка, Торжка и затем Новгорода и Пскова, вместе с церквями и монастырями. Одних убитых современники исчисляли в 40 тысяч, а сколько было угнано мужиков, не знает никто.

«Пришел царь и великий князь Иван Васильевич с великою опалю в Великий Новгород, — свидетельствует псковский летописец, — и многих нарочитых людей погубил, многое множество людей на правехе побито было, иноческого и священнического чина и монахинь; и была туча и скорбь в людях большая, святые обители и церкви Божии и села запустели».

После дикого побоища царь обосновался за стенами некогда процветающего вольного города. Туда, на Городище, убийцы в черных куколях таскали уцелевших «владычных бояр и иных служивых людей, и детей боярских, и гостей, и всяких градских и именитых изрядных людей, и жен их, и детей перед себя, и повеле государь их перед собою горько люто и бесчеловечно различными муками мучить. А своим государевым детям боярским повелел государь тех мученых и поджаренных людей за руки, за ноги и за волосы различно вязать и привязывать к каждому человеку по камню, тащить их за санями на Волховский мост и метать с моста в реку Волхов. А жен их, младенцев и всякого возраста детей привозить на тот же мост, возводить на башню и оттуда, связав руки и ноги, привязывая младенцев к их матерям, метать в Волхов. А другие государевы люди в это же время в малых судах ездили по Волхову с оружием, копыями, рогатинами, баграми и топорами, и если кто из брошенных всплывает, то этими баграми и топорами и копыями пронзали и смерти предавали мучительной. И так продолжалось больше пяти недель. По окончании же того царь и великий князь Иван Васильевич начал ездить вокруг Великого Новаграда по монастырям, повелев грабить церковную и монастырскую казну, кельи, служебные дома, и всякий хлеб — в житницах, стоящий в скирдах и на полях — повелел сжигать, а скот всякий, и коров, и лошадей, повелел сечь».

Что можно добавить к скупым летописным строкам? Какие комментарии тут нужны? Разве что несколько слов об организации самого похода, бесстрастных и деловитых.

«Затем великий князь отправился из Александровской слободы вместе со всеми опричниками, — сообщает не раз упомянутый Генрих Штаден. — Все города, большие дороги и монастыри от Слободы до Лифляндии были заняты опричными заставами, как будто бы из-за чумы, так что один город или монастырь ничего не знал о другом. Как только опричники подошли к яму, или почтовому двору Черная, так принялись грабить. Где великий князь оставался на ночь, поутру там все поджигалось и спаливалось. И если кто-нибудь из его собственных избранных людей, из князей, бояр или их слуг приходил из Москвы на заставу и хотел попасть в лагерь, того приводили от заставы связанным и убивали тотчас же. Некоторых приволакивали к великому князю нагим и гоняли по снегу до смерти. То же самое было и с теми, кто хотел уйти из лагеря в Москву и был схвачен стражей».

Поразительно напоминает сталинскую практику заградотрядов в начале тридцатых годов — организованный «Великий голод», выкосивший крестьянство.

Предчувствуя скорую расправу над черным орденом, бежали в Польшу Таубе и Крузе, сумели унести ноги и невольный очевидец преступлений Шлихтинг и их непосредственный участник Генрих Штаден.

Пройдут века, и в зарубежной печати появятся свидетельства чекистов-перебежчиков, сумевших ускользнуть в последний момент перед очередной генеральной чисткой. Прав Екклесиаст: «Нет ничего нового под Солнцем». Беглые палачи, как правило, скромно молчат о собственных подвигах, но это ничуть не умаляет исторической ценности свидетельств рядовых исполнителей.

Кровавые боины в Пскове и Новгороде, лютые казни на Красной площади, где разом — кого сварили живьем, кого четвертовали — приняли смерть 250 облыжно обвиненных в измене москвичей. Во времена террора никто не знает, на кого выпадет жребий. Предрешена лишь участь соучастников: прежние палачи уничтожались руками новых, чтобы не осталось свидетелей.

Ликвидация опричнины, столь же скоропалительная, как и ее возникновение, тоже ставит перед историками множество неразрешимых вопросов. Даже беглое упоминание о ней грозило мучительной казнью. Но нам ли удивляться? Разве не следовали подобные же запреты после уничтожения объявленных врагами народа Ягоды и Ежова? «Шпиона» Берии?.. Бывшие наркомы были казнены вместе с ближайшими сподручными. Точно так же подверглись искоренению все, кто так или иначе оказались причастны к «опричному делу». Чтоб и памяти не осталось ни о пытках, ни о пытаемых, ни о тайнах, которые стремились вытянуть из них каленым железом.

Окончен пароксизм кровавого пира. «Жить стало лучше, жить стало веселее», — как сказал великий вождь всех народов.

После «завоевания» Новгорода со всего царства собрали во дворец 1500 девок — кандидаток в невесты. Выбрать из такой массы новую царицу оказалось куда как трудно. По совету Малюты Скуратова, царь остановился на Марфе Собакиной, дочери новгородского купца, но не прошло и месяца, как молодая начала «сохнуть». Прошел слух, что и ее «извели ядом враги». Вскрытие гробницы усопшей государыни преподнесло археологам сюрприз. Царская невеста лежала, словно живая, ничуть не тронутая разложением. 360 лет пролетели для нее, как один день.

Следующий «конкурс красоты» прошел в несколько туров. Победительница, креатура все того же Малюты, правда, тоже неожиданно преставилась, так что приз достался Анне Колтовской. Но и эта красавица не долго усидела на троне. По прошествии года Иван сослал ее в монастырь.

Призвав архиереев и архимандритов на совет, царь, моля о прощении, просил разрешения на четвертый брак, противоречивший церковному уставу. Аргументы были понятные, человеческие. С одной стороны, телесная нужда донимала, с другой — забота о детях, совершенного возраста не достигших. Уйти в монастырь было никак нельзя, а жить в миру без супружества соблазнительно.

Собравшись в соборной церкви Успения, духовенство решило «простить и разрешить царя ради теплого умиления и покаяния и положить ему заповедь не входить в церковь до Пасхи».

Отношение России к закону, будь то Божеский или человеческий, известное. И пошло это не с Грозного. Архиереи не только простили царю окаянство, но и взяли на себя епитимью. Прочим же пригрозили: ежели кто дерзнет обручиться в четвертый раз, тот будет проклят.

Стоило огород городить, если прожил Иван с Колтовской всего ничего? В постели она оказалась несговорчивой и устраивала сцены ревности, за что и была заключена в монастырь.

«Не имеем права двух наложниц царя — Анну Васильчикову и Василису Мелентьеву — называть царицами, — писал С. М. Соловьев, — ибо он не венчался с ними».

Как там не считай, но сомнительное счастье все же выпало Анне Васильчиковой, ставленнице нового временщика Василия Умного-Колычева. В канун свадьбы царь наведалься на Пыточный двор.

«Хто из бояр наших нам изменяют?» — с кроткой ухмылкой осведомился у палачей и, не дожидаясь ответа, принялся подсказывать: «Василий Умной, князь Борис Тулупов, Мстиславский». Комизм или, вернее, кошмар ситуации заключался в том, что названные бояре находились рядом с царем. Им оставалось лишь улыбаться, стуча зубами от ужаса, царской «шутке».

Через несколько месяцев постригли и Васильчикову, а фаворит Умной сложил голову на плахе.

В «Хронографе о браках царя Ивана Васильевича» отмечено, что на шестой попытке он «обращался со вдовою Василисою Мелентьевою, юже мужа ее опричник закла». Но и этот союз с

вдовой простого дьяка, закланного опричником, оказался недолговечным.

В седьмой, а строго говоря, в пятый и последний раз Иван обвенчался, будучи пятидесяти лет от роду, с Марией Федоровной Нагой, которая родила ему сына Дмитрия, загадочным образом убитого в Угличе. Едва ли царь серьезно относился к этому браку, ставшему финальным, ибо по дипломатическим каналам вел матримониальные переговоры с Лондоном.

Попытка просватать английскую «королеву-девственницу» Елизавету могла бы составить увлекательную повесть в стиле Дюма. Потерпев в этом деле афронт, Иван решил удовольствоваться племянницей государыни — Мэри Гастингс. Характерно, что порасспросить докторов о «девке» — подразумевалась королевская племянница и дочь графа Гонтингтона — поручено было Афанасию Нагому, брату царской жены.

Елизавету подобный союз никак не устраивал: ни с политической, ни с нравственной стороны. Тем более, что сватовство шло при живой жене Грозного, пробуждавшего у королевы воспоминания о злосчастных женах отца — Генриха VIII.

— Племянница королевина, княжна Марья, по грехам больна; болезнь в ней великая; — как можно осторожнее смягчил отказ английский посол при Московском дворе. — Да, думаю, что и от своей веры она не откажется.

— Вижу, что ты приехал не дело делать, а отказывать, — нахмурился Грозный, — мы больше с тобой и говорить не станем.

Полномочного министра Елизаветы прошиб холодный пот.

— Эта племянница королевне, — залебезил он, — всех племянниц дальше в родстве, да и некрасива, а есть у королевны девиц с десять ближе ее в родстве.

— Ты скажи, именно кто племянницы у королевы девицы, и я отправлю своего посла их посмотреть и портреты снять.

На том и кончилось, ибо не было у посла полномочий участвовать в брачных делах, особенно такого сомнительного свойства.

4

Раскаяние с обильным пролитием слез, как обычно, заканчивалось пьяным угаром, скоморошеством и юродством.

«Богобязненный» государь любил сжигать ведьм и волхвов, хотя сам не чурался чернокнижья. Наставником в опасной сфере тайных наук состоял при дворе уже упомянутый лейб-медик Елисей Бомелий, астролог и искусник по части ядов. Его зелья Иван частенько пускал в дело. Бывало своими руками подносил чашу с отравой разжалованному фавориту.

«По иностранным свидетельствам, — стараясь сохранить объективность, отмечает С. М. Соловьев, — это был негодяй, подучавший Иоанна на убийства и составляющий отравы...»

Вера в хорошего царя и дурных вельмож, «подучающих на убийства», не вчера родилась и не завтра развеется. Особенно со- блазнительно избрать козлом отпущения «немца», т. е. иностранца.

Псковский летописец, обличая Бомелия в действительных и мнимых грехах, выставляет его главным агентом чуть ли не мирового заговора против русского народа и православия.

Как это близко, как знакомо!

«А к царю прислали немца, лютого волхва именем Елисей (Бомелия), и был он у него в приближеньи любимцем. Навел Елисей на царя страхованье, стал тот бегать от нахождения неверных и совсем было отвел царя от веры: на русских людей царю свирепство внушил, а к немцам на любовь преложил. Безбожные немцы узнали по своим гаданиям, что быть им до конца разоренным: для этого они такого злого еретика и подослали к царю, потому что падки русские люди на волхвование. И наустил Елисей царя на убийство многих родов княжеских и боярских, напоследок и самому бежать в Английскую землю и там жениться, а своих остальных бояр побить».

Англичанин Бомелий, хоть и оказывал царю услуги самого грязного и постыдного свойства, но едва ли был в силах «внушать» и «напускать». Даже возвращение общественного сознания на уровень XVI века не заставит нас уверовать в колдовские чары. По меньшей мере наивно полагать, что кто-то — Берия или Каганович — дерзал управлять Сталиным. С зеркальной точностью то же можно сказать о царском волхве, далеко не самом кровавом из его пала- чей. Описывая неблагоприятные конstellации звезд и пророча все- возможные напасти, Бомелий всего-навсего «открывал» средства предотвращения бед. Часто весьма омерзительные, связанные с по- ловыми извращениями и изощренным садизмом. Кончил он, как и прочие, скверно. Схваченный в Пскове при попытке бежать за кордон, был зажарен на вертеле, как свинья.

С. М. Соловьев упоминает о «повести некоего боголюбивого мужа», в которой Грозный предстает в самом выгодном свете.

«Был царь православный, боголюбивый и милостивый, ходив- ший по заповедям Божиим; но, по действию дьявольскому, явился при нем один из синклитов, чародей злой, который вошел к нему в милость и начал клеветать на людей неповинных...»

Вполне современная легенда...

«Придумки», на кои Иван был куда как горазд, не всегда закан- чивались смертоубийством. Он любил собирать за своим столом самых ближних людей и «жаловал без числа своею царскою ча- шкою». Лучше, чем записано в Пискаревском летописце, право, не скажешь. Пока чашники «беспрестанно носить и поить», специаль- но обученная обслуга — ох, уж эти кремлевские пиры! — «их речи слушати и писати тайно». Ознакомившись со «списком речей» упив- шихся до положения риз бояр, государь был разочарован. Слова оказались «простыя». Государственные мужи «всяким глумлением глумились»: дразнили собак, ссорились, песни пели, но пуще р

«всякие срамные слова глаголати». Отборный мат как нельзя лучше способствовал сохранению головы. Увы, не надолго.

От изуверства и сумасбродств царь бросался в другую крайность: самоуничижительное раскаяние. Обращаясь к инокам Кирилло-Белозерского монастыря, он писал: «А мне, псу смердящему, кому учите и чему наказати, в чем просветити? Сам бо всегда в пьянстве, в блуде, прелюбодействе, в скверне, во убийстве, в граблении, в хищении, в ненависти, во всяком злодействе».

Исчерпывающее саморазоблачение. Религиозный фанатик самого крошечного разряда, Иван не только устраивал массовые избиения иноверцев, но и не гнушался собственноручно душить своих незаконнорожденных детей, якобы не угодных Богу. Коварство его было под стать свирепости.

Главари опричнины «первого призыва» Василий Юрьев и Алексей Басманов происходили из древних боярских родов, что лишний раз опровергает заказные романы и фильмы, где Грозный представлен эдаким борцом с феодальной знатью. Первый приходился двоюродным братом покойной Анастасии, второй был женат на ее племяннице. Выходит, она, любимая юница, подала генеральную идею?

Ничуть не бывало. Иван по праву считался образованнейшим человеком своего времени. До всего дошел собственным умом. Уроки наставника тиранов флорентийца Макиавелли, рекомендовавшего чередовать гуманизм с лютым зверством, тоже пригодились. Что же до Темрюковны, то ее брат Михаил стал зятем Василия Юрьева, подстраховавшись, таким образом, от родичей усопшей царицы, которую все еще добром поминал государь. Такое было при всех дворах и во все времена. Другое невиданно: казнить по навету в измене не человека, но целый город, о чем свидетельствует новгородский погром.

Характерный момент! После службы в Софийском соборе, царь вместе с опричниками отобедал в палатах архиепископа Пимена, где, изрядно напившись, вдруг издал разбойничий клич: «Гойда!». И пошла потеха.

Розыск об измене продолжался и в Александровской слободе. Его жертвами как раз и пали ветераны опричнины братья Басмановы — Алексей и Федор, а с ними и второе орденское лицо — самый близкий царю человек князь Афанасий Вяземский, опричный келарь. Не уберется и Михайло Темрюкович, благо венценосная сестрица к тому моменту уже благополучно скончалась.

На первое место среди метельщиков и песьеглазцев выдвинулся отпетый садист Малюта Скуратов. Шальная пуля из ливонского мушкета помогла ему ускользнуть от дыбы. В ордене он был пономарем, а выдвинулся исключительно заслугами на колокольне, где вместе с пьяным царем устраивал лихой трезвон. Об этом герое Сталин тоже отзывался с восторгом, почитая его как «крупного военачальника, героически погибшего в войну с Ливонией». Военачальник он был никудышный, зато людоед образцовый, под стать

генеральному комиссару Ежову, которого в свой черед заменил Берия.

Следующий за опричниной шаг был таков: Иван оставил за собой удел князя Московского, а царский трон «отдал» татарскому хану Симеону. И целый год творил беззакония, прикрываясь именем татарина, невольно воскрешавшего память о трехвековом иге.

Кромешная бездна, втягивавшая в свою безумную круговерть и ближних, и дальних, просто не могла не затронуть Ивана Ивановича — наследника. «Случайным» это убийство назвать невозможно. На последнем отрезке жизни Грозный все чаще страдал недугами и как-то в припадке черной меланхолии он заявил сыну, что передаст трон шведскому принцу. Таков был «патриотизм» самодержца, чей пример ласкал больное воображение Сталина. В период безуспешного сватовства к английским герцогиням Грозный всерьез готовился к бегству в Англию. Русский посол в Лондоне заявил Елизавете, что в московских людях замечена «шатость». Она, однако, коренилась в сумеречной душе и подточенном хвоями теле государя.

На сорок девятом году он, казалось, готов был испустить дух. Тогда в Александровскую слободу съехались бояре и высшее духовенство. В фильме Эйзенштейна болезнь царя была представлена как притворство. Будто бы, лежа на одре, он намеревался подслушать разговоры «изменников». Толков на сей счет было предостаточно. Наследником прочили, конечно, Ивана Ивановича, благо сам царь объявил, что «обрал сына» на царство.

Однако по выздоровлении дрязги, сопровождаемые побоями, вспыхнули с новой силой. Первых двух жен цесаревича Грозный сослал в монастырь, третью — Елену Шереметеву, невзлюбив с первого дня, изводил придирками. Ее отца объявили изменником, одного дядю обезглавили, другого заточили в скит.

Однажды царь застал Елену в одной рубашке, тогда как положено было, невзирая на жар в натопленной комнате, сидеть по меньшей мере в трех. Несмотря на то, что женщина была на сносях, коронованный деспот нещадно отколотил ее посохом, отчего и произошел выкидыш. Напрасно царевич пытался удержать отца. Это лишь распалило его всепоглощающий гнев. Венцом сцены явился тот самый удар в висок, приведший к смерти наследника. Почти мгновенной, как уверяли одни, или последовавшей от горячки на третий день — не суть важно. Удовольствуемся свидетельством летописца: «Яко от отца своего ярости прияти ему болезнь, от болезни же и смерть».

Смерть, которую Грозный сеял повсюду, обрекла на исчезновение династию Рюриковичей. Закономерная развязка. Кончина самого царя под стать сталинской, тоже окутана тайной.

Умер он после бани, полулежа за шахматной доской, 1 марта 1584 года, опрокинув конвульсивным движением своего короля. Упорно распространялась молва, что царю «даша отраву ближние люди». Говорили, что именно Богдан Бельский, племянник Малюты

и последний царский «любимец», подсунил яд вместе с лекарством. Как тут снова не вспомнить сцену на Ближней даче другого деспота, также обреченного на полное одиночество!

В заключении повествования о Грозном царе, которое волей истории превратилось в своеобразную «переключку эпох», чего еще недавно не допускала цензура, есть смысл остановиться на любопытной версии, высказанной знатоком «темных веков» Андреем Никитиным:

«Первые и самые серьезные шаги к пересмотру взгляда на опричнину сделали такие замечательные советские историки, как С. Б. Веселовский, в течение долгих лет разрабатывавший именно личностную историю XVI века, изучая родственные связи и послужные списки ее персонажей, и И. И. Полосин, первым поставивший вопрос об орденом характере опричнины, ее символике, верховном аппарате и действиях Ивана IV. Они позволяют увидеть в «капризе» русского царя определенную, тщательно продуманную систему, во многом заимствованную с Запада, где в течение всего XVI века, особенно в его первой половине и середине, возникают рыцарские, монашеские и, в частности, придворные ордена, с присущими им тайной, ритуалами и эмблемами — всем тем, что мы находим и в Александровской слободе... Цвет, символика, обряды, пытки позволяют думать, что, в противоположность другим рыцарским и монашеским орденам, этот, по всей видимости, был сатанинским. Его члены в пыточных застенках Александровской слободы, уверенные — в полном соответствии с широко распространенными воззрениями людей того времени в могуществе дьявола, — возможно, приносили ему кровавые жертвы во время «черной мессы». Именно этим можно объяснить описываемый свидетелями непосредственный переход от богослужения к пыткам, имевшим, вероятно, кроме следственного, еще и магическое значение».

ДУЭТ НА ФОНЕ СМУТЫ

Касательно тех, кто считает, что он был воспитан и выращен иезуитами, то к какой же нации он, по их мнению, принадлежал; так как он не поляк, как явствует из вышесказанного и будет замечено ниже, еще менее — другой нации, кроме русской. Если признать это (предположение), то спрашивается, где они его взяли, так как до прихода Дмитрия во всей Руси не бывало иезуитов, разве только при послых, с которых не спускают глаз...

Жак Маржерет
«Состояние Российской империи и великого княжества Московии»

Капитана Маржерета, лихого кондотьера, готового предложить шпагу тому, кто больше заплатит, увековечили не столько его мемуары, весьма любопытные, сколько Пушкин в своем «Борисе Годунове». Послужной список офицера говорит сам за себя: он принимает участие в религиозных войнах на стороне славного Генриха Бурбона, короля Наварры, а затем и Франции; сражается против турок на Балканах; служит императору Священной Римской империи, князю Трансильвании, польскому королю. В 1600 году он, уже на русской службе, отражает атаки разношерстной орды, собравшейся под знамена Лжедмитрия I, но как только самозванец обосновался в Москве, переходит к нему. В своих записках Маржерет довольно неуклюже пытается доказать, что это и есть законный государь, сын Ивана Грозного.

«...принимая во внимание то, что сказано выше о сказанном Дмитрии, я заключаю, что он был истинный Дмитрий Иванович, сын императора Ивана Васильевича, прозванного Грозным!»

Ужели и вправду поверил? Едва ли. А, вообще-то, ему все равно. Когда с первым самозванцем было покончено, он возвращается на родину. В 1607 году в книжной лавке известного издателя Матье Гийемо, что расположилась в галерее Лувра, появляется его небольшая книжка, которой предпослано обращение к королю:

«Государь, я молю Бога, да хранит он ваше величество в благоденствии, ваше королевство в мире, монсеньора дофина в стремлении подражать вашей добродетели и меня в постоянном старании низжайшей службой всегда заслуживать имени

государь,
покорнейшего подданного,
вернейшего и преданнейшего
слуги вашего величества
Маржерета».

Очень трогательно! Бывший капитан преторианской гвардии самозванца из кожи вон лезет, напрашиваясь на службу к королю, которого помнил еще вождем гугенотов.

Не добившись желаемого, он возвращается в Россию, где вступает в отряд Лжедмитрия II, а затем перебегает к польскому

гетману Жолкевскому. Вместе с ним он жестоко подавляет восстание москвичей, участвует в грабежах и поджогах. Следующим этапом явилась попытка вновь завербоваться в русское войско, чтобы поднять мятеж и, с помощью англичан, захватить русский север.

Князь Пожарский разоблачил авантюриста, и он отправился искать счастья в Германии и Польше. Там и оставим его в должности политического агента Анны Австрийской и малолетнего Людовика XIII — «короля мушкетеров».

Как причудливо пересекаются судьбы!

Великий голод обрушился на Русь в 1601 году. Толпы бездомных и нищих наводнили Москву в тщетных поисках хоть какой-нибудь снеди. «Лежа на улицах, подобно скоту, щипали траву и питались ею; у мертвых находили во рту сено», — писал Н. М. Карамзин. И были роковые знамения на небе: две, а то и три луны за раз, два-три солнца. Люди со страхом взирали на неведомо откуда взявшихся орлов и «невиданных птиц». Были то вещие знаки, или же нет, но в Литве объявился таинственный беглец.

В российской истории множество белых пятен и темных тайн, так до конца и не проясненных. В определенном смысле Петр I с Екатериной Сквиаронской не были первыми императорами. Веком ранее предикат цезарей к царскому титулу удалось заполучить чете совсем иного разбора, нынче основательно позабытой.

Дочь самборского воеводы Юрия Мнишека Марианна, более известная у нас как Марина, с детства обнаруживала авантюристические замашки, но и в мечтах не могла вообразить себя сидящей на троне. Ни родословная, ни состояние отца, изрядно поистраченное на показную роскошь, к тому никак не располагали. Польша, хоть и считалась республикой, где короля выбирали на сейме, но пану Юреку подобная честь явно не светила. Не только собственную казну, но и приданое дочерей он ухитрился пустить в распыл. Еле удалось просватать младшую за молодого князя Вишневецкого, что было воспринято Мариной как предательский удар. Оставалось лишь тешить воспаленное воображение несбыточными прожеками, вымещая мелочную злобу на портнихах и златошвейках. Их в доме было предостаточно, ибо в стремлении к роскоши и мотовству Марина далеко превосходила родителя.

Только что толку от нарядов, ежели последние бриллианты заложены? О внешности панна старалась не думать. Природа обделила ее не только красотой, но и чисто женским обаянием, которое сплошь и рядом заставляет закрыть глаза на некоторые изъяны. Не в меру худенькая и малорослая, с жиденькими темными волосами — на что она могла рассчитывать? Даже на парадном, откровенно комплиментарном портрете старшая Мнишек выглядела неавантажнo: удлиненное лицо, тонкие, обличающие вздорный

нрав и порочные наклонности губы, длинный нос, выщипанные брови.

В то самое время, когда в Самборе шли приготовления к свадьбе, в имении Вишневецких гостил тот самый незнакомец, бежавший в Литву из Москвы. В том, что он решил «открыться» именно князю Адаму, прослеживается тонкий расчет. Вишневецкий-отец, чьи заднепровские земли граничили с Россией, претендовал на Чернигов и враждовал с царем. Помимо того, он, в отличие от прочих знатнейших магнатов Речи Посполитой, долго исповедовал православие. Последнее обстоятельство, надо думать, и определило выбор пришельца, который назвался царевичем Дмитрием.

Казалось бы, всему миру известно, что младший сын Ивана Грозного и Марфы Нагой еще во младенчестве погиб в Угличе: «напоролся, играя, на ножик», как следовало из официальной версии, утвержденной царем Борисом Годуновым (1552—1605). «Зарезан злодеями Годунова» — гласила молва. Само собой, народ верил молве, чему были все основания. Одни орешки, что нашли зажатыми в кулачке, чего стоят. При чем тут игра в ножички? Слухи о том, что царевич остался жив и был до срока схоронен «верными людьми», оказались более чем кстати. Они одинаково устраивали простой люд, возненавидевший незаконного царя — разорителя, детоубийцу, и думных бояр, чьи надежды и чаяния Борис обманул.

Наш знакомец Михаил Сендивогий, приютившийся у Вишневецких на правах приживалы, живо распознал в молодом москвитине родственную натуру и встал на его сторону. Алхимик и «физиогномист», он разглядел на челе пришельца «царские знаки».

Наивно задаваться вопросом, поверил ли ясновельможный князь беглому иноку из Чудова монастыря. Истина, если кого и волновала, так разве что Годунова, человека богомольного. Чудесное воскрешение Дмитрия явилось бы знамением царю, что от него отвернулся Бог. А коли так, то дело гиблое.

В заре горит грядущих гроз багрянец,
Мятеж и мрак, невнятные слова,
И чудится далекий самозванец
И пленная, растленная Москва

Михаил Кузмин «Царевич Дмитрий»

В Москве, впрочем, скоро разобрались с самозванным царевичем. Стало известно, что это дворянский сын Юрий Отрепьев, подвизавшийся одно время у Михаила Романова. Романовы же, превосходившие Годуновых родом, претендовали на трон. Пусть даже случайная связь этой семьи с «Гришкой», с «вором», лишней раз распалая царский гнев. Около 1600 года, опасаясь опалы, постигшей Романовых, он постригся в монахи приняв имя Григория. Человек несомненно одаренный, он вскоре сделался

приближенным патриарха, а зимой голодного 1602 года бежал в Литву.

Едва ли Вишневецкий оставался в полном неведении о московских розысках — не в том суть.

Договор о двадцатилетнем перемирии, подписанный между Россией и Польшей, никак не устраивал князя, который вел свою собственную войну. Показалось куда как соблазнительно усугубить смуту и урвать лишний клочок, а там, уж как получится.

Однако набрать сколь-нибудь боеспособное казачье войско не удалось. Провалилась и затея с Крымским ханом, который так и не решился напасть на исконного врага. Увидев, что с бывшим православным князем каши не сварить, Отрепьев кинулся в другую крайность, сделав ставку на воинственные католические круги. Отчаянный, казалось бы, шаг для «великого князя», но самозванец рискнул.

Вездесущие иезуиты сообщили о нем примасу Польши кардиналу Мациевскому, а тот подал весточку Мнишкеку, с коим находился в родстве. Так родилась бредовая идея посадить «вора» на царство и обратить Русь в католичество.

Юрий Мнишек мгновенно смекнул, что на такое дело денег не пожалеют, и постарался приветить беглеца. Заручившись поддержкой литовского канцлера Льва Сапегы, даже нашел подходящих свидетелей, «узнавших царевича». В Самборе Отрепьева принимали соответственно его высокому положению. Увидеть «законного царя» потянулись уездные дворяне, служилые люди, посадские мужики, запорожские и донские казаки. Кто по зову сердца, а кто и за мзду. Окрыленный первым успехом, воевода решил перво-наперво связать Отрепьева узами родства, о чем и поставил в известность дочь.

Марина, которую Отрепьев впервые увидел на свадьбе ее младшей сестры, произвела на него неизгладимое впечатление. По крайней мере, он сделал подобающий случаю вид. Подлинные чувства сторон опять-таки вопрос второстепенный. Важно, что последовало и было благосклонно принято предложение. Соглашаясь в принципе отдать дочь, Мнишек сделал оговорку. Окончательное решение может состояться после свидания с королем в Кракове.

Сигизмунд III Ваза (1566—1632) — польский король с 1587 и шведский с 1592 года — был воспитан иезуитами и, как ярый сторонник Габсбургов, содействовал католической контрреформации. Особых успехов это ему не принесло. Напротив: протестантская оппозиция в Швеции добила его низложения. Стремясь вернуть «северный трон», он втянул Польшу в длительные и малоуспешные войны, в том числе и с Россией. Ввязываться в новую авантюру ему не очень-то хотелось, но магнаты оказывали все возрастающее давление, и король занял на первых порах выжидательную позицию. Клятвенное обещание Мнишека обратить «царевича» в католичество перевесило разумную осторожность. Была забыта и давняя история с пропажей королевских драгоценностей,

в чем сильно подозревался самборский воевода. И хотя сейм и коронный гетман высказались против войны, король позволил себя уговорить. Палский нунций кардинал Рангони посоветовал принять претендента.

В Вавельском замке были составлены знаменитые кондиции. Отрепьев поклялся переменить веру и уступить Сигизмунду Чернигово-Северские земли. Его не смутило, что они уже были им обещаны Мнишекам. В одном из пунктов значилась и «королева»: «А не женюсь, яз проклятво на себя даю». Имя Марины не указывалось: мало ли в Польше невест? Однако оно было записано в брачном контракте Мнишека, согласно которому будущая «царица» получала на правах удельного княжества Новгород и Псков вместе со всеми жителями и доходами, а ее отец — миллион злотых из московской казны. Срок перехода россиян в католичество был обозначен жестко: один год.

Подписанный самозванцем 25 мая 1604 года документ не имеет аналогов в мировой истории.

На тайном свидании Григорий признался невесте, что всего лишь мелкий шляхтич, а не царский сын Дмитрий.

Марина ничуть не удивилась и наотрез отказалась от каких-либо взаимоотношений, покуда самозванец не воссядет на трон. Чувства ее не волновали.

«Дмитрий ты и быть иным не можешь; другого мне любить нельзя», — извлек самую квинтэссенцию Пушкин.

Именно она, холодная и расчетливая, укрепила дух безродного авантюриста, внушила ему веру в себя.

С войском в 1600 сабель, набранным Мнишеком, Отрепьев отправился завоевывать Москву. По пути к нему примкнули 2000 казаков, множество беглых и вообще всякий сброд. Навстречу выехали и кое-кто из бояр: «Хоть Димитрий, а хоть и Гришка, лишь бы Борису скovyрнуть».

Военными успехами самозванцу похвастаться не пришлось: был побит в первой же в его жизни конной атаке. Если бы не измена воевод и не бунты оголодавшего люда, как-то было в Чернигове и Путивле, не взять бы ему опорных городов земли русской. Новгород-Северский стойко выдержал осаду. Григорий уж было совсем собрался дать деру, если бы местные жители сами не принудили продолжить борьбу: «Пойдем мы с тобой всеми своими головами».

Опустим подробности похода, ограничившись печальной констатацией: иноземное вторжение раздуло пламя гражданской войны.

Когда в небе над Москвой появилась комета, Годунов потребовал составить ему гороскоп. Астролог порекомендовал царю «хорошенько открыть глаза и поглядеть, кому же он оказывает доверие крепко стеречь рубежи». Совет остался втуне. Борис обратился к ворожеям. Юродивая Олена предрекла ему скорую смерть. Так и вышло: не успел послать в Путивль монахов с зельем, чтоб извели

«вора», как кровь хлынула у него изо рта и ушей. 13 апреля 1605 года царь скончался «по отшествии от стола».

Боярин, воевода, конюший и, в довершение всего, видный опричник, покойный государь выдвинулся еще при Грозном, а после воцарения его младшего сына Федора стал фактическим правителем. На внешнем фронте он действовал явно успешнее, нежели на внутреннем, но двадцатилетнее замирение с Польшей и победа над шведами не принесли России благоденствия. Указы царя о продлении заповедных лет, кабальных холопах и пятилетнем сроке сыска беглых вызвали повсеместные крестьянские бунты. До сих пор не известно, был или же не был причастен Борис к убийству в Угличе. Слух, однако, пришелся на руку и боярам, и простонародью. Не успели закрыть глаза Борису, как вспыхнул мятеж под Кромами. Бояре-заговорщики соглашались при определенных условиях признать «вора» «истинным царем». В Туле Григорий объявил о своем восшествии на престол. Обручение с Мариной, как водится у коронованных особ, состоялось по поручению. Жениха представлял думский дьяк Власьев. На вопрос кардинала «Не давал ли царевич обещания другой невесте?» он, огорошив панство, отвечивал: «А я почем знаю».

Маринину руку взял, подложив чистый платок, а когда невеста опустилась на колени перед королевой, выказал возмущение: «Не гоже унижаться царице».

Воцарившись в кремлевских палатах, Григорий окружил себя алебардистами-немцами из протестантов. Француз Маржерет тоже ведь был гугенотом.

С людьми самозванец обращался просто, приветливо, избегал казней, исправно посещал православные службы. Словом, «добрый царь».

Папа Павел V (понтиф. 1605—1621) поздравляет его с «победой над тираном Годуновым» и напоминает о данной клятве: «Мы уверены, что католическая религия будет предметом твоей горячей заботы». Торопит со свадьбой: «Мы не сомневаемся, что ты хочешь иметь сыновей от этой достойной женщины... и хочешь привести в лоно римской церкви и народ московский».

Но у Григория свои виды. О введении «латынской» веры в ответных письмах ни слова, все больше о войне с турками. Что же до Марины, то пусть держит в тайне свое католичество. Если не причастится из рук патриарха, не видать ей коронования. Сигизмунд уже готов предложить удачливому самозванцу свою сестру, но он хочет только Марину.

Невеста же первым делом потребовала обещанных даров. Московское посольство передало Мнишеку шубу с «царского» плеча, вороного коня в золотом уборе, драгоценное оружие, ковры и меха. Но все затмили подарки, предназначенные невесте: жемчужный корабль на серебряных волнах, шкатулка в виде золотого быка, набитая крупными алмазами, перстни и кресты с самоцветами и золоченый слон с музыкальными часами на спине.

Весть тайного соглядатая о том, что ее Димитрий взял наложницу, Марина восприняла с полным равнодушием, но отца предупредила.

«Поскольку известная царевна, Борисова дочь, близко вас находится, благоволите от себя ее отдалить», — отписал самозванцу Мнишек. Пришлось Григорию пожертвовать красавицей Ксенией, дочкой покойного Годунова. Он послал в Самбор двести тысяч злотых, а затем еще шесть тысяч полновесных испанских дублонов. Но Марине все было мало.

2 мая 1606 года она торжественно въезжает в столицу. Сверкают латы эскорта, колышутся перья на шляпах, реют хоругви. Безумная, запредельная мечта осуществилась. Перед коронацией молодая любителюется бриллиантами, пересыпает с руки на руку яхонты. Остановившись в Вознесенском монастыре, она требует подарков и для свиты.

Не прошло и недели, как во дворце отпраздновали свадьбу. Вероотступничество не слишком смушало Марину. Куда больше занимало ее то, как она будет выглядеть в русском наряде. Фыркала, примеряя тяжелую, расшитую золотом и жемчугом одежду.

— В Кракове стыдно даже показаться в таком! Про Париж я уж и не говорю...

Из Грановитой палаты молодых препроводили в Успенский собор. Патриарх торжественно короновал Марину, совершив миропомазание. Тут-то и случился досадный казус. Государыня отвергла причастие. Среди бояр пошел ропот: «Неслыханное кощунство!»

— Выгоните их вон, — шепнула Марина придворному протопопу, кивнув на ясновельможных единоверцев.

Польяков вытолкали взашей, после чего все пошло, как по маслу. Царица взяла причастие и была обвенчана по-православному. Достоянная воспитанница иезуитов, не моргнув глазом, пренебрегла строжайшим запретом Ватикана!

День, правда, выбран неудачно: праздник святого Николая, а на Николу русские свадеб не играют, но ничего, как-нибудь...

На свадебном пиру, пытаясь насаждать европейские порядки, поучала супруга:

— Король есть первый дворянин. Вам следует держаться со свитой свободно, не унижать приближенных.

— На Руси один царь всему голова, остальные — холопы, — пробовал возражать Григорий, но совету внял. Разрешил даже высказывать собственное мнение и не одобрил казни. За это бояре возненавидели его еще больше.

В тот же день польский ксендз обвенчал царя и царицу на католический манер. Тайно! Впрочем, и тут не обошлось без греха: бракосочетание пришлось на католический великий пост. Но не до канонов: все безумно торопятся.

Свита Марины держится нагло, заносчиво. Бояре прячут недобрую ухмылку в бороду. Но новобрачные ничего не замечают, парят

в небесах. Низкорослый подвижный государь на каждом шагу козыряет своим кесарским титулом, а послы короля даже великим князем его не именуют. Для Сигизмунда он просто князь, господарчик.

Григорий становится в позу и отказывается принять королевскую грамоту. Обмен любезностями происходит в разгар брачного пира.

— Вы оскорбляете короля и республику, сидя на престоле, который обрели лишь милостью королевской, — заявляют послы.

— Как смее вы так обращаться к властелину бескрайней державы? — шипит Марина, наступив каблучком на ногу мужа.

Мнишеки покорны папе, но король им не указ. Быть всего лишь княгиней, как младшая сестра, выскочившая за молодого Вишневецкого? Григорий выступает с подготовленной отповедью:

— Мы не можем удовольствоваться ни титулом княжеским, ни господарским, ни царским, потому что мы император. Нам нет равного в полночных краях касательно власти: кроме Бога и нас, здесь никто не повелевает.

Не только у послов, но и у ксендзов дух захватывает от такой наглости. Послы демонстративно уходят, ксендзы остаются. Ошарашенные бояре налегают на заморские вина.

— Русские не едят мяса в пост, — упрекает царя князь Шуйский, косясь на жареную телятину. Между ними завязывается спор, но «добрый царь» не выказывает и признаков гнева. Ему невдомек, что Василий Шуйский стоит во главе боярского заговора. Расстригу решено убить, «а кто после него будет из них царем, тот не должен никому мстить за прежние досады, но по общему совету управлять Российским государством».

Вопреки Сигизмунду, который волнуется уже за собственную корону папа дает указание кардиналу Боргезе выписать самозванцу диплом: «Димитриус Император Всея Руси». Как тут не закружиться голове!

Впервые императором был титулован дед Грозного — великий князь Иван III. Это имело место в договоре, заключенном в Москве послами императора Священной Римской империи Максимилиана I.

Видимая легкость, с которой безродный самозванец смог утвердиться на московском престоле, породила легенду, что он был колдуном. В злокозненном чародействе обвиняли и панну Марину. На самом же деле основной причиной успеха «вора» была порожденная Грозным смута и обескураживающее растление боярства. Свокорыстие и продажность столпов государственности, включая царское семейство, не знали пределов.

Взять хотя бы последнюю жену Ивана IV Марию Нагую. Вместе с сыном Дмитрием она была выслана в Углич. После загадочной гибели царевича ее постригли в монахини под именем Марфы, а Нагие подверглись опале. Лжедмитрий, надо думать, не

бескорыстно возвратил их в Москву, предоставив высокие должности. Иначе, как можно объяснить, что царица признала его... своим сыном!

Присягнул самозванцу, но тотчас начал плести заговор ближайший претендент на трон Василий Иванович Шуйский (1552—1612). В числе других переметнулись на сторону Лжедмитрия и участник сражения под Новгород-Северским воевода Василий Голицын, также помышлявший о царстве, и окольный воевода Михаил Салтыков, и особо доверенный приближенный Грозного опричник Богдан Бельский, и князь Иван Воротынский, выехавший встретить Отрепьева в Туле, и воевода в Путивле Василий Мосальский-Рубец, всех не перечислить.

Но всех их, скопом и по отдельности, Лжедмитрий приблизил к себе и щедро одарил, что не помешало многим из них встать в ряды заговорщиков.

Минула неделя, и в ночь на 17 мая в Кремль вошел отряд стрельцов, которые заняли все двенадцать ворот. Поляки спали мертвецким сном, а немцев-алебардистов, якобы по воле царя, спровадили по домам. Около четырех утра тревожно забил колокол на Ильинке и ему тотчас отозвались все «сорок сороков». Людские толпы заполнили Красную площадь. «Литва бояр бьет», — велено было разъяснять.

Шуйский, как некий паладин, с мечом и крестом проскакал через Спасские ворота.

— Во имя Божие идите на еретика!

— Я вам не Годунов! — не потеряв присутствия духа, выскочил, размахивая саблей, Григорий. Однако тут же опомнился и метнулся в палаты своей царицы.

— Спасайся! — крикнул и выпрыгнул в окно на праздничные подмости, но подвернул ногу и свалился со сломанными ребрами на житный двор.

Субтильная панна укрылась под юбками гофмейстерины. Дабы лишний раз не дразнить короля, бояре затолкали все семейство Мнишек в спальню покои и поставили стражу.

Верные царю стрельцы отлили его водой и заняли круговую оборону. Народ притих.

— Коли не отдадите изменника, плута и обманщика, перебьем ваших жен и детей, — пригрозил Шуйский охране.

— Бей его! Руби! — заревела переменчивая толпа.

— Что толковать с еретиком! — боярский сын Валуев выстрелил в самозванца. Порубили его уже мертвого. Три дня лежал труп в черной маске и с дудкой в руке на Красной площади. Схоронили за Серпуховскими воротами, но через три дня вырыли, сожгли и выстрелили пеплом из пушки в сторону Польши.

Этот эпизод эхом откликнулся в русской литературе через три века — в годину новых смут и испытаний.

Но Москва дыхла дыхом злобным —
Мертвый я лежал на месте Лобном

В черной маске с дудкою в руке...
Пепл собрали, пушку зарядили,
С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.

Стихотворение Максимилиана Волошина «Dimetrius — Imperator» было написано 19 декабря 1917 года, через месяц с небольшим после большевистского переворота, а четыре года спустя в цикле, посвященном Марине Мнишек, Марина Цветаева повторила почти слово в слово:

В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту...

Вскоре на царство венчался Василий Шуйский. «Коллективного руководства» он, конечно, не учредил, зато, пуще всего остерегаясь чародейства, прислушивался к доносам.

Польских послов обхаживали в стольном граде, а Марину с родней в Ярославль отправили. И сразу слухи пошли: не умер «добрый царь», спасли его «верные люди». Старая песня, хоть и на новый лад. Дряхлеющий царь вскоре дознался, что Лжедмитрий II не кто иной, как Михалко Молчанов — убийца Годунова-сына. В отличие от прежнего «вора», ростом высок, «рожем» смугл, усы черные, борода острижена.

И вновь Волошин:

Тут тогда меня уж стало много:
Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,
Из Оскола, Ливен, из Москвы...
Понапрасну в обличенье вора
Царь Василий, не стыдись позора,
Детский труп из Углича опять
Вез в Москву — народу показать.

Вез, правда, не сам Шуйский, а его брат вместе с Михаилом Татищевым. «Они обнаружили, что... тело совершенно цело, — писал Маржерет, — одежды такие же свежие и целые, какими были, когда его хоронили... и даже орехи в его руке целы. Говорят, что после того, как его извлекли из земли, он сотворил много чудес... Крестным ходом, в сопровождении всех мощей, имеющих у них во множестве, патриарх и все духовенство, избранный император Василий Шуйский, мать покойного Дмитрия и все дворянство перенесли его в город Москву, где он был канонизирован по приказу сказанного Василия Шуйского».

Какого же сына «признала» Мария Нагая!

Нетленные останки царственного мученика не спасли Шуйского.

В стан нового самозванца хлынули не только казаки и беглая шушера, но и, как уже было, бояре. Тот же Мосальский-Рубец, один из убийц родичей Годунова. Не встречая сопротивления, орда двинулась на Москву. Для успеха дела позарез требовалась Марина.

Верила ли она, что муж действительно спасся? Едва ли, потому как сперва заартачилась. Ее уговаривали: «Истинно царь, и по-польски горазд, и латынь разумеет».

Среди стрельцов опять пошло брожение, открылся заговор. Кардинал Боргезе докладывал папе о новом «царе»:

— Если справедливо известие о победе Димитрия, то должно быть справедливо, что он настоящий Димитрий.

Иезуит хотя бы предельно откровенен в своем прагматичном цинизме чего не скажешь о «набожных» князьях и воеводах.

Люди Лжедмитрия II уже в Химках, на Ходынке, на Пресне. Сам он ожидает Марину в Тушино. Она вроде как радуется, даже песни поет. Ксендзы подталкивают «царицу», Юрий Мнишек ведет переговоры, торгуется. За дочь и признание требует Северское княжество с 14 городами и 300 тысяч серебром.

По пути в тушинскую ставку свитский шляхтич решается подготовить повеселевшую панну.

— Марина Юрьевна! Оно бы и следовало вам радоваться, если бы вы нашли в Тушино настоящего мужа, но вы найдете совсем другого.

Она приезжает в слезах. Они так и не просохнут в течение долгих месяцев. Хмельной Молчанов берет ее при первой встрече, перекинув на конюшне через седло. Он груб, грязен и тяжел на руку. Венчание (ей не впервой) проходит келейно, но поводов для радости нет. Холоп князя Телятевского Иван Болотников призывает грабить и жечь господ, а грабят, как водится, таких же крестьян. Претендентов пруд пруди: мнимый сын Федора Иоанновича Илейка Коровин Муромец назвался царевичем Петром, «псковский вор» Сидорка — опять же Димитрием. Вскоре этот Лжедмитрий III тоже возжаждет Марину, но сгинет в безвестности. Будто наперегонки, боярство и уголовная мразь так и лезут на трон, словно нынешние — кто в президенты, кто в Думу. Верно сказано: «Тут меня уж стало много!» Польские и литовские отряды шныряют по городам и весям. В помощь Шуйскому и шведский король посылает войска.

Гордая полячка, переодевшись в гусарский мундир, бежит из окруженного города, неся во чреве ребенка. Ее сопровождают две сотни донцов.

— Я принуждена удалиться, избывая последней беды и поругания. Не пошажена была и добрая моя слава, и достоинство, от Бога мне данное! В беседах ровняли меня с бесчестными женщинами, глумились... Не дай Бог, чтобы кто-нибудь вздумал торговать мною. Будучи государыней народов, царицею московскою, не могу снова сделаться польской шляхтянкою.

Вся она в этих словах, несостоявшаяся императрица, которой торгуют все, кому не лень: папа, король, кровный отец, казачьи атаманы, сожители.

Ян Сапега заманивает ее в Дмитров. Какая-никакая, а все же коронованная царица. Не устоял литовский магнат, хоть город и

окрыжен царским войском. Как всегда в минуты крайней опасности, Марина демонстрирует незаурядную выдержку.

— Что вы делаете, негодяи! — подбадривает она осажденных. — Я женщина, а не потеряла духа.

И вновь в мужском костюме скачет она со своими казаками к постылому Молчанову в Калугу, где ей предстоит разрешиться от бремени. Грудной «царевич» не слишком весомый аргумент в столь беспокойные времена. Осторожные калужане не торопятся целовать крест исчадию «тушинского вора». Отдав дитя кормилице, Марина проводит ночи с казачьим атаманом Заруцким. Дни Лжедмитрия II сочтены. Земское ополчение повсюду теснит иноземцев. Поляки требуют от Марины отказаться от Москвы и ограничиться Самбором или Гродно. В ответ высокомерная отповедь. Вспоминается пушкинская старуха: «Хочу быть вольною царницей».

Хочет и продолжает хотеть, даже получив весть о том, что «тушинский вор» порубан сподвижниками — татарами и мордвой. Как фурия, мечется Марина по берегу реки, с горящим факелом разыскивая тело.

Волшебный фонарь Волошина:

А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой,
И, кружась по-над Москвою, в гнев
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

Она велит нагнать изменников и подсылает убийц к князю Пожарскому. Тщетно: Василий Шуйский низложен, пострижен в монахи, а затем, уже в качестве пленника, увезен в Польшу, где и скончался. Время смуты подходит к концу, хоть москвичи и присягают напоследок польскому королевичу Владиславу Сигизмундовичу.

Ополчение Минина и Пожарского подступает к столице. Снова в бега: сперва в Рязань, затем в Астрахань и, наконец, на Урал, вверх по Яику. У Медвежьего острова панну настигают стрельцы. «Маринку-безбожницу», «еретичку», «колдунью» ожидает скорый суд.

Вместе с четырехлетним сыном ее, изрыгающую проклятья, тащут на виселицу. Она родилась в 1588 и погибла в 1614 году, едва перешагнув двадцатипятилетний порог, но сколько успела натворить!

После казни Марины о Лжедмитрии III, то бишь Сидорке, и слух простыл.

А малютку жаль. Но не он первый, не он и последний.

И в заключение — анекдотичный исторический документ, в котором упоминаются оба самозванца: Лжедмитрий I и «Царь Петр» — Илья Горчаков, он же Илейка Коровин Муромец.

Для нас интересно начало:

«Божиею милостью великого государя царя и великого князя Дмитрея всеа Руси и государя благоверного царевича и великого князя Петра Федоровича, всеа Руси самодержцев»...

Как знать, не намечалось ли на Руси нечто вроде «воровского» двуумвирата? Наверяд ли, конечно. Так, привычные гримасы властолюбия, что, вне зависимости от легитимных притязаний, достойно презрения.

В 1607 году Илейка и разбойник Болотников, «канонизированный» большевиками, вместе с Разиным и Пугачевым, как народный герой, были захвачены и казнены в Туле.

МУШКЕТЕРЫ КОРОЛЯ
И БЕСЫ КАРДИНАЛА

**Капитула
одиннадцатая**

ПОД ЗНАКОМ «ПЛАМЕННОЙ ЛЮБВИ»

Рассказывают, будто он (маршал Бассампьер) был слегка влюблен в королеву-мать (Марию Медичи)... Он любил пышность и взял на себя обязанности коменданта замка Монсо, дабы принимать там двор. Королева-мать сказала ему однажды: «Вы станете возить туда шлюх» (в ту пору так выражались). «Ручаюсь, государыня, — ответил он, — что вы станете возить их туда чаще, чем я». Как-то он ей сказал, что мало кого из женщин нельзя назвать шлюхой. «А меня?» — спросила она «О, что до вас, государыня, — откликнулся он, — ведь вы — Королева!»

Ж. Таллеман де Рео «Занимательные истории»

Крылатое выражение Генриха IV «Париж стоит мессы» исторически склонны рассматривать, как шутку веселого короля, переменившего веру ради французской короны. Не нам судить, насколько легко дался ему переход в католичество. Для Франции его правление знаменовало вступление в новую эру.

Охотникам за ведьмами пришлось изрядно поубавить пылу. Злобно огрызаясь, они отступили в кромешную тень, где по-прежнему витали неизбывные демоны расстроенного воображения и ненависти.

Время от времени дьявол все же высовывал рога.

Некая девица Марта Бролье, без всякого к тому принуждения, сумела уверить парижан, что в нее вселился сатана. Архиепископ Парижский, не желая инквизиционных эксцессов, отправил ее к врачам, которые нашли фантазерку совершенно здоровой. Однако она не угомонилась и поехала в Рим, в надежде привлечь внимание папы, но ей и там дали от ворот поворот.

Вольнодумство таких титанов мысли, как Бруно и Галилей, вызывало куда больше треволений, чем одержимость каких-то бабенок.

Тем сильнее насторожил людей просвещенных зловеший набат города Экса.

По непостижимому капризу провидения, процесс Гоффриди закрутился в тот черный для Франции год, когда кинжал убийцы-фанатика оборвал жизнь великого короля.

Приходский священник Луи Гоффриди родился в горах Прованса, где еще не заросли тайные тропы, по которым бродили катарские проповедники. Любопытный и не лишенный талантов, он долго жил в Нидерландах, совершил путешествие в страны Востока. Марсельский епископ отдавал должное его уму и благонамеренности, а местные дамы не чаяли в нем души. У исповедальной кабинки Гоффриди выстраивались очереди.

На любовные интриги святых отцов уже давно взирали сквозь пальцы: лишь бы все оставалось шито-крыто. На беду Гоффриди,

скандал вышел наружу. Одна знатная прихожанка, с которой он находился в близких отношениях, представила ему Мадлен де Ла Палюд, прелестную двенадцатилетнюю девочку, послушную и кроткую, как ангелочек. Речь шла, разумеется, о религиозном воспитании, но, как водится, дьявол смешал карты.

Нимфетка вскружила галантному священнику голову. Юная аристократка опомнилась слишком поздно, когда пересуды об их преступной связи достигли ушей ближайших родственников.

Совершенно обезумевший Гоффриди, стремясь во что бы то ни стало удержать девочку при себе, принялся уверять ее, что они должны обвенчаться. Если и не перед ликом Господним, что для священника невозможно, то с помощью дьявола. Дав волю буйной фантазии, он заморочил ее баснями о могуществе Люцифера.

Себя Гоффриди выдал за «князя магов» и посулил Мадлен такую же княжескую корону.

Изготовив серебряное кольцо с колдовскими знаками, он надел его ей на палец, сотворив нечто вроде свадебного обряда, кощунственно пародирующего церковный. Ароматичные курения, привезенные с Востока, вино, приправленное дурманящими рассудок снадобьями, и афродизиаки довершили церемонию.

Мадлен и впрямь привиделось, что она летала на шабаш, плясала в кругу ведьм и чертей, где все принимали ее за царицу бала. Зелья ли оказали такое воздействие или внушение, установить невозможно, но душа ребенка, раздираемая между адом и раем, испытала необратимый надлом. Мадлен глубоко страдала, подгоняемая сменяющимися одна другую волнами экзотического возбуждения и безутешного отчаяния. Приступы временного помешательства сопровождались эпилептическими припадками.

Словом, клиническая картина истерии. Девочку преследовал страх, что дьявол схватит ее еще при жизни. Не решаясь и далее оставаться в родительском доме, она укрылась в монастыре урсулинок.

На беду их обоих, духовником христовых невест был Гоффриди. Ограничился ли он одной Мадлен или, как это случилось с духовником монастыря Кенца в 1491 году, стал дьяволом-любовником прочих монахинь, не ясно, хотя инквизиционные протоколы утверждают последнее.

По крайней мере, одна одержимая определенно подпала под его влияние. Обращенная в католичество протестантка Луиза Капо отличалась необузданной страстностью и незаурядной сообразительностью. Ощутив каждый нерв наэлектризованную ауру, связывающую духовника с новой послушницей, она была подхвачена властным притяжением, которому не могла да и не желала противиться.

Луиза мгновенно возненавидела маленькую аристократку, но прикинулась лучшей ее подругой. После очередного припадков Мадлен поведала, что летала на шабаш, где ей были оказаны королевские почести.

- А потом? — сгорая от страсти, спросила Луиза.
- Потом я отдалась ему.
- Кому?
- Самому князю.
- Какому еще князю?
- Князю магов Луи Гоффриди.

Луизу такое признание обожгло пострашнее адского пламени. Она призвала на помощь своих дьяволов, давно завладевших ее грешным, терзаемым вожделением телом. Тайна, о которой, впрочем, подозревали, стала заложницей буйных игр нечистой силы. Непотребные слова, что срывались вместе с эпилептической пеной с опаленных губ, ловили чуткие настроженные уши.

Про священника — князя магов — скоро узнал весь Марсель.

Орден попытался замять скандальную историю, но доминиканцы с такой рьяностью взялись за дело, что расследования было не избежать. Обоих одержимых отправили в монастырь Сен-Бом, где игуменом был отец Микаэлис, инквизитор в папских владениях Авиньона. Предполагалось, что он будет изгонять завладевших девичьей плотью демонов, но коль скоро между ними затесался еще и князь магов, то взялись и за Гоффриди.

Ведение инквизиционного процесса поручили доктору Домпту, доминиканцу из Лувена. Особенно напрягать силы ему не пришлось. Всю предварительную работу проделали за него сами истерички.

— У меня целых три дьявола! — не без гордости заявила Луиза: — Веррин, добрый дьявол-католик, Левиафан, дьявол недобрый — гугенот, и демон воздушной стихии.

«Она забыла упомянуть о четвертом: о дьяволе ревности», — заметил французский историк Ж. Мишле, «бессмертный» член Академии.

О пытках не могло быть и речи. Очные ставки превратились в яростный диспут двух безумных девиц, которые несли несусветный вздор, осыпая друг друга упреками и оскорблениями.

Все преимущества были на стороне Луизы с ее тремя-четырьмя? — демонами.

Крепкая и напористая, истая дочь солнечного Прованса, она буквально изничтожила болезненного ребенка, сгоравшего от любви и стыда.

— Я уже стою одной ногой в аду, — падая на пол, однажды пролепетала сотрясаемая припадком Мадлен.

— Ты лжешь, — укоряет свою подопечную настоятельница Катарина де Франс.

— Дьявол — отец лжи! — ухмыляясь, парирует Луиза. Она настолько обнаглела, что берется поучать и самого инквизитора: — Ты проповедуешь, Микаэлис, но что толку? Я, ничему не учившись, постигла суть совершенства.

Но главное, к чему она стремилась, чего жаждала всем существом, это окончательно растоптать, уничтожить соперницу.

— Ты будешь сожжена! — бросила ей в лицо с мстительной радостью.

Мадлена сникла, не пытаясь более возражать. С того дня она во всем соглашалась, угодливо прося прощения у всех и каждого, поддакивая «подельнице».

Поведение Луизы настроило судей против нее и, если бы только Мадлен устояла, Гоффриди мог рассчитывать на снисхождение. Возмущенные произволом авиньонских инквизиторов, свободолюбивые марсельцы требовали прекратить издевательства и передать дело на суд епископа. За собрата вступился орден святого Франциска, постоянно враждовавший с «господними псами». Дамы из высшего света со слезами на глазах умоляли освободить оболганного священника.

«Можно ли карать за любовь?»

Усомнился и сам Микаэлис, возмущенный воистину дьявольской напористостью Луизы. Лишь фламандец Домпт, подпав под обаяние обличительницы, зачарованно внимал ее иступленным наветам, перемежавшимся горячечными молитвами.

Да, Луиза молилась за Гоффриди!

«Великий Боже! Я готова принести тебе какую угодно жертву, самую тяжелую из всех, какие только были принесены, начиная с сотворения мира, и какие еще будут приноситься до его скончания, — за Луи. Предлагаю тебе все слезы святых, все экстазы — за Луи. Мне хотелось, чтобы существовало еще больше душ, дабы больше была жертва — за Луи. Отец небесный, сжался над Людовиком. Сын Божий, Спаситель мира, сжался над Людовиком».

Какое неистовое, какое опасное красноречие.

В доме Гоффриди произвели обыск, но не обнаружили ни единой вещи указывающей на колдовство.

Микаэлис пытался унять фламандца, превратившегося в слепое орудие урсулинки-менады. Он даже запер перед ним дверь, когда тот хотел войти в зал, где собрался парламент Экса, чей вердикт был признан решающим.

Разногласие между инквизиторами определенно могло пойти на пользу «князю магов».

Чаши весов еще колебались, и у Гоффриди были шансы избежать костра, если бы и его волю, достаточно слабую и подточенную сознанием вины, не сломила неистовая Луиза. На очной ставке он вел себя неуверенно и не смог должным образом отвести обвинения демонологического характера.

Когда же было заявлено, что «Мадлен предалась разврату», возражений и вовсе не нашлось.

Узнав о разладе в стане инквизиторов, папский двор всполошился и потребовал закончить публичные разбирательства как можно скорее.

Лично, не прибегая к помощи какой-нибудь почтенной матроны, Микаэлис осмотрел Мадлен и остался доволен, не обнаружив

на ее теле «печатей дьявола». Стремясь заткнуть глотку фламандскому доктору, взял грех на душу и заверил парламент, что дело идет на лад. Он, оказываясь, уже извлек из этого полудетского тела 6660 дьяволов: осталась самая малость — какая-то жалкая сотня. Для пущей убедительности он заставил девушку выплюнуть проглоченное ею волшебное снадобье, которое и вышло в виде липкой массы. Скорее всего, это была пена, оставшаяся от приступа, но пораженные парламентарии уверились в чуде экзорцизма.

И опять сама же Мадлен испортила произведенный эффект! Вновь стала рассказывать о шабаше, где колдуны преклонялись перед ее золоченой статуей, принося в жертву кровь, а Он — конечно же, Гоффриди! — стоял на коленях с веревкой на шее и умолял вернуться к нему.

Невольно закрадывалась мысль, что спасти ее душу может только смерть колдуна.

Мадлен едва не умерла от ужаса, когда ее ввели в темную комнату, где раньше была мертвецкая, раздели и начали изгонять, теперь уже не только на словах, окопавшихся дьяволов. Холодные кости, прикладываемые к самым интимным местам, вызвали дрожь омерзения, спровоцировав бурный припадок.

Гоффриди в это же время сидел с завязанными глазами, поеживаясь от укулов булавок. Когда поиск «печатей дьявола» был закончен, ему объявили, что трижды он никак не прореагировал на укол.

Он понял, что надеяться больше нечего.

— Если бы мы были в Авиньоне, этого человека завтра же сожгли бы — констатировал представитель папы.

20 апреля 1611 года Луи Гоффриди вывезли на главную площадь города Экса, где уже все было приготовлено для костра.

Его пламя бросило свой недобрый ответ на краткое регентство Марии Медичи при малолетнем Людовике XIII.

ИСТИННАЯ ИСТОРИЯ НЕРАЗЛУЧНЫХ МУШКЕТЕРОВ

Не держим мы в руке своей
Ни прошлых, ни грядущих дней, —
Земное счастье так неверно!
И завтра станет прахом тот,
Кто королевских ждал щедрот
И пресмыкался лицемерно

Пьер Ронсар

Александр Дюма часто повторял, что для него история нечто вроде гвоздя, на который можно повесить любые одежды. Основательно вколотив в стену один из таких гвоздей, он разместил на нем четыре мушкетерских плаща. Право, трудно найти книгу, которая может соперничать с «Тремя мушкетерами». Редкий подросток не испытал на себе пленительное влияние знаменитого романа. Вне зависимости от времени и места жительства. И хотя последующие части трилогии — «Двадцать лет спустя» и «Виконт де Бражелон, или Десять лет спустя» сработаны несколько второпях и не с таким всепокоряющим блеском, мы до седых волос сохраняем благодарную память о четырех самоотверженных храбрецах, для которых превыше всего были верность и честь.

Тем более интересно попытаться отделить правду от вымысла. Проверить, короче говоря, насколько добротной держится гвоздь, отягощенный плащами с двойным крестом. Ведь по части фантазии у жизнелюбивого и плодовитого Дюма-пэра соперников не было. Он мог такого придумать, так закрутить сюжет, что дух захватывало. Только для того, чтобы отделить реальных исторических лиц от вымышленных персонажей, пришлось бы предпринять специальный поиск в архивах чуть ли не всех европейских стран.

Скажем сразу: все четыре храбреца, а также их замечательный капитан де Тревиль — фигуры подлинные. Такие же, как Людовик XIII и Анна Австрийская, Ришелье и Мазарини, герцог Бекингем и первый начальник д'Артаньяна господин Дезэссар. Можно спорить лишь о роли того или иного лица в исторических перипетиях, хотя именно здесь-то и кроется самое увлекательное.

Попробуем расставить по местам кое-какие детали. И начнем, следуя фабуле «Трех мушкетеров», с юного д'Артаньяна, чей путь в Париж, надо надеяться, памятен читателю. Прототипов у отважного гасконца было по меньшей мере пять, однако пальма первенства, бесспорно, принадлежит некому Шарлю де Бац Капельморо, увидевшему свет где-то между 1611 и 1623 годами в гасконской деревушке Артаньян. Она и поныне благоденствует под щедрым солнцем юга. Но суть проблемы не в месте рождения, а в дате. Герой Дюма родился несколько раньше своего прототипа, а это значит, что Шарль де Бац не мог принимать участия в описанных в «Трех мушкетерах» исторических событиях.

Вознамерившись завоевать Париж, подлинный д'Артаньян вполне мог рассчитывать на помощь братьев: Шарля (старший брат почему-то носил то же самое имя) и Поля, которые пустили крепкие корни в столице, ибо служили в мушкетерской роте. Более того, именно им он обязан своим поистине бессмертным, скажем так, псевдонимом. Ведь, собственно, на имение Артаньян, принадлежавшее дальним родичам по материнской линии, «худородные» Бац Капельморо прав не имели. Им просто хотелось слыть владельцами дворянами. Вот и все.

Итак, Шарль-младший, оседлав престарелую кобылу, отправился на поиски счастья. Все было почти как в романе: отцовская шпага и несколько жалких экю в кошельке. Останавливаться приходилось в самых убогих трактирах, а то и вовсе коротать ночи на охапке сена. О схватке с клеветником кардинала графом де Рошфор история умалчивает, однако без стычки не обошлось. С кем же дрался храбрец? Во всяком случае, не с тем человеком, который оставил весьма любопытные «Мемуары графа де Рошфора». И вообще, в силу отмеченного анахронизма, многие дуэлянты, сраженные шпагой нашего замечательного героя — литературного! — благополучно дожили до старости. Шарль де Бац отправил на тот свет совсем иных недругов, надо думать, с таким же виртуозным искусством. Однако вернемся к началу.

В городке Сен-Дье самолюбивый и задиристый гасконец, поймав на себе чей-то взгляд, действительно попытался вызвать на дуэль первого попавшегося дворянина.

— С желторотыми не дерусь, — последовала надменная отповедь. — Но отшлепать могу за милую душу.

Будущий национальный герой Франции выхватил шпагу, но был тотчас же смят праздношатающейся ватагой — дело происходило на базарной площади — и нещадно избит.

Поскольку поединки были запрещены декретом всемогущего Ришелье, забияку препроводили в местную каталажку, а клинок сломали. Полтора месяца бедняга провалялся в сыром подвале. Заключение, по обычаям того времени, не кормили и, если бы не дальняя родственница, честолюбивому гордецу пришлось бы протягивать руку за подаванием через решетку. На волю он вышел обобранный до нитки. Клячу и жалкую поклажу полицейские забрали себе, равно как и деньги, но самое главное — пропало рекомендательное письмо к де Тревилю. Оно действительно существовало, хотя пропажа никак не связана с кознями коварной леди Винтер. С ней отважному гасконцу придется схлестнуться в зрелом возрасте, когда всемогущего кардинала Ришелье уже не будет в живых.

Фабула первой главы, таким образом, не слишком расходится с фактами. Просто жизнь обычно намного грубее и проще, нежели романтические изыски.

В столицу Шарль пришел на своих двоих, изрядно оборванным и отощавшим. Денег, которыми его снабдила сердобольная родст-

венница — стареющая вдова — достало лишь на приобретение новой шпаги.

Надеясь найти братьев, он первым делом направился на улицу Фосуеар, в винный погребок, где коротали свободные от службы часы brave мушкетеры. Однако надеждам не суждено было осуществиться. Шарль-старший пал на поле брани где-то в Брабанте, а Поль сражался в Италии. В память о брате Шарль-младший тоже назвался д'Артаньяном. Отныне и мы станем называть его только так. Тем более, что он и вправду прославил свой не совсем законный герб выдающимися подвигами.

Далее разночтения с романом пойдут по нарастающей. Истинный д'Артаньян не решился предстать перед де Тревилем без рекомендательного письма. И если бы не случайная встреча в той же таверне, неизвестно, как бы могла сложиться его судьба. На счастье, соседом по столу оказался молодой гвардеец из полка господина Дезэссара, тоже уроженец Гаскони, бывшей некогда самостоятельным королевством.

Нам определено стоит познакомиться с этим кадетом-гвардейцем поближе, ибо звали его Порто. Да, это реальный прототип великана Портоса, бахвала и силача! Исаак де Порто был сыном военного чиновника, к тому же гугенота. Как и д'Артаньян, он мечтал о плаще мушкетера, но вынужден был довольствоваться скромным мундиром гвардейца. Не удивительно поэтому, что он исправно посещал питейное заведение на улице Фосуеар, благодаря чему и свел знакомство со многими счастливыми из привилегированной роты. В числе его друзей были и весьма интересующие нас Арман де Силлег д'Атос д'Отвьель и Анри д'Арамиц: Атос и Арамис, королевские мушкетеры и, что особенно важно, родственники де Тревиля. Невзирая на обилие дворянских предикатов «де» и «д'», Атос отнюдь не принадлежал к потомственной аристократии. Он был потомком состоятельного буржуа, уплатившего изрядную сумму за титул. К графу де Ла Фер славный мушкетер не имел никакого касательства. Существовал ли вообще такой граф, по знатности равный пэрам королевства? Несомненно. В работе над романом Дюма, помимо «Мемуаров кавалера д'Артаньяна», опубликованных Гасьеном Куртиль де Сандра, пользовался многими источниками. В их перечне заметное место занимает и рукопись, озаглавленная следующим образом: «Памятная записка сьера графа де Ла Фер о некоторых событиях, случившихся во Франции в конце правления короля Людовика XIII и начале правления короля Людовика XIV». Из двух образов составился один, органичный и порождающий, сотканный гениальным вымыслом.

О самом таинственном из всей четверки — Арамисе, сделавшимся, согласно Дюма, генералом иезуитского ордена, мы не знаем практически ничего. Известно лишь, что он был сыном квартирмейстера мушкетерской роты. Портрет его покровительницы (опять же по версии Дюма) автор этих строк обнаружил в чешском замке Сыхров, принадлежавшем герцогу Рогану. Мадам де Шеврез де

Роган, враг кардинала и ловкая интриганка, предстает на полотно во всем блеске красоты и утонченности. «Прекрасная Шевретта», как ее называли...

Надо ли говорить, что Порто познакомил нашего героя с Атосом и Арамицем, которые, в свою очередь, проложили ему путь в апартаменты капитана Тревиля? Знаменитой ссоры с тремя мушкетерами не было и быть не могло. Зато имела место схватка с гвардейцами кардинала.

Все четверо отправились, якобы, на прогулку в лесок у парижского предместья Меден. На самом же деле друзья затеяли дерзкую проказу, о которой д'Артаньян и не подозревал. Все его мысли были заняты карьерой. Приобщившись к обществу мушкетеров, он спал и видел вождеденный плащ. Воистину Дюма знал, что и как нужно навесить на «гвоздик»! Описанная им перевязь из телячьей кожи, лишь спереди расшитая золотом, принадлежала вовсе не Портосу, а некому Жилло, гвардейцу кардинала. Мушкетеры давно подозревали, что дело не ладно. Недаром же упомянутый Жилло ни при каких обстоятельствах не расставался с плащом. Вот они и решили проверить, выбрав для этого именно Меден, где любил побродить франтоватый Жилло. Д'Артаньян понадобился им всего лишь как посторонний свидетель, на которого при случае можно было сослаться.

Увы, Жилло оказался не в одиночестве. Его сопровождали еще три гвардейца — все, как один, прославленные фехтовальщики. Но не отступать же от задуманного? Сделав вид, что споткнулся, Порто — именно он! — сорвал со щеголя красный плащ. Конечно же, под ним обнаружилась лента самой непритязательной кожи. Стычка была неминуема.

Далее происходило почти, как в романе. Д'Артаньяну достался отчаянный бретер де Монсель, а против Атоса выступил Ла Пейри, первая шпага кардинальской гвардии. Гасконец не только ранил своего противника, но и спас пораженного в живот и руку Атоса.

С того места, где торжествующий в тайне души Тревиль представляет отважную четверку королю, можно было бы написать еще одну, не менее увлекательную эпопею о подвигах д'Артаньяна. Его участие в любовной интриге Бекингема и Анны Австрийской более чем сомнительно, хотя таковая имела место. Здесь особенно уместно предоставить слово мемуаристу.

«В это время пошла речь о сватовстве будущей Королевы Английской. Граф Карлейл и граф Холланд, прибывшие во Францию для переговоров по этому поводу, уведомили королевского фаворита Бекингема, давно мечтавшего о подобном романе, что во Франции есть молодая и любезная Королева и что он мог бы одержать здесь блестящую победу; с той поры между Королевой и Бекингом завязалась переписка при посредстве г-жи де Шеврез, за которой волочился граф Холланд; таким образом, когда Бекингом прибыл для переговоров..., царствующая королева Франции была готова принять его весьма благосклонно. Немало было галантных встреч;

но более всего наделало шума их свидание в Амьене... Любезник повалил Королеву и расцарапал ей ляжки своими расшитыми штанами; но все оказалось тщетно...»

Ж. Таллеман де Рео «Занимательные истории»

Жизнь, повторяю, грубее и проще. Описанная сцена находится в резком диссонансе с кургуазной атмосферой романа Дюма. Однако в главном он не расходится с истиной. Ревность Ришелье, домогавшегося близости Анны Австрийской (с королевой-матерью Марией Медичи кардиналу на галантном поприще улыбнулось счастье), интриги Испании, даже злосчастное письмо и личный обмыск — все это действительно было.

«Государыня, вы его полюбите: он чем-то похож на Бекингема», — сказал Ришелье королеве, впервые представив ей Мазарини — своего будущего преемника.

«Королева-мать писала королю: «Ваша жена любезничает с г-ном Монморанси, с Бекингемом, с таким-то и таким-то», — пишет де Рео.

О мелочах, вроде бриллиантовых подвесок, говорить в этой связи, право, неуместно. Видимо, это такой же вымысел, как и клеймо на плече миледи. Впрочем, Ларошфуко упоминает об ожерелье, подаренном милорду королевой. И была, была поездка в Англию, в которой д'Артаньян сопровождал Арамица. Только случилось это не при Ришелье, а в период правления Оливера Кромвеля, когда властвовал Мазарини.

Секретное дипломатическое поручение так и осталось секретным. О нем свидетельствуют лишь скудные упоминания о победных поединках и об аудиенции, которую дала удальцам по возвращении английская королева, дочь Генриха IV и Марии Медичи, Генриетта, жившая в изгнании возле дворца Фонтенбло. Известно также, что после этого на жизнь д'Артаньяна было совершено несколько покушений. Одно из них, самое драматическое, имело место на улице Скверных мальчишек, возле Люксембургского сада. Прижавшись к ограде, доблестный боец отражал натиск семерых наемных убийц, пока к нему не подошла на помощь компания подгулявших мушкетеров. Все семеро остались на месте. Очень жаль, но вместе с ними вручил душу Богу и Арман де Силлек д'Атос. Его тело предали земле 22 декабря 1643 года на церковном кладбище Сен-Сюльпис. Прошел еще почти год, прежде чем д'Артаньян удостоился чести стать мушкетером. Зато уже на следующий день, стоя на карауле в королевском дворце ему выпало счастье лицом к лицу столкнуться с Людовиком XIV. Старый король умер, а «король-солнце», тогда еще семилетний ребенок, прозорливо угадал своего будущего телохранителя.

«Вы мне нравитесь, мушкетер!» Слово короля — золотое слово. Кардинал, причем именно Мазарини, ибо Ришелье тоже отошел в лучший мир, обратил внимание на двадцатичетырехлетнего молод-

ца. Так началась настоящая проверка: триумф шпаги и ума. А как же сердце? — вправе спросить читатель.

В жизнеописании шеваля де Баца, как и прочих предполагаемых прототипов, нет ничего похожего на трогательную «историю любви». Как ни жаль, но на историческом плацдарме для госпожи Бонасье не нашлось места. Впрочем, было в жизни д'Артаньяна одно приключение, о котором стоит упомянуть. Антураж его во многом напоминает сцену первого свидания Ла Моля с Маргаритой Наваррской, описанного в «Королеве Марго». Таинственная записка, служанка в маске, затемненный будуар, куда храбрый любовник был препровожден с завязанными глазами. Кто была та высокопоставленная дама, что одарила его пылкими, но торопливыми ласками? По некоторым приметам в ней можно распознать маркизу де Монтеспан, будущую фаворитку Людовика XIV. Вероятно, это и не соответствует истине, но одно можно сказать точно: служанку бравый мушкетер «вычислил» и, надеясь вновь обрести благорасположение госпожи, осчастливил своим вниманием. Напоминает интрижку с Кэти, горничной миледи, не правда ли?

Вообще женщины не занимали заметного места в жизни героя. Флирт служил для него своего рода прикрытием для военных хитростей и политических ходов. Была довольно продолжительная и устойчивая связь с соломенной вдовой, боготворившей д'Артаньяна, дружба — трудно сказать, сколь далеко она простиралась, — с графиней де Ту и еще несколько незначительных приключений.

Женился он уже в зрелом возрасте на прелестной вдовушке, которая, хоть и не могла похвастаться голубой кровью, владела солидным капиталом. Брак, судя по всему, был счастливым. Двое ребятишек могли с полным на то правом называть доблестного воина своим отцом.

Что же до отношений с Мазарини, то здесь Дюма, если и погрешил против истины, то лишь в нюансах. Первый министр оценил незаурядные достоинства отважного гасконца, а тот, вопреки всему, что сказано в «Виконте де Бражелоне» и «Двадцати лет спустя», не только верой и правдой служил итальянскому прелату, завоевавшему сердце овдовевшей Анны Австрийской, но и получал от этого немалые выгоды. Впрочем, для королевы, ее преосвященного любовника и юного короля он сделал значительно больше, чем они для него.

Воин, дипломат и ловкий разведчик, д'Артаньян сражается под стенами Арраса. Стоит упомянуть, что плечом к плечу бьется рядом с ним и гениальный Сирано де Бержерак! Повышение следует за повышением: лейтенант, затем капитан-лейтенант. Меняются ли его убеждения? Как знать... Тревиль оказывается в стане противников не только прежнего, но и нового кардинала, а маршал Тюренн вручает д'Артаньяну патент капитана гвардии. На поле боя, под ядрами испанцев. Вместе с ним получает роту и неразлучный Исаак Порто. Осады и кровопролитные сечи че-

редуются с тайными поручениями. Гасконец незаменим в качестве дипломатического курьера. Когда Мазарини вынужденно оставил Францию, д'Артаньян сносился с его сторонниками: Кольбером, Фуке и другими, ездил в Кельн к тамошнему курфюрсту. В сутане иезуитского патера он вновь направляется в Англию, под видом торговца проникает в осажденную крепость Ардр, бежит из тюрьмы, спасает от восставших парижан королевское семейство. Воистину замечательный человек, этот Шарль де Бац д'Артаньян!

Предоставим слово самому Мазарини (письмо к неназванному confidentу от 9 ноября 1655 года): «Англичанин, которого я направил Вам при посредстве иезуита отца д'Артаньяна, несомненно, сообщит весьма секретные и важные сведения, так как я разведал другим путем часть того, что замышляют Кромвель, испанцы, находящиеся во Фландрии, и принц Конде».

Право, у Дюма были все основания сделать генералом иезуитского ордена не Арамиса, а д'Артаньяна!

Рядом с ним великие мира сего — я говорю об исторических персонажах — кажутся жалкими марионетками, пекущимися о мелких, сиюминутных интересах.

Бог с ними, с кардиналами Мазарини и Ришелье. Его шпага безраздельно принадлежит королю. Пусть вчера на троне сидел Людовик XIII, ныне он по праву принадлежит его сыну. Маленький Луи сделал правильный выбор. В итоге и наш герой не остается внакладе. Почетные и весьма доходные должности начальника королевской псарни и королевского птичника способствуют росту капиталов. Дом на улице Бат один из самых роскошных в Париже.

В тридцать семь лет д'Артаньян достигает высшего взлета: становится капитаном вновь учрежденной роты «серых мушкетеров». По сути, целого полка преторианской гвардии. Ему не хватает лишь громкого титула и он, ничтоже сумняшеся, делает себя графом. Простим ему это маленькое тщеславие, ибо он остается рыцарем без страха и упрека. Тем более, что старшие братья уже проложили ему дорогу к графской короне. Как бы там ни было, но одному девизу он остается верен до гроба: «Шпагу — королю, сердце — женщине, честь — никому».

— Лучше быть последним солдатом, чем первым тюремщиком, — смело отвергает предложение короля занять должность крепостного узилища в Пинероле, где томится суперинтендант Фуке.

— Я вас за это только еще более уважаю, — улыбнулся король, — ведь ремесло тюремщика обогащает, тогда как военное...

Дерзость ничуть не помешала очередному продвижению. Новую войну д'Артаньян встретил в чине подполковника, а смерть — маршала. Не маршала Франции, как у Дюма, а «полевого», т. е. генерал-майора.

Он пал во Фландрии, у стен Маастрихта, в 1673 году, оставив жену и детей.

Годом ранее скончался легендарный капитан конных мушкетеров Арман-Жан де Пер граф де Тревиль, сперва изрядно докучавший кардиналу, но затем поладивший с ним. В 1636 году он получил патент на чин генерала.

И в заключение о самом герцоге-кардинале.

Арман Жан дю Плесси Ришелье (1585—1642), первый министр и подлинный властелин Франции, кажется, каждого видел насквозь, а все ж попался на алхимическую приманку.

При дворе Людовика XIII объявился некто Дюбуа, человек без рода и племени. Как это водится у мошенников, он как бы невзначай проговорился, будто владеет порошком философского камня. Шпионы тут же донесли об этом всемогущему отцу Жозефу, который велел схватить проходимца. «Серый кардинал», это название сделалось нарицательным, под конвоем доставил алхимика в Палеро-Рояль, к самому Ришелье. Дюбуа, что называется не сходя с места, просит дать ему ранец стоящего рядом охранника, достает оттуда свинцовую пулю, которую на глазах у всех обращает в слиточек золота. Триумф, казалось бы, полный, но недоверчивый кардинал заключает горе-алхимика в камеру. Об инквизиционном суде Ришелье и не помышляет. Ни отречения, ни раскаяния от Дюбуа не требуется: нужен всего лишь рецепт. Под пыткой он раскрывает один способ, потом другой, наконец, третий. Поскольку мукам не видно конца рецепты множатся. Секретарь едва успевает записывать. Увы, проверка обнаруживает полную несостоятельность. В итоге истерзанного узника волокут на виселицу, но не как обманщика, а как еретика — колдуна.

Исторический роман интересен вдвойне, если знаешь истинную подоплеку событий.

Не капитану «серых мушкетеров», не полевому маршалу, но бессмертному герою Дюма стоят памятники на улицах французских городов.

Они жили на земле, неразлучные мушкетеры, и потому бессмертны вдвойне.

БЕЛЫЕ РОЗЫ

..Сии белые розы собраны и представлены вам, равно как и рукопись, подписанная кровью колдуна и являющаяся списком с договора, который он заключил с Люцифером; оный список он вынужден был постоянно носить при себе, дабы удержать свое могущество. И сейчас еще можно, к великому ужасу, различить слова, начертанные в углу пергамента: «Поллиник хранится в преисподней, в кабинете Люцифера»

Альфред де Виньи. «Сен-Мар»

Белая роза стала пурпурной, когда Афродита наколола божественную ножку острым шипом... Розы и пергамент, о которых упоминает Альфред де Виньи, действительно были представлены в качестве вещественных доказательств на суде, где в пособничестве дьяволу обвинялся Урбен Грандье, служитель церкви.

Двести лет отделяют процесс Жилия де Ре от не менее знаменитого дела Урбена Грандье. Это не только бездна времени, но и новая историческая эпоха, которую лишь школьник, начитавшийся романов Александра Дюма, мог назвать «веком мушкета». Для нее куда больше подходит иной символ — обложенный дровами столб. Географические открытия, мануфактуры, прогресс науки и техники — это лишь одна сторона медали, а «охота за ведьмами» — другая. На позолоченном аверсе летящий на всех парусах фрегат, на закопченном реверсе — воронье вокруг эшафота.

Не будем сворачивать корабль с его победного курса. Наш путь проходит по тeneвым страницам истории...

«Как ни омерзительны подробности преследования, поднятого против колдовства до XV столетия, — пишет в «Истории инквизиции» Г.-Ч. Ли, — они были только прологом к слепым и безумным убийствам, наложившим позорное пятно на следующее столетие и на половину XVII. Казалось, что сумасшествие охватило христианский мир и что Сатана мог радоваться поклонениям, которые воздавались его могуществу, видя, как без конца возносился дым жертв, свидетельствующий о его торжестве над всемогущим. Протестанты и католики соперничали в смертельной ярости. Уже больше не сжигали колдуний поодиночке или парами, но десятками и сотнями».

Общее число жертв этого воистину дьявольского пира определяется в 9 или даже 10 миллионов человек.

«Что значат мучения одного распятого на кресте перед муками этих девяти миллионов, сожженных во имя Его и во славу Святой Троицы людей, которым целые месяцы перед этим терзали тела и ломали кости!» — восклицает М. Геннинг в монографическом исследовании, озаглавленном с предельной ясностью — «Дьявол».

В интересующем нас эпизоде дьявольские легионы проявили себя в Лудене, близ старинного французского города Пуатье, избрав

для массового паломничества небольшой монастырь сестер-урсулинок. Зная обстановку и нравы женских обителей, удивляться здесь особенно не приходится. Повторилась история Гоффриди. «Неудовлетворенная жажда любви и материнства, — отмечал по этому поводу академик С. Д. Сказкин в предисловии к роману Альфреда де Виньи «Сен-Мар», — превращенная в экстаз любви к небесному жениху, часто изливалась на отца-духовника, единственного мужчину, появлявшегося в монастыре и принужденного в силу своих обязанностей выслушивать тайную исповедь, блуждая по самым интимным уголкам женской души. Дело принимало опасный оборот, когда таким отцом оказывался блестящий, красивый и образованный священник».

Урбен Грандье полностью отвечал столь лестной характеристике. Великолепный оратор, получивший основательную подготовку в иезуитской коллегии в Бордо, он буквально завораживал собеседников своей речью. К столь опасному красноречию следует присопротивить и эффектную внешность, и надменную осанку, и относительную молодость — в разгар событий Грандье минуло 42 года, — и тогда одержимость монашек получит самое простое и совершенно естественное объяснение. К тому же блестящий служитель церкви успел прослыть беззастенчивым ловеласом. Возглавив двадцати семи лет от роду луденский приход, он соблазнил совсем еще молоденькую дочь королевского прокурора Тренкана, не составляла секрета и его связь с дочерью советника Рене де Бру, с которой он даже тайно обвенчался, сыграв двойную роль: священника и жениха. Одним словом, проказник в рясе был далеко не безгрешен по амурной части. И если бы он действительно получил место духовника в луденской обители, которого так домогался, то вполне могла повториться история Мазетто из Лампореккио («Декамерон», день III, новелла I). Ведь, как явствует из аннотации, оный Мазетто, «прикинувшись немым, поступает садовником в обитель монахинь, которые все соревнуются сойтись с ним». Грандье не нужно было прикидываться, требовалось лишь получить вожденную должность, на которую претендовал и его лютый враг отец Миньон. Собственно, в них, во врагах, таилась основная интрига: в недоброжелателях, завистниках, оскорбленных отцах, обманутых мужьях, осмеянных слугах господних.

Если же добавить сюда едкий памфлет, в котором луденский попик осмелился задеть самого кардинала Ришелье, то вмешательство дьявола в церковные дела станет куда как ясно. Вольнодумца и гордеца следовало любыми способами погубить, и его погубили, когда представилась такая возможность. Упорствуя в своих притязаниях на должность, которая была отдана все-таки Миньону, Грандье сам вложил оружие в разящую длань недругов. Они живо припомнили подробности дела Гоффриди, тоже духовника урсулинок. И прежде всего Христову невесту Луизу, в которую вселился Вельзевул, ее бесстыдные телодвижения, опасные горячечные речи. Отчего бы не повторить номер в Лудене? «Князь

магов» Гоффриди вполне мог воскреснуть в Грандье, чтобы вновь обратиться в пепел.

Начать решено было с наузы — заговоренной какой-нибудь вещицы или, иными словами, хорошо известного всем колдунам и шаманам фокуса, основанного на фанатичной вере в сглаз, порчу и прочие губительные чары. Не найдя ничего лучшего, остановились на ветке с прекрасными белыми розами, еще влажными от обильной росы. Ах, эти розы, превратившие Луция в осла, ах, эти умильные слезинки девственных голубиц, сжигаемых тайными вожделениями, томимых густой монастырской скущицей!

Первой увидела перекинутую через ограду ветвь мать-настоятельница Анна Дезанж. Едва она вдохнула аромат заговоренных цветов, как монастырский сад, в котором так не хватало немого садовника, закружился у нее перед глазами и горячий ток нестерпимого соблазна потряс все ее существо. О том, что случилось с почтенной настоятельницей далее, следственные протоколы повествуют со свойственной инквизиторам скабрёзной натуралистичностью.

Утонченный стилист Альфред де Виньи (устаами старухи свидетельницы) делает это намного изящнее: «...жалость было смотреть, как она раздираала себе грудь, как выворачивала ноги и руки, а потом вдруг сплетала их за спиной. Когда святой отец Лактанс подошел к ней и произнес имя Урбена Грандье, изо рта у нее потекла пена и она заговорила по-латыни, да так гладко, словно читала Библию: поэтому я ничего как следует не поняла, только запомнила *Urbanus magicus rosas diabolica*, а это значит, что колдун Урбен заморозил ее при помощи роз, которые получил от лукавого. И правда, в ушах у нее и на шее показались розы огненного цвета, и так от них несло серой, что судья закричал, чтобы все заткнули носы и зажмурились, потому что вот-вот бесы вылезут».

Бесы эти вселялись во всех, кто только нюхнул злополучные розы. Вслед за настоятельницей занедужили две сестры Ногарэ, затем порча обнаружилась в хорошенькой монашке Сен-Аньес, дочери маркиза Делямот-Брасе, потом у Клер Сазильи, родственницы всеильного Ришелье, и пошло-поехало. Вскоре в обители не осталось почти ни одной девушки, не затронутой одержимостью. Обрушившийся на скромный провинциальный монастырь бесовский легион вел себя, как воинская часть, завладевшая неприятельской крепостью. Насильники принуждали робких сестер и послушниц выделять невероятные вещи. Причем все одержимые воспламенились страстью именно к Урбену Грандье, который являлся к ним по ночам, искушая на сладостный грех, соблазняя на вечную погибель.

Но Бог силен! Находясь на самом краю гибели, ни одна урсулинка не сорвалась в пропасть, что и было надлежащим образом засвидетельствовано в ходе многократных экзорцизмов. Сидевшие в девицах бесы вынуждены были подтвердить сей прискорбный для них, но отрадный для Вечного света факт. В опытных руках экзорцистов адские десантники вели себя уже не

как оккупанты, но как военнопленные, доставленные в неприятельский штаб на допрос.

Вынужденный давать показания, демон называл свое имя и чин в бесовском легионе, описывал собственную наружность и тот сокровенный уголок в человеческом организме, который непрошено и так бесстыдно занимал.

Я отнюдь не передергиваю ради метафорической полноты, говоря о чинах. В материалах луденского процесса так прямо и сказано — чин. Судя по всему, засевшие в барышнях бесы внимательно проштудировали неоплатоника Дионисия Ареопагита, разделившего в сочинении «Иерархии небесных сил» ангелов — а демоны, или аггелы, это те же ангелы, только отпавшие от Бога, — на девять чинов-разрядов. Во всяком случае, каждый твердо знал свое место в строю.

Настоятельница Дезанж, например, была одержима сразу семью захватчиками, из которых Бегемот, Асмодей и Грезиль оказались происходящими из чина «престолов», Изакарон, Амон и Балам — «властей», Левиафан — «серафимов». Тело сестры Луизы Барбезье оккупировали двое: принадлежащий к «господствам» Эзас, поселившийся под самым сердцем, и причисливший себя к «силам» Карон, который свил гнездышко в центре лба.

Хуже всех пришлось дочери маркиза Сазильи, ибо в нее вселилась адская восьмерка: Забулон, Нефтали, Элими, Враг Девы, Поллютион, Верин, Похоть и Бесконечный, облюбовавший себе местечко под вторым ребром. У этого демона было еще одно имя — Урбен Грандье, что сыграло в судьбе обвиняемого едва ли не самую роковую роль. О том, как одно и то же лицо может пребывать одновременно под ребром монашки и в церкви Святого Петра, где служил наш герой, вопрос даже не поднимался, ибо дьявол всемогущ, вернее, почти всемогущ, потому что и на него есть управа.

Экзорцисты изгоняли бесов из одержимых бедняжек, не зная отдыха. И демоны поддавались, хоть и клялись не покидать облюбованных местечек до скончания лет. В протоколах подробно записаны их показания по части маршрутов для ретирад. Бегемот, например, перед тем как оставить чрево игуменьи, в знак своего выхода обещался подбросить бедную Дезанж вверх, что и было незамедлительно сделано. Изакарон, уходя из последнего ребра, оставил ей сувенир в виде царапины на большом пальце левой руки, сидевший во лбу Левиафан обозначил свой след кровавым крестом.

И так было с каждой: конвульсивные прыжки, корчи, судороги, царапины и кровоточащие стигматы.

Жуткая игра, где заведомый обман становился самообманом, бред сгушался в реальность чудовищного оговора, а истерия карикатурно, как в «Капричос» Гойи, мешалась с фарсом. Когда изгоняемый из сестры Агнессы демон пообещал сдернуть с головы королевского комиссара сьера Лобардемона камилавку и держать ее

в воздухе, пока будут петь «Мизерере», присутствующими овладел гомерический хохот, что, конечно, тоже было поставлено в вину Урбену Грандье.

Слухи о непотребствах в луденской обители распространились далеко за границы графства Пуатье. Вместе с экзорцистами, заклинавшими одержимых монашек, в монастырь зачастили и местные судебные власти, дабы лично засвидетельствовать странные явления, о которых шли столь противоречивые толки.

Аббат Миньон был счастлив продемонстрировать гостям своих порченных овечек. Едва высокая комиссия вошла к сестре Жанне, как у нее случился припадок. Заметавшись на ложе, она вдруг с неподражаемым совершенством захрюкала, затем вся скорчилась, сжалась в комок и, стиснув зубы, впала в состояние каталепсии. Аббат Миньон с трудом просунул ей в рот пальцы и принялся читать экзорцизмы. Когда окопавшийся демон дрогнул и стал подавать голос, экзорцист обратился к нему по-латыни с вопросом:

— Зачем ты вошел в тело этой девицы?

— По злобе, — откровенно ответил бес на том же языке церковных служений.

— Каким путем?

— Через цветы.

— Какие?

— Розы.

— Кто их прислал?

— Урбен.

— Скажи его фамилию, — потребовал мстительный духовник, как будто недостаточно было имени, которое на все лады склоняли в Лудене.

— Грандье, — охотно откликнулся враг человеческий, предавая не только повелителя, но и собрата по легиону.

— Скажи, кто он? — не отставал экзорцист, словно в маленьком Лудене мог быть еще один Урбен Грандье.

— Священник.

— Какой церкви?

— Святого Петра.

— Кто дал ему цветы?

— Дьявол.

Весь этот смехотворный лепет был скрупулезно запротоколирован, и с того дня все деяния экзорциста проходили в сопровождении судебных властей. Над Урбеном, хоть ему и покровительствовали влиятельные лица, нависла реальная угроза стать вторым Гоффриди, хотя не он, а его противник Миньон был духовником урсулинок.

Кардинал де Сурди, к которому Грандье обратился с жалобой на клевету, оправдал многообещающего талантливую клирика и запретил Миньону проводить дальнейшие экзорцизмы, возложив столь деликатное дело на доверенных лиц. Городские власти тоже

были склонны не поднимать шума на всю страну и постепенно спустить дело на тормозах.

Скрепя сердце, аббат послушался архиепископа, но зато не послушались черти, которые еще пуще принялись честить своего наперсника Грандые.

Когда вести о луденских чудесах достигли королевских ушей, Людовик XIII отнесся к ним с похвальной осторожностью, но Ришелье настоял на строжайшем расследовании. Фактически он уже давно вел его, стремясь изобличить автора издевательского памфлета. Найденные в Лудене документы совершенно определенно указывали, что автором был Грандые, поэтому у герцога-кардинала не было причин щадить дерзкого вольнодумца. Следствие он поручил вести Лобардемону, которого снабдил широчайшими полномочиями.

Возвратившись в конце 1633 года в Луден, королевский комиссар первым делом заключил подозреваемого под стражу и занялся сбором «свидетельских» показаний. Для быстроты к каждой одержимой были приставлены свой экзорцист, судебный чиновник и писец. На теле Грандые тем временем нашли «дьявольские печати» — нечувствительные к боли участки, что было вовсе нетрудно, поскольку инквизиторы располагали специальными иглами, ухажившими при самом легком нажиме в рукоятку.

Судьба галантного священника была предрешена. Формальное осуждение было лишь вопросом техники, не более. Выживаемые из уютных норок «престолы» и «власти» давали не только нужные показания, но и снабжали правосудие уликами, поставляли необходимые документы.

Когда нажали как следует на главного беса Асмодея, полонившего аббатису, тот не выдержал и продиктовал копию договора, заключенного между ним и подследственным.

Вот это изделие ограниченного ума и лютой злобы:

«Господин и владыка, признаю вас за своего бога и обещаю служить вам, покуда живу, и от сей поры отрекаюсь от всех других, и от Иисуса Христа, и Марии, и от всех святых небесных, и от апостолической римско-католической церкви, и от всех деяний и молитв ее, которые могут быть совершаемы ради меня, и обещаю поклоняться вам и служить вам не менее трех раз ежедневно, и причинять сколь возможно более зла, и привлекать к совершению зла всех, кого возможно, и от чистого сердца отрекаюсь от миропознания и крещения, и от всей благодати Иисуса Христа, и в случае, если восхожу обратиться, даю вам власть над моим телом, и душою, и жизнью, как будто я получил ее от вас, и навеки вам ее уступаю, не имея намерения в том раскаиваться.

Подписано кровью:

«Урбен Грандые».

Место, назначенное для хранения подлинника, нам уже известно. Если кого этот документ и изобличает, то лишь саму абба-

тису, чей стиль косноязычен, а мысль скудна. Ни Асмодея, ни изощренного риторика Грандье никак нельзя заподозрить в такой невнятице.

Судей, естественно, это ничуть не смутило, и Урбен Грандье был приведен к очной ставке со всеми девицами и засевшими в них аггелами. Переполох поднялся чрезвычайный. Демоны заставляли урсулинок делать бесстыдные жесты и радостно вопили их девственными устами: «Господин наш! Господин!»

Виновность подсудимого, таким образом, не вызвала сомнений. Лишь добросовестность судей, желавших докопаться до каждой мелочи, удерживала их от немедленного вынесения приговора.

И она, добросовестность, принесла желанные плоды. Бес Леви-афан раскрыл-таки состав зелья, коим были отравлены, а точнее, намагничены белые розы. К вящему ужасу и отвращению присутствовавших, оно оказалось сваренным из сердца невинного младенца, зарезанного на шабаше в Орлеане в 1631 году, золы сожженной облатки для причастия, а также из крови и спермы самого Грандье.

Не будем задерживаться на подробностях, хоть они и не лишены интереса, этого вопиющего, но такого заурядного на фоне аналогичных дел ведьмовского процесса. Результат его был предreshен, и это понимал сам Грандье, сохранивший даже в объятиях пламени редкую выдержку и незаурядное мужество.

Отстаивая свое человеческое достоинство, он пытался противопоставить безумию логику, тщился поразить рациональным оружием многоглавую гидру, витавшую на нетопыриных крыльях истерии.

Когда, дабы загнать Грандье в очередную яму, ему предложили испробовать себя в качестве заклинателя, он, нисколько не веря в столь бредовую затею, тем не менее, спокойно возложил на себя священническое одеяние. Не смущаясь протестующими воплями бесов, превративших хорошенькие девичьи личики в мерзкие образины, он поклонился епископу, попросив его благословения начать экзорцизм.

Епископ дал требуемое, указав на толпу беснующихся дев. «Ты отрекся от этого!» — визжала дьявольская рать, напоминая о заключенном договоре. Хор исполнил обычное в таких случаях «Veni creator» — «Явись, Создатель», и поединок с несуществующим начался.

Вовсе не помышляя всерьез о нелепом единоборстве с одержимыми истеричками, Грандье — наивный мудрец! — надеялся поймать кого-нибудь из них на вранье. Когда урсулинка Клер бросилась к нему с непристойной бранью, он тут же начал ее отчитывать, попросив позволения обратиться к бесу по-гречески.

— Не смеешь! — возопил на это спрятанный в матери-настоятельнице злой дух. — Изменник! Обманщик! Согласно заключенному договору, ты не смеешь задавать вопросы по-гречески!

Грандье слегка улыбнулся, готовясь обратить внимание суда на столь явную несообразность, но сестра Клер опередила его надменным выкриком:

— Можешь говорить на любом языке, тебе ответят!

Девушка оказалась образованной. Первоначальный замысел строился, Грандые смутился и умолк. Разумеется, это насколько не повлияло на конечный исход, потому что приговор был предрешен и, даже если бы демон Клер не знал по-гречески, весы Фемиды все равно остались бы в заранее определенном положении.

Но о внутреннем мире Грандые указанный эпизод говорит много. Выдержав льющуюся на него со всех сторон брань, хотя хулители продолжали именовать его «владыкой» и «господином», он хладнокровно заметил:

— Я не господин вам и не ваш слуга. И вообще не могу понять, почему, величая владыкой, вы так и рветесь схватить меня за горло?

Негодующие сестры вместо ответа на вполне резонный вопрос принялись разуваться, обрушив на голову ревнителя логики град увесистых башмаков.

— Ну, демоны сами себя расковали! — издевательски рассмеялся узник, утирая с рассеченного виска кровь.

Шутника увели в тюрьму.

Приговор был вынесен 18 августа 1634 года.

Грандые отказался от исповеди и отвернул лицо от креста, который сунул ему духовник-капуцин на месте казни.

В мемуарах Ришелье о деле Грандые говорится как бы вскользь и с явным стыдом. Кардинал старается дать понять, что был вынужден уступить нажиму. Злые языки утверждали, что он с удовольствием следил за процессом, подкармливая его бесноватых организаторов из государственной казны. Деньги к экзорцистам действительно поступали через отца Жозефа. Наверное, стоит дать полное имя непревзойденного мастера политической интриги и шпионажа, тем более, что он тоже персонаж «Трех мушкетеров».

Правда, если Жозеф-Франсуа ле Клер дю Трамбле (1571—1638) и причастен каким-то образом к колдовству, то только как теневой, опять же, инквизитор.

И, напоследок, о самом короле. Дюма и Альфред де Виньи лишь вскользь упоминают о пристрастии Людовика XIII к фаворитам. На самом деле, все обстояло много серьезнее и, естественно, отражалось как на внутренней, так и на внешней политике.

Одним из первых любимчиков сделался итальянец Баррада. Как раз в те годы распространилась поговорка: «Итальянский грех одолел горы, одолеет их собор». Собор, подразумевается Тридентский, греха, в коем итальянцы повинны не более прочих, не одолел. Рассорившись с избранником, Людовик отправил его в ссылку. Потом появился Сен-Симон, но ненадолго. Стремясь развлечь короля, кардинал представил ему молодого красавца Сен-Мара.

Анри-Кофье де Розе, маркиз де Сен-Мар вскоре вырос в важную персону. Он и главный шталмейстер, и главный гардеробмейстер, и вообще его зовут «Господин Главный». Голова у молодого человека закружилась и он потерял чувство реальности.

«Ему наскучила жизнь, которую вел король, и его ласки» («Занимательные истории»).

Людовик как-то пожаловался Фаберу, капитану кардинальской гвардии:

— Вот уже шесть месяцев, как меня от него тошнит... Он заставлял меня целыми часами ждать в карете, пока сам распутничал.

За эти шесть месяцев Сен-Мар успел организовать заговор против Ришелье, влюбиться в принцессу крови, в дерзкой надежде жениться на ней, и в глубокой тайне подготовил договор с Испанией, что резко расходилось с намерениями кардинала.

Кончилось, как и следовало ожидать, эшафотом. «Любезному другу Господину Главному» было всего двадцать два года, тогда как по гороскопу ему полагалось дожить до пятидесяти восьми. Приготовляя варенье, — «царское» дело! — Людовик промолвил:

— Душа Сен-Мара была столь черна, как дно этой кастрюли.

«Он умер, как подобает порядочному человеку», — пишет, не скрывая сочувствия к Сен-Мару, Таллеман де Рео.

Кардинал торжествовал очередную победу. В противоестественных связях его упрекнуть нельзя, а любовь к женщинам, хоть и запретна для клириков, не подлежит осуждению. Ныне добрая половина католического духовенства требует отмены целибата.

Связь с Марией Медичи и авансы Анне Австрийской не помешали Ришелье искать утех не только в королевских дворцах.

Знаменитая куртизанка Марион де Лорм рассказывала, что в первый раз он принял ее в полотняной рясе, расшитой золотой и серебряной нитью. Туалет завершали сапоги, шляпа с перьями и мушка на левой щеке. Не знаю, что это значит. Язык мушек — наука тонкая. С Марион он переспал, как выражались, *due volte*, т. е. дважды, а затем послал ей с камердинером сотню пистолей. Она швырнула кошелек и высмеяла угодника.

Магический меч — обоюдоострое оружие. И все же освященное авторитетом церковной иерархии, оно натворило значительно больше бед, чем в руках одиночек: фанатиков и безумцев, шарлатанов и простофиль. Претендуя на «надвременность-надпространственность» и самонадеянно тщаь навязать свою волю жестко детерминированным законам мироздания, магия уже по сути своей несет разрушительное и, как следствие, преступное начало. Совершенно интуитивно это понял маркиз де Сад, увековечивший свой имя в столь малопривлекательном термине, как «са-дизм».

Устами Брессака, героя романа «Новая Жюстина», он не без сожаления констатирует:

«Что на самом деле можем мы совершить в этой жизни? Ответ прост. Все наши мелкие преступления против морали можно свести к немногому — извращениям и убийствам, случайным изнасилованиям или кровосмесительным связям; наши преступления против религии не более чем богохульство и профанация. Есть ли кто-либо

среди нас, кто искренне может признаться, что в самом деле удовлетворен этими пустяками?

— Нет, конечно, — возразила пылкая мадам Д'Эстерваль. — Я страдаю, может быть, сильнее вас от мизерности преступлений, которые довлены мне природой. Всеми нашими действиями мы оскорбляем лишь идолов, но не саму природу. Я жажду оскорбить именно природу. Я хочу обратить ее порядок в хаос, заблокировать ее упорядоченное движение, остановить звезды и раскачивать планеты, плавающие в космическом пространстве, препятствовать тому, что служит природе, и покровительствовать тому, что ей мешает, — словом, оскорбить природу и остановить ее великую деятельность. Но ничего этого я сделать не могу.

— Да, — вставил Брессак, — это так. То, чего мы добились, не преступления... Давайте же направим нашу месть по путям возможным. Давайте множить ужасы, раз мы не в силах усиливать их».

Преступление и колдовство, они равно повинны как в самих ужасах, так и в их умножении. Вне зависимости от точки отсчета, логика эволюции заставляет их «мировые линии» сойтись у одной и той же черты, за которой уже ничего более не остается, как «оскорбить именно природу», осознавшую самое себя через венец творения — человеческий мозг. Именно поэтому обскуранты и человеконенавистники всех мастей, способные, однако, возвыситься до осознания полной бесперспективности подобного бунта, обращают свое ядовитое бешенство на науку и искусство, без которых немисливо познание объективного мира. Отсюда и людоедский афоризм: «При слове культура я хватаюсь за пистолет».

В следующем очерке мы увидим, как тесно переплетутся змеи криминала и черного колдовства.

В ТЕНИ КОРОЛЯ-СОЛНЦА

На юношу из черной книги магий
Смотрели зорко с выцветшей бумаги
Изображенья для нечистых глаз,
Все мерзости, каких бежит рассказ.

Роберт Саути «Баллада о молодом человеке»

Если тщеславие и кокетство увлекли ее на пагубный путь,
я прощаю ей, презирая ее.

Александр Дюма «Виконт де Бражелон»

Бедный виконт! Если бы он только знал, кто заменит мадам де Лавальер в спальне Людовика XIV! По сравнению с кроткой хромоножкой, маркиза де Монтеспан была настоящим исчадием ада.

Очередная сессия вновь восстановленной «огненной камеры» — чрезвычайного трибунала, учрежденного еще Генрихом II (1547) для борьбы с кальвинизмом, была назначена на 10 апреля 1679 года. Когда судьи Людовика XIV, «короля-солнца», вошли в задрапированную черным сукном залу, лейтенант коннополицейской стражи Дегре самодовольно приосанился. Злодеяния арестованной им на паперти собора Нотр-Дам Катрин Монвуазен, урожденной Дезейе, далеко превосходили подвиги маркизы-отравительницы Жанны де Бренвье, которую бравый полицейский в свое время сумел извлечь из святых стен льежской обители. На совести дорожной красавицы, представшей на сей раз перед судом, были такие подвиги, что даже королевскому юристу метру Ларейни пришлось, дабы унять тошноту, прибегнуть к флакону с нюхательной солью. Пристально вглядываясь в измученную пытками подсудимую, чье некогда роскошное, стоившее 15 тысяч ливров платье было изодрано, запачкано кровью и нечистотами, Габриель Никола Ларейни машинально перелистал лежащие перед ним протоколы. Собранных следствием материалов было более чем достаточно, чтобы без лишних слов передать ювелиршу Монвуазен парижскому палачу.

В ее саду в Сен-Жермене было найдено 2500 закопанных детских трупиков и неразвившихся эмбрионов, а изъятого при обыске крысиного яда вполне хватило бы, чтобы отправить на тот свет добрую половину мужей, наскучивших своим женам. Однако не заурядные отравления смущали метра Ларейни и уж тем более не подпольные аборты. Особая деликатность процесса заключалась в том, что клиентками Монвуазен состояли особы с очень громкими именами. Ее услугами пользовались, например, герцогиня Орлеанская, герцогиня Бульонская и сама маркиза де Монтеспан, заступившая место постригшейся в монахини Лавальер. Могущественная фаворитка, подарившая его величеству четверых детей, сама переживала теперь трудный момент «смены караула».

Получив личное указание Людовика сжечь сразу после вынесения приговора все документы, Ларейни понимал, что скользит по лезвию ножа. К счастью для истории, юрист не выполнил королевских инструкций, и дело было сдано в архив, откуда извлек его в 1792 году вихрь революции.

Лишь благодаря этому мы знаем теперь во всех подробностях, как проходили так называемые черные мессы.

Одна из гравюр тех времен запечатлела Франсуазу де Монтеспан лежащей на жертвенном столе, над которым склонился изуверско-священнослужитель, окропивший кровью зарезанного младенца ее обнаженное тело. Благодаря предусмотрительности Ларейни нам известно имя черного мага. Это знаменитый аббат Гибур. Двадцать лет практиковал он черные мессы в заброшенной церкви Сен-Марсель и с помощью восковых фигурок энвольтовал на смерть. Представшая перед «огненной камерой» супруга почтенного ювелира Монвуазена была посредницей между Гибуром и придворной камарильей, которой оба они служили, не зная устали.

Услуги их были весьма разнообразны. Например, поименованные выше принцессы мечтали избавиться от опостылевших им супругов, не прибегая к мышьяку, ибо прах сожженной после отсечения головы маркизы де Бренвье еще носился в воздухе. То обстоятельство, что обреченные на смерть пары Франции упорно не желали умирать, никого не смущало. Раньше ли, позже ли, но энвольтования подействуют, и ни о чем не подозревающие рогоносцы начнут усыхать.

Гибур терзал окрещенных кукол булавками, его сообщница набивала мощну, а титулованные негодяйки развлекались вместе с любовниками на черных мессах. Словом, все они могли позволить себе не торопиться.

Обстоятельства мадам де Монтеспан, повторяю, были много сложнее. На озаренном «королем-солнцем» небосклоне всходила новая ослепительная звезда. Нежные чувства, проявляемые Людовиком к юной маркизе де Фонтан, ни для кого уже не были секретом, и промедление грозило Монтеспан безжалостной отставкой.

Трижды она пробиравалась в заброшенную церковь, чтобы лечь в чем мать родила на холодную каменную столешницу. Перерезав во славу Асмодея и Астарота горло очередному младенцу, Гибур трижды наполнял кровью колдовскую чашу, которую, согласно ритуалу черной магии, ставил между ног королевской любовницы, а колдовство все не срабатывало!

«Желаю, желаю, желаю! — словно в горячке, твердила отвергнутая метресса. — Пусть навсегда сохранят король и наследник дружбу ко мне! Пусть и впредь останется королева бесплодной, и пусть покинет ее король ради меня! Пусть жалует король меня и моих родных всем, что я пожелаю! Пусть считаются со мной и любят меня высокие вельможи! Пусть пригласят меня к участию в королевском совете, дабы я знала обо всем, что там говорится! Пусть король изгонит Фонтан и никогда больше не взглянет на нее!

И пусть расторгнет король свой брак с королевой и обвенчается со мной!»

Все мерзости, все вопиющее ничтожество власти, сосущей кровь великого народа, раскрываются в этой нечестивой молитве. Жалкий монарх, с легким сердцем идущий на любое преступление ради удовлетворения сиюминутной прихоти, погрязшие в пороках ничтожества-куртизаны, зловонная атмосфера преступности, круговой поруки и кумовства. Человеческая жизнь не стоила и гроша, а точнее, оценивалась в пять-шесть ливров, которые приходилось выкладывать Гибуру, чтобы приобрести в населенном бедняками квартале еще одного некрещеного младенца для людоедской потехи. Собранную в чаше кровь он — как-то рекомендовали старинные гримуары — запекал в облатки и причащал ими, кощунственно пародируя католическую мессу, свою сиятельную клиентку. Привлекая адские силы угодным им богохульством, шестидесятилетний пастырь изливал при этом потоки самой непристойной ругани. Короче говоря, он проделывал все те чреватые костром гнусности, в которых инквизиторы в течение четырех веков облыжно пытались обвинить мыслителей, реформаторов, ученых.

Едва ли сам он верил в силу таких магических упражнений, а если и верил, то не мог не знать, что заказанная фавориткой черная месса не даст желаемого. Ведь по настоянию других дам — герцогини Ангулемской, мадам де Витри — тот же аббат Гибур служил дьявольскую обедню ради гибели Монтеспан.

О, это был на редкость доходный промысел! Черная месса стоила 100 и более тысяч ливров, за восковую фигурку Монвуазен брала 20, за порцию мышьяка — 50 тысяч. Учитывая «оптовые» цены на новорожденных детей, которых не могли прокормить матери, а также ничтожную стоимость мышьяка, барыш выглядит поистине фантастическим. Несмотря на занесенную над головой Ларейни карающую длань короля, невзирая на ожесточенную травлю растревоженного осиног гнезда аристократов, фанатичный судейский решил выжать из Монвуазен все до капли. И ювелирша которой пытка развязала язык, уже не надеясь на покровителей, подробно объяснила каждую статью бухгалтерской книги, обнаруженной в ее доме. Рассказала она и о составе приворотного зелья, предназначенного для короля, куда входили высушенные и истолченные в порошок кроты, кровь летучих мышей, шпанские мушки и смешанное с колдовскими травами вино.

Испробовав этот «любовный напиток» на венценосном партнере, Монтеспан и тут не добилась успеха. Более того, ветренный монарх все-таки успел обзавестись новой пассией. Прибегнув в который раз к помощи безотказной ювелирши, отчаявшаяся Франсуаза велела изготовить специальный пакет, чтобы отравить короля, когда тот соблаговолит ознакомиться с поступившими на высочайшее имя прошениями. Для подкольной змеи Фонтан были заказаны отравленные перчатки.

Именно на этой кульминационной стадии полиция и произвела первые аресты. Число обвиняемых достигло 147 человек. В деле фигурировала даже такая особа, как маркиза Марзини, кузина почившего кардинала Мазарини и также бывшая королевская любовница. Однако на костер вместе с ювелиршей Монвуазен взойшли только 35 осужденных. Предупрежденная самим королем, Марзини скрылась в Гент, отвергнутую Монтеспан с рентой в 20 тысяч ливров отправили в ее собственное поместье, а сатаниста Гибура упрятали в тюрьму.

Насквозь прогнивший режим мог еще 112 лет скрывать от глаз народа грязные пятна на своих затканых геральдическими лилиями простынях.

«Тот, кто даровал людям королей, — писал Людовик XIV в назидание будущему Людовику XV, — желал, чтобы их чтили как его наместников, и одному себе предоставил право судить об их поступках».

Расстанемся на этом с тайнами королевского дома Бурбонов, чьи архивы, поднятые на поверхность силой революционного взрыва, помогли нам пролить толику света на самую темную сторону колдовского действия. Займемся самим действием.

Джеймс Джордж Фрэзер с тонкой иронией и прозорливостью говорит в «Золотой ветви» по поводу черной мессы следующее:

«В необразованных слоях современной Европы продолжают оставаться в силе различные формы магии и религии. Так, согласно одному сообщению, во Франции большинство крестьян продолжает верить в то, что священник обладает тайной и неодолимой властью над природными стихиями (то есть попросту является магом — *Е. П.*)... Гасконские крестьяне также верят, что, для того чтобы отомстить своим врагам, злые люди иногда склоняют священника отслужить обедню, называемую обедней святого Секария. Знают эту обедню очень немногие, и три четверти из них ни за что на свете не согласились бы ее отслужить. Только недобрый священник отважится исполнить этот отвратительный обряд, и можете быть уверены, что на страшном суде он дорого за это заплатит. Викарий, епископ и даже архиепископ города Оша не имеет права отпустить такой грех. Одному лишь папе римскому принадлежит это право. Служить обедню святого Секария можно только в разрушенной и запущенной церкви, где ухают ко всему безучастные совы, где в сумерках бесшумно летают летучие мыши, где по ночам останавливаются на ночлег цыгане и где под оскверненным алтарем притаились жабы. Сюда-то и приходит ночью недобрый священник со своей возлюбленной. Ровно в одиннадцать часов он начинает задом наперед бормотать обедню и заканчивает ее, как только часы зловеще пробьют полночь. Священнику помогает его возлюбленная. Гостия, которую он благословляет, черна и имеет форму треугольника. Вместо того чтобы причаститься освященным вином, он пьет воду из колодца, в который было брошено тело некрещенного младенца».

Обратим внимание на слова «священник со своей возлюбленной».

Для успеха колдовских действий магу требуется женская энергия, и пусть символически, королевская любовница и прочие высокогородные аристократки должны были непременно изображать с престарелым Гибуром кульминационную сцену шабаша — брак Сатаны с юной ведьмой. И, по-видимому, шли на такое и даже приводили с собой чичисбеев¹, которых, однако, не поражала слепота и глухота. Воланду, чтобы устроить памятный бал, тоже понадобилась «королева». Взяв на себя ее роль, Маргарита чисто условно, сделалась супругой властителя ада. Поскольку практически каждый что-то знает о колдовских манипуляциях из художественной литературы, познакомимся коротко с их, так сказать, непременной аранжировкой, регламентом. Это понадобится нам в заключительных разделах, посвященных деятельности сатанистских сект современного Запада.

Во все века для совершения магических церемоний избиралось уединенное место, подальше от людского жилья. Все колдовские требники подчеркивают, что помещение, где священнодействует маг, должно быть закрыто и совершенно недоступно для посторонних. Перед отправлением церемонии его всякий раз освящали и очищали заклинаниями от враждебных сил.

Если только дело не происходило в описанной Фрэзером церкви, колдовскую площадку требовалось освободить от всякой мебели и каких бы то ни было украшений. Оставляли только квадратный стол с каменной доской, расположенный у восточной стены и убранный с двух сторон белым полотном.

На таком престоле «сервируются» основные атрибуты «Искусства»: две освященные восковые свечи, меч (шпага) и кадильница. Известные нам магические круги, защищающие колдуна от враждебности вызванных им духов, вычерчивали освященным углем или мелом. По крайней мере, так полагалось в темные времена кустарного чернокнижия. Ныне, как уже говорилось, к услугам несведущих в кабалистической науке «фаустов» есть готовые блоки. Считается, что никакое оккультное влияние не способно проникнуть за линию чертежа. Увидев, что в часовне летает гроб с усопшей панночкой, Хома Брут поспешил обезопасить себя именно таким манером. С какой удивительной силой изобразил это Н. В. Гоголь!

«...Слышал, как нечистая сила металась вокруг его, чуть не зацепляя его концами крыл и отвратительных хвостов. Не имел духу разглядеть он их; видел только, как во всю стену стояло какое-то огромное чудовище в своих перепутанных волосах, как в лесу; сквозь сеть волос глядели страшно два глаза, подняв немного вверх брови. Над ними держалось в воздухе что-то в виде огромного пузыря с тысячью протянутых из середины клещей и скорпионных жал. Черная земля висела на них клоками. Все глядели на него, искали и не могли увидеть его, окруженного таинственным кругом».

---

¹ Постоянный спутник состоятельной замужней женщины, сопровождающий ее на прогулках и увеселениях

О, если бы только бурсак послушался внутреннего голоса и не взглянул тогда в страшные очи Вия! Воля теурга материализует духов, но страх размагничивает ее и разрушает силу охранных знаков. Всего в нескольких строчках образ, созданный гениальным художником, воплотил темную воду чародейных трактатов.

Кроме мага, в круге могут находиться — лицом к центру — еще восемь человек. Всем им предписано нерушимое безмолвие. Один из них — страж Востока — держит чернильницу и перо.

Форма чертежа не всегда одинакова и меняется в зависимости от места и времени колдовских радений. При составлении круга принимались во внимание чин вызываемого духа и его имя, день и час, положение соответствующей планеты, а также имя управляющего часом ангела, его эмблема (печать), знак Зодиака и множество прочих подробностей, известных нам по таблицам, как-то имена духов Солнца и Луны. Все это тщательно, причем колдовскими буквами, помечалось на чертеже.

Обычно он представлял собой большой квадрат с тремя вписанными в него концентрическими кругами. В пространстве между средней и внешней окружностями размещали по сторонам света имена ангельских сил, в следующем кольце — четыре имени демиурга, отделенные друг от друга крестами. Внутренний круг тоже делили на четыре сектора, обозначая восточный греческой буквой альфа, а западный — омега.

По сути, это была маленькая законченная — от альфы до омеги — Вселенная, «первая формула» ее. Для закрепления подобия углы квадрата «запечатывали» знаками пятилучевой звезды («Ты испугался пентаграммы?» «Фауст»), а с внешней стороны размещали жаровни для курений.

Сообразно «второй формуле», обходились без внешнего четырехугольника, но зато вписывали два квадрата во внутренний круг, располагая больший из них ромбом по сторонам света. Его углы помечали знаком креста, а в углах малого — рисовали круги, куда тоже ставились жаровни. Часть внешнего круга, с северной стороны, оставляли открытой для прохода. Ее охранял страж с мечом. В кольце между внешней и средней окружностью соответственно к востоку и западу располагали слова «Адонай» и «Агла».

Вне чертежа, в западной стороне, в землю втыкалась шпага, а поодаль, в восточной части, вычерчивали треугольник со словом «Иеве», где должен был материализоваться вызванный дух.

При волхвованиях употреблялись следующие предметы: шпага, магическая палочка, жертвенный нож, хрустальная чаша, письменные принадлежности, свечи, венки из «планетных» цветов, курения и сосуд с водой. Все это размещали на столике позади престола.

Авторы гримуаров, вроде книги Гонория, настоятельно подчеркивали, что каждый атрибут должен быть непременно сделан либо освящен руками самого мага. Дремучим чернокнижникам и в страшном сне не могло присниться, что настанет время промышленного производства и оптовой торговли. Да и кому ныне под силу

выковать из соответствующего «планетного» металла двуручный меч? Да еще украсить клинок шестиугольной печатью с названием планеты и именем духа внутри! На клинке гравировалось столько звезд, сколько духов предполагал потревожить маг на предстоящем сеансе. Причем эти требующие терпения работы могли проводиться лишь в строго указанные часы, когда прибывала Луна.

Не меньшего тщания требовало и приготовление жертвенного ножа, который полагалось вываривать в освященном масле. Магическую палочку маг обычно вырезал из орешника, еще не дававшего плодов и загодя украшенного кольцами из семи «планетных» металлов.

Семью металлическими гвоздиками — я так и не понял, чем заменяли при этом ртуть, — помечались и освященные свечи. Нужны целые тома, чтобы описать необходимые подробности церемониала. Даже курения подбирались в строгом соответствии с нравом потустороннего гостя и днем недели. В воскресенье жаровни заправляли красным сандалом, в понедельник — алоэ, во вторник — перцем и т. д.

Особое прилежание требовалось от мага при изготовлении сугубо личной «Книги духов». Говоря современным языком, это было подробнейшее досье на одного или же нескольких обитателей астрала. Слева рисовалось магическое изображение духа, справа же записывались анкетные и агентурные сведения: имя; свойства и качества, связанное с ними заклинание; достоинство в ангельской или же агельской, то есть демонической, иерархии; ранг; сфера деятельности; сила и мощь.

Мало было, однако, составить такой поминальник, его требовалось еще и должным образом освятить.

«Заклинания должно производить, — категорически предупреждают интерпретаторы средневекового чернокнижия, — на воздухе (на известном перекрестке) или же в магическом храме. Благоприятное время и час для заклинания определяются по звездам. Освящение производится через призыв духа или духов «Книги», которая кладется раскрытой в треугольник. Маг же помещается в круге, находящемся на западе...»

Далее можно не продолжать: нам уже знакома «вторая формула». Остается сказать несколько слов о самом маге.

Адепт белой магии был обязан вести святую, то есть подвижническую, жизнь, обладать силой влияния на людей, получить посвящение в таинства и непоколебимо верить в себя.

Если откорректировать первый пункт в инфернальном духе, то весь комплекс можно отнести и к жрецу темных сил, к тому же Гибуру, например.

Служителю ангельских сил положены длинные ниспадающие одежды из белого полотна. При колдовских операциях его голова, руки и ноги должны быть обнажены, а лицо покрывает повязка, поддерживаемая золотым обручем с изображением треугольника или же четырех пентаграмм.

Магические действия, полностью подобные церковному чину, состоят из: молитв и обращений; призывов божественных имен; окропления освященной водой; помазания маслом, кадения; прикосновения магическими знаками; благословения дуновением.

Делая рукой благословляющий знак, маг всегда сообразуется с законами чисел, ориентируясь на символизм бинера, тернера и т. д. Приносимые им жертвы предназначены либо чтобы умиловить духов — тогда на заклятие берут барана; либо очистить — козла. Для этого на престоле разжигают костер, где с соблюдением определенной последовательности сжигают жир, внутренности и мясо животного.

За неделю до намеченного события маг, с соблюдением определенных очистительных процедур, впервые входит в начертанный круг, чтобы начать моления, которые и продолжает потом день за днем. Утром седьмого дня он совершает умощения и, стоя на коленях, поет псалмы. Затем поднимается и начинает вертеться волчком, пока не упадет в экстазе, выкрикивая, как на шаманском камлании, нечленораздельные слова. Колдовской чертеж уподобляется янтрам, тантрийской медитационной мандале.

Приведем несколько типичных заклинаний, извлеченных из французских гримуаров XVI—XVII веков.

Формула посвящения:

«О, Адонай, Иеве, Зебаот, о, превысший отец, творец неба и земли четырех элементов и высших духов, заклинаю тебя, ради твоих сил и добродетелей освятить этот меч, который изготовлен для твоего блага. Я заклинаю тебя, меч, именем истины, жизни, вечности, творения, происшедшего из ничтожества, чтобы ничего не было в моем обладании, кроме непорочности и добродетели».

Она годится для любого предмета. Меч я избрал только в качестве примера. Памятуя о страстях Франсуазы-Атенаис маркизы де Монтеспан, и также для примера, подставим соответствующие имена и в Заклинание любви:

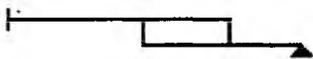
«Заклинаю, чтобы Людовик соединился с Франсуазой так же, как соединены огонь, воздух и вода с землей, и чтобы помыслы Людовика направлялись к Франсуазе, как лучи солнца направляют свет мира и его добродетель; и чтобы он, Людовик, создал ее в своем воображении и взгляде так, как небо создано со звездами и дерево — со своими плодами. И да витает высокий дух Людовика над духом Франсуазы, как вода над землей. И делайте так, чтобы упомянутый Людовик не имел бы желаний есть, пить и радоваться без Франсуазы».

Если в соответствующих местах заменить утвердительные пожелания отрицательными и наоборот, то получится заклинание ненависти.

Его не раз заказывали соперницы Монтеспан, заказывала его и она сама, когда другая маркиза сумела вытеснить ее из королевской спальни.

Муза истории Клио между тем шла своим путем, недоступная молениям и проклятиям.

При энвольтовании любви и ненависти, как и для других случаев, употреблялись пентакли — сделанные с соблюдением всех магических требований металлические, соответствующие планетам, кружки со священными изречениями и именами. В «Ключе Соломона» описано великое множество амулетов на все случаи жизни. Однако, коль скоро тема коснулась любовного приворота, упомяну для иллюстрации медный, надушенный вербеной диск Венеры, ангел которого именуется Монашиэлем, а имя высшей силы — Вералиан, и свинцовый пентакль противоположного по воздействию Сатурна. Дабы не разлучать любящих, умолчу о его роковых паролях. И в заключение два чисто практических рецепта: «Изготавливать во время 9-го положения Луны кольцо из золота. Вставить топаз. Гравировать на камне следующее изображение:

Освятить и окурить апельсиновой коркой. Магические свойства кольца: носящий это кольцо, беря его в рот, делается невидимым. Слово кольца: Тонушо».

Подумать только, как просто! Впрочем, любителям хорошей рыбки заполучить искомое еще легче. Для этого требуется лишь: «Изготовить во время 15-го положения Луны кольцо из олова. Вставить горный хрусталь. Гравировать на камне следующее изображение:

Освятить и окурить мухами. Магическое свойство кольца: покровительство рыбной ловле. Слово кольца: Бальбуш».

Системы знаков и колдовской язык, известные как «язык и магия Еноха», были разработаны нашим знакомцем — английским чернокнижником доктором Джоном Ди и его партнером Эдвардом Келли. Ключ к языку дают заполненные буквами фигуры: круг, семиугольник, семилучевая звезда, гексаграмма и пентаграмма. Ничего подобного до Ди в истории магии не встречалось. Недавно удалось расшифровать некоторые знаки, а буквы колдовского алфавита сопоставить с латинскими. Таким образом, многие абракадабры были разгаданы. Вот характерный пример: «Madariatza das perifa Lil cabisa micaolazoda saanire caosago of fifia balzodizodarasa iada».

Эта прежде бессмысленная, включающая элементы разных языков формула звучит в переводе так: «О ты, имеющая пребывать в первом воздухе, ты могучая в части земли, исполни приговор».

Не Бог весть какое откровение, но хоть суть ясна. Под тарабарщиной, которую не понимали даже сами колдуны, скрывались языческие моления, обращенные к духам стихий.

ФИГУРЫ ПОД МАСКОЙ

**Капитула
двенадцатая**

КОРОЛЕВСКАЯ АРКА

Отсюда и возникло великое противление и вечная вражда между Богом и Люцифером: ибо сила Божия движется совершенно кротко, любовно и приветно, так что нельзя даже постигнуть ее рождения; а духи Люциферовы движутся и рвутся совершенно терпко, огненно и буйно.

Яков Бёме. «Аврора или утренняя заря в восхождении»

Так как мне дозволено открыть слышанное и виденное мною... я скажу сначала, как человек воскресает или как из телесной жизни он входит в жизнь вечную. Чтобы я был уверен в том, что люди живут по смерти, мне даровано было говорить и беседовать не только день один или неделю, но месяцы и почти целый год с многими из тех, кого я знал в их земной жизни; я говорил и беседовал с ними в миру.

Эмануэль Сведенборг. «Тайны неба»

В переломные времена в общественном сознании оживают предрассудки и мифы. С одной стороны, появляется тяга ко всему таинственному, запредельному, с другой, возникает соблазн найти козла отпущения. Обе эти тенденции в полной мере проявились по отношению к масонству.

Подавляющее большинство населения весьма поверхностно осведомлено о сущности древнего института. Даже само название «масон», и то нуждается в разъяснении.

Английское слово «мейсон» означает всего-навсего «каменщик», а «фри мейсон» — «вольный каменщик». Так еще во времена средневековья именовали себя представители вполне уважаемого цеха строителей. В законченном виде он оформился в эпоху возведения грандиозных готических соборов. Как всякий профессиональный союз, гильдия каменщиков ревниво оберегала секреты ремесла. У нее было свое знамя, устав и довольно развитая символика строительных знаков.

Из английского название перекочевало в другие языки, потеряв первоначальный смысл. В России, где в высшем обществе был больше в ходу французский, франк-масонов называли подчас «фармазонами». Это стало синонимом мошенника, прощелыги. Между тем, интерес к масонству проявляли весьма достойные люди, как, например, создатель вольной типографии Новиков, поэт Херасков, зодчий Баженов. Среди масонов в разное время числилось множество знаменитых деятелей науки, культуры, политики.

В «работах» парижской ложи «Девяти сестер» принимали участие Кондорсе и Вольтер, скульптор Гудон и астроном Лаланд. Там же получил первое напутствие и физик Бенжамин Франклин, создатель громоотвода и один из отцов американской демократии.

В 1780 году в ложе «Амалия» дал обет Гете, в 1781 году в ложе «Святого Давида» — Бернс, 14 декабря 1784 года венская ложа

«Согласие» приняла в свои ряды Моцарта, спустя год — Гайдна. Уже одна близость дат указывает на императив времени.

Предчувствие обновления мира, а не поиски философского камня, равно владело столь разными людьми, какими были Эдуард Дженнер, создавший противооспенную вакцину, Николо Паганини, актер Эдмунд Кин и Бетховен.

Масонские писатели делают историю ордена на два периода: деятельный, когда в ложи допускались только строительные рабочие, и умозрительный, когда большинство составили люди, посвятившие себя возведению символического храма всемирной гармонии и науки.

Показательно, что масонство очень скоро зачислило в свои ряды и «короля мистиков» Якова Бёме (1575—1624), и Эмануэля Сведенборга (1688—1772), свободно «общавшегося с Богом и ангелами». Хотя ни тот, ни другой не имели касательства к деятельности лож, возникла даже специальная «система Сведенборга» и совершенно фантастическая степень «Князей Розенкрейцеров», известная также под названиями «Верховных князей Розового Креста», «Князей Розенкрейцеров Гередома». Как Исидра, ищущая останки Осириса, мистика собирала осколки феодального чина.

Ритуалы и легенды масонства восходят к легендарным временам строительства Соломонова храма. Утверждается даже, что «Великий Архитектор» поведал масонские тайны Адаму еще при сотворении мира. Во всяком случае, календарь «вольных каменщиков» отсчитывает время с 4000 года до рождения Христа, за исключением «Рыцарей Солнца» (28-я степень шотландского устава), которые не признают летосчислений и вместо даты ставят семь нолей.

Когда царь Соломон, которому повиновались духи, поручил зодчему Хираму Абифу (Адонираму) управлять всеми работами, число строителей достигло уже 3 тысяч. Чтобы избежать путаницы при раздаче денег, Адонирам, состоявший до того на службе у властителя Тира, разделил своих людей на три разряда: учеников, подмастерьев и мастеров. Разряды эти можно было узнавать только при помощи тайных знаков, слов и прикосновений. Однажды трое подмастерьев, решив поскорее стать мастерами, устроили в храме засаду. Они хотели подстеречь Адонирама и любой ценой выпытать у него высший мастерский пароль. Каждый из подмастерьев затаился у одной из дверей. Когда Адонирам появился наконец у южного входа, один из них вышел из-за укрытия и потребовал секретный пароль. Адонирам отказался сообщить подмастерью высокие тайные знаки, и тут же на его голову обрушился сильный удар. Это подмастерье ударил строителя линейкой. Адонирам бросился к западной двери, но и там его ждал заговорщик, который нанес удар в сердце остроконечным наугольником. Собрав последние силы, Адонирам хотел спастись через последнюю, восточную дверь, но третий убийца, не добившись желаемого пароля, добил строителя мастерком.

Когда на город опустилась мгла, подмастерья унесли тело Адонирама на Ливанскую гору, где и закопали, отметив место ветвью

акации. Но посланные царем девять мастеров обнаружили могилу, легко выдернув ветку из покрытой мохом земли. Когда свежий грунт разрыли и увидели обезображенное тело, один из мастеров коснулся мертвого Адонирама ладонью и сказал: «Макбенак! Плоть покидает кости!». И тогда было условлено, что слово это останется впредь между мастерами вместо утерянного со смертью Адонирама пароля. При посвящении в степень мастера лежащему в гробу кандидату вкладывали в руку ветвь акации, а восклицание «Акация знает!» стало излюбленной поговоркой масонов.

Девять строителей, обнаруживших кости (переосмысленная в масонстве алхимическая идея преображения), в один голос воскликнули: «*Muscus domus, Dei gratia!*», или в масонском развернутом переводе: «Благодарение Богу, наш мастер имеет мшистый холм!».

Указывая на очевидные нелепости масонских легенд, критики с нарочитым удивлением и не без сарказма подчеркивали, что библейские мастера, оказывается, вполне владели латынью. Удивляться действительно не приходится: латынь, наряду с еврейским и греческим, считалась языком оккультизма, что лишний раз обнаруживает гносеологические корни масонского ритуала. Его мнимые, завуалированные напыщенной символикой тайны проясняет многозначительная риторика посвячительных диалогов.

Проанализируем словообмен между «великим мастером» ложи и союзкателем масонской степени подмастерья:

— Брат, нет ли чего-нибудь между вами и мною? — спрашивает мастер.

— Есть, достопочтенный.

— Что же это такое, брат?

— Тайна, достопочтенный.

— Какая это тайна, брат?

— Каменничество.

— Итак, вы, я полагаю, масон?

— Таким меня считают и принимают братья и товарищи, достопочтенный.

— Почему вы сделались масоном?

— Для тайны и чтобы из мрака тотчас перейти в свет.

— Есть ли у масонов тайны?

— Есть, много и высокой цены.

— Где сохраняют они их?

— В своих сердцах.

— Кому они доверяют их?

— Никому, кроме братьев и товарищей.

— Что такое тайна масона?

— Знаки, приметы и особые слова.

— Скажите, прошу вас, каким человеком должен быть каменщик?

— Это должен быть человек, родившийся от свободной женщины.

— Где вы сначала готовились сделаться масоном?

— В своем сердце.

— Как готовили вас?

— Я не был ни раздет, ни одет, ни босой, ни обутой, с меня убрали всякий металл, я был с завязанными глазами, с веревкой на шее. Тогда меня повели к дверям ложи в неподвижно-подвижном положении, под руку с другом, в котором я узнал потом своего брата.

— Как вы могли узнать, что тут была дверь, когда у вас были завязаны глаза?

— Потому что нашел я сначала стену, а потом получил допуск.

— Как получили вы допуск?

— Тремя сильными ударами.

— Что вам сказано было изнутри?

— «Кто там?»

— И что вы ответили, брат?

— Человек, который желает получить и просит участия в делах этой достопочтенной ложи, посвященной святому Иоанну, как это сделали до него многие братья и товарищи.

— Почему вы надеялись получить это участие?

— Потому что я родился свободным и пользуюсь доброй славой.

— Что вам сказали на это?

— «Войдите».

— Как вы вошли?

— По острию меча или копья, или другого военного оружия, которое приставили к моей обнаженной груди.

— О чем спросили вас, когда дали вы обязательство?

— «Чего вы желаете больше всего?»

— Как ответили вы?

— «Быть приведенным к свету», — ответил я. С глаз моих сняли повязку и я увидел себя перед братьями, направившими в грудь мою обнаженные мечи.

— И что еще увидели вы?

— Библию, треугольник и циркуль — три великих светильника масонства. Библия управляет нашей верой, треугольник делает прямыми наши действия, циркуль соединяет нас со всем человечеством.

— И что еще увидели вы?

— Три свечи — три меньших светильника. Свеча-солнце управляет днем, свеча-луна управляет ночью, а свеча-мастер управляет ложой. Затем мастер взял меня за правую руку и дал мне прикосновение и слово новопринятого ученика.

«Высокой цены» тайны, смысл посвятельного действия и даже преемственные связи масонства с герметическим сектантством — все это с предельной ясностью раскрывается в ритуальных вопросах и ответах. Рассказывая мастеру о том, как его принимали в ученики, будущий подмастерье как бы сдавал экзамен на знание ритуала. С виду бессмысленный лепет, вроде «я не был ни раздет, ни одет», при ближайшем рассмотрении обретает некую бытовую конкрет-

ность. У нынешнего кандидата, как некогда у его наряженного в камзол и туфли с бантами предка, просто-напросто отобрали в приемной ложи все металлические предметы. Затем он закатал штанину выше колена, надел на правую ногу комнатную туфлю, расстегнул пиджак, рубашку и обнажил левую сторону груди. Послушно проделав все эти нелепости, неофит подставил шею под петлю и дал завязать себе глаза. Однако если доверчивый простак думал, что его подвергнут изощренным пыткам или принудят к участию в шабаше, то его ожидало разочарование.

Проведенный мимо стража, держащего меч, он стучался «тремя ударами» в двери ложи, где к его сердцу приставляли «военное оружие». Затем, после ритуальной беседы с достопочтенным мастером, давал на коленях присягу. Положив руку на раскрытую Библию, он клялся свято хранить секреты масонства.

По инициативе Перси Герберта, бывшего епископа Нориджа, в 1964 году великая английская ложа разрешила несколько осовременить текст клятвы. Однако канонические фразы, вроде: «Перережьте мне горло, вырвите с корнем мой язык и закопайте его в песок там, куда доходит отлив», способные вызвать восторженный озноб у Тома Сойера и Гека Финна, остались.

Наконец, под аплодисменты братьев повязка была снята, расхристаный, ослепленный сиянием ламп неофит увидел хорошо ему знакомых джентльменов в масонских передниках во главе с мастером и двумя надзирателями. Старший из них торжественно вручил новому брату передник, который он тут же надел, чтобы спрятать вскоре в портфель до следующего собрания.

— Братья! — призвал мастер по окончании. — Помолимся великому и всеобщему Архитектору мира и строителю человека о благословении всех наших предприятий, о том, чтобы новый друг стал нашим верным братом, чтобы ниспослал он мир и милость и сделал нас причастными к божественной природе.

Строго говоря, масоны считают себя не тайным обществом, а «обществом с секретами» и, за исключением отдельных наиболее экзальтированных «Тамплиеров» и «Розенкрейцеров», не занимаются оккультными изысканиями. Главный центр английских «вольных каменщиков» — «Фримейсонзхолл» в Холборне — занимает одно из наиболее высоких в Лондоне зданий. В 1966 году британские братья привлекли к себе всеобщее внимание, пышно отпраздновав двухсотпятидесятилетие основания английской ложи — прабабушки масонов всего мира. Тогда же «великим мастером» Англии был торжественно провозглашен герцог Кентский.

Масонство распространено значительно шире, чем это принято считать. В США насчитывается около 50 «Великих» и тысяч двадцать провинциальных лож, объединяющих шесть миллионов членов, в Англии — миллион, полмиллиона — во Франции. В Италии существует 526 масонских лож, но численность каждой из них невелика, а всего количество их членов достигает 15 тысяч человек. За четверть тысячелетия масонство претерпело известные переме-

ны, и теперь его ритуалы, костюмы, символические знаки и пароли уже никак нельзя считать тайной. Прodelав простые формальности, каждый может приобрести наставления по обрядам и выучить примитивные способы зашифровки.

Литература, кино, телевидение давно придали самой широкой огласке игры со шпагами и завязыванием глаз, а в специальных магазинах выставлены на продажу фартуки и рукавицы мастеров, пластмассовые черепа, коврики, изображающие гробы, могилы и прочие атрибуты «потусторонних» забав. Короче говоря, гораздо проще овладеть тайнами «высокой цены», чем постичь истинные цели современного масонства. Масонские лидеры уклончиво объясняют, что они «практикуют систему морали, покрытую вуалью аллегории».

Жаждающие приподнять эту вышитую кладбищенскими знаками «вуаль» могут обрести полный масонский статут в течение нескольких месяцев. Для этого необходимо обзавестись нужными связями и хорошенько выучить ритуал. От ученика, знающего секретное слово «Боаз», к подмастерью путь недолог. Претерпев описанные неудобства, связанные с закатыванием штанины и хождением с петлей на шее впотьмах, имитирующие новый подъем по спиральям познания, подмастерье узнает тайное слово «Иакин» и новый тайный знак.

Далее его ожидает третья ступень и вожденное звание мастера, которое достигается участием (в роли трупа) в пантомиме о Хираме Абифе. Обряд требует, чтобы кандидат был «убит», а затем «восстал из мертвых». Для этого его могут даже положить в гроб, после чего он получает ветку акации, а вместе с нею новые масонские знаки и новый пароль.

Доказав, что может умереть, но не выдать масонской тайны, как Хирам, а после воскреснуть, новоиспеченный мастер дает новую клятву, не менее мрачную, чем прежние: «...пусть мое тело разрежут пополам, мои внутренности сожгут, а пепел развеют по лику земли». Это обет не только оберегать от профанов масонские секреты, но и хранить братскую верность другим мастерам, если, конечно, это не противоречит «законам Бога и установлениям государства».

Далее мы увидим, как на деле соблюдаются столь благонамеренные обещания.

Если новообращенный думал, что хоть на этой ступени он узнает наконец какие-то удивительные тайны, его вновь ждало разочарование. «Свет мастера — это видимая темнота», — глубокомысленно объяснял достопочтенный хозяин ложи.

Для большинства масонов третьей степенью заканчивается путь вверх. Лишь достаточно влиятельные и честолюбивые люди могут сподобиться титулов младших и старших дьяконов и надзирателей, пока уже в зрелом возрасте не получают молоток достопочтенного мастера. Непременными предпосылками для подобного взлета является активное участие в делах ложи, знание ритуалов и щедрые жертвования на благотворительные цели. Стать мастером ложи и

председательствовать на тайных церемониях — вершина мечты среднего масона. Если при прочих равных условиях он не посягнется на предвыборные расходы, она может стать явью. В Англии, например, для завоевания популярности принято делать весомые подарки женам членов ложи на ежегодном званом вечере для дам.

Учитывая большое число масонов, не приходится удивляться тому, что капиталы лож США и Англии исчисляются миллионами.

Эзотерическое влияние оккультизма с особой яркостью проявляется в пестрых обрядах «побочных» ступеней масонства, распространенных главным образом в странах Западного полушария.

В Англии, известной своей приверженностью традициям, единственной высшей степенью, утверждаемой «великой ложей», является «Королевская арка». Носящие этот титул собираются уже не в ложах, а на специальных ассамблеях, где строго соблюдается тщательно разработанный церемониал. «Пророк», «священник» и «король» со скипетрами в руках собираются в пурпурной, голубой и малиновой мантиях вокруг алтаря, на котором начертано «подлинное имя Бога» — Ябулон.

Помимо «истинного», или «голубого», масонства, существует великое множество «незаконных» лож и «поддельных» побочных степеней, число которых доходит до 33 («Древние и принятые ритуалы»), 90 и даже 96 степеней («Объединенный ритуал Мемфис-Мизраим»). В той же Великобритании вне иерархий «Великой ложи» подвизаются всевозможные «Отмеченные масоны», «Матросы Королевской арки», которыми командует «Достопочтенный мастер Ной», «Королевские и Избранные мастера», «Тамплиеры», «Красный крест Константина» и «Розовый Крест». У каждой ложи или же ордена своя униформа и зачастую довольно экстравагантные обычаи. Вступление, например, в орден «Тайного наставника», состоящий из «высшего правителя», князя и рыцарей, требует от неопита выстрела из лука, после чего ему сообщают значение условных знаков. Так, если кто-то из рыцарей совершает неразумный поступок, то его предупреждают, показав два пальца, если же все идет как надо, незаметно выбрасывается один.

Секретные коды и жесты, придающие масонским играм особую притягательность в глазах новичков, были частично заимствованы у герметистов-алхимиков или же переняты у мастеров строительных дел прошлого, которые выработали систему необходимых во всякой работе условных знаков. Они-то и стали для масонов опознавательными.

«Считается дурным тоном, и это может быть расценено как грубая шутка, если вы подойдете и выпалите в ухо незнакомцу: «Боаз!» — говорилось в статье о масонах, опубликованной в одном из британских еженедельников. — Знакомство должно начинаться с обмена масонским рукопожатием. В баре масон может провести стаканом по горлу в знак того, что он масон первой ступени. Он может также встать так, чтобы ступни ног его находились под прямым углом друг к другу. Если обмен такими намеками прошел

нормально, масон может как бы ненароком вставить в разговор отдельные фразы из ритуальных обрядов. Другой может заметить: «Меня учили быть осторожным». Затем следует главный вопрос: «Кто ваша мать?» Это означает: «К какой ложе вы принадлежите?» Если ответ удовлетворителен, знакомство состоялось. Существуют буквально десятки намеков, не понятных никому, кто не изучал их специально».

Не поддаются однозначной расшифровке и масонские аллегории, которые, в зависимости от исторического этапа, переживаемого той или иной страной, а также принятого ритуала и степени, трактовались весьма различно. Это особенно заметно на примере стержневой легенды о Хирме Абифе, которая в канун Великой Французской революции получила совершенно новую интерпретацию.

Символические вещи поддаются, конечно, самым разнообразным толкованиям. Но нельзя не прислушаться к тем историкам, которые на основе документов пытались доказать, что возникшие в тот период ложи иллюминатов и мартинистов приняли, пусть частично, новый тамплиерский ритуал. В этой системе Адонирам — это последний гроссмейстер ордена «Жак де Моле», убийцы которого — король Франции Филипп Красивый и папа Климент — олицетворяют политическую и духовную тиранию.

Это был призыв к восстанию против папы и королей. Потерянное же слово означало «свобода».

Клерикальная реакция с самого начала встретила масонство в штыки. В том же 1738 году, когда образовалась первая во Франции «Великая ложа», папа Климент XII пригрозил в булле «in eminenti» отлучением любому католику, который примкнет к богопротивному союзу. Но папское предупреждение явно запоздало. «Великие ложи» к тому моменту существовали уже не только в протестантских странах, но и в самой Италии — цитадели католицизма. Несмотря на преследования, тайные общества появились и в апостолической столице Священной Римской империи — Вене, хотя организовать «великую ложу» удалось там лишь в 1784 году. Ни аресты, ни казни — в Испании был сожжен на костре «великий мастер» — не смогли остановить рост повсеместной антииезуитской оппозиции, олицетворенной в масонстве XVIII века.

Не помогли и филиппики пап, направленные против богоотступников. Невзирая на резкие выражения, к коим прибегли в своих вердиктах Бенедикт Четырнадцатый, Пий Седьмой, Лев Двенадцатый, и буллу Пия Девятого, где масонство было названо «скопищем еретиков и сатанистов», не только миряне, но даже некоторые клирики и иезуиты прошли гротескную церемонию посвящения. Собственно, именно под влиянием иезуитского ордена ложи эзотерического толка отошли от политической борьбы, окупившись с головой в оккультную мистику. И как бы в противовес им сформировались объединения от иезуитов не зависимые, таинственный церемониал которых служил только необходимым прикрытием для политических сборищ.

«Масонство — это своего рода микрокосм. В нем находят отражение все явления, которые происходят в обществе в целом», — констатировал великий магистр «Великого Востока» Франции.

В России, где первая ложа возникла с благоволения Петра Первого, полагавшего упрочить таким манером связи с Англией и шире распространить просветительские идеи, масонство превратилось при Екатерине Второй в очаг умеренной оппозиции. Многие видные декабристы отдали ему впоследствии дань.

Осенив знаменами реакции все отжившие и ненавидимые будущим республиканцам идеи, сама история позаботилась о том, чтобы к масонству примкнули такие значительные личности, как Лафайет, Марат, Демулен и Бриссо. После взятия Бастилии из 605 депутатов Национального собрания 477 принадлежали к различным ложам, а в одной из них — «Великий Восток» — был взят на вооружение лозунг революции: «Свобода, равенство и братство».

Заметна роль «вольных каменщиков» и в войне за независимость Северо-Американских Соединенных Штатов. Вашингтон, посвященный в масоны в 1752 году в ложе «Федериксбург-4», и его ближайшие соратники были глубоко преданы утопическим прекраснодушным мечтаниям просвещенного масонства о всеобщем братстве людей.

Многолика символика строителей «Нового Храма», осененного заключенным в треугольник Божественным оком и пентаграммой с латинской литерой G, что в одинаковой мере может значить и «геометрия», и «гематрия».

Столь же сложна и противоречива историческая роль масонского движения, которому — каждый по-своему — симпатизировали Наполеон и военачальники противостоящих ему армий и которые яростно преследовал Гитлер, а вслед за ним Муссолини, в прошлом масон 33-й степени, что не помешало уже в наши дни фашисту Личо Джелли превратить одну из итальянских лож в гнездо терроризма. Любая попытка оценки «масонства в целом» обречена на провал, потому что как целостное явление оно едва ли существовало в прошлом и тем более не существует сейчас.

Насколько отвечает этот исторический феномен заявленной теме, мы можем судить по персоналиям.

Если алхимию высокопарно именуют «Королевским Искусством», то масонство в период его расцвета в XVIII—XIX веках с неменьшим на то основанием позволительно назвать «Королевским Развлечением». Достаточно бегло проглядеть длинный список властелинов — вольных каменщиков, чтобы исчезли все сомнения на сей счет.

Рассмотрим основные этапы становления лож, сфокусировав внимание на коронованных особах.

Ремесленные гильдии возникли в Англии еще в начале XII века, а спустя три столетия цехи ремесленников уж господствовали в городах. Уставы артели каменщиков, самых доподлинных, своими руками пришлифовывающих один к одному массивные блоки церкви Святого Петра в Йорке, датированы 1352, 1370 и 1409 годами. Цех собирався в крытом здании, именуемом ложей, имел свое зна-

мя и герб. Тогда уже существовали рабочие разряды: мастер, ученик, надзиратель.

Формальная преемственность, таким образом, налицо, но только формальная, ибо философские масоны строили символический храм, возводили воздушный замок.

Первая Великая, в масонском понимании¹, ложа была открыта в 1717 году, после торжественного въезда в Лондон Георга I. Английские вольные каменщики, заседавшие обычно в тавернах «Гусь и противень», «Корона», «Яблоко», «Виноградная кисть», объединились «под молотком» великого мастера сэра Энтони Сойера.

К масонам примкнули, в основном из любопытства, некоторые члены Королевского общества: доктор прав Теофил Дезаглюэ, исследователь античных мистерий доктор Стекли и автор предисловия к алхимическому трактату «О долговечных людях», укравшийся под псевдонимом Филалет. В масонах видели уже носителей великих тайн, новых розенкрейцеров, что не мешало подозревать их в атеизме и всяческих заговорах.

Вскоре английского духа ложи возникли в Мадриде (1728) и Париже (1732), а некоторое время спустя были учреждены в Гамбурге, Лиссабоне, Лозанне. Дезаглюэ был последним нетитулованным гроссмейстером. После него, вплоть до наших дней, этот пост занимали уже исключительно аристократические особы: герцог Монтегю, герцог Уортон, принц крови герцог Кентский.

Масонство, заодно с клубами, пускает корни в колониях: Филадельфии (1730), Индии (1762), Канаде (1760), на Ямайке (1742).

Высшему свету тесновато в передниках строительных рабочих. Особо знатным присваиваются звания «утвержденного мастера», «выдающегося мастера» и т. п. На свет рождается и новый масонский ритуал «Королевской Арки», нашедший особо рьяных почитателей в среде якобитов — сторонников реставрации дома Стюартов, где всегда были сильны мистические традиции. Здесь вождельно ищут утраченные, а на самом деле никогда не существовавшие связи каменничества с крестоносным рыцарством. Постепенно при эмигрантских дворах — Якова II в Париже и Якова III в Риме — выкристаллизовывается «шотландская система». «Королевская Арка» — это «врата воскресения», где соединяются концы и начала, замыкающая тайну граница, знаменующая утрату земного существования и взлет к высшей жизни. По крайней мере, так декларировалось в велеречивых наставлениях для неофитов.

В 1740 году учреждается «Масонство Королевской Арки» с Верховным капитулом под председательством «Великого Зораавеля». Звучит романтично, но непонятно, как и обещание раскрыть «древние тайны восточных народов».

---

¹ В английском языке lodge имеет следующие значения: домик, сторожка у ворот, помещение привратника, охотничий домик, временное жилище, вигвам, хатка, нора, ложа в театре, рудный двор, квартира директора колледжа и, наконец, масонская ложа.

В 1745 году новые крестоносцы предпринимают поход, но не в Святую землю, а в Великобританию. Они овладевают Шотландией, но войска Георга II, сделав несколько залпов, в пух и прах развеивают яacobитские мечтания. Незадачливый Яков III едва успевает спастись бегством.

Довольно долго старое и новое эзотерическое масонство существовали сами по себе, пока не объединились в 1813 году под высоким покровительством герцогов Кентского и Суссекского, братьев короля. Герцог Суссекский провозглашается «гроссмейстером Великой Соединенной Ложи старых масонов Англии».

От «Материнской» ложи в Лондоне беги распространяются по всему свету. Первым французским великим мастером становится молодой герцог д'Антен. После его безвременной кончины (1773) руководство переходит к графу Клермону, принцу крови. В учрежденную герцогом Шартрским «Ложу чистоты» (1775) вступают исключительно титулованные аристократы: граф Лафайет, маркиз Сен-Жермен, принц Гессе, принц Нассау, маркиз Спинола. Появляется даже фамильная ложа «Великий Восток Бульонов», где бал правит герцог Бульонский, потомок королев-крестоносцев.

Высший триумф масонства отмечен памятной датой 17 июля 1789 года, когда в Парижском муниципалитете состоялось посвящение — сразу во все высшие степени — Людовика XVI (1754—1793). Король проходит сквозь стальной коридор из шпаг, скрещенных над головами братьев. Минет каких-нибудь три года, и участники торжества вынесут ему смертный приговор. В том же, 1793 году ляжет под нож гильотины и гроссмейстер Филипп Орлеанский.

Перенесемся в германские земли. Первым немецким масоном считают владетельного графа Альбрехта Вольфганга Шаумбург-Липпе. Посвящение он получил в Англии в начале двадцатых годов XVIII века, но разрешения на открытие ложи пришлось дожидаться несколько лет. Пока «Материнская» ложа не утвердила устав, немецким братьям приходилось совершать морские путешествия через Ла-Манш, дабы не пропустить заседание в Лондоне. Первую «храмину» — перевод английского названия «масонский храм» мне представляется очень удачным — учредили в Гамбурге в 1733 году.

Кронпринц Прусский, будущий король Фридрих II (1712—1786), сопровождал отца Фридриха Вильгельма I в поездке по Голландии. За обедом в замке Лоо зашел разговор о масонстве. Король¹, прозванный «фельдфебелем на троне», был противником всяких тайных обществ и хранил презрительное молчание, кронпринц же, напротив, выказал явный интерес. Красноречие и темперамент гроссмейстера Шаумбург-Липпе произвели на него сильное впечатление. Склонный к поэзии и философии, он знал, что масонские устремления разделяют такие люди, как Гете и Лессинг, и захотел поближе познакомиться с идеями усовершенствования мира и человека.

¹ Фридрих Вильгельм I (1688—1740), прусский король с 1713 года.

14 августа 1738 года он прошел церемонию посвящения и организовал в замке Рейнсберг ложу, а взойдя на престол, дал согласие возглавить берлинскую ложу «Три глобуса». Немецким масонам особенно льстила открывшаяся возможность называть братом своего короля и великого гроссмейстера. Тем сильнее было разочарование, когда ему наскучил камерный театр с кладбищенскими декорациями.

Тем не менее, именно немцам принадлежит абсолютный рекорд по числу государей, посвященных в вольные каменщики. Тут и император Франц I (1708—1765), и герцог Лотарингский, впоследствии тоже кайзер, герцог Гольштейн-Бекский и герцог Фердинанд Брауншвейгский, принц Людвиг Гессен-Дармштадтский и владетельный маркграф Байрейтский.

Принц Людвиг — прашур последней русской императрицы Александры Федоровны, урожденной Аликс Гессен-Дармштадтской, поддерживал тесные связи с главой шведских масонов герцогом Зюндерманландским, посвятившим в тайны «высокой цены» императора Павла I.

Из книг по истории вольных каменщиков в России можно составить солидную библиотеку, но среди десятков и даже сотен известных имен лишь три могут быть названы в качестве властелинов. Это, притом с немалой дозой сомнения, Павел I и его сын Александр I, а также, но уже определенно, председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский (1881—1970).

Считалось, что первая ложа, как уже говорено, была образована по воле Петра, властелина во всех отношениях универсального. Мастером стула в ней, якобы, был Лефорст, первым надзирателем — Гордон, а вторым — сам царь. Распространено мнение, никак документально не подкрепленное, будто бы его посвятил основатель нового английского масонства Кристофер Врен.

Скорее всего, это предание, получившее наибольшее распространение в царствование Анны Иоанновны, когда русские масоны чувствовали себя наиболее вольготно. Лично у меня вызывает улыбку сама мысль о том, что великий преобразователь, своими руками ладивший корабли и выдиравший гнилые зубы сподвижникам, мог забавляться подобными играми. Для разрядки ему вполне хватало ассамблей и мистерий в честь Бахуса с кубком «Большого орла». Циркуль и угольник он использовал по прямому назначению.

Модное поветрие действительно долетело до Петербурга из Лондона, но первое достоверное известие датируется 1731 годом, когда Петра I уже не было в живых. Гроссмейстер «Великой ложи» в Лондоне лорд Лоуэл «рукоположил» капитана Джона Филиппа в степень провинциального великого мастера «для всея России». Английский ветер оказался переменчив и слаб, и в последующие царствования преобладало французское, вкупе с немецким, влияние. Особо притягательным для просвещенной русской аристократии оказалось розенкрейцерство с его поисками философского камня и метафизикой, обещающей объяснить все и вся.

Большой интерес вызвал и тамплиерский, в немецкой интерпретации, ритуал, известный как «Строгое послушание». В 1780 году герцог Брауншвейгский разослал по всем орденовым провинциям циркуляр с приглашением на генеральный конвент. Русских масонов особенно заинтересовали высшие градусы и высшие тайны, кои за ними мерещились

«Пышные церемонии рыцарства, кресты, кольца, значки и родословные поколения должны были произвести великое впечатление над нацией военною, в которой одно токмо знатное дворянство работою нашею занималось», — говорится в ответе на циркуляр.

Любопытства ради к масонству примкнул и Иван Перфильевич Елагин. Статс-секретарь Екатерины II и провинциальный великий мастер, он до конца дней был привержен его нравственным идеалам. «Смешные церемонии» псевдорыцарства вызывали у него пренебрежительную усмешку, а тамплиерскую систему он называл «гундовой», «собачьей».

Строгости начались еще при Елизавете I, ибо государыня «довольные причины имела совершенно сомневаться». По возвращении графа Н. Н. Головина из Берлина императрица учинила ему изрядный допрос, заподозрив в контактах с Фридрихом не только масонские связи. Головин вынужден был назвать братьев Захара и Ивана Чернышевых, деятелей масонов.

Показания Михаила Олсуфьева, представленные государыне графом Шуваловым, включали список из тридцати пяти громких имен гран-метров и каменщиков высоких градусов. Среди них князь Голицын, Трубецкой, граф Роман Воронцов, отец княгини Дашковой — президента Академии наук.

12 марта 1771 года в Петербург приехал бывший гофмейстер при Брауншвейгском дворе фон Рейхель. В учрежденную им ложу «Аполлона» вошли четырнадцать человек — сплошь, за исключением Нарышкина, шталмейстера ее величества Екатерины II, иностранцы.

Иоганн Элленберг, известный под именем фон Циннендорфа, основавший «Великую Земскую ложу всех каменщиков Германии», прислал Елагину любезное письмо, всячески расхваливая начинания Рейхеля:

«...я счел своею обязанностью... особенно рекомендовать почтенного брата Рейхеля, а также и ложи Вашему покровительству, доверию и благосклонности, так же, как и всем Вашим братьям в Петербурге».

Ложи «Циннендорфской системы», именуемой еще и «шведской», росли, как грибы: «Гарпократа» (Петербург, 1773), «Исиды» (Ревель, 1773), «Горуса» (Петербург, 1774-75), «Латоны» (Петербург, 1775), «Немезиды» (Петербург, 1775-76). «Капитул Феникса» — Великую национальную ложу шведской системы основывает в 1778 году князь Александр Куракин, товарищ Павла по детским мечтаньям и проказам.

Распространение немецкого влияния, с его невообразимой путаницей и неясными мистическими устремлениями, смущало Елагина.

Приверженность к демократической простоте изначального каменщичества заставила его еще последовательнее придерживаться английского курса. Добившись согласия Лондона, он учреждает 26 февраля 1772 года первую в России «Великую ложу». В официальном дипломе, подписанном гроссмейстером «Материнской» ложи Генрихом Соммерсетом, герцогом Бофортским, Иван Перфильевич провозглашался «Провинциальным Великим Мастером всех и для всех русских». Князь Гавриил Гагарин стал надзирателем.

Подробно повествовать о перипетиях масонства в Екатериненские времена едва ли необходимо. Началось сатирической комедией (пьеса Екатерины II «Именины госпожи Ворчалкиной»), кончилось трагедией — рavelинами Петропавловской крепости.

«...из сих лож выходили... разные шалости и шутки», — говорится в донесении князя Прозоровского Екатерине. Когда Елагина обвинили в том, что он «прилепился к писателям безбожным» и «спознался со всеми атеистами и деистами», стало как-то не до шуток. Преследования были вызваны кровавыми событиями во Франции, а последующая реабилитация — воцарением Павла.

Дань масонству отдали Сумароков и Дмитриев, Пушкин и Грибоедов, историк Карамзин и актер Дмитриевский. В масонских списках значатся поколения Голицыных, Лопухиных, Римских-Корсаковых, Орловых, Трубецких, Бибиковых, Бутурлиных, Гагариных.

В 1779 году в Регенсбурге, в ложе «К трем ключам», получил посвящение Михаил Илларионович Кутузов, достигший впоследствии высших градусов. В молодости в ложах заседали и такие деятели, как шеф жандармов Бенкендорф и яростный гонитель всяческого свободомыслия Магницкий.

Революционные настроения в русском масонстве созрели после победы над Наполеоном. Несмотря на то, что Александр I (1777—1825), вступив на престол, подтвердил прежние акты о запрещении масонских собраний, уже в первые годы его правления отмечен бурный рост лож. Согласно распространенным версиям, император и сам прошел посвятельную церемонию то ли в 1808 году в Эрфурте, то ли в 1812 в Петербурге, то ли в 1813 в Париже, когда одновременно с ним был принят и прусский король Фридрих Вильгельм III. Такое расхождение в месте и времени не вызывает доверия, равно как и свидетельство Александра Муравьева, будущего декабриста, о посещении царем ложи «Три добродетели».

Он рассказывал братьям, что, будучи наместным мастером, обратился согласно масонской традиции, к государю на «ты», что вызвало удивление и недовольство. Это как раз и свидетельствует о том, что Александр к масонству не принадлежал, хотя и остается без ответа вопрос, зачем ему понадобилось почтить визитом заурядную хramину.

Точно известно одно: 1 августа 1822 года последовал высочайший рескрипт о запрещении всех масонских лож в России, коим были поставлены на вид «беспорядки, и соблазны, возникшие в других государствах от существования разных тайных обществ».

Поздно! До выхода на Сенатскую площадь оставалось чуть более трех лет. Насколько значительно было влияние масонства, как такового на известные всем декабрьские события?

Приведем все тот же пример с депутатами Национального собрания Франции. Взятый вне исторического контекста, он может дать искаженную картину движущих сил революции, которая была не каким-то там детищем тайного заговора, но взрывом народного возмущения. Я уж не говорю о том, что значительное число упомянутых депутатов-масонов приняли в 1793 году активное участие в лионском контрреволюционном мятеже.

В равной мере антиклерикальные позиции французской ложи «Великий Восток», чьи откровенно атеистические проповеди еще до недавнего времени так беспокоили Ватикан, не могут скрыть того очевидного факта, что начиная со второй половины прошлого века, основная деятельность масонских руководителей была нацелена на борьбу с распространением естественнонаучных знаний.

Это было должным образом оценено и в Ватикане, который уже при Иоанне XXIII относился к «вольным каменщикам» с большей терпимостью.

В марте 1982 года, например, ватиканская «Оссерваторе Романо» писала, что отлучение грозит лишь тем католикам, которые вступили в объединения, «действительно готовящие заговор против церкви». Под этим подразумевается, считает американский журнал «Тайм», что масонов, настроенных против церкви, нет необходимости отлучать от нее». Надо ли оговаривать, что это положение целиком и полностью распространяется на бесчисленные ложи и секты, развивающие откровенно обскурантистские традиции розенкрейцства, тамплиерства, иоаннитства, насаждающие теософские и кабалистические бредни? Тем более, что эти организации действуют зачастую в полном контакте с иезуитским орденом.

Именно на них мы и сосредоточим основное внимание.

Нарочито внедренный в масонскую символику астрологический оккультизм обнаруживает уже само внутреннее устройство ложи. Здесь и голубой (отсюда «голубое» масонство) с нарисованными на нем звездами свод, мозаичный пол, изображающий землю, которая вновь покрывается цветами после разлива Нила, и три окна — на востоке, западе, юге. На полу (в современных ложах — на стене) изображены и семь символических ступеней, ведущих к храму, у дверей которого стоят две помеченные буквами J и B колонны (Иакин и Боаз). Поддерживающие пустоту, они символизируют столпы Геркулеса, летнее и зимнее солнцестояние. Над гробом или заменяющим его ковриком в центре, где происходят посвящения, сияют позолотой зороастрийские светила: Солнце, Месяц и Большая звезда, в которой одни усматривают вифлеемскую, другие — Венеру-Иштар.

Открывая собрание ударом молотка, достопочтенный мастер обращается к надзирателям со следующими словами:

— Брат младший надзиратель, где ваше постоянное место в ложе?

- На юге.
- Для чего вас поместили туда?
- Для того, чтобы замечать, когда солнце достигает меридиана, призывать братьев к отдыху после труда и к трудам после отдыха, дабы впоследствии польза и удовольствие.
- Брат старший надзиратель, где ваше постоянное место в ложе?
- На западе.
- Для чего вас поместили туда?
- Для того, чтобы замечать закат солнца и по приказу почтенного мастера закрыть ложу, удостоверившись, что каждый получил должное.

Псевдоастрономический смысл церемонии выступает здесь с предельной наглядностью. Следует добавить еще, что трон мастера находится на востоке:

«Как солнце восходит... чтобы начать и оживить день, так допотопченный мастер помещается на востоке, чтобы открыть и просветить свою ложу, заставлять работать и поучать своих братьев».

Космическая символика пронизывает и легенду о Хираме Абифе, которая, подобно восточным и греческим мистериям, построена на дуализме доброго и злого начал.

«Драматическая часть древних мистерий, — точно подметил Ч. У. Гекертон сходство масонского предания с солярным мифом Осириса, — всегда состоит из гибели божества или человека, жертвы духа зла, однако снова возрождающегося к существованию еще более достойнее... Мы постоянно встречаем рассказ о печальном событии, о преступлении, погружающем народы в борьбу и горе, сменяемые радостью и торжеством».

Продолжим астролого-мифологическую параллель Осириса — Хирама. Она включает в себя основные универсалии: освещаемые Солнцем страны света, представленные западными, южными, восточными воротами, где затаились убийцы, и 12 знаков Зодиака (девять мастеров, нашедших могилу и трое убийц — подмастерьев). Эти последние олицетворяют погруженный во тьму север и «зимние» созвездия: Весы, Скорпион, Стрелец.

Даже ветка акации находит в такой мифологеме свое место, как неувядаемый аналог букса и мирта. Уподобляя природу, которую покидает Солнце, вдове, эзотерические масоны называют себя, как некогда манихеи, «детьми вдовы». «Пламенеющую звезду», вознесенную вместе с Солнцем и Месяцем над символическим гробом, они отождествляют с Сириусом, по которому египетские жрецы определяли приближение разлива Нила. Эту ярчайшую звезду ночного небосклона, входящую в созвездие Пса, египтяне называли Лающей, Анубисом, Тотом. Ее библейское имя Сихор превратилось в греческое Сейриос и латинское Сириус.

Тридцатой степенью старого и принятого шотландского устава является «Рыцарь Кадоша». Слово «кадош» означает «священный», «избранный», и от него производят гермесов «кадуцей». Главной принадлежностью храмины, где происходят посвящения, является

семиступенная лестница, символизирующая движение Солнца через семь знаков Зодиака. Символическое значение каждой ступени раскрывается при посвящении, когда кандидата заставляют подняться по лестнице.

Название первой ступени — изедеках, она символизирует праведность, отмечая весеннее равноденствие в марте. Далее, в полном соответствии с календарем, следуют: шор-лабан — белый бык; мат-хок — сладость; емунах — замаскированная истина; хамаль-сагги — большой труд, саббал — время. Последняя ступень носит тройственное наименование: хемунах, бинах, тебунах — воздаяние, разум, предусмотрительность. Она олицетворяет Весы и небесного Центавра, обозначаемого в виде бурдюка с вином и тирса — увенчанного шишкой, увитого лозой, прутика.

Достигнув точки осеннего равноденствия, Солнце приносит на землю плоды урожая, и рачительный виноградарь получает долгожданное воздаяние, сообразное его разуму и предусмотрительности.

Подобное пасторальное толкование, почти в духе Ватто, дается на каждой ступени. В другой системе символов лестница «читается» как сила, труд, наука, добродетель, единение, свет, истина. Либералы из «голубых» масонов могут предложить развернутую гамму наук: астрономия, музыка, геометрия, арифметика, логика, риторика, грамматика; «князя-розенкрейцеры» — алхимическое восхождение к совершенству «магистериума»: обжиг, возгонка, растворение, дистилляция и т. п.

Короче говоря, это подъем из партера на сцену, декорированную в стиле модерн. Колонны J и B, черный занавес с жемчужными слезками и скелетом. Сусальные светила, орнамент из геометрических инструментов, крестов и сердец.

Возможно, отдельным интеллектуалам, знающим историю и языки, подобные экзерсисы могут доставить известное удовольствие, но стоит подумать о «достопочтенных мастерах», вроде Джелли, как охватывает оторопь.

Здесь уместно привести некоторые подробности о деятельности «ложи П-2» («Пропаганда-2») в Италии, ставшие известными весной 1981 года.

На следствии по делу «ложи П-2» оказалось, что под прикрытием масонской ложи действовала террористическая организация, преследовавшая далеко идущие планы подрыва республиканских институтов. «Масонство должно стать влиятельным центром незримой власти, способным объединить людей, решающих судьбы нации», — заявлял «достопочтенный мастер» Джелли. Легионер во времена Муссолини и убежденный фашист, установивший связи с окопавшимися в Латинской Америке нацистами, Джелли имел в виду министров, генералов, руководителей секретных служб, сенаторов, депутатов, банкиров, неофашистских главарей и «крестных отцов» мафии.

Уже со второй половины 1972 года существовали как бы две «ложи П-2». Одна, официальная, была, как и полагается, подконт-

рольна исполнительной джунте «Великого Востока»; вторая — тайная, где бесконтрольно распоряжался Джелли. Именно в этот период по его личной рекомендации был посвящен в члены ложи начальник службы безопасности СИД Вито Мичели.

Просматривая изъятые при обыске документы, следователи впервые получили возможность оценить масштабы заговора. Вот имена, значившиеся в одном из двух списков: Вито Мичели, генерал (Рим); Луиджи Биттони, генерал (Флоренция); Роберто Маньелло, полковник (Перуджа); Никола Пичелла, заведующий секретариатом президента республики (Рим); Фаусто Муссо, генерал финансовой гвардии (Больцано); Ренцо Аполлонио, генерал, командующий тоскано-эмилианским военным округом (Рим); Джованни Чикколо, адмирал (Специя); Джино Биринделли, адмирал, заместитель командующего войсками НАТО в Южной Европе, потом — депутат парламента от неонацистской партии (Рим); Луиджи Самуэле Дина, начальник отдела министерства обороны (Рим), Этторе Бруско, руководящий работник государственного телевидения, ответственный секретарь редакции последних новостей (Рим), и т. д.

К этому поистине устрашающему перечню следовало бы добавить имена духовных отцов Джелли (сменившего черную рубашку на масонский передник): ныне покойного кардинала Оттавиани и Элвио Шубба, члена Высшего совета масонов шотландского обряда. Со страниц своего ежемесячника «Инконтро дела дженти» Шубба еще в свое время обратился с призывом объединиться вокруг идеи «черного масонства», слив воедино мистику фашизма и догматы католиков-интегралистов.

В 1974 году в ложу был вовлечен и генерал корпуса карабинеров Джулио Грассини, будущий начальник новой службы гражданской безопасности. «Напомним, что 1974 год был годом очередной попытки государственного переворота, — писали в своем разоблачительном репортаже прогрессивные историки Джанни Росси и Франческа Ломбрасса, — так называемого «белого путча», замышлявшегося Эдгаром Соньо и другими реакционерами, которые маскировались лозунгами «молчаливого большинства». Это был также год эскалации «черного терроризма» (бойни, учиненной неонацистами в мае в городе Брешиа, и взрыва поезда «Италикус» в августе), раскрытия «параллельной СИД» и подрывной организации армейского офицерства «Роза ветров». Во всех этих заговорах и преступлениях, несущих на себе отпечаток участия как итальянских, так и зарубежных шпионских служб и международных центров неонацизма, мы неизменно обнаруживаем присутствие главы «П-2». В памятной записке, которую передал в судебные органы генерал Россети, этот масонский дуче характеризуется так: «Джелли нарочито не скрывал свои широкие возможности проникать в самые различные сферы власти и диктовать свою волю на самых различных уровнях: от секретариата того или иного министра до президентского дворца Квиринала (Джелли открыто говорил, что

Джованни Леоне был избран президентом благодаря ему), от парламента до национальных и международных дипломатических кругов».

Уместно напомнить в этой связи, что ЦРУ проявляло повышенный интерес к масонству. Газета «Республика» писала, что сразу после высадки на Апеннинах «американцы начали поощрять возрождение масонских лож». Этим занимался священник методистской церкви из Калифорнии Фрэнк Джильотти, бывший одновременно главным советником бюро стратегических служб США. По-видимому, именно тогда и было задумано создать тайное орудие воздействия на «высшие сферы», передав его «в надежные руки». Таким орудием, а точнее, «теневым кабинетом» стала «ложа П-2». Комитет из авторитетных юристов признал ее деятельность противоречащей конституции Итальянской Республики, и ложа была официально распущена. Разразился невиданный скандал, приведший к правительственному кризису и падению кабинета.

ГРАФ СЕН-ЖЕРМЕН

«Вы слышали о графе Сен-Жермене, о котором рассказывают так много чудесного. Вы знаете, что он выдавал себя за вечного жида, за изобретателя жизненного эликсира, и философского камня, и прочая. Над ним смеялись, как над шарлатаном, а Казанова в своих Записках говорит, что он был шпион: впрочем, Сен-Жермен, несмотря на свою таинственность, имел очень почтенную наружность и был в обществе человек очень любезный».

Александр Пушкин. «Пиковая дама»

Сен-Жермена недаром называли самой загадочной фигурой XVIII века.

Таинственный граф, в коем все сомнительно — от имени до дат (1696? 1706? 1710? — 1780? 1784), объявился в Париже в 1748 году на приливной волне набирающего силу масонства. Францией правил тогда красивый, самовлюбленный и порочный Людовик XV (1710—1774), хотя все знали, что дела королевства вершатся в будуаре маркизы де Помпадур. Ограбленный, задавленный непосильными тяготами народ роптал, иезуиты, опутавшие страну липкой паутиной доносов, подслушивания, подглядывания и всеобщего страха, открыто взывали, интригуя против самодержца, к новому Равальяку. «Я умру как Генрих IV», — жаловался король. Решив однако жить долго, он наложил запрет на вездесущий орден и обласкал вольных каменщиков, в которых увидел естественного союзника. В 1738 году в Париже начала действовать «Великая ложа».

Графа не только приняли в Версале, но ему были оказаны почести, положенные лишь принцам крови. Удивляться этому не приходится: путешествовать инкогнито было модно. Кроме того, Сен-Жермен, побывав в 1740 году в Вене, заручился блестящими рекомендациями. К числу его друзей принадлежали знатнейшие вельможи австрийского двора: князь Лобковиц, граф Забор. Помпадур была в восхищении от бриллиантов на пряжках башмаков, в которых он явился на бал в Версале. Еще более ей пришлось по нраву омолаживающий бальзам.

— Смотрите, любезная маркиза, не злоупотребляйте им сверх меры. Одна моя знакомая до того переусердствовала, что помолодела до состояния эмбриона, — пошутил остроумный целитель.

Помпадур была очарована. Не остался без внимания и великолепный подарок — редкостной работы сапфировое кольцо в бриллиантах, поднесенное им королевской пассии.

Сен-Жермен был, бесспорно, незаурядной личностью. Он хорошо разбирался в науках, особенно в химии, знал толк в музыке, медицине и без акцента говорил на многих языках. Дружелюбно встреченный во многих столицах, он нигде подолгу не задерживался и всюду слыл чужеземцем, хотя в Париже его без труда

можно было принять за француза, в Риме — за итальянца, в Петербурге — за русского.

Его страсть постоянно менять имена была сродни мании. В Генуе и Ливорно он назвался графом Салтыковым, в Нидерландах — графом Сармонтом, в Голштинии и Гессене выдал себя за испанского гранда. И, возможно, не без причины, потому что ходили слухи о том, будто он незаконный сын испанской королевы Марии, полюбившей неведомого красавца-простолюдина. Это подсказало Виктору Гюго тему для пьесы «Рюи Блаз». Конечно, люди, знающие о строгом этикете испанского двора, недоверчиво усмехались, тем более, что на очереди была новая легенда, не менее романтическая.

Одно время Сен-Жермена считали сыном венгерского князя Ференца Ракоци, поднявшего восстание против австрийской ветви Габсбургов. Карл Александр, маркграф Бранденбургский, остался верен этой многим полюбившейся версии до конца. Нашлись даже свидетели, могущие дать присягу в том, что видели церковную запись о крещении Леопольда Георга, Липот-Дьердь по-венгерски, датированную 26 мая 1696 года. И такая запись действительно существовала, хоть и вне всякого касательства к графу, т.к. было точно известно, что ребенок умер в младенчестве.

«Что с того? — пожимали плечами клеветы Сен-Жермена. — Наследника Ракоци укрыли в надежном месте и отдали под надзор верных, испытанных друзей. Ференц Ракоци, которого самого чуть не отправили в детстве на тот свет, сделал все, чтобы оградить его от наемных убийц».

При этом обращалось внимание на один из псевдонимов графа — Цароки, анаграмму родового имени.

Много толков вызвала в свете история с бриллиантом короля, будто бы «вылеченным» безотказным Сен-Жерменом. Скептики, правда, замечали, что ему ничего не стоило просто подменить один камень другим, благо граф располагал для этого обширной коллекцией алмазов. На балу его видели с такими бриллиантовыми пряжками на туфлях, что двор был в потрясении, а маркиза Помпадур не сводила с них глаз. Однако сам Сен-Жермен доверительно сообщал, что действительно умеет лечить камни и научился этому в Индии.

Как бы случайно проговорившись, он любил ввернуть словцо о каких-нибудь давно прошедших событиях, в которых якобы принимал участие. Когда как-то зашла речь о Франциске I, он привел всех в великое смущение, обмолвившись, что часто беседовал с покойным Франсуа.

«Мы были друзьями, — снисходительно отзывался он, например, о Христе. — Это был лучший человек, какого я знал на земле, но большой идеалист. Я всегда предсказывал ему, что он плохо кончит».

Подобные фразы он ронял на ходу, с рассеянным видом, словно по забывчивости. Одни считали это чудачеством, другие относились серьезнее. Тем более, что блестящий аристократ прославился как

живописец, создавший светящиеся в темноте картины. Его великолепные стихи были полны недосказанностей и тревожили потаенным смыслом; сочиненные им сонаты и арии вызывали зависть профессиональных музыкантов. В довершение всего оказалось, что очаровавший общество скрипач-виртуоз Джованнини был не кто иной, как проказник граф! Всем сразу стало понятно почему Джованнини выступал в маске. А чудеса, которые показывал Сен-Жермен королю в своей алхимической лаборатории в замке Шато де Шамбор? Людовик сам вынул из тигля золотой слиток.

Оказавшись среди своих, Сен-Жермен считал нужным немного приподнять завесу таинственности. Массонским лидерам, которые открыли ему доступ к казне, он «признавался»:

— Эти глупые парижане воображают, что мне пятьсот лет. И я даже укреплял их в этой мысли, так как вижу, что им это безумно нравится. Но если говорить серьезно, то я на самом деле намного старше, чем выгляжу.

И ему верили. Он и вправду многому научился на Востоке. Пусть и нет у него эликсира бессмертия, но он знает тайну целебных трав. «Чай Сен-Жермена», который пьет по утрам король, оказывает животворное действие.

«Этот человек, обедавший в лучших домах Парижа, никогда ни к чему не притрагивался. Он уверял, что поддерживает жизнь особую пищей, и с ним охотно примирялись, ибо он был душою всякого застолья», — говорит о Сен-Жермене в своих мемуарах Казанова.

Не приходится особенно удивляться, что к услугам столь разностороннего человека было предоставлено золото масонских лож. Он достиг высших степеней во Франции, Англии, Германии и России. Его приезд в Санкт-Петербург летом 1762 года несомненно был продиктован далеко идущими целями. Известно, что фаворит императрицы Екатерины II — Григорий Орлов вручил ему очень крупную сумму.

Возможно, это была благодарность за помощь, которую Сен-Жермен оказал воцарению императрицы. Здесь мало достоверных свидетельств, но как обычно, великое множество анекдотов. Известно только, что Орлов, обращаясь к Сен-Жермену, называл его *saго padre* — дорогой отец.

Карл, владетельный ландграф Гессен-Кассельский, которого неутомимый путешественник навставлял по части розенкрейцерства и масонства, тоже был без ума от *saго padre*. Для «алхимических опытов» он предоставил ему немалое количество чистопробного золота.

С другой стороны, Великий мастер прусской ложи князь Фридрих-Август Брауншвейгский не считал Сен-Жермена масоном. Такого же мнения придерживался и Фридрих Великий, сам вольный каменщик, видевший в Сен-Жермене шпиона.

Теософы и мистики всех мастей возвели его в пророки, на манер Симона-волхва или Аполлония Тианского. В конце прошлого

века распространилось мнение, что это махатма — мудрец, спустившийся с вершин Гималаев. Елена Блаватская называла его тайным властелином Тибета.

Своими речами он снискал репутацию мага и чудотворца, но, вместе с тем, вольнодумца и атеиста. Феноменальная память и совершенно необыкновенная эрудиция производили ошеломляющее впечатление. Подчас он приводил такие подробности из жизни великих людей прошлого, какие дано было знать лишь очевидцу, а то и непосредственному участнику событий. И все это изящно, полушутя, ради светской забавы. Столь же легко и непринужденно ориентировался он и в хитросплетениях современной европейской политики. Его точные аналитические прогнозы звучали подобно пророчествам и нередко сбывались.

Так, сразу же после сокрушительного разгрома, который русская армия нанесла в Семилетнюю войну Пруссии, он предрек, что Фридрих II избежит окончательного поражения. Так и случилось. После смерти Елизаветы на трон взошел Петр III — ярый поклонник прусского короля, и поспешно заключил мир.

Завистники отзывались о нем как о мистификаторе, шарлатане. Примечательно впечатление, которое оказал Сен-Жермен на другого великого авантюриста — венецианского кавалера Казанову.

Их дороги пересеклись в доме маркизы д'Юрфе, которую Казанова обхаживал с недвусмысленной целью вытянуть из нее побольше денег. Зависть, бесспорно, застилает ему глаза, но это не дает основания пренебрегать свидетельством очевидца.

«Он покори́л государя, — говорит о Сен-Жермене в «Истории моей жизни» Казанова, — оборудовав в Трианоне лабораторию, изрядно его забавлявшую, — король, к несчастью, скучал везде, кроме как на охоте. Алхимика представила ему маркиза де Помпадур, дабы приохотить к химии; после того как Сен-Жермен подарил ей молодильную воду, она во всем ему доверялась. Принимая, согласно предписанию, чудодейственную воду, нельзя было вернуть молодость — сей правдолюбец соглашался, что это невозможно, — но единственно уберечься от старости, сохраняя себя на века... Маркиза уверяла монарха, будто и вправду чувствует, что не стареет.

Король показывал герцогу де Пону алмаз чистойшей воды весом в двенадцать каратов, который носил на пальце, — он верил, что собственноручно изготовил его посвященный в таинства обманщик... Уверовав в учение алхимика, он отвел ему в Шамборе те самые покои, что всю жизнь отводил славному маршалу Саксонскому».

Этому можно верить. Приведенные подробности не расходятся с рассказами других современников Сен-Жермена.

Казанова был одним из немногих, кому посчастливилось проникнуть к нему в лабораторию. Тем большую ценность представляют непосредственные наблюдения человека, знакомого с сутью дела. Хотя Казанова и не скрывает от читателя, что дурачил простаков всякого рода магическими фокусами, но в азах алхимии он разбирался.

Всегда благожелательный и обходительный граф продемонстрировал брату-масону и коллеге по Искусству свои достижения.

«Затем он показал мне архей, каковой именовал он Атоэфиром. То была белая жидкость в маленькой колбе, похожей на все прочие. Они были запечатаны воском. Услыхав, что сие не что иное, как универсальное природное начало, и доказательством тому, что оно мгновенно испарится из колбы, если проделать наималейшее отверстие в воске, я просил показать мне сие на опыте. Тогда он дал мне колбу и булавку, сказав, чтобы я удостоверился сам. Я проколол воск, а колба в тот же миг опустела.

— Поразительно, но для чего оно потребно?

— Этого я вам открыть не могу.

Не желая, по обыкновению своему, отпускать меня, не удивив, он спросил, есть ли у меня мелкие деньги, и я вытащил монету из кармана и положил на стол... Он взял раскаленный уголь и положил его на металлическую пластину, затем попросил монету в двенадцать су, что была у меня, положил сверху черную крупинку и сунул монету на уголь, затем принялся раздувать уголь через трубку, и менее чем в две минуты я своими глазами увидел, как монета покраснела. Он сказал мне обождать, пока она остынет, что и сделалось вмиг. Затем он, улыбаясь, велел мне взять монету назад... Я тотчас увидел, что она золотая, и, хотя был уверен, что он стянул мою, подменив золотой, которую не трудно было сперва побелить, я не стал упрекать его... Такова последняя моя встреча со знаменитым и ученым обманщиком, что умер в Шлезвиге тому шесть или семь лет. Монета в двенадцать су была из чистого золота. Два месяца спустя я подарил ее лорду маршалу Киту в Берлине, каковой ею заинтересовался».

По-видимому, Казанова не ошибается, заподозрив трюк. Он ведь и сам мастак на такие проделки. Но, как говорится, не пойман — не вор. Сложнее разобраться с «Атоэфиром». Научная химия развивалась стремительно. Француз де Ла Тур уже наблюдал критические явления: исчезновение границы между жидкостью и газом в запаянном сосуде. Подобрать подходящее вещество не составляло труда, но при одном условии: необходимо было разбираться в самой сущности процесса. Фокусничал Сен-Жермен, или нет, но он определенно находился в курсе последних достижений науки.

И еще одно важное обстоятельство. Демонстрация в лаборатории состоялась вскоре после возвращения Казановы из Лондона, что имело место в марте 1764 года. Оставим в стороне пребывание его в английской столице, омраченное драматической любовной интригой с куртизанкой Шарпийон и обвинением в мошенничестве, что, собственно, и подвигло на бегство. Интересна сама дата, ибо, по его словам, Сен-Жермен умер «тому шесть или семь лет», т. е. в 1770 или 1771! Увы, не сходится. Самая ранняя дата смерти — 1780 год.

Развеять атмосферу тайны, везде и повсюду окружавшей Сен-Жермена, надежды нет.

Сразу же после смерти графа, его друг и покровитель владельца, ландграф Карл Гессенский, во исполнение воли покойного, предал огню весь его архив. Минуло почти сто лет, и Наполеон III по неизвестным побуждениям приказал министру полиции собрать любые сведения, хотя бы краем затрагивающие Сен-Жермена. Секретные агенты обшарили чуть ли не всю Европу, и в итоге подготовили объемистое досье, но, как нарочно, в особняке, где оно находилось, вспыхнул пожар. Казалось, загадочный граф охраняет свою посмертную легенду столь же бдительно, как это было при жизни.

Зоилы, а к ним принадлежал и Казанова, за глаза называли его шпионом. Он действительно много разъезжал, вращался в самых высоких кругах, выполняя поручения, подчас довольно рискованные, королевского двора.

Это наводит на мысль, что Людовик XV приобщил его к деятельности тайного кабинета по иностранным делам, так называемого «Королевского секрета». Но вполне возможно, что правы те, кто утверждал, что Сен-Жермен принадлежит к ордену «Золотых розенкрейцеров», удостоившему его наивысших степеней.

Наиболее вероятно суммарная картина: розенкрейцество и «Королевский секрет». Одно не только не могло помешать другому, но, напротив, значительно облегчить выполнение поставленных задач.

Граф скончался 27 февраля 1784 года в немецком городе Экернферде и похоронен, что бы там ни болтали духовидцы, 2 марта, как и записано в церковноприходской книге. Так что, не в пример рождению, со смертью неясностей нет.

В газетах, впрочем, еще долго писалось, что он появлялся то тут, то там. Мадам де Жанлис клялась, будто виделась с ним в 1821 году в Вене, фрейлина Марии-Антуанетты графиня д'Адемар призналась, что встретила его на площади за день до казни несчастной королевы.

КАВАЛЕР Д'ЭОН, ИЛИ «КОРОЛЕВСКИЙ СЕКРЕТ»

Каким быть должен истинный мужчина?
Каков лицом? Какие кудри? Взгляд?
Чьи стрелы безошибочно разят?
В ком смелый ум и сердце властелина?

Луиза Лабэ

Фигаро: Политика, интрига, — называйте, как хотите. На мой взгляд, они друг дружке несколько сродни, а потому пусть их величают, как кому нравится. «А мне милей моя красотка», как поется в песенке о добром короле.

Бомарше. «Безумный день, или Женитьба Фигаро»

В истории мировой дипломатии и шпионажа шевалье де Бомон занимает особое, лишь ему одному присущее место. Не будучи «голубым», он фактически всю свою жизнь вынужден был провести в юбке. Вернее, в робронах и кринолинах.

Загадочная авантюра началась с колыбели. На свою беду, Шарль-Женевьева-Луи-Огюст-Андре-Тимоте д'Эон де Бомон родился мальчиком. Казалось бы, отец должен радоваться появлению наследника, но, увы, он хотел дочь. Богатый, капризный и, мягко говоря, эксцентричный феодал решил навязать свою волю самой природе. О физической перемене пола в XVIII веке думать не приходилось. Мечтать могла о том разве что доверчивая маркиза д'Юрфе, которой обещал проделать такую «регенерацию» Казанова, но что могло помешать французскому дворянину превратить сына в дочь иным способом?

Маленького Шарля не только одевали, но и воспитывали как девочку. На редкость хорошенький, он служил примером благонамеренности подружкам из соседних владений.

На радость, если не на горе сыну, оригинал отец в один прекрасный день одумался. Шарля переодели в камзол, научили фехтовать и ездить на лошади. Шпага явно пришлась ему по душе больше, чем куклы, затем пришел черед и серьезных наук.

В иезуитском коллегииуме кардинала Мазарини из несостоявшейся мадемуазель сделали грамотного правоведа. Впрочем, не без труда. Стреноженная мужественность, вырвавшись на волю, постоянно толкала Шарля на озорные проделки. Кончалось это, как водится, поркой и карцером, но в итоге пошло во благо. Он удостоился докторского диплома и даже книгу издал «Финансовое положение Франции при Людовике XIV».

К тому времени его отец отошел в лучший мир, и Шарль стал обладателем солидного капитала, приносящего 15000 ливров годового дохода. Казалось бы, живи в свое удовольствие, но черт дернул связаться в авантюру, которая называлась «секрет короля».

По существу, это была самая настоящая шпионская контора.

Помимо Сен-Жермена, там подвизался еще и Пьер Огюстен Карон, украсивший имя аристократической добавкой «де Бомарше». Прославленный автор «Севильского цирюльника» и «Женитьбы Фигаро» зарекомендовал себя ловким секретным агентом. Людовик XV, переживавший медовый месяц с новой фавориткой маркизой Дюбарри, стал жертвой шантажа. Ловкий мошенник и вымогатель Тенно де Моранд угрожал предать гласности книжонку под недвусмысленным заголовком «Мемуары публичной женщины», где полоскал нижнее белье королевской любовницы.

После неудачной попытки похитить мерзавца, дело поручили уладить Бомарше. Поручение он выполнил, но, вернувшись в Париж, оказался перед разбитым корытом: король умер, а Дюбарри, как водится, стала никем.

Обескураженный драматург жалуется шантажисту, с которым у него завязалась дружелюбная переписка:

«Какая разница между мной и Вами! Вы без труда заработали 100 000 франков, а я, проехавший за шесть недель 780 миль и истративший 500 гиней, не знаю даже, возместят ли мне дорожные расходы. И к тому же, Ваша книга через неделю потеряла бы какое-либо значение».

Досадная неудача постигла и Сен-Жермена, когда по поручению короля он прибыл в Гаагу для встречи с английским послом генералом Йорком. Как вскоре выяснилось, в том же отеле «Принц Оранский», где остановился граф, снял номер еще один секретный агент — Джакомо Казанова. Узнав давнего конкурента, венецианец сделал все, чтобы провалить переговоры.

Словом, Шарль д'Эон угодил в достойную компанию. «Королевский секрет» притягивал к себе авантюристов, словно магнит.

Сластолюбивый король, пребывавший под каблуком то одной, то другой маркизы, почему-то проводил иностранную политику помимо министра Шуазеля и его послов. Ленивый сибарит, он не жалел времени и сил на... противодействие официальной дипломатии. Невероятно, но факт. Впрочем, если внимательно приглядеться к сегодняшней действительности, поведение Людовика не покажется уж настолько экстравагантным. Изредка кто-нибудь из послов удостоивался посвящения в «секрет» и тогда его положение становилось крайне двусмысленным. Вручая ноту, он прилюдно произносил одно, а заглазно делал прямо противоположное. В Лондоне и Вене только диву давались, а в Петербурге решили вообще не иметь дела с французами: Елизавета взяла и закрыла посольство.

Не доверяя никому, король создал внутри «секрета» еще один, чтобы надзирать уже за агентами. Заварилась такая каша, в которой никто не мог разобраться. Людовик жаловался клеветам, что совершенно запутался в им же сплетенной паутине. В конце концов, он махнул рукой на послов, сделав упор на секретарей и атташе, которым, помимо прочего, вменялось в обязанность следить за собственным начальством. Такое тоже было на нашей памяти. Контакт с Гитлером Сталин наладил в обход наркома и совпосоль-

ства в Берлине, через... заместителя торгпреда. Итоги подобной дипломатии слишком хорошо известны.

Молодой Шарль, чье милое женственное личико еще не знало прикосновения бритвы, попал на глаза мадам Помпадур на карнавале, где он выступал — привычка взяла свое — конечно же, в дамском платье. Грациозная «венецианка» в золотой маске привлекла внимание всесильной фаворитки не случайно. Дело в том, что «Помпадурша», как ее называли в России, регулярно поставляла королю молоденьких наложниц. Быстро меняя одних на других, она избавляла ветреного монарха от постоянных привязанностей, а себя — от потенциальных соперниц.

Каково же было ее удивление, когда выяснилось, что под маской скрывается кавалер. Притом высокоученый и владеющий шпагой не хуже, чем его прославленный тезка шевалье Шарль д'Артаньян!

Судьба Бомона была решена. Поддельные паспорта, фальшивые парики и сундуки, набитые всевозможной одеждой, — этого добра было вдосталь в «секрете». Однако в Лондоне и в Потсдаме полиция была начеку: игры с переодеваниями все чаще заканчивались постыдным разоблачением. Еще хуже обстояло дело в России. Французских агентов перехватывали еще в Митаве и без излишних хлопот препровождали прямо в Шлиссельбургскую крепость. Между тем, заручиться поддержкой Елизаветы Людовику важно было, как никогда.

Бомону, он родился в 1728 году, едва минуло двадцать шесть, и лучшего кандидата на роль супершпиона трудно было сыскать. Кому придет в голову заподозрить хорошенькую парижанку?

Секретное послание короля, предназначенное русской императрице, вложили в корешок роскошного фолианта, переплетенного в кордовскую кожу. Более удачного подарка, чем «Дух законов» Монтескье, король, конечно, придумать не смог. Только этого недоставало самодержице! Но злого умысла или намека на российское беззаконие выискивать не стоит. Иное дело — недомыслие. Его хватало с избытком. Одни шифры чего стоят! Так, например, русского канцлера следовало именовать «рысью», английского посла — «черно-бурой лисицей». В случае преобладания проавстрийских симпатий, Бомону полагалось дать знать, что на рынке «мехов» нынче «рысь в цене», в противном случае — «соболь дешевле», а коли Вена потерпит полный провал, — «горностаи в ходу».

Гениальная выдумка, что и говорить... Дабы не запутаться в непривычной для доктора прав сфере, ключ к шифру зашили в подошву туфель мадемуазель Лии де Бомон.

Лии? О, да! Предусмотрительный кавалер решил явиться в Северную Пальмиру под именем своей родной сестры, которой... не существовало в природе. Он полагал, и не напрасно, что еще не раз предстанет перед российским двором, но уже в мужском обличье. Сходство между «братом» и «сестрой» в таком случае не потребует долгих объяснений.

Первая проба прошла на диво удачно. «Французенку» приняли весьма благосклонно. Больше того! Удостоили чести быть представленной государыне. Кончилось тем, что скромная и на диво образованная артистократка была зачислена в штат. В качестве «лектрисы» — чтицы, она услаждала слух Елизаветы веселыми шутками забавника Бомарше. Монтескье куда больше подошел бы Екатерине, но ее время еще не пришло. Что же до письма, заделанного в переплете, то оно нашло адресата. Императрица дала согласие на восстановление дипломатических отношений, но пока на уровне поверенных в делах. Ловкость «девицы-кавалера», бесспорно, сыграла известную роль, но сам расклад сил на европейском театре побуждал Россию к сближению с Францией перед лицом все возрастающей военной мощи Пруссии. Война с Фридрихом была не за горами.

«Не пора ли мужчиною стать?» — как поется в «Севильском цирюльнике». Бомон, как в воду глядел. Пришлось расстаться с накладным лифом и кружевными оборками. «Братец милашки Лии» был назначен секретарем представительства.

Шифрованная переписка с Версалем продолжала идти своим чередом. В ряду самых разнообразных инструкций ему поручалось добыть «Завещание Петра I», о котором ходило множество слухов. Там, якобы, излагались планы военных походов, расписанные чуть ли не на сто лет вперед. Выкрасть мифический документ оказалось не под силу даже Бомону. Не оставалось ничего иного, как сочинить его самому, что он и сделал, нагородив кучу вздора. Тем не менее, подложное завещание было использовано в свой срок пропагандистской машиной Наполеона перед походом на Москву.

Бомон действовал с циничной расчетливостью. Сверить копию с подлинником, даже если бы таковой и существовал, не было никакой возможности. Следующим этапом карьеры стала служба в драгунском полку и чин капитана, но вскоре «секрету» понадобился резидент в Лондоне. Опять Лондон! «Я не то хотел сказать, довольно об этом. У меня... да, у меня было намерение взять тебя в Лондон в качестве дипломатического курьера», — говорит граф Альмавива проказнику Фигаро.

Бомарше, хоть и поиздержался в «секрете», зато собрал богатый материал.

На рауте Бомон ухитрился заморочить голову статс-секретарю британского МИДа и присвоить портфель с важными документами. Похищение планов укреплений на побережье Ла-Манша принесло ему ранг посланника.

Правовед, возможно, добился бы большего, но уж больно был нечист на руку. Еще в бытность в Петербурге он не слишком церемонился с посольской казной, а уж в Лондоне дал себе полную волю. В Версале на подобные шалости смотрели сквозь пальцы, но стоило Помпадур дознаться, что агент «секрета» близок с ее недоброжелателями, как грянул гром.

Послу поступило предписание отправить Бомона в Париж, но не таков был бравый шевалье. Недолго думая, он тут же составил письмо от имени короля с прямо противоположным приказом. На потеху всему Лондону посланник устраивал сцены бедолаге послу, не посвященному в «секрет», и швырял в корзину министерские инструкции. В письмах королю содержались недвусмысленные угрозы раскрыть секреты «секрета». Кончилось тем, что Франция потребовала немедленно выдать наглеца. Англичане с ухмылкой умыли руки. Британские законы не позволяли арестовать человека только за то, что им недовольно начальство. Газетчики поспешили поднять шумную кампанию в защиту политического диссидента. Похитить или же просто убрать его тоже оказалось нелегкой задачей: Бомон нанял вооруженную охрану.

Между ним и посольством завязалась словесная битва. Памфлеты, в которых разоблачения перемежались оскорбительными выпадами, составили целую библиотеку, наделавшую много шума в европейских столицах. Победа оказалась на стороне Бомона. Его книгу, в которой министр и посол предстали форменными идиотами, расхватали за несколько дней. Сам того не ведая, мятежный агент создал литературный жанр политического детектива.

Пришлось Парижу ввязаться в гражданский процесс, чреватый опасной утечкой информации. Другой возможности заткнуть рот лихому писаке не просматривалось. Беспристрастный английский суд решил дело в пользу короля. Шарля де Бомона приговорили к тюремному заключению за клевету. Однако и тут вышла осечка. Пристав, прибывший с ордером на арест, обнаружил в доме осужденного лишь трех женщин, занятых вышиванием. Надо ли говорить, что одной из дам, прилежно склонившейся на пядьцы, был наш проказник? Переменив имя и пол, — в который раз! — Бомон обзавелся собственной разведкой, которая следовала по пятам за британской полицией.

Отличный сюжет для фантастического романа: человек из XX века заброшен в далекое прошлое, где господствуют наивные нравы! Подавшись в нелегалы, Бомон подкупил французского дипломата, который дал показания против своего посла. Обвинение было серьезное: покушение на убийство. Это позволило открыть новый процесс. Нахальство кавалера не знало пределов. На покрытие судебных издержек он потребовал денег у короля! Мыслимо ли было продолжать тяжбу с подобной личностью? Людовик решил пойти на мировую и послал в Лондон высокопоставленного эмиссара, возглавлявшего «королевский секрет». Несчастный посол, привлеченный лондонскими присяжными к суду, с ужасом ожидал ареста. Его карету забросали камнями. Лондонская чернь устраивала под окнами кошачьи концерты.

На таком взрывоопасном фоне начался торг между Версалем и бывшим посланником, надевшим ради пущей важности мундир драгунского капитана. Бомон, угрожая обнародовать секретную переписку со всеми паролями и кодами, требовал кругленькую

сумму в 317 000 ливров. Откуда такая точность? Бог весть. Дабы у Людовика не оставалось иллюзий по поводу серьезности намерений шантажиста, в газете появилась гривуазная публикация об «Оленьем парке». Так назывался гарем короля, расположенный недалеко от Версаля, куда венценосец навещался под именем польского графа.

Не оставалось ничего другого, как пойти на сговор. Королю было не привыкать. В обмен на опасные письма Бомон получил большую пенсию и сохранил свое место в «секрете». К тому моменту он уже успешно работал на англичан. Положение двойного, притом легального агента, давало неоспоримые преимущества. Золото — гинеи и луидоры — текло с обеих сторон. Дабышний раз обезопасить себя, он придержал несколько особо впечатляющих депеш.

По сей день остается загадкой один, последний, пункт в беспрецедентном договоре. Согласно ему, пенсион выплачивался лишь при условии, что кавалер де Бомон никогда более не наденет мундира и до конца жизни останется в женском платье.

Новый министр иностранных дел герцог де Эгийон убедительно советовал дать согласие:

«Никому неизвестный как мужчина, Вы сделаетесь знаменитой женщиной, шевалье! Его величество предоставил Вам патент на чин лейтенанта, а потом капитана драгун. То, что король ныне желает предоставить Вам, является патентом на бессмертие».

Слова герцога оказались пророческими. Над загадкой Бомона историки вот уже два с половиной столетия ломают головы.

На родину он так и не вернулся. Остался в Лондоне, где открыл фехтовальную школу. От молодых английских аристократов не было отбоя. Виртуоз холодного оружия обучал будущих воинов и дуэлянтов изощреннейшим приемам боя. Увы, и в фехтовальном зале он не рещался расстаться с юбкой.

Насмешники уподобляли его Жанне д'Арк.

«Наши нравы явно смягчились. Д'Эон — это орлеанская девственница, которую не сожгли на костре», — писал автор «Орлеанской девственницы» Вольтер.

Сен-Жермен и Вольтер, д'Эон и Бомарше, Казанова и Руссо... Какие лица высвечивают зарницы еще далекой, но явственно ощущаемой грозы!

Удивительная эпоха.

В заключение предоставим слово Казанове, слишком хорошо знавшему и д'Эона, и короля, чтобы заблуждаться на их счет. Да не будет помехой нашей объективности желчность оценок темпераментного агента «секрета». Взгляд изнутри все-таки имеет непреходящую ценность.

«Недавно король хвастал одному придворному... как он наслаждался проведя ночь с госпожой М (речь идет о маркизе Помпадур), и говорил, что, как ему кажется, нет в мире другой женщины, способной доставлять подобные удовольствия. Придворный отвечал,

что Его Величество изменил бы свое суждение, когда бы хоть раз побывал в борделе. Придворного удалили...»

Кавалер д'Эон дожил до преклонных лет. Скончался он в 1810 году и был похоронен в старомодном дамском туалете. Но прежде чем тело опустили в гроб, его обследовала лондонская полиция.

«Мужчина», — вынес окончательный вердикт судебный медик.

Невольно возникают сомнения по поводу экспертизы. Уж не ошибся ли патологоанатом? А вдруг его подкупили? И вообще, чей труп был захоронен под именем Шарля д'Эон де Бомона?

«...г-н д'Эон, что была женщиною. Король единственный с самого начала знал, что это женщина, и вся распря фальшивого кавалера с канцелярией иностранных дел была настоящей комедией, которую король ради забавы позволил разыграть до конца», — безапелляционно утверждает Казанова.

Людовику XV приписывают сакраментальную фразу: «После нас хоть потоп».

Король оказался провидцем.

Кровавый потоп.

КАВАЛЕР КАЗАНОВА

Я начертал на бедре господина де Ла Тура д'Оверня Соломонову пентаграмму в час Венеры, и если б я не начал с Анаэля, духа сей планеты, все пошло бы насмарку.

Казанова «История моей жизни»

Есть имена, что живут самостоятельной жизнью, перетекая из века в век. Кто нынче не знает о Казанове, чье имя стало таким же нарицательным, как Мессалина для женщин определенного склада и Дон Жуан для слишком темпераментных мужчин? Даже никогда не читавшие Мольера и Байрона, Пушкина и Мериме, и те наслышаны про подвиги Дон Жуана. Молва обезличивает, стирает различия между литературным героем и живым человеком, чья биография подчас увлекательней любого романа.

Кто он, Джаккомо Джироламо Казанова, появившийся на свет 2 апреля 1725 года?

Венецианские карнавалы длились по пять-шесть месяцев. Маска и плащ были такими же непреложными принадлежностями туалета, как башмаки и камзол. Вернее, маски: черные и золотые, вычурно-красочные и зловеще-глухие. Одна для веселого празднества, другая для любовного свидания, третья для убийства из-за угла.

Казанова не расставался с маской, а их у него было множество, даже в минуты жарких объятий. Маска-имя, маска-занятие, маска-правда и маска-ложь.

Неистовый и дерзкий распутник? Верно, верно... Но это только личина, особо бросающаяся в глаза. Забудем на мгновение знаменитый фильм Федерико Феллини, а тем паче — крутые ленты про «казанов» наших дней. Попробуем отрешиться от устоявшихся стереотипов. Язык документов бесстрастен и строг. Рукописи, вопреки утверждению Воюанда, горят, правда, не в эротическом пламени.

«Донжуанские списки» вели и Стендаль, и Пушкин. Наш герой перекрыл их довольно скромные, по нынешним меркам, рекорды. Кому-то, возможно, покажется, что 122 галантных романа это слишком много. Или, напротив, мало — за почти сорок лет? Полноте, сексуальная революция, с которой мы так носимся, стара, как мир. Все дело в том, что далеко не каждый способен быть революционером. Казанова им был.

Никуда не денешься, сохраним налипший ярлык: «Гигант большого секса». Помимо альковных приключений, он действительно участвовал в коллективных «забегах» на приз «кто дольше». В Версале любили такие забавы.

Но что еще мы знаем о нем? Поэт? Слагал нозли и триолеты. Прозаик? Писал романы и мемуары. Переводчик? Перевел «Илиаду». Драматург? Сочинил для Моцарта либретто оперы «Дон Жуан». Всего и не перечислить: музыкант, историк, эрудит-энциклопедист, математик, криптограф, пиротехник, химик. Его разносторонние да-

рования проявились на финансовом поприще и в дипломатии, теологии и юриспруденции. И все это маски, хотя под каждой скрывалось, пусть дилетантское, но совершенство.

Другой список, способный перечеркнуть в глазах благонамеренного педанта первый: секретный агент, дуэлянт, карточный игрок, любитель бириби — рулетки, века плаща и кинжала.

Наконец, третий: философский масон, алхимик, некромант и заклинатель духов, предсказатель будущего и врач розенкрейцерской школы.

Но есть и четвертый: собеседник Вольтера, Фридриха Прусского, Екатерины Великой, конфидент Людовика XV, с которым обменивался тайнами и любовницами.

И, наконец, еще один, куда, как скрипка Амати в грязный футляр, укладываются все предыдущие: авантюрист, аферист, лицедей.

Мальчика, родившегося в небогатой семье актера Гаэтано Казановы и дочери сапожника Дзанетты Фарусси, благосклонное небо не отметило счастливым знаком. Лет до восьми его считали чуть ли не слабоумным. Болезненный, страдающий длительными кровотечениями, вспыльчивый, странный. И вдруг, как взрыв, быстрое развитие, блестящие задатки.

В двенадцать лет он поступает в Падуанский университет, а в шестнадцать, облаченный в сутану и с докторским дипломом в руках, отправляется в Рим. Перед этим решительным шагом он успевает совершить путешествие в Константинополь и на остров Корфу, поработать в адвокатской конторе. Ради обладания прелестной турчанкой он почти готов принять мусульманство, что не мешает пылко ухаживать за госпожой Ф, женой капитана галеры. Так начинается нескончаемый «танец» — для Казановы это волшебная метафора любовной игры, — который будет продолжаться до старости. Непонятным зигзагом выглядит его пострижение. Если юриспруденция давалась легко, то первая же проповедь потерпела фиаско, а из семинарии Святого Киприана его изгоняют, как он сам говорит, «за ночные шалости».

Казалось бы, все могло наладиться в Вечном городе. Кардинал Аквива не нахвалится на молодого клирика, подающего такие надежды, но черт дернул Казанову соблазнить «племянницу» покровителя. Ему ли было не знать, что так именуют дочерей кардиналов. Впрочем, будь она и племянницей, все одно — скандал.

Очутившись на улице, он решает избрать военную карьеру. Пока же суть да дело, возвращается в Венецию, назад в адвокатскую контору. Язык хорошо подвешен и в крючкотворстве преуспел. Поворотным моментом становится знакомство с сенатором Маттео Брагадином. Богатый аристократ прямо-таки влюбляется в юношу и приобретает его к черной магии. Занятие опасное, но такое увлекательное. Джакомо убедил сенатора и почти убедился сам, что нашел ключ к шифру для вызывания духов. Его мятущаяся душа подобна зашифрованной книге, где печати небесных ангелов перемешаны с демоническими заклинаниями и прописями любовного

приворота. Трезвый разум подсказывает, что приобретенные навыки помогут дурачить простаков.

Чередую кабалистические упражнения с флиртом, Казанова приятно и с пользой проводит время. Он не коллекционирует победы, но, загоревшись любовью, очертя голову бросается в атаку. Замужняя матрона, шлюха или дева, едва вступившая в пору расцвета, — нет разницы. Искренность чувств не вызывает сомнений. Это мгновенное помешательство, буйство крови, пламенный языческий танец. Вернее, олений гон, когда любое время года — весна. Никакие препятствия не смущают. Жениться? Хоть сейчас. Заколоться кинжалом у ног владычицы сердца? И это не остановит. Где уж четырнадцатилетней Лючии, случайно попавшейся ему на глаза в Пассано, устоять перед натиском? Бедняжка и опомниться не успела, как забеременела.

О, если бы рассказать обо всех, названных поименно и помеченных одинокой буквой! Получилась бы поэма, достойная «Кама-сутры». Только он и сам не поспекает как следует разобраться, перемежая откровенные до непристойности пассажи многозначительным умолчанием. Человек-загадка. Дон Жуан — герметист — маг — сладострастник.

Страсть к красавице-монахине бросает его к ногам служанки. Не успеет насладиться, переключается на ее младшую сестренку, а плутовку уступает британскому послу. Лорд богат, и вдвоем веселее.

Тайна венецианских зеркал полна очарования. Двойственность духа и парность вожденной плоти, когда одна женщина, как в зеркале, отражена в другой, гонят Джакомо по замкнутому кругу. Прямо-таки карнавальная карусель.

Приключение в монастыре, благоухающее сладостью греха, обретает разнузданное двойничество с сестрами Нанеттой и Марион. Словно и впрямь найдена формула стихийных духов: воздушных силфов и танцующих в огне саламандр.

Подвернутся новые сестрички и новый напарник-посол. Сил хватает на пятерых, а все же нужен соучастник, такой же вертопрах.

На казнь Дамьена, поранившего Людовика XV ножом, сбегается весь Париж. Охочий до развлечений Казанова тоже покупает окно на Гревской площади, точно ложу в театре. С ним малознакомая дама и граф Эдоардо Тиретта, закадычный приятель, такой же авантюрист. Обходительный граф с поклоном пропускает даму вперед и, когда она, увлеченная зрелищем, перегибается через подоконник, задирает ей подол. Она не посмела пошевелиться и даже приподнять головы — всюду люди.

«Битых два часа слышал я шуршание юбок, — торжествует мемуарист, — и, изрядно веселясь, позы своей не переменил. В душе я больше восхищался отменным аппетитом Тиретты, нежели дерзостью его, ибо самому мне доводилось совершать не менее от-важные деяния».

Самый момент казни он проглядел. Циник, но раблезиански жизнерадостный, хвостун, но правдив, сукин сын. Этого у него не

отнимешь. Поводом для самолюбования может послужить, что угодно. Даже тюрьма.

С шестнадцати лет впервые отведав ареста на Корфу, он то и дело попадает в каталажку. Легкость, с какой он выскочил из крепости святого Андрея, куда угодил за «юношеские шалости», настраивает на беззаботный лад. Избив палкой обидчика, Джакомо незаметно прокрался обратно в тюрьму, заработав таким манером стопроцентное алиби.

Прослыть безнравственным распутником лестно, чернокнижником — чревато крупными неприятностями. Обвиненный в богохульстве, черной магии, а заодно и в воровстве, он, ускользнув из-под самого носа инквизиторов, пускается в странствия по Италии. Милан, Мантуя, Парма. Чуть ли не в каждом трактире какая-нибудь пикантная интрижка, карты, ссоры, мошеннические проделки. В надежде, что страсти улеглись, Казанова возвратился в Венецию, но не тут-то было.

При обыске у него находят колдовскую книгу «Ключ Соломона», редкостный манускрипт о вызывании дьявола «Пикатрикс» и похабный роман Латуша «Картезианский привратник».

Инквизитор потирает руки: птичка взята с поличными.

Трибунал Венецианской республики — не папская священная Германдада. Здесь не пытаются и не жгут на костре. Однако знаменитая тюрьма Пьомби под свинцовыми крышами, которые раскаляются на солнце, как адская сковорода, тоже не сахар. Казанове предстоит отсидеть там пять долгих лет. Без женщин, азартных игр и без зрителей. Непереносимо.

И он совершает невозможное: первый за всю историю жуткого узилища побег!

Теперь только и начинается настоящая жизнь «гражданина мира», как сам себя называл. В Париже он организует мгновенную лотерею, нечто вроде нашего «спортлото», и, набив карманы, управляется тайным агентом в Дюнкерк. Плетет финансовые махинации, создает мануфактуры, но срывается. Во Франции за неуплату по векселям садится в долговую яму. Положение еще более осложняется, когда векселя оказываются поддельными. Но, что значит какой-то форт л'Эвек для узника Пьомби?

И вновь карета трясется по дорогам Европы. Германия, Швейцария... Что раньше, что позже — какое это имеет значение? Путешествующий философ и естествоиспытатель, он навещает Альбрехта фон Галлера и на равных беседует с великим ученым о природе души и материи. Две встречи с Вольтером приводят его в тихое бешенство. Язвительный мудрец раскусил комедианта и тонко дал это понять.

Зато ничего не стоит запоморочить Иоганну-Елизавету Ангальт-Цербскую, мать русской императрицы, которую Екатерина предпочитает держать в Париже, подальше от глаз. Казанова вызывает духов, пророчествует и в терминах алхимии объясняет, откуда берутся дети. Словом, потешается и над старухой, и над собой.

И вновь стрела Амура впивается в сердце. С первого взгляда безумно влюбляется в таинственную француженку в мужском наряде, которую почтительно сопровождает венгерский гусар. Раз-два, и готово: Казанова в ее постели. Ему двадцать шесть, он уже видел виды. Из-за дуэли приходится сматываться из Парижа. Храбрец он отменный. В Польше его едва не угробили холопы Браницкого, когда он тяжело ранил их ясновельможного пана. Наглец-поляк сам напросился на пулю. Или то был удар саблей? Какая разница!

Щегольнуть мастерским фехтовальным приемом для него одно удовольствие. Обид не прощает никогда и никому. И тайны хранить умеет:

«Один почтенный человек... доставил мне милость и ввел в число тех, кто видит свет. Я сделался вольным каменщиком, учеником. Два месяца спустя, в Париже поднялся я на вторую ступень, а еще через несколько месяцев — на третью, иными словами, стал мастером».

Какой стремительный взлет! Да и чему удивляться. Для масонов такой человек просто клад. Теперь перед ним открыты все двери. В любом городе он найдет орденских братьев по паролям и знакам.

Под хаотичными перемещениями скрываются потаенные цели. Однако высокая миссия, если была таковая, ничуть не мешала срывать цветы удовольствия. Милан, Генуя — город Колумба, куда приходят корабли со всего света. Походя, между делом, а то и от нечего делать, Джакомо отбивает любовницу у младшего брата Аловизо.

И зачем нужна ему глупышка Марколина? Что видит, то и берет.

Но самая крупная пожива и гала-представление, в придачу, ожидали его в Марселе.

Комедия не на амурные темы: даме под шестьдесят, хотя все еще хороша. Она носит знатнейший герб Франции и сказочно богата. В родстве сплошь герцоги и короли.

Жанна, маркиза д'Юрфе, урожденная Камю де Пон-Карре, жена Луи Кристофа де Ласкариса д'Юрфе де Ларошфуко, помешана на герметических науках. Она заклинает демонов, корпит над древними манускриптами, ищет философский камень. Не ради золота — его хватает. Маркиза панически боится смерти и жаждет возродиться в новом теле. Желательно, в мужском: все женские радости она уже познала. Это ли не находка?

Обосновавшись в замке Пон-Карре, под Парижем, Казанова требовал кругленькую сумму на оборудование. Она молча сняла ключ, скрытый в ложбинке стесненных лифом окружностей, и поманила за собой в башню. Лаборатория была оснащена по последнему слову науки. Под атанором — алхимической печью — проблескивал огонь.

— Он горит уже пятнадцать лет, — пояснила маркиза. Она с гордостью продемонстрировала бочонок платины из Пинто, которую хотела обратить в золото, но металл не плавился.

Казанова сдержал усмешку и принялся разглядывать книги: Раймунд Луллий, Арно де Вильнев, Роджер Бэкон, Гебер — весь цвет алхимии.

Главное сокровище хранилось в шкатулке из слоновой кости, тоже запертой на ключ.

— Там ваш манускрипт? — Казанова проник в ее мысли. — Я прочту его! — Он покажет старушке, на что способен настоящий адепт.

— Это невозможно без ключевого слова. — Она достала Черную книгу, раскрыла ее и тотчас захлопнула, но Казанова успел заметить магическую пентаграмму, исписанную именами духов планет, и запомнил страницу.

Он узнал знак, который сам же нарисовал на бедре племянника маркизы — графа де Ла Тур д'Овернь. Доверчивый полковник страдал невралгией и легко поддавался уговорам. Сняв боль с помощью трав и опиума, Казанова уверил его, что колдовское клеймо защитит и от пуль.

Остальное было делом техники.

«Я сумел до тонкости изучить госпожу д'Юрфе, что почитала меня за истинного адепта... она еще более укрепилась в этих химерических мыслях пять или шесть недель спустя, когда осведомилась, расшифровал ли я манускрипт, где изъяснялось Великое Деяние...

— Ничего нового я там не обнаружил, — сказал я.

— Извините, сударь, но это никак невозможно без шифра.

— Прикажете назвать вам ключ, сударыня?

— Сделайте милость.

Я произношу слово, не принадлежавшее ни к одному языку, и повергаю ее в изумление. Она сказала, что это слишком, поскольку считала, что одна знает это слово; его хранила она в памяти и никогда не доверяла бумаге.

Я мог сказать ей правду, что те же подсчеты, какие помогли расшифровать рукопись, открыли и ключ, но мне взбрело на ум объявить, что его сообщил мне Дух. Ложным этим признанием я поработил г-жу д'Юрфе».

Откровенность пройдохи вызывает улыбку. Истинный герой плутовского романа.

Казанова начал готовить маркизу к алхимическому перерождению. Он убедил ее, что она возродится в младенце, которого зачнет от него девственница знатного рода, дочь посвященного. На эту роль была ангажирована танцовщица Марианна Коричелли. Забавляясь в замковой спальне, где однажды ночевал Генрих IV, они меньше всего помышляли о потомстве. Когда наступил решающий час, Марианна взяла напрокат годовалого сына своей костюмерши. Неудачу — об успехе ведь и речи быть не могло — свалили на пажа, который, якобы, все испортил, подсматривая. Повторный опыт перенесли в Экс-Ла-Шапель, но там вспыльчивый Казанова отнял у любовницы подаренные им драгоценности, и она чуть не выцарапала ему глаза. Пришлось объяснить, что чары злых сил

наслали безумие. По совету Казановы, маркиза отправила письмо на Луну. «Зашифрованный ответ» пришел, когда хозяйка замка нежилась в молочной ванне.

— Перерождение в Марселе через год, — перевел, деликатно отворачиваясь, Казанова, — с помощью великого розенкрейцера Кверилинта.

Миланский авантюрист Антонио Кроче как нельзя лучше подходил для такого дела.

У них в запасе целый год. Казанова не теряет времени.

Папа Климент XIII вручает ему, чернокнижнику, орден Святого Иоанна Латернского и производит в апостолические протонатории. Отныне он кавалер Казанова. Про девицу, которую он выкрал во Флоренции, говорить не приходится: список длинный. Португальский король посылает его с деликатным поручением в Аугсбург, а вице-король Испании сажает в подземелье Барселонской башни. Причина?

«Проступок мой заключался в ночных визитах к любовнице вице-короля, негодяйке изрядной».

Скорее прочь из проклятой Испании! Его ждут новые дамы и Гомер. Он работает над переводом в карете. Его хватает на все. Он ведет политическую разведку для Людовика XV, разрисовывает тела вельмож колдовскими охранными знаками, пророчествует. Красавице мадемуазель Роман обещано, что она станет фавориткой короля. Но под лежащий камень вода не течет.

— Поезжай-ка в Париж, милочка. В Гренобле тебе нечего делать. — Казанова сам отвозит ее в Версаль.

«Если предсказание не сбывается, то грош ему цена, — высказывает он свое кредо, — но я отсылаю снисходительного моего читателя ко всеобщей истории: там обнаружит он множество событий, какие, не будь они предсказаны, никогда бы и не совершались».

И верно: м-ль Роман попадает в королевский альков. Улыбнулось счастье и Морфи, с которой Казанова пишет портрет. Людовик работу оценил и пожелал познакомиться с оригиналом.

В Лондон Казанова въехал, как принц. Его дорожные сундуки набиты роскошными нарядами, а бумажник — заемными письмами и рекомендациями коронованных особ. Его принимает в Виндзорском дворце король.

Казалось бы, живи и радуйся, но у венецианского Дон Жуана слишком чувствительное и уязвимое сердце. Если не удастся взять крепость штурмом, он впадает в отчаяние. Хитрец и проныра не способен к расчетливой осаде. Когда ему отказывают, он сходит с ума. Куртизанка Шарпийон соблазняет, заманивает, но не дается. Раненое самолюбие толкает на дикие поступки.

Как назло, с подложным векселем подвернулся Генау, проходивший из Ливонии, фальшивый барон. Раздираемый страстями кавалер не заметил подвоха. В довершение всех бед, пассия ливонского рыцаря наградила Казанову «паховой чумой» — так называемой четвертой венерической болезнью. В Англии, как нигде, чтут букву

закона. Казанове не привыкать к тюрьмам, но ловушка, что построила ему прожженная интриганка, угрожает кое-чем и похуже.

«Я избегнул виселицы, каковая, впрочем, меня бы не обесчестила — я всего лишь был бы повешен».

Даже тут в первую голову забота о «чести»!

Вырвавшись из когтей правосудия, едва живой от унижения, но не сломленный, он бросается в загул. Непотребные девки, слетевшиеся, как осы на мед, обобрали до нитки. Пришлось заложить в ломбард дорогие сувениры с монограммами королей: часы, табакерки, трости.

Высадившись в Кале, Казанова еле добрался до трактира «Золотая рука» и отдался в руки врачей, выдоивших у него последнее золото. Вместе с кровью, которую пришлось отворять четыре раза. Усиленная «венеринной отравой» лихорадка чуть не свела его в могилу.

И вот он уже опять колесит по градам и весям. Затекает новую лотерею в Берлине. Чинно прогуливается в садах Сан-Суси с Фридрихом II. Для братьев-розенкрейцеров король Пруссии — Оромасис, легендарный египетский жрец. В данный момент его занимает проблема орошения. Для Казановы это желанный повод получить аудиенцию, хотя он ничего не смыслит в ирригации. Но он маг, фокусник, интуитивист, мастер подстроиться под любую тему и пустить пыль в глаза. Главное поддакнуть в нужном месте.

— А! Я вижу, вы архитектор гидравлик, — обрадовался король-солдат и философ и предложил поступить к нему на службу.

Казанова попросил дать время на размышление. Он боится продешевить. В России, по слухам, можно грести червонцы лопатой.

За окошком кареты замелькали шлагбаумы и полосатые будки. Польша (минуя Варшаву), Данциг, Кенигсберг, Мемель, Митава. Здесь он пообещает герцогу Бирону открыть клад тамплиеров, протанцует с фрейлиной, а затем важным барином прикатит в Ригу. Теперь и до Петербурга недалеко. Граф Фарусси, он взял девичью фамилию матери, с точностью до минуты определяет въезд в Россию по планетным часам. Он слишком хороший математик, чтобы быть плохим астрологом. Но верит ли он в звезды? По крайней мере — в свою звезду?

Действительность превзошла все ожидания: повсюду он желанный гость. Его одаривают любезным вниманием главные масоны Елагин и Мелиссино, первейший богач и меценат Демидов и очаровательная ученая дама — Екатерина Дашкова.

«Принцесса д'Ашкова», — не успевает записывать он непривычно звучащие имена.

Красавиц столько, что глаза разбегаются. Танцы, танцы, но, кажется, пока без особого успеха. Особенно хороши фрейлины. «Девица Сиверс очаровала меня. Я влюблен». С завистью следит, как австрийский посол князь Лобковиц ухаживает за очаровательной графиней Брюс.

Русское гостеприимство известно. После официальных раутов занятого иностранца везут в «Красный кабак», что в десяти вер-

стах от столицы, по дороге на Петергоф. Екатерина провела там судьбоносную ночь, когда отрекся Петр III. Веселье продолжается до утра. От обильной еды разыгрывается геморрой. Помочь себе самому врачеватель не в силах.

Постельный режим прерывает череду развлечений, а там и весть приходит о кончине Франца I, императора Священной Римской империи. Цесаревич Павел, будучи герцогом Голштинским, собирается в дорогу на имперский совет. Привилегия, которой не смог добиться Петр Великий.

Казанова обуреваем приступом меланхолии. Надежда на встречу с государыней слабеет день ото дня, и главный танец не вытанцовывается: ни одного приключения. Для начала, по совету Алексея, графа Орлова-Чесменского, купил за сто рублей крепостную девку. Оказывается, тут такое возможно! Одел с иголки, нарек Заирой, как в пьесе Вольтера.

Государыню Казанова подстерег на прогулке в Летнем саду. Только тут его ожидал афронт. Беседой милостиво удостоила, но не более. Предложение уравнивать русский календарь с европейским Екатерина не приняла.

— Не было бы деянием, достойным вашего величества, принять Григорианский календарь? Европа дивится, что старый стиль все еще существует в стране, где государь глава церкви и есть Академия наук.

— Позвольте вам заметить, что это сущая безделица. Лучше допускать небольшую оплошность, чем нанести подданным моим великую обиду, лишив их дней рождения или именин.

Пришлось отдать Заиру в «хорошие руки» и с веселой девицей Вальвиль отбыть в Польшу. «Я оставил ее армянину, коему она любезно уплатила сто дукатов, мною ему должных. Мы расстались весело».

Последняя любовь — Сесиль Ротгенфорд — моложе его на пятьдесят лет и отпускает ласки только за деньги.

Старый и немощный, кавалер Казанова завершил свой тернистый путь в Богемии, в замке графа Вальдштейна. Объект насмешек гостей, третируемый челядью приживала, он взрывается, ругаясь по-итальянски, и вспоминает, вспоминает...

Принц де Линь, гостивший в Дуксе у графа Вальдштейна, рисует сцену появления всеми забытого старика в затрапезном камзоле, смешного и жалкого.

«Он заговорил по-немецки, его не поняли, он разгневался — засмеялись. Он прочел свои французские стихи — засмеялись. Жестикуюлируя, стал декламировать итальянских поэтов — засмеялись. Войдя, церемонно раскланялся, как обучил его шестьдесят лет назад знаменитый танцмейстер Марсель, — засмеялись... Канальи, кричал он им, все вы якобинцы!»

Страшно пережить свое время, сохранив ясную голову и память, которая терзает больнее, чем сифилис, разъедающий суставы.

Избавление приходит в 1798 году. Знаменитые соперники Сен-Жермен и Калиостро давно ожидают его на том свете.

КОРОНА КЕТЛЕРА

Отец бабушки... Василий Никитич Татищев, который написал «Русскую Историю», родился при Петре I и был лично ему известен... При вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны он много выиграл тем, что стоял за самодержавие, которого не желали многие из вельмож. Он был статский советник, а перед коронацией сделали его обер-церемониймейстером и после дали ему чин действительного статского советника; и злодей Бирон был к нему хорош, а он посылал ему из Сибири разные гостинцы, которые тот принимал.

Д. Благово. «Рассказы бабушки»

Пребывание Казановы в Митаве обойдено вниманием не случайно. О столице небольшого Курляндского герцогства стоит сказать особо. В замки остзейских рыцарей отовсюду стекались искатели философского камня, розенкрейцеры и мастера чудес. Здесь побывал граф Сен-Жермен, после него оставила долгую память гастроль графа Калиостро. Кстати, и сам Казанова перед тем как пересечь границу Российской империи, с подорожной на имя графа Фарусси, остановился перевести дух в заповеднике ливонского рыцарства.

Не только великие авантюристы, но и принцы со всей Европы, секретные агенты и послы проехали этой дорогой, не забывшей свирепых латников на закованных в сталь лошадях.

Тевтонский орден, историю которого мы оборвали на Кетлере — первом великом герцоге Курляндии, был утвержден в 1198 году папой Иннокентием III. Магистр Генрих Вальпот не пользовался привилегиями преимущественного высочества. Гроссмейстерский сан предводителя псов-рыцарей получили в 1237 году, после объединения Тевтонского братства с Ливонским. Границы Ливонского ордена как раз и обозначили пределы Кетлеровых владений. Не счесть войн, что на протяжении веков вели рыцари с Московией и Балтами. Только в петровскую эпоху Россия настолько прочно утвердилась в Прибалтике, что ее влияние возобладало над польским, германским или же шведским.

Об этом свидетельствует, в частности, избрание племянницы Петра Великого, Анны, на курляндский престол. Едва ли сейм, сплошь состоящий из остзейских баронов, проголосовал по доброй воле. Каково же было изумление потомков тевтонской братии, когда их герцогиню пригласили на московский престол!

«Король умер. Да здравствует король!» Это не для России. С законной передачей власти у нас всегда обстояло туго. Не углубляясь далеко в историю, не грех вспомнить, что даже Петр I сел на трон не один, а вместе с братом Иоанном и сестрой Софьей. Так что на первых порах образовался триумvirат, почти как в Риме.

Анна как раз и была средней дочерью Иоанна Алексеевича и Прасковьи Федоровны, урожденной Салтыковой. Племянница вели-

кого преобразователя, она и не помышляла, какое ей выпадет сумасшедшее счастье.

Она родилась в Москве, января 28 дня, по-старому, 1693 года. Отца который скончался, когда ей минул третий годок, не помнила и до девичества безвыездно прожила в подмосковном Измайлово с матерью и сестрами.

Жили по заветам седой старины, не лучшим однако. Усердное богомолье уживалось с деревенской волшбой самого дурного пошиба. В людской постоянно толклись всевозможные гадалки, ворожеи, юродивые, калики перехожие и всяческие уроды. Особое удовольствие цесаревне доставляли карлики и «дураки», как именовали тогда не только слабоумных, но и шутов. С другой стороны, царица Прасковья была вынуждена, угождая Петру, хотя бы для виду придерживаться и новым порядков. Перед наездом царя подымался переполох. Юродивых и приживалок спешно рассовывали по дальним чуланам, а в передний ряд выталкивали учителей. Петр следил за воспитанием племянниц. Их обучали истории, географии, каллиграфическому письму, танцам и, конечно, языкам: немецкому пользы для, французскому ради благородного обхождения и плезиру. Менуэт давался неповоротливой черноглазой отроковице все же легче, нежели правописание, но какие-то обрывки знаний удалось вдолбить в ее запомороченную колдовской чертовщиной головку. И как нельзя более вовремя. В 1708 году семейство, повинувшись державной воле, переехало в Петербург.

— А ждут тебя земли дальние, — нагадала Анне горбунья Машка, лия расплавленный воск в плошку с водой.

Привольное сельское житье сменилось ассамблеями и театральными представлениями, а телогреи с сарафанами — фижмами да робронами. Туалеты то и дело приходилось перешивать: теснили в лифе. Царевну разносило, как на дрожжах. Рослая и дебелая, она обзавелась первыми воздыхателями, когда дядя, промысливший все далеко вперед, просватал ее за курляндского герцога Фридриха-Вильгельма, племянника короля Пруссии. Суженый не приглянулся Анне, но царь, руководствуясь политическими соображениями, и не брал в расчет чувства племянницы. Венчание назначили на последний день октября 1710 года. И жених, и невеста едва переступили семнадцатилетний порог.

Свадебные пиры и увеселения растянулись на два месяца, почти до самого Рождества. Умеренности в еде и, тем паче, питии, мягко говоря, не соблюдали. Петров кубок «Большого орла» ходил в круговую. Субтильный герцог не выдержал столь непривычных излишеств и захворал. Едва оправившись, он подхватил простуду, но махнул рукой и спешил убраться вместе с молодой женой из не в меру хлебосольного Петербурга. Однако до Митавы не дотянул, скоропостижно скончавшись на мызе Дудергоф. Юная герцогиня осталась вдовой. Все вершилось не по ее воле. О возвращении в родительский дом нечего было и думать. Пришлось обосноваться в захолустной Митаве, где сплошь немцы и ни одного родного лица. Вдобавок ко всему,

и язык хромал. Остерман, брат российского вице-канцлера, оказался никудышным педагогом. Впрочем, и ученица не отличалась радением. Она робела перед надменными остзейскими баронами, чьи предки, ходившие на Новгород и Псков, обосновались на Балтии еще пять столетий назад. Как государыню, рыцари не принимали Анну всерьез. Единственным развлечением на первых порах были парады и выходы. На торжественных обедах вдовая герцогиня налегала на вестфальскую ветчину и венгерские вина. В обычные дни ее стол не отличался обилием, привычным сызмальства. Она тосковала, писала слезные письма, но царь лишь изредка позволял отъехать из Митавы. Стоило слегка засидеться в Петербурге или Измайлово, как следовал приказ Меншикову выпроводить герцогиню восвояси.

Гофмейстером при ее дворе царь назначил Петра Бестужева, наказав ему добиться от сейма выделения вдовей части герцогских имений. Курляндия — не Россия, где хозяин всему государь. Приходилось считаться с дворянством. Для подкрепления позиций племянницы, сетовавшей на хроническое безденежье, прислан был ее дядя по линии матери Василий Салтыков, человек жестокий и грубый. Он и на Анну, бывало, кулаком замахивался. Впрочем, бароны и его приструнили. Скоро понял, что с такими фейхтмейстерами, как братья Левенвольде и граф Кайзерлинг, здешний канцлер, шутки плохи. Чуть что не так, и дуэль на эспантонах.

Анна, пообвыкнув, начала кое в чем разбираться. Кетлерова корона сделала ее какой-никакой, а все ж суверенной государыней: послы из европейских столиц, brave камер-юнкеры, хорошенькие пажи. Молодость требовала положенной дани.

Первым она приблизила к себе камер-юнкера Эрнста Иоганна Бирона, делавшего ей недвусмысленные знаки. Вообще-то он назывался Биреном, а не Бироном. Казалось бы, всего одна буква, и уже как бы в родстве со знаменитым герцогом.

Сначала они скрывали свою связь, что вызывало только снисходительные усмешки, ибо во дворцах стены имеют не только уши, но и глаза. С молчаливого согласия сейма, Бирон был признан официальным фаворитом, что вскоре принесло ему ключ камергера.

Дабы соблудить приличия, — от матери из Петербурга пошли письма со строгими репримандами — Анна подыскала любовнику подходящую жену. Сказалось давишее пристрастие к уродам: Бенigna Готлиба фон Тротта Трейден была горбата и приволакивала ногу. Зато в сметке не сыскать равных. Это она, верная фрейлина, придумала подложить себе под юбки подушку, когда герцогиня ощутила зримые признаки беременности. Благополучно разрешившись мальчиком, коего нарекли Карлом, Анна соизволила оказать честь своему камергеру личным присутствием на крестинах. Бенigna, заранее подыскала кормилицу-чухонку, талантливо симулировала послеродовые недомогания. Общество сделало вид, что никто ни о чем не догадывается.

Войдя во вкус, еще более раздобревшая государыня пустилась во все тяжкие. Не давая отставки разлюбезному Бирону, раскрыла

объявлять барону Густаву Левенвольде, который обращался с ней, как с уличной девкой, сумев, тем не менее, внушить чувство, похожее на любовь. Получив над ней определенную власть, Левенвольде переуступил ее Альбрехту Корфу.

Благопристойные бюргеры, грешившие с оглядкой, лукаво перемигивались. Митава, где и на соседнюю Ригу взирали, как на законодательницу мод, по части нравов неожиданно оказалась почти вровень с Версалем — признанным эталоном для всей Европы. Не хватало только французской гривуазности и блеска. А все проклятая нищета.

Анна слала в Петербург челобитные, униженно расстилаясь перед Петром, императрицей Екатериной Алексеевной и цесаревной Елизаветой. В том же заискивающем тоне были выдержаны и послания, адресованные всеильному Меншикову и вице-канцлеру Остерману. Жалобы на вдовью судьбу перемежались просьбами денег. В надежде на протекцию, она усердно «махалась», как именовался в ту пору флирт, с Бестужевым, а когда с инспекционным визитом нагрянул Василий Долгорукий, прямоком потащила князя в постель. Второй Левенвольде, Карл, приглянулся ей уже просто так, под настроение.

Бирону, домогавшемуся графского титула, оставалось, стиснув зубы, терпеть. Анна клятвенно обещалась выхлопотать для него патент графа Римской империи, но Вена пока хранила молчание.

Поведение герцогини ничуть не шокировало сейм. Пожалуй, было даже на руку: она во всем полагалась на Бирона. Одержимый головокружительными планами, он поддержал отчаянный проект заморской экспансии. Фактория на берегу Африки превращала маленькую Курляндию в колониальную державу!

— Быть вам, ваше высочество, императрицей, — посулил Анне придворный астролог Фридрих Бухер.

— Пойди опохмелись, батюшка, — отмахнулась герцогиня.

Морской путь из Рижского залива в Африку она представляла себе весьма приблизительно, но то, что никакой императрицей ей не быть, понимала вполне. Даже когда пришла весть, что преставился дядюшка Петр Алексеевич, у нее и мысли о том не возникло.

Послания к государыне-матушке Екатерине Первой, самодержице Всероссийской, источают умиление и покорность. Не империя на уме — замужество.

Братья Левенвольде, бароны курляндские, став графами Российской империи, предложили сейму кандидатуру Морица Саксонского, незаконного сына польского короля. Но брачный союз расстроил Меншиков: герцогу де Ижор Ингерманландскому, «полудержавному господину», корона Кетлера приглянулась. Ничего, отольются безродному выскочке вдовьи слезы! Шут Авесоломка отвлек хозяйку от горестных дум, изобразив хряка.

А Бухер твердит свое: «Юпитер в Аквариусе, экзальтирующий аспект...». Совсем голову задурил.

Бирон, втайне ликуя, что польскому бастарду дали от ворот поворот, поспешил утешить даму сердца презентом: из Африки привезли черного, как вакса, карлика. То-то вышла потеха! Ве-

селье было в самом разгаре, когда прискакал фельдъегерь из Петербурга: письмо в траурной рамке оповещало о кончине Екатерины.

Опасаясь любых перемен, Анна огорчилась, но осталась глуха к трубному зову судьбы. Ей ничего не светило, а как поведет себя молодой государь Петр II — неизвестно.

Через год-другой до Митавы докатились слухи, что он обручился с Катькой Долгорукой. Пришлось спешно снарядить подводу с заморскими редкостями для князя Василия, чтоб помнил митавские ночи.

Ежели Долгорукие в фаворе, то змею-Меншикову долго не усидеть. Расчет оказался верным. Ловкачи крепко прибрали мальчонку Петра к рукам. Пришел конец преобразованиям великого деда. Может, оно и к лучшему. Уж она-то, Анна, вкусила в своей Митаве от щедрот европейских. С души воротит.

И вдруг, как прорвало. Видно, крепко пришпорила клячу истории костлявая старуха с косой. Петр II скончался в день свадьбы, пятнадцати лет от роду! Казалось бы, невелик срок — какие-то пять лет, а уж ни деда, ни внука. Престол, надо думать, Елизавете, свет Петровне, достанется.

Не тут-то было...

«Король умер. Да здравствует?..» Кто именно? Петр Великий не позаботился о регламенте престолонаследия. Согласно завещанию Екатерины, право на трон имели двухлетний сын герцога Голштинского Петр-Ульрих и цесаревна Елизавета. К царскому дому принадлежали также Евдокия Лопухина, первая жена Петра, и три дочери Иоанна, в том числе средняя — Анна. Только астрологу спяная могло показаться, что первой взойдет ее звезда.

Однако именно так и порешил Верховный тайный совет, спешно собранный в день кончины юного государя. Князь Голицыны и Долгорукие резко высказались против голштинского младенца, а Елизавету попрекнули за легкомысленный нрав и гулящее поведение. Дмитрий Голицын, первый «верховник», полагал, что обездоленная Анна, прозябавшая в курляндской глуши, скорее прочих пойдет на уступки. Некоторое ограничение самодержавных прав не покажется ей слишком высокой платой за российскую корону.

Тут же набросали и соответствующие кондиции, поручив депутации от Тайного совета, сената и генералитета отправиться с ними в Митаву. Перед Россией открылась сияющая перспектива ступить на конституционный путь!

Первым уведомил Анну, что кондиции не стоит принимать всерьез Рейнгольд Левенвольде. Вслед за ним в Митаву примчались двурушники-интриганы и прочие ловцы удачи, коих всегда в избытке.

— Что скажешь? — Анна призвала юривого Тимошку, более полагааясь на его внутреннее чутье, чем на планетные конstellации.

— Не езд, матушка!

Бирон спустил юривого с лестницы. Вскоре Густав Левенвольде доложил, что дурак поскользнулся и помер. Не будет лезть!

— Надо ехать, кайзерин, — изрек Бухер. — Такая богатая держава!

Не долго думая, она подписала кондиции и отбыла в Москву. По бокам кареты, запряженной восьмериком, гарцевали Бирен и Левенвольде.

Пожелав, чтобы погребение Петра II совершилось без нее, Анна несколько дней провела в селе Всесвятском, после чего и состоялся торжественный въезд в Первопрестольную.

Уже через неделю кто только не поносил злосчастные «кондиции»! Отпрыски лучших фамилий голоса посрывали от восторженных криков, торопясь прежде других расплатиться в блаженном рабстве.

Гвардейские офицеры, предводительствуемые фельдмаршалом Трубецким, поднесли государыне челобитную, которую огласил подобрительный рев князь Кантемир:

«Просим всемилостивейше принять самодержавство таково, каково Ваши славные предки достохвальные имели, а присланные к Вашему императорскому величеству от Верховного совета пункты уничтожить».

Кокетливо оставив мизинец, Анна надорвала «кондиции» и объявила себя самодержицей. «Тайный совет» разогнали и, раскручивая кровавый маховик, заработала вновь учрежденная «Тайная канцелярия». Над Россией, оплеванной робкий росток свободы, опустилась долгая ночь рабелепия и террора.

Вновь зазвучал пароль катов и стукачей: «Слово и дело!». Попыпались доносы, застучали топоры.

Екатерина I вззошла на трон под барабанный бой семеновцев и преображенцев. Решающее слово сказала гвардия и при воцарении Петра II. Вот и теперь то же самое.

Пройдут годы, и лейб-компанцы на руках понесут Елизавету Петровну, а там и Екатерина свет Алексеевна совершит переворот с помощью гвардейских штыков.

Чем не Рим?

В историю десятилетнее правление Анны Иоанновны вошло под названием «Биронщина». Это не совсем справедливо, ибо продиктовано мазохистской привычкой взваливать преступления властелина на ближайших вельмож-прихлебателей.

Жестокость, грубость, тупое и необузданное властолюбие — все это было заложено в натуре недалекой и развращенной женщины. Требовались лишь подходящие условия, чтобы самодурство расцвело махровым цветом. Царский двор оказался для этого самой подходящей почвой. Бирон был достаточно проницателен, чтобы запустить, а затем и усовершенствовать уже готовые механизмы. Тайный сыск и всеобщее доносительство обрели при нем опасные для самого существования государства масштабы.

То же следует сказать об узаконенном грабеже, продажности и казнокрадстве. Ничего нового он не привнес. Просто брал «не по чину». Да и то сказать: обер-камергер, герцог! Куда еще выше!

«Сею хитростью, — имея в виду учрежденный временщиком «Доимочный приказ», отмечал историк Болотин, — доставил себе Бирон многие миллионы рублей, а государство вконец разорил».

Чем круче размах воровства, тем больше спрос на шпионов и заплочных дел мастеров. Топоры работали безотказно, но шутовская свистопляска заглушала вопли истерзанной плоти. Голицыных и Долгоруких извели почти под корень. Сосланные в Березов еще благословляли судьбу. Кабинет-министру Волынскому вырвали клещами язык и посадили на кол. Его заединщиков, самых образованных и толковых людей, подвергли четвертованию и колесованию.

Уцелел лишь тот, кто пошел в «дураки». Михайло Голицын, рюрикович, пополнил компанию, где, вместе с присяжными шутами Педриллой и Лакостой, ползали на четвереньках Волконский с Апраксиным.

Да и сам Волынский не смог отвертеться от участия в скомо-рошьей процессии по случаю свадьбы князя Голицына с калмычкой Бужениновой.

В специально построенный по такому случаю ледяной дворец новобрачных везли на слоне в деревянной клетке. Поэт Третьяковский порадовал веселящийся двор торжественной одой:

Здравствуйте, женившись, дурак и дура...

В гоготе, обжорстве и гнусных затеях прошло это кошмарное десятилетие. Анна обрюзгла, оплыла жиром, ее терзали жестокие колики в мочевом пузыре. Последнюю утеху доставил ей бедный паж, так несвоевременно вернувшийся из Геттингенского университета.

«Прощайте все», — нашла она силы вымолвить заключительные слова.

Эрнст Иоганн Бирон (1690—1772), герцог Курляндский (1737—1740) был сослан при Елизавете в Сибирь (1740—1762) и возвращен в Митаву (1763—1769) при Екатерине II.

Казанова еще застал старого герцога в живых.

Канцлер Дитрих Карл Кайзерлинг, имперский граф, которому Казанова передал рекомендательное письмо из Берлина, едва успел представить гостя его высочеству, как начался бал. Герцогиня оказала Казанове честь пройтись с ним в полонезе. Когда же объявили менуэт, его партнершей оказалась красавица фрейлина Мантейфель, в которую он молниеносно влюбился. Словом, покатило по накатанной дорожке: поездки по рудникам, где он выказывает себя знатоком горных работ, и флирт, ночные похождения и алхимическая заумь.

«Благородный старец, — это он о Бироне, — умудренный опытом, спросил, угодно ли мне получить в подарок перстень или его стоимость деньгами. Я отвечал князю, что предпочту деньги, хотя и рад был бы удостоиться чести поцеловать его руку».

Бирон вручил ему билет на четырехста альбрехталеров и письмо к сыну в Ригу. Принц Карл состоял на русской службе в чине генерал-майора и командовал пехотным полком.

В мае 1767, когда Карл Бирон пребывал в Венеции, Казанова решил выудить у него сотню золотых цехинов и послал рецепт изготовления философского камня. Через год, уже в Париже, принц оказался замешан в грязную историю с подложным векселем и угодил ненадолго в Бастилию. Алхимический рецепт затерялся в тюремных архивах, но был вынесен на Божий свет революционным вихрем, в полном смысле этого слова. Его опубликовали, перевели на несколько языков, и Казанова до самой смерти не мог отмыться от обвинения в шарлатанстве.

Так, совершенно неожиданно, отозвалось эхо Митавы.

А в 1795 году Курляндия вошла в состав Российской империи в качестве губернии. Ныне Курземе — одна из трех областей Латвии. Герцогский дворец давно стал музеем.

Говорят, что в лунные ночи в одном из окон появляется белая фигура в камзоле и завитом парике.

Герцог Бирон? Кавалер Казанова? Или, может быть, граф Калиостро?

ГРАФ КАЛИОСТРО

Пусть над глупцами ученые бьются,
Строгие трудятся учителя!
Мужи мудрейшие с нами смеются,
Нас наставляют, запомнить веля:
Вздорно глупцов призывать к исправленью!
Разума дети, доверьтесь реченью —
Дурня верней оставлять в дураках —
Мерлин-старик в лучезарной могиле
В дни, когда мы еще юными были,
В схожих со мной изъяснялся словах...

Иоганн Вольфганг. Гете «Копфские песни»

Джузеппе Бальзамо (1743—1795), всемирно прославленный как граф Алессандро де Калиостро, называл себя учеником Сен-Жермена. Вернее было бы назвать его эпигоном: мистик, чудотворец, собеседник Христа и самозванный граф. О нем, впрочем, известно больше достоверных подробностей, чем о Сен-Жермене, которого десятки людей «видели» уже после смерти, в канун революции, и даже еще позже. Не исключено, как это издавна повелось, что нашелся лже-Сен-Жермен, или Сен-Жермен II, возглавлявший воспользоваться знаменитым именем, но не обладающий для этого нужными качествами.

Среди многих исторических анекдотов, которые рассказывали про Калиостро, особо примечателен следующий.

Однажды он, уже прославленный чудотворец, повстречал молодого лейтенанта, которому предсказал великое будущее.

— Вы станете властелином полумира, как Македонский.

— Ну, что ж, — рассмеялся офицер, — обещаю вам в таком случае должность первого министра.

— Увы, — покачал головой Калиостро, — в ту пору меня уже погубят враги.

Лейтенантом был Наполеон Бонапарт.

Подражая Сен-Жермену даже в мелочах, Джузеппе решил, однако, действовать под собственным псевдонимом, позаимствовав у тетки фамилию Калиостро.

Сын палермского негодяя, он рано покинул родной дом, предпочтя науку странствий всякой иной. Как и Сен-Жермен, он объявлялся под разными именами — граф Феникс, Ахарат, Пелегрини. В его характере непостижимым образом сочетались достоинство и коварство, образованность и невежество. Этот человек, впрочем великодушный и небесталанный отличался увлекательным, хотя несколько варварским красноречием, представлял собой странную помесь миссионера и авантюриста. Одаренный от природы не так щедро, как Сен-Жермен, он обладал столь же завидной способностью привлекать к себе людские сердца.

Приехав в Митаву, он не замедлил очаровать тамошнее высшее общество. Двух часов оказалось вполне достаточно, чтобы совершенно покорить таких знатных и ученых вельмож, как граф Ховен и майор фон Корф. Влияние же его на особ женского пола было безмерным.

Алхимик, врач розенкрейцерской школы, астролог, физиономист и жрец тайны, Бальзамо должен был казаться лакомой приманкой для всяческих секретных обществ. Иллюминаты завербовали его в свою среду во Франкфурте-на-Майне.

Посвящение происходило недалеко от города, в подземной пещере. Основатель и глава ордена профессор Адам Вейсгаупт (1748—1830) раскрыл железный ящик, наполненный бумагами, и вынул оттуда рукописную книгу, начинавшуюся словами: «Мы, гроссмейстеры ордена тамплиеров...» Далее следовала формула присяги, начертанная кровью, и одиннадцать подписей.

В этой написанной на французском языке книге утверждалось, что иллюминатство есть заговор против тронов. После церемонии посвящения Бальзамо уведомил, что общество, в которое он вступил, уже пустило глубокие корни и располагает крупными суммами в банках Амстердама, Роттердама, Лондона, Генуи и Венеции.

По другим сведениям, обряд посвящения проходил в Лондоне в 1776 году, но одно не исключает другого: он буквально коллекционировал логи и создавал новые.

Пройдя церемонию и получив крупную сумму на расходы, а также секретные инструкции, Бальзамо сразу выехал в Страсбург. Там он прожил некоторое время богатым и щедрым вельможей, давая много, но ничего и ни от кого не принимая. Людей состоятельных он дарил своими советами, а бедняков — советами и деньгами, что вскоре превратило его в предмет народного обожания. Бюсты с надписью «Божественный Калиостро» по сей день можно отыскать на «Блошином рынке» Парижа.

Ходили смутные слухи, что таинственный граф обладает даром ясновидения и, кроме того, открыл эликсир бессмертия. Как утверждали некоторые, принц Роган сумел выпросить малую толику этого эликсира для себя и проживает теперь лет четыреста, оставаясь молодым и неутомимым в любви. Возможно, что именно благодаря этим слухам Калиостро заинтересовался сам король. Терпимый, одаренный и увлеченный механикой Людовик XVI, обожавший свою молодую очаровательную жену, переживал определенные трудности физического характера. Роли в этой игре были расписаны на века и замена актеров — Калиостро вместо Сен-Жермена и Людовик XVI вместо Людовика XV — ничего в сущности не значила. Зная о неких физиологических проблемах, омрачавших доброе сердце короля, Бальзамо действовал наверняка, ибо только этим можно объяснить беспрецедентную поддержку, которую Людовик оказал всем начинаниям загадочного иностранца. И все же итальянскому парвеню недоставало аристократической тонкости предшественника. Добив-

шись от короля указа о том, что всякая критика по адресу Калиостро будет рассматриваться как антигосударственное деяние, он явно пегнул палку и нажил себе сильных врагов.

Благородные манеры, огромное влияние при дворе, красноречие и богатство — все это быстро сделало Калиостро всеобщим кумиром. Неувядающая красота его жены Лоренцы Феличчиани лишней раз подхлестнула толки об эликсире бессмертия. Поговаривали, будто итальянская красавица была когда-то вавилонской царицей Семирамидой, а сам Калиостро якобы хорошо знал Христа и частенько беседовал за чашей фалернского с Юлием Цезарем, Суллой и Понтием Пилатом. Даже сомнительность богатств и добродетелей графа служили его популярности. Парижане буквально толпами осаждали его дом.

Поселился Калиостро на улице Сен-Клод, в самом красивом особняке квартала. Причудливость и сказочная роскошь обстановки только укрепили за ним славу алхимика и некроманта. В салоне, убранном с восточной пышностью и погруженном в полумрак, если только его не заливали светом десятки канделябров, можно было угадать характер хозяина — философа, заговорщика и чудотворца. В центре стоял бюст Гиппократа, а на восточной стене висела мраморная доска, на которой золотыми буквами была начертана всеобщая молитва Александра Попа: «Отче Вселенной, Ты, Которому все народы поклоняются под именами Иеговы, Юпитера и Господа! Верховная и первая причина, скрывающая Твою Божественную сущность от моих глаз и показывающая только мое невежество и Твою благодать, дай мне в этом состоянии слепоты... различить добро от зла и оставлять человеческой природе ее права, не посягая на Твои святые заповеди. Научи меня бояться пуще ада того, что мне запрещает моя совесть, и предпочитать самому небу то, что она мне велит!»

Из одной этой надписи посвященные могли догадаться, что хозяин чертогов — розенкрейцер, иллюминат или вольный каменщик. Не удивительно, что число приверженцев масонства, особенно в среде аристократов, сразу же возросло. И в этом немалая заслуга Калиостро, который основал в Париже, как делал это в Митаве, Петербурге и Варшаве, «Египетские» ложи. Доведя число степеней до 90, он при каждом очередном «посвящении» взымал денежный взнос.

Но было бы неправильно видеть в этом человеке последовательного заговорщика, ибо он постоянно переступал неосязаемую черту, отделяющую заговор от обыкновенного обмана. У него вечно происходили какие-то сборища, на которых занимались не столько политикой, сколько фокусами и некромантией. Постоянно можно было слышать, что он то вызвал какого-то именитого покойника, то уничтожил трещинку или пузырек воздуха в чьем-то фамильном камне, и тому подобное. По-видимому, Калиостро даже не пытался выйти из круга сен-жерменских чудес. Да и зачем, если никто не желал помнить о прошлом?

Чтобы замаскировать источник денег, которыми его снабжали члены сект, он в конце каждого месяца запирался у себя в кабинете, где якобы изготовлял золото. Многозначительными намеками давал понять, что после каждого такого уединения его слуга относит ювелиру слиток, проба которого почти всегда выше луидоров.

Опять-таки следуя Сен-Жермену, Бальзамо иногда «проговаривался» о том, что его внезапные отлучки связаны с процессом омоложения, который постоянно приходится поддерживать. С самым серьезным видом он уверял, будто состоит в общении с семью ангелами, коим, согласно обряду египетских лож, поручено управление семью планетами, и приписывал себе власть временно материализовать духов через посредство невинных девушек, которых называл «голубицами» или «питомицами». Порой даже называл «запретные» имена прислужников-демонов: Ассаратон, Пантассаратон...

В числе ярких приверженцев чудотворца можно было найти представителей всех сословий: дворян, прелатов, ученых, военных, ремесленников, простолюдинов. Даже такая высокая особа, как герцог Люксембургский, не смог устоять перед его чарами. Все они именовали учителя не иначе как «Обожаемый отец» и с готовностью повиновались ему. Бюсты с надписью «Божественный Калиостро», изваянные из мрамора и отлитые из бронзы, украшали аристократические дворцы. Люди носили его портреты на медальонах, часах, веерах.

Попробуем хотя бы ориентировочно проследить жизненный путь этого во всех отношениях необыкновенного человека.

Родители — Пьетро и Феличе Бальзамо — были людьми набожными и смиренными. Они лелеяли надежду прихотить наследника к торговле, но он рос фантазером. Ни сукно, ни шелка его не привлекали. Кто не мечтал в детстве о богатстве и почестях? Джузеппе грезил себя знатным вельможей, живущим в неприступном замке, вроде тех, что и сегодня еще можно встретить на Сицилии, славной своими рыцарскими традициями. Мальчику позарез хотелось стать «благородным» и он врал направо и налево, что дед его был графом, а скромное положение отца объясняется превратностями жизни. Пожалуй, это и ложью не назовешь. Так — игра воображения, бескорыстное фанфаронство, подогреваемое честолюбивыми, но еще туманными планами. Во сне ему открывались нездешние ландшафты, загадочные строения с мраморными колоннами и лестницами, уводящими взор в золотое предвечернее небо. Он почему-то всегда останавливался на первой ступени, не смея подняться выше.

Судя по его же отрывочным высказываниям, где невозможно отличить правду от домислов, решающим поворотом в судьбе стала встреча с Алтотосом — то ли мудрецом-магом из дальних стран, то ли таинственным вестником высших сил. В критические моменты он постоянно являлся Бальзамо, не позволяя сбиться с предназначенного пути.

«По новейшим изысканиям, этот Алтотос был, однако, не кто иной, как Кольмер, — лицо, происхождение которого остается не-

известным до сих пор, — пишет Е. П. Карнович («Калиостро в Петербурге»). — Вместе с Алтотосом Калиостро посетил Египет, был в Мемфисе и Каире; из Египта они поехали на Родос, откуда снова хотели пуститься в Египет, но противные ветры пригнали их на Мальту».

Возможно, и так, хотя путешествие в страну пирамид представляется частью конспиративной легенды, придуманной самим Калиостро. На это, в частности, указывает его «Коптский» реквизит: расшитое письменами, отдаленно напоминающими иероглифы, шелковое одеяние, рыцарский меч на поясе, зеленая перевязь с красными аппликациями в виде жуков и чалма из золотистой парчи. В таком виде он демонстрировал себя в Петербурге.

Всерьез можно говорить лишь о поездке на Мальту, где молодой Бальзамо удостоил аудиенции великий магистр иоаннитов Мануэль Пинто (избран в 1741), первым сменивший берет с диадемой на королевскую корону.

Сохранились намеки еще на одну важную встречу, но без указаний на время и место. Таинственный — как же иначе? — незнакомец оказался бродячим монахом-алхимиком. По-видимому, на мальчика, отмеченного печатью избранничества, обратили внимание какие-то приметливые люди: быть может, иезуиты или представители какого-нибудь тайного братства.

Где и у кого он учился на самом деле, установить невозможно. Известно лишь, что до двадцати-двадцати трех лет Бальзамо не покидал Палермо. Впоследствии на вопросы любопытных, откуда у него такие обширные познания в естественных науках и медицине, он отвечал всегда одинаково: «*in verbis, herbis et lapidibus*» — «в словах, травах и камнях». Это указывает на школу Парацельса, который, опять же по слухам, был близок к розенкрейцерам. «Великий Кофта» без разбора черпал отовсюду.

«О Калиостро говорили много дурного, я же хочу сказать о нем хорошее, — говорится в мемуарах барона Шарля Глейвена, изданных в 1868 году в Париже. — Правда, что его тон, ухватки, манеры обнаруживали в нем шарлатана, преисполненного заносчивости, претензий и наглости, но надобно принять в соображение, что он был итальянец, врач, великий мастер мasonicкой логи и профессор тайных наук. Обыкновенно же разговор его был приятный и поучительный, поступки его отличались благотворительностью и благородством, лечение его никому не делало никакого вреда, но, напротив, бывали случаи удивительного исцеления. Платы с больных он не брал никогда».

О первых его шагах в «науку» можно судить с достаточной долей уверенности.

Родители не пожалели денег, чтобы дать развитому не по годам мальчику хотя бы начальное образование, и отдали его в семинарию Святого Роха. Не выдержав суровой муштры, Джузеппе бежал, но был схвачен и препровожден в монастырь Святого Бенедетто близ Картаджироне.

Обнаружив в нем склонность к ботанике¹, отцы-бенедиктинцы отдали его на попечение монастырского аптекаря. В его лаборатории, где кружащие голову запахи высушенных растений смешивались с едкими испарениями всевозможных химикалий, Джузеппе и познакомился с азами древней традиции врачевания, укоренившейся в монастырях. Вот где подлинные истоки «в травах и камнях».

За какую-то дерзкую выходку он подвергся наказанию, после чего совершил побег.

Возвратившись в Палермо, Бальзамо уже на деле проявил словно бы генетически заложенную в него способность к аферам. Столковавшись с родственником-нотариусом, он подделывает завещание в пользу какого-то маркиза Мориджи, выманивает деньги у ювелира Морано, пообещав ему открыть место, где спрятаны невиданные сокровища. Примечательно, что поиски несуществующего клада проходят на фоне псевдомагических манипуляций. Первая проба пера состоялась.

Бальзамо обновил гардероб и в обличье знатного синьора появился в Мессине уже под именем Калиостро. Графский титул, пушенный в качестве пробного шара, он окружил туманом:

— Не по крови, но согласно таинственному предназначению.

Наиболее вероятно, что знакомство с Алтотосом состоялось именно здесь, в Мессине.

После Мальты о загадочном учителе ни слуху ни духу. Его внезапные — в Лондоне, Страсбурге и где-то еще — появления плод фантазии романистов.

Из Ла-Валетты Калиостро отправился в Неаполь, имея при себе рекомендательное письмо великого магистра к рыцарю Аквино де Карманика, человеку столь же богатому, сколь и скрытному. В памфлете, написанном в Бастилии, Калиостро в числе прочих влиятельных личностей называет и его.

Возвращение к родным пенатам было вызвано смертью отца.

Показаться в Палермо блудный сын не решается, боясь, что придется отвечать за былые проделки. Сицилианский князь, страстившийся к алхимии, приглашает его погостить у себя в поместье, возле Мессины. Князь — явный дилетант. Калиостро легко удается выдать себя за опытного адепта. Совместная работа в лаборатории позволяет ему нахвататься верхов — он всему обучается быстро — и прикарманить толику золота, якобы необходимого «для сравнения» с тем, что будет получено посредством философского камня. Едва ли князь дождался желанного превращения.

Дальнейший путь Калиостро как бы раздваивается. Согласно одним источникам, он, не заезжая домой, отправился обратно в Неаполь, где намеревался открыть игорный дом, но подвергся преследованию полиции и бежал в Рим; по другим же свидетельствам — пробрался в Палермо.

¹ Инстинктивная тяга к травам издревле считалась проявлением оккультных наклонностей.

Будем придерживаться последней версии: Рима и так, и этак не миновать. Как известно, туда ведут все дороги.

Уладив дела по наследству, Калиостро с наступлением весны отправляется в паломничество к святейшему престолу. На сей раз известна точная дата: 1768 год. Ему двадцать пять лет. Он прекрасно одет, имеет достаточно средств на первое время и, самое главное, рекомендательное письмо к графу Орсини. Это важная персона, близкая к папскому двору. И вообще Орсини, Колонна — самые знатные семьи в Риме.

Где познакомился Бальзамо с Лоренцей Феличиани, будущей женой, сказать с полной уверенностью нельзя. Скорее всего, в Вечном городе, потому что свадьба состоялась 20 апреля 1768 года в церкви Святой Марии на Аветине.

Далее полная неясность, и опять приходится звать на помощь Джакомо Казанову. Оказывается, вездесущий кавалер повстречал молодых супругов в Провансе. Они возвращались в Рим из Испании, совершив паломничество по святым местам: Джузеппе с детства отличался религиозностью. Для Казановы он еще не граф Калиостро, не маг и не сподобился получить высокого градуса в лоне каменничества. Поэтому кавалер беспристрастен и даже доброжелателен. Словом, завидовать нечему, а о каком-то соперничестве не может быть и речи. Язвительные оценки появятся спустя много лет.

Тем важнее свидетельство.

«Паломница сидела в креслах с выражением крайней усталости на челе, привлекая взоры своею юностью, печальной красотой и распятием желтого металла, дюймов в шесть, что держала в руках... Паломник, возившийся с ракушками, прицепленными к ее черной клеенчатой накидке, не пошевелился, указав глазами на жену, он, казалось, предлагал забыть о его скромной особе. Выглядел он лет на пять-шесть старше ее, ростом мал, крепко сбит, лицо запоминающееся, исполненное отваги, наглости, насмешки, плутовства, тогда как на лице жены его, напротив, были написаны благородство, скромность, наивность, мягкость и стыдливость. Оба они с трудом изъяснялись по-французски и вздохнули облегченно, когда я заговорил по-итальянски. Она назвалась римлянкой, что я без труда понял по красивому ее выговору, а его я принял за сицилийца, хоть он и уверял меня, что неаполитанец. Судя по паспорту, выданному в Риме, фамилия его была Бальзамо, она же звалась Серафина Феличчиани и имени своего не переменила. Читатель встретит спустя десять лет Бальзамо, превратившегося в Калиостро.

Она поведала, что возвращается в Рим вместе с мужем своим, довольная, что поклонилась святому Иакову Компостельскому и Деве дель Пилар...»

Дорожное знакомство продолжилось в Экс-ан-Провансе, куда Казанова приехал на карнавал из Нима и где надолго застрял, прикованный к постели тяжким недугом. Это дает нам еще одну рубежную дату — 1769 или 1770 год. Лоренца зовется уже Серафиной, но это пока не столь важно. Сосредоточимся на Джузеппе.

Казанова приводит весьма примечательные подробности:

«Талант его заключался не в придумывании черно-белых картин, а в копировании эстампов, но он уверил меня, что искусство его столь совершенно, что он перерисует пером любую гравюру с такой точностью, что никто не сможет отличить копию от подлинника... Чтобы окончательно убедить меня, он извлек копию Рембрандта, что была, коли возможно, краше оригинала. Талант его был несомненный, а меж тем он клялся, что на жизнь ему не хватает, но я не поверил. Он был из породы гениальных лентяев, что предпочитают бражничать, а не трудиться».

Дар копииста, присущий Бальзамо, тут на референции Казановы можно вполне положить, простирался значительно далее «чистого», подчеркнем со значением, искусства. Об этом говорит сцена в гостинице между кавалером и Лоренцой.

«Наутро она пришла в мою комнату просить рекомендательное письмо в Авиньон; я в один присест написал два: одно к г-ну Одифре, банкиру, а другое к хозяину трактира Сент-Омер. Вечеру, после ужина, она вернула мне первое из них, сказав, что муж рассудил, что оно им ни к чему. И тут она предлагает как следует на письмо посмотреть — то ли она возвращает; я верчу его в руках и говорю, что, конечно, то самое, какие тут сомнения. Но она, рассмеявшись, сообщает, что я ошибаюсь, что это копия. Я отказываюсь верить. Она зовет мужа, и он, спустившись с письмом моим, разоблачает удивительную сию подделку; это ведь посложней будет, чем гравюру перерисовать. Я долго восторгаюсь его умением, присовокупив, что он может извлечь из него немалую выгоду; но действовать надлежит с превеликой осторожностью, а то можно и головы лишиться».

Вполне резонное замечание. Совет, данный одним блистательным авантюристом другому, быть может еще более одаренному, дорогого стоит. Надо думать, что они смотрели друг другу в глаза, как в зеркало.

С той встречи отношение Казановы к дорожным знакомым кардинально меняется.

«Читатель узнает в свой черед, то бишь через десять лет, где и как я вновь повстречал этого человека, принявшего имя графа Пеллегрини, и добрую Серафину, его жену и преданного друга. Ныне... он находится в тюрьме, откуда ему уже не выйти, а супруга, быть может, обрела счастье в монастыре. Мне говорили, что он умер».

Обратим внимание на замечание насчет французского, на котором «с трудом изъяснялись» супруги Бальзамо. Не прошло и нескольких лет, как все находили их язык безупречным. Это говорит либо о присущем многогранному Калиостро таланте полиглота, либо о неистребимом злоязычии самого Казановы. Кстати, его произношение тоже нельзя было назвать образцовым, о чем свидетельствует принц Шарль де Линь:

«Он ничего не смыслит лишь в том, в чем почитает себя знатком, — в танцах, французском языке, правилах хорошего тона...»

Муниципальный советник де Мюр из швейцарского города Туна отзывается о лингвистических способностях кавалера более острожно: «Он уверяет, что знает все восточные языки, о чем я судить не берусь. По-французски он изъясняется как итальянец...»

Знанием «восточных языков» похваляются все трое: Сен-Жермен, Калиостро, Казанова.

В 1786 году Казанова анонимно напечатал трактат «Разговор мыслителя с самим собой», в котором обрушился на своих более удачливых, как он полагал, соперников — Сен-Жермена и Калиостро, чью громкую славу так и не смог перенести, хотя и пережил их обоих.

Что известно о похождениях Калиостро в Риме? Кроме, конечно, скоропалительной женитьбы на красавице Лоренце, которую счастливец не замедлил сделать соучастницей своих магических фокусов. Говорили, что в промежутках между сеансами он успешно приторговывал ее красотой, подсовывая в постель влиятельным и богатым кавалерам. Это стало предметом серьезных распрей с отцом Лоренцы, да и молодая жена была не в восторге.

Отпущение грехов, данное самим папой, возможно предотвратило назревавший разрыв.

Одурочить римлян безвестному чародею оказалось не так-то просто: все повидал на долгом веку вечный город. В поисках легкого заработка Калиостро сошелся с родственными по духу аферистами: Оттавио Никастро и маркизом Альято. Последний, такой же, верно, маркиз, как и Бальзамо — граф, оказался великим мастером подделывать почерк. Его уроки помогли довести до совершенства опыт, приобретенный Джузеппе еще на заре туманной юности.

Вместе они сработали патент на имя испанского полковника графа Феникса. Наступит срок, и с этой фальшивкой чета Калиостро отправится в Северную Пальмиру, по стопам незабвенного Сен-Жермена. Пока же наш умелец пробует повернуть давнишнюю затею с игорным домом, но, как назло, поделщики новоиспеченного «полковника» передрались, и предприятие лопнуло. Узнав, что Никастро донес на него властям, маркиз пустился в бегство, прихватив с собой и Джузеппе с Лоренцой. По-видимому, на нем висело не одно громкое дело, потому что в Бергамо ему едва удалось ускользнуть от ареста. Он скрылся, не предупредив спутников, вместе с деньгами, оставшимися от игорного дома.

Обобранным супругам не оставалось ничего иного, как примкнуть к пилигримам, шествовавшим от святого Петра к святому Иосифу — небесному покровителю Джузеппе (Иосифа) Бальзамо.

На обратном пути они и повстречались с Казановой. Что было потом? Можно только догадываться, каким способом добывала краюху хлеба и флягу с вином путешествующая чета. Антиб, Мадрид, Лиссабон, Лондон — никаких сведений об этом участке пути. В подложных мемуарах, приписываемых Калиостро, 1771 годом отмечена его новая встреча с Алтотосом, усиленные занятия магией, приобщение к высшим таинствам.

В это трудно поверить, потому что 1772 год супруги встретили в Лондоне, а образцовое состояние британских архивов не оставляет места для кривотолков. Англичане не любят мошенников. Калиостро не успел оглянуться, как очутился в тюрьме. Лоренце удалось освободить его под внушительный залог.

Откуда взялись деньги? Очень похоже, что их дал некто Дюплесси, богатый попутчик, с которым чета познакомилась на корабле, отплывшем из Лиссабона. Он и в Лондоне неоднократно ссужал Калиостро, пока не лопнуло терпение. И не у одного него. Оказавшись на свободе, самозванный граф и полковник обнаружил, что жена вместе с Дюплесси сбежала в Париж. Не долго думая, он бросился вдогонку.

Встреча состоялась у королевского прокурора, который не замедлил отправить беглянку в крепость Сен-Пелажи. Так что въезд чудотворца в столицу Европы отмечен черной неблагодарностью. Лоренцу выпустили 21 декабря 1772 года, по случаю рождественских праздников.

В тюрьмах (разрушенная Бастилия не в счет: она фактически и тюрьмой уже не была) документы почему-то сохраняются лучше, чем где-то еще.

Наученный горьким опытом, Калиостро избегает балаганных трюков и не подделывает векселей. Он хранит углубленное молчание посвященного, лишь намеками давая понять, что обладает истинным магистериумом. Нет, он не превращает ртуть в золото. Слишком уж дорог философский камень, чтобы тратить его на презренный металл. Аурум потабиле — эликсир бессмертия — вот, к чему должен стремиться философ.

Кое-что удастся подзаработать, но не так много, как бы хотелось. Слишком сильна конкуренция.

Хронология все расставляет по надлежащим местам. Широкую известность Калиостро приобретает в период 1773—1776 годов, пребывая в Париже. Вне зависимости от того, где состоялось его посвящение — в Лондоне, во время второй поездки, или в Германии. Следующие шесть лет пройдут в разъездах: поручения тайных обществ, организация новых лож и не в последнюю очередь, массивная самореклама.

В Париже по части чудес дефицита не ощущают. Конкуренция крайне жесткая. В феврале 1778 года сюда приезжает из Вены Франц Антон Месмер. Он отнюдь не шарлатан, а вполне уважаемый исследователь, дипломированный врач, но так уж случилось, что ему уготовано место на одной скамье с Сен-Жерменом, Калиостро, Джоном Ло и другими авантюристами той эпохи. Как заметил Стефан Цвейг, его трагедия в том, что он пришел слишком рано — и слишком поздно.

Одержимый идеей «вселенского флюида», он экспериментирует с магнитами, наконец, конструирует пресловутый «бочонок здоровья», печально знаменитую «баке». Вокруг закрытого чана, внутри которого стоят соединенные стальным брусом бутылки с

намагниченной водой, усаживаются, образовав замкнутую цепь, жаждущие исцеления. По проводам, подведенным к больным местам, перетекает некая таинственная сила. И — в это трудно поверить — она оказывает поразительное воздействие! Цвейг прав. Месмеру не повезло с эпохой. Он просто-напросто не вписался в узкий стык двух времен. Защищенная им в 1766 году диссертация называется кратко: «О влиянии планет», но этим все сказано. Оставаясь в плену отживших представлений средневековых астрологов, он наделяет свой «флюид», этот всепроникающий эфир, изливающийся из космической бездны, магическим свойством. «Чистый дух» Гиппократы — «тончайшее пламя». Чем не Калиостро?

У его «баке» разыгрываются душераздирающие сцены. Служители не успевают донести бьющихся в конвульсиях пациентов до «Зала кризисов», где должно прийти исцеление. И оно приходит. Париж без ума от Месмера, а «бессмертные» академики презрительно пожимают плечами.

«Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?»

Лавуазье сжег «горючий газ» (водород) и получил чистую воду. Флогистону — еще одна мистическая субстанция — больше нет места.

Пилар де Розье и маркиз д'Арлат поднимаются в небо на шаре братьев Монгольфьеров.

Вольта начинает опыты с гальваническим электричеством: мускулы располованной лягушки приходят в движение.

Лишь в 1782 году, когда Калиостро обосновывается в Париже, к нему приходит долгожданная слава. Людовик XIV — «Солнце», Людовик XV — «Возлюбленный», а он, «Великий Кофта» — «Божественный».

Как Октавиан Август.

Но сколь краток упоительный миг торжества.

В 1785 году заваривается «дело об ожерелье».

БРИЛЛИАНТОВОЕ ОЖЕРЕЛЬЕ

Мне приятно, что «Великий Кофта» пришелся вам по душе и что вы уловили то, что я вложил в него... Факты, мною выбранные, непосредственно предшествуют Французской революции и, в известной мере, послужили для нее основанием. Королева, безнадежно запутавшись в злосчастной истории с ожерельем, утрачивает свое достоинство, более того — уважение народа, а следовательно, в его глазах и свою неприкосновенность.

Эккерман. «Разговоры с Гете»

Маркиза... можно вынести еще несколько дней. Разве граф, великий наш учитель и наставник, не обещал всех нас, а особенно вас, глубже посвятить в свои тайны? Разве он не обещал утолить всех нас бушевающую страсть к тайным учениям, для каждого в меру его потребности?

Иоганн Вольфганг Гете «Великий Кофта»

Афера с бриллиантовым ожерельем вызвала поистине громовой скандал, раскатившийся по всей Европе. Гете живо заинтересовался личностью графа Калиостро, известного под множеством имен — Великого копта («Кофты») в частности. В 1787 году он побывал на Сицилии и навестил семью таинственного авантюриста. Из бесед с его матерью, сестрой и соседями составилось объемистое досье. Поначалу Гете замыслил комедию, в которой Калиостро должен был выступить под именем Ростро — графа Ростро ди Импуденте, что означает по-итальянски «Бесстыжее рыло». «Фауст» все еще находился в работе, и Гете поневоле сравнивал обоих героев. Он подумывал и о комической опере — под рабочим названием «Мистифицированные», и даже написал «Кофтские песни», которые композитор Райхард положил на музыку.

Но получилась сатирическая пьеса «Великий Кофта», с очень узнаваемыми персонажами.

Дюма посвятил Калиостро цикл из пяти романов: «Жозеф Балзамо», «Ожерелье королевы», «Анж Питу», «Графиня де Шарни» и «Шевалье де Мезон-Руж».

В России о нем писали многие: от Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника») до Михаила Кузмина и Алексея Толстого.

В деле с ожерельем Калиостро замешан лишь постольку поскольку, но — Гете глядел в самый корень — в нем отразился призрак неминуемой революции. Маркиза де Помпадур обошлась Франции в 36 миллионов ливров, Мария-Антуанетта, прозванная Мадам Дефицит — еще дороже.

Людовик, принц из дома Роганов, был представителем, умен и честолюбив. Он добился многого и, может быть, достиг бы еще большего, если бы не изнеженность, любовь к роскоши и жажда наслаждений.

Мария-Антуанетта дарила его яростной ненавистью, причины которой объяснялись различно. Друзья Рогана рассказывали, что во всем виновато письмо принца к герцогу д'Эгильону. Будучи королевским посланцем в Вене, Роган изобразил в этом письме императрицу Марию-Терезию (мать будущей королевы Франции) не совсем так, как той этого бы хотелось. Правда, речь шла всего лишь о политике, а не о личных достоинствах королевы как женщины, и тем не менее, когда благодаря придворной интриге письмо было разглашено, дочь и мать возненавидели Рогана. Так, по крайней мере, уверяли его друзья.

Недрузи же упоминали обычно о каких-то нескромных ухаживаниях, которыми принц не только преследовал юную супругу своего короля, но имел еще наглость и легкомыслие хвастаться.

Версия эта выглядит довольно правдоподобно, если принять во внимание свойственные Рогану тщеславие, самонадеянность и волокитство. Но как бы там ни было, королева искренне ненавидела его, а он, хотя и страдал в душе, чуть ли не бравировал этим. Он подымался все выше и выше по ступеням придворной иерархии, но каждый раз это случалось вопреки королевской воле. Его сделали великим милостынераздавателем, кардиналом, настоятелем аббатства Сен-Васт-д'Арра, провизором Сорбонны. Но ненависть австрийской принцессы, ставшей королевой Франции, стала неумолимой преградой в дальнейшем продвижении. Роган не мог играть первых ролей при дворе, несмотря на то, что во всей Европе было мало кавалеров, которые могли бы поспорить с ним древностью и знатностью рода.

Когда он, склонный к бурным проявлениям и отчаяния и восторга, попытался оправдаться и раскрыть свою душу, его резко оттолкнули. Все надежды разом увяли. Он с головой окунулся в путешествия, любовные интриги и ученые занятия, избрав себе в наставники божественного Калиостро. Если эликсир долголетия действительно существует, то можно было не очень спешить, можно было позволить себе подождать. В конце концов, принц де Роган мог рассчитывать на то, что займет подобающее ему место при следующем царствовании.

В это-то время ему и была представлена некая особа, происходившая по прямой линии, через графов Сен-Реми, от короля Генриха II и носившая потому фамилию Валуа.

Как похожа была эта удивительная женщина на самого Рогана! Умна, обаятельна, предприимчива, а испытанные ею приключения только прибавляли к этим великолепным качествам романтический блеск, пусть даже с несколько сомнительным оттенком.

Ее отец, растратив остатки некогда весьма значительного наследства, однажды ночью тайно покинул свои заложённые и перезаложенные владения, оставив в корзине, под окнами соседнего фермера, самого юного из своих отпрысков. В этом бегстве, которое, увы, не взволновало Европу, хотя и неприятно озадачило кредиторов, последнего из Валуа сопровождали сыновья и беременная жена.

Кое-как добравшись сперва до Парижа, а затем и до Булони, он неожиданно заболел и был как бездомный бродяга принят в больницу Hotel Dieu. Кроме пергамента, удостоверявшего, что их скончавшийся отец был потомком Генриха II, дети ничего не получили.

Однако сироты не оказались брошенными на произвол судьбы. Тронутая печальной участью знатной семьи маркиза Буланвилье взяла их под свою опеку. Подкинутая в корзине девочка выросла и стала красавицей, что бесспорно помогло ей выйти замуж за графа де Ла Мотт, служившего тогда в жандармах. Позднее, представив доказательства своего высокого происхождения, графиня де Ла Мотт выхлопотала ренту в 800 ливров.

Эти рассказы совершенно пленили Рогана. Он оказал молодой графине свое покровительство, благодетельствовал ее и не замедлил сделать своей любовницей.

Только одно облачко несколько омрачило эту начинающуюся идиллию. Представленная учителю молодая дама произвела на него самое невыгодное впечатление. Калиостро сразу же угадал в ней авантюристку и предостерег об этом беспечного принца. Ла Мотт все поняла и затаила против великого мага ненависть, которой предстояло вскоре дать свои плоды.

Между тем, судьба благоприятствовала графине. Ей протезирует принцесса Елизавета, сестра короля, у нее прекрасные знакомства при дворе. Но она стремится к большему, добивается еще более высокого покровительства. И вот однажды Роган узнает от нее, что общие их ожидания увенчались блистательным успехом.

Королева будто бы не только приняла прошение из рук Ла Мотт, но пожелала видеть ее у себя, более того — обещала ей свою дружбу. Кардинал пришел в совершеннейший восторг и тут же стал умолять графиню о посредничестве между ним и королевой, что и было ему благосклонно обещано. Уже через несколько дней она сообщила кардиналу, что он может написать королеве письмо. Он незамедлительно написал и получил ответ, который никак нельзя было назвать враждебным. А это уже было успехом. Вскоре между королевой и Роганом через посредство госпожи Ла Мотт установилась деятельная переписка. Вначале холодные и сдержанные, письма королевы сделались постепенно более приветливыми. Тон их не только не напоминал более о прежней ненависти или даже презрении, но как бы намекал на что-то, поощрял кардинала к решительности. Склонный к шараханьям из одной крайности в другую, кардинал вообразил, что любим королевой Франции.

И почему бы нет? Разве не был он знатным и очаровательным кавалером, рядом с которым полный и вялый король казался простолюдином?

Но странно: великий милостынераздаватель мог часто видеть свою королеву хотя бы мельком, и она ни разу не подала ему ни малейшего знака, что отношения их в корне переменялись. Неужели это не смущало Рогана? Или он был настолько самонадеян, что не придавал столь двойственному поведению никакого значения?

Ясно только одно. В самом начале переписки нетерпеливый кардинал уже просил, разумеется через Ла Мотт, о личной аудиенции. Просьба эта была удовлетворена неожиданно быстро, но опять-таки несколько странным образом.

В конце августа 1784 года в садах Версаля произошла загадочная сцена. Около полуночи в залитую луной рошу, крадучись, пробрался переодетый садовником кардинал. В очаровательном уголке, полном благоухания и неясных шорохов, где лунный свет едва пробивался сквозь листву и, почти ничего не освещая, серебрил только легкую паутинку, Рогана уже ждала стройная женщина в белой мантилье, с наброшенным на голову белым покрывалом. Сильно взволнованный, с оглушительно бьющимся сердцем, кардинал шагнул к королеве — к кому же еще! — и упал на колени.

— Вы знаете, что это означает?.. — прошептала дама в белом и протянула ему синюю в ярком лунном свете, а на самом деле пунцовую розу.

Кто, как не Роган, знал язык цветов? Он схватил розу, прижал ее к сердцу, но только собрался заговорить, как знакомый голос Ла Мотт шепнул ему на ухо:

— Уходите, уходите! Принцесса Елизавета и графиня д'Артуа идут сюда.

Белая тень исчезла среди подстриженных деревьев, и кардинал поспешил присоединиться к загадочному другу своему, барону де Планта, ожидавшему его у фонтана.

Неужели он всерьез мог поверить, что гордая австриячка, королева и дочь королей, удостоила его свиданием и подарила ему знак любви?

Но разве не видели Марию-Антуанетту на балах оперы? В маске? Самозабвенно отдающуюся колдовскому течению музыки? Разве не танцевала она на глазах у всех с Лозеном? Или в кабриолете, одну, без свиты, королевской рукой правившую лошадьми? Разве не заставляли ее на терраске, где она тайно от всех уединялась, чтобы всласть надышаться благоуханием ночи и послушать оркестр гвардии? А одинокая скамейка, запрятанная в шпалерах подстриженного кустарника, на которой королева в белом перкалевым платье и простой соломенной шляпке с замиранием сердца подстерегала случайное приключение? Одним словом, у кардинала были основания верить своим глазам и тому, что у залитого луной сверкающего фонтана, на фоне беломраморной чаши его, розан оказался пунцовым.

Между тем, обстоятельства госпожи де Ла Мотт совершенно переменились. Если до тех пор она жила крайне скудно на ренту, которую увеличили до 1500 ливров, и случайные пожертвования, то теперь у нее появился отличный экипаж, рысаки лучших заводов, а в ее доме стали часто бывать такие люди, как маркиза Сессеваль, аббат Кабр, советник парламента Рулье д'Орфейль, интендант Шампаньи, граф д'Эстен и главный сборщик Дорси.

Либо судьба действительно улыбнулась ей, либо она из последних сил тщила выдать желаемое за действительное. Причиной

последнего могла быть, конечно, гордость, но скорее всего, тут был смелый расчет. Ведь сама она говорила, что «есть только два способа выпрашивать милостыню: на церковной паперти или сидя в карете».

Но как бы там ни было, после ее поездки в Бар-сюр-Об о ней заговорили, как о богатой женщине. Это был безусловно умный шаг, ибо в Бар-сюр-Об ее еще помнили перебивающейся с хлеба на воду, на грани нищеты.

Теперь же она появилась в платьях лионского бархата, расши-тых шелками, в блеске бриллиантовых украшений, а ее новомод-ный дорожный сервиз из серебра отличался необыкновенной тонкостью рисунка. Более того, она заплатила все долги, вспомнив даже тех кредиторов, которые давно забыли о ней.

Откуда пришло к ней такое богатство? Может быть, от благо-дарного кардинала? Роган действительно обладал колоссальным со-стоянием. Одно лишь аббатство Сен-Васт приносило ему 300 тысяч ливров. Кроме того, он получал 30 тысяч аренды за земли в Кунре, да и великолепный Савернский замок давал немалый доход. Но расточительность принца превышала любые доходы. За короткое время он успел наделать долгов на два миллиона ливров. Мог ли этот щедрый и беспечный вельможа не облагодетельствовать жен-щину, которая доверилась его покровительству? Женщину, которая столь успешно служила Рогану-честолюбцу и Рогану-сладогост-нику? Стоит ли удивляться поэтому неожиданному богатству гос-пожи Ла Мотт?

Тем временем придворные ювелиры Бемер и Бассанж явили изумленному Парижу свой последний шедевр: бриллиантовое ожерелье. Камни, великолепно отшлифованные, были подобраны с иск-лючительным вкусом, что по меньшей мере удваивало их стоимость. Особое внимание обращали на себя два из них: глокондских голубой воды, по восемнадцать каратов каждый. Бемер и Бассанж хотели за свое ожерелье 1 600 000 ливров. Оно было поистине предназначено для королей, но не всякий король мог позволить себе купить его.

Ювелиры неоднократно предлагали свой шедевр Марии-Антуа-нетте, но всякий раз встречали отказ. Все же у них создалось впечатление, что королева хотела бы получить ожерелье. Да и какая бы женщина могла отказать от него? Очевидно, это сооб-ражение заставило ювелиров действовать через короля, и в тот день, когда Мария-Антуанетта счастливо разрешилась от бремени, в ее голубую спальню робко вошел неуклюжий, виновато улыбаю-щийся Людовик.

— У меня есть для вас подарок, — понизив голос, сказал он и тут же раскрыл великолепную шкатулку, в которой и было то самое ожерелье.

Но королева повела себя совсем не так, как он был вправе ожидать.

— Уберите это, — презрительно сказала она и не без раздра-жения произнесла гневную речь по адресу женщин, которые готовы разорить ради своих прихотей государство.

Людовик слушал ее, раскрыв рот. Он не мог поверить, что перед ним та самая принцесса, которая однажды спросила его: «Чего, собственно хотят все эти бедняки?» — «Хлеба, — снисходительно объяснил он. — Они, видите ли, голодают». — «Да? (Король навсегда запомнил ее широко открытые, удивленные глаза.) Почему же они не едят тогда пирожных? Это ведь намного вкуснее...»

Теперь она что-то говорила о благе нации раздраженно и зло. А закончила совсем уже непонятно:

— Уж не для того ли, чтобы Бемер водил в оперу девиц, украшенных бриллиантами, вы хотите заплатить ему за эту глупость? Право, зачем было собирать ожерелье из камней, которые легче продать по отдельности?

Пылавшие щеки королевы вдруг побледнели, и она в изнеможении откинулась на подушки. Сиделка пощупала пульс и, найдя его усиленным, стала умолять короля удалиться. Он тут же покинул спальню, осторожно прикрыв за собой двери. Поведение королевы сильно озадачило Людовика.

Все, конечно, можно было объяснить нездоровьем. Или тайным желанием, особенно острым из-за того, что исполнить его пока было трудно, ибо казна обременена долгами, а чернь только и говорит о расточительности двора.

Ювелиры, однако, не отчаивались. Продемонстрировав ожерелье в европейских столицах и не найдя покупателей, они вновь попытались продать его французским королям. На этот раз они решили действовать исподволь. Выбор пал на Ла Мотт. Прослышав об успехах графини, Бемер прибег к ее посредничеству, посулив ценные подарки. Но она холодно отклонила предложение, и дело на том застопорилось.

В это время распространился слух, что посланник де Суза ведет переговоры о покупке ожерелья для португальской королевы. Это вновь всколыхнуло в свете интерес к чудесным бриллиантам. Чувствовалось, что между коронованными дамами Европы идет подспудная борьба за обладание ими.

Госпожа де Ла Мотт, которая отвергла только что заманчивое предложение Бемера, вдруг неожиданно сама приехала к нему и объявила:

— Господин Бемер, к вам скоро явится кардинал де Роган, которому поручено приобрести у вас это ожерелье для королевы. Однако до окончательного завершения сделки дело следует держать в тайне... И будьте осторожны, ибо возможна афера.

Бемер без возражений согласился. Он знал, что королева дарит Ла Мотт своим доверием. Кроме того, Роган несколькими днями ранее прибыл в Париж из Савернских владений. Все говорило за то, что приезд не был случайным.

И действительно, на другое утро кардинал собственной персоной приехал к ювелирам, которые тут же раскрыли перед ним шкатулку с ожерельем.

— Мне поручено, господа, — сказал кардинал, — узнать крайнюю цену этого украшения.

— Один миллион шестьсот тысяч ливров, принц, — с поклоном ответил ему Бассанж. — Цена не изменилась.

— Мы долго питали надежду, что оно украсит величайшую из королев, — добавил Бемер. — Однако, видя, что лестная надежда эта рассеивается, мы были вынуждены послать рисунок принцессе Астурийской.

— А что бы вы сказали, господа, — кардинал многозначительно понизил голос, — если бы ожерелье взял я? Но не для себя, разумеется, а для особы, которая пожелала остаться неизвестной?

— Мы должны обсудить ваше предложение, принц, — ответил Бемер. — Вы же понимаете, что поскольку к ожерелью проявляли интерес коронованные особы...

— Я все понимаю, господа, но пусть эти соображения не тревожат вас... Кроме того, мне поручено вести переговоры с одним лишь господином Бемером.

— К сожалению, я не могу говорить о таком важном деле без участия компаньона, принц, — сокрушенно покачал головой Бемер, хотя отлично понимал, откуда ветер дует, поскольку королева знала только его одного.

— Хорошо, мы еще вернемся к этому разговору, — сказал кардинал. — Мне должно узнать, буду ли я уполномочен вести переговоры с вами обоими.

Через два дня ювелиры получили собственноручное письмо кардинала, в котором он приглашал их к себе во дворец и просил привезти «известное украшение».

— Вы можете быть довольны, господа, — сказал он при свидании. — Мне поручено взять у вас ожерелье за назначенную вами цену. Сумма будет выплачиваться частями каждые шесть месяцев. Это устроит вас?

Ювелиры поклонились. Но Бемер, у которого из головы не шло предупреждение Ла Мотт о возможной афере, нашел в себе силы сказать:

— Одно вашего слова, принц, достаточно для любой рассрочки. Но нас, признаться, несколько пугает вся эта таинственность. Боюсь, как бы ее величество не остались недовольны... — Он был достаточно благоразумен, чтобы не прибавить более ни слова.

— Я понимаю, — озабоченно кивнул Роган. — Но, возможно, мне вскоре удастся вас успокоить.

На том они и расстались.

Через неделю ювелиры вновь получили письмо с фамильным гербом и печатями дома Роганов. Нечего говорить, что в назначенное время их карета уже стояла у парадного подъезда кардинальского дворца.

— Мне разрешено сообщить вам, господа, — сразу же объявил Роган, как только ювелиры вошли к нему в кабинет, — что ожерелье покупает королева Франции.

Бемер и Бассанж почтительно поклонились и сделали вид, что весьма удивлены, хотя Ла Мотт давно их об этом осведомила.

— Я прекрасно понимаю, что вам нужны подтверждения, — продолжал Роган. — Вот они. — И он протянул им лист, содержащий условия сделки, которые уже были приняты ими.

На полях было начертано: «Одобрено. Мария-Антуанетта Французская».

...В Версале между тем происходило следующее. Мария-Антуанетта сидела перед венецианским зеркалом в хрустальной раме, а камеристка осторожно расчесывала черепашковым гребнем ее прекрасные волосы. В этот момент вошла королевская модистка мадемуазель Бертен и тут же выпалила новость:

— Знаменитое ожерелье, ваше величество, нашло наконец покупателя! Де Суза забрал его для португальской королевы!

— Ах, как я рада! — воскликнула Мария-Антуанетта, отстранив камеристку. — Я велю позвать Бемера и поблагодарю господина Суза за то, что он избавил меня от этого проклятого ожерелья.

И столько горькой иронии, столько неподдельной досады было в ее восклицании, что мадемуазель Бертен прикусила язычок.

Тут как раз доложили, что в приемной дожидается ювелир Бемер, который поспешил от кардинала в Версаль. Королева поспешно схватила какую-то книгу и сделала вид, что читает. Обыкновенно так она выражала свое недовольство. Заставив Бемера постоять у дверей, она несколько раз перелистнула страницы и только потом подняла глаза.

— Я очень рада, сударь, что вы продали ваше ожерелье, — сухо сказала она и отвернулась.

— Мое ожерелье, государыня?

— Да, ваше ожерелье, которое господин Суза посылает сегодня в Лиссабон.

— Помилуйте, государыня! — Бемер прижал руки к груди. — Ничего подобного! Сделка не состоялась! Мы вовсе не хотим, чтобы эта ставшая столь знаменитой драгоценность покинула Францию!

Королева бросила молниеносный взгляд на модистку, укоризненный и вместе с тем торжествующий, и милостиво отпустила Бемера. Он был достаточно благоразумен, чтобы ничего более не сказать.

В этот же день королева приняла перед обедней нескольких придворных дам и иностранных послов, среди которых был господин де Суза.

Как только португальский посол вошел, она тотчас же, вопреки этикету, направилась к нему и с живостью маленькой шалуньи сказала:

— Знайте, господин посол, что вы не получите ожерелья: оно уже продано.

Казалось, она даже готова была высунуть язык.

— Что вы имеете в виду, ваше величество? — удивился или же прикинулся удивленным посол.

— Вы не получите его, сударь, — торжествующе улыбнулась королева. — Я очень этим огорчена... — И, резко повернувшись, она возвратилась к своим дамам.

Эту странную сцену видели много глаз, и через какой-нибудь час ее на все лады обсуждали во дворце. К вечеру о ней заговорил весь Париж.

На другое утро кардинал де Роган получил от ювелиров шкатулку с ожерельем. Оставалось только вручить драгоценность королеве с глазу на глаз. Но как?

Вновь переодевшись в костюм садовника, кардинал отправляется к Ла Мотт. Его сопровождает только камердинер Шрейбер, которому и поручено было нести шкатулку с ожерельем. Приехали уже под самый вечер, когда цветы пахнут особенно сильно и первые летучие мыши начинают бесшумно кружить в зеленоватом еще небе. Улучив удобный момент, когда вокруг никого не было, кардинал выскочил из кареты и бросился к дому Ла Мотт. Уже у подъезда он принял шкатулку и знаком отослал слугу домой. Его ждали и сразу же провели в гостиную. А вскоре дворецкий доложил о приходе посланного от королевы. Кардинал сразу же прошел в наполовину открытый альков, куда Ла Мотт вслед за ним ввела и посланца. Это был господин Лекло — личный камердинер королевы. Он отдал Ла Мотт записку, которую та сразу же передала кардиналу. Записка содержала одну только фразу: «Вручить подателю». Подписи не было. Приказание, однако, было незамедлительно исполнено.

Кардинал передал Лекло шкатулку, стоившую 1 600 000 ливров, ни о чем не спросив и не взяв у него расписки.

Он мог рассчитывать, однако, что королева, получив ожерелье, все же как-то его об этом известит. Так оно и произошло. На другой день его навестила Ла Мотт и сообщила, что утром в Эльде-Беф королева уведомит кардинала о получении шкатулки условным знаком.

— Каким? — нетерпеливо спросил Роган.

— Этого не уточняли, — ответила Ла Мотт. — Но я думаю, сделают так, что вы поймете.

На следующее утро, проходя мимо кардинала, королева как бы невзначай поправила красный розан на корсаже.

Этого было более, чем достаточно...

Не прошло и трех дней, как Роган стал торопить ювелиров отдать королеве визит благодарности. Очевидно, у него не было и тени сомнения в том, попала ли шкатулка по адресу.

Но ювелиры уже успели накануне исполнить этот приятный долг. Они лишь не уведомили о том кардинала, боясь оскорбить его недоверием.

И было бы странным, если бы они не отправились к королеве. Все обстояло так ясно и определенно. К тому же Бемер был еще в Версале, когда произошла знаменитая сцена с португальским послом. Единственное, что смущало его, так это выбор посредника.

Королева могла найти более подходящее для этой цели лицо, чем одиозный великий милостынераздаватель.

Но, когда он вместе с компаньоном приехал в Версаль с визитом благодарности, королева встретила их очень милостиво. Разумеется, о беседе с глазу на глаз не могло быть и речи, поэтому пришлось ограничиться общими благодарными фразами. Мало ли за что может благодарить подданный свою государыню? Хотя бы за одно счастье лицезреть ее!

Мария-Антуанетта подарила их чарующей улыбкой и отпустила благосклонным кивком. Все было в порядке.

И вот совершенно неожиданно кардинал уведомляет ювелиров, что из письма, переданного ему госпожой де Ла Мотт, стало известно, будто королева находит ожерелье чрезмерно дорогим и просит сбавить цену на 200 тысяч ливров. В противном же случае она вынуждена будет покупку возвратить.

Нечего говорить, что ювелиры были неприятно удивлены. Однако поставленное им условие приняли. Как бы слагая с себя всякую ответственность за это дело, кардинал продиктовал им письмо к королеве. Оно гласило:

«Ваше величество! Мы счастливы думать, что полученные условия, которые нам были предложены и которым мы почтительно подчинились, служат новым доказательством нашей преданности и покорности приказаниям Вашего величества, и мы несказанно радуемся при мысли, что красивейшее бриллиантовое ожерелье мира будет украшать величайшую и лучшую из всех королев».

Пожалуй, трудно было бы выразиться более определенно. Рогану и ювелирам, не получившим до сих пор даже первого взноса, оставалось надеяться на столь же определенный ответ.

Письмо это от 12 июля 1785 года было подано королеве, когда она входила в свою библиотеку.

Королева прочитала письмо и, не выразив никакого удивления, сказала:

— Это не стоит хранить.

Подойдя к горящему шандалу, она небрежно сунула бумагу в огонь.

Ответа на письмо не последовало.

Срок первого платежа между тем неумолимо истекал. Близился день, когда ювелиры, не рискуя уже погрешить против этикета, могли потребовать первые шестьсот тысяч. Поэтому они предпочли подождать. Трудно сказать, насколько спокойным было их ожидание. Единственное, что подкрепляло надежды, было поведение частных к сделке людей: графини и кардинала.

Ла Мотт спокойно жила в Париже и в Версале, задавала балы, скупала земли в Бар-сюр-Об и более, чем всегда, хвасталась интимной дружбой с королевой.

Великий милостынераздаватель Франции тоже ни в чем не изменил привычного образа жизни и не считал нужным особенно хранить тайну. Он даже сказал как-то, что видел в руках коро-

левы 700 000 ливров, предназначенных, очевидно, для первого взноса.

— Вы вели переговоры непосредственно с королевой? — спросили его.

— О да! — не задумываясь, ответил он.

Узнав об этом разговоре, ювелиры успокоились. Но в день, когда истекал последний срок уплаты, кардинал призвал их к себе.

— Вынужден огорчить вас, господа, — сказал он. — Королева не может уплатить вам сейчас следуемую сумму. Она сделает это в октябре. Теперь же мне поручено выплатить вам тридцать тысяч ливров процентов.

— Но как же так, ваше преосвященство? — запротестовал Бемер. — Мы никак не можем ждать столько! У нас у самих подошли неотложные платежи.

— Мы терпим убытки, принц! — взмолился компаньон. — Нельзя ли уплатить теперь же хоть часть? Ведь мы и так уступили двести тысяч.

— Ничем не могу помочь вам, господа! Я в этом деле только посредник, потому и расписку на тридцать тысяч прошу вас написать на имя ее величества.

Опечаленные ювелиры вынуждены были удалиться. Некоторое время спустя Бемер посетил госпожу Кампан, которая была в библиотеке как раз в тот момент, когда королева сжигала письмо. Она рассказала об этом Бемеру, с которым имела дела, что несколько умерило его тревогу.

Теперь же он решил выяснить через госпожу Кампан финансовое положение королевы. Мысль об афере он загонял на самое дно.

— В какой форме были переданы вам приказания королевы, мой друг? — прямо спросила его госпожа Кампан.

— Посредством записок с собственноручной ее подписью, — ответил ювелир. — И с некоторого времени я вынужден показывать эти записки моим кредиторам, чтобы их успокоить... если нам не заплатят и в октябре, мы будем разорены.

— Разве вы совсем ничего не получили?

— Почти ничего. При передаче ожерелья я получил тридцать тысяч ливров в билетах учетной кассы, которые были переданы мне по приказанию ее величества кардиналом... Можете быть уверены, он лично видится с ее величеством, так как, передавая эту сумму, сказал мне, что королева в его присутствии достала билеты из портфеля, лежавшего в бюро севрского фарфора, которое стоит в ее будуаре.

— Да, я слышала, — сказала госпожа Кампан. — Очевидно, так оно и есть. Значит, у королевы просто нет денег? Но это не делает ваше положение более легким, мой бедный друг.

Взволнованный Бассанж поехал к Рогану.

— Кажется, вас запутали в скверную историю, принц, — сурово сказал он. — Мне стало известно, что барон де Бретейль был у королевы по вашему делу.

Услышав имя заклятого своего врага и начальника полиции, кардинал побледнел.

— Говорите, Бассанж, ради Бога говорите скорее!

— Подробностей я не знаю, но все выглядит очень скверно. Бретейль говорил с королевой весьма резко. Он заявил, что имя ее скомпрометировано преступным злоупотреблением. Королева казалась крайне удивленной. Она заверила Бретейля, что не имеет никакого касательства к делу с ожерельем.

— Тогда я погиб, — прошептал кардинал.

— Я уверен, что вас запутала эта авантюристка Ла Мотт! — вне себя от раздражения воскликнул Бассанж. — Недаром Калиостро был так настроен против нее! А он знаток людей, принц, вы не станете отрицать.

— Нет, Ла Мотт не виновата, — покачал головой кардинал. — Нас обоих запутали.

— А я так уверен, что все это ее рук дело! Вы должны немедленно потребовать у нее объяснений в присутствии Бретейля.

— Никогда! Если откроется тайна моей переписки с королевой, ни мне, ни Ла Мотт не миновать палача. Ей надо бежать, Бассанж! Бежать за Рейн! Уведомите ее об этом от моего имени. При сложившихся обстоятельствах мне трудно будет сделать это самому. Много людей осведомлено о последних событиях в Версале?

— Много? О, совсем немного! Как всегда, весь Париж!

— Ну, вот видите, Бассанж. Поспешите же к Ла Мотт. Она столь же невиновна, как и я.

Но Ла Мотт отказалась следовать полученному совету. Не выказав никакого беспокойства и не приняв даже минимальных предосторожностей, она выехала вместе с мужем в Бар, где продолжала жить столь же открыто и широко. И хотя все уже знали о скандальном докладе Бретейля, она продолжала вести себя как ни в чем не бывало. Более того, герцог Пантьевр не только принял ее, когда она нанесла ему визит в Шатовилене, но и пригласил отобедать. Это удивило всех. Рассказывали, что герцог сам проводил ее до дверей второго салона — честь, которой он не удостоивал даже герцогинь и оказывал лишь принцессам крови! Столь же высокий прием оказал ей и аббат в Клерво. В аббатстве только что собрались поужинать, когда вошел новый гость, приехавший из Парижа. На вопрос, что нового в столице, он изумленно раскрыл глаза:

— Как? Вы ничего не знаете? Кардинал Людовик Роган арестован!

Присутствующие буквально онемели. Ла Мотт слегка побледнела и велела немедленно запрыгать.

— Надеюсь, вы незамедлительно покинете Францию? — спросил ее аббат. — Я одолжу вам денег.

— Ни за что! — с досадой отмахнулась она. — Я-то тут при чем? Меня тревожит лишь судьба кардинала. Я еду к себе в Бар.

Еще большее спокойствие продемонстрировал ее супруг. Когда карета графини на взмыленных лошадях влетела в Бар, его не оказалось дома. Еще с утра он уехал с приятелями на охоту.

...Кардинал де Роган действительно был арестован. И арест его выглядел поистине ужасно. Только лютой злобой Бретейля можно объяснить, что для этой цели был выбран День Успения.

Двор собирался отправиться на богослужение, и все уже собрались. Великий милостынераздаватель находился в это время в церкви в полном епископском облачении. Неожиданно к нему подошел лейтенант «черных мушкетеров» с приглашением немедленно поспешить в кабинет короля. Когда смертельно бледный Роган переступил порог кабинета, там уже ждали его сам Людовик, королева, хранитель государственной печати и, конечно, барон Бретейль.

— Что это за ожерелье, которое вы будто бы доставили королеве? — резко и прямо спросил король.

Роган завертелся, как пойманный зверь.

Но ни в чьем взгляде не встретил сочувствия.

— Меня обманули, сир... — беспомощно залепетал он. — Меня обманули...

— Как же это могло случиться? — спросила вдруг королева.

Этот вопрос совершенно доконал кардинала. Он жалко улыбнулся, но овладев собой, посмотрел королеве прямо в глаза тяжелым и отнюдь не почтительным взглядом. Она не выдержала и отвернулась.

— Мне трудно оправдаться перед вами, сир, — сказал он, поворачиваясь к королю. — Все так внезапно, так неожиданно... Позвольте ответить вам в письменной форме? Клянусь, сир, я совершенно невиновен!

— Хорошо, — сказал король, — пройдите в соседнюю комнату и напишите все, что считаете нужным.

Роган вышел, шатаясь. Епископское облачение болталось на нем, как на пугале. Он был совершенно сломлен. Что же окончательно сразило его? Суровость короля? Но к ней надо было быть готовым. Ее вопрос?

Когда он возвратился в кабинет с оправдательной бумагой в руках, король встретил его еще более сурово.

— Отдайте это Бретейлю, сударь! — отмахнулся он. — Это дело полиции!

— Меня хотят арестовать? — шепотом спросил кардинал. — Ах, государь! Я всегда готов повиноваться приказаниям вашего величества, но избавьте меня от позора быть арестованным в архиерейском облачении, на глазах всего двора.

— Так и должно быть, — неумолимо ответил Людовик.

Когда Роган выходил из кабинета, за спиной его прозвучал визгливый голос Бретейля. Барон не смог сдержать нетерпения и, самовольно присвоив себе права начальника дворцового караула, отдал приказ:

— Арестуйте кардинала!

Роган замер, словно ему в позвоночник впиалась пуля, потом согнулся и, как бы преодолевая встречный порыв ветра, резко подался вперед. За дверями его с почтительным поклоном встретил молодой лейтенант гвардии.

Проследовав вдоль длинной галереи дворцовой церкви, опальный кардинал увидел в конце ее своего форейтора. Лейтенант оказался настолько любезен, что отошел в сторону.

— Одну минуту, господин офицер, — задержал его кардинал. — Не найдется ли у вас карандаша?

Взяв карандаш, он быстро набросал на клочке бумаги несколько строк и отдал записку слуге, прошептав ему что-то по-немецки.

Форейтор тут же выбежал из церкви и, вскочив на коня, во весь опор помчался в Париж.

Когда он спешил к кардинальскому дворцу и слуги хотели увести коня, загнанное животное упало на землю, чтобы уже не подняться.

Записка попала к аббату Жоржели весьма своевременно. Он успел собрать всю переписку Рогана в портфель, который и спрятал затем в надежном месте. Однако обыск, которого так опасался Роган, был произведен лишь через четыре часа после ареста. В чем причина столь странного промедления? Может быть, опасались обнаружить слишком многое?..

Вечером принц де Роган был препровожден в Бастилию. Парижане были изумлены. Правительство действовало в духе старых добрых традиций. Но времена изменились, и традиции эти могли вызвать лишь насмешку и омерзение. Безумство полицейской акции воспринималось, как признак сумятицы. Режим терял реальную власть.

Вскоре стало известно, что король предложил Рогану на выбор парламентский суд или королевское милосердие. Оскорбленный процедурой ареста кардинал выбрал суд. Это его решение раскололо страну на два лагеря. Кардиналу, не способному играть серьезную политическую роль, было суждено сделаться символом грядущих перемен. Но даже закаты дряхлеющих монархий трагикомичны.

Парламент торжествовал. Впервые князя церкви отдали на его суд. Более того, от решения этого суда зависела честь королевской семьи. Аристократия сочла себя оскорбленной. Буржуа в красных тогах собирались копаться в грязном белье самых высоких фамилий королевства. Не было ли это началом новых времен? Гнев дворян, сменивших по велению моды красные каблуки на толстые подошвы и пышное шитье со знаком дворянского достоинства на грубые суконные костюмы, обратился отнюдь не против опального кардинала. Роган был одним из них, и лишь по вине бездарной власти этот отпрыск знатнейшей семьи предстанет теперь перед потешающейся толпой.

Высшее же духовенство просто негодовало. «Простые клирики, — говорилось в протесте от 18 сентября 1785 года, — имеют специальных судей, указанных в законе, а епископский чин, права

которого освящены столькими историческими памятниками, не пользуется такой же привилегией! Епископ, обвиняемый в преступлении, должен быть судим епископами же».

Роган присоединился к этому протесту. Но разгневанный папа грозился лишить его кардинальского сана за то, что он не отклонил формально и безусловно юрисдикцию парламента.

Безрассудная акция Бретейля восстановила против власти добрую половину королевства. Точнее, она просто ускорила этот неизбежный процесс. Даже ярые монархисты заколебались, ощутив нарастающий страх. Суд, каков бы ни был его приговор, неизбежно введет в альков королевы воображение народа. Это будет крушением божественного принципа королевской власти. Но, как блестяще скажет потом об этих событиях Луи Блан, Людовик XVI подчинился закону, не зависящему от расчетов человеческого благоразумия, ибо революция уже началась.

Действительно, не пройдет и четырех лет, как падет Бастилия...

Но как бы ни была бессильна потерявшая реальную власть над событиями монархия, скандального ареста в День Успения она могла избежать. Королева пошла на страшный риск, загнав в угол человека, разоблачения которого по меньшей мере были бы ей неприятны. Почему она все же так поступила?

Барон де Бретейль, начальник полиции, люто ненавидел Рогана, сменившего его когда-то на посту посла Франции при австрийском дворе. Надо сказать, что это была весьма успешная замена. Но тем более было у Бретейля оснований, чтобы превратить арест врага в грандиозный скандал. О, если бы королева по-прежнему находилась высоко и брызги мирской грязи не достигали бы даже ее подошв, ничего бы не стоило осадить ретивого полицейского! Но вот беда: королеве самой приходилось выкручиваться, вести себя так, чтобы ничтожный пройдоха Бретейль не заподозрил ее. Могла ли она в этих условиях сказать хоть слово в защиту Рогана? Королева — могла; слабая, запутавшаяся женщина — нет. Мария-Антуанетта сыграла жалкую роль слабой женщины. Более того, она позволила себе сделать самую низменную ставку. Ее поведение в кабинете было продиктовано не только смятением, не только страхом перед разоблачением, но и холодным расчетом. Она могла не опасаться отчаяния доведенного до крайности Рогана. В его интересах было молчать. Одно лишь слово об интимной связи с королевой было бы для него равносильно смертному приговору.

И он молчал. А события летели, как теряющая колеса телега с обрыва.

18 августа арестовали в Баре госпожу де Ла Мотт. У нее тоже оказалось предостаточно времени, чтобы сжечь письма кардинала, полные честолюбивого бреда и игривых, любовных вольностей.

На первом же допросе Ла Мотт оговорила Калиостро. Она хорошо отомстила ему за то мнение, которое он составил себе о ней при первом знакомстве. Божественный Калиостро, как всегда, не ошибся, но его правота отдавала горечью.

Калиостро знал о сказочном ожерелье и даже, кажется, видел его у Бемера.

Впрочем, это были одни лишь слухи. Документально зафиксирован только оговор Ла Мотт, которая показала, что виновником аферы с ожерельем был не кто иной, как Калиостро. Еще она обвинила его в ереси и заговорщической деятельности. Знаменитый некромант, якобы получив от дьявола эликсир бессмертия, задумал погубить душу католического епископа — кардинала Рогана.

Но иезуиты из Франции были изгнаны, а святейшая инквизиция упразднена. Что же касается вольнодумства и тайных наук, то кто этим не занимался? Поговаривали, что и сам король не чужд алхимии. Поэтому такие обвинения в знаменитом деле более не фигурировали. Зато все, что касается ожерелья, было тщательно занесено в протокол и передано лично Бретейлю.

Начальник полиции потребовал ареста Калиостро. Король вначале заколебался. Укрепляющие силу сеансы не были еще доведены до конца, а на расспросы о философском эликсире, коим владели в этом мире всего три человека — Агасфер, Сен-Жермен и сам Калиостро, — граф отвечал очень уклончиво. Людовик вначале отказал Бретейлю, но когда барон заговорил о чести королевы, сдался и уступил.

В тот же день Калиостро арестовали и препроводили в Бастилию, в ту же башню, где страдал Роган. Сверкающая судьба его была омрачена тенью. Очевидную клевету Ла Мотт несправедливый суд мог превратить в суровый приговор.

Калиостро отдался в руки полиции с ясной и безмятежной улыбкой, словно не провидел для себя в грядущем никаких неприятностей.

Париж ответил на известие об его аресте грозным ропотом. Кумир толпы, почти что новый мессия, брошен в узилище властью, разьедаемой коррупцией и развратом.

Достоин внимания, что граф Ла Мотт, узнав об аресте жены, сам отдался в руки полиции. Но его почему-то оставили на свободе. Может быть, опасались твердого влияния этого решительного и мужественного человека на истеричную, склонную к видениям женщину? Ведь он и сам был когда-то жандармом и знает все полицейские штучки.

Скорее всего, Бретейль руководствовался именно этими соображениями, потому что сразу же после ареста Ла Мотт подверглась интенсивному психологическому натиску. Коварные советы, которые давал ей якобы сочувствующий и верящий в ее личную невиновность следователь, преследовали двоякую цель: обелить королеву и погубить Рогана. Впрочем, двоякость эта была кажущейся, скорее следовало говорить о двух сторонах одной медали.

По своему обыкновению, полиция хотела прикрыть скандальный арест дутым процессом, а замаранная власть безмолвствовала. Во избежание же нежелательных разоблачений узнице через комиссара Шенона дали понять, что если только она назовет одну особу — неприкосновенную! — то поплатится жизнью.

— У вас есть только одна возможность, — комиссар внезапно сменил запугивание дружеским советом, — свалить все на кардинала. Право, он не заслуживает, чтобы его шадили. Зачем вы его выгораживаете? Ведь он-то вас не пожалел. Во всем обвинил именно вас. Да и что ему оставалось делать? Он тоже должен благоразумно избегать... тех же самых имен. Но вообще-то это ваше дело... Только имейте в виду, что у вас есть всего две возможности: либо обвинить кардинала, либо покорно позволить ему обвинять вас. Третьего не дано, графиня.

Комиссар действовал по испытанному полицейскому правилу, но он не лгал своей узнице. Кардинал действительно был поставлен в то же самое положение, что и Ла Мотт. И, конечно, они стали давать показания друг против друга. В этом ключ всего процесса, которому суждено было пройти в полном мраке, ибо единственное имя, способное все разъяснить, не могло быть названо в зале суда.

Пока шло следствие, полиция не дремала. Дело разрасталось, что было чревато опасными последствиями для самих его устроителей, но ситуация уже вышла из-под контроля. Как часто бывает в таких случаях, слепая стихийная сила управляла событиями, и никто не мог этому противостоять.

В Брюсселе была задержана некая мадемуазель Олива. На первом же допросе она показала, что по наущению Ла Мотт сыграла во время сцены в парке роль королевы. В это же самое время в Женеве арестовали Рего де Вильета, который сознался в том, что та же Ла Мотт заставила его подделать почерк королевы и начертать те роковые слова: «Одобрено. Мария-Антуанетта Французская».

Только убогому мышлению королевских юристов могло показаться, что таким путем удастся обелить августейшую особу и с честью провести процесс. Он был проигран еще до начала, невзирая на то, лгали Олива и де Вильет или говорили правду.

Но успехи полиции не ограничивались только этими показаниями. Ирландский капуцин и тайный иезуит Мак-Дермот сообщил, что граф Ла Мотт (ему почему-то беспрепятственно дали покинуть Францию) продал в Лондоне ювелиру Грею несколько великолепных бриллиантов на общую сумму в 10 000 фунтов стерлингов. Грей, допрошенный через посредство французского поверенного в делах, полностью подтвердил слова капуцина.

Все эти факты были убийственны для Ла Мотт.

Вот как она объяснила их сначала на допросах в тюрьме, потом в нелегальных брошюрах, которые появились сразу же после суда:

«Я признаю, что мадемуазель Олива действительно сыграла в ту ночь королеву. Но это еще ни о чем не говорит. Почему она так сделала? Да потому, что этого хотела сама королева! Спрятавшись за деревьями, она сама присутствовала при этом свидании. Она, собственно, сама и придумала эту невинную шутку. Это было забавно и оригинально. Кроме того, ее величеству хотелось, не рискуя ничем, испытать скромность кардинала. Как можно подумать, чтобы без приказания королевы я осмелилась

задумать интригу, которую так легко было обнаружить? Разве рискнула бы я выбрать для преступного деяния оскорбления величества полночный час и сад Версальского дворца? Я же знала, что ночные прогулки, дозволявшиеся в 1778 году, ныне запрещены и королевская резиденция бдительно и строго охраняется! Если бы был один только вымысел с моей стороны в этой любви, столь лестной для кардинала, то разве не выгоднее для меня было бы продлить его заблуждение? А я вместо этого безрассудно устраиваю ему обманное свидание, которое наверняка воспламенит его надежды и внушит уверенность, что он может хоть завтра приблизиться к королеве и заговорить с ней о своей любви! Наконец, он захочет повторить свидание, с каждым разом становясь все настойчивее и требовательнее.

Разве это не усиливало опасность разоблачения лжекоролевы? Разве от такого разоблачения не пострадала бы и я сама? Достаточно было бы одного слова настоящей королевы, чтобы обнаружить обман и ввергнуть меня в бездну! Выходит, что я сама сознательно губила себя!

Теперь относительно подписи... Действительно, слова «Одобрено. Мария-Антуанетта Французская» формально были написаны Рего де Вильетом, но сделано это было с полного согласия королевы и кардинала. Мы придумали этот маленький план сообща, считая его полезным и малоопасным, ибо такая подпись не является личной и не может считаться подлогом. Она понадобилась лишь для того, чтобы побудить Бемера отдать ожерелье, не компрометируя ни королеву, ни ее посредника — кардинала. В самом деле, было бы очень странно, если бы кардинал де Роган, бывший посол и царедворец, не знал, как подписывается королева в действительности. Разве, состоя великим милостынераздавателем, он не получал от нее письменных приказаний? Разве австрийская принцесса могла подписаться так? Или слово «Французская» не бросилось ему в глаза? В том-то и дело, что это была наша общая придумка: королевы, Рогана и моя.

Что же касается бриллиантов, проданных графом де Ла Моттом в Лондоне, то они принадлежали лично мне. Я получила их в подарок от ее величества. Неужели не ясно, что королева не могла надеть знаменитое ожерелье в его первоизданном виде? Она же отказалась взять его в свое время из рук самого короля! Разве не ясно? Не оставалось ничего другого, как разобрать ожерелье на отдельные камни, чтобы потом сделать новое, совсем по другому рисунку. При такой переделке оказались лишние бриллианты, в том числе и тот, который так легко было бы узнать. Кому еще могла подарить их королева? Разумеется, только мне, близкому человеку, посвященному в тайну...»

Само собой разумеется, что эти показания госпожи де Ла Мотт на процессе не фигурировали. И все же они выплыли наружу и приобрели важное значение, может быть преувеличенное, что неизбежно, однако, в закрытых процессах.

Полностью игнорируя показания госпожи де Ла Мотт, нельзя ни понять, ни объяснить ряд всплывших на процессе фактов, достоверность которых, на беду устроителей, оказалась бесспорной...

Впрочем, толковать их можно было двояко, в зависимости от интересов того или иного лагеря: партии королевы и партии кардинала.

Настала пора очных ставок. Госпожа де Ла Мотт повела себя смело и агрессивно, нередко впадая в буйство. Казалось, она по-прежнему была уверена в собственной безопасности.

Кардинал не выдерживал ее горящего то ли ненавистью, то ли безумием взгляда, отводил глаза и начинал путаться в показаниях. Не легче приходилось и следователям. Судьи опасались буйных выходов, свидетели краснели и замолкали в испуге. Твердо держась первоначального намерения валить все на Рогана, она избегала называть имя королевы. Но сколько раз оно готово было сорваться с ее губ! Она тут же сбивалась и начинала нести околесицу, запутывая следствие и сама путаясь в детской какой-то лжи. Сознывая, что ее несет куда-то не туда, она замолкала и, впадая в бешенство, подымала крик:

— Пусть остерегаются! Если меня доведут до крайности, я заговорю!

Трибунал приходил от этой слишком ясной угрозы в уныние и ужас.

Однажды Ла Мотт не выдержала и, окончательно завравшись по поводу переписки кардинала, выкрикнула:

— Это письмо было от королевы! От королевы! И начиналось оно так: «Посылаю тебе...»

Ее тут же увели.

Граф Калиостро, по примеру других, выпустил в 1786 году оправдательную брошюру. В ней, в частности, говорилось: «...Я провел свое детство в Медине, под именем Ахарата, во дворце муфтия Салагима. Моего наставника звали Алтотасом. Это был замечательный человек, почти полубог, обстоятельства рождения которого остались тайной для него самого... Я много путешествовал и удостоился дружбы со стороны самых высоких особ. Чтобы не быть голословным, перечислю некоторых из них: в Испании — герцог Альба и сын его герцог Вескард, граф Прелата, герцог Медина-Сели; в Португалии — граф де Сан-Виценти; в Голландии — герцог Брауншвейский; в Петербурге — князь Потемкин, Нарышкин, генерал от артиллерии Мелисино; в Польше — графиня Концесская, принцесса Нассауская; в Риме — кавалер Аквино, на Мальте — гроссмейстер ордена.

В разных городах Европы есть банкиры, которым поручено снабжать меня средствами как для жизни, так и для щедрой благотворительности. Достаточно вам обратиться к таким известным финансистам, как г. Саразен в Базеле, Санкостар в Лионе, Ансельмо Ла Круз в Лиссабоне, и они с готовностью подтвердят мои слова.

Я не имею никакого касательства к делу об ожерелье. Все выдвинутые против меня обвинения — бездоказательная клевета. Они

могут быть легко опровергнуты, что я и сделаю ниже. Сами же обстоятельства этого дела меня не интересуют, и я не считаю возможным для себя их обсуждать...

Я написал то, что достаточно для закона, и то, что достаточно для всякого другого чувства, кроме праздного любопытства. Разве вы будете добиваться узнать точнее имя, мотивы, средства незнакомца? Какое вам дело до этого, французы? Мое отечество для вас — это первое место вашего королевства, где я подчинился вашим законам; мое имя есть то, которое я прославил среди вас; мой мотив — Бог; мои средства — этой мой секрет».

Эта записка, где к грубым хитросплетениям и реминисценциям из арабских сказок и рыцарских романов примешивается и некоторое величие, умножила число философских масонов, видевших в Калиостро своего учителя.

Такова была эпоха, когда жажда чуда и предчувствие исторических катаклизмов выливались в восторженную истерию. Не Вольтер и не Дидро были властителями душ, а врачеватель Месмер, объединивший людей через открытый им животный магнетизм.

Все громче стали раздаваться голоса, требовавшие немедленного освобождения божественного Калиостро.

Внезапно распространились слухи, что граф де Ла Мотт хочет покинуть Англию, чтобы предстать перед парламентом и выложить всю правду. Говорили, что на него было даже организовано покушение, которое лишь по глупой случайности не удалось. Трудно сказать, была ли в этом сообщении хоть доля правды. Но если Бретейль и не собирался убрать нежелательного свидетеля, то заткнуть ему рот все же попытался.

Процесс явно уходил из рук полиции. Ропот по поводу Ла Мотта грозил его окончательно провалить. В самом деле, если могли арестовать в Брюсселе двух важных свидетелей, то почему нельзя сделать того же в Лондоне, где находится еще более важный свидетель? Разве это не он продал бриллианты из ожерелья? Разве это не он собирается теперь все рассказать суду? В чем же дело, наконец? Может быть, в том, что первые свидетели дали показания против госпожи Ла Мотт, а этот даст их против кардинала?

Возможно, полиция и не была виновата. Олива и Вильет были арестованы по инициативе министра Верженна. Теперь же Верженн из дружбы к кардиналу не хотел ее проявлять. Партия кардинала открыла войну против партии королевы. И не было реальной власти, которая могла бы заставить Верженна делать то, что он не желает. Правила игры неожиданно усложнились.

В ответ на запрос парижской полиции по поводу задержания Ла Мотта Верженн даже не нашел ничего лучшего, чем сослаться на нормы международного права. В Брюсселе и Женеве они его почему-то мало беспокоили.

Для формы он сделал английскому правительству представление, в котором просил о выдаче графа де Ла Мотта. Но, получив

столь же формальное возражение, в котором его просили уточнить обстоятельства вины графа, более не настаивал.

Тайный агент французской полиции ле Мерсье, узнав, что дело с выдачей Ла Мотта затягивается на неопределенный срок, сделал Верженну совершенно официальное предложение. Вот его текст:

«Если для ареста известной особы одной ловкости будет недостаточно, то можно употребить силу, чтобы привести эту особу на берег Темзы, в какое-нибудь уединенное место, где должен стоять наготове, хотя бы и две недели, если понадобится, один из тех кораблей, которые снабжают Лондон каменным углем. На этих судах стенки и палуба такой толщины, что невозможно было бы услышать крик человека, запертого в трюме».

Верженн, человек, много лет направлявший европейскую политику Франции, посол при многих дворах, на глазах которого обдывались и не такие дела, с негодованием отказался. А граф де Ла Мотт, как видно, вовсе и не собирался прибыть в Париж.

Конечно, в интересах королевы было бы увидеть графа представшим перед судом. Разумеется, лишь в том случае, если он поддержит линию, которая была внушена его супруге, и во всем обвинит кардинала. Но согласится ли он на это? Выяснить намерения Ла Мотта было поручено французскому послу в Англии Адемару. Это было тем более удобно, что, в отличие от Верженна, своего прямого начальника, он поддерживал партию королевы.

Ла Мотт получил от него такие заверения, такие заманчивые авансы, что безоговорочно согласился выступить против кардинала. Он уже готовился сесть на корабль, идущий в Кале, как все переменялось.

Королева опоздала. Партия кардинала ускорила развязку. Атакованный со всех сторон парламент наконец склонился в определенную сторону. Советники, засыпанные ходатайствами и одурманенные сладкими обещаниями, неясность которых только удваивала их прелесть, вынесли свое решение. Впервые власть столь явно уступила нетерпению народа.

Генерал-прокурор указал в официальном заключении, что Вильета и графа де Ла Мотта, который пока еще оставался в Англии, следует приговорить к бессрочной каторге, графиню де Ла Мотт — к наказанию плетью, клеймению и пожизненному заключению в Сальпетриере, кардинала — к удалению от двора, лишению всех должностей и духовного сана, мадемуазель Олива от суда освободить, а графа Калистро полностью от всех возведенных на него обвинений оправдать.

Мнение генерал-прокурора поддержали оба докладчика, после чего оно было принято четырнадцатью советниками. Однако пункт, касавшийся кардинала Рогана, встретил резкие возражения. Стало ясно, что его нелегко будет провести в суде.

Перед вынесением приговора обвиняемых, как положено, подвергли последнему допросу. Один за другим они покидали следст-

венный кабинет и входили в переполненный зал, где стояла уже позорная скамья.

Первым на нее опустился Вильет и, весь в слезах, полностью во всем покаялся. Затем ввели Ла Мотт, в простом платье и с ненапудренными волосами. Она вошла твердо и внешне спокойно, только глаза ее, окруженные синей тенью, лихорадочно и сухо блестели. Но, увидев скамью, она вся передернулась, а лицо ее исказила мгновенная гримаса. Все же она скоро овладела собой, осторожно присела на самый краешек и даже сумела улыбнуться.

Но когда она узнала уготованную ей участь, то пришла в совершенное бешенство. Пока судьи читали приговор, четверо служителей держали ее рычащую и бьющуюся, буквально на руках. Ни у кого из них не нашлось силы, чтобы поставить ее на колени. Пришлось крепко связать графиню и вытащить после зачтения приговора из зала. Но во дворе суда она, перестав на минуту вопить, крикнула:

— Если так третируют потомков Валуа, какая же участь ожидает кровь Бурбонов? — Выкрикнув эти пророческие слова, она истерически засмеялась и, обращаясь к народу, почти спокойно сказала: — Это по собственной вине я подвергаюсь такому позору. Стоило сказать мне только одно слово — и я была бы повешена!

Ей тут же заткнули рот.

Она не смирилась до самого конца и продолжала буйствовать в руках палача. Поэтому раскаленное железо, которое должно было заклеить плечо, прожгло ей грудь.

В Сальпетриер она была доставлена в жутком виде: растрепанная, исцарапанная, в крови и копоти, полунагая, спеленатая веревками, почти безумная. Но и там она нашла в себе остаток сил, чтобы выкрикнуть сорванным голосом последнее проклятие.

И все же не ее судьба столь сильно волновала грозно рокошующие толпы парижан, собравшихся в этот день у здания суда.

Все с замиранием сердца ожидали выхода де Рогана.

Служители подняли и унесли скамью подсудимых. Зал встретил этот недвусмысленный знак шумным вздохом. И все же никто до самого конца не знал, каким будет приговор.

Роган вошел в зал в длинном парадном одеянии. Он сильно побледнел и похудел за эти дни. Выглядел уныло и сумрачно. Приглашенный судьями сесть, он, как бедный, забитый проситель, беспомощно оглянулся и остался стоять. У некоторых судей навернулись на глаза слезы жалости.

В этот день, 31 марта 1786 года, члены фамилии Роган и члены дома лотарингского пришли к тому месту, где должны были последовать в зал судьи, еще в четыре часа утра. Все они — мужчины и женщины — надели глубокий траур, и когда огненные мантии парламента прорезали эти черные стены, замершие по обеим сторонам прохода, стояла страшная тишина. Казалось, что возвратились времена салических франков или феодальных войн.

Но приговор был оправдательным. Принц де Роган от обвинения освобожден.

Париж встретил это известие взрывом восторга. Кардинал оправдан! Это значит, что королева, пусть и негласно, осуждена. Парламент возвысился над легитимной монархией. Роган, который не мог прославиться доселе даже скучной обыденностью своих походов, стал вдруг знаменем парижан.

Когда президент и советники вышли из сумрачного зала на слепящее солнце, их оглушили вопли восторга и возгласы: «Да здравствует парламент! Да здравствует кардинал!». Рыночные торговки осыпали судей цветами. Когда же, неуверенно улыбаясь и щурясь на свет, показался Роган, восторг толпы достиг наивысшего накала. Люди окружили карету, которая на время должна была отвезти его обратно в Бастилию, и, тесня и толкая друг друга, бросились целовать полы его одежды.

С таким же ликованием было встречено и появление Калиостро. Не удивительно, что никто не заметил, как к графу подошел какой-то седой худощавый человек и, сделав таинственный знак рукой, передал какую-то записку.

Впоследствии утверждали, что это был господин де Казот. Возможно, так оно и было на самом деле.

Как же прореагировала на решение суда королевская семья? Как она встретила первый порыв нарастающей революции? Королева заплакала и, отказавшись от обеда, заперлась в будуаре. Король расстроился и на ближайшем же приеме заявил, что Роган просто-напросто вор. Заявление это встретило гнетущее молчание. Людовик вспылил и, переполняя чашу ошибок и неудач, заявил, что отправит Рогана в изгнание.

На другой день, блюдя королевское слово, ему пришлось подтвердить эту глупость в письменной форме. Логика требовала изгнать и также полностью оправданного парламентом Калиостро, что король и сделал. Но прежде чем граф покинул Париж, Людовик XVI просил его о частной беседе. Такая беседа вскоре состоялась в Фонтенбло. Король умолял Калиостро изгладить в сердце память о перенесенном унижении.

ПЕТЕРБУРГСКИЕ ТАЙНЫ

«...у сей великой Монархини, которую Калиостро столь жестоко желает обмануть, намерение его осталось втуне. А что в рассуждение сего осталось в записках Калиостровых, все это вымышлено и таким-то образом одно из главнейших его предприятий, для коих он своих старейшин отправлен, ему не удалось...»

Из введения к «Memories de Cagliostro»

Как лебедь на волнах Меандра,
Пропев, умолкнет навсегда.

Михаил Херасков

Калиостро не оставил мемуаров. Выпущенная от его имени книга — фальшивка. Морок и ложь — неперенные спутники любой фигуры под маской. Сама же Екатерина Великая (1729—1796) оставила достаточно свидетельств ее отношения к таинственному визитеру.

О пребывании Калиостро в России написано много, но по большей части это все перепевы одних и тех же анекдотов.

Как-то мне в руки попала книжечка Ивана Лукаша, изданная на русском языке в Берлине в 1925 году. Название интригующее: «Граф Калиостро. Повесть о философском камне, госпоже из дорожного сундука, великих розенкрейцерах, волшебном золоте, московском бакалавре и о прочих чудесных и славных приключениях, бывших в Санкт-Петербурге в 1782 году».

Досадно: испанский полковник граф Феникс посетил Петербург в 1779 году, чему находим подтверждение в «С.-Петербургских ведомостях». Основополагающим трудом, откуда почерпнули сведения многочисленные беллетристы, является «Описание пребывания в Митаве известного Калиостра на 1779 год и произведенных им там магических действий, собранное Шарлоттою-Елизаветою фон дер Рекке, урожденной графиней Медемской» (В Санкт-Петербурге напечатано с дозволения Управления Благодочиния у Шпорра 1787 года).

Совершить поездку в Россию Калиостро посоветовал Сен-Жермен. Они свиделись в Голштинии, куда маркиз Пелегрини, как назвался Бальзамо в Венеции, завернул после долгого путешествия по масонским делам, успев навестить Лондон, Милан, Франкфурт и Вену.

Путь в Петербург лежал через Митаву, столицу Курляндского герцогства. Тамошние масоны, алхимики и прочие любители таинственного были наслышаны о Калиостро и оказали ему теплое гостеприимство. Он жил в замке графа Медема, где была небольшая алхимическая лаборатория, демонстрировал свои познания, вызывал духов, избрав в медиумы дочь хозяина Шарлотту-Елизавету, экзальтированную дамочку, которая таяла, как воск, под его пас-

сами. Обер-бургграф и мастер ложи Ховен тоже воображал себя алхимиком. Старшая дочь Медема Доротея была замужем за герцогом Петром Бироном, сыном покойного временщика. Герцог тоже поддался чарам испанского полковника, снабдил его рекомендательными письмами, адресованными петербургской родне. В свою очередь, Калиостро обещал использовать свое влияние во благо Курляндии. Трудно было усомниться в его искренности.

Лоренца обворожила митавских дам, признавшись, что намного старше мужа, но выглядит так молодо исключительно благодаря омолаживающим составам. Ее кремы и притирания шли нарасхват.

Выказав себя блюстителем строгой морали, Калиостро пообещал открыть специальную ложу для женщин. По вечерам он музицировал на клавесинах, взглядом зажигал и гасил свечи, выводил тени из графина с водой, а еще рассказывал о житье в Египте и Медине, случайно обмолвившись, что поспорил однажды с самим Мухаммедом. Прослышав о приезде волшебника, к замку потянулись хворые. Он пользуется отварами и эссенциями. Кто-то ощущает облегчение уже от одного его взгляда. Одна страдавшая от частой мигрени баронесса вдруг начала дергаться, словно схватилась за провод «баке». Целитель успокоил ее наложением рук.

Венский докторишка рядом с ним просто карлик. До Калиостро дошли слухи, что Месмер обнаружил, будто и провода не нужны: флюид перетекает по обыкновенной веревке. «Великий Кофта» — маг. Индуктивные науки интересуют его только как приложение к герметизму. Для своих демонстраций он использует новейшие технические средства. Каретные сундуки набиты всевозможной аппаратурой. Есть даже сосуд для получения горючего газа.

Рапорт графа Максима де Пуисежюра, убежденного последователя Месмера, «Записка о сеансах лечения жизненным магнетизмом, имевших место в Байонне, адресованная аббату де Пуализе, советнику парламента в Бордо, 1784» едва ли могла удостоиться внимания Калиостро.

Он и не знает, что ученый граф-меценат успешно лечит, не прибегая ни к проводам, ни к веревкам. Без «баке» с намагниченной водой и «зала кризисов». Не выворачивающие наизнанку корчи, но сомнамбулический сон, когда больной внемлет и беспрекословно подчиняется каждому слову врача. «Жизненный магнетизм» — это Слово.

Терминология еще старая, но методика уже строго научная. Всперникающая сила созвездий даже не упоминается.

Шарлотта почти влюблена в своего несколько экстравагантного наставника. Она беседует с мертвыми, с нетерпением ожидая вознесения на следующую ступень. Граф Феникс обещал отправить ее в «духовное путешествие» по планетам. Ей единственной выпало счастье посетить обитаемые миры, после чего она будет возведена в степень «защитницы земного шара». И это не предел! Она и сама

сможет потом создавать новые земли, как это уже делали, по словам учителя, Моисей, Илия и Христос.

Главное — поскорее научиться преодолевать все вещественное, очистить эфирный дух.

С масонами-алхимиками Калиостро ведет себя иначе. Объясняя, как увеличить объем алмаза или жемчужины, он не терпит вопросов и возражений. Постоянно раздражается, изрыгая ругательство, правда по-итальянски, а то и за шпагу хватается, рассекая со свистом воздух. Его манеры несколько шокируют чинных остзейских рыцарей, но что взять с человека, который отвык от цивилизации в аравийских песках.

Когда же нашелся смельчак, уличивший «Кофту» в обмане, тот, ни мало не смутившись, язвительно ухмыльнулся.

— Это была проверка. Требовалось выявить ваши наклонности, господа. К моему крайнему сожалению, нахожу у вас более охоты к негодии, нежели к высшим благам.

Он заговорил о кладе, будто бы зарытом в окрестностях Митавы последними тамплиерами. Потомки рыцарей-меченосцев слушали его со смешанным чувством: и верилось, и не верилось.

Пуще любых обещаний обнадеживало поведение адепта высших степеней. За все это время он ниоткуда не получал денег, не обращался к банкирам с векселями, хотя жил на широкую ногу, расплачивался щедро и в условленный час, а то и не дожидаясь истечения срока. Всякую мысль о корысти приходилось отбросить. Зато возникала другая — об алхимическом золоте.

Сам же Калиостро чувствовал, что настала пора отправляться в дорогу. Он хотел взять с собой Шарлотту, полагая с ее помощью войти в высший свет: род Медемов восходил к XIII веку.

При благосклонном одобрении родни она согласилась, но поставила совершенно невыполнимое условие. Она потребовала, чтобы Калиостро убедил государыню стать защитницей новой ложи и «позволила посвятить себя магии». Основательницей воображаемой храмы «союза» она мыслила самое себя.

Калиостро обхаживал ее и так, и этак, но Шарлотта фон дер Рекке осталась непреклонной. Пусть граф Феникс сначала договорится обо всем с императрицей и, если результат окажется благоприятным, она не замедлит прибыть в Петербург в сопровождении отца, брата, сестры и надзирателя ложи.

Калиостро пошел на крайнюю меру, открывшись, что он не испанец, не Кофта, но служил Великому Кофте под именем Фридриха Гвалдо, а настоящее его имя и звание откроются в Петербурге, где он явит себя во всем величии.

«Описание» Шарлотты, которая из преданной ученицы превратилась в злейшего врага, изобилует злобными выпадами и передержками. Зная Джузеппе Бальзамо по его похождениям, трудно поверить, что он мог пойти на такое саморазоблачение.

По прибытии в Северную столицу, Калиостро с неудовольствием обнаружил, что его известность не столь велика, как можно

было надеяться. Слегка обескураженный, он, тем не менее, смело ринулся в бой.

Двери аристократических салонов открылись перед ним не без помощи братьев-каменщиков. Великий магистр Елагин, обер-гофмейстер, действительный тайный советник и статс-секретарь, встретил его с распростертыми объятиями. К магическим упражнениям он относился с прохладцей, а то и вовсе с осуждением, но в возможность трансмутации посредством философского камня верил. Калиостро обещал открыть свой секрет и поделиться имеющимися у него запасами.

Неизвестно, сколь успешны были российские розенкрейцеры в своих изысканиях. Судя по сохранившимся рукописям, «высшее знание» дальше так называемого «теоретического градуса» не продвинулось. Поэтому понятны чаяния Ивана Перфильевича, человека широко образованного, но пребывавшего в алхимической мороке уходящего века.

«Поэтому небезынтересным будет познакомить читателя с тем, что составляло предмет «работ» в высших степенях розенкрейцества: именно здесь раскрываются нелепости «ордена злато-розового креста», и по ним можно судить о тех печальных результатах, к которым пришло русское масонское движение, вызванное живыми потребностями общественной мысли и запутавшееся в конце концов в дебрях магии и алхимии вследствие недостаточной подготовленности к восприятию истинной науки».

«Масонство в его прошлом и настоящем»

Очень верная констатация. Как мы видим, Россия и здесь ничем особенно не отличается от прочих стран, где демонстрации Калиостро вызывали точно такую же реакцию общества.

«В сосуде, — читаем мы в розенкрейцерских актах седьмой (Adeptus exemptus) и высшей девятой (Magus) степеней, — смешивается майская роса, собранная в полнолуние, две части мужской и три части женской крови от чистых и целомудренных людей. Сосуд этот ставится на умеренный огонь, отчего внизу отложится красная земля, верхняя же часть отделяется в чистую склянку и время от времени подливается в сосуд, куда еще прибавляется один гран тинктуры из анимального царства. Через некоторое время в колбе будет слышен топот и свист, и вы увидите в ней два живых существа — «мущинку и женщину» — совершенно прекрасных... Путем определенных манипуляций можно поддерживать их жизнь в течение года, причем от них можно узнать все, что угодно, ибо они тебя будут бояться и почитать».

Если можно поверить в рецепт выращивания гомункулусов, то не приходится удивляться, что и прочие чудеса кажутся вполне достижимыми.

«Много у нас в Петербурге наделал шуму известный Калиостро. У княгини Волконской вылечил больной жемчуг; у генерала Биби-

кова увеличил рубин в перстне на одиннадцать каратов и, кроме того, изничтожил внутри его пузырек воздуха; Костичу, игроку, показал в пуншевой чаше знаменитую талию, и Костич на другой же день выиграл свыше ста тысяч; камер-фрейлине Головиной вывел из медальона тень ее покойного мужа, и он с ней говорил и брал ее за руку, после чего бедная старушка совсем с ума стронулась...»

Со вкусом живописуя проделки мистификатора, А. Н. Толстой отталкивался от известных анекдотов. Меня в этом отрывке заинтересовала «талиа», что была показана игроку Костичу. Уж не знакомая ли нам комбинация — «тройка, семерка, туз»? Калиостро либо повторил Сен-Жермена, либо, что более правдоподобно, он, а не Сен-Жермен, мог стать героем легенды, гениально обыгранной в «Пиковой даме».

В «алхимии слова» таится особая прелесть.

В Петербурге Калиостро проделывал те же фокусы, что и повсюду. Безусловной удачей можно считать покровительство, оказанное ему князем Григорием Потемкиным Таврическим (1739—1791), генерал-фельдмаршалом и наиболее вознесенным, среди прочих, фаворитом Екатерины. По рассказам одних, Калиостро удалось возбудить любопытство всемогущего вельможи алхимическими таинствами, но почти все в один голос говорили, что причиной тому была красота Серафины-Лоренцы.

Ее неоднократно видели сидящей в карете князя и, опять же по рассказам, именно это и вызвало неудовольствие государыни и, как следствие, фиаско гастроли.

Приводилась и иная подоплека скандальной высылки.

Калиостро, боясь восстановить против себя врачебную коллегию, состоявшую преимущественно из немцев и англичан, действовал с разумной осторожностью: кого демонстративно отсылал к лекарям, кого успокаивал травяными настояями. Денег за лечение, как мы знаем, он не брал.

Когда у князя Гавриила Гагарина, занимавшего, кстати, место второго надзирателя в великой провинциальной ложе, серьезно занедужил десятимесячный ребенок, а консилиум докторов признал положение безнадежным, он уступил мольбам отчаявшегося отца и согласился испробовать свои безотказные средства. Выполняя поставленные им условия, князь отдал на попечение мага умирающего младенца, обязавшись, что до самого выздоровления ни он, ни кто-либо не станут его навещать.

Требование несколько необычное,стораживающее, но ведь всем известно, что волшебство дело тайное.

С того дня, когда мальчика доставили в дом на Дворцовой набережной, где снял помещение чародей, прошло больше месяца, прежде чем родителям было дозволено повидать ребенка.

Чудо свершилось: он выздоровел. Князь на радостях проследил за ним и выложил на стол мешочек, туго набитый золотыми империалами.

Калиостро по обыкновению отказался. Не уставая благодарить, Гагарин удалился в прихожую и, словно по забывчивости, оставил золото на подзеркальной консоли. Возврата не последовало.

Не исключено, что это еще одна басня.

В подложной книге «Достоверные известия о графе Калиостро, по рукописи его камердинера», опубликованной в 1786 году в Берлине, к изложенному эпизоду дописан конец. Лжекамердинер клятвенно заверял, что Калиостро оказался бессилён спасти младенца и, дабы не упасть лицом в грязь, подменил его на другого. Речь шла притом не о десятимесячном мальчике, а о двухлетней девочке.

И уж совсем ни в какие ворота не лезет утверждение, что Калиостро сжег труп бедной крошки, желая произвести «палингенезис», то бишь возрождение.

Много было сочинено несуразниц. Чего стоит, например, байка о дуэли с каким-то обиженным доктором. Получив вызов, Калиостро, согласно кодексу, предоставлявшему ему выбор оружия, предложил яд.

— Чье противоядие окажется сильнее, тот и победит, — якобы заявил он, чем поверг забияку в смятение.

Из подобных баек рождалось бульварное чтиво. Лжекамердинер знал, чем потрафить публике. Живописуя магические сеансы, он тщится восполнить нехватку воображения подробностями, заимствованными из волшебных сказок и газетных фельетонов.

Представьте себе такую картину: в одну из августовских ночей 1785 года в некоем парижском доме собрались тридцать шесть дам, принадлежавших к высшему свету. Уже при входе их заставили снять все более или менее лишние одежды. Гостей приглашают в зал, где хозяин дома имеет обыкновение проводить заседания «Египетской ложи». В ту ночь всем заправляла его супруга, графиня Серафина. Она без обиняков приказала своим гостям «обнажить левую ногу до бедра». Явный намек на масонский характер собрания.

Позднее из-под купола спустился сам Калиостро в образе «гения истины». Он был «совершенно голым — как наш праотец Адам, в руках держал змею внушительной длины и толщины, а на затылке у него плясал язычок пламени». К дамам, и без того уже одетым далеко не полностью, этот «гений» обратился со следующим призывом: «Дщери земли, сбросьте одежды и, если хотите узнать правду, станьте голыми, как она!»

Продолжение было столь же веселым и непринужденным: к великосветским дочерям Евы присоединились их кавалеры, в потолок полетели пробки от шампанского, затем пили еще пунш, танцевали котильоны и с большим удовольствием последовали предложению графини «завершить заседание актом, который будет самым священным, невинным, легким, приятным, полезным, самым серьезным, но также самым забавным и, наконец, самым всеобщим из всех, которые только можно себе представить».

Лжекамердинер, по его словам, лично участвовал в разнузданной оргии, но лишь в качестве «ассистента» хозяина.

Множество обвинений, выдвинутых позднее против Калиостро, опирались на этот рассказ и другие подобные показания.

Эротика с налетом мистицизма, тайны черной магии и алхимии, пародийные обряды масонов и розенкрейцеров, ясновидение и блестящий маскарад — все это, безусловно, имело место в эффектных демонстрациях Калиостро. Он и сам никогда не чувствовался плотских утех. Его портреты красовались на кольцах, амулетах и брошах, дамских веерах и ширмах. Его ваяли в мраморе и бронзе: рубаха вызывающе распахнута, упрямый подбородок, чувственные губы и взгляд пророка, прозревающего далекое будущее.

Но таков уж был век. Вакханалии в «Оленьем парке» не выдумка романиста, а Екатерина Великая, при всех ее талантах и ясном уме, могла дать сто очков вперед любому щелкоперу, эпатирующему обывателя живописанием альковных сцен. Одна золоченая мебель в стиле «амурного рококо» чего стоит! Таких вычурных поз не увидишь даже на фресках Помпеи. Уж ее-то ни Казанова, ни, тем более, Калиостро удивить не могли.

Достоверно одно: завоевать внимание государыни Фениксу не удалось. Едва ли мимо нее, Минервы, состоявшей в переписке с Дидро и Вольтером, могли пройти вести о шарлатанских проделках кавалеров в масках. Но дело даже не в этом. Превалировали политические моменты. Вне зависимости от личности Калиостро, над «золотым розенкрейцеством» собиралась гроза.

В 1786 году, вероятно, вследствие каких-то правительственных распоряжений, были закрыты все московские ложи, а вскоре уже от самих масонских руководителей последовало предписание «превратить с наступлением 1787 года все орденские собрания и переписки и сношения, и отнюдь не иметь до того времени, пока не дано будет знать»¹.

Арест Новикова в 1792 году и кары, посыпавшиеся на мартинистов, только довершили и без того начавшийся распад.

Калиостро выбрал неподходящее время.

Из писем Екатерины к Циммерману следует, что ему не была предоставлена возможность не только говорить с ней, но даже видеть ее издали.

«...о Калиострове пребывании в Петербурге я ничего верного сказать не знаю. По слуху же, однако, известно, что хотя он и там разными чудесными выдумками мог на несколько времени обмануть некоторых особ, но в главном своем намерении ошибся», — пишет Шарлотта фон дер Рекке.

И в этом ей можно верить.

Спустя пять лет просвещенная государыня под трудно произносимым именем Калифалкжерстона вывела Калиостро в комедиях

---

¹ Из показаний Новикова

«Обманщик» и «Обольщенные», где крепко досталось и мартинистам, уподобленным игрой слов мартышкам.

Премьера «Обманщика» состоялась 4 января 1786 года в Эрмитажном театре. Главное действующее лицо, по словам самой императрицы, «весьма живо представляет Калиостро».

Калифалджерстон Я малые алмазы передельваю большими иногда для своей забавы. Например, безделушка, которая у тебя на руке, перстень, буде мне отдашь, я тебе возвращу величиною в один камень, втрое противу того, как он теперь, лишь прибавь на сто червонцев чистого золота.

Вроде бы, похоже, но Калиостро не отражается в кривых зеркалах. Все, что мы знаем о нем, лежит на поверхности, но многие тайны он унес с собой.

«Он приехал сюда, называя себя полковником испанской службы и испанцем по происхождению, давая понять, что он колдун, вызывающий духов и приказывающий им. Когда я услышала это, я сказала: человек этот совершенно напрасно приехал сюда; нигде ему не испытать большей неудачи, чем в России», — говорила Екатерина в беседе с бароном Мельхиором Гриммом.

В разоблачении фальшивого диплома тоже видели причину высылки.

«Чрезвычайно неблагоприятно на положении Калиостро в Петербурге подействовало также напечатанное в русских газетах тогдашним испанским резидентом Нормандецом заявление, что никакой граф Феникс на испанской службе никогда не состоял», — пишет Е. П. Карнович.

Проведенные им изыскания показали полную несостоятельность распространенной версии. В единственной в то время газете «С.-Петербургские ведомости» никакого заявления испанского посланника нет. Зато есть объявление об отъезде Калиостро.

Согласно существующим правилам, всякий убывающий за границу обязан был опубликовать троекратное уведомление о своем отъезде.

Калиостро так и поступил. Первая публикация появилась в номере 79 «Прибавлений» к «Ведомостям» от 1 октября 1779 года, посередине между извещениями мясника Готлиба Бунта и башмачника Габриэля Шмита. В номерах 80 и 81 все было повторено в точности:

«Г. граф Калиостро, гишпанский полковник, живущий на Дворцовой набережной, в доме г. генерал-поручика Виллера...»

Следовательно, никакого скандала вокруг «гишпанского полковника» не возникло. И в Петербург он прибыл, как и отбыл, под именем Калиостро, а не Феникса. Его многочисленные псевдонимы были известны и не вызывали особых недоразумений.

Он провел в Петербурге девять месяцев и за это время вполне можно было при желании снестись с Мадридом и высветить всю «гишпанскую подноготную».

Очевидно, необходимости не составило. «Занимательные истории» родились уже задним числом. Напугавшая столичную полицию весть, будто бы означенный иностранец одновременно выехал с четырех разных застав, делает честь ее выдумщику. Просто-таки отличная находка!

Описывая парижский дом Калиостро, французский историк Гюстав Ленотр нашел замечательный образ:

«Тайная лестница, сейчас замурованная, шедшая параллельно главной, поднималась до третьего этажа, где и сегодня находишь ее следы».

Это о тайне, которая едва ли будет разгадана.

Заканчивая рассказ о трех, а с кавалером д'Эоном и четырех, таинственных личностях XVIII века, напомним, что после вынужденного отъезда из Парижа Калиостро был 27 декабря 1789 года арестован инквизицией в Риме и заключен в замок Сан-Анжело. Есть указание, что его выдал брат-каменщик Франческо Ди Сан-Маурицио, загодя снявший для Великого магистра дом на площади Испании. По другим, косвенным, указаниям, предательницей оказалась жена Лоренца. Ее увели вместе с ним. Вынесенный ему «за проповедование учения, открывающего широкие двери мятежу», смертный приговор заменили пожизненным заключением. За попытку убить исповедника, чтобы воспользоваться для побега монашеским платьем, Джузеппе Бальзамо перевели в замок Сан-Лео, где он и умер 26 августа 1795 года. Однако, по другим сведениям, случилось это именно в римской цитадели Сан-Анжело, куда его вновь возвратили незадолго до кончины.

В 1797 году Римом овладели наполеоновские войска. Среди легионеров Домбровского было много масонов, и первым делом они потребовали освободить «героя революции» Калиостро, но было поздно. Тюремщик мог показать им лишь безымянный холмик.

Показаниям, которые дал перед инквизиционным трибуналом Джузеппе Бальзамо, особенно доверяться нельзя. Слишком многое было навязано следователями.

Близилась к концу Первая мировая война, унесшая десятки миллионов жизней. Над искалеченной землей, пропахшей кровью и порохом, еще гуляли пыльные ветры с чесночным привкусом иприта, но что-то такое уже носилось в воздухе, какое-то мистическое предчувствие надвигающегося катаклизма, еще более жуткого, чем война.

Почти одномоментное крушение великих империй воспринималось, как прелюдия конца света.

Традиционно нейтральная, благополучнейшая Швейцария только выиграла на мировой бойне, Америку она превратила в первую

сверхдержаву но и там, как и повсюду, повеяло духом апокалипсиса. Художники и поэты уподобились духовидцам. Рождалось новое искусство: болезненное, изломанное, пророческое.

Внезапно пробудившийся жадный интерес к давно забытому, казалось бы Калиостро словно бы дал сигнал переосмыслить прошлое — магический пир, обернувшийся кровавым похмельем.

В России это поняли прежде всех.

Тень Калиостро обернулась символом всесветной гильотины. Он — предтеча, вестник.

Плащ Казановы, плащ Лозэна,
Антуанетты домино!
Но вот — как черт из черных чаш —
Плащ-чернокнижник, вихрь-плащ,
Плащ вороном над стаей пестрой
Великосветских мотыльков,
Плащ цвета времени и снов —
Плащ Кавалера Калиостро!

Марина Цветаева

Ты как будто не значишься в списках,
В калиострах, магах, лизисках ..

Анна Ахматова

Лизиской прозвали Мессалину в непотребных римских кабаках. И это тоже символ. В некотором роде «психоэнергетический» фантом. Но «списки»! Эти случайно проскользнувшие в грезах «Серебряного века» списки.. Годы и годы пройдут, и они станут «расстрельными».

« . Но отняли список, и негде узнать»

«Реквием»

Беснующиеся толпы на озаренных факелами парижских улицах и вздернутая на пике голова прелестной принцессы Ламбаль, задушенной подруги Марии-Антуанетты. Ее, эту окровавленную голову, подняли к окну Тампля, где ждала своего часа заточенная королева.

Всех наряднее, всех выше,
Хоть не видит она и не слышит —
Не клянёт, не молит, не дышит,
Голова Madame de Lamballe .

Анна Ахматова

И почти слово в слово:

И тогда вся избита, изранена
Грязной рукой,
Как на бал завита, нарумянена
Я на пике взвилась над толпой .

Максимилиан Волошин. «Голова madame de Lamballe»

Реальность предстанет страшнее и проще, но голова принцессы останется в снах, а все прочее — романтическое, манерное, воображаемое — уподобится выброшенным за ненадобностью декорациям.

Бродит осень парками Версаля,
Вся закатным золотом объята...
Мне же снятся рыцари Грааля
На скалах суровых Монсальвата.

Максимилиан Волошин

ЖАК КАЗОТ

Соберано вел меня за руку...

Мы хранили глубокое молчание. Тростью, на которую он опирался во время ходьбы, мой приятель начертил круг на песке, тонким слоем покрывающим пол пещеры, и, вписав в него какие-то знаки, вышел из круга.

— Вступите в этот круг, мой юный смельчак, — сказал он мне, — и не выходите, пока не увидите благоприятных знамений... Тогда все покорится вам. Но если до этого под влиянием страха вы совершите какой-нибудь ложный шаг, вы можете подвергнуть себя серьезной опасности.

Тут он назвал мне формулу заклинания, краткую, настойчивую, содержащую слова, которых я никогда не забуду.

Жак Казот «Влюбленный дьявол»

О глубоком кризисе, охватившем общество в канун революции, можно судить по записанной уже постфактум легенде, известной как «предсказание» Казота. Зловещее предсказание, которое сбылось в пламени революции.

Видный иллюминат-мартинист и одаренный писатель Жак Казот (1719—1792) был приглашен на обед, который давал один известный ученый. Застолье проходило чрезвычайно в веселой обстановке. Говорили об успехах человеческого ума и о грядущих событиях, в которых присутствующие заранее приветствовали «освобожденный разум». То и дело с уст срывались столь популярные сентенции, как «естественное право», «естественный закон», «естественная религия». Щедро цитировали энциклопедистов, в особенности Дидро: «Жизнь правительств подобна жизни животных: каждый шаг жизни есть шаг к смерти».

Умные рассуждения сопровождалась фривольными шутками, смехом.

Один только Казот казался грустным и хранил глубокое молчание. Когда его спросили о причине столь необычного поведения, он ответил, что провидит в будущем страшные вещи. В ответ на это Кондорсе стал с присущим ему остроумием вышучивать Казота, всячески вызывая его на откровенность. В конце концов Казот, грустно улыбнувшись, сказал:

— Вы, господин Кондорсе, отравитесь, чтобы избегнуть смерти от руки палача.

Грянул дружный смех. Тогда Казот поднялся и, отодвинув бокал с вином, обвел присутствующих взглядом.

— Вас, мой бедный Шамфор, — тихо сказал он, — заставят перерезать себе жилы в двадцати двух местах. Господину д'Азиру не придется вскрывать себе жилы собственноручно. Вам отворят кровь шесть раз в течение дня, а ночью вас не станет. Вы же, Байи, Мальзерб и Руше, умрете на эшафоте, посреди заполненной народом площади.

Он хотел продолжить свое мрачное пророчество, но очаровательная герцогиня Беатриса де Грамон, смеясь, перебила его:

— Но женщины, по крайней мере, будут пощажены?

— Женщины? — переспросил Казот. — Вы, сударыня, и много других дам вместе с вами, вы будете отвезены на телеге на ту же площадь со связанными назад руками.

Сказав это, Казот изменился в лице: его голубые глаза, казалось, вот-вот наполнятся слезами. И этот шестидесятивосьмилетний человек, с убеленной сединой головой патриарха, был так величествен в своей безысходной печали, что смех гостей внезапно умолк. Только госпожа Грамон еще сохраняла шутливое настроение.

— Вы сейчас увидите, — воскликнула она, — что он даже не позволит мне исповедаться перед казнью.

— Нет, сударыня, — покачал головой Казот, — последний казнимый, которому сделают такое снисхождение, будет... — он загнулся на мгновение: — Это будет... король Франции...

Взволнованные гости стали подниматься из-за стола. Казот молча поклонился хозяину, извинился и собрался уходить. Но герцогиня Грамон преградила ему дорогу. Принужденно улыбаясь и досаду на себя за то что вконец омрачила своими вопросами беседу, она, как бы призывая Казота закончить все шуткой, спросила:

— А вы, господин пророк, какая участь ожидает вас самих?

Он ничего не ответил, но и не трогался с места, уставясь глазами в пол. Потом вдруг поднял голову и печально спросил:

— Сударыня, приходилось ли вам когда-нибудь читать описание осады Иерусалима у Иосифа Флавия?.. Во время осады один человек шесть дней кряду ходил вокруг его стен, взывая к согражданам: «Горе вам! Горе!». На седьмой день он вскрикнул: «Горе мне!». В этот момент огромный камень, пущенный неприятельскими осадными машинами, попал в него и убил наповал.

С этими словами Казот вновь поклонился и вышел.

Трагическая гибель, равно как и увлечение мистикой, а также связи с тайными сектами и отдельными лицами, пользовавшимися репутацией «ясновидцев», — все это послужило поводом для биографической легенды, которая окружила имя Казота романтическим ореолом и принесла ему едва ли не большую известность, чем его литературное творчество. Знаменитое пророчество впервые было опубликовано в 1806 году в посмертных сочинениях младшего современника Казота, писателя Лагарпа, также принимавшего участие в достопамятной пирушке. Достоверность свидетельства подверглась сомнению и оно было отнесено к числу литературных мистификаций, широко распространенных в эпоху романтизма. Новейшие исследования вносят, однако, некоторые поправки. Опираясь на свидетельства лиц, общавшихся с Казотом в предреволюционные годы, логично предположить, что мистически настроенный писатель, искренне считавший себя «ясновидцем», мог действительно поделиться тревожными предчувствиями о надвигающемся социальном перевороте и тех вполне предвидимых переменах, которые

это сулило. Печальная участь Казота, как и судьбы других героев драмы, дали затем Лагарпу конкретный повод убедиться в правильности оракула.

Через атмосферу, царившую на вечере у своего товарища по Академии, Жан-Франсуа Лагарп (1740—1803) передает накал общих предчувствий и надежд тех роковых лет:

«Шамфор прочитал нам свои нечестивые, малопрстойные анекдоты, и дамы слушали их безо всякого смущения, даже не считая нужным закрыться веером. Затем посыпались насмешки над религией. Один привел строфу из Вольтеровой «Орлеанской девственницы», другой — философские стихи Дидро:

Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

И это встречало шумное одобрение. Третий встал и, подняв стакан, громогласно заявил: «Да-да, господа, я также твердо убежден в том, что Бога нет, как и в том, что Гомер был глупцом».

«На буйном пиршестве задумчив он сидел», — скажет потом Лермонтов об отравленном ядом дурных предчувствий Казоте, еще острее ощущавшем свое одиночество среди лихорадочного веселья.

Воспитанник иезуитов, роялист и последователь португальского теософа Мартинеса Паскуалиса, Казот вполне мог предостеречь хохочущих гостей, что они играют в опасные игры. Это вечная тема Валтасарова пира, «Пира во время чумы», непревзойденно раскрытая Пушкиным.

Как же сбылось жуткое предсказание?

Автор знаменитой книги «Максимы и мысли» Себастьян-Рок-Никола Шамфор действительно перерезал себе жилы.

Математик и социолог Мари-Жан-Антуан Кондорсе принял яд.

Врач, анатом и член Академии Феликс Вик д'Азир умер от потери крови.

Жан-Сильвен Байи, пламенный революционер, ставший первым мэром «свободного» Парижа, а с ним и бывший королевский министр Кретьен-Гийом Мальзерб положили головы под нож гильотины.

Та же участь постигла и остроумца Николани, и Руше, и красавицу герцогиню, которой, как и было предсказано, не позволили исповедаться перед смертью.

Что же касается вольнодумца Лагарпа, то он действительно уверовал в Бога и умер в своей постели в 1803 году. За три года до публикации своего исторического свидетельства, что можно считать еще одним, пусть косвенным, подтверждением его полноты.

Горячий последователь мартинистов, Казот оставил секту из-за расхождений насчет монархической идеи, которой сохранил верность до самого конца. Летом 1792 года он пытался организовать побег Людовика, но его письма попали в руки властей.

«Письма перехватят» — у Нострадамуса!

После короткого судебного разбирательства Казота приговорили к смерти.

Луи Клод де Сен-Мартен, чье имя в соединении с именем донна Мартинеса Паскуалиса дало название обществу мартинистов, соединил обряды масонства и розенкрейцерства с жесткой иерархической дисциплиной иезуитского ордена. «Тень и молчание — любимые прибежища истины», — говаривал Сен-Мартен. Мирабо, имея в виду иллюминатов, писал, что «они копировали орден иезуитов, но ставили перед собой прямо противоположные цели». То же можно сказать и о мартинистах, которые на первых порах бурно приветствовали революцию. В отличие от Казота, провидевшего разгул озверелой толпы. Оттого-то и сидел он задумчив на буйном пиру, где торопили начало нового века и, перемежая философские рассуждения гривуазными анекдотами, пели осанну свободе, равенству, братству.

«Все это случится с вами именно в царстве разума и во имя философии человечности и свободы. И это действительно будет царство разума ибо разуму в то время будет даже воздвигнут храм, более того, во всей Франции не будет никаких других храмов, кроме храмов разума».

Лагарп. «Пророчество Казота»

Так говорил Казот своим сотоварищам по застолью, вглядываясь в ему одному видимый отблеск огня. Того самого, чьи искры воспламенили и другой вселенский пожар, куда более памятный нам, детям и внукам октябрьского катаклизма.

ПЛЯСКИ ПОД ЗАНАВЕС

**Капитула
тринадцатая**

ГРИМАСА ДЬЯВОЛА

...дьявольский шабаш, где мерзкие хари
Чей-то выкидыш варят, блудят старики,
Молодятся старухи и в пьяном угаре
Голой девочке бес надевает чулки.

Шарль Бодлер «Маяки»

В этих коротких строчках заключено все, что стоит знать о картине грандиознейших церемоний средневековых дьявольских шабашей. Остальное — только детали, интересные лишь для этнографа или психиатра, занимающегося помешательствами на религиозной почве. Впрочем, пригодиться могут и детали. Без них не понять, почему, например, в современных энциклопедиях и монографиях, посвященных колдовству, так часто воспроизводятся цветные фотографии обнаженных красавиц, гарнированных, словно редкостное блюдо, изысканными фруктами.

Реклама сатанистского ведомства? Окруженная обожателями королева шабаша на фоне праздничного застолья? Думаю, мы не ошибемся, дав утвердительный ответ сразу на оба вопроса.

В ведовских процессах инквизиторы пытками заставляли обвиняемых рассказывать всевозможные подробности нечестивого веселья, в котором вместе с колдунами и ведьмами участвовали и черти. Если добавить к подобным описаниям гравюры Ганса Бальдунга Грюна, Альбрехта Дюрера или «Шабаш» Франсиско Гойи, то вырисовывается следующая картина.

Шабаш устраивались ночью в каком-нибудь уединенном месте: в горах (Брокен — в Германии, Блокула — в Швеции, Лысяя гора — возле Линца), в лесу или на пустынной равнине. С помощью дьявола ведьмы и ведуны переносились туда по воздуху в мгновение ока. Часто они усаживались для этого на кочергу или метлу, иногда дьявол посылал им козлов и драконов.

После традиционного поцелуя, коим колдовская рать изъясляла свою преданность дьяволу, начиналась раздача адского зелья, из которого изготовлялись потом всевозможные отравы и приворотные средства. Для этого дьявол, у которого меж рогами всегда играет синее пламя, сжигал самого себя, а его подданные собирали образовавшуюся золу. По свидетельству демонологов, она считалась крайне опасной для простого человека.

Представ вновь невредимым, увитый гирляндами роз, черный козел — иным он казался прекраснейшим принцем — выводил в центр круга обнаженную, сияющую красотой королеву бала. Совершив обход гостей, он укладывал ее на алтаре, который тут же обращался в брачное ложе. Однако перед этим «детей посылали пасти лягушек», а духи воздуха деликатно закрывали сцену непроницаемой паутиной.

Затем совершалась уже известная черная месса. При этом кусочки гостии, которые тайно приносили с собой колдуньи, смоченные брачной кровью королевы, кощунственно выплевывались в котел, где варились зародыши. Шабаш заканчивался роскошным пиром, на котором, разумеется, всюду лакомились человечины. В перерывах между возлияниями ведьмы и колдуны скакали, повернувшись друг к другу спинами.

«Мессир, мессир, дьявол, дьявол, прыгни здесь, прыгни там, скакни здесь, скакни там, играй здесь, играй там».

Под эту разудалую песенку каждый бес находил приглянувшуюся ему ведьму. Так плодилась и множилась на земле сатанинская сила.

Хотя авторы «Молота ведьм» и прочих инквизиционных инструкций ни на йоту не сомневались в абсолютной реальности описанного действия, оккультисты нового времени вынуждены были пойти на компромисс.

«В большинстве случаев видения и сцены шабаша объясняются просто воображением колдуний и колдунов, — стыдливо пояснял Тухолка. — Для отправления на шабаш они мазали свое тело особыми мазями, содержащими в себе травы, которые, усыпляя, в то же время возбуждают воображение и чувственность. Затем они засыпали и во сне видели в астрале созданные ими и другими суеверными лицами образы...»

Технология шабаша, причем без привлечения мистического астрала, исчерпывающе изложена в «Тиле Уленшпигеле» Шарля де Костера, кропотливо собиравшего предания фламандской старины.

«Что касается моего светящегося лица, то вам известна его тайна. Я не колдун и никогда не был колдуном: я только прикинулся дьяволом, а состав мази, не считая белены, растения ядовитого, исключительно снотворный. Когда эта женщина, подлинная колдунья, применяла снадобье, она погружалась в сон, и тут ей виделось, что она летит на шабаш, кружится там спиной к середине вращения и поклоняется дьяволу в образе козла, стоящему на алтаре. По окончании хоровода — так ей казалось — она, как делают все колдуны, целовала его под хвост, чтобы затем предаться со мною, ее возлюбленным, противоземным наслаждениям, пленявшим ее извращенный дух».

Гансик сказал правду, хоть и оговорил при этом Катлину, назвав ее колдуньей. Кого только не обвиняли «охотники за ведьмами» в смертном грехе сатанизма! Богомилов, катаров, тамплиеров, нераскаявшихся манихеев и просто бедных знахарок вроде Катлины. Между тем, отдельные тайные секты, практиковавшие служение дьяволу, действительно существовали, укрываясь большей частью под сенью дворцов и монастырей. Повальное увлечение сатанизмом началось, однако, с середины XVII века, когда поставка младенцев для черных месс превратилась в Париже в доходный промысел.

И это еще один парадокс исследуемого предмета. Ужасы, которые упорно приписывают «мрачному средневековью», стали чуть ли не будничным делом именно в новые времена. Для осмысления

подобных вывихов общественного сознания уместно вновь остановиться на генезисе сатанистского культа.

Черная месса, как и прочие ритуалы сатанистского культа, представляет собой точное воплощение древнего принципа дуализма, зеркальное отражение церковного обряда.

Сердцевиной христианской литургии является, как известно, причащение крови и телу Христову вином и хлебом. Этот магический акт способствовал распространению веры в реальное присутствие святого гостя во время богослужения. Столь кощунственное в основе своей суеверие нашло отражение уже в схоластических доктринах VII века. Оставалось сделать всего один шаг, чтобы попытаться навязать волю священнослужителя-теурга трансцендентным силам иной природы. Это и было достигнуто в черной мессе, противоположной заупокойной, предназначенной для страждущих в адской бездне душ. Примечательно, что около 700 года совет города Толедо категорически запретил использование реквием-мессы для «убийства живых людей». Гримуар Гонория содержит множество таких смертоносных заклинаний.

Насколько можно судить по литературе, обряд материализации демона начинался с подобия мессы святого гостя, вернее, с пародии на нее, потому что соответствующая молитва читалась наоборот. При этом использовались оскверненные вино и облатки, а также слезы, взятые из глаз живого петушка. Весьма примечательная деталь, достойная кровавых обрядов воду.

Чарлз Вильямс упоминает о ней в книге «Колдовство», где также говорится о богохульстве, сопровождавшем «черный» обряд.

В книгах итальянского демонолога XVII века Франческо Марии Гуаццо мне удалось найти описание пакта, который заключали с дьяволом его поклонники. Перечисленные в договоре 11 статей дают обильную пищу для размышлений. Они излагаются в следующем порядке: отречение от христианского учения; перекрещение в имя дьявола, которое уничтожает прежнее имя; символическая перемена крестных святых дьявольским прикосновением, отречение от крестного отца и матери и получение новых покровителей; приношение клочка одежды дьяволу как знак почитания; клятва верности дьяволу, данная в магическом круге посредством отречения от прежних идеалов; включение имени посвященного в «Книгу смерти»; обещание посвятить дьяволу детей; обещание платить дань дьяволу в виде угодных ему предметов и деяний, ношение знаков посвящения дьяволу; особого обряда клятва, включающая обещание хранить тайну шабашей и осквернения христианских реликвий.

Юридически документ составлен безупречно. С оглядкой на те времена, когда даже процессы над животными совершались с соблюдением всех предписанных процедур, его можно считать и вполне логичным. В сущности, речь идет всего лишь о перемене хозяина, о переходе из одного ведомства в другое, равноправное.

Этот схоластический принцип полного равенства лежит и в основе гротескного ритуала нынешних дьяволоманов. Полностью иг-

норируя моральную, нравственную сторону проблемы, они все сводят к подобию, вернее, антиподобию дьявола, Богу. На такой игре в перемену полюсов как раз и построены вызвавшие невиданный ажиотаж фильмы, живописующие изуверскую практику сатанистских, колдовских, каннибальских и прочих сект. «Ребенок Розмари» Романа Поланского, «Экзорцист» Уильяма Фридкина, «Ужасная судьба Гийомета Бабен» Гийома Радо, «Духи дамы в черном» Франческо Баррилли, «Гонки с дьяволом» Старрета — это сегодня вершины, возвышающиеся одинокими маяками над взбудораженным месивом порносадизма, полностью подчинившего себе индустрию видеокассет. Порок сатанистских лент не столько в избранной теме, сколько в нарочитой отстраненности от морали, причем не обязательно христианской. Зашифрованный в них смысл до ужаса прост. Стоит лишь сменить алтарь, как меняют фирму, и то, что считалось запретным, отвратительным, позорным, станет дозволенным: убийство, насилие, циничное измывательство, половые извращения — словом, все. Одиннадцать пунктов пакта не только оправдывают любой аморальный поступок, но и вменияют его в обязанность, превращают в «моральный».

У писателя Уильяма Питера Блетти, по чьему роману Фридкин поставил своего «Экзорциста», есть рассказ, в котором группа учеников колледжа приносит в жертву дьяволу своего учителя-девственника. В нем показан, по существу, параллельный мир, живущий по принципу полной перестановки знаков. Достаточно тонко и ненавязчиво автор дает понять, что общество, которое управляется на основе статей известного нам пакта, не только имеет право на существование, но и ничуть не хуже нынешнего.

Это ли не свидетельство полнейшей нравственной деградации? Сатанистский пароксизм вызвал повышенный интерес печати. Французский журнал «Синеревю» опубликовал целую подборку «Во власти дьявола», посвященную «новой волне черной магии и сатанизма». В ней есть весьма симптоматичное предостережение священника Брайана Тейлора, обращенное к прихожанам: «Ваши дети в опасности, они могут быть заражены культом демона. Это так же вредно, как наркотики, и в скором времени станет огромной проблемой. Дети, чуткие к таинственному, естественно, окажутся жертвами сил, которые не смогут контролировать».

Я обратил внимание на предостережение по поводу культа демона прежде всего потому, что оно почти дословно перекликается с сетованиями пастора из Рок-Айленда (штат Иллинойс) насчет экзорцизма: «Мода на изгнание дьявола превратилась в эпидемию врое... наркомании и порнографии».

Казалось бы, стоило прислушаться и сделать определенные выводы, чтобы оградить молодое поколение от этого яда. Реакция официальной церкви оказалась, однако, довольно-таки своеобразной.

«В наискором времени, — заявил епископ Роберт Мортимер, — необходимо открыть училища, в которых будут обучать людей, могущих изгонять дьявола и злых духов».

Год спустя парижский экзорцист аббат Дебурже уже принял участие в телевизионной дискуссии по поводу очередного сатанистского фильма. Это все тот же порочный круг, в котором неразличимо слились следствия и причины. Между привлечением дьявола и его изгнанием нет различий.

«Экзорцисты, как представители «Черного Искусства», становятся распространенным явлением», — бесстрастно констатировала недавно лондонская «Санди телеграф». Активная деятельность сатанистских групп Бирмингема, в частности, вынудила епископа Астонского открыть специальные курсы заклинателей. Епископ Лондона поручил сделать это преподобному Гарри Куперу, шестидесятипятилетнему ректору собора Сент-Джордж в Блумсбери.

Какая поразительная верность традициям! Точно так же поступила лондонская епархия, когда в XVIII веке разразился скандал вокруг клуба «Адский огонь», в котором некие Дешвуд и Уилкис устраивали для приятелей богохульные оргии.

Восстановим поэтому прерванную связь времен, чтобы сказать несколько слов об аббате Булле. Впервые он привлек к себе внимание парижан, когда вместе со своей любовницей Адель Шевалье основал «Общество возмещения душ», где практиковал экзорцизм крайне странного и непристойного вида. Для привлечения сатаны святой отец обрызгивал участников церемонии человеческими нечистотами, попутая, по-видимому, обряд изгнания с черной мессой.

Да и немудрено перепутать, потому что принципиальной разницы между ними не существует: и то, и другое — дьяволопоклонство. Не приходится удивляться поэтому, что в январе 1860 года Булле отслужил и черную мессу, на которой, как сообщала печать, был принесен в жертву ребенок. Получив отпущение грехов в Ватикане, он в 1875 году основал сатанистскую церковь Кармель. После смерти экзорциста-дьяволопоклонника она стала открыто называться «Храмом Сатаны». Обряды храма включали в себя страшные церемонии, сопровождаемые не менее страшной руганью. Дьявольские колдуны приносили на алтарь «Идола мистического Содома» истекающих кровью козлов и баранов, которые незадолго до этого были объектами разнузданной оргии, где сектанты перевоплощались в суккубов, инкубов и прочих сексуальных демонов средневековья.

Гюисманс, чью сторону в поединке с Гуайта держал Буллен, описал потом черные мессы и шабаши, в которых использовали глупеньких проституток, взятых прямо с панели. Отвратительные подробности дьявольских оргий приводятся и в книге А. Е. Масона «Заклоченный в опале».

20 апреля 1884 года папа Лев XIII обнародовал энциклику «Humani Genus» — «род человеческий», в которой обрушился на масонов, причисленных им к «царству дьявола». Непосредственным поводом для анафемы послужила принятая в том же году конституция «Великого Востока Франции». Ее первый параграф гласит: «Масонство есть учреждение филантропическое, философское и прогрессивное. Оно имеет задачей искание истины, исследование

нравственности, упражнение в солидарности... Принципы масонства — взаимная терпимость, уважение своего и чужого достоинства, абсолютная свобода совести. Масонство, полагая, что метафизические понятия есть личное дело каждого, отказывается от догматических утверждений. Его девиз — свобода, равенство, братство».

Энциклика, названная главой римско-католической церкви «инквизиционным декретом», объявляла масонские ложи «главной квартирой» почитателей сатаны и призывала всех добрых католиков под угрозой отлучения обратить сердца к «царству Бога».

Столь яростный взрыв мрачного фанатизма хоть и не разрушил «адские капища», зато подтолкнул на дерзкую проделку одного отчаянного авантюриста. В апреле 1885 года, к вящему удивлению как друзей, так и недругов, с заявлением о раскаянии в богопротивной деятельности выступил не кто иной, как Габриэль Антуан Жоган-Пажес (1854—1907), писавший под псевдонимом Лео Таксиль. За свои сочинения, в которых епископы и кардиналы подвергались почти нецензурной брани, он не раз попадал в тюрьму и вообще считался заклятым врагом клерикалов. Оштрафованный на крупную сумму за публикацию книги «Любовные приключения папы Пия Девятого», он сумел добиться отмены приговора, и буквально накануне сенсационного раскаяния она вышла вторым изданием. К негодованию святейшего престола, вместе с книгой были выпущены и афиши, на которых Пий IX предстал в венке из женских головок. Ради справедливости упомянем, что почти все приведенные Таксилем эпизоды были высосаны из пальца. Ради саморекламы он шел на все, в том числе и на откровенный скандал. И не ошибся — успех превзошел все ожидания.

Папский нунций ди Риенде, к которому Таксиль явился, чтобы смиренно просить о прощении, был вне себя от изумления, но скоро оправился и освободил «блудного сына» от церковного проклятия. С этого момента пламенный антиклерикал обратил свой разящий меч на масонов. Его и без того не знавшая удержу фантазия переклестнула все мыслимые пределы. Новый труд Таксиля, где разоблачались секреты тайных дьяволопоклонников-люциферитов, побил рекорды его антипапских изданий. Он был переведен на все европейские языки, хотя немецкий переводчик иезуит Грубер и сократил из-за крайней скабрёзности целую часть, посвященную «масонским сестрам».

Сам Лев XIII тепло принял раскаявшегося грешника, чьи леденящие кровь разоблачения уже стояли на видном месте в ватиканской библиотеке. Реакционеры и черносотенцы всех мастей немедленно взяли их на вооружение, обрушив под предлогом борьбы с «сатанинским заговором» репрессии на прогрессивные и свободомыслящие организации. Продолжая ковать еще горячее железо, Лео Таксиль вместе с напарником Карлом Хаксом, выступавшим под именем доктора Батайля, приступил к выпуску иллюстрированного бюллетеня с кричащим заглавием — «Дьявол в XIX веке».

Описывая свои вымышленные путешествия по экзотическим странам, Батайль рассказывал о том, что проник в подземные храмы, где масоны служили Люциферу, Бафомету и Вельзевулу, и живописал виденные там ужасы. В Сингапуре он участвовал в четвертовании китайского масона-отступника, чья отсеченная голова долго вращала глазами, в Индии видел, как плясали выскочившие из гроба скелеты, в пещерах Гибралтара раскрыл фабрику микробов, которых масоны готовились выпустить в мир. Вместе с самим Сатаной он даже летал на Сириус, а когда враг человеческий, надумав женить на себе масона, обратился в красотку, наслаждался ее игрой на фортепьяно. Превращение девицы в громахающего по клавишам крокодила тоже не смутило бывалого путешественника, видевшего чудеса и почище: дьявола о трех головах и превращающихся в змей и акул демонов.

Приведу первый попавшийся образчик этой «Баталиады» в изложении М. А. Орлова (История сношений человека с дьяволом, СПб, 1904):

«...На обнаженной стене появился огромный белый круг, который... должен был изображать собою католическую причастную облатку. Круг этот начал вращаться сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее и, наконец, разлетелся на тысячи кусков, но без малейшего шума. На месте круга появился силуэт черной курицы, которая со всех ног бежала куда-то, раскрыв клюв и как бы в ужасе подняв перья: за курицей гналась большая очковая змея, которая наконец настигла курицу и укусила ее. Курица тотчас повалилась на спину, одиннадцать раз свела и развела лапы и подохла. А змея после того медленно ее проглотила, причем видно было, как от массивного тела курицы вздувается тонкое тело змеи. После того змея, как бы постепенно потухая, пропала из глаз. На месте змеи и курицы появилась летучая мышь, которая пролетела в левый угол стены и исчезла. Дальше появился козел, который...»

Дождавшись пришествия в масонскую ложу сатаны, мы можем смело поставить точку.

Сказочные импровизации Таксиль-Хакса достигли кульминации с появлением прабабушки грядущего антихриста Софии Вальдер и inferнальной красавицы Дианы Воган, дочери дьявола Битру, невесты самого Асмодея, ставшей еще в десятилетнем возрасте масонским великим мастером. В ее разоблачительных «мемуарах» не только рассказывалось о полете на Марс и способах вызывания главарей агтельского сонмища, но даже воспроизводился слепок личной печати папашы Битру, копии с которой Лев XIII велел разослать всем монастырским экзорцистам. Со времен Лойолы не было у церквей более преданных и активных защитников, чем фирма Таксиль и К°.

Решив порвать с адом и приобщиться святых даров, к чему склонила ее сама Жанна д'Арк, прелестная Диана вызвала ликование всей римской курии. Кардинал Парокки передал ей личную благодарность и благословение его святейшества. Дамы-патронессы

бесчисленных благотворительных обществ со слезами на глазах возносили Господу благодарственные молитвы. Подумать только: бедняжка, родившаяся на свет Божий 29 февраля (?) 1873 года, который никак нельзя было посчитать високосным, спасена для вечного блаженства!

Можно представить себе, каково было нетерпение публики, собравшейся 19 апреля 1897 года в зале географического общества в Париже, чтобы своими глазами увидеть мужественную маленькую женщину, бросившую вызов самому Сатане! Однако вместо объявленной Дианы Воган на трибуне появился Таксиль, пуще денег обожавший острые ситуации. Первые же слова его речи потонули в воплях негодования, проклятиях и совершенно гомерическом хоте.

Произнес же он буквально следующее:

«Достопочтенные отцы, милостивые государыни и государи! Вы желали видеть Диану Воган? Взгляните на меня: я эта дама!»

Всеобщее недоумение. «С детства, — продолжал Таксиль, — я любил обманывать людей и шутить над ними шутки. Однажды я еще мальчиком напугал всех жителей Марселя, рассказывая, будто видел акул в гавани, в другой раз, юношей, я всполошил археологов, уверив, что нашел на дне Женевского озера целый подводный город из свайных построек. Но все это было ребячество по сравнению с тем, что я морочил все католическое духовенство в течение 12 лет!»

О гневе святейшего престола, не поддающемуся никакому описанию, можно судить по тексту формального отлучения, отнявшего у Лео Таксиля надежды на райские кущи:

«...Да будет проклят волос его и мозг его, мозжечок его, виски его, лоб его, уши его, брови его, глаза его, щеки его, нос его, кисти рук и руки его, пальцы его, грудь его, пах его с прилегающими частями, бедра его, колени его, ноги его, ногти его. Да будет он проклят во всех суставах членов его...»

Под скандальную брань и грохот петард «сатанинского скандала» шел на ущерб просвещенный XIX век. У него не оставалось времени, чтобы подвести хотя бы итоги действительным и мнимым дьяволиадам, которые беспрепятственно перекочевали в наше столетие.

Кроули, стоявший у колыбели современного дьяволопоклонства, не устал повторять: «Сатана — не враг человека. Он Жизнь, Любовь, Свет». Так мог говорить о Христе благонамеренный баптистский проповедник. Ныне совершенно легальные объединения сатанистов существуют во многих городах США и Англии, Франции и Италии, хотя не им принадлежит партия первой скрипки в разноголосом и пестром оркестре лож, группировок и сект самого разнообразного толка. Основные центры «Церкви бога Сатаны» — так звучит официальное название — расположены в Манчестере и Сан-Франциско. Примечательно, что в ритуальных отправлениях используются все атрибуты христианства, равно как и расхожие лозунги о милосердии и любви.

Так называемые «ортодоксальные дьяволисты», ищущие острых ощущений и особых «психологических наслаждений», продолжают придерживаться регламентации шестой степени ритуалов Кроули, подробно описанных в книге Джона Саймондса «Великий зверь». Кроули первым присоединил к священным символам разных эпох переосмысленные фашистами индо-арийские и римские эмблемы. Излюбленной «кроулианской иконой» стало изображение креста с распятым на нем отвратительным змеем.

Теория и практика сатанистов остались неизменными. И если вместо живых младенцев они пользуются куклами, то это не значит, что с ритуальными убийствами покончено. Кстати, заменяющие детей фигурки поставляет современный «черный патер» Сесил Вильямсон. По просьбе оккультного журнала он продемонстрировал все стадии своей работы: добычу воды и земли с кладбища, вдувание «духа» через трубочку для коктейля, «крещение» в купели, «намагничивание», сожжение и т. д.

Американцы — в общем здоровый народ и по-настоящему интеллигентные люди — брезгливо сторонятся сатанистов, справедливо причисляя их к подонкам общества: сексуальным маньякам, наркоманам, фашистам. Но недооценивать представляемую ими опасность было бы близорукостью.

Щеголяя нацистскими эмблемами «агрессии и силы», дьяволы, наряду с восхвалением своего кумира повсюду, где только могут, сеют плевелы классово-расовой ненависти. Как это было уже множество раз в далеком и близком прошлом, вокруг Ла Вей складывается уголовно-мистическая легенда. Его тщатся изобразить новоявленным пророком, «сверхчеловеком», воплощенным демоном. Когда в автомобильной аварии погибла вместе с любовником гордость сатанистской церкви эстрадная дива Джин Мэнсфилд, кто-то распустил слух, что дьявольский жрец предостерег ее об этом еще за неделю. Возможно, это и так, хотя репортеры, поспешившие раздуть столь куцую сенсацию, не исключали и личной причастности фюрера сатанистов, которых красotka Джин покинула ради Сэма Броди. Считающий себя, как и всякий фашист, суперменом, Ла Вей, безусловно, был уязвлен этой изменой. Авария дала ему прекрасный повод для рекламных дефиниций о вине и воздаянии.

В прошлом полицейский фотограф, а затем укротитель львов, он «обогастил» деятельность сатанистов своим знанием и жизни, и смерти. Не только с рядовыми сектантами, но и с членами «совета девяти», в котором первенствует, Ла Вей ведет себя, как на арене с хищниками, явно предпочитая магическому мечу плетку и бич. Храм, в котором, как в криминалистическом музее, расставлены витрины с высушенными мумиями и всякого рода костями, декорирован в черный и красный цвет. Примерно так были обставлены «адские трюки» в шапито тридцатых-сороковых годов.

Дочь Ла Вей Карла тоже пошла по стезе отца. Эффектные кладбищенские номера и фотогеничное личико быстро выдвинули ее в первые ряды «жриц ада» — всякая власть, основанная на

иерархических принципах, стремится стать наследственной, особенно преступная власть.

«Есть идеи, — писал в 1913 году П. Д. Успенский, — которые затрагивают все самые интимные уголки нашей души и, раз затронув, навсегда оставляют в них след. И при этом если идея была взята неправильно, то и след остается неправильный, сбивающий с прямого пути, отравляющий жизнь... Так именно действует неправильно воспринятая идея «сверхчеловека».

Ни сам Успенский, ни Гюрджиев, ни Рудольф Штейнер не были фашистами (последний даже из-за нападок фашиствующих хулиганов покинул Германию). Фридрих Ницше, провозгласивший устами своего Заратуштры, что «бог умер», и которого гитлеровцы записали в свои учителя, тоже был далек от расистских бредней. Но мир слишком дорогой ценой заплатил за попытку реализовать оккультное в конечном счете учение о «сверхчеловеке».

Идеи, как известно, живут независимо от их творцов. Об этом, кстати, прекрасно знал хотя бы тот же Штейнер, написавший в своей «Мистике» следующие слова: «Есть магические формулы, которые на протяжении столетий истории духа продолжают действовать неизменно, как новые».

В шеренге пророков «великого неведомого» и «вечного теперь» ни Гюрджиев, ни Штейнер не были первыми. Но и стать последними им не сулила судьба. «Магические формулы» и всякого рода бредовые идейки, изрядно пропахшие нафталином, время от времени вытряхивает на белый свет новоявленный духовидец или политический демагог.

ЗВЕРЬ АПОКАЛИПСИСА

— Но объясните мне, к какому миру принадлежат люди, предающиеся теперь культу дьявола?

Де Герми ответил:

— Из духовенства — это высшие миссионеры, приходские исповедники, прелаты и игумены. Средоточие современной магий находится в Риме, ей предаются высшие сановники церкви. Что касается мирян, то они вербуются из богатых классов. Нет ничего удивительного, что такие скандалы обычно заглушаются, если случайно их откроет полиция!

Жорис Гюисманс. «Там внизу»

Его прихода так нетерпеливо и вдохновенно ждали, что он взял и пришел. Встал во весь рост на фоне «Золотого Восхода» и заявил: «Это я!»

«И явилось на небе великое знамение — жена, облаченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд».

«Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое; число его шестьсот шестьдесят шесть».

Откровение Иоанна Богослова, откуда взяты эти строки, было написано в конце I века. А в конце века XIX родился английский мальчик, возомнивший себя этим зверем Апокалипсиса. Любители оккультной премудрости, уверенные, что имеют дело с «древней магией», с ритуалами египетских жрецов и халдейских звездочетов, жестоко ошибаются. Практически все волшебные рецепты и заклинания, переходящие из одной книги в другую, «воссозданы» этим самым мальчиком, чье имя Алистер Кроули (1875—1947). Претендуя на роль «жрецов», «посвященных», авторы всевозможных руководств и наставлений по части контактов с запредельным миром редко ссылаются на истинного творца. Поэтому его имя основательно подзабыто. А когда-то оно гремело, ибо «Великий маг XX века», как называли Кроули, прославил себя еще и многочисленными эксцессами на сексуальной почве.

Прежде чем поведать о его жизни, богатой скандалами иключениями, перенесемся в восьмидесятые годы прошлого века. Тогда, как и перед Французской революцией, мир переживал бурный всплеск мистических исканий и, что характерно и для последних десятилетий нашего века, ждал очередного «конца света». В пророках, вроде нынешней жрицы Дэви Христос Марии или Асахары с его «АУМ сенрикё», недостатка не было. До отравления заринном, правда, дело не доходило, хотя метро в Лондоне уже функционировало. Зато эфиром и кокаином баловались вовсю.

Новое поколение искателей мистического озарения уже не верило в тайны, открывающиеся лишь на самых верхних ступенях долгой — часто длиною в жизнь — масонской лестницы. Повсеместный расцвет науки и искусства, которым ознаменовались последние десятилетия прошлого века, заставил отбросить маски и четче

обозначить границы. Анахронизм вроде алхимической лаборатории и подвижнический, почти каторжный труд уже не пленяли воображение артистической богемы. Если путь к окончательному триумфу «магистериума» лежит через магию, то нужно немедленно овладеть приемами чародейства и очертя голову окунуться во тьму — в первозданную непостижимую жуть, свободную от условностей и стыдливых оговорок. И чем страшнее, чем непрогляднее покажется мрак, тем лучше. Значит, скоро долгожданный рассвет, несказанная золотая заря, всепроясняющее утро магов.

Новый орден с симптоматичным названием «Золотой восход» был основан в 1888 году в Лондоне Уинном Весткоттом (1848—1925). Магу девятой розенкрейцерской степени помогал эксцентричный ассистент Самуэль Лиддел Мак-Грегор Мазерс (1854—1918), ходивший в костюме шотландского горца с леопардовой шкурой через плечо, а также разочаровавшийся под старость в науке физик Роберт Вудмен (1828—1891).

В анналах ордена сохранилась протокольная запись о визите в Лондон в мае 1887 года Блаватской, так глубоко взволновавшей жаждавшую чуда общественность, что Весткотт решил выступить со своей оккультной программой. Остановка была лишь за какой-нибудь священной реликвией.

Не прошло и пяти месяцев, как хорошо известный в масонских кругах А. Вудворт, также состоявший в обществе розенкрейцеров, передал ему шесть листов рукописи, написанной колдовским алфавитом на старой бумаге с водяными знаками 1809 года. Поднаторевший в магии Весткотт с помощью книги известного нам аббата Иоанна Тритемиуса «Полиграфия» нашел необходимый ключ и расшифровал ниспосланный свыше манускрипт. В нем было все, что требовалось: масонский ритуал, оккультные откровения в духе новейшего европейского мистицизма, алхимия, кабала, астрология.

Фрагменты будущего братства были, таким образом, налицо. В связи с тем, что в Англии нельзя основать новую масонскую организацию без благосклонного согласия «Объединенной Великой ложи», решено было избрать форму ордена. К розенкрейцерской иерархии были добавлены две ступени, что позволило Весткотту создать трехчленную орденскую структуру, как бы копирующую окружности магического круга, с 11 (тамплиерское число) степенями главенства.

Титул мага основатель предназначал для себя самого, а ипписимуса — «верховного хозяина» — для мифического покровителя, на манер гималайского махатмы Блаватской.

В первые годы своего существования «Золотой восход» был скорее детским садом для начинающих оккультистов, чем новой герметической школой. Лишь соединив «древо жизни» кабалы с алхимическим и астрологическим символизмом тарота, Весткотт, Мазерс и Вудмен добились того, чтобы орденский ритуал стал достаточно впечатляющим для рвущихся к «верхним тайнствам» нефитов.

Конкуренция на ярмарке любителей чудес во все времена была довольно жесткой. Чтобы во всеуслышание заявить о своем существовании, новому ордену следовало избавиться от масонских вериг, за которые столь упорно цеплялся маг Весткотт, и обзавестись собственной «Библией». Шесть листиков, заполненных колдовскими значками, для этого никак не годились.

В конце 1891 года на первый план вышел Мазерс, добавивший к своему экзотическому туалету скуфейку с наушниками. Вместе с 30 другими братьями и полусотней новых учеников он арендовал помещение, нареченное «Храмом Исиды-Урании». Решительной ломке подвергся и статут второго ордена. Так возник *Ordo Rosae Rubrae et Aurgae Crucis*, или «Орден рубиновой розы и золотого креста», сокращенно R. R et A. C. Мазерс, великий магистр его, готов был в кратчайший срок посвятить неопитов в дела наивысшей секретности. Поэтическое название, вновь входивший в моду восточный колорит (Исида!) и обещание скорых чудес обеспечили новому начинанию необходимую рекламу. Мазерс не отягощал себя благоговейной приверженностью к старым и новым традициям и смело возвел реформированный им ритуал к самому Христиану Розенкрейцу.

Хартию «Храма Исиды-Урании № 3» украсили по углам четыре каблистические печати и расположенные по странам света символы евангелистов. «Во имя творца Вселенной», — начиналась она на масонский образец. Но это было прощанием с обрядностью «вольных каменщиков». Мазерс упорно искал собственное «утраченное слово». Еще не завоевав себе места под солнцем, он вместе с дочерью богача Анни Харнимен открыл в 1894 году уже храм за номером семь — «Ахатоор». Повторялись натужные искания прошлого века! В поисках новых идей великий магистр рассуждал о таких «животрепещущих» проблемах, как некромантия, лунатизм, или тешил себя якобитскими фантазиями, мечтая о реставрации династии Стюартов.

И, наконец, долгожданная «находка». В 1898 году в библиотеке парижского арсенала обнаруживается отпечатанный в 1458 году гримуар, названный «Книгой священной магии мага Абра-Мелина». Вот она, вожденная «библия»! Заручившись щедрой финансовой помощью Харнимена, Мазерс вместе с дочерью философа Бергсона, ставшей его женой, поспешил в Париж, где перед ним распахнулась неисчерпаемая сокровищница «египетских», совсем в духе Калиостро, магических ритуалов.

В ноябре того же, 1898 года, пути магистра пересеклись со звериной тропой Алистера Кроули, еще никому неведомого тогда «Зверя Апокалипсиса».

Не прошло и нескольких месяцев, как Мазерс, разгадав родственную мятущуюся душу, посвятил неопита сразу во второй орден.

Кроули появился на свет в Ворвикшире в год основания «Тео-софского общества» Блаватской. Его отец был одним из лидеров Плимутского братства. В семье царила гнетущая атмосфера ханже-

ства и сектантского фанатизма, пронизанного верой в грядущего антихриста и скорый конец света.

Когда незадолго до смерти Кроули спросили, почему он именует себя «Зверем Апокалипсиса», он ответил, что так назвала его мать. Подобно знаменитым предшественникам, будущий «маг XX века» скоро покинул родимый очаг, избрав бродячую, полную самых неожиданных приключений жизнь. Не удивительно поэтому, что и его властно поманил призрачным покрывалом Исиды Восток. Однако смешно было бы в XX веке искать нездешнего откровения в Аравии или Египте. Времена Сен-Жермена и Калиостро безвозвратно прошли. Поэтому, не без влияния Блаватской, Кроули избрал Гималаи — обитель мифических махатм. Ему нельзя отказать в упорстве и мужестве. В 1902 году он совершил восхождение на Чогори, в 1905-м — на Канченджангу. Покоренный красотой и величием заледенелых вершин, Кроули попробовал себя, и не без успеха, на поэтическом поприще. Его сборники: «Аха» (1909), «Город бога» (1913), «Прах счастья» были высоко оценены в эстетских кругах.

Вступив в Лондоне в герметический орден Мазерса, он вскоре добился равного с ним посвящения, но, так и не узнав обещанных секретов, решил установить личный контакт с «тайными руководителями». Судя по всему, в гималайских снегах он их так и не обнаружил. Поступив в Кембридж, Кроули с головой окунулся в мистическую литературу. В библиотеке Тринити-колледжа он познакомился с Эккартсгаузенем, Беме, Сведенборгом, но вскоре охладел к кабинетной учености и вновь отправился в Азию. Чередуя скандальные любовные приключения с поисками откровения, он надумал окончательно порвать с Мазерсом и основать собственное «дело». Озаренный вечным сиянием надоблачных вершин, поэт решил взять роль провозвестника на себя. Теперь он сам станет рассказывать потрясенным неопитам о невидимых учителях человечества и населяющих иные миры ангельских раях.

Символом нового ордена *Argentum Astrum* была выбрана серебряная звезда. Познакомившись с практикой йоги и буддистскими тантрическими обрядами, Кроули «обогатил» западную магию эротическими демонстрациями, а побывав в Китае, позаимствовал и древние даосские суеверия, смыкающиеся с алхимическими поисками бессмертия и вечной молодости.

В 1903 году он обвенчался в Шотландии с Розой Келли. Медовый месяц молодые провели в Каире. Но этому браку не суждена была долгая жизнь. «Алой женщиной», оседлавшей отмеченного клеймом 666 «Зверя», стала Лия Хирсиг. В ее лице жрец одновременно обрел и жрицу, и шакти, столь необходимую ему для «выхода в астрал». Под конец жизни у него появится множество подобных «жриц» и ассистенток для рискованных демонстраций, предвосхитивших разнужданную стихию «сексуальной революции». Одна из таких партнерш — сестра Кибела (австралийка Лейла Чэддел), — позирующая с колдовским пентаклем на голой груди, станет законодательницей мод нынешнего поколения звезд колдовского стриптиза.

С удивительной легкостью, которой мог лишь позавидовать Маггерс, Кроули смешал отголоски древних служений дьяволу, шайтану и халдейским демонам с орфическими мистериями. Добавив в это сатанинское варево «телем» Гермеса Трисмегиста и абстрактные принципы даосизма, он приготовил коктейль, способный одурманить любого оккультного олуха. Причем в самом прямом смысле, потому что именно Кроули возродил древнюю практику использования наркотиков в колдовских действиях. В своих сочинениях «Теория и практика магии» и «Книга Зокана» он взахлеб расхваливает гашиш, опиум, настой мухоморов, кактус пейотль и грибы ацтеков. Описку рильня и бордель — вот храм, куда охотнее всего являются демоны и древние боги. Позируя для афиш и сомнительного толка журналов, Кроули предстает то в плаще крестоносца, то в чалме дервиша, то в венце египетского (в стиле голливудских фильмов) жреца, то в сутане католического патера. Но ему мало быть жрецом всех храмов и капищ. Осваивая опыт адептов астрала, он, вслед за Келли и Ди, распространяется насчет прошедших жизней и грядущего перерождения в иных мирах (книга «Видение и голос»); создает в разных частях света магические секты и ордена. Поселившись после первой мировой войны в Сицилии, он основывает «Телемское аббатство», не подозревая, наверное, что это уже сделал однажды ловкий пройдоха Панург — наперсник и друг незабвенного Пантагрюэля. Конечно же, Кроули не до Рабле. Египетские боги являются ему в облике обольстительных женщин. Это его тотемы, точнее, тантрийские каналы, из которых он черпает космическую энергию. Накурившись до одури гашишем, Кроули мнит себя Осирисом, Исидой и их сыном Гором в одном лице. Он апокалипсический «Зверь» и пророк новых эонов, величайший жрец язычества, телемства и христианства. «Делаю, что делаю, и ничего больше», — говорит он, став в позу Лютера. «Ритуалы старого времени темны, — заявляет в другой раз. — Очистим и хорошенько просветлим их».

Отдадим «Зверю» должное. Основы современного оккультизма, его системная иерархия и колдовская практика заложены и развиты именно им. В романе «Дитя луны» он описал таинство алхимических трансмутаций личности. Демоническое перерождение человека — кредо Кроули. В его магическом шоу сквозь все эпохи проходят образы коронованного сатаной ребенка и «Алой женщины», скачущей верхом на «Звере». Встретив восторженно путч чернорубашечников, Кроули, тем не менее, из-за трений с новым режимом оставил в 1923 году Италию. В мечтах о «магической колонии», где покорным обожателям можно являть себя разноликим демоном, он вновь объездил множество стран, но в конце концов вернулся на родину.

Во время войны Кроули написал «Книгу Тота», посвященную символизму тарота. Умер он в Гастингсе в 1947 году. В музее волшебства на острове Мэн выставлен сертификат, выданный Кроули «Тайным орденом Мальты», с божьим оком в треугольнике, пентаграммой и гексаграммой, то есть полным набором колдовских знаков, которые так отвечали его назойливому стремлению быть сразу всем.

В 1922 году он возвел себя в наивысший ранг великого магистра «Ordo Templi Orientis» (OTO) — «Ордена восточного храма», тесно связанного с германскими оккультными группами.

Среди лиц, принимавших активное участие в деятельности ордена «Золотой восход», особое место занимает Вайолет Мэри (1891—1946), чей претенциозный псевдоним Дион Фортуне (Dio по по Fortuna), или «Бог не Судьба», привлек внимание самого Мазерса. Обнаружив в себе необычные способности, она посетила Индию, где окончательно уверилась в своем оккультном предназначении. Шотландский мистик Дж. Бродие, писавший брошюры по магии, обучив Дион Фортуне кое-каким трюкам, убедил ее заняться литературной работой. Потратив несколько лет, она кое-как состряпала бульварный роман «Демон Любовник» и закусив удила ударилась в воспевание всяческих ужасов: некрофилии, астрального вампиризма и полуподпольной в те времена порнографии. Ее кошмарные рассказы о колдовстве и всяческой патологии позднее составили сборник «Тайна доктора Таверира». Художница Вивиан Ле Фай Морган, считавшая себя колдуньей — «служительницей моря», написала свой автопортрет вместе с дамой, в которой можно узнать Дион Фортуне. Прямо на зрителя с полотна взирает полноватая, безвкусно одетая мещанка с чуть косящими, подернутыми поволокой глазами. Кроули не раз привлекал ее к участию в «мистериях Исиды и Диониса», как он именовал свои сексомагические оргии. Дион Фортуне уверяла потом, что получала в это время сообщения с других планет, о чем и написала в книге «Космическая доктрина», рабски копирующей «Тайную доктрину» Блаватской.

Но вернемся к начальным годам «Золотого восхода». Слухи о розенкрейцерских рукописях, расшифрованных Весткоттом, как выяснилось с помощью никому не ведомой, если не вовсе мифической Анны Спренгель из Нюрнберга, сильно взволновали экзальтированную парижскую богему.

Молодые художники и поэты, коротавшие время за рюмкой абсента в монпарнасских кафе, проявили к розенкрейцерскому наследству ревнивый и даже болезненный интерес. Кабалистическая символика удивительно отвечала чаяниям нарождающегося декаданса. Первыми это поняли поэт маркиз Станислас де Гуайта (1860—1898) и Жозефин Пеладан (1858—1918), самоуверенный господин без определенных занятий, еще в 1885 году самовольно объявивший себя «мастером Розы и Креста».

В 1888 году, то есть в момент закладки первого храма «Золотого восхода», они с Гуайта громогласно оповестили об открытии нового «кабалистического ордена розенкрейцеров», содержащего всего три степени: биологии, теории и практики. Был создан совет из 12 членов, состоящий наполовину из анонимных, как это водится, лиц. В разработке орденового статута деятельное участие приняли Жерар Энкос (1865—1916), знакомый нам по его псевдониму Папюс, романист Поль Адан и два старых оккультиста, известных как Барле (Альфред Фуше) и Альта (Шарль Мелин).

«Я верю в идеал, традиции и иерархию», — напыщенно провозгласил на учредительном банкете Пеладан.

В отличие от английских собратьев, сразу же взявших четко выраженное оккультное направление, французские розенкрейцеры-кабалисты образовали сначала нечто вроде литературного общества, сыгравшего важную роль в становлении европейского символизма. «Роза и Крест» Блока явилась как бы дальним отголоском тех первоначальных исканий. В том, что на деятельности ордена остался неизгладимый отпечаток фарса, во многом виновен лично Пеладан с его манией величия и совершенно маниакальным пристрастием к пышным титулам и одеяниям. Блок опосредованно уловил и эту сторону раннего символизма, оставившую по себе долгую память. Я имею в виду «Балаганчик» с его печальным мистиком Пьеро. Разумеется, гениальный поэт отразил в своей небольшой пьесе совсем иное общественное явление, но как определенное понятие слово «балаганчик» поразительно точно подходит к розенкрейцерству Гуйта-Пеладана. Очень скоро Пеладан, пресытившись молотком самозванного мастера, стал называть себя — ни больше ни меньше — «царем», причем «царем ассирийским». Эту распространенную манеру околосимволистского декаданса заметил, кстати, точный и беспощадный в оценках Иван Бунин.

Обрисованный им психологический тип одного третьеразрядного поэта исключительно интересен для нашей темы:

«В детстве был помешан на играх в индейцев, был необыкновенно жив, страстен. Юношей страшно изменился: стал какой-то мертвый, худой. Злоупотреблял наркотиками — курил опиум, жевал гашиш, прыскался каким-то острым индийским бальзамом. Основал «кружок декадентов», издал книгу своих стихов: «Из книги Невидимой, или Натура Натуранс» — с совершенно нечеловеческими строками какого-то четвертого измерения».

Какая верная, какая убийственная аналогия! Метя в одно явление, Бунин пронзил стрелой и другое, сходное с ним, того же психологического, вернее, мировоззренческого порядка. Но вот перед нами другая характеристика и тоже бьющая в яблочко на обоих мишенях:

«Справедливость требует упомянуть еще Емельянова-Кохановского. Это он первый поразил Москву: выпустил в один прекрасный день книгу своих стихов, посвященных самому себе и Клеопатре (так на ней и было напечатано: «Посвящается Мне и египетской царице Клеопатре»), а затем самолично появился на Тверском бульваре: в подштанниках, в бурке и папахе, в черных очках и с длинными собачьими когтями, привязанными к пальцам правой руки. Конечно, его сейчас же убрали с бульвара, увели в полицию, но все равно: дело было сделано».

Да, дело было сделано. Как скажет впоследствии Игорь Северянин: «Я прогремел на всю Россию, как оскандаленный герой».

У меня есть упомянутая Буниным книжка, отпечатанная на розовой бумаге в 1895 году в типографии И. П. Малышева. Она

называется «Обнаженные нервы». Я раскрыл ее на стихотворении «Монолог маньяка. Бред второй», где сказано буквально следующее:

Я сделать все могу! Как истая змея,
Я заражать могу отравленной слюною,
В служенье сатане — вся жизнь и цель моя!
Болезнь красавица! Болезнь тоска с грозюю!..
И тело у меня все язвами покрыто...
Я с упоением люблю их и лелею,
Коплю в них ясный сок для радостного сбыта
Любовницам своим за страстную затею!

Если убрать рифмы и поломать ритмику двумя-тремя специфическими оборотами, то полученный текст станет совершенно неотличим от словесного бреда, который обрушивали на читателя оккультные журнальчики вроде «Ребуса» или «Оттуда». Взяв сразу же после сборника Кохановского книгу Д. Г. Булгаковского «Из загробного мира» (М., 1914) и также раскрыв ее наугад, я наткнулся на следующие строки:

«Некоторые умершие, при свидании с живыми, бывают весьма общительны. Они выражают свой привет рукопожатием, поклонами, поцелуями, принимают живых в свои объятия... Благодаря такой общительности некоторые живые настолько осваиваются с умершими, что иногда забывают, с кем они имеют дело. Так, один парикмахер до того забылся, что он видит перед собою умершего брата, что, закурив трубку, предложил ему покурить, но тот, конечно, отказался. «У нас, — сказал он, — не курят».

Близость психологических типов проявлялась и в паразитическом сходстве рекламных приемов, бьющих на дешевый «мистический» эффект. И это тоже не укрылось от пронизательного взора Бунина. В связи с тем, однако, что мы анализируем здесь не литературный процесс, но общественное явление, я позволю себе привести соответствующую цитату без упомянутого в ней имени:

«А потом — названия поляковских изданий: «Скорпион», «Весы» или, например, название первого альманаха, выпущенного «Скорпионом»: «Северные цветы, альманах первый, ассирийский». Все недоумевали: почему «Скорпион»? И что за «Скорпион» — гад или созвездие? И отчего эти «Северные цветы» вдруг оказались ассирийскими? Однако это недоумение вскоре сменилось у многих почтением, восхищением. Так что, когда вскоре после того (...) даже и самого себя объявил ассирийским магом, все уже свято верили, что он маг. Это ведь не шутка — ярлык. «Чем себя наречешь, тем и прослынешь».

У нас есть все основания адресовать это «ассирийскому царю» Пеладану, чей образ, надеюсь, обрисовался достаточно полно. Потом «царь» придумал и имя — Меродак, обозначив его в розенкрейцерских прокламациях. Этого ему, видимо, показалось недостаточно, и он присвоил титул «кардинала и архиепископа парижского». Насмешки и уговоры вести себя чуточку поскромнее на него не действовали. Несмотря на нарекания Гуайта и его аристократических друзей, он продолжал гнуть свою линию.

Его последний титул «Царь Меродак Пеладан, римско-католический легат», как бы объединивший оба предыдущих, проложил путь к созданию нового розенкрейцерского ордена — католического. Рыцари, привлеченные в братство Гуайта, получили степени из рук Пеладана. Элемир Бурже подражал дендизму «царя», пишущий эзотерические романы граф Леон де Ларма выдал за него свою племянницу, а наделенный не только громким именем, но и талантом живописца граф Антуан де Ларошфуко писал с него портреты.

Одолеваемый жаждой славы, Пеладан открыл «Салон Розы и Креста», где экспонировались английские прерафаэлиты¹ и молодые парижские эстеты, стоящие на крайних позициях католической реакции. На первой выставке были представлены полотна известных мастеров — Густава Моро, Пюви де Шаванна, Фелисьена Ропса, Кнопфа, Руа. Но подлинному искусству тесно в рамках обскурантизма, и последующие выставки уже не могли похвастаться картинами знаменитостей. Постепенно Пеладан остался один на один с собственной манией величия. Напрасно «ассирийский владыка, маг и римско-католический прелат» продолжает вещать о божественной функции искусства: «Красота ведет художника к Богу». Сказано, конечно, неплохо. Беда лишь в том, что нельзя объявить себя ни живописцем, ни музыкантом, хотя всюду только и разговоров, что о новом кумире Рихарде Вагнере и молодом Эрике Сати, торжественно провозглашенном официальным композитором ордена. Эзотерический роман тоже не получается у Пеладана, а философские опусы не приносят желаемого эффекта. Король предстает перед гогочущей толпой, как и положено, голым. И поделом: мистический балаганчик и художественная школа — совершенно разные вещи.

Гуайта и его группа демонстративно покинули орден, заклеив напоследок «царя-кардинала» отступником и, что, видимо, ближе к истине, шизофреником.

Вообще история католических розенкрейцеров была сопряжена с непрерывной цепью скандальных происшествий, в которых оказались замешаны романист Жорис Гюисманс (1848—1907) и аббат Булен, сочетавший служение Господу с занятием черной магией. За убийство ребенка его даже решили было расстричь, но паломничество в Рим позволило «лучшему знатоку Апокалипсиса» сохранить духовный сан. Папа и впрямь отпустил смертный грех черной мессы. Аббат, этот достойный потомок Гибура, и Гюисманс, собиравший материал для очередного романа, разошлись в толковании розенкрейцерских ритуалов с версией Гуайта-Пеладана, что привело к стычке. Сначала в лучших традициях оккультизма поэт-маркиз приговорил аббата к смерти «через флюид», но, очевидно, из-за технических трудностей колдовство почему-то не сработало. А впрочем, как на это посмотреть. Жребий, предназначавшийся одному, мог вполне достаться другому.

¹ Группа английских художников и писателей XIX века, ориентировавшихся на искусство средних веков и Раннего Возрождения (до Рафаэля).

Гюисманс, автор романа «Наоборот», герой которого аристократ Дез Эссент сделался идеалом декадентской богемы, как раз в это время пережил легкий сердечный приступ. Увлеченный идеей нового романа, «Там, внизу», посвященного колдунам и сатанистам, он сразу же решил, что Гуайта сделал его жертвой энвольтования. Оставив Лион, где ему так интересно работалось, он помчался в Париж, чтобы публично заклеить Гуайта «магическим убийцей». Это дикое, совершенно смехотворное в канун XX века обвинение пылко поддержал журналист Жюль Буи, заподозрив в «гнусном энвольтовании» не только маркиза, но и его приятеля Папюса.

Дело кончилось формальным вызовом. Дуэль, к счастью, завершилась бескровно, что дало Буи лишний повод обвинить противную сторону в колдовских кознях: то пуля недостаточно крепко сидела в стволе, то лошади останавливались посреди дороги, путая упряжь, — словом, сплошные чары.

Истерия заразительна. Попавшие в ее приливную волну теряют и выдержку, и остатки здравого смысла. Магия всегда летит на истерическом гребне, захлестывая, ослепляя, накрывая с головой. Редко кому удавалось невредимым выскочить из ее круговерти.

Де Гуайта, молодой и безрассудный, покончил с собой, написав несколько пухлых, никому не нужных томов о волшебном искусстве. В поисках «инога берега» он злоупотреблял гашишем, морфием, кокаином. Зловещая участь. Морфием, кстати, отравился и друг Гюисманса Эдвард Дюбю. «Дивный опиум духа, дарящий нам крылья», — как выразился Шарль Бодлер.

«Стиль розенкрейцества» заметно повлиял на артистическую элиту Германии и Австро-Венгрии. Активным членом пражской логи «Голубая звезда» был и неоднократно цитируемый нами Густав Мейринк. В расцвете таланта он оставил творчество и принял буддизм, но, не найдя успокоения даже в лоне самой созерцательной из религий, покончил с собой.

К розенкрейцерам примыкал и венский теософ Франц Гартман, переведший кабалистический манускрипт «Тайные фигуры».

Заканчивая историю розенкрейцества, выродившегося в колдовской фарс, добавлю несколько слов о судьбе братства за океаном.

«Древний и мистический орден Розового Креста», который основал известный нам Льюис, существует по сей день, распространив свою деятельность на ряд штатов, и прежде всего на Флориду.

Главный казначей Леон Бачелор попробовал было восстать против диктатуры «Верховного совета», куда, кроме самого Льюиса, входили его жена, сын, провозгласивший себя впоследствии «императором», и дети от первого брака. Льюису на первых порах пришлось туго, тем более что его впутали в диспут с братом Реубином Клаймером на тему истинности понятия «розенкрейцер».

Этот Клаймер был не кто иной, как Паскаль Биверли Рэндолф, популярный писатель, много потрудившийся над распространением розенкрейцества в США и лично знакомый с мировыми светилами оккультизма. Правда, и у него были свои трудности. Его самого,

например, обвиняли в примеси негритянской крови, а проповедуемое им учение, воплощавшее сексуальные новации Кроули, — в примитивизме. Однако Льюиса он положил на обе лопатки.

В 1933 году Спенсер Льюис попытался взять реванш на очередном диспуте. Непримириемые догматические расхождения привели к расколу, и Клаймер, чье красноречие опять взяло верх, торжественно оповестил о регистрации «истинного» ордена в штате Пенсильвания. Одержав победу, он поехал в Европу поклониться священным гробам с прахом великих предшественников, спящих в неведомых склепах. В парижском отеле «Георг Пятый» состоялась его торжественная инаугурация в «Универсальную федерацию орденов, обществ и братств», куда он был посвящен вместе с Шевильоном, наследником кабалистов Гуайта. Перед Клаймером, которого, казалось, благословили тени французских оккультистов Папюса и Элиафаса Леви, открывалась сверкающая дорога магической власти. Но началась война, и контакты со Старым Светом прервались, а в 1944 году гестаповцы расстреляли злосчастного Шевильона.

В настоящий момент у розенкрейцеров столько же гроссмейстеров, сколько храмов и лож.

НЕЗНАКОМЫЙ КОНАН ДОЙЛ

На Берклей-сквере Томлинсон скончался в два часа
Явился Призрак и схватил его за волоса,
Схватил его за волоса, чтоб далеко нести,
И он услышал шум воды, шум Млечного пути.
Шум Млечного пути затих, рассеялся в ночи,
Они стояли у Ворот, где Петр хранит ключи
«Восстань, восстань же, Томлинсон, и говори скорей,
Какие добрые дела ты сделал для людей,
Творил ли добрые дела для ближних ты иль нет?»
И стала голая душа белее, чем скелет.

Редьярд Киплинг

«Около десяти часов я лег в постель; спустя полчаса я услышал под головою стук и подумал, что искуситель теперь исчезнет. Вслед за тем я испытал при продолжающемся шуме сильное потрясение с головы до ног. Мне показалось, будто надо мной находится нечто священное; потом я заснул. Примерно между 12 и 2 часами по мне снова пробежала дрожь,.. причем слышался такой шум, как если бы столкнулось много ветров. Это привело меня в сильное сотрясение и повергло ниц. В то мгновение, когда я был сброшен, я был в полном сознании и видел, что сброшен, и дивился, что бы это означало. И я начал говорить, как если бы я был бодрствующим, но оказалось, что слова были вложены в мои уста, и я сказала «О всемогущий Иисус Христос, то, что ты по твоей великой милости соизволяешь прийти к столь великому грешнику, делает меня достойным твоей милости».

Так описал Эмануэль Сведенборг видение в ночь с 6 на 7 апреля 1744 года. Это был поворотный момент в жизни знаменитого естествоиспытателя. В 1745 году он неожиданно для всех пишет заявление об отставке от всех должностей, бросает науку и целиком отдается во власть духовидения.

Сведенборг не переставал сноситься с духами до самой смерти. Он говорил не только с людьми, которых когда-то знал, вернее с их тенями, но и с давным-давно отошедшим в вечность Вергилием, с Меланхтоном и Лютером.

Однажды его навестил профессор Портан, человек скептического склада, не склонный доверяться досужим вымыслам. Его свидетельству можно верить. Услышав разговор за дверью кабинета, он решил не мешать и дожидаться, пока посетитель уйдет. Невольно прислушавшись, Портан обнаружил, что говорит, собственно, только хозяин, а его неведомый собеседник отвечает упорным молчанием. Затем дверь отворилась, и Сведенборг, продолжая оживленно беседовать, вежливо раскланялся с воображаемым гостем. После этого он с улыбкой обратился к Портану, объяснив, что Вергилий почтил его неожиданным визитом.

Рассказ не нуждается в комментариях. Случай клинический. Однако все было бы ясно и просто, если бы не примеры поразительного ясновидения, о которых сообщает Иммануил Кант.

Первого сентября Сведенборг возвратился в Швецию из Англии, сойдя в четыре часа пополудни на берег в Готенбурге. Один из друзей сразу же повез его к себе домой. Около шести часов ученый внезапно поднялся из-за стола, убежал в отведенную ему комнату, но вскоре вернулся, испуганный и бледный.

— В Стокгольме бушует страшный пожар! — заявил он, схватившись за грудь, словно ему не хватало воздуха, и выскочил в сад.

Зная о присущих Сведенборгу странностях, хозяева особенно не волновались, хотя и были несколько смущены. Прошло два часа, прежде чем он пришел в себя и уже спокойным голосом сообщил, что пожар удалось остановить за три дома до его маленького особняка.

Слух об этом немедленно распространился по городу и дошел до губернатора, который приказал расспросить Сведенборга и подробно все записать. Только на другой день, ближе к вечеру, прибыла эстафета, а на следующее утро — королевский курьер. Привезенные сообщения полностью совпали с рассказом Сведенборга.

Кант записал это происшествие, спустя шесть лет. Это всего лишь один эпизод из множества подобных, но документально подтвержденный официальными лицами.

Психические феномены проходят через всю историю человечества. Зафиксировано множество фактов, когда внезапное душевное потрясение приводит к проявлению паранормальных явлений. У знаменитой Ванги они возникли после того, как еще в детстве она была подхвачена смерчем и, упав на землю, потеряла зрение.

Предоставим ученым анализ и толкование проявлений такого рода. Нам достаточно знать, что они, будь то действительные факты, случайные совпадения или причуды иллюзий, так или иначе существуют. Поэтому обратимся к строгим фактам, чьи непредвидимые последствия вполне могут соперничать с самыми удивительными чудесами.

Спиритизм в его современном облике возник в 1847 году, благодаря прделкам двух сестричек — восьмилетней Маргарет и шестилетней Кейт, которые вместе с родителями, мистером и миссис Джон Фокс, жили на уединенной ферме в Хайдсвилле, вблизи Рочестера, в штате Нью-Йорк.

Каждый вечер, когда девочек укладывали спать и в доме все затихало, начинали происходить непонятные вещи. Кто-то настойчиво постукивал в стену спальни, словно бы пытался привлечь внимание, передать весть.

В самый разгар событий, взволновавших всех обитателей фермы, приехала Лия Фиш, старшая сестра. С места в карьер молодая замужняя дама зазвала гостей из Рочестера и продемонстрировала им малолетних сестричек, которых с таким упорством домогался некто потугсторонний. Так было основано первое Спиритическое общество. Сообщение о сестрах Фокс появилось в газетах, и вскоре про них узнала вся Америка.

О состоянии умов мы можем судить хотя бы по Тому Сойеру и Гекльберри Финну Марка Твена.

Американка до мозга костей, Лия Фиш начала устраивать платные концерты, на которых сестрички выступили уже в роли медиумов — посредников между аудиторией и миром духов. Дорогие умершие давали ответы на вопросы зрителей опять же с помощью стуков.

Слова «дорогие умершие» как бы сами собой сорвались с пера. Я, было, призадумался, с чем это связано — вдруг голос подсознания или, пуще того, трансцендентная эманация, — но скоро нашел разгадку, обнаружив на полке давно забытую книгу: «Как живут наши умершие», изданную в 1903 году в Казани.

Шествие спиритизма было шумным и достаточно продолжительным. Судя по «чебурашкам», что обосновались в московских квартирах, оно еще далеко не окончено.

Рочестерские концерты вскоре выросли в солидное предприятие. Девочек сначала отправили в Нью-Йорк, потом в гастроли по стране и, наконец, за океан, в старушку Европу, которой не хватало только американских чудес.

Дальнейшее общеизвестно. Поэтому предоставим слово самим виновницам вселенского переполоха. Вот что, спустя сорок лет, рассказала Маргарет Фокс в заявлении для печати, которое появилось 21 октября 1888 года на страницах «Нью-Йорк уорлд»:

«Мы с сестрой Кейт были еще совсем маленькими, когда начался этот ужасный обман. Мне было всего восемь лет, сестре на полтора года меньше. Мы были большие шалуни, и нам просто хотелось попугать нашу матушку, добрую женщину, которая всего боялась.

Вечером, ложась спать, мы привязывали на веревочку яблоко и потом дергали за нее так, что яблоко стучало по полу. Или бросали яблоко на пол, и оно, подпрыгивая, производило странные звуки. Матушка все это слышала. Она не могла понять, что это за звуки, и не догадывалась, что это наши проделки, считая нас для этого еще слишком маленькими.

Наконец, она не выдержала, позвала соседей и рассказала им про непонятные звуки. Тогда мы постарались придумать более эффективный способ постукивания. Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется, что это было удивительнейшее открытие. Просто поразительно, что дети могли до него додуматься, и все ради пустой шалости.

Когда я родилась, нашей сестре было 23 года. В то время она жила в Рочестере, но часто приезжала в Хайдсвилл, где мы родились и жили.

Как я уже говорила, послушать стуки были приглашены все соседи. В дом приходило столько народу, что мы могли орудовать яблоком, только когда ложились в постель, а свет в комнате тушили.

Тогда-то все и началось. Сначала мы просто шалили, чтобы попугать матушку, но когда в дом стало собираться столько народу, чтобы посмотреть на нас, детей, мы сами испугались и из чувства самосохранения вынуждены были продолжать обман. Никто нас ни в чем не подозревал, потому что мы были совсем маленькими. Сестра поощряла нас обдуманно, матушка — непреднамеренно. Мы часто слышали, как она спрашивала: «Мои девочки одержимы бестелесным духом, да?».

Наша старшая сестра, миссис Андерхилл (миссис Фиш впоследствии вышла замуж вторично), увезла меня и Кейт в Рочестер. Там мы придумали новый способ производить постукивания. Моя сестра Кейт первая заметила, что, взмахнув пальцами, она может трещать костяшками и суставами и что тот же самый эффект достигается с помощью пальцев ног. Обнаружив, что мы можем трещать ступнями — сначала одной ноги, а потом сразу обеих, — мы стали практиковаться, пока не смогли проделывать это с легкостью, — конечно, если в комнате было совершенно темно.

В Рочестере миссис Андерхилл устраивала публичные выступления. Толпы людей приходили взглянуть на нас, и за каждый вечер она получала от 100 до 150 долларов (Эдгару По за гениальную поэму «Ворон» заплатили всего 5! — *Е. П.*). Все деньги она клала себе в карман. На все вопросы мы отвечали постукиванием. Во время сеанса миссис Андерхилл знаками подсказывала нам, когда стучать «да», а когда «нет».

Кейт и я были послушны, как ягнята. На наши выступления стекались огромные толпы».

Вся технология спиритического контакта уложилась в этот бесхитростный рассказ.

За сорок лет беспрецедентной карьеры сестры Фокс создали небывалый международный культ, по существу мировую псевдорелигию.

Не вдаваясь в детали, в общем-то мало интересные, отметим лишь два, непосредственно затрагивающие нашу тему момента.

В Англии Маргарет Фокс мистифицировала королеву Викторию (1819—1901), оставшуюся, невзирая на разоблачения, до конца дней поклонницей спиритизма.

В России она давала в присутствии царской семьи сеанс Александру III (1845—1894). Свидетелем ее фокусов был и цесаревич Николай, на которого звуки из потустороннего далека произвели неизгладимое впечатление.

В подавляющем большинстве властелины подвержены суевериям в той же мере, что и их подданные. Длинный список выдающихся исследователей, отдавших дань паранормальным явлениям, может служить наглядным примером. Здесь и замечательный химик Бутлеров, и математик Морган, натуралист Уоллес, философ Сиджвик и когорта прославленных физиков: Баррет, Фитчер, Крукс.

Не будем поэтому особенно строги к царям. Пусть развлекаются, как хотят, лишь бы не возводили у себя в Камелоте «Башню Мерлина».

Об эпидемии, охватившей фотографов, ухитрившихся запечатлеть рядом с живыми людьми светящиеся тени их близких, говорить не стоит. Начало положил бостонский гравер Вильям Мемлер, отснявший рядом с собственной персоной родственницу, скончавшуюся 12 лет назад. Подделку разоблачил суд. Фальсификации Эдуарда Буже были выполнены уже на более высоком уровне, и пошло-поехало. Призраки и НЛО проявляются (сугубо в техническом смысле) по сей день. Фотоэмульсия, как и бумага, все терпит.

Спиритическая лихорадка подстегнула воображение художников слова, так что нет худа без добра. «Планшетка» Джека Лондона, «Что случилось с Пляттнером» и «Замечательный случай с глазами Дэвидсона» Уэллса — первое, что приходит на память. Прелестные миниатюры, неподражаемая игра ума.

Зато «Случай сэра Артура Конан Дойла», позволю себе перефразировать отца научной фантастики Герберта Уэллса, заслуживает особого разговора.

Королева Виктория была горячей почитательницей его таланта, и не только беллетристического. Понять ее интерес легко. Удивительный феномен писателя и поныне будоражит воображение. Многомиллионные тиражи на разных языках, зачитанные до дыр страницы, письма изо всех уголков мира, что ежедневно приходят в адрес литературного героя, создатель которого еще в 1930 году отошел в мир иной... Именно «мир иной» представляется в данном случае наиболее подходящим определением.

«Мой отец давно умер, но наша семья часто общается с ним. У него есть свои способы вступать в контакт с нами, и мы ни разу не усомнились в подлинности его личности. Каждый раз обнаруживалось, что он знает о том, что произошло в нашей жизни со времени предыдущего контакта. Иногда он дает советы — они неизменно оказываются разумными. В нескольких случаях я к этим советам не прислушивался и очень об этом пожалел».

Эти слова принадлежат Адриану Конан Дойлу — сыну замечательного писателя. Вне зависимости от нашего отношения к проблеме загробного существования, их стоит принять к сведению. Конечно, с одной стороны, такого не может быть, «потому, что не может быть никогда», но с другой — кто посмеет отказать в бессмертии сэру Артуру Конан Дойлу! Недаром Шерлок Холмс, который никогда не рождался и не жил на земле, получает чуть ли не ежедневно пачки писем с призывом о помощи. В «его» квартире на Бейкер-Стрит, 221В вообще стираются грани между воображением и действительностью. Можно сказать более определенно: материализуется сама мысль. Вот скрипка, на которой «играл» великий сыщик всех времен, вот набор вересковых трубок, «прокуренных лично им», «его» знаменитая лупа, плащ.

Проницательнейший из детективов затмил славу своего творца. Это у него есть музей, это ему сооружают бронзовый монумент. Воистину можно запутаться в сумеречном пространстве между былью и небылью.

«Эмма Бовари — это я», сказал Флобер, «отравив» свою героиню. Врачи с трудом привели романиста в чувство. У него обнаружились все признаки интоксикации мышьяком. Такова власть воображения. И потусторонний мир, в конечном счете, творит психика.

Но вернемся к Артуру Конан Дойлу. Что мы знаем о нем? Очень много, ведь благодаря усилиям литературоведов в биографии писателя почти не осталось темных мест. Но если по большому счету — не знаем ничего.

В британском «Словаре национальных биографий» род Дойлов представлен пятью знаменитостями, среди которых дед писателя Джон — художник, прославившийся главным образом карикатурами, и дядя Ричард — талантливый иллюстратор произведений Теккерея. Автор «Ярмарки тщеславия», как, впрочем, и Диккенс, захаживал в гостеприимный дом, где 22 мая 1859 года появился на свет крикливый младенец, которому суждено было вырасти в настоящего силача-великана. Отец Артура, человек творческий, утонченный, но совершенно непрактичный, вынужден был служить клерком в какой-то конторе, угробив талант архитектора и, наследственный, — художника. Он окончил свои дни в доме инвалидов в самый критический для семьи момент, когда дети только вступали в отрочество.

«Существовали мы в тяжелой атмосфере бедности, и каждый из нас старался, как мог, помогать младшим», — вспоминал Конан Дойл. Кстати, удвоением фамилии он обязан дяде отца, наполовину французу и, конечно тоже писателю и художнику. Будучи бездетным, Мишель Конан передал древнее имя кельтских героев в наследство внучатому племяннику. Оно закономерно встало в ряд с известной ирландской фамилией Дойл.

Чудесным даром воображения Артура наделила мать — Мэри Дойл. «Она не только была удивительным рассказчиком, — постоянно подчеркивал он, — но владела так искусно умением понижать голос до устрашающего шепота, что у меня и теперь пробегают мурашки по коже». В рыцарском роде Дойлов любовь к страшным рассказам, от которых «кровь застывает в жилах», передавалась по женской линии. Смесь, таким образом, получилась взрывчатая, «громокипящая», как кубок богини Гебы.

Закончив приготовительную школу Годдера, Артур покинул родной Эдинбург и отправился в английское графство Ланкашир. Там, в иезуитском колледже Стонихерст, ему было суждено провести целых семь лет. От них остались не слишком радостные воспоминания: муштра, издевательства старшеклассников, жестокость наставников. Даже розга, с которой не расставался наставник, называлась специальным именем — Толлейм.

В то время дядя Мишель был уверен, что лишь в лоне сурового католицизма Артур сохранит «национальный вкус» и станет законченным художником. Вместе с тем, подчеркивал дядя, религия отнюдь не должна превращаться в самоцель. Карьера была как бы предначертана свыше. Мальчику предстояло занять «высокое и почетное положение».

Книги, на которых выросал юный талант, памятны с детства и многим из нас. Он самозабвенно увлекался Майн Ридом, читал и перечитывал «Айвенго» Вальтера Скотта, постигал историю по увлекательным этюдам Маколея. Закончив курс и залечив синяки, уехал в Лондон, а оттуда — на континент. Сначала в Вену, где опять оказался в иезуитском коллегии, затем в Париж. Там, в Париже, в общепризнанной столице Европы окончательно были развеяны мрачные тени иезуитского аскетизма. Дядюшка, возглавив в

то время «Журнал искусств», решил, что не стоит перебарщивать с религиозной закваской и пора заняться настоящим делом. Под этим, само собой, подразумевалась живопись и литература. Перед Артуром открылся совершенно иной мир — мир артистической богемы. Как говорится, из огня да в полымя. Видно, контраст оказался слишком резким. Невзирая на волю дяди, он выбирает стезю медицины и возвращается в Эдинбург. Следующие пять лет будущий писатель проводит на медицинском факультете Эдинбургского университета.

На студенческой скамье, сам того еще не ведая, встретил Конан Дойл своих будущих героев, вернее сказать, их прототипов. Первым, бесспорно, должно упомянуть Джона Бэла, шотландского врача, виртуоза диагностики. Он учил распознавать не болезнь, а прежде всего — пациента: его образ жизни, характер, привычки. Уроки Бэла выглядели, примерно, так:

— Кто этот человек, джентльмены? Взгляните на эти высокие сапоги, которые он надел, невзирая на жаркий день. Никто, кроме моряка, никогда на такое бы не отважился. Но это не моряк дальнего плавания, о чем свидетельствует загар на лице. Определенно — местный загар, приобретенный, так сказать, в нашей климатической зоне. За щекой у него жевательный табак и, судя по всему, это застарелая привычка. Плевков совершенно мастерский! Подытожив факты, я бы рискнул заявить, что перед нами рыбак. Так и есть. Взгляните на одежду — на ней налипли чешуйки, да и запах не оставляет места для сомнений...

Трудно не узнать в докторе Бэле, прошедшем длинный путь от санитаря до главного хирурга Королевского госпиталя, Шерлока Холмса, который так любил демонстрировать свой дедуктивный метод перед праотцом доктором Ватсоном.

— Пользуйтесь глазами, сэр, — поучал Бэл, — пускайте в ход силу дедукции.

Четыре романа и 56 рассказов убедительно подтверждают, что уроки пошли впрок.

Конан Дойл великолепно усвоил секреты проницательности, одарив бессмертием частного сыщика с Бейкер-Стрит. Пригодились они ему и в медицинской практике. Получив диплом бакалавра, он отправился сначала в арктическое плавание в качестве судового врача, а затем совершил рейс в тропические воды Западной Африки. Так уж случилось, что первыми его пациентами стали именно моряки с явно не местным загаром.

Звание доктора медицины, хотя и позволило открыть частную практику, увы, не принесло особого успеха. Писать Артур начал не столько ради удовольствия, сколько по причине нужды. К 1891 году он уже зарабатывал настолько хорошо, что мог полностью отдаться литературе.

Начало двадцатого века ознаменовалось англо-бурской войной. Маститый писатель сменил перо на скальпель и добровольно поехал в Южную Африку, чтобы стать главным хирургом в полевом госпитале! Он успешно оперировал под огнем неприятеля, за что и был пожалован в рыцари королевой Викторией. Отныне и навечно

он стал сэром Артуром. Скромный дворянский титул, однако, не позволял надеяться на кресло в палате лордов, но почему бы не попытаться счастья в парламенте?

Не оставляя занятия художественной прозой и военными мемуарами, Конан Дойл дважды предпринимает попытку пройти в палату общин по Эдинбургскому округу, но безуспешно. Помимо неуемной энергии и честолюбия, им движет постоянное стремление быть полезным стране, обществу, отдельному человеку. Сэр Артур прежде всего — джентльмен и патриот. Случайно узнав о деле какого-то бедолаги, ставшего жертвой полицейской провокации, он, не жалея ни денег, ни сил, вступает в единоборство со Скотланд Ярдом и Королевским судом. Его статьи в «Дейли телеграф» открывают перед узником тюремные ворота. Как и Шерлок Холмс, писатель всегда спешит на помощь.

Душа Шерлока Холмса, которого Конан Дойл сначала «убил» рукой доктора Мориарти, а затем, по настоятельным требованиям читателей, «воскресил», как бы вселилась в своего создателя. Подарив Холмсу вторую жизнь, он невольно должен был задуматься над вечной тайной смерти и возрождения... Не отсюда ли внезапно пробудившийся интерес к фантастике? «Затерянный мир», «Отравленный пояс», «Когда Земля вскрикнула» — эти повести одухотворены обаятельной фигурой профессора Челленджера — неистового фанатика науки. Прототипом также послужил университетский профессор, точнее — два, слитые воедино. Тем не менее, не забудем: «Эмма Бовари — это я». В Челленджере явно присутствует личность самого Конан Дойла. Его энергия, жадное любопытство и целеустремленность не знают пределов. Он хочет быть всюду. Ему до всего есть дело.

Работая с утра до глубокой ночи над рукописью, он выкраивает время и для спорта. Бокс, лыжи и, само собой, гольф. Он и участник, и организатор соревнований и ярый пропагандист спортивных игр. Лето 1927 года застало его в Германии за рулем автомобиля. Он стал одним из первых участников международных автопробегов. Да и могло ли подобное увлекательное новшество пройти мимо такого человека, как Конан Дойл!

Казалось бы, при таком напряженном ритме, в полном смысле горении, не до личной жизни. Однако и в этом он все успел. Был дважды женат, имел троих детей.

Первая мировая война разразилась, когда писатель уже достиг почтенного возраста — пятидесяти шести лет. И что же? Вновь вынужден пойти добровольцем.

«Мне дана только одна жизнь... и вот возможность пройти удивительное испытание, что, к тому же, способно оказать благотворное воздействие на других».

«Благотворное воздействие» — не это ли ключ к характеру и основной побудительный мотив всех поступков?

Но адмиралтейству пламенный ветеран кажется слишком старым. Однако сэр Артур не желал отступать. Подсознательно руководствуясь древней концепцией «переселения душ», он решает

проблему весьма оригинальным способом. Тральщик «Конан Дойл» включается в состав британского военно-морского флота, а сам Конан Дойл едет на фронт корреспондентом. Как Ремарк, как Хемингуэй. Но они создадут потом военные романы, а он напишет шесть томов «Истории действий английских войск во Франции и Фландрии». Это и впрямь история в стиле любимого в детстве Маколея, но выстраданная собственным опытом, а потому глубоко личностная.

В сражении у Соммы, во Франции, был ранен в горло Кингсли — старший сын. Его сердце остановилось за несколько часов до перемирия. Нелепая гибель Кингсли потрясла Конан Дойла. Отчаяние ускорило переход к иному мировоззрению, постоянно дремлющему в подсознании. Он увлекается спиритизмом, ищет прямой выход в мир духов и, казалось, находит вождеденный контакт. К сожалению, все, что касается этой, столь деликатной сферы, осталось в семейном архиве, не опубликованном и по сей день. Известно лишь, что Рафаэль Сабатини, автор «Одиссеи капитана Блада», потеряв сына в автомобильной катастрофе, поделился своим горем с Конан Дойлом, который посоветовал найти подходящего медиума. Работы сэра Артура по спиритизму, как, впрочем, и мистические рассказы, вроде «Кольца Тота», неизвестны российскому читателю. Между тем, они заслуживают самого пристального интереса, поскольку именно в них начинается неизвестный Конан Дойл.

В Австралии он стал свидетелем «спиритических поисков» двух братьев, унесенных тайфуном вместе с утлой лодчонкой. Через посредство медиума братья «оповестили» родителей, что один из них утонул, а другой проглочен огромной рыбой. Спустя некоторое время рыбаки выловили большую акулу, в брюхе которой нашли останки младшего юноши. Случившемуся можно было бы дать и вполне рациональное объяснение: штормовое море, акулы-людоеды, постоянно присутствующие у Большого барьерного рифа, — словом, угадать не так уж трудно. Но этот случай произвел на Конан Дойла необычайно сильное впечатление. Были и другие поиски контактов с потусторонним, мало чем отличающиеся от великого множества им подобных.

Стоит, пожалуй, коснуться загадок несколько иного рода, понастоящему щекочущих воображение. К одной из них причастен полковник Фосетт, выдающийся английский путешественник, совершивший восемь экспедиций в неизведанные дебри Южной Америки. Всю жизнь он стремился отыскать легендарные города, основанные, как ему хотелось верить, уцелевшими от катастрофы жителями Атлантиды. Из последнего путешествия Фосетт не возвратился, и судьба его неизвестна. В одном из своих дневников он записал:

«У меня есть статуэтка, высеченная из куска черного базальта. Она представляет собой человеческую фигурку, держащую на груди пластину, испещренную иероглифами. Статуэтку мне дал сэр Рейдер Хаггард, он приобрел ее в Бразилии, и я твердо убежден, что она найдена в одном из затерянных городов».

Далее говорится о «престранных свойствах» фигурки.

«Каждый, кто возьмет ее в руки, тотчас же ощущает подобие электрического тока... ощущение настолько резкое, что некоторые люди спешат поскорее положить статуэтку».

Чтобы раскрыть тайну, Фосетт решил «прибегнуть к помощи психометрии», то есть обратился к медиуму.

«Психометрист, с которым я был совершенно не знаком, взял в руки мою статуэтку и в полной темноте написал следующее: «Я вижу большой континент, простирающийся от северного берега Африки до Южной Америки...»

Казалось, сама Атлантида позвала путешественника, взяв в оплату за тайну, жизнь.

Замысел «Затерянного мира» возник у Конан Дойла после встречи с Фосеттом. Знал он и Хоггарда, популярного автора таких замечательных приключенческих романов, как «Копи царя Соломона», «Она» и многих других. Вероятно, ему была известна и тайна статуэтки.

«Прямо перед нами возвышался Рикардо Франко-Хиллс с плоскими загадочными вершинами... Время и человек оставили эти вершины в неприкосновенности. Они возвышались здесь, покрытые лесами, словно потерянный мир (обратим внимание — *Е. П.*), и воображение смело могло населить их существами, уцелевшими от давно прошедших веков».

Эти слова принадлежат Фосетту, а динозаврами и первобытными людьми «Потерянный мир» населило воображение сэра Артура.

Но самое удивительное даже не в этом. Уже в наши дни один из летчиков, пролетая над сплошным зеленым ковром Южно-Американской сельвы, заметил две гигантские дыры. Это оказались скважины, ведущие в реальный затерянный мир — горловины глубоких пропастей, похожих по форме на бутылку. Все, как у Конан Дойла! С той лишь разницей, что ученые не обнаружили на дне флору и фауну третичного периода. Зато животные и растения, обитающие только в этом месте, так называемые эндемики, встретились в изобилии. Воздержусь от выводов и сопоставлений. Неразгаданная тайна творчества здесь налицо, а все прочее зависит от точки зрения.

В заключение, остановимся и на последнем романе Конан Дойла «Маракотова бездна», увидевшем свет в 1929 году, за несколько месяцев до ухода из жизни. У нас роман вышел в обкорнанном цензурой варианте. Отсекли все, что имело отношения к «мистике». В отличие от Фосетта, своих атлантов, переживших геологическую катастрофу, Конан Дойл поселил на дне океана. Именно там определил он место загадочной цивилизации, что передала свои тайны древним грекам и египтянам, инкам и майя. Затерянные в Амазонии города, которые до последнего часа искал Фосетт, обрели бессмертие в подводных полисах, где древняя богиня Афина олицетворяет несравненную мудрость учителей человечества. Власть над всепожирающим временем — вот до самого главного, к чему всю жизнь так стремился Конан Дойл.

Наверное, именно это не позволяет примириться с его смертью наиболее пылким поклонникам. В заключение, сенсационный эпизод, всколыхнувший в свое время всю Англию.

В октябре 1930 года, по просьбе журналистов, Британская национальная лаборатория психических исследований устроила спиритический сеанс, на котором предполагалось вступить в контакт с недавно скончавшимся Артуром Конан Дойлом.

Однако вместо него отозвался «дух», назвавшийся капитаном Кармайклом Ирвином и, вызвав у присутствующих форменный шок, начал повествовать о крушении дирижабля R101, разбившегося несколько лет назад.

Вроде бы, обычный спиритический трюк, но газетчиков взволновал не столько сам факт контакта с духом погибшего авиатора, сколько сообщенные им технические подробности.

Вот фрагмент, записанный репортером И. Костером.

«Руль заклинило, маслопровод забило. Машину бросает из стороны в сторону — ни выровняться, ни набрать высоту... Прошли над самыми крышами Аши. Стараюсь держаться поближе к железнодорожному полотну...»

Очерк, в котором описывались последние минуты полета, вызвал настоящий ажиотаж. Подтвердить слова призрака, а вернее, их опровергнуть было некому. Команда и пассажиры погибли в пламени взорвавшегося водорода. Поэтому такой интерес вызвал приход в лабораторию инженера Чарлтона, одного из авторов проекта погибшего дирижабля. Он попросил полную стенограмму.

«В этом поразительном документе, содержащем подробное описание всего, что произошло с кораблем в тот роковой день, приведено более 40 чисто технических деталей, оценить смысл и важность которых может лишь специалист. Сама мысль о том, что кто-либо из присутствовавших на спиритическом сеансе мог заранее получить всю эту информацию, мне и моим коллегам представляется абсурдной», — таково было заключение инженера.

Через шесть месяцев специальная комиссия, занимавшаяся расследованием причин гибели дирижабля R101, пришла к выводам, полностью совпавшим со стенографической записью.

Вместо комментариев, для коих у меня нет ни нужных материалов, ни особого желания, приведу лучшие малоизвестные факты, имеющие самое непосредственное отношение к другой трагедии, которую без всякого преувеличения можно назвать катастрофой века. Скажу больше: предвестником необратимого разлома целой эпохи.

Вступив в «золотой век прогресса и процветания», западный мир слагал гимны величию человека. «Победители стихийных сил природы» мнили себя богами. На географической карте почти не осталось белых пятен, колонии, населенные «отсталыми» народами, нуждающимися в цивилизованной опеке, в общих чертах были поделены, оба полюса завоеваны, океаны, включая воздушный, покорены. Наука все объяснила, инженерная мысль все воплотила в металл, и все казалось достигаемым, включая межпланетные сообщения и даже бессмертие.

Гром грянул перед самой войной, словно предупреждение свыше. Самый большой, самый роскошный и вообще самый-самый лайнер в мире неожиданно напоролся на айсберг и пошел ко дну. Гибель «Титаника» потрясла человечество, знаменуя существенные сдвиги в сознании. Для большинства эта крупнейшая морская катастрофа явилась полной неожиданностью. Трещина в стальном корпусе словно бы прошла через сердца миллионов. Вместе с «Титаником» раскололся мир, казавшийся таким непоколебимым и прочным.

Чуть больше двух лет отделяло ту памятную апрельскую ночь 1912 года от выстрелов в Сараево. В это трудно поверить, но судьба «Титаника» была прописана еще до того, как он появился на свет. И это нельзя назвать ни пророчеством, ни предвидением в строгом смысле.

В 1898 году никому неизвестный писатель Морган Робертсон выпустил роман, в котором рассказывалось о крушении гигантского судна, столкнувшегося с айсбергом в холодную ночь апреля. Лайнер Робертсона назывался «Титан».

Сопоставим основные технические данные «Титаника» и «Титана».

Водоизмещение: 66 и, соответственно, 70 тысяч регистровых тонн.

Длина корпуса: 269 и 243 метра.

Скорость: 25 узлов.

Пассажиры и экипаж: 3000 человек.

Количество гребных винтов: 3.

Совпадение поразительное!

Но мало того: и на «Титане», и на «Титанике» спасательные шлюпки могли вместить только часть пассажиров, чему никто не придавал значения, поскольку оба парохода считались «непотопляемыми».

Робертсон употребил тот же термин, что и владельцы английской судоходной компании «Уайт стар лайн», снабдившей «Титаник» двойным дном и 16 водонепроницаемыми отсеками. Непотопляемость обеспечивалась при затоплении любой пары отсеков, поскольку, по мысли конструкторов, ничего не могло быть опаснее пробойны в области стыка.

Воображение писателя и здесь оказалось ближе к действительности. Пассажиры его «Титана», самодовольные миллионеры и титулованная аристократия, мало чем отличались от тех, кто взошли в Саутгемптоне на борт «Титаника» 10 апреля. И те, и другие везли с собой ценности на сотни миллионов долларов.

Робертсон, так и не дождавшийся при жизни признания, не сумел предусмотреть лишь одной яркой подробности. Помимо золота и драгоценных камней, в сейфах «Титаника» хранилась рукопись «Рубайат» Омара Хайама, потерю которой не возместить никакими деньгами.

Ты ради благ мирских сгубил земные дни,
Но вспомни День Суда, на жизнь свою взгляни.
Ведь многих для тебя стяжанье сгубило.
И что постигло их? Где все теперь они?

Омар Хайам

Водолазы подняли кое-какие вещи с «Титаника» и установили на нем бронзовую доску, превратив тем самым в надгробный памятник. Возможно, когда-нибудь доберутся и до водонепроницаемых сейфов.

На борту «Титаника» находился еще один бесценный предмет, безвозвратно сгнувшийся в океанской пучине. Речь идет о расписном деревянном ящике с мумией знаменитой прорицательницы времен фараона-реформатора Эхнатона. В целях сохранности его решили не опускать в трюм и разместили в непосредственной близости от капитанского мостика. Впоследствии это послужило поводом для оккультных спекуляций. Версия о странном поведении капитана Эдварда Смита выстраивалась, как по нотам. Почему опытный мореход отклонился от намеченного курса? Почему запоздал с подачей сигнала о помощи? Почему, наконец, слишком поздно подал команду покинуть обреченный корабль?

Надо ли говорить, что все списали на мумию? Тем более, что вскоре легенда о «проклятии фараонов», связанная с таинственной гибелью почти всех участников экспедиции, открывшей гробницу Тутанхамона, стала притчей во языцех. По некоторым сведениям посмертный покой пророчицы стерегли амулеты с изображением владыки загробного мира Осириса. «Очнись от своего обморока, в коем ты пребываешь, и один взгляд твоих очей восторгствует над любыми кознями против тебя». Этому «взгляду» — сквозь бинты с благовониями и доски гробов — и приписали известную заторможенность, овладевшую капитаном Смитом в роковые мгновения.

Какие петли вывязывает случай, какими стежками скрепляет их разыгравшееся воображение!

Приведем еще несколько примечательных совпадений, вероятность которых близка к нулю.

В повести «Приключения Артура Гордона Пима», написанной Эдгаром Алланом По, этим таинственным гением, предвосхитившим популярные жанры научной фантастики и детектива, равно как и поэзию символистов, живописуется сцена кораблекрушения. Измученные голодом моряки съедают в конце концов своего товарища — юнгу по имени Ричард Паркер. Повесть увидела свет в 1838 году, а спустя почти столетия — в году 1884 случайный каприз писательского воображения с дьявольской последовательностью претворился в реальность. Трое членов экипажа затонувшей яхты «Кружево», проболтавшись несколько дней в шлюпке, точно так же поступили с пятнадцатилетним подростком, исполнявшим обязанности юнги. Надо ли говорить, что его звали Ричард Паркер?

Его величество случай самым причудливым образом проявляет себя и вне связи с тонкой материей пророческих провидений и художественного промысла.

В 1874 году скульптор Эммануэль Фремье в качестве натурщицы для статуи Жанны д'Арк, нашей трагической героини, взял некую Жанну Лано. Памятник был торжественно открыт в столице Франции на площади Пирамид. Все бы ничего, если бы означенная Жанна Лано не сгорела бы в собственном доме.

Опасно вживаться в образ? Как знать... Но недаром римляне говорили, что имя — знак. В 1911 году состоялся суд над убийцами сэра Эдмунда Берри Годфри. Преступление было совершено в его доме на Гринберри Хилл близ Лондона. Как вы думаете, как звали убийц? Грин, Берри и Хилл. Право, сатана — великий насмешник.

— Я не верю, что Бог играет в кости, — обронил как-то Альберт Эйнштейн, который так и не смог принять основополагающий принцип квантовой механики. Тем не менее в основе мироздания заложена именно статистическая игра: сочетаний, распадов и, возможно как следствие, — цифр и букв. В данном случае — нумерологическая и номенологическая игра.

В самом деле. Обратимся к цепям параллелей, которые прослеживаются в биографиях Авраама Линкольна и Джона Кеннеди. Линкольн стал президентом в 1860, Кеннеди — в 1960 году. Ровно через 100 лет. Точно такой же временной промежуток разделяет даты рождения убийц американских лидеров: 1839 — Джон Бут, 1939 — Ли Харвей Освальд. И тот и другой родились в южных штатах. Но и это не все. Обе преступные акции пришлось на пятницу, что еще в семь раз уменьшает суммируемую вероятность поразительных совпадений. Сюда же следует добавить, что в обоих случаях президентов сопровождали их жены, что выстрелы были произведены сзади, и роковыми оказались пули, попавшие в голову.

Покушение на Линкольна состоялось в театре, после чего Бут сделал попытку укрыться на складе; Освальд же, в свою очередь, выстрелил из складского окна и, бросив снайперскую винтовку, кинулся в ближайший театр. Если же упомянуть, что секретарь Линкольна носил фамилию Кеннеди, а секретарь Кеннеди — Линкольн, то остается лишь развести руками. Пойдем однако дальше. После Линкольна президентский пост занял сенатор Джонсон, южанин, родившийся в 1808 году и умерший через 10 лет после убийства президента.

Аналогичная диспозиция предстает перед нами и в случае с Кеннеди. Ему наследует Линдон Джонсон, опять же выходец с юга, который родился в 1909 — через сто лет! — году и умер через 10 лет после выстрела в Далласе.

Тот факт, что оба убийцы не дожили до суда тоже укладывается в общий массив данных, хотя тут проглядывает не столько случайность, сколько закономерность, более подходящая под рубрику «властелин и охранник». Маг, правда, в ней как-то не очень просматривается, но магия чисел и букв определенно присутствует. В английском языке в фамилиях обоих президентов по семь букв, у их наследников — тринадцать, убийц — четырнадцать.

Есть и другие пересечения в этой «перекличке эпох», но вполне достаточно уже названных.

У меня из головы не идет название рассказа Джека Лондона, затрагивающего совсем иную тему: «Когда боги смеются».

Не идет из головы и название книги Робертсона: «Тщета».

Если бы все пророчества звездных оракулов кончились прахом, вера в астрологию, как и вообще любая вера, лишенная подпитки,

не смогла удержаться в течение тысячелетий. Но таково свойство памяти, что она сохраняет лишь поражающие воображение успехи и развеивает тривиальные поражения. Помнят то, что сбылось, и помнят именно потому, что сбылось. Мир по природе своей статистичен и потому время от времени в нем происходят забавные совпадения, кажущиеся на первый взгляд невероятными.

В 1941 году было проведено соревнование трех известных астрологов. Один астролог правильно угадал 12 раз из 100 случаев, другой — 9, третий — 4 раза. Много ли это или мало, можно судить по каждому конкретному случаю, определив вероятность прогноза. Возьмем простейший пример.

Бразильский звездочет Кардос посулил футболисту Пеле сына, но у него родилась очаровательная дочурка. В этом случае, как в игре в «орел-решка», у астролога было 50 шансов из 100 на верный ответ.

Математика могла бы дать более успешный прогноз, тем паче, что в 1949 году англичанин Карл Пирсон разработал метод, получивший красноречивое название «Монте-Карло», по имени знаменитого игорного дома. Он позволяет рассматривать поведение системы, каждый этап которой моделируется при помощи любого источника случайных чисел, будь то рулетка, подбрасывание монеты, тиражная таблица или данные переписи народонаселения.

Соотечественник Пирсона и тоже известный математик Джон Литлвуд привел в книге «Математическая смесь» пример самого удивительного совпадения, случившегося в его жизни:

«Девушка шла по Уолстон-стрит Лондона к своей сестре Флоренс Роз Далтон, которая работала поварихой в доме № 42 по этой улице. Она прошла мимо дома № 40 и подошла к дому № 42, где поварихой работала некая Флоренс Роз Далтон (совсем другая женщина), находившаяся в то время в двухнедельном отпуске; эту Флоренс Роз Далтон в качестве поварихи заменяла ее сестра. Но этот дом оказался домом № 42 по Овингтон-сквер (откуда в этом месте есть узкий проход на Уолстон-стрит), дом же № 42 по Уолтон-стрит был следующим... Безусловно, некоторое количество удивительных совпадений должно было иметь место в действительности...»

Вероятность этого столь курьезного и никак не связанного с трансцендентальными силами случая настолько мала, что побивает самые поразительные удачи оракулов. Даже Нострадамусовых, Наполорона и Гистера. Знаменитый астролог, между прочим, предсказал конец света на год, в котором страстная пятница придется на день святого Георгия (23 апреля), светлое воскресенье — святого Марка (25 апреля) и праздник тела Христова — святого Иоанна (24 июля).

Подобное совпадение за истекшие четыреста лет случалось многократно, потому что его математическая вероятность достаточно высока, а о конечном результате, к общему счастью, можно судить воочию.

СВЯТОЙ ЧЕРТ

**Капитула
четырнадцатая**

ПРЕДТЕЧИ

Блевотина войны — октябрьское веселье!
От этого зловонного вина
Как было омерзительно твое похмелье,
О бедная, о грешная страна!
Какому дьяволу, какому псу в угоду,
Каким кошмарным обуянный сном
Народ, безумствуя, убил свою свободу
И даже не убил — засек кнутом?

Зинаида Гиппиус

Какому дьяволу?

Первый номер роскошного журнала «Золотое руно» за 1907 год взволновал литературно-художественную общественность рисунками к объявленному редакцией конкурсу на тему, обозначенную коротко и ясно: «Дьявол».

Заглавный лист журнала-альбома с параллельным французским переводом и красочными иллюстрациями, переложенными шелковистой бумагой, выполнил В. Милиоти. П. Кузнецов представил композицию «Рождение-слияние мистической силы атмосферы. Пробуждение Дьявола», Н. Фиофилактов — аллегория призрака смерти на фоне сплетенных тел, но только М. Добужинский придал зловещему символу черты реальной действительности, изобразив мир в виде тюремного колодца, над которым нависает кошмарный паук-исполин.

В последующих выпусках на призыв редакции откликнулись прозаики, но литературная премия так и не была присуждена. Не потянули. А призрак вселенского зла витал в атмосфере.

В письме к Валерию Брюсову от 18 марта 1907 года Зинаида Гиппиус признается: «Я жалею, что не послала ничего на конкурс. К стати же, у меня есть «греховное» стихотворение...»

И, уже почти через два года (24 января 1909 года), — тому же адресату: «Дьяволенок», как следовало ожидать, вызвал упреки в порнографии, но так как это теперь не модно, то и не вытанцевалось. Утешаюсь, что если Буренину не понравился чертенок, зато понравился старику Суворину».

«Антихриста» ждали, в мазохистском нетерпении торопили его приход. «Дьяволенок» — не самое яркое изливание демонических предчувствий и упований. Были примеры куда похлеще. Зинаида Гиппиус угадала иное, главное: оно пришло, это трансцендентальное зло, в облике обыкновенном. И с ним можно сжиться. С ним можно жить!

Мне повстречался дьяволенок,
Худой и щуплый, как комар.
Он телом был совсем ребенок,
Лицом же дик: остер и стар.

.....

Твердят любовь, любовь! Не знаю.
Не слышно что-то. Не видал.
Вот жалость... Жалость понимаю.
И дьяволенка я поймал.

.....
И даже как-то с дьяволенком
Совсем сжился я наконец.
Он в полдень прыгает козленком,
Под вечер — темен, как мертвец,
То ходит гоголем — мужчиной,
То вьется бабой вокруг меня,
А если дождик — пахнет псиной
И шерстку лижет у огня.

.....
И оба стали мы — единый.
Уж я не с ним — я в нем, я в нем!
Я сам в ненастье пахну псиной
И шерсть лижу перед огнем...

Ницше пророчески угадал: надевший маску, срастается с личиной, трансформируется под вожделенный образ.

Посол Французской республики при императорском дворе Морис Палеолог писал:

«Занятия тайными науками всегда были в почете у русских; со времени Сведенборга и баронессы Крюденер, все спириты и иллюминаты, все магнетизеры и гадатели, все жрецы эзотеризма и чудотворцы встречали радушный прием на берегах Невы».

В 1902 году воскреситель французского герметизма, маг Папюс, настоящая фамилия которого — д-р Анкосс, приехал в Петроград, где он скоро нашел усердных поклонников. В последующие годы его здесь видели неоднократно во время пребывания его большого друга знахаря Филиппа из Лиона; император и императрица почтили его своим полным доверием; последний его приезд относится к февралю 1906 года.

И вот газеты, дошедшие к нам недавно через скандинавские страны из Франции, содержат известие о том, что Папюс умер 26 октября¹.

Признаюсь, эта новость ни на одно мгновение не остановила моего внимания; но она, говорят, повергла в уныние лиц, знавших некогда «духовного учителя», как называли его между собой его восторженные ученики.

Г-жа Р., являющаяся одновременно последовательницей спиритизма и поклонницей Распутина, объясняет мне это уныние странным пророчеством, которое стоит отметить; смерть Папюса предвещает не больше и не меньше, как близость гибели царизма, и вот почему:

В начале октября 1905 года Папюс был вызван в Санкт-Петербург несколькими высокопоставленными последователями, очень нуждавшимся в его совете ввиду страшного кризиса, который переживала в то время Россия. Поражения в Манчжурии вызвали по-

¹ Эти строки написаны 21 ноября 1916 года.

всеместно в империи революционные волнения, кровопролитные стачки, грабежи, убийства, пожары. Император пребывал в жестокой тревоге, будучи не в состоянии выбрать между противоречивыми и пристрастными советами, которыми ежедневно терзали его семья и министры, приближенные, генералы и весь его двор. Одни доказывали ему, что он не имеет права отказываться от самодержавия его предков и убеждали не останавливаться перед неизбежными жестокостями беспощадной реакции; другие заклинали его уступить требованиям времени и лояльно установить конституционный режим.

В тот самый день, когда Папюс прибыл в Санкт-Петербург, Москва была терроризована восстанием... Маг был немедленно приглашен в Царское Село. После краткой беседы с царем и царицей, он на следующий день устроил торжественную церемонию колдовства и вызывания духа усопших. Кроме царя и царицы на этой тайной литургии присутствовало одно только лицо: молодой адъютант императора Мандрыгга, теперь генерал-майор и губернатор Тифлиса. Интенсивным сосредоточением воли, изумительной экзальтацией своего флюидического динамизма духовному учителю удалось вызвать дух благочестивейшего царя Александра III; несомненные признаки свидетельствовали о присутствии невидимой тени.

Несмотря на сжимавшую его сердце жуть, Николай II задал отцу вопрос, должен он или не должен бороться с либеральными течениями, грозившими увлечь Россию. Дух отвечал:

«Ты должен во что бы то ни стало подавить начинающуюся революцию; но она еще возродится и будет тем сильнее, чем суровее должна быть репрессия теперь. Что бы ни случилось, бодрись, мой сын. Не прекращай борьбы».

В такой обстановке и на таком уровне решалась судьба великой страны, в конечном итоге — наша с вами судьба! Увлечение русской «экзотикой», импортированной, однако, из просвещенной Франции, заходит настолько далеко, что уже не знаешь, где посол иронизирует, а где говорит всерьез. Жаль, что он не сообщает, на каком языке говорила «тень». Нам вскоре предстоит побывать еще на одном аналогичном сеансе, где тоже будет вызван «дух» Александра III. Вопросы, если они и возникли, отпадут сами собой.

Продолжим цитирование:

«Изумленные царь и царица еще ломали голову над этим зловещим предсказанием, когда Папюс заявил, что его логическая (в самом деле «логическая»? — *Е. П.*) сила дает ему возможность предотвратить катастрофу, но что действие его заклинания прекратится, лишь только он сам исчезнет «с физического плана». Затем он торжественно совершил акт заклинания.

И вот с 26 октября маг Папюс исчез «с физического плана», и действие его заклинания прекратилось. Значит — скоро революция!..»

М. Палеолог. «Царская Россия накануне революции»

В салоне, задрапированном черным бархатом, было жарко и душно. Курильницы, в которых на раскаленных углях тлели пряные благовония, чадили клубами синеватого дыма. Время от времени невидимые слуги опрыскивали штофные занавеси крепким настоем мускуса.

Публика — обломки титулованной знати из Сен-Жерменского предместья и худосочные нервические девицы — находились на грани обморока еще до начала представления. Все шло, как задуmano. «Отец» Филипп, оккультный фокусник и прорицатель, хорошо изучил свою паству. Гипнотизер-самоучка, мечтавший стать дипломированным врачом, он случайно набрел на золотую жилу, как-то продемонстрировав роялистскому охвостью отрубленную голову Людовика XVI. Трепетала набрякшая жила на лбу августейшего мученика, страдальчески дергались лиловые веки, кровь хлестала ручьем. В том, что это не клюквенный сироп, мог убедиться каждый. Не возбранялось даже попробовать на вкус, на что, впрочем, никто не решился.

В чем, в чем, а уж в таких делах Низьер-Вашоль Филипп знал толк. Потомственный мясник из Лиона с детства поднаторел рубить туши в отцовской лавке и ловко набивал кровавые колбасы. Низенький, лысоватый, с изрядным животиком, он меньше всего походил на рокового мужчину. Но ведь и дальний его предшественник Калиостро не отличался внешними данными. Однако сумел заморозить весь Париж, включая того самого короля, чья гуттаперчевая голова безотказно вгоняла потрясенную аудиторию в состояние шока. Особенно преуспел мосье Филипп в обращении с прекрасным полом. Стоило ему устремить маслянистые, черные, как арбузные семечки, глаза на тщателью выбранную жертву, как бедняжка тут же впадала в каталепсию. Не требовалось ни пассов, ни блестящего шарика. Тягучий пристальный взгляд, чуть нахмуренные брови — и готово.

XX век вступал в свои права, а смена эпох, как известно, характеризуется всплеском мистических настроений. В довершение всего, ждали прохождения кометы и, как водится, войны: германские канонерки стали наведываться в воды французской Африки. Сама атмосфера способствовала успеху Филиппа на новом поприще. Но, увы, он всего лишь фельдшер, хоть и зарабатывает больше иных профессоров.

На безоблачном горизонте скоропалительной карьеры гипнотизера обозначилось темное облачко. Власти уже предупредили ново-явленного Калиостро, пригрозив за незаконную врачебную практику отсидкой в тюрьме Санте. О, если бы у него только был этот вождеденный диплом! Ясновидец и не подозревал, что сама судьба готова протянуть ему спасительную длань.

На роль доброго ангела провидение избрало графа Муравьева-Амурского, российского военного агента, по-нынешнему атташе, во Французской республике. Граф и сам не знал, что привело его в изрядно обветшавший особняк поблизости от улицы Клебер, где

обычно давал свои камерные концерты Филипп, перемежая эффектные сцены советами по части биржевых спекуляций. Сеанс определенно произвел впечатление, благо бравый офицер генштаба и сам увлекался спиритическими фокусами.

В отличие от сидевших поблизости дамочек, он сохранил сознание и мужественно отклонил услужливо предложенную ложку микстуры, посредством которой несостоявшийся медик приводил в сознание менее стойких особ. Надо отдать должное, делал он это ловко и скоро. Входил в образ практикующего врача.

В это же самое время Париж навестила великая княгиня Милица, одна из двух «черногорок», которые, будучи замужем за членами императорской фамилии, играли важную и весьма неблагоприятную роль при русском дворе. Надо ли говорить, что энергичная Милица Николаевна тоже оказалась яркой поклонницей духовидения? Так уж вязались, один к одному запутанные узлы рока.

Граф поспешил поделиться щекочущим нервы ощущением и, довольный произведенным эффектом, рассыпался в похвалах чудодею. «Черногорка», дочь короля Николая (Никиты) Негоша, изъявила намерение увидеть все собственными глазами. Вскоре она уже была без ума от мосье Филиппа и поспешила поведать ему столичные тайны. Притом интимного свойства, ибо первейшей заботой царской семьи, где рождались одни девочки, была проблема наследника.

Возвратившись в северную столицу, Милица энергично взялась за дело. Расписав царице «святого отца», притом в самых восторженных выражениях, она на свой страх и риск послала ему приглашение. Филипп, который буквально накануне пережил неприятное объяснение с полицейским префектом, пришел в совершеннейший восторг. Единственное, что его останавливало, была полнейшая стерильность по части русской жизни. Кроме смутных представлений о зимних морозах, погубивших армию Наполеона, он не располагал никакими иными сведениями. Но как человеку общительному, артисту, ему не составило труда свести знакомство с агентом охраны, наблюдавшим за осевшими в Париже соотечественниками: эсдеками, эсерами и прочими. Возлияния в кабачке возле Шатле, популярном у местной полиции, помогли упрочить отношения. Филипп поделился с новым приятелем надеждами, получив взамен массу полезных советов. Филеру, прослужившему десять лет на Гороховой улице, было чего рассказать, что не помешало ему составить подробное донесение о подозрительном иностранце.

Поезд, на котором в вагоне первого класса ехал залетный гость, еще не подошел к пограничной станции Вержболово, а начальник секретной заграничной полиции Рачковский уже знал всю подноготную француза. Профессионал, продувная бестия и мастер провокации, он впервые в жизни дал маху, войдя к начальству с предложением отправить визитера восвояси.

— Я бы посоветовал вам сжечь эти бумаги, — министр внутренних дел Сипягин, превосходно осведомленный о настроениях в высших сферах, брезгливо отбросил агентурную справку из парижской полиции, присовокупленную к докладной.

Рачковский не послушался и начал действовать по собственному почину, за что вскоре и поплатился, но не о нем речь. Главарию сыска было невдомек, что императорская чета, гостящая в тот самый момент в Компьене, вызвала «чудо-доктора» на личную (!) встречу. Туго заверчено, не остановишь.

Филипп, что называется, «глянулся». И вот придворный экипаж с кучером в алой пелерине везет его в Петергоф. Во дворце для него уже приготовлена комната, дабы был неотлучно при ее величестве и мог магнетизировать хоть круглые сутки. Ведь магический флюид проходит даже сквозь стены.

Религиозный мистицизм, коему с детства была подвержена Александра Федоровна, приобрел после замужества особенно фанатичный характер. Отдавая дань всяческим суевериям, она жаждет опереться на высшую силу тем сильнее, чем острее ощущает скрытое недоброжелательство членов царской семьи и двора. Только рождение сына может упрочить ее положение.

На первых порах встречи с Филиппом окутаны покровом секретности, но тем скорее узнает о них ближайшее окружение. Слухи и пересуды множатся, достигая самых глухих углов бескрайней империи. Сдав караул, дежурные кавалергарды с наслаждением судачат с друзьями о причудах надменной «немки» из захолустного Дармштадта.

Свято место, хоть и попахивает оно отнюдь не ладаном, пусто не бывает. Кто только не перебивал и не перебивает еще в царских палатах! Чародеи, юродивые. Дарья Осипова, убогая богомолка; странник Антоний; ворожея Матрена-босоножка, славная лишь тем, что в любую погоду шлепала босиком; мещанин Митя Козьльский, так тот вообще был не в себе — пускал слюни, мычал, но в этом мычании мнился знак свыше.

Но одно дело — свои, другое — французы. Сперва Папюс, оккультный гроссмейстер, тропу проложил, нагадил, наворовал в Петербурге, теперь другой лягушатник повадился. Говорят, Папюс и повесил этого Филиппа в высшие градусы. Или, наоборот, Филипп — Папюса?

Скрыть ничего невозможно. Спиритические сеансы устраиваются поблизости от царской загородной резиденции Александрия, в доме великого князя Петра Николаевича, супруга Милицы. Николай Николаевич, дядя царя, у них первейший спирт.

Филипп превосходно понимает, что головой Людовика в России не проймешь, и «материализует» тень Александра III. Измененным голосом, но по-французски, выкрикивает пророчества, направляет по части иностранной политики, подсказывает решения по «кадровому вопросу». Уловив настроения кружка, симпатии и антипатии, подкапывается под Витте, зато благоволит

Сипягину. Затаив зло на Рачковского, требует его отставки, и поделом.

При этом картинно впадает в состояние транса. Его тело содрогается от потусторонних вихрей. Растопырив пальцы на зеленом сукне, магическую цепь вместе с высочайшей четой образуют Стана с Милицей, командир уланского полка ее величества князь Александр Орлов и мадам Лаланд, дочь магнетизера.

«Протокол», конечно же, тоже по-французски, обычно ведет Милица: — Вызываю дух...

При каждом удобном случае медиум сулит скорое рождение наследника. Нужно только все делать по правилам, «как духи указывают», то есть он, мосье Филипп.

Иногда рецепты из запредельного мира оказываются, мягко говоря, на удивление неожиданными. Для успокоения общества, например, поступает предложение переженить студентов с курсистками. Дети и забота о хлебе насущном живо отвлекут их от бунтарских затей.

Филипп постепенно начинает понимать, что более всего заботит августейших клиентов. Для пущей верности он преподносит императрице икону с шаманским колокольчиком.

— Едва появится персона, затаившая дурные намерения, как он предупредит вас своим звоном, — следует наставление.

Александра, кстати, бакалавр философии, верит и пишет царю:

«Наш друг Филипп подарил мне образ с колокольчиком, который предупреждает меня о близости недобрых людей, мешает им подойти ко мне поближе».

«Наш друг», знай себе, магнетизирует. Его апартаменты расположены рядом с царской опочивальней. Слова благодарности он выслушивает с отсутствующим видом, словно не его касается, но не выдерживает и робко, заискивающим тоном высказывает самое заветное свое желание: «Вот если бы можно было как-то поспособствовать в получении диплома французского доктора...»

Скромная просьба вызывает умиление. Мечта милого чудака отнюдь не кажется несбыточной. Посол князь Урусов получает с диппочтой соответствующее поручение МИДа. Граф Ламздорф, министр, чертыхается про себя. Отношения между двумя державами самые лучшие. Франция до сих пор под впечатлением визита предыдущего монарха. В российскую казну льется щедрый поток золотых займов. Республику не смущает, что львиная доля идет на борьбу с политическими оппонентами. В противостоянии с исконным врагом — Германией, французы рассчитывают на помощь союзника.

Под давлением русского посла даже собирается экстренное заседание правительства. Министры в легкой растерянности. Но ни они, ни сам президент Лубе не властны сотворить чудо. Университеты и ассоциации врачей достаточно самостоятельны в правовом государстве: они не пропустят в доктора шарлатана. И от полицейского

досье тоже никуда не денешься. Опять же палата депутатов, пресса. Словом, скверная, дурно пахнущая история.

Предельно вежливый, пересыпанный уверениями в дружбе и ссылками на статьи закона, официальный ответ не оставляет места для сомнений: торгаши-республиканцы не желают пойти навстречу. Александра Федоровна вне себя. «Черногорка» лишь подливает масла в огонь. Между тем, уже в начале 1902 года императрица уверилась в своей беременности! Роды следует ожидать в августе. Наверняка будет мальчик!

В курсе грядущего события только самые близкие, из внутреннего кружка. Но разве удержишь такую новость?

Великие князья атакуют взволнованными вопросами доктора Отта, однако лейб-акушер в совершеннейшем недоумении. Он решительно ничего не понимает — какая беременность? Зато обе «черногорки» — Милица и Стана — обо всем прекрасно осведомлены.

«Да, беременна, но все идет, как надо. Поэтому и не хочет показываться врачам».

Выясняется, что Филипп ухитрился внушить на очередном сеансе гипноза, что желанная цель достигнута. Александра с готовностью уверовала. Лишь почувствовав, что начавший было расти живот быстро опадает, решила призвать акушера. При первом же взгляде у того не остается сомнений: ложная беременность невротического толка, классический случай. Не вдаваясь в подробности, профессор объясняет, что и почему. В «Правительственном вестнике» появляется соответствующее уведомление, но оно настолько запутано и туманно, что лишь усиливает кривотолки.

Бедная женщина близка к отчаянию, но, по крайней мере напрямую, не связывает неудачу с Филиппом. Впрочем, каждому ясно, что миссия «святого отца» — не он присвоил себе неподобающий монашеский чин! — потерпела фиаско. Скрепя сердце, француз объявляет о скором отъезде.

Не без содействия секретной полиции, с его одежды тайно снимают мерку. Придворные портные в спешном порядке мастачат мундир военного врача. То, чего не может позволить себе гнилой республиканский режим, сущий пустяк для самодержавного властелина. Каллиграф Петербургской военной академии вписывает имя невежественного проходимца в гербовый патент доктора медицины! К сему присовокупляется и чин действительного статского советника, что соответствует генерал-майору. Форма придется тютелька в тютельку и, само собой, будет строго соответствовать уставу: золотые эполеты и галуны, малиновые лампасы и отвороты того же цвета — на парадной шинели.

Пробудившись от сладкого сна, обрадованный до изумления мосье Филипп обнаружит презент, поистине царский, аккуратно повешенный в гардеробе. Приятный хруст атласных бумаг во внутреннем кармане заставит сладко забиться его вешее сердце.

Пожалуй, даже он, невзирая на дар ясновидения, не ожидал подобной щедрости! Помимо чести, это ведь еще и денежки, притом

немалые! И можно рассчитывать на генеральский пенсион. Удивительная страна!

Жаль, но приходится прощаться.

Бон вояж, ваше превосходительство, адью! Вы как нельзя более вовремя. Григорий Ефимович Распутин, кажется, уже надумал податься в Питер...

Умер Филипп в роковом для России 1905 году. Французская полиция больше не беспокоила столь важную персону, а Папюс наезжал.

СТАРЕЦ ГРИГОРИЙ

Того замучила одышка,
Тот слаб, тот хил...
Но вот пришел Распутин, Гришка,
И угодил.
Запахло во дворце овчиной,
Таежной тлей,
Старинным говором, лучиной,
Сырой землей.

Петр Орешин

Никакой Мерлин, не говоря уже о Сен-Жермене и Калиостро, не оказывал такого всеобъемлющего, такого рокового влияния на политику государства, включая финансовую, кадровую и даже военную, как Распутин (1864/65—1916). Поэтому «Жития» ближайшего «Друга» — в переписке Николая II и Александры непременно присутствует прописная буква — представляют для нас поистине благодатное поле исследования.

Как герой кинобоевиков на историческую тему, Распутин держит абсолютное первенство: двадцать или даже двадцать пять полнометражных лент. Куда до него тому же Казанове или Ганнусену. Сотни книг, десятки тысяч статей...

Но тема по-прежнему не закрыта. Вопросов больше, чем ответов.

Григорий Ефимович Распутин родился в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии. Ефим Васильевич, отец будущей знаменитости, считался крепким хозяином. Земля, рыболовецкая артель, а в придачу ко всему еще и ветряная мельница, обеспечивали достаток. Одно время он служил ямщиком почтовых троек на тракте Тюмень—Тобольск, грузил и разгружал баржи на реке Туре.

В беседе с корреспондентом «Нового времени» Распутин так рассказывал о своем детстве:

«В пятнадцать лет в моем селе в летнюю пору, когда солнышко тепло грело, а птицы пели райские песни, я ходил по дорожке и не смел идти посередине ее... Я мечтал о Боге... Душа моя рвалась в даль... Не раз мечтаю так, я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они. Постарше, с товарищами подолгу беседовал я о Боге, о природе, о птицах... Я верил в хорошее, в доброе... и часто сживал я со стариками, слушая их рассказы о житии святых, о великих подвигах, о больших делах, о царе Грозном и многомилостивом... Так прошла моя юность... В каком-то созерцании, в каком-то сне... И потом, когда жизнь коснулась, дотронулась до меня, я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился... Неудовлетворен я был... На многое ответа не находил... И грустно было... и стал я попивать».

Что и говорить, этюд идиллический. Беседа состоялась в 1912 году когда позиции «Святого черта», как прозвал Распутина иеро-

монах Илиодор, несколько пошатнулись и требовалось срочно заткнуть рты недоброжелателям. Хрестоматийный глянец определенно навела рука новременского борзописца. Ложно-патетические придыхания не характерны для речевой стилистики Распутина. Она хоть и благостна, но не слейна, более энергично-проста. За исключением случаев, достаточно частых, когда он изрыгал площадную брань.

Возможно, он и задумывался на лоне природы о вечных истинах, — почему бы нет? — но «попивать» начал рано и крепко. Иначе как блудодеем, дебоширом и пьяницей, его не называли. Кряжистые соседские мужики частенько поколачивали его за охулку и воровство, а местный исправник и в холодную его сажал, и на порку спроваживал. Да и сам Ефим Васильевич едва не пришиб сынка, когда тот возвратился с ярмарки не только без закупок, но и без лошадей. О деньгах и спрашивать было нечего, поелику на ногах не стоял.

Пусть и размышлял пятнадцатилетний отрок Григорий о птицах и мечтал о Боге, но следующие пятнадцать лет прошли безобразно. По крайней мере, дважды был он бит до полусмерти. За кражу лошадей у крестьянина Картавцева сельская община обратилась к властям с ходатайством о высылке конокрада. Так продолжалось до тридцати лет. И вдруг разительная перемена. Не иначе «пророческий возраст» сподобил.

Довелось как-то Григорию везти в Тюмень, а от Покровского до города верст восемьдесят, монаха Мелетия Заборовского, слушателя духовной академии. Путь, вроде бы, и не такой уж дальний, но благочестивые поучения, очевидно, произвели на заматеревшего в бесчинствах мужика такое глубокое впечатление, что он покаялся и как бы даже переродился.

Эта житийная легенда могла бы выдать слезу умиления, если бы мы не знали, что «старец» продолжал пить до последних минут — в самом буквальном смысле — своей многогрешной жизни.

Илиодор, Сергей Труфанов в миру, прежде чем стать заклятым врагом Григория Ефимовича, немало поспособствовал его продвижению и лучше, чем кто другой, знал всю подноготную. О «просветлении» грешника и явленных им «чудесах» он подробно поведал в брошюре, которую так и назвал: «Святой черт», вышедшей в издательстве «Голос минувшего» в 1917 году.

«...во время молотьбы, когда над его святостью смеялись домашние, он воткнул лопату в ворох зерна и, как был, пошел по святым местам. Ходил целый год. Много видел, много слышал. Пришел домой... в хлеву у себя выкопал пещеру и молился там Богу две недели. Через некоторое время пошел опять странствовать. Повелел это ему... святой Симеон Верхотурский. Он явился ему во сне и сказал: «Григорий! Иди, странствуй и спасай людей». Он пошел. На пути в одном доме он повстречал чудотворную икону Абалакской Божьей Матери, которую монахи носили по селениям. Григорий заночевал в той комнате, где была икона. Ночью проснулся, смот-

рит, а икона плаче, — и он слышит такие слова: «Григорий! Я плачу о грехах людских; иди, странствуй, очищай людей от грехов их и снимай с них страсти».

Налицо все предпосылки священной миссии: ощущение избранничества, странствия, голоса. Будем полагать свидетельство Илиодора за правду потому что, если Распутин даже выдумал все от начала до конца, он тем не менее, действовал по легенде.

Про Распутина никак нельзя сказать, что он был «обременен» семейством, хотя к тому времени у него уже подрастал сын Дмитрий и две дочери: Матрена и Варвара. Оставив жену Прасковью с чадами, он отправился ко святым местам: побывал в Саровской пустыне и на Верхотурье, обошел чуть ли не все обители Одессы, Киева, Казани, Петербурга, Москвы, добрался до Нового Афона. Рассказывали, что на молитве он бил лбом об пол до крови. Существенные перемены претерпела его речь. Нет, она не стала более связной и грамотной, изменилась сама манера. Научившись немного читать по-церковнославянски, он уже не просто говорил, а изрекал истину в последней инстанции. Его крикливые, отрывистые, бессвязные фразы стали походить на пророчества. Среди множества изреченных оракулом запомнились сбывшиеся.

— Три месяца, до самого Покрова, не будет дождя, — предрек он однажды.

Так и случилось. О пророчестве проведали в Петербурге. Инспектор духовной академии Феофан даже прослезился:

— Вот вам и Илья пророк, заключивший небо на три года с месяцами.

В родном селе не скоро уверовали в новообращенного праведника, но по Сибири уже гуляли слухи о будто бы совершенных им чудесах. Он же любил проповедовать на природе, молился в лесах, лазал на деревья, воздвигая на вершинах кресты. Как обычно, первыми потянулись женщины, в основном молодые. Они повсюду следовали за ним, ловили каждое слово. Хоть и был он мужик, что называется, в самом соку и никогда в монахи не постригался, стали прозывать его «старцем».

Молитвы в таежной чащобе скоро обрели характер восторженный, экстатический. «Старец» обнимал и тискал свою молодую паству, водил хороводы, перераставшие в дикую пляску. Выходило что-то вроде хлыстовских радений.

Соседи, сызмальства недолголюбивавшие охальника, начали роптать, что, дескать, портит он девок. И верно сперва одного подкидыша нашли на крыльце, после — другого. Григорий ли тому виной или же кто иной — дело темное, но показывали на него. Однако худая слава несколько не повредила доброй, скорее, напротив — привлекла к нему новых почитателей. В Покровское люди стали съезжаться со всей России. Чертыхаясь в душе, почтальон тащил в распутинскую избу доверху набитую письмами и телеграммами сумку. Кто умолял благословить, кто в мудром совете нуждался или о заступничестве перед Богом просил. Григорий Ефимович не отка-

зывает. Среди его клиентуры были и убеленные сединами генералы, и молодые великосветские дамочки, и лица духовного звания. Прямо второй Серафим Саровский!

Духовных книг Григорий не признает, верит только в «живое слово». Символ веры: спасение через грех. Без греха нет покаяния, а не покайся — не обретишь блаженства.

1902 год он встречает в дороге: колесит по монастырским обителям, скитается по ночлежкам и постоялым дворам. Наконец, добирается до Петербурга. При нем рекомендательное письмо с просьбой о вспомоществовании к ректору духовной академии отцу Сергию, написанное викарием Казанской епархии Хрисанфом. В академическом общезнании состоялось знакомство с Феофаном, который уже наслышан о «старце».

Следующим важным этапом сумасшедшей карьеры становится встреча с купчихой Башмаковой, только что схоронившей мужа. Григорий утешает ее по-своему: молитвами, нашептываниями и мужицкими объятиями. «Не согрешишь — не покаешься». Миллионерша вдова привязалась к нему всей душой и повезла знакомить с родней в Казань, а после в Москву и Киев. Она не только содержит и балует «старца», но и щедро снабжает его деньгами «на добрые дела».

К началу 1904 года Григорий уже пустил в столице крепкие корни. Он произвел благоприятное впечатление на отца Иоанна Кронштадтского, который входит во дворец и сам вершит чудеса. По словам Илиодора, Иоанн дал ему напутствие помогать людям и как бы сделал своей правой рукой. В кронштадтском Андреевском соборе Распутин ловит каждое слово целителя: «Вот отец Иоанн, хоть и ростом не велик, а какую уйму народа покоряет с одного слова. Молодец, батя».

Приблизиться же к царской семье удалось с благословения Феофана. Академического инспектора, а в недалеком будущем и ректора, глубоко почитали великие князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, но первое слово в делах духовных принадлежало известным нам Анастасии и Милице. Дочери короля Черногории пользовались большим влиянием на императрицу и были душой тесного кружка спиритов. Набожность как-то уживалась у них с вызыванием духов и пристрастием к «божьим людям».

Стана первой признала в Распутине харизматическую особу. Это стоило дорогого.

Помимо высоких связей отца Феофана, перед Григорием открылась еще одна возможность быть представленным императрице. В тобольском конокраде не чаяли души Ольга Владимировна Лохтина, жена действительного статского советника, и Анна Александровна Вырубова, фрейлина и подруга ее величества.

Оставалось выработать подходящую тактику и наметить план действий. После досадного случая с ложной беременностью царь с недоверием смотрел на новых людей. Милице, сыгравшей в том деле первую скрипку не очень хотелось брать инициативу на себя.

Распутин не понимал всех этих тонкостей, сердился и нажимал на Вырубову. Она уже ни в чем не могла ему отказать и лишь ждала удобного случая. Юродствующая истеричка Лохтина только мешала, но ничего, и она где-нибудь сгодится.

«Старец», впрочем, какой он старец? Здоровый сорокалетний мужик, которому что крестьянская девка, что разряженная барыня — все едино. Распутин верен отработанной в тобольских лесах методе и действует преимущественно через женщин. Они и тут за ним табуном ходят. В квартире не протолкнешься: моржовый гарем. Не об интимной близости речь, хотя и такое случается. Вся соль в усмирении гордыни. Спасение чуткой женской души через покорность и унижение — вот, где его предназначение, колдовская сила и божественный дар.

— Я видел их гордость, — откровенничал Распутин перед угодливым репортером. — Они считали себя превыше всех... Золото, бриллианты и деньги туманили их ум... Ходили как павы... Думали, что весь свет для них... Все остальное ничто... Я полагал, что надо их смирить... унизить... когда человек унижится, он многое постигает... Я хотел, чтобы они пережили все это... И вот, в этом диком заблуждении, я заставил их идти с собой в баню... Их было двенадцать женщин... Они мыли меня и претерпели все унижения.

Двенадцать! Невольная аналогия-антитеза: римский папа ежегодно совершает в страстной четверг смиренный обряд, собственноручно омывая двенадцати священникам ноги.

У «старца» своя четко обозначенная цель. Совершив паломничество в Святую землю, он сподобился «написать» книгу «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам».

Что же это за мысли и размышления?

«В настоящее время, как у греков, все епископы грамотные и боголепие соблюдают и служат, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетой духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше».

Религия здесь затрагивает постольку-поскольку. На самом же деле Распутин озабочен одним: принципом управления. Ловец душ, он оттачивает технологию вождизма, построенную на нищете духа. Понятно, что грамотность для него — первейший враг.

«Повели нас за Патриарший двор, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем и полились слезы у верующих, все изумлены глубиной подчинения, как нас учат смиряться».

Древний церковный ритуал перетолковывается в извращенном сознании на свой лад. Так появляется баня и двенадцать «апостолических» жен. Казалось бы, мой им ступни, отирай полотенцем и умилайся собственному смирению, так нет, он находит садистское удовольствие, когда обслуживают его персону. Генеральша спину потрет, графиня пострижет заскорузлые ногти, а горячку княжну он заставит стирать исподнее.

«Банное действие» крепко засело у «старца» в башке. Недалек день, когда и царице он пришлет ценное указание:

«Золотые мои малютки, достиг град свят... напишу о всей церемонии умыли ноги я расскажу приеду вы истинные мои боголюбивые вы хоть без вас умыванье ног господи гроб это такая радость...»

Двух слов связать не может, а туда же: «размышления», «мысли»¹. Но от генеральной линии не отклоняется: банный пунктик довлеет над всем.

Для «вящего унижения прекрасного пола», как куртуазно изъясняется Илиодор, это стало одной из излюбленных им мер. В его, разумеется, интерпретации. Представ перед почитательницами в чем мать родила, он и их заставлял разнагишиться, дабы «в муках голизны своей» грешницы острее ощутили смирение.

— А может ли быть больше унижения для женщины, когда она, будучи сама обнаженной до полной наготы, моет ноги голому мужчине, — поучает тобольский мессия.

Когда же и это средство оказывается недостаточным, чтобы привести к полной покорности, к зомбированию, говоря нынешним языком, «старец» прибегает к более сильному.

Черносотенец и мракобес Илиодор, возможно, в чем-то и перебарщивает — ненависть не способствует объективности, но французского посла Мориса Палеолога в пристрастном отношении заподозрить трудно. Между тем, в своей книге «Царская Россия накануне революции» он упоминает Распутина 76 раз, а Николая II — лишь 36! Это лишний раз свидетельствует о той страшной власти, которую обрел таежный маг над правящей верхушкой.

К мемуарам французского маркиза и потомка византийских базилиевсов нам еще предстоит обратиться. Здесь же уместно привести эпизод из его работы «Распутин».

Среди множества скандальных сцен, где закоперщиком был старец, большой шум вызвали его похождения в Казани. Изгоня бесов из обитательниц тамошнего публичного дома, он до того увлекся, что выскочил на улицу, гоня перед собой голую девку, которую лихо нахлестывал своим поясом. Мазохистский комплекс он интуитивно нащупал еще в Покровском. Сестры Александра и Ирина Дубровины скончались от побоев, так и не обретя обещанного спасения.

Пояски старца с нашитыми на них образками раздавали потом новобранцам перед отправкой на фронт в качестве амулетов от вражеских пуль.

В Петербурге «распоясаться» в полную силу было не с руки. Великосветский салон все ж не таежная поляна. Подавление гордыни, помимо бани, ограничивалось обычно «шлепаньем ладонью по голому телу», как призналась одна из клиенток на исповеди отцу Феофану.

¹ Книга, записанная со слова Распутина анонимным литератором, вышла в свет в 1915 году, но в продаже не появилась.

Во всей красе старец раскрывался, так сказать, в «сложных случаях», когда приходилось изгонять «всамделишных бесов». Перед его методами бледнеет изощренная практика средневековых экзорцистов.

— Власть изгонять бесов дана мне самим Господом за усиленные подвиги поста и молитвы, — похвалялся он, ничуть не смущаясь. — Мне прикоснуться к женщине, все равно, что к чурбану. У меня нет похоти. И дух бесстрастия во мне сущий, я передаю им, а они от этого делают чище, освящаются.

«Освященных» таким манером не счесть. Большинство и становились послушными рабынями Григория Ефимовича, но находились и такие, кому процедура изгнания не пришлась по душе. Жалобы на растление и поругание женской стыдливости достигали порой самого царя, но понимания не встречали.

— Ничего здесь неладного нет, — наставляла сомневающихся возмущенная «клеветами» генеральша Лохтина, — для святого — все свято. Что, отец Григорий такой, как все люди, что ли? Люди делают грех, а он тем же только освящает и низводит благодать Божию.

Е. Джанумова рассказывает в книге «Мои встречи с Распутиным» о постоянных домогательствах «старца».

— Без любви я силы своей лишусь, — увещевал он, — и ты отнимаешь у меня силу мою.

— Почему вы не соглашаетесь принадлежать ему? — негодуя допытывалась высокопоставленная завсегдатайница распутинских собраний. — Разве можно отказать такому святому?

— Неужели же святому нужна грешная любовь? — недоумевала строптивница. — Какая же это святость, если ему нужны женщины?

— Он все делает святым и с ним всякое дело святое.

— Да неужели же вы согласились бы?

— Конечно! Я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью.

— Но ведь вы замужем — как же муж?

— Он знает это и считает это великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши, у кого есть мужья. Теперь мы все видим, как он мучается из-за вас. Я решила все вам высказать от имени всех почитательниц отца, просить вас не мучить еще больше святого отца, не отклонять благодати.

Вот так-то...

О своих встречах со «старцем» поведала публицист В. А. Жуковская, интересовавшаяся сектантской практикой. Ее рукопись, хранящаяся в Центральном архиве литературы и искусства, интересна, прежде всего, живыми подробностями и зорко схваченными деталями, характеризующими не только самого Распутина, но, что не менее важно, «внутренний круг» его присяжных почитательниц.

«Я случайно попала в редкую минуту, когда номер был свободен.

— Ну, кто там? Ну, слушаю.

— Говорит молодая дама. Я очень много о вас слышала, я не здешняя, и мне очень хочется вас увидеть.

— Знаешь што? — заторопился он. — Приезжай ко мне сейчас, хошь?

Менее чем через час я входила в подъезд огромного серого дома на Английском проспекте. В широком светлом вестибюле стояли рядом подъеденные молью чучела волка и медведя. Шкуры лесных хищников казались жалкими на фоне декадентского окна, на котором засыхал куст розового вереска. Лифт остановился на самом верху. На звонок открыла невысокая полная женщина в белом платочке.

— Вам назначено?

— Да.

— Ну, входите. Нет, здесь не раздевайтесь, — прибавила она, видя, что я направилась к вешалке, — снимите там, если хотите.

После я узнала, что привилегия раздеваться в передней давалась только тем посетителям, которые считались своими и проходили не в «ожидальню», так называлась приемная для посетителей, а во внутренние комнаты.

— Григорий Ефимович еще не вернулся от обедни, — затворяя за мной дверь, сообщила женщина.

Большая комната была почти пуста, если не считать нескольких стульев, расставленных около стен далеко друг от друга. Обиты они были грубым кретоном, в новом стиле. Огромный неуклюжий буфет около нелепо раскрашенной печи с какими-то зелеными хвостами у карниза. В комнате трое посетителей.

Дверь передней приоткрылась, и из нее, шмыгая туфлями, поспешно, как-то боком выскочил Распутин. Раньше я не видела даже его портрета, но сразу узнала, что это он. Коренастый, с необычайно широкими плечами он был одет в меловую шелковую рубашку с малиновым поясом, английские полосатые брюки, на ногах — клетчатые туфли с отворотами. Темная морщинистая кожа обветренного, опаленного солнцем лица его складывалась длинными узкими полосами, как на всех пожилых крестьянских лицах. Волосы, небрежно разделявшиеся на пробор посередине, и довольно длинная аккуратно расчесанная борода были почти темно-русого цвета. Глаз я не разглядела, хотя, войдя, он тотчас же посмотрел на меня, но подошел к субъекту в плохо сшитом костюме.

— Ну што надо-то, ну говори, — сказал он негромким говорком.

Проситель стал излагать какое-то запутанное дело. Из его слов я поняла, что это был сельский учитель, так как он несколько раз упомянул, что ему все сделала бы записочка к товарищу министру народного просвещения. Нахмурясь, Распутин нехотя сказал:

— Ох, не люблю я просвещений этих. Ну, постой, ну ладно, ну жди, напишу.

Затем он подошел к действительному статскому советнику, но тот попросил разговора наедине. Распутин посмотрел было в сторону вставшей, как все сделали при его входе, девушки, робко стоявшей у притолоки, но потом повернулся и направился ко мне. Я увидела широкий, попорченный оспой нос, скрывающиеся под усами узкие бледные губы, а потом в мои глаза заглянули его — небольшие, светлые, глубоко скрытые в морщинах. Сначала они показались совсем обычными, но уже в следующую минуту мне стало неловко, и я почувствовала ясно, что там, за этой внешней оболочкой, сидит кто-то лукавый, хитрый, скользкий, тайный, знающий что-то свое, страшное.

— Это ты, душка, утрием звонила? — быстрым придыхающим говорком спросил Распутин.

Я кивнула.

— О чем хотела поговорить?

— О жизни, — ответила я неожиданно, захваченная врасплох, так как сама не знала, о чем я стану говорить с Распутиным.

Повернувшись к двери, он позвал:

— Дуня!

На зов вошла смиренница в зеленой кофте и белом платочке.

— Проведи в мою особую, — вполголоса сказал Распутин, указав на меня.

Мы вошли в длинную узкую комнату с одним окном. Оставшись одна, я огляделась. У стены около двери стояла кровать, застланная поверх высоко взбитых подушек пестрым шелковым лоскутным одеялом, рядом стоял умывальник со вделанным в дощатый крашевый стол тазом, по краю стол был обит коленкором. Около таза лежал обмылок розового мыла, на гвозде висело чистое полотенце с расшитыми концами. Около умывальника письменный стол, на нем плохонькая, вся залитая чернилами чернильница, несколько ручек с грязными перьями, карандаш, две бумажные коробки, полные отдельно нарванных листочков бумаги, масса записок разных почерков. На самой середине стола будильник и около него большие карманные золотые часы с государственным гербом на крышке. У стола два кресла. Наискось от окна у противоположной стены женский туалет с зеркалом, совершенно пустой. В углу не было иконы, но на столе большая фотография алтаря Исаакиевского собора и на ней связка разноцветных лент.

В столовой зазвонил телефон. Дверь в нее была неплотно прикрыта, и я услышала, как Дуня спросила: «Кто». Но внезапно голос ее изменился, стал угодливым. Она живо прошлепала мимо двери, и сейчас же за ней зашмыгал Распутин. Я слышала, как она шепнула ему: «Анна Александровна». Значит, Вырубова.

Отрывистые ответы Распутина ясно доносились до меня:

— Ну, люди у меня. Немного. Ну, здоров. Ничего. Приезжай к чаю. В шесть приедешь? А когда же? Эх, занят буду. Ну ладно! Жду.

Кончив разговор, он вошел ко мне, затворив дверь и придвинув кресло, сел напротив.

— Что скажешь хорошего?

— В жизни хорошего мало, — сказала я.

Он засмеялся, и я увидела его белые зубы — крепкие, точно звериные.

— Это ты-то говоришь! Знаешь стих церковный: от юности моя мнози борют мя страсти, но сам я заступи и спаси спасе мой, знашь?

— Знаю, — ответила я, недоумевая и не понимая, к чему он это сказал.

— Ты постой, постой, — торопливо остановил он меня. — Я тебе все как есть докажу. Грех на то и дан, чтоб раскаяться, а покаяние — душе радость, понимаешь? Знашь, поговей на первой неделе, што придет.

— Зачем? — спросила я.

— Тута спрашивать неча, — забормотал он, — хошь верь тому, што я говорю, тогда слушать должна, а я тебе все скажу, всю правду докажу ходи только ко мне почаще. Посиди маненько, а я письмо напишу, пратецю просят.

Подойдя к столу, он взял перо и стал писать, громко шепча каждое слово. Перо вихлялось в его руке, как привязанное. Буквы крупные, кривые, он точно нарочно прилеплял к бумаге. Я сказала наконец:

— Ну, долго же им придется ждать вашего письма.

Распутин махнул досадливо рукой:

— Ох, больно уж не люблю писаний этих. То ли дело слово живо, а то гляди, чиста сажа. Вот только и написал.

Он протянул мне записку. Там стояло нелепыми каракулями выведенное: «Милой дорогой не аткажис прозбу аместве можешь иму дать Григорий».

— А что же вы не пишете, кому? — спросила я.

— А нешто я могу всех упомянуть, чай сами знают, какому министру несть, а для меня все одно: «милой дорогой». Я всем так пишу.

...Дуня сказала мне, что Распутин у обедни, и, не дав раздеться в прихожей, где на вешалке уже висело множество нарядных шубок, провела в ожидальню. Через несколько минут из двери в переднюю поспешно вышел он сам в нарядной голубой, расшитой шелками рубашке, плисовых штанах и лакированных сапогах.

— Што же это она тебя к гостям-то не свела? — торопливо забормотал он, увлекая за собой, но у двери в столовую вдруг задержался и подозрительно посмотрел на меня: — А может, лучше не надо?.. Ну идем!

В столовой ослепительно сверкал хрусталь, и, как сквозь радугу ярких зимних лучей солнца, я увидела лица сидевших за столом, где Любовь Валериановна Головина вела себя, как хозяйка, всех угощала и поддерживала общий разговор. Около нее — немолодая, но очень красивая генеральша Ливен, за ней полная, обрюзгая

Шаповальникова — владелица одной из частных гимназий, давнишний друг Распутина.

— Аннушку знаешь? — тихонько шепнул мне Распутин, подмигнув на соседку Шаповальниковой, Вырубову. Я посмотрела на нее с любопытством. Высокая полная блондинка, одетая как-то слишком просто и даже безвкусно лицо некрасивое с ярко-малиновым чувственным ртом и неестественно блестящими большими голубыми глазами. Оно постоянно менялось, было какое-то ускользающее, обманное. Ненасытное беспокойство сменялось в нем с почти аскетической суровостью. Такого лица я больше в жизни не видала.

Сидевшая рядом с ней Муня Головина поглядывала на меня, а я несколько секунд не могла отвести взгляда от ее соседки. Она была как-то неестественно бледна, и тем ярче выделялись на этом лице тонкие красные губы. Одетая в лиловый шелк и маленькую шапочку из черно-синих крылышек, она сидела спокойная и безучастная, глубоко засунув руки в горностаевую муфту. Я не спросила, кто она, узнав по ранее виденным портретам великую княгиню Милицу Николаевну.

На углу стола кипел ведерный, ярко начищенный самовар, и стол был буквально завален разной снедью, но сервировка была очень странная. Рядом с роскошными тортами и великолепными хрустальными вазами с фруктами лежали прямо на скатерти груды мятных пряников и связки больших баранок. Варенье стояло в замазанных банках рядом с блюдом роскошной заливной осетрины.

— Ну пейте чай, пейте, — сказал Распутин.

Вырубова встала и, подойдя к Распутину, подала ему на ломте хлеба два соленых огурца. Перекрестясь, он принялся за еду. Он ел и при этом говорил «поучения».

— Вот, — сказал Распутин, прожевывая огурец, — вчера пришла она ко мне, — он кивнул на меня, — о вере мы с ней говорили, и никак убедить я ее не мог. Она, вишь, в церкву не ходит, а я ее причащаться посылал. Не идет, такая супротива.

В разговор вступила старая Головина:

— Хорошо, что вас привело к Григорию Ефимовичу, — сказала она, ласково на меня глядя. — Вот походите с недельку к нему, и вам вся жизнь сразу станет яснее.

— Только вот правильно жить надоть, — заключил Распутин и, обращаясь ко мне, продолжал: — Вот солнышко-то как нынче светит радостно. Это оно для тебя светит, потому ты на добро пришла. Знашь, так всегда бывает, кому вера-то есть. Вот солнце тоже, когда глядит из дома, то все люди особыми будто стали, а по делу-то, глядишь, оно и выходит солнечно. Ходи в церкву, — неожиданно закончил он свое туманное «поучение», которому все внимали с благоговением. — Вот тоже Ольга, — продолжал он, прожевывая огурец, — была баба умна, в Бога верила, в церкву ходила, вдруг словно што ее, подлюку, ужалило, своротила в сто-

рону. Чует мое сердце, што явится она и не даст мне стакана чая толком допить.

И точно в ответ на его слова, в передней раздался сильный шум. Я повернулась к полуоткрытой двери, а на пороге уже колыхалось что-то невероятно яркое, косматое, нелепое и высоким звенящим голосом выкрикивающее по-кликушечьи:

— Хри-и-и-сто-с во-о-о-скре-с-и!

— Ну вот тебе, Ольга, радуйся! — сказал Распутин.

Мимо меня пронеслось что-то никогда ранее мною не виденное и рухнуло между моим и Распутина креслами. Это генеральша Ольга Константиновна Лохтина. Я отчетливо запомнила белую козью ротонду, веером распластавшуюся по полу, а потом какой-то мех на затылке — густой, желтый, вонючий.

Поднявшись с полу, Лохтина протянула Распутину шоколадный торт, выкрикнув немного более по-человечески:

— Вот гляди, при-и-нес-ла — сверху бе-лень-ко-е! Внутри чер-ненькое!

Распутин, сидевший с момента ее появления отвернувшись и насупившись, повернулся к ней, взял торт и, сунув его на край стола, сказал скороговоркой:

— Хорошо, отстань, сатана!

Стремительно вскочив, Лохтина обняла сзади его голову и стала дико целовать, выкликая захлебывающимся голосом. Уловить слова было почти невозможно, и только иногда проскальзывало что-то напоминавшее человеческую речь: «Дорогусенька, сосудик благодный, бородусенька, бесценнице, мученьнице, бриллиантик, алмазик мой, боженочек мой, сокровище мое, ближненький мой, святусик!!».

Отчаянно отбиваясь, Распутин кричал, полузадушенный.

— Отстань, сатана! Отстань, бес, сволочь, дьявол! — Наконец, оторвав ее руки от своей шеи, он отбросил ее со всего размаху в угол, и весь красный, взъерошенный, задыхаясь от злости, крикнул: — Всегда до греха доведешь, сила окаянная!»

Подруга царицы Вырубова, великая княгиня Милица Николаевна, жена камергера двора Головина (сестра княгини Палей, жены великого князя Павла Александровича), генеральша Лохтина — солидная клиентура. И это лишь один, случайно выхваченный из жизни Григория Ефимовича день!

Муня — дочь Головиных Мария, в 1909 году познакомила «старца» с грядущим его убийцей — князем Феликсом Юсуповым, графом Сумароковым-Эльстоном.

Юсупов едет учиться в Англию, в Оксфорд, «старец» собирается пожить в Саровской пустыни. Никто не знает своей судьбы.

1 мая 1914 года Распутин переехал с Английского проспекта на Гороховую, 64. В этой его резиденции была обширная ванная, так что надобность в банных мистериях отпала. Все можно было делать на дому, не шокируя филеров и случайных свидетелей. Охранка, кстати, находилась там же, на Гороховой.

Триумфальные успехи «старца» окончательно восстановили против него прежних покровителей.

Когда он поехал в Покровское поднабраться сил на природе и вообще повидать родные края, Илиодор подослал к нему истеричную сифилитичку Феонию Гусеву, которая набросилась на «старца» с ножом. Метя в живот, она пропорола ему мочевой пузырь, что могло бы закончиться скверно, но битый-перебитый конокрад и тут выкрутился. Организм у него был богатырский, да и сила самовнушения не подвела. Но болел тяжело. Феонию судили, но нашли невменяемой и отправили в дом умалишенных.

Опасаясь преследования, Илиодор бежал в Норвегию, где и опубликовал свои разоблачительные записки. Сенсацию в Христиании, ныне Осло вызвало письмо Александры Федоровны к старцу, дававшее основания заподозрить интимную близость. Журналисты просили Илиодора продемонстрировать подлинник, но заграничная агентура поспешила выкрасть документ. Тогдашний министр внутренних дел А. А. Марков поспешил лично вручить опасное письмо царю. Николай бросил его в горящий камин, устроив предварительную семейную сцену. Никаких дурных последствий для выздоравливавшего Распутина это не имело, а Марков в скором времени лишился портфеля.

Поездка в Тобольскую губернию скорее походила на ссылку. Поддавшись оказываемому на него давлению, царь дал согласие убрать одиозную личность из Петербурга. Однако недруги Григория Ефимовича явно недоценили целеустремленность и волю царицы.

Шрамы от ножевых ран затянулись, Распутина затребовали обратно, и все пошло своим чередом.

Телефон в квартире на Гороховой не умолкал ни на минуту. От желающих «полечиться» не было отбоя. Счастливицы, которым было «назначено», приходили загодя и робко усаживались в «приемной». «Святой отче» туго знал, где прячется блудный бес и чем его можно оттуда выгнать.

— Была в Царицыне Еленушка, жена извозчика, — со смаком живописал «пустынный» Илиодор, — молоденькая, полная и очень симпатичная бесноватая. Как, спрашивается, помочь?

Известно, как. Илиодор начал молитвы читать, а «старец» перенес бившуюся в корчах на лавку.

— Знаешь, где у нее бес? — спросил он монаха.

— Да где? Как у всех: тут, под ложечкой.

— Нет! У нее бес не простой — блудный. Слушай-ка, друже, езжай-ка ты домой, а я того... Выгоню нечистого.

— Как выгонишь?

— А ты бы как изгонял?

— Известно: молитвой, крестом да водой.

— Водой! Нет, так его не возьмешь. Его, проглятого, вот чем нужно — Распутин сделал недвусмысленный жест.

Тем же безотказным оружием одолел он в Царицыне и беса, засевшего в богатой купчихе лет пятидесяти.

Прежде чем взяться за дело, он полез к хозяйской невестке, но та на ее счастье, сумела вырваться и убежать.

— Шутю! — засмеялся «старец» и принялся оглядывать парадные комнаты. — Не, здесь беса нельзя изгонять. Нужен какой-нибудь закуток, чтобы некуда было ему податься.

Пошли осматривать дом. Распутин выбрал комнатку для прислуги, где, кроме кровати и тумбочки, ничего не было. Привели одержимую. Она, как увидела «старца», так сразу замычала и трясись начала.

Распутин толкнул ее на кровать, гаркнул на перепуганных домочадцев и закрыл дверь.

Вскоре послышалась возня, сопровождаемая воплем и стонами. Наверное, одному дураку-мужу, которого тоже трясло, как в лихорадке, было невдомек, что там происходит. Тянулось это довольно долго.

Наконец, слегка пошатываясь, вышел «целитель». Был он багров лицом, потен и натужно дышал.

— Ну, брат, вот бес, так бес! Фу, какой здоровенный. Ну, я и уморился! Мотри, вся сорочка мокрая. Ох, устал... Заснула она... Пушай поспит.

Бедный хозяин заплакал. То ли от радости, что все так хорошо закончилось, то ли еще от чего...

Не чета папюсам и филиппам был будущий Друг!

«Какому дьяволу?» Звали, и он пришел.

ПАПЕРТЬ ВЛАСТИ

Рассказать обо всех мировых дураках,
Что судьбу человечества держат в руках?
Рассказать обо всех мертвецах-подлецах,
Что уходят в историю в светлых венцах?

Георгий Иванов

Все обречено порастить былъем. Различие лишь в сроках.

Ныне, когда по поводу и без того повсеместно вспоминают о дореволюционной России, весьма своевременно напомнить о порядке подзабытой фигуре, чья власть была поистине безграничной. Речь идет об Анне Александровне Вырубовой (1884—1964). В драме, которую можно было бы озаглавить «Гибель империи», ей была уготована двойная роль: почти бессловесного статиста на авансцене и чуть ли не режиссера за кулисами. Скромная фрейлина отнюдь не стремилась к катастрофической развязке, напротив. Однако именно ей суждено было стать связующим звеном между главными героями, которые подчас выглядят марионетками в руках кукловода.

Даже умнейший Сергей Юльевич Витте, министр финансов, а затем и глава кабинета, не сумел разглядеть в хитросплетении приводных нитей ключевого узла. Он увидел всего-навсего «глупую петербургскую барышню влюбившуюся в императрицу и вечно смотрящую на нее влюбленными медовыми глазами: «ах! ах!». Непростительное заблуждение, стоившее в конечном счете карьеры.

Лишь Александру Блоку, который в качестве члена следственной комиссии Временного правительства навестил Вырубову в Петропавловской крепости, приоткрылись сумеречные глубины исковерканной души этой загадочной женщины.

«В показаниях Вырубовой нет ни одного слова правды, хотя она сама даже перед собой убеждена, что она лгала только там, где нельзя узнать (Распутина нет на свете), или там, где это может быть нужно для ее любимого знакомого семейства. Как ужасно само существование таких женщин: они столь же отвратительны, сколь очаровательны... Вырубова была только отвратительна».

Люди, знавшие Аню Танееву в молодости, в один голос отмечают ее типично русскую, в духе Кустодиева, красоту. Высокая, породная, с пышными пепельными волосами и пылающими румянцем щеками, она, еще будучи девицей, казалась зрелой матроной балзаковского возраста.

«В ней нет ничего женственного. Ее ноги колоссальны и крайне не аппетитны», — отзывалась царица Александра Федоровна. Казалось бы, только чудо могло столь тесно соединить «глупую барышню» Аню, — обмишурился Витте! — и властную англезированную Александру. Собственно, оно и случилось, чудо.

Шансы приблизиться ко двору были ничтожны. Хотя отец Ани — А. С. Танеев — и дослужился до обер-гофмейстера и статс-

секретаря, он всего лишь чиновник. Не может похвастаться ни нужными связями, ни принадлежностью к титулованной знати. В качестве управляющего канцелярией он, правда, имеет право на «доклад», но должность его скорее бутафорская. Не всякому министру открыт доступ в кабинет царя. У матери, урожденной Толстой, кое-какие знакомства имеются, но опять же не на самых верхах.

Аня Танеева берет заботу о своей судьбе в собственные руки. Образ молодой блестящей императрицы еще с детства запал ей в сердце. День за днем она кружит по дорожкам Царскосельского парка, лелея надежду случайно встретиться со своим божеством и поклониться ему. Только и всего. Между тем, она даже не умеет, и не научится впоследствии, делать надлежащие реверансы. И не говорит по-французски, и вообще никак не вписывается в общую атмосферу. Ее внушительным телесам тесно и душно в корсете, да и танцевать она в сущности не умеет, но всеми правдами и неправдами пролезает на балы «с высочайшим присутствием». Кавалеры не замечают ее. Так и стоит, прислонившись к стенке, вперив тоскующий взгляд в стройную фигуру, усыпанную бриллиантами.

Напрасны ее попытки передать, через отца, рисунки и вышивки. Во-первых, они более чем посредственны, во-вторых, и это главное, папеньке не так уж часто удается предстать перед очами царицы. В отличие от покойного Танеева-старшего, занимавшего ту же должность, Танеев-младший — полное ничтожество. Таковы единогласные отзывы.

Безнадежную ситуацию разрешает случай. На Аню сваливается тяжелейший недуг: она теряет дар речи и в полубессознательном состоянии оказывается на грани смерти. Врачи не надеются на благополучный исход. В минуту просветления больная дает понять, что ей нужен священник, притом именно отец Иоанн Кронштадтский. Чудотворная знаменитость приезжает. Отслужив краткий молебен, внезапно выплескивает прямо в лицо умирающей холодную воду. Напрасно дипломированные медики делают возмущенные мины. За судорогой и корчами следует успокоение. Разлипаются гноящиеся веки, запекшиеся губы трогает улыбка. Облегченно вздохнув, Аня погружается в целительный сон. Пробудится она уже совершенно здоровой, без признаков горячки.

Слух о чуде распространяется по всему Царскому Селу. Именно это и привлекает внимание Александры Федоровны, которую властно влечет все таинственное, непознаваемое. Вместе с роскошным букетом белых лилий царица посылает высочайший привет. Первый контакт установлен. Пусть за ним ничего и не последовало, Аня не теряет надежды и терпеливо ждет подходящего случая где нужно, и подхлестывает медлительного иноходца фортуны. Узнав, что сестра царицы Елизавета остановилась в Неаполе, спешно отправляется в дорогу и «случайно» попадает на глаза великой княгине. Улучив удобный момент, умоляет о протекции. В итоге Ане Танеевой удается заполнить придворный чин и шарф фрейлины ее величества. Уж она-то не забудет, что в основе всего лежало

чудо! Быстро сообразит, оказавшись в свите, какие средства оказывают влияние на умонастроение царицы. Они-то и помогут Ане противостоять ледяному равнодушию двора. Она исправно дежурит на балах, присутствует на выходах. Скрывая неутоленное честолюбие, ухаживает за парализованной княжной Орбелиани. Так, без признаков продвижения, проходит первый фрейлинский год.

Счастливая перемена обозначается в роковой для России 1905-й. Вестником ее становится командир уланского ее величества полка Орлов. Давний знакомый семьи, он имеет на Танееву свои виды, ибо у обоих на уме единый предмет. Еще в то время, когда Аликс впервые приехала в Россию и была вроде бы как отвергнута в качестве невесты престолонаследника, красавец-конногвардеец был одним из немногих, кто проявил к ней участие. Не суть важно, был ли Александр Афиногенович влюблен в царицу или же притворился из соображений карьеры. Александра Федоровна определенно испытывала к нему нежные чувства. Полковник в сорок, генерал-лейтенант свиты в сорок четыре, он стремительно продвигался по службе. Свой человек в окружении императрицы оказался бы весьма кстати. Но Аню необходимо было поднять. Орлову ничего не стоило замолвить словечко. В начале осени, за месяц до того дня, когда Витте вынудил царя подписать конституцию, фрейлина Танеева получила приглашение на морскую поездку. Милость неслыханная! На борту «Полярной звезды» только высочайшее семейство и самые избранные: друг царя морской министр Бирилев, флигель-адъютанты, гоф-лектриса Шнейдер (чтица и учительница русского языка) и, разумеется, Орлов. Невзирая на штилевую погоду, царица редко выходит на палубу полюбоваться финскими шхерами. Аня робко держится поблизости от Шнейдер — той самой, кто сохранит преданность царскому семейству до расстрела в подвале. Столь страстно вожаденное сближение происходит у фортепьяно. Вскоре царица и фрейлина уже играют в четыре руки и распевают арии.

— Вы теперь абонированы ездить с нами, — с милостивой улыбкой ободряет фрейлину государь.

— Благодарю Бога, что он послал мне друга! — со слезами на глазах восклицает царица, протягивая Ане обе руки.

После морской прогулки, продлившейся три недели, положение неловкой молчуньи кардинально меняется. Отныне «друг» становится наперсницей и своего рода дуэньей, столь необходимой Александре Федоровне для встреч с Орловым. Он же, в свою очередь, вырастает в значительную фигуру власти. Теперь этот уже седеющий фаворит гвардейских скачек не просто искатель чинов и прожигатель жизни, подстегивающий нервы кокаином. Женитьба на графине Стенбок-Фермор открывает ему доступ на самую верхушку аристократической пирамиды. Герой сплетен и соучастник спиритических сеансов Александры Федоровны, он удачным ходом проводит пешку в ферзя. В лице Танеевой Россия обрела не очередную ворожею, вроде протезируемой все тем же Орловым Дарьи Осиповой, но подлинную временщицу. В раскладе дворцовых сил генера-

ду отводится важное место, особенно после кровавого замирения бунтующей Лифляндии. Пожалуй, даже слишком важное.

Царь ревнует и устраивает семейную сцену. Царица в обмороке. Версия о связи Орлова с Танеевой не выдерживает серьезной критики. Нужно более солидное прикрытие, тем более, что Орлов, подорвав здоровье жены кутежами, остается вдовцом. Александра Федоровна спешно выдает Танееву замуж за лейтенанта флота Вырубова. Супруги холодны, если не враждебны, друг к другу. Морской офицер подает в отставку и расторгает брак. Дворяне Полоцкого уезда выбирают его предводителем.

Лихорадочное мельтешение не способно остановить назревающую грозу. Николай отсылает Орлова в Египет, откуда тот, подхватив чуму, возвращается в свинцовом гробу. Александра и Анна тайно приносят цветы на его могилу и льют слезы. Это сближает еще теснее. Царице, у которой усилились головные боли и начались нервные срывы, особенно нужен теперь «данный Богом Друг».

Ну, наконец!

На сцене появляется долгожданный Григорий Ефимович Распутин.

— Новый, новый! — обрадованно закричал крошка-цесаревич, увидев бородатого мужика. — Новый дядя!

Царское слово — золотое слово. Распутину, чья официальная должность зовется «лампажник» — он должен следить, чтобы не выгорело масло в лампадах перед киотами, — жалуется дворянство и фамилия: Распутин-Новых!

Бывший варнак, конокрад отличается недюжинной гипнотической силой. Он, единственный, кто способен поддерживать жизнь страдающего гемофилией престолонаследника, вскоре превращается в глазах царской четы и в единственного охранителя трона.

И кто иной, если не Анна Вырубова, положила путь к этому самому трону злейшему гению царской семьи?

Интересна завязка, непосредственно связанная с Вырубовой. Первый «выход в свет» человека, которого Иоанн Кронштадтский с Илиодором назовут «святым чертом», состоялся благодаря самому же Иоанну, так ловко исцелившему Аню!

Слух о чудесном «старце» донес до царских ушей отец Феофан. Но одно дело услышать, другое — внять и поверить. Тут уж постаралась Вырубова, на которой Григорий давно опробовал свою чародейную силу. Вначале Александру настроили на благожелательный лад, затем — самого Николая.

Однажды вечером царица, как обычно в четыре руки, играла с Вырубовой «Лунную сонату» Бетховена. Дело близилось к полуночи. В соседней полуосвещенной комнате ждал Распутин, тайно введенный во дворец всемогущей фрейлиной.

— Не чувствуешь ли, Сана, что происходит нечто особенное? — спросила она, когда часы отзвонили двенадцать, и обернулась к дверям.

— Да, — глаза царицы последовали за подругой, которая уже давно обращалась к ней вот так, запросто. Затем вскрик и бурный

нервический припадок: чей-то пристальный взгляд, казалось, прожигал насквозь.

— Не бойся, милая, Христос с тобою, — ласково прошептал незнакомец и, подойдя вплотную, принялся оглаживать августейшие плечи и голову.

Успокоение наступило мгновенно и сразу пришло понимание, что это тот самый, рекомендованный. И «черногорки» его расхваливают!

Не менее парадоксально было и первое свидание с Николаем, которого старец тоже сперва напугал, выскочив из-под стола. Вроде сошло, коли так, можно завернуть и покруче!

«Было раз так, — рассказывал Илиодору отец Феофан. — Государь и государыня с наследником на руках, я и он сидели в столовой во дворце. Сидели и беседовали о политическом положении в России. Старец Григорий вдруг как вскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя. Государь вздрогнул, я испугался, государыня встала, наследник заплакал, а старец и спрашивает государя: «Ну, что? Где екнуло? Здесь, али тут?» — при этом он сначала указал пальцем себе на лоб, а потом на сердце. Государь ответил, указывая на сердце: «Здесь; сердце забилося!» — «То-то же», — продолжал старец: — «Коли что будешь делать для России, спрашивай не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума...» Государь сказал: «Хорошо», а государыня, поцеловав ему руку, произнесла: «Спасибо, спасибо, учитель».

Об уме тут и говорить не приходится. Когда слепое, темное суеверие затмевает рассудок, то никакое сердце уже не поможет.

Старец по-своему мудр, проницателен. Здравый рассудок — первейшая помеха его новым чарам.

Эксперименты царский лампадник проводит рискованные. Стуча кулаком по столу, гордыню смиряет. Это его конек! Сказываются хлыстовские навыки. Словно укротитель, щелкнув бичом, добивается гипнотического раппорта.

Вскоре он уже будет звать владык «папа» и «мама».

Для излечения нервных женщин Распутин знал два основных, уже известных нам, способа: «изгнание беса», что подразумевало «физиотерапию» в постели, и «смирение гордыни».

— Я царицу на руках носил, — похваляется «Друг»-лампадник, — давил, прижимал, целовал.

Последние слова записаны директором департамента полиции С. П. Белецким.

«Когда я бываю у царей, я целые дни провожу в спальне царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне свою голову, я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится. Так я делаю часто, часто», — записывает за «старцем» Илиодор, замислив убийство удачливого пройдохи.

«Я делаю с ней все, что хочу», — цитирует Палеолог донесение своего информатора.

«Мать мне надоела: я с дочкой Ольгой». Так он неоднократно позволял себе это говорить», — показал министр внутренних дел А. Н. Хвостов перед Чрезвычайной следственной комиссией.

Возможно, многое преувеличено.

«Ни с императрицей, ни с Вырубовой он не жил», — значится в дневнике Блока. Но «гордыню смирял». О том, как это происходило с Вырубовой, поведал тот же Хвостов: «Она целовала полы его кафтана!.. Он всячески над нею надругивался: например, привозил к ней уличных женщин, свою кухарку, какую-нибудь судомойку, грязную публичную женщину — всех заставлял угощать, кормить... Он заставлял ее делать все, что было угодно».

Министр, конечно, большой интеллект, подстать нынешним, но суть от этого не меняется. Не надо думать, что Вырубова была бессловесным орудием в руках старца. Напротив, она ловко и цинично использовала в собственных целях его чудовищное влияние. С первого и до последнего дня они нужны были друг другу. Распутин и Вырубова работали что называется, в паре, подобно тому, как взаимовыгодно сопутствовали прежде Танеева и Орлов.

В 1913 году Вырубова серьезно пострадала при железнодорожной катастрофе на перегоне Петербург—Петергоф.

«Будучи в бредовом горячечном состоянии, — пишет С. П. Белецкий, — не открывая все время глаз, А. А. Вырубова повторяла лишь одну фразу:

— Отец Григорий, помолись за меня!

Узнав о тяжелом положении Вырубовой со слов графини Витте и не имея в ту пору в своем распоряжении казенного автомобиля, Распутин воспользовался любезно предоставленным ему графиней Витте ее автомобилем и прибыл в Царское Село, в приемный покой лазарета... В это время в палате, где лежала Вырубова, находились государь с государыней, отец А. А. Вырубовой и княжна Гедройц. Войдя в палату без разрешения и ни с кем не здороваясь, Распутин подошел к А. А. Вырубовой, взял ее за руку и, упорно смотря на нее, громко и повелительно сказал ей:

— Аннушка! Проснись, поглядь на меня!

И к общему изумлению всех присутствовавших, А. А. Вырубова открыла глаза и, увидев наклоненное над нею лицо Распутина, улыбнулась и сказала:

— Григорий — это ты? Слава Богу!

Тогда Распутин, обернувшись к присутствующим, сказал:

— Поправится!

И, шатаясь, вышел в соседнюю комнату, где упал в обмороке. Придя в себя, Распутин почувствовал большую слабость и заметил, что он был в сильном поту».

Распутин ездил во дворец, как первый министр и непререкаемый духовный авторитет. По существу он был полноправным участником императорского триумvirата. Но когда это стало уже не совсем удобно, свидания с ним, по возможности тайные, устраивали у себя Вырубова. Не случайно преемник Хвостова на посту шефа

МВД Протопопов называл ее домик в Царском Селе «папертью власти».

Полиция следила за всеми, кто посещает «старца». В длинном списке визитеров Анна Вырубова стоит на первом месте. «Смирение гордыни» давно отступило на задний план. У Вырубовой куда более важное дело: она связная.

Вырубова выздоровела, но с той поры ходила на костылях.

«Я ясно представляю себе, какое глубокое и сильное впечатление эта сцена «воскрешения из мертвых»... должна была произвести на душевную психику высочайших особ, воочию убедившихся в наличии таинственных сил благодати Провидения, пребывающей на Распутине», — заключает Белецкий.

«Душевная психика!» — надо же... Он столь же безграмотен, как и ничтожен, этот обер-полицейский, прихлебатель «старца».

Александра — Николаю: «Я собираюсь пойти к Ане, чтобы встретиться с нашим Другом».

Она вполне сознает отношение окружающих к подобным встречам:

«Я встречаюсь с ним у Ани, а то во дворце еще подумают обо мне Бог знает что», — говорится в другом ее послании, адресованном в Могилев, в ставку.

Кстати, о ставке, но не о той, где находился во время войны царь с генералами.

«Ставка Вырубовой» — так адресует свою телеграмму из Тобольска во дворец «святой черт». Текст, как всегда, невразумителен, но смысл угадывается: «Моего птенца из гнезда трепещущей пташки мамы гостью опять на испытание в понедельник».

Мама, протекция, смирение гордыни — вроде бы, ничего нового.

Но вот другая депеша в «ставку Вырубовой»: «Старикашку пусть Бог судит никуда не годится убрать бы его».

Старикашкой в узком кругу, прозванном «камарильей», называли премьер-министра Штюмера. Ни больше, ни меньше.

После убийства Распутина, царица и ее фрейлина вместе молятся на могиле «старца». Он и из потустороннего далека оберегает «мamu», подает ей одной понятные знаки. С отъездом государя в Могилев, в ставку, подруги практически неразлучны. Инкогнито они отправляются в ресторан Чванова на Петроградской стороне. Пряча слезы под темной вуалью, сентиментальная Александра следит за мельканием смычка в руке румынского скрипача. «Жестокий романс» волнует ее ничуть не меньше «Лунной сонаты».

До краха империи остаются считанные дни.

В том, что царь с царицей остались одиночками перед революцией, во многом повинна пресловутая «паперть», где сосредоточилась реальная власть. Разбежались практически все, даже дворцовый комендант Воейков, участник «камарильи». Остались лишь оба лейб-медика, пара учителей и Вырубова.

Отрекшийся от престола государь возвращается под конвоем в Царское Село, где Александра находится на положении арестанта.

Солдаты хмуро и незаинтересованно скользят глазами по осунувшемуся лицу, так знакомому им по портретам.

— Открыть ворота бывшему императору! — звучит отрывистая команда. Офицеры с красными бантами, перекатывая папироски в губах, держат руки в карманах. Никто не отдает чести. Извечное российское хамство.

Глава Временного правительства, по собственному почину, приехал проведать «гражданина Романова». Александра украдкой посылает записку: «Милая Аня... этот Керенский обходит наши комнаты. Да смилуется над нами Бог».

Но ничего ужасного не происходит. «Чудовище» оказалось на проверку весьма учтивым человеком. Даже подал руку, которую Николай с готовностью пожал.

Вырубова была арестована вместе с наиболее одиозными министрами.

«Вошли в ее камеру, — свидетельствует очевидец. — Она стоит с жалким видом у кровати, опираясь на костыль. Смотрит просительно, почему-то косясь особенно на Блока. Комендант: «Она все жалуется и плачет». У нее все данные, чтобы быть русской красавицей, но все чем-то давно искажено, затаскано».

26 июля 1917 года, по распоряжению Керенского, ее выпустили из крепости. Какое-то время она скрывалась в мансарде на Петроградской стороне, затем пробралась на Кронверский к Горькому, в надежде склонить «Буревестника» помочь царской семье. Не тут-то было...

«Папа» сам рассказал о своем отречении, — записала Вырубова. — Усталый, измученный, обеспокоенный за свою семью и особенно за «Маму» и Бэби, сказал он мне: «Я боялся и до сих пор боюсь больше всего, как бы «Мама» не стала жертвой ненависти. И можно ли спасти мальчика?»

— Если больше нет императора, кто же будет управлять Россией? — изумился цесаревич.

Резонный вопрос.

Сохранилось около двадцати писем, посланных из Тобольска Вырубовой. Александра Федоровна писала в основном по-русски, иногда по-английски. Одно письмо оказалось почему-то на церковнославянском. Царица еще питает себя иллюзиями. «Подумай, газеты пишут, что князь Трубецкой соединился с Калединым. Какой молодец», — пишет она Вырубовой.

Все закончится бойней в подвале Ипатьевского особняка. Ковыляя по темным улицам Петрограда, Анна якшается со всяким отребьем, вроде Маркова-второго, но дальше болтовни дело не идет.

В 1920 году большевики выслали ее в Финляндию. Там она встретила две советско-финских войны, полет первого космонавта и прочие памятные события века, пережив многих и многих.

В книге М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», где, в частности, описывается последний маршрут низложенного монарха, меня привлекло следующее описание:

«...Александра Федоровна вынула из сумки химический карандаш и отточенным твердым острием изобразила на глянцевиной белой поверхности оконного косяка знак свастики, надписав рядом: 17/30 апреля 1918 года.

Жильяр (учитель детей. — *Е. П.*) увидел ее через три месяца, когда вошел в дом вместе с белогвардейскими следователями. Тогда он заметил в своем дневнике: «На стене в амбразуре окна комнаты императрицы я сразу же увидел ее любимый знак Swastika, который она столь часто рисовала... Такой же знак, только без числа, был нарисован на обоях стены на высоте кровати, принадлежавшей, видимо, наследнику».

Н. Е. Марков (Марков 2-й), повествуя в эмиграции о своих попытках увезти Романовых, пояснил: «Нашим условным знаком была свастика... Императрица хорошо знала этот знак и предпочитала его другим...»

О симпатии русской императрицы к свастике с тех пор говорят на Западе. Лондонская «Таймс», рецензируя американский двухсерийный фильм «Николай и Александра», назвала Александру Федоровну «фашиствующей Брунгильдой». Главу о пребывании Романовых в Ипатьевском доме В. Александров так в своей книге и озаглавил: «Под знаком свастики». Он отмечает «выявившийся в одном отношении исторический приоритет Александры Федоровны», а именно: «Задолго до того, как крюкообразный крест стал заносчиво выставлять себя напоказ на фасадах «третьего рейха», его след прочертила на стене Ипатьевского дома в Екатеринбурге низвергнутая императрица».

Фашизм тут, конечно, сбоку припеку. Свастика — древнейший мистический символ — получила распространение в качестве оккультной эмблемы, что и привлекло соответственным образом настроенную Аликс Гессен-Дармштадтскую. Но запомним непроизвольно выстроившийся ряд: истерия, мистика, эмблема фашистских погромщиков.

«Есть вина, страшная вина — но кто в ответе? Немой царь, призрак, не существующий, как сонное марево? Убитая, на куски разрезанная, в лесу сожженная царица? Обалделый от удачи, похотливый и пьяный сибирский мужик? Или уж не эта ли стеклоглазая, круглолицая русская баба — фрейлина, хромая Аня?»

Все равно. Все равно. Нельзя сделать, чтобы не было бывшего. Не для осуждения, не для мести надо вспоминать его, понимать его, держать в уме. Но в бывшем — теперешнее, а главное — будущее. Сказка, которую еще будут рассказывать...»

Зинаида Гиппиус «Маленький Анин домик»

О своих с Мережковским теософских исканиях Гиппиус и не вспоминает. И едва ли догадывается, что в оккупированном немцами Париже ее, уже дряхлый, супруг — творец «Антихриста» и «Юлиана Отступника» — будет славословить Гитлера.

Но верно — сказку еще будут рассказывать.

ГОЛОСА МЕРТВЕЦОВ

Петербург! Я еще не хочу умирать
У тебя телефонов моих номера
Петербург! У меня еще есть адреса,
По которым найду мертвецов голоса

Осип Мандельштам

Беспрецедентный в истории кризис, приведший в конечном счете к полному краху монархии, был во многом predetermined мистицизмом царицы. Свято, а в данном случае проклято, место пусто не бывает. Не Распутин, так кто-нибудь другой, подобный ему занял бы экологическую нишу освоенную магами-гастролерами и доморощенными юродивыми.

«Когда над отдельным человеком или даже над целым народом должна разразиться беда, — кажется, будто все обстоятельства складываются именно так, чтобы способствовать несчастью.

Частная жизнь царской семьи роковым образом переплелась с событиями политическими. Личные особенности императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, которые при иных условиях не оказали бы, быть может, даже заметного влияния на их царствование, сыграли трагическую роль в судьбе и России, и всей династии».

Ф Юсупов «Конец Распутина»

Непосредственный участник драматических событий, князь знал жизнь царской семьи изнутри. Он и сам принадлежал к ней: его жена Ирина была дочерью великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, родной сестры царя.

«Приняв православие, она, — говорит о царице Юсупов, — со всей экзальтированностью новообращенной вдалась в ревностное исполнение всех внешних требований своей новой веры, не проникнув в ее внутреннюю сущность, сложную и глубокую. Болезненно религиозная по натуре, она все сильнее погружалась в мистицизм. Ее скорее влекло к таинственно-темным оккультным силам, к спиритизму и всякого рода волшебству. Она стала интересоваться юродивыми, предсказателями, ясновидящими».

Приход Распутина, или кого-то ему подобного, был неминуем. Личные качества «старца», по-своему выдающиеся, обусловили накал кризиса, но не сам кризис. Обладал ли «старец» врожденным талантом психологического воздействия? Более, чем вероятно.

— Чем вы объясняете такое влияние Распутина на бывшего императора и императрицу? — спросили В. Н. Воейкова члены следственной комиссии.

— Очень просто. Это был гипнотизер, каких у нас очень много; у нас в деревне, в Пермской губернии, был мужик Михайлов. Он

был совершенно на том же положении, что и Распутин. Все помещицы считали: раз он что-нибудь сказал — кончено, это был закон для них, на мужчин это не так действовало.

Не будь «башен Мерлина» в Зимнем и Царском Селе, и «старец» остался бы «на том же положении», что воейковский мужик. Ну, было бы в Питере еще одним кумиром истеричных барынь больше. Эка беда.

Приведем выдержку из доклада «О тлетворной деятельности Распутина», составленного в 1916 году членом Государственной думы кадетом В. А. Маклаковым:

«Мистически-сексуальные извращения широко охватили самые верхи петроградского общества, вплоть до высших придворных кругов. Эта болезнь зашла так далеко, что вопрос этот подлежит компетенции не только политика, но и психиатра. Объективные данные о Распутине показывают, что историческая правда о нем звучит для двора хуже всякого навета, безудержной клеветы, хуже кошмарной сказки».

Сказка и впрямь кошмарная.

Не Распутин страшен, а распутищина. Среди множества порожденных ее разгулом мифов примечательна точка зрения Хвостова:

— Распутин был только фокусом, в котором сосредоточилась коллективная сила гипноза черных оккультистов, избравших старца как орудие своих тайных замыслов.

«Святого черта» действительно использовали в своекорыстных целях грязные политики, финансисты и даже агенты германской разведки, но говоря о «черных оккультистах», бывшему министру следовало бы назвать поименно спиритов из великокняжеского салона.

«Когда я был директором департамента полиции, — пишет Белецкий, — то в конце 1913 года, наблюдая за перепиской лиц, приближающихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в силу наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать».

Ох, уж этот полицейско-бюрократический слог, но главное сказано. Распутину не откажешь в сметке и хитрости. Он находчив, упорен и прозорлив. Он обладал интуитивной чувствительностью, так называемой сенсетивностью, позволявшей ему подстраиваться под мысли и переживания людей, особенно подверженных мистическим настроениям. Все эти особенности, вкуче с гипнотическими приемами, отточеными под руководством специалиста, и сделали мага подлинным властелином.

Вот уж парадокс так парадокс!

Поэтому и нельзя поставить «старца» не то, что рядом с мужем Михайловым, но и с такими непревзойденными мастерами мистических авантюр, как Сен-Жермен, Казанова и Калиостро. Про оккультного витию Папюса и колбасника Филиппа даже говорить не приходится.

Никто и никогда не достигал такой безраздельной власти, как этот непревзойденный интуитивист, с легкостью престижиджитатора манипулировавший царем и его министрами, включая «охранников».

Предоставим слово участникам дворцовой камарильи и непосредственным свидетелям распутинских «художеств».

Царь:

Наследнику Алексею производят операцию. К своему ужасу, хирург находит под стерильной простыней грязную жилетку.

— Это еще что такое?

— Ничего, ничего, — успокаивает Николай, — от этого вреда не будет. Это только на пользу. Это ведь Его жилетка.

Распутин настойчиво вбивал в головы царской четы одну и ту же мысль:

— Наследник жив, покуда жив я.

Впоследствии магическое заклинание приобрело расширительный смысл:

— Моя смерть будет вашей смертью.

Еще в самом начале карьеры «царского лампадика» Николай записывает в дневнике: «Снова собрались вечером с нашим Другом... И все бы слушать и слушать его без конца».

И слушает...

Царица:

Где бы ни находился Николай, Александра Федоровна посылает ему тщательно переписанные инструкции Друга.

«Что за прелестная телеграмма от нашего Друга... Очаровательная телеграмма от Друга, она доставит тебе удовольствие... Переписал ли ты на особом листе и эту Его телеграмму?»

Вспоминается филипповская икона с колокольчиками. Любая распутинская записка, нарочито бессвязная и — это всегда умиляет — безграмотная, приводит в восторг. Это и охранительный талисман, и руководство к действию.

Царица — царю: «Держи эту бумагу перед собой... Вели ему (Протопопову) больше слушаться нашего Друга».

Ответ: «Нежно благодарю тебя за твое милое письмо и точные инструкции для разговора с Протопоповым».

Коль дошла очередь до министров, тем более министров-«охранников», ознакомимся с кратким списком отставок и назначений, инспирированных лично Распутиным.

Военные министры: В. А. Сухомлинов (1909—1915), А. А. Поливанов (1915—1916); министры внутренних дел: А. Н. Хвостов (1915—1916), А. Д. Протопопов (1916—1917); председатели Совета министров: И. Л. Горемыкин (1914—1916), Б. В. Штюмер (ян-

варь-ноябрь 1916), Н. Д. Голицын (декабрь 1916 — ноябрь 1917) — распутинские инструкции сохраняют силу и после смерти.

«Старец» и стоящая за ним клика продажных прохвостов тасуют кабинет, как хотят. Его ставленниками на высших государственных должностях были министр народного просвещения Л. А. Кассо, дворцовый комендант В. Н. Воейков, министры юстиции И. Г. Шегловитов и Н. А. Добровольский, министр финансов П. Л. Барк, министр путей сообщения С. В. Рухлов, начальник департамента полиции С. П. Белецкий и другие.

«Делатель министров», как прозвали его, фактический диктатор, «святой черт» бесцеремонно вмешивается в церковные дела.

«Когда Распутин умер, — свидетельствует Белецкий, — я был в день его похорон у владыки (Питирима), и тут я понял, насколько велик был для него гнет Распутина».

Только «тут» и понял, шеф всеведающей охраны!

Царица — царю: «Он тебя настоятельно просит поскорее приказать, чтобы в один определенный день по всей стране был устроен всероссийский крестный ход... Пошли свое приказание по телеграфу... Пусть приказание исходит от тебя, а не от Синода».

— Меня царским лампадником зовут, — куражился Распутин на «Вилле Родэ», любимом своем ресторане. — Лампадник маленькая шишка, а какие большие дела делает!.. Захочу, так пестрого кобеля губернатором сделаю. Вот какой Григорий Ефимович.

Подоплека внезапных перемещений в высшем эшелоне власти, равно как личные данные опальных и возносимых лиц, не составляли тайну ни для общества, ни, тем более, для настороженных глаз иностранцев, будь то дипломатические или иные агенты. Особенно во время войны, когда многократно возрастает значение каждой фигуры.

Записки Палеолога как раз и демонстрируют такой взгляд «со стороны» более или менее объективный, но и в той же мере пристрастный. Французского посла не могут не волновать события, происходящие в стане союзника.

Ограничимся немногими ключевыми персонами: Горемыкиным (для Распутина он «Глухарь»), Штюмером («Тюря», «Старикашка»), Протопоповым (почему-то «Калинин»).

Распутин только делает вид, что не знает, как зовут того или иного министра, кто и чем занимается. Он неотрывно держит руку на лихорадочном пульсе государственной машины. Известна каждая спица в колеснице. Уж он-то знает цену своим запискам: чем непонятнее написано, тем больше внимания придадут.

Чему ж удивляться, если и в посольство союзной державы приходит такая цидула: «Давай бох по примеру жить рassi оне укоризной страны напримерь нестожества. Сей минуты свит бох евленье силу увидите рать силу небес победа с вами и вас распутин».

Палеолог превосходно осведомлен о месте «старца» в правящей иерархии. Бросить дикую абракадабру в камин никак невозможно. Отправить с диппочтой в МИД — тем более. Остается одно: пере-

дать «дешифровщику». Не посольскому, разумеется, а кому-нибудь из распутинских клеветов.

В итоге «официальное послание» обрело более «протокольный» вид: «Дай вам Бог жить по примеру России, а не критикой страны, например, ничтожество. С этой минуты Бог явит силу. Ваша рать увидит силу небес. Победа с Вами и на Вас. Распутин».

«Сношения царицы с Гришкой облечены покровом тайны, — пишет Палеолог. — В газетах о них ни слова. В обществе об этом говорят шепотом, и только близкие между собой, как о позорной тайне, в которую лучше не углубляться... Обыкновенно сам Распутин редко бывает во дворце. Он видится с царицей по большей части у Вырубовой, в ее квартире на Средней улице; там он проводит иногда по несколько часов с обеими женщинами, а агенты генерала Спиридовича охраняют дом и никого не подпускают близко к нему.

Обыкновенно же полковники Ломан и Мальцев поддерживают постоянные сношения между старцем и его кликой и дворцом».

Опытный дипломат все прекрасно понимает и продолжает внимательно отслеживать ситуацию. От записочек «старца» прямо зависит положение на фронтах. Вокруг него выются секретные агенты германского абвера и каждое новое лицо вызывает повышенное внимание.

«Для интимных поручений императрица пользуется обыкновенно услугами молодой монахини, работающей в придворном военном госпитале, сестры Акилины... Крестьянка родом, очень здоровая от природы, она вдруг стала страдать припадками, которые очень усилились и стали периодическими. На глазах у своих испуганных сестер, она то корчилась в судорогах, то впадала в восторженно-бредовое состояние, то испытывала необычайные ощущения; ее считали одержимой бесами. Во время такого припадка явился Распутин... Дьявол больше не беспокоил ее. После такого исцеления, Акилина стала верной служгой старца».

Всюду, куда ни глянь, видна длинная рука вездесущего мага.

«Отставка Хвостова дело рук Распутина. В течение некоторого времени между этими двумя лицами шла борьба не на живот, а на смерть. По этому поводу по городу ходят самые странные, самые фантастические слухи. Говорят, будто Хвостов хотел убить Гришку через преданного ему агента, Бориса Ржевского; Хвостов при этом действовал в союзе с прежним приятелем Распутина, ставшим затем его злейшим врагом, с монахом Илиодором, живущим теперь в Христиании. Но директор департамента полиции Белецкий, креатура Распутина, напал на след заговора и донес непосредственно императору. Отсюда внезапная отставка Хвостова».

Еще большее значение для России, а следовательно, и для Франции, может иметь смена премьера.

«В городе опять ужасно ворчат на милого Горемыкина, — со слов Распутина, жалуется мужу Александра Федоровна, — прямо отчаяние...»

И вот замена.

«Штюрмеру 67 лет, — констатирует Палеолог, поднимая досье. — Человек он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой, честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха. Происхождения он немецкого, как видно по фамилии. Он внучатый племянник того барона Штюрмера, который был комиссаром австрийского правительства по наблюдению за Наполеоном на острове св. Елены.

Ни личные качества Штюрмера, ни его прошлая административная карьера, ни его социальное положение не предназначали его для высокой роли, ныне выпавшей ему. Все удивляются этому назначению... Назначение Штюрмера дело рук камарильи при императрице, за него перед императором хлопотал Распутин, с которым Штюрмер близко сошелся. Недурное будущее все это нам готовит!»

Еще более удручает внезапная отставка министра иностранных дел, с которым у посла почти дружеские отношения. С. Д. Сазонов в тот же день наносит Палеологу прощальный визит.

— Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным. Увы! Да хранит нас Бог!» — теперь он может позволить себе такую откровенность.

Только за период военных действий сменилось 20 министров. Дипломаты не успевают следить за этой чехардой, полагаясь больше на сплетни, чем на донесения агентуры.

«С некоторого времени ходят слухи, что Распутин и Штюрмер не ладят больше друг с другом: их не встречали больше вместе; они больше не бывали друг у друга.

Между тем, они видятся и совещаются ежедневно. Совещания их происходят по вечерам в самом секретном месте в Петрограде, в Петропавловской крепости.

Командантом романовской Бастилии состоит генерал Никитин, дочь которого принадлежит к числу пламеннейших поклонниц «старца»... в комнате m-lle Никитиной и сходятся сообщники.

Почему они окружают себя такой тайной? Почему они выбрали это таинственное место? Почему сходятся они лишь после наступления ночи?»

Точных ответов нет, хотя все лежит на поверхности.

«Новый министр внутренних дел — один из товарищей председателя Думы, Протопопов... сблизился с Штюрмером и Распутиным, которые скоро представили его императрице. Он быстро вошел в милость. Его сейчас же посвятили в тайные совещания в Царском Селе; ему давало на это право его знание тайных наук, главным образом, самой высокой и самой тонкой из них: некромантии. Кроме того, я достоверно знаю, что он был болен какой-то заразной болезнью, что у него осталось после этого нервное расстройство... И так, внутренняя политика империи в хороших руках».

О смерти одиозного мага посол узнал в тот же день.

«Около семи часов вечера превосходный осведомитель, состоящий у меня на службе, сообщает мне, что сегодня ночью во дворце

Юсупова убили Распутина. Говорят, что убийцами являются: князь Феликс Юсупов, женившийся в 1914 году на племяннице царя, вел. князь Дмитрий Павлович и Пуришкевич, лидер крайней правой в Думе... Новость пока еще хранится в строгой тайне».

На всякий случай, Палеолог решил произвести проверку. Поехав к знакомой даме, племяннице Головиной, он попросил ее позвонить тете.

— Да, отец исчез сегодня ночью, — ответила заплаканным голосом рыная адептка. — Неизвестно, что с ним стало... Это ужасное несчастье.

Как для кого!

Вечером в яхт-клубе только и говорили, что об убийстве. Кто-то даже не побоялся потребовать бутылку «Клико».

Великий князь Николай Михайлович отказался поверить:

— Десять раз уже нам объявляли о смерти Распутина. И каждый раз он воскресал могущественнее, чем когда-либо.

Он все же телефонирует Трепову.

— Я знаю только, что Распутин исчез. Предполагаю, что его убили. Я не могу узнать ничего больше: дело взял в свои руки начальник «охранки».

Ответ передается из уст в уста.

Весь следующий день ищут тело. Когда, наконец, находят и извлекают из-под льда, выясняется, что «старец», принявший лошадиную дозу цианистого калия, пробитый пулями и спущенный в прорубь, какое-то время был все еще жив.

Черная магия продолжает крутить свои вихри.

Предоставим слово убийце, решившемуся придать гласности тайну той роковой ночи лишь десять лет спустя.

«Итак, не было никакой надежды на то, чтобы государь и императрица поняли всю правду о Распутине и удалили его, — пишет Феликс Юсупов. — Какие же оставались способы избавить царя и Россию от этого злого гения?

Невольно мелькнула мысль: есть для этого лишь одно средство — уничтожить этого преступного «старца». Эта мысль зародилась во мне впервые во время одного разговора с моей женой и матерью в 1915 году, когда мы говорили об ужасных последствиях распутинского влияния».

Сведения, полученные Палеологом от информатора, оказались верны, но не полны.

Перебирая в уме друзей, которым мог бы довериться, Юсупов остановился на великом князе Дмитрие Павловиче и поручике Сухотине, который долечивался в Петербурге после контузии.

Сухотин согласился сразу, без малейшего колебания. Так же решительно повел себя и великий князь.

— Уничтожение Распутина будет последней и самой действительной попыткой спасти погибающую Россию, — сказал он и до-

бавил: — С государем творится что-то неладное. С каждым днем он становится все более безразличным ко всему окружающему, ко всем происходящим событиям.

Сначала предполагалось застрелить «старца» у него на квартире, и Юсупов даже предложил бросить жребий, но, по зрелому размышлению, план отвергли: возле дома на Гороховой, да и на парадной лестнице тоже дено и ношно дежурила охрана.

Англизированный аристократ, выпускник Оксфорда, Юсупов, преодолев безразличность, решил сблизиться со «старцем», вкрасься к нему в доверие, чтобы, уловив удобный момент, осуществить задуманное.

Встреча состоялась в доме Головиных. Лучшего посредника, чем Муня, трудно было и придумать. Собственно, это она и свела их впервые несколько лет назад — блестящего князя, с которым дружила, и «святого отца», которому преданно и бескорыстно служила секретарем.

Распутину князь пришелся по душе. Особый интерес проявил он к его красавице жене — племяннице Николая II и внучке Александра III. Набивался на близкое знакомство. Сжав зубы, Юсупов пообещал все устроить.

Ему пришлось много раз побывать на Гороховой. Он пел, убаюкая ненавистного вахлака, под гитару, пил с ним портвейн и мадеру. Даже прикинулся хворым и позволил ему провести сеанс исцеления.

— В несколько дней вылечу, вот сам увидишь.

«Сила гипноза Распутина была огромная, — описывает свои впечатления Юсупов. — Я чувствовал, как эта сила охватывает меня и разливается теплотой по всему моему телу. Вместе с тем, я весь был точно в оцепенении: тело мое онемело. Я попытался говорить, но язык мне не повиновался, и я медленно погружался в сон, как будто под влиянием сильного наркотического средства. Лишь одни глаза Распутина светились передо мной каким-то фосфорическим светом, увеличиваясь и сливаясь в один яркий круг».

Пуришкевича привлекли к участию в заговоре, когда он уже был разработан в деталях.

— Это моя давнишняя мечта, — с готовностью откликнулся он. — Я всей душой готов помочь вам, если вы только пожелаете принять мои услуги, но ведь это не так легко, как вы думаете: чтобы добраться до Распутина, надо пройти через целый строй сановников и шпииков, охраняющих его.

— Все уже сделано, — заверил князь и рассказал о проделанной работе.

Пуришкевич предложил взять в участники еще одного человека — доктора Лазоверта, которого хорошо знал.

«У нас было несколько совещаний, и на одном из них было решено пригласить Распутина в мой дом на Мойке... Жены моей в Петербурге еще не было, — она находилась в Крыму, с моими

родителями, но мне казалось, что Распутин охотнее согласится ко мне приехать, если он этого знать не будет».

Провести «святого» провидца и чудотворца оказалось на диво легко.

Мрачная и сырая комната, в которой должно было завершиться тайное предприятие, находилась в подвале. Ее спешно привели в божеский вид, превратив в роскошную гостиную для интимных приемов. Из кладовой принесли старинную мебель, расставили на столиках кубки из слоновой кости и статуэтки из дальних стран. На шкаф, инкрустированный бронзой и перламутром, водрузили распятие из горного хрусталя итальянской работы XVII века.

«По середине комнаты поставили стол, — завершил описание интерьерера Юсупов, — за которым должен был пить свой последний чай Григорий Распутин».

Все было проделано вдумчиво, обстоятельно, хладнокровно.

Перед самым приходом «старца» молодой князь вынул из шкафа коробку (запомним!) с ядом и положил ее возле тарелки с пирожками.

«Доктор Лазоверт, надев резиновые перчатки, взял палочки цианистого калия, растолок их и, подняв верхний слой шоколадных пирожков, высыпал в каждый из них порядочную дозу яда... Осталось еще всыпать порошок в приготовленные рюмки».

Подготовив все должным образом, Юсупов поехал за Распутиным. Оставив автомобиль возле дома, он поднялся по черной не охраняемой лестнице. Дальнейшее слишком хорошо известно, поэтому всю процедуру последнего чаепития можно опустить.

«Действие цианистого калия должно было начаться немедленно, — пишет Юсупов, — но, к моему большому удивлению, Распутин продолжал со мной разговаривать, как ни в чем не бывало».

За пирожными последовала мадера в отравленной рюмке, но и это не оказало нужного действия.

— Хорошая мадера. Налей-ка еще, — сказал Распутин, подставляя рюмку.

Юсупов налил, но в другую, где тоже был яд, затем взял еще одну — и никаких последствий.

«Просидев столько времени около этого человека, проглотившего громадную дозу самого убийственного яда, следя за каждым его движением в ожидании роковой развязки, мог ли я предположить, что он позовет меня ехать к цыганам? И особенно поражало меня, что Распутин, который все чуял и угадывал, теперь был так далек от сознания своей близкой смерти».

И тогда Юсупов вынул револьвер и выстрелил ему в сердце. Пуля прошла навывлет. У заговорщиков было достаточно времени, чтобы убедиться в смерти Распутина. Они входили и выходили, готовясь везти труп на Мойку.

«И тут случилось невероятное.

Неистовым резким движением Распутин вскочил на ноги: изо рта его шла пена. Он был ужасен. Комната огласилась диким ре-

вом, и я увидел, как мелькнули в воздухе сведенные судорогой пальцы... вот они впились в мое плечо и старались схватить меня за горло. Глаза его скосились и совсем выходили из орбит.

Оживший Распутин хриплым шепотом непрерывно повторял мое имя.

Обуявший меня ужас был несравним ни с чем».

У «старца» достало сил подняться на четвереньках по лестнице и выскочить во двор. Пуришкевич бросился за ним и всадил еще две пули. Затем последовали еще два выстрела и, в довершение всего, Пуришкевич нанес сильный удар каблуком в висок. Но и этого показалось мало.

«Я ринулся на труп и начал избивать его резиновой палкой... В бешенстве и остервенении я бил, куда попало...

Все Божеские и человеческие законы в эту минуту были по-праны».

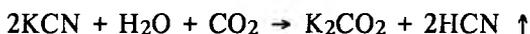
Природные, добавим, — тоже, потому что Распутин, как уже сказано, продолжал еще дышать глубоко подо льдом.

Его смерть задала едва ли не больше загадок, чем жизнь. Единственное, на что можно с известной долей уверенности ответить, это вопрос, который постоянно задавал себе Феликс Юсупов: «Почему не подействовал яд?»

С фабрики цианистый калий поступал в запаянных жестянках, весом с полпуда. Для лабораторных и ювелирных работ нужны десятки, ну сотня граммов, не более. Поэтому содержимое, в специальном шкафу под тягой, рассыпают по банкам с притертой пробкой. Но даже там вещество постепенно разлагается под действием содержащихся в воздухе углекислого газа и паров воды. Мы не знаем, откуда попал к Юсупову яд и сколько времени он пролежал — не в банке! — в коробке. Его действующее начало вполне могло улечься.

Для химика, а я иногда вспоминаю о своей специальности, тут нет особой премудрости.

Цианистый калий представляет собой соль слабой синильной кислоты. Под действием углекислоты и влаги он превращается в обычный поташ:

Образовавшаяся при этом очень ядовитая, но и очень летучая, синильная кислота быстро испаряется в воздух, на что указывает стрелка в конце реакции.

Алхимик изобразил бы вместо нее взлетающих птиц или туман над морем, восходящий винтовыми струями к пунцовому диску с лицом человека.

Балтийское море дымилось
И словно рвалось на закат,
Балтийское солнце садилось
За синий и дальний Кронштадт.

И так широко освещало
Тревожное море в дыму,
Как будто еще обещало
Какое-то счастье ему.

Георгий Иванов

Мой старший брат, военный моряк, живет недалеко от того самого места на Мойке... Ему было три года, когда убили Распутина. Казалось бы — дистанция человеческой жизни, но как невообразимо давно! В ином пространстве-времени и, как дано было убедиться, еще не самом страшном и самом плохом.

ГАДАНИЕ НА БАРАНЬЕЙ ЛОПАТКЕ

По Туре и Тоболу, из Тюмени в Тобольск, летом 1917 года везли в заточение императора Николая II и его семью. Пароход проходил мимо Покровского, и императрица, как рассказывал один из добровольных спутников царской семьи, долго и задумчиво смотрела с палубы на берег, провожая глазами медленно уходившие вдаль крыши крестьянских домов и высокую белую колокольню.

В селе Покровском родился и вырос Григорий Распутин. Отсюда ходил он в свои таинственные странствования, отсюда попал и в Петербург.

Ф Юсупов «Конец Распутина»

Неумолимо вращение колеса кармы в когтях чудовищного Магнуса. Как вьжутся одно к одному неразрывные звенья причин и следствий.

Несколько месяцев спустя той же дорогой проследует еще один горячий поклонник Распутина — барон Унгерн унд Штернберг, потомок гуннов и тевтонских рыцарей, полусумасшедший отпрыск одряхлевшего немецко-венгерского рода.

...Преследуемый сибирскими партизанами, атаман Семенов отходил от Читы. Конная дивизия Унгерна стояла в Кяхте, у самых ворот Монголии. Его казаки спешно сгоняли китайцев, монголов, бурятов, формируя конные эскадроны и пехотные полки. Барону, фантасту и мистика с гуннской закваской в крови, мерещилась Азиатская армия, с которой он намеревался пройти до самого Петербурга, а быть может, и дальше — к дедовским гнзздам на Балтике. Он бредил буддийской Азией под своим крылом. Бронзовые лики в дыму ароматных курений обещали ему власть и бессмертие.

Из Урги, ставки святейшего богдогегена, слава о жестоком и грозном, словно докшит — защитник желтой веры, генерале летела во все концы бескрайних монгольских степей. О нем говорили арагты у ночного костра, кочуя от юрты к юрте, про него думали мудрые ламы, опустив в молчаливой молитве глаза, его имя склоняли в далеком Тибете, Токио и Пекине, но чаще всего оно называлось в штабе красного командарма Блюхера, чьи войска продвигались к границе. Контрудар на Верхнеудиск, которым грезили летучие сотни Унгерна, был крайне опасен.

Отощавший после буйного запоя в Урге, но такой же стремительный и неукротимый, он мотался от хошуна к хошуну на открытом автомобиле, сопровождаемый казачьим конвоем. В желтом халате, с желтым от пыли, летящей с гоби, лицом, он был похож на прету — голодного выходца из могилы.

— Я умру! — истерически выкрикивал он, размахивая наградной Георгиевской саблей. — Но пробудились в Азии племена потомков Чингисхана, и никто не в силах затушить пламя, пылающее

в монгольских сердцах! Народы желтой веры, народы желтой расы сольются воедино под знаменем великого Китая и принесут на землю благоденствие и мир. Мы пойдем на Европу! Я счастлив, что мне выпала высокая миссия пробудить азиатов!

Бред безумца, но за ним стояли действия. В руки чекистов попал знаменитый приказ № 15 от 21 мая 1921 года:

«Я, начальник Азиатской конной дивизии генерал-лейтенант барон Унгерн, СООБЩАЮ к сведению всех русских отрядов, готовых к борьбе с красными в России:

1. 1917 год дал отвратительный безумный урожай революционного посева. Россия распалась. Потребовалось для разрушения многовековой работы только три месяца революционной свободы. России надо строить заново. Народу нужны имена, всем известные, дорогие и чтимые. Такое имя лишь одно — законный хозяин земли русской ИМПЕРАТОР ВСЕРОССИЙСКИЙ МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ...

2. Силами своей дивизии совместно с монгольскими войсками свергнута в Монголии незаконная власть китайских революционеров-большевиков и восстановлена законная власть Богдо-хана.

3. В начале июня в Уссурийском крае выступит атаман Семенов, поддержанный японскими войсками или без поддержки этих войск.

Приказываю...»

Далее идут пункты приказа, в которых через каждое слово поминается уничтожение, смерть и смертная казнь. Кончается прочтением:

«И восстанет в то время Михаил князь великий, стоящий за сынов народа твоего. Со времени прекращения ежедневной жертвы и постановления мерзости запустения пройдет 1290 дней. Блажен, кто ожидает и достигнет 1335 дней».

Случай — проявление рока. Какая тайная сила могла свести барона Унгерна и профессора Оссендовского? И где! В кочующем монастыре Вангхур, что разбил свои юрты на берегу стремительного Орхона. Горит в ночи костер, не затмевая яркие звезды монгольского неба. Завиваясь черными прядями, лижет огненный язык выбеленную гладкую кость. Бормоча заклинания, ведет баранью лопатку, словно лодку в волнах, мудрый лама Джелаб и кивает, как старая черепаха. Его ороговевшие пальцы не чувствуют жара. По трещинам, пробежавшим на закопченной кости, читает он знаки судьбы.

Прервем сцену, имевшую место в начале мая 1921 года, и скажем несколько слов о ее участниках. Если имя барона Унгерна еще держится на слуху у доживающего свой век поколения, то Антонин Фердинанд Оссендовский, пожалуй, и вовсе забыт. А зря. Впрочем, все по порядку.

Роман Федорович Унгерн барон фон Штернберг (1886—1921) личность весьма примечательная. В советской историографии за

ним, причем справедливо, закрепилась кличка «кровавый барон». Зверь, параноик, авантюрист, он, тем не менее, стоит особняком в длинном списке атаманов, погулявших на неоглядных просторах Дальнего Востока. Мало кто знает, что «кровавому барону», пусть частично, но все же удалось реализовать свои непомерные амбиции. Став диктатором Монголии, калифом на час, он сподобился привилегии, пусть и сомнительной, запечатлеть свое имя на скрижалях веков.

Любимым его развлечением было срубить голову с одного удара и бросить ее на раскаленную сковородку. Закипающая кровь заставляла лицевые мускулы проделывать чудовищные гримасы: вылезали вспученные глаза, высовывался язык. А Унгерн смеялся.

Свитский офицер, он в чине генерал-лейтенанта возглавил Азиатскую конную дивизию, которая в составе войск под командованием атамана Семенова оказывала ожесточенное сопротивление наступающим красноармейским частям.

Здесь нам понадобится коротенькая справка о самом Григории Семенове (1890—1946), ибо атаман Сибирского казачьего войска тоже в какой-то мере причастен к таинственной аванюре, о которой пойдет речь. В 1917 году он поднял мятеж против новой власти в Забайкалье, где установил военную диктатуру. Став ненадолго преемником адмирала Колчака, он отступил в сопредельную Манчжурию, затем обосновался в Порт-Артуре под покровительством японцев. В 1945 году в ходе операции против Квантунской армии был захвачен советской контрразведкой и вскоре повешен. На следствии дал показания насчет большого количества награбленных ценностей. Выяснилось, в частности, что немалое количество сибирского золота увез в Монголию Унгерн.

Потрепанные части барона перешли границу 2 октября 1920 года. До этого они прошли по Тункинскому тракту, разграбили приграничные поселки Монды и Туран, а в Хатхыле присвоили валютные активы Центросоюза и угнали стада. В Монголии к тому моменту сложилась сложная обстановка. Ее духовный и светский властитель богдо-геген, третий после далай-ламы «живой бог», был уже свергнут, но ставленник Москвы Сухэ-Батор еще не овладел положением. В отдельных районах по-прежнему хозяйничали китайцы, повсюду шныряли шайки всех мастей, примыкая то к одной борющейся стороне, то к другой.

Общую картину разурю довершали сифилис, чума и повсеместные опикурильни. Именно на таком безрадостном фоне рождалась Монгольская Народная Республика. Первая веха на пути замышленной Коминтерном мировой революции. Так и видится живописное полотно, на котором молодой Сухэ-Батор вручает Ленину в его кремлевском кабинете приветственный хадак — шелковое буддийское полотно. А ведь знаменательный акт мог и не состояться. При иной раскладке сил советская Монголия вполне могла разделить судьбу республик-однодневок: Баварии, Венгрии. Авантюра на той стороне, авантюра на этой. Век кровавой утопии.

В конце октября Унгерн предпринял наступление на Ургу (ныне Улан-Батор), но не сумел захватить столицу. Пожалуй, именно тогда у него и возникла безумная идея восстановить империю Чингисхана и бросить всю мощь «Обновленной Азии» на Москву и Петроград.

И здесь выплывает Антонин Фердинанд Оссендовский, не то чтобы вовсе не ведомый миру, но, скажем так, не широко известный. Впервые он заявил о себе в 1899 году в Петербурге, где вышла в свет его книга «Описание путешествия по Алтаю и Уссурийскому краю». По странному совпадению, по тропам, проложенным путешественником, прошла через два десятилетия конница Унгерна. Что там ни говори, а судьба любит туго закрученные сюжеты.

«Профессор Оссендовский внес свою изрядную лепту в дело организации бандитских беспорядков Унгерна, — вспоминал чудом уцелевший глава разоренных центросоюзовских факторий Бурдуков. — Начало успеха крылось в том, что удалось натравить китайцев на русских колонистов... Поскольку местные поляки знали о начавшейся советско-польской войне, то они и здесь хотели быть маленькими Лоуренсами».

Конечно, профессору Оссендовскому было далеко до прославленного британского разведчика, мановением пальца поднимавшего арабийские племена, но человеком заурядным, «маленьким» его никак не назовешь. Ведь именно он подсказал Унгерну «плодотворную дебютную идею» в стиле Остапа Бендера. Да и поляки полякам, как русские, китайцы, монголы, — рознь. Константин Константинович Рокоссовский, будущий маршал Советского Союза, а затем и маршал Польши, например. Он тоже внесет свою лепту в описываемые события.

Но вернемся к Унгерну. Ничтоже сумняшеся, барон принимает буддизм, надевает желтый ламаистский халат, на который нашивает свои генеральские погоны, и начинает «религиозную» войну в защиту свергнутого богдо-гегена. Не слабо? При этом он сражается, как минимум, на двух фронтах: против красных Советов и против красных китайцев, о чем объявляет в приказе № 15 всем «русским отрядам на территории Советской Сибири».

Второй поход на Ургу оказался успешным. Обосновавшись в столице, Унгерн меньше всего думает о «живом боге», чьи прерогативы предполагается ограничить сугубо духовными делами. Светская власть должна всецело принадлежать ему, конкистадору «желтой веры», диктатору. Оссендовский оказывается как нельзя более кстати. По его указке, Унгерн объезжает многочисленные в то время монастыри, от которых при социализме уцелеет только один-единственный — столичный Гандан. Помимо показных богослужений — хуралов, идет налаживание контактов и, главное, пополнение войсковой казны, которую барон повсеместно возит с собой.

Питомец парижской Сорбонны, путешественник и публицист, Оссендовский попутно преследует и свои сугубо личные интересы. В качестве корреспондента петербургских газет он побывал на

фронтах русско-японской войны, присутствовал на подписании Портсмутского мира. По сути, вся его последующая жизнь связана с Востоком. Его корреспонденции охотно печатаются в американских, английских, французских газетах. Он собирает древние манускрипты, интересуется могилой Чингисхана, которую и сегодня ищут, но не могут найти японцы, священными сокровищами спрятанными в заповедных пещерах. Его тайная деятельность в тени Унгерна по сию пору остается непроясненной. Получив от китайских властей в Уласутае «железное письмо» — пропуск-вездеход, он свободно передвигается по стране, подолгу беседует с ламами, копается в монастырских библиотеках.

Между тем, ситуация в Урге осложняется. Диктатор, чьи зверства вызывают все большую ненависть буддийской общины, держится только на штыках. Монголы самой различной ориентации оказывают растущее сопротивление, всюду работает и чекистская агентура, вербуя под красные знамена и местных, и пришлых: китайскую бедноту и вчерашних степных разбойников. Расправы с «изменниками» лишь накаляют обстановку.

Вот и встретился барон со своим консультантом-профессором, чтобы обсудить положение и, на всякий случай, попытать судьбу. Унгерн суверен и мнителен, востоковед Оссендовский волей-неволей тоже привержен тибетским чарам.

— Тебе осталось жить 130 дней, — определил по трещинам на обугленной кости срок Унгерну лама. — А ты, — недобро ухмыльнулся он в лицо Оссендовскому, — умрешь, когда генерал напомнит тебе, что пришло твое время.

Оба были под впечатлением, но постарались скрыть тревогу, отделившись принужденным смешком. Счет шел на дни, а четыре с лишним месяца, якобы отведенные барону, в той обстановке могли показаться чуть ли не вечностью.

Не прошло и недели, как он выступил из Урги с десятитысячной армией. План был таков: выйти на южный берег Байкала и отрезать от Советов Дальневосточную республику. Передовой отряд во главе с полковником Казагранди должен был через Мондонкуль проникнуть на русскую территорию. Но конные отряды красного партизана Щетинкина, в прошлом штабс-капитана, и всадники Чойбалсана, впоследствии маршала и сталинского сатрапа, отогнали наступающих. Унгерн, заподозрив Казагранди в измене, послал сотника на расправу, но очередная казнь не улучшила положения. Преследуемый советско-монгольскими сотнями, Унгерн все дальше уходил в бесплодные степи Западной Монголии. Его офицеры, предпочитавшие уйти к Семенову в Манчжурию, составили заговор. Телохранители барона были перебиты, но сам он сумел вырваться и бежал к монголам-союзникам. Однако вчерашние сподвижники арестовали его и повезли обратно в казачий стан. 29 августа 1921 года их настиг разъезд 35-го отряда Рокоссовского. Монгольские солдаты-цырики сдались без боя. Через пограничную речку Унгерна перенес на себе сам Щетинкин.

— В последний раз сидишь на рабоче-крестьянской шее, — пошутил он.

Расстреляли барона в Новосибирске, как и было предсказано, на 130-ый день.

Оссендовского весть о казни застигла в Токио. Пережив приступ ужаса, он долго не мог прийти в себя. Затем перебрался в Америку, но вскоре возвратился в Варшаву. В 1945 году он издал книгу «Через страну богов, людей и зверей», в которой поведал немало удивительного о буддийской старине. Прошло еще почти двадцать лет. Варшавское восстание заставило его покинуть насиженное место и укрыться в Подкове Лясной, где буквально за несколько дней до прихода советских войск его разыскала нацистская разведка. Некий лейтенант Доллерт из штаба эсэсовского палача Бах-Желевского выгнал из дома всех его обитателей и, уединившись с профессором, пробыл у него три часа. О чем шел разговор, так и осталось тайной. Известно лишь, что лейтенанта интересовала та самая книга про богов и зверей. Поскольку библиотека погибла в разгромленной Варшаве, пришлось позаимствовать изрядно потрепанный томик у приятеля. Лишь по этой причине удалось узнать, что привело офицера СД в Подкову Лясну накануне бегства, когда, казалось, было не до монгольских чудес.

На следующий день Оссендовского, которому шел 68-ой год, нашли бездыханным. Так бы и осталась эта история незаконченной, если бы владелец книги не спрятал в ее корешок описание открытого им способа защиты металлов от коррозии. Поэтому он не пожалел усилий на розыски Доллерта, попавшего, кстати сказать, в списки военных преступников.

Тут-то и вскрылось, что бесследно исчезнувший нацист был на самом деле бароном Унгерном. Если тени расстрелянных в подвалах ЧК и возвращаются, то естественным образом. Этот Унгерн приходился тому родным племянником и единственным наследником.

Предсказание, таким образом, сбылось: кровавый барон напомнил о себе.

Задним числом можно предположить, что он, незадолго до последнего похода отправил немецкой родне письмо, в котором сообщил о местонахождении припрятанных им несметных сокровищ. О том, что захоронение клада имело место, знал не только Семенов, но и Рокоссовский, допрашивавший унгерновских сподвижников. Все, как один, склонялись к тому, что люди, помогавшие зарыть ценности, были ликвидированы самим Унгерном. О характере драгоценностей можно только гадать, но достоверно известно, что в кассе Азиатской дивизии были золотые десятки, имперIALы (монета в 15 рублей) и пудовые слитки.

Клад и поныне покоится где-то в пещере у озера Буир-Нур, поблизости от сопки «Цаган Тологой», что означает «Белая Голова».

Снимок этого места помещен не только в упомянутой книге, но и в другом труде Оссендовского — «Польские пущи», где ничего не сказано о Монголии.

И это знак...

«Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется...»

Стократно прав поэт. Журнал с очерком «Гадание на бараньей лопатке» каким-то образом попал к «антиподам» — в далекую Австралию. Мне позвонил внук упомянутого в нем полковника Казагранди и попросил о встрече. Она состоялась в Москве через несколько месяцев. Было интересно познакомиться с метрикой полковника — он происходил из итальянской семьи — и грустной историей его сына, вывезенного в 1945 году из Манчжурии и напрямую угодившего в ГУЛАГ.

Вместе с ним был вывезен из Харбина и мало кому известный поэт Арсений Несмелов, написавший пронзительное стихотворение о «безумном бароне»:

К оврагу,
Где травы ржавели от крови,
Где смерть опрокинула трупы на склон,
Папаху надвинув на самые брови,
На черном коне подъезжает барон...
...Стонали степные поджарые волки,
Шептались пески,
Умирал небосклон...
Как идол, сидел на косматой монголке,
Монголом одет,
Сумасшедший барон.
И шорохом ночи бессонной внимая,
Он призраку гибели выплюнул:
«Прочь!»
И каркала вороном глухонемая,
Упавшая сзади,
Даурская ночь.

Несмелов был замучен или же бессудно расстрелян в застенках госбезопасности. Думаю, что отягчающим моментом послужил поэтический дар.

И каркала вороном глухонемая,
Упавшая сзади,
Даурская ночь.

Цепи кармы.

«ГИБЕЛЬ БОГОВ»

**Капитула
пятнадцатая**

МАТЕРИАЛИЗАЦИЯ ДУХОВ

О, друг, внимай!
Что полночь говорит? Внимай!
«Был долог сон, —
Глубокий сон, развеян он! —
Мир — глубина,
Глубь эта дно едва видна
Скорь мира эта глубина..»

Фридрих Ницше «Так говорил Заратустра»

Спиритизм представляется детской игрой по сравнению с исканиями немецких оккультных групп. Если шалости милых сестричек из новой Англии способствовали возрождению древней некромантии, то новоязыческий культ крови обернулся самой кровопролитной войной в истории и газовыми камерами Освенцима.

Алхимические и неорозенкрейцерские братства обосновались в Австрии и Южной Германии еще в начале XVIII века. Затем возник орден «Золотого и Розового Креста» с псевдомасонским ритуалом, что позволило германским оккультистам выйти на международную арену. К началу нашего столетия в Берлине уже активно работала немецкая секция теософского общества, которую возглавлял Вильгельм Хюббе-Шлайден. Генеральным секретарем секции в 1902 году стал Рудольф Штейнер (1861—1925), увлекший немецких поклонников Блаватской своими лекциями о христианском мистицизме и оккультном значении Гете.

Идеи «Тайной доктрины» (1888), в которой эзотерические догмы средневековья перемежались индо-буддийскими спекуляциями и фантастическими вымыслами, встретили в Германии горячих поклонников. Свастика в кольце гностического змея, которую Блаватская избрала в качестве теософской эмблемы, обнаружила широкий символический спектр, объединив оккультный Восток с героическим Севером нибелунгов.

Переосмыслено было и теософское учение о «коренных расах». Если согласно Блаватской, это были поляриане (адамиты), гипербореи, лемуры, атланты, арии и две, которые еще только грядут, то автор книги «Арии» Карл Цшаеццш и атлантов превратил в ариев, присвоив им непрменные «нордические» признаки: светлые волосы и голубые глаза. Волны атлантов, согласно тогдашним теософским воззрениям, бороздивших моря на ладьях в виде лебедей и драконов, подобных носовым кноррам викингов, достигли не только Америки, но и Центральной Азии, куда по воде попасть уже было никак нельзя. Но как иначе оправдать вздорный миф о «трех корнях» человечества: полярном, азиатском и лемурийском? Как объяснить, почему символика Востока лежит в основе нордической религии Солнца? Оккультные системы не нуждаются в доказательствах, подкрепляя заведомый вымысел еще более нелепой фантазией. Согласно Блаватской, половое размножение было «выдуманно»

именно в Азии, тогда как жившие где-то возле полюса полярианы и гипербореи размножались, очевидно, почкованием. По-видимому, с помощью столь смелой «гипотезы» объяснялась устойчивость азиатского «корня». Теософские истины покоряли своей непосредственностью и прямо-таки обезоруживающей простотой: адамиты общались с ангелами, атланты погубили себя злоупотреблением черной магией, лемуры были телепатами и по причине излишней деликатности конституции вымерли. В том же свете рисовалось и будущее Земли: шестая раса вновь заселит Лемурию, седьмая — стартует на Меркурий.

Собеседник Гитлера, президент Данцигского сената Герман Раушинг, порвавший впоследствии с нацизмом, говорил: «В конечном счете, каждый немец стоит одной ногой в Атлантиде, где он ищет лучшую родину и лучшее наследие. Эта двойная природа немцев, эта способность к раздвоению, позволяющая им одновременно жить в реальном мире и проецировать себя в воображаемый мир, в особенности выразилась в Гитлере и дает ключ к пониманию его магического социализма».

«Каждый немец» — безусловно, преувеличение. Достаточно прочитать Гете, Томаса Манна или Гессе, чтобы убедиться в обратном. Но применительно к немецкому оккультизму и Гитлеру — очень точно.

Можно лишь вновь и вновь удивляться тому, что многими все это воспринималось всерьез и даже получало развитие в квазинаучных монографиях. Профессор Берлинского университета Альберт Герман выдвинул гипотезу, что столица Атлантиды скрыта водами тунисского шельфа, профессор Герман Вирт приукрасил теософские измышления цитатами из «Эдды» и хроники «Ура-Линда», что произвело неизгладимое впечатление на рейхсфюрера СС Гимmlера.

Поворотным пунктом в эволюции немецкого оккультного движения стал 1912 год, когда Теодор Рейсс вместе с Кроули основал «Орден Восточного Храма» — ОТО. Это стало своего рода затравкой, сразу же вызвавшей бурную кристаллизацию. Тогда же, после шумного скандала, последовавшего за исключением из теософского общества шарлатана и авантюриста Гуго Вольрата, Рудольф Штейнер расстался с Анни Безант и, решив основать новое общество — антропософское, выступил с элитарной идеей «внутреннего круга». Ориенталистские источники, питавшие ОТО тантрийскими фокусами и сексо-магической практикой, достаточно многообразны, чтобы можно было говорить о каком-то определяющем влиянии. Здесь и демоническое воздействие Бафомета-Кроули, и осколки тамплиерства, и модная теософия. Нельзя игнорировать и личные пристрастия Рейсса, который еще в 1902 году вывез из Англии мasonicкий обряд Мемфис-Мизраим.

После смерти Карла Кельнера, с которым Рейсс разделял свои магические забавы, он сделался единственным хранителем и толкователем «великого герметического секрета». Штейнеровский «внут-

ренный круг» оказался как нельзя более кстати. Тайные школы сексмагии привлекли в ОТО толпы жаждущих «сокровенного посвящения». В Англии «внутренний круг» привился в 1910 году, когда от «Золотого Восхода» отпочковалась Stella Matutina — «Утренняя Звезда», которую возглавил Р. Фелкин, выпестовавший Дион Фортуне. Побывав позднее в Берлине, Фелкин счел необходимым нанести визит Штейнеру, который отнесся к «Утренней Звезде» с должной серьезностью и пиететом. «Внутренний круг» оказался замкнутым кругом.

Немецкий оккультизм, как мы видим, никак нельзя считать явлением изолированным. Это лишь плод, который вырос на ядовитом древе, напитавшемся кровью. Черпая мистический опыт из самых разных источников, немецкие оккультисты, в свою очередь, передавали его единомышленникам в других странах. Посетивший в 1906 году Россию Рудольф Штейнер совершенно очаровал Д. С. Мережковского и Зинаиду Гиппиус, ставших активными проводниками его учения. Отсюда и позднейшие прогитлеровские симпатии Мережковского.

В тот же период, когда организационно оформились основные центры: антропософское общество и ОТО, Теодор Фритч и Герман Поль, по-своему истолковав идею «внутреннего круга», сформировали секретный «Германский орден». Это была уже скорее политическая партия крайне правого толка, нежели мистическое братство, хотя многие члены ордена прошли оккультную школу Гвидо фон Листа (1848—1918) и Йорга Ланца фон Либенфельса (1874—1954), а также астролога и авантюриста Рудольфа Глауэра, увлекавшегося суфистской медитацией. Идейный вклад Листа в новое движение выразился в магическом истолковании северных рун, Либенфельса — в расистских проповедях и мистической идее «священной немецкой крови». Основные компоненты нацизма вполне созрели, как мы видим, уже к началу империалистической войны.

Либенфельс, кстати бывший монах, издавал в Вене антисемитский журнал «Остара», названный по имени германской богини весны. Распространяемый главным образом среди студентов и лиц с высшим образованием, журнал собирал до ста тысяч подписчиков. Вот характерный образец рекламы:

«Вы блондин? Значит, вы творец и защитник культуры! Вы блондин? Значит, вам грозят опасности! Поэтому читайте «Библиотеку защитников прав белокурого человека!»

Ланц призывал учредить «ариогероический» мужской орден — передовой отряд — знакомое словосочетание! — расы белокурых и голубоглазых господ.

Подняв уже в 1907 году знамя со свастикой, он противопоставил социалистической идее классовой борьбы свою — расовую.

«Принесите жертву Фрейру, о сыны богов, — выкликал расстрига, находясь в мистическом трансе. — Вперед же, и принесите ему в жертву детей шреттлингов».

О «шреттлингах» чуть ниже. Расовая борьба по Либенфельсу прогнозировалась тотальной, «вплоть до применения ножа для кастрирования», что нашло материальное воплощение в практике гитлеризма. «Во имя уничтожения человека-зверя и развития более высокого типа нового человека» он призывал возвести в систему методы отбора и истребления. И это было осуществлено в широких масштабах расовыми теоретиками национал-социализма и практиками в черной униформе СС.

Показательно, что Гитлер, уже будучи рейхсканцлером, тщательно прятал свои истоки, будь то идеи или жизненные обстоятельства. Это характерно для любого вождизма. Всех, кто слишком хорошо помнит, откуда явился новоявленный пророк, как правило, убирают. У фюрера нет ни предтеч, ни земных родителей.

«По тем отрывочным данным, которыми мы располагаем, — пишут Д. Мельников, Л. Черная в книге «Преступник № 1», — Гитлер читал в Вене много, но крайне беспорядочно. Читал книги по оккультизму, астрологии, зачитывался приключенческими романами Карла Мая и жадно поглощал бульварные венские журнальчики и брошюры, издаваемые различными реакционными организациями. На одном из этих журналов, а именно на антисемитском журнале под названием «Остара», который издавал один из проповедников расизма и антисемитизма в Австрии, бывший монах Георг Ланц, он же Йорг Ланц фон Либенфельс, придется остановиться подробнее. Ибо бросается в глаза тождество высказываний Гитлера с теми «теориями», которые проповедовали венские расисты. Уже в грошовых брошюрах Ланца движущей силой истории объявлялась война между «белокурой расой господ», которую Ланц называл просто «хельдингами», от немецкого слова Held — герой, и прочими, неполноценными расами под названием «аффлинги», от немецкого слова Affe — обезьяна¹. Ланц призывал «хельдингов» сторониться «обезьяноподобных», дабы предотвратить смешанные браки. Он считал чудовищным «расовым позором» связь белокурых женщин «высших рас» с «недочеловеками» из породы «обезьяноподобных». Между прочим, Ланц рекомендовал представителям «высших рас» иметь много жен, не обращая внимания на церковную мораль. По теории Ланца, «хельдинги» должны были устраивать специальные питомники для выведения чистых арийцев.

На протяжении двенадцати лет нацисты пытались проводить в жизнь подобные теории. Гитлер был одержим идеей «улучшения расы» и давал в этой связи практические рекомендации, которые звучали ничуть не более грамотно, нежели рассуждения венских бульварных газетчиков... И, наконец, уже в грязных журнальчиках, издаваемых в Вене до 1914 года, намечена программа уничтожения «низших рас», взятая на вооружение Гитлером.

¹ «Шреттлинги» другое название «аффлингов».

Задолго до Ланца, а точнее еще в 1899 году, изображение свастик появилось в первом же номере журнала «Дер Шерер». Мистический знак рекламировался как «возбудитель огня», который, согласно германской мифологии, взболтал первичную материю при сотворении мира. Все это пронизанное ложью и ненавистью чтиво жадно впитывал будущий фюрер.

Следует добавить, что Ланц отбирал кандидатов в основанный им новый тамплиерский орден по принципам, которыми впоследствии опять же руководствовались в СС. Разработав церемониал Грааля, он ввел процедуру «проверки чистоты крови», что стало в нацистской Германии повседневной практикой.

Декларативно националистический и антимазонский орден Фритча-Поля строился, однако, по масонскому образцу и располагал ложами во всех городах Германии. Это был «внутренний круг» грядущего фашизма, с его культом силы и практикой геноцида; союза молота — «хаммер-бунд». Храмы ордена были расположены в близости от готических руин Верфенштайна, на реке Данюбе, в Мариенкампе возле Ульма и на острове Рюген. Ностальгическая тяга к развалинам замков псов-рыцарей тоже не пройдет бесследно для Третьего рейха. Усилиями главаря «Гитлерюгенда» Бальдура фон Шираха в короткий срок была создана система «орденсбургов», в которых проходили подготовку молодые «сверхчеловеки». Такие замки-монастыри были построены в Фогельзанге (Рейнланд), Зонтхофене (Бавария) и Крессинзее (Восточная Пруссия).

В беседе с Раушингом Гитлер говорил: «В моих орденских замках подрастает молодежь, которая ужаснет мир. Мне нужна молодежь, жаждущая насилия, власти, никого не боящаяся, страшная... Свободный, прекрасный хищный зверь должен сверкать из ее глаз... Мне не нужен интеллект. Знания погубили бы мою молодежь».

И он получил желаемое.

В 1918—1919 гг. Германский орден, возродивший языческий культ бога Вотана-Одина, превращенный Гитлером чуть ли не в официальную религию партии, стал составной частью национал-социалистического движения. Оккультизм, таким образом, сделался орудием политической пропаганды. Об этом красноречиво свидетельствуют хранящиеся в Германском федеральном архиве в Кобленце орденские документы.

Звенном, непосредственно сомкнувшим преступную практику нарождающегося фашизма с параноическими изысканиями теоретиков, вроде Поля, стало «Общество Туле». Ултима туле — «крайняя земля» — называли античные авторы не то Гренландию, не то Исландию: самую северную точку романской эйкумены. Для мюнхенских оккультистов, начавших в 1918 году изучать магию северных рун, латинское слово «Туле» стало символом мифической колыбели «нордической расы».

В 1930 году в доме Вагнера, в Байрейте, состоялась встреча членов общества с Гитлером. На ней присутствовал и Альфред Розенберг, теоретик партии.

Возглавлял «Туле» прожженный авантюрист Рудольф фон Зеботтендорф (1875—1945), самозванный барон¹ и фанатичный фашист, воспитавший убийцу министра иностранных дел Вальтера Ратенау. Во время революционных событий 1918—1919 годов, инспирированных Коминтерном, он использовал общество для прикрытия заговорщической деятельности. В Немецкую рабочую партию, возглавляемую Антоном Дрекслером, Зеботтендорф вступил даже раньше Гитлера, получившего почетный билет номер семь. Эта группка, собиравшаяся в небольшой мюнхенской пивной «Штернке», стала зародышем национал-социалистского движения, в плоть и кровь которого вместе с оголтелым расизмом вошла руническая мистика. Создавая СС, Гиммлер выбрал в качестве эмблемы не латинские буквы, а напоминающие молнию рунические знаки *ИИ*. Германа Вирта, который так понравился Гиммлеру своими знаниями древнегерманских обрядов, рейхсфюрер поставил во главе специального исследовательского учреждения, получившего название «Аненербе» — «Родовое наследие», призванного всемерно пропагандировать арийские древности.

В воображении нацистских витий «Туле» рисовалась неким магическим центром погибшей цивилизации, второй Атлантидой. Для них ее «тайны» продолжали существовать в первозданной целостности то ли на морском дне, то ли в глубинах поллой Земли. Где-то там обитали потомки великанов, «гуманоиды» промежуточных форм между человеком и сверхчеловеком.

Солидный вклад в создание этой мрачной мифо-поэтики внес поэт, драматург и журналист Дитрих Эккардт (1868—1923). Как и Гитлер, он был отравлен газом на поле боя, что привело к глубоким психическим изменениям. Один из создателей партии Дрекслера и первый главный редактор «Фелькишер беобахтер» — центрального органа НСДАП², Эккардт молился перед куском черного метеорита, который называл своей каабой. Он и умер с этим камнем в руке.

Этот оккультный маг, оказавший глубокое влияние на Гитлера, мог с полным правом заявить: «Вот тот, для кого я — пророк и предтеча».

Если бы обожженные ипритом легкие не свели его в могилу, то он наверняка разделил бы судьбу Эрнста Рема, шефа штурмовиков, обращавшегося к фюреру на «ты».

В письме, написанном незадолго до смерти, Эккардт четко сформулировал свое кредо, что сродни политическому завещанию:

«Следуйте за Гитлером! Он будет танцевать, но это я, кто нашел для него музыку. Мы снабдили его средствами связи с Ними. Не скорбите по мне: я повлиял на историю больше, чем кто-либо еще из немцев».

¹ Его настоящее имя Адам Рудольф Глауэр. Он переселился в Турцию, принял турецкое подданство. В Стамбуле его усыновил барон Генрих Зеботтендорф

² Национал-социалистическая рабочая партия Германии

С кем это «с Ними»? Таинственные учителя в Гималаях, с которыми якобы общались Сен-Жермен, Блаватская и прочие в том же духе? Потомки атлантов, лемуров, тулейцев? «Высшие неизвестные», наконец?

Раушинг рассказывает о характерном эпизоде, который, кстати, навел доктора Дельмаса, крупного специалиста-психолога на вполне определенные мысли:

«Один человек из его окружения сказал мне, что Гитлер проснулся ночью, издавая судорожные крики. Он звал на помощь, сидя на краю кровати, и был, как парализованный. Он был охвачен паникой и дрожал так, что тряслась кровать. Он издавал неясные, непонятные вопли. Он задыхался. Тот же человек рассказывал мне об одном из таких приступов с подробностями, которым я отказался бы поверить, если бы мой источник не был таким надежным. Гитлер стоял в своей комнате, шатаясь, оглядываясь вокруг с потерянным видом. «Это он! Это он! Он пришел сюда!» — восклицал фюрер. Его губы побелели. Пот катился крупными каплями. Вдруг он стал называть цифры без всякого смысла, потом слова, обрывки фраз. Это было ужасно. Он использовал странные сочетания и выражения. Потом снова стал молчалив, но продолжал беззвучно шевелить губами. Тогда его растерли, заставили выпить. Потом неожиданно он заревел: «Там! Там! В углу! Он там!» — Топал ногой по паркету, кричал. Его успокоили, говоря, что не происходит ничего необыкновенного, и он мало-помалу утих. Затем он спал очень долго и вновь стал почти нормальным и сносным...»

Клинический случай истерии на базе наркотической интоксикации. Лекарства, коими постоянно потчевали Гитлера, содержали опиум. Форму бреда, однако, определенно вызвал мистический настрой. Когда выкликают чудовищ, они приходят.

«Нас предают анафеме, как врагов разума, — витийствовал Гитлер. — Ну да, мы такие и есть. Но гораздо в более глубоком смысле, которого буржуазная наука никогда не могла себе представить в своей идиотской гордости».

Псевдорелигиозная доктрина «Туле» целиком базируется все на той же идее «сверхчеловека», чьей колыбелью должна стать Германия. Придет день, когда легионы свирепых мутантов, питаемые духовной эманацией «Великих древних», сметут с лица земли всех и вся, дабы сделать ее колыбелью грядущей расы.

Весь этот бред целиком вошел в «Миф XX века» Розенберга — второй по значению теоретический источник нацистской идеологии. Под влиянием оккультных откровений «Туле» находились личный секретарь и заместитель Гитлера по партии Рудольф Гесс (1894—1987), один из основателей и главный экономист НСДАП Готфрид Федер (1883—1941) и прочие заправилы рейха.

Зеботтендорф был недалек от истины, говоря, что «члены «Туле» были именно теми людьми, на помощь коих мог рассчитывать Гитлер, и они тоже отождествляли себя с ним».

Эмблемой организации была свастика с дубовым венком и мечом, да и родилась она в том же Мюнхене, где возникла партия и находился ее «Коричневый дом».

Как и «Аненербе», «Туле» пребывало под личным патронажем главы гитлеровских карательных органов. Не удивительно, что сам Вирт вскоре получил высокий эсэсовский чин.

В его распоряжении находились специалисты по различным разделам оккультных наук. Они были призваны изучать опыт тиранов и диктаторов прошлого, обобщать накопленную тайными обществами всех времен и народов мудрость и давать соответствующие рекомендации. Мир еще не знал подобного сборища полубезумных духовидцев и отъявленных мракобесов. Зловещую, до конца так и не проясненную роль в практическом применении их безумных рекомендаций играл штандартенфюрер СС Вольфрам Зиверс, эзотерический палач и ритуальный убийца.

Не была в этом обществе дремучих, одержимых ненавистью чернокнижников забыта и алхимия. Разумеется и на этом поприще подвизались завзятые уголовники.

«...Подпись фюрера давала им возможность с помощью умело организованной рекламы нажать на этом деле солидный капитал. Алхимик Таузенд, воспользовавшись тем, что Людендорф поверил ему, и не стал возражать против упоминания его имени в связи с проведением экспериментов по превращению простых металлов в золото, сумел выманить у нескольких промышленников не менее 3—4 миллионов, в том числе 900 000 — у одного только господина Маннесмана... даже такие офицеры, как Людендорф, легко могут попасть на удочку всяким мошенникам и темным дельцам...»

Генри Пикер «Застольные разговоры Гитлера»

Эрих Людендорф, первый генерал-квартимейстер генштаба, крупнейший промышленник Маннесман, чей концерн существует и поныне, не говоря уже о самом Гитлере, — все они верили, в алхимические превращения!

Цитируемое «откровение» насчет «мошенников и темных дельцов» — Гитлер после аферы с «золотом» едва не клюнул на удочку «алхимика», посулившего добыть бензин из угля с помощью воды — было записано после ужина в ставке фюрера «Вервольф» 26 июля 1942 года.

Рейхслейтер и заместитель по партии Мартин Борман сразу же направил запись «для дальнейшего распоряжения» в рейхсканцелярию имперскому министру Ламмерсу.

Не видя принципиальных различий между научной гипотезой и фантастическими спекуляциями, нацистские оккультисты в профессорских мантиях на все лады разглагольствовали о «вриле» — таинственном флюиде, якобы пронизывающем все мироздание. Едва ли английский писатель Бульвер-Литтон, впервые употребивший само это название в романе «Раса, которая заменит нас», полагал, что кто-то отнесется к его выдумке всерьез.

В романе Бульвера-Литтона действуют сверхлюди с необыкновенно развитой психикой. Они приобрели власть над живой и мертвой природой и уподобились небожителям. Вынужденные скрываться, они обитают в пещерах в центре Земли, но настанет день, и они выйдут на поверхность, чтобы завладеть миром.

Вот, собственно, и все. Ничуть не лучше «Путешествия к центру Земли» Жюль Верна или «Затерянного мира» Конан Дойла. Фантастика, вобравшая в себя осколки мифов о сверхчеловеке и атлантологические спекуляции.

Но из этого ядра родилась «Сверкающая ложа» или «Общество Вриля», которое привлекло к себе научную элиту и эсэсовские верхи. Один из разработчиков ракетного оружия, доктор Вилли Лей, бежавший из Германии в 1933 году, рассказал, что ложа возникла в Берлине незадолго до прихода Гитлера к власти.

В существование «вриля» поверили всерьез, подразумевая под этим особую психическую энергию, которая в обычной жизни используется в лучшем случае на десять процентов. Подчинив своей воле «вриль», человек обретает неограниченные возможности. Это источник всеобъемлющей власти, какая и не снилась властелинам всех времен и народов. На овладение «врилем» должны быть направлены все средства. Когда «Великие неведомые» выйдут из-под земли, люди превратятся в рабов. Лишь избранные, поставившие себе на службу «вриль», смогут на равных говорить с богоподобными тулейцами и разделить с ними воспитательное бремя господства.

Вот примерный конспект идеологической подкладки «Сверкающей ложи», тесно связанной с близкими к ней неорозенкрейцерскими и теософскими кружками.

Видное место в ложе занимал Карл Хаусхофер (1869—1945), родоначальник немецкой геополитики и наставник молодого Рудольфа Гесса. Генерал-майор в отставке, он был президентом Германской академии (1934—1937) и долгое время читал курс географии в Мюнхенском университете. По просьбе Гесса, Хаусхофер навещал Гитлера в тюрьме, что, несомненно сказалось на идейной подкладке «Моей борьбы». Видимо, при активном участии все того же Гесса, фактического соавтора фюрера и «наци номер два» в будущем, краеугольный камень геополитики — «жизненное пространство» — целиком вошел в фундамент «тысячелетнего рейха». Окультистскими учениями Хаусхофер увлекся еще до войны. Он встречался с Георгием Гурджиевым, постоянно общался с тибетскими магами, а будучи в Токио, прошел курс медитации в тайном обществе «Зеленого дракона».

Не без его влияния в ложе уделяли большое внимание духовной тренировке. Упражнения начинались с созерцанием разрезанного яблока. Проникнув в его внутреннюю структуру, можно было возбудить дремлющую энергию, способную преобразить как физическую, так и духовную сущность созерцателя.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛУНА

Внимайте мне все
священные роды
великие с малыми
Хеймдалля дети!
Один, ты хочешь,
чтоб я рассказала
о прошлом всех сущих,
о древнем, что помню
Великанов я помню,
рожденных до века,
породили меня они
в давние годы,
помню девять миров
и девять корней
и древо предела,
еще не проросшее

«Старшая Эдда» Прорицание Вельвы

Вельва — скандинавская прорицательница, колдунья. В этой самой знаменитой из песен «Эдды» изложена история мира, от его сотворения и «Золотого века» до трагического конца, так называемой «гибели богов». Священные роды — это и есть боги, а дети Хеймдалля — люди. Древо предела — ясьень Иггдрасиль, мировое дерево, на котором повесился верховный бог Один, дабы обрести тайное знание.

Эклектически выхваченные из скандинавского эпоса клочки составной, но зияюще чужеродной, частью вошли в нацистскую оккультную космогонию. Изучению «Эдды» в «Аненербе» придавалось особое значение. Погромщики мнили себя новыми нибелунгами.

«Вриль», оккультная антропология, атлантомания, «коренные расы», единство религии и науки — все эти животрепещущие проблемы дебатировались еще в Мюнхене, в первых нацистских кружках. Мещанам, которые, надев коричневую униформу, возомнили себя «белокуроыми bestиями», «сверхчеловеками», не терпелось утратить свою преступную волю не только над человечеством, но над временем — пространством. Для этого и нужен был мифический «вриль». Из подобных спекуляций целиком вытекает и поражающее своим вопиющим невежеством «учение» Гербигера, которого Гитлер считал «одним из трех великих космологов».

Летом 1925 года многие ученые Германии и Австрии получили следующее письмо:

«Выбор надо сделать сейчас, быть с нами или против нас. В то время как Гитлер очистит политику, Ханнс Гербигер сметет лживые науки. Доктрина вечного льда будет знаком возрождения немецкого народа. Берегитесь! Вставайте в наши ряды, пока еще не слишком поздно!»

Человеку, который осмелился бросить такой вызов, было шестьдесят пять лет. Его учение уже получило известность среди широ-

кой публики под названием «ВЕЛ» (Вельтайслере: учение о вечном льде). «Арийская космогония» противоречила общепринятым астрономическим и математическим данным, но зато оправдывала древние мифы.

«Объективная наука есть изобретение вредное, она — тотем упадка», — писал Гербигер. Он считал, как и Гитлер, что «главный вопрос любой научной деятельности — знать, кто именно хочет знать». Только пророк может претендовать на новое слово в науке, ибо он просветлен, вознесен на высшую ступень сознания. Ханс Гербигер не выносил ни малейшего сомнения, ни малейшего намека на противоречие. Его сотрясала священная ярость: «Вы доверяете уравнениям, а не мне! — бесновался он. — Сколько времени нам надо потратить на то, чтобы увериться в том, что математика — ложь, не имеющая никакой ценности?».

Уроженец Австрии, он позволял себе заткнуть рот даже своему невротичному компатриоту.

— Заткнись! — орал он на Гитлера, тогда еще только вождя третьей по значению партии, пресекая попытки вклиниться с идиотскими замечаниями. Они оба презирали «буржуазную» (читай: подлинную) науку.

Гербигер (1860—1931) не был одиноким. Другой нацистский космолог утверждал, что мы живем на внутренней поверхности сферы. Третий кричал, что земля плоская, что и побудило в конце концов послать на Арагат экспедицию за ковчегом.

За несколько лет основанное Гербигером движение опубликовало три огромных тома с изложением учения, сорок популярных книг, сотни брошюр. Оно издавало ежемесячный журнал «Ключ Мировых событий». Гербигеру наследовал его сын Гербигер-младший, связанный тесными дружескими узами с главарями штурмовиков. После прихода к власти Гитлера сопротивление «Мировому льду» резко пошло на убыль, хотя университеты по-прежнему преподавали ортодоксальную астрономию. Известные инженеры и ученые присоединялись к доктрине Гербигера. Среди них были Ленард, претендовавший на приоритет в открытии рентгеновских лучей, физики Оберт и Штарк, чьи исследования в области спектроскопии были всемирно известны.

«Наши нордические предки окрепли в снегах и льдах, — писалось в одной листовке, — вот почему вера во всемирный лед является естественным наследием нордического человека».

Учение объясняло появление Солнечной системы, Земли, жизни и духа. Оно описывало все прошлое мира и предвосхищало будущее его изменения. Оно отвечало на три главных вопроса: «Кто мы? Откуда мы явились? Куда идем?».

Учение исходило из натурфилософской идеи непрерывной борьбы между льдом и огнем, между силой отталкивания и силой притяжения. Эта борьба, это меняющееся напряжение между противостоящими принципами, эта вечная война в небе, являющаяся законом планет, правит также Землей и живой материей, оп-

ределяя историю человечества. Гербигер описывал череду подъемов и падений, в которых фигурируют люди-боги, гиганты сказочные цивилизации. Доктрина циклов и квазимагических отношений между человеком и миром опиралась на древние пророчества, оккультное учение об астрале, древнеиндийскую мистику, астрологию и демонологию.

В письме к одному из ближайших соратников фюрера Роберту Лею Гербигер писал, как, будучи молодым инженером, «наблюдал однажды падение струи расплавленного металла на мокрую заснеженную землю: земля взорвалась с замедлением и большой силой». Это все. Из этого зернышка вырастает его учение.

В небе существовало огромное тело высокой температуры, которое было в миллионы раз больше нынешнего Солнца. Оно столкнулось с гигантской планетой, появившейся в результате скопления космического льда. Вся его масса проникла глубоко в недра суперсолнца. Сотни тысяч лет все оставалось по-прежнему. Потом произошел грандиозный взрыв.

Осколки были отброшены так далеко, что исчезли в ледяном пространстве. Другие либо упали обратно на центральное тело, либо задержались в средней зоне, став планетами Солнечной системы. Их было тридцать. Луна, Юпитер, Сатурн состоят из льда, а каналы Марса — ледяные трещины. Только Земля не полностью захвачена холодом: на ней продолжается борьба льда и огня.

На расстоянии втрое большем, чем от Солнца до Нептуна, находится огромное ледяное кольцо. Официальные астрономы упорствуют, называют его Млечным Путем, потому что сквозь него просвечивает несколько звезд, похожих на Солнце. Но фотографии отдельных звезд не более, чем мошеннический трюк. Это куски льда, сияющие отраженным светом.

Солнечные пятна, меняющие форму и месторасположение, происходят от падения ледяных осколков, отрывающихся от Юпитера, который замыкает свое обращение каждые одиннадцать лет.

Лед и огонь, отталкивание и притяжение вечно борются в мире. Эта борьба определяет жизнь, смерть и бесконечное возрождение космоса.

Немецкий писатель Элмар Брюгг издал в 1952 году труд, посвященный Гербигеру, где писал:

«Ни одна из доктрин изображения Марса не пользовалась принципом противопоставления, борьбы двух противоположных сил, которыми питается душа человека вот уже много тысячелетий. Незабываемое достоинство Гербигера в том, что он возродил интуитивное знание наших предков о вечном конфликте огня и льда, воспетое Эддой. Он изложил этот конфликт нашим современникам. Он научно обосновал этот грандиозный образ Мира, связанного с дуализмом материи и силы: отталкивания, которое рассеивает, и притяжения, которое собирает».

Луна, согласно Гербигеру, который лишь повторял Штейнера, в конце концов упадет на Землю. Несколько десятков тысячелетий

расстояние от одной планеты до другой кажется неизменным, но спираль неуклонно сужается. Постепенно усилится гравитационное воздействие Луны на Землю. Воды океанов поднимутся и в постоянном приливе покроют сушу, затопят тропики, окружив высочайшие горы. Живые существа ощутят постепенное уменьшение своего веса. Они вырастут. Космические лучи станут более жесткими. Действуя на гены и хромосомы, они вызовут мутации. Появятся новые расы, животные, растения и люди-гиганты.

Какой благодатный отзвук эти откровения встречали в душах adeptов «Общества Туле» и «Сияющей ложи»! Особенно у последних, фанатично приверженных идее «четырёх лун». Наш вековечный спутник, согласно мистическим воззрениям «врияля» и «ВЕЛ», считался четвертым. Ему предстояло еще взорваться от большой скорости вращения и обратиться в кольцо из скал, льда, воды и газа, которое будет вращаться все быстрее и быстрее. Когда же и он обрушится на Землю, настанет объявленный Апокалипсис. Если люди переживут его, то самым сильным, лучшим, избранным предназначено увидеть ужасающие картины конца мира.

После тысячелетий, лишённую спутников Землю ожидают потрясающие наслоения новых рас гигантов и невероятные катаклизмы. В конце концов, Марс достигнет орбиты Земли. Слишком большой, чтобы стать спутником, он пройдет мимо и рухнет на Солнце. Земная атмосфера будет похищена Марсом и рассеется в пространстве. Океаны вскипят, смоят все, и земная кора лопнет. Мертвая планета столкнется в небе с ледяными планетоидами, станет гигантским ледяным шаром и тоже обрушится на Солнце. После столкновения настанет великое молчание, великая неподвижность, а внутри пылающей массы миллионами лет будут накапливаться водяные пары. Наконец, произойдет новый взрыв яростных сил космоса.

Такова судьба Солнечной системы в видении параноика, которого национал-социалистические бонзы называли Коперником XX века. Они относились к его истерическим фантазмагориям с полным доверием. В подписанном 19 июля 1936 года «Пирмонтском протоколе» «ВЕЛ» признавался «подлинным сокровищем германского интеллекта».

Молодой «айслере-фюрер» Ханнс Роберт Гербигер в очередном припадке словоизвержения изрек: «Теория относительности так относится к мировому льду, как Талмуд к Эдде».

Для подтверждения правоты арийской космогонии Гиммлер послал Эдмунда Кисса в Абиссинию, организовал специальный отдел в «Аненербе», во главе которого поставил Ганса Скультетуса, и даже снарядил экспедицию на гору Нанга Парбат.

Феномен Гербигера не может быть понят вне общей «атмосферы сумасшедшего дома». Без оккультной истерии, сопровождавшей борьбу нацистов за власть, не было бы и «ледяного пророка».

В качестве первого «импресарио», наводнивших еще Веймарскую республику оракулов и чудотворцев выступил букинист Генрих Тренкер, специализировавшийся на торговле редкими розенкрей-

церскими и астрологическими изданиями. В 1923 году он организовал в Берлине братство «Коллегиум Пансофикум» с Великой восточной ложей, построенной по образцу «Золотого Восхода», второго его ордена. Подражая Мазерсу, он живо усвоил эксцентричные манеры и провозгласил себя магом.

Сам же Мазерс, принявший дурацкое имя «Брат Демон, Бог — наоборот», тоже общался с «Высшими неизвестными». В его «Манифесте» 1896 года к «Членам ордена второй степени посвящения» говорится:

«По поводу этих Тайных Владык, на которых я ссылаюсь и от кого я получил мудрость Второй степени, сообщенную вам, я не могу вам ничего сказать. Я даже не знаю их земных имен и видел их только редко в их физических телах... Они встречались со мной физически в заранее назначенное время и в условленном месте. Думаю, что это человеческие существа, живущие на этой земле, но обладающие ужасными, сверхчеловеческими возможностями и могуществом... Мои физические отношения с ними показали мне, насколько трудно смертному, как бы он развит ни был, переносить их присутствие. Я не хочу сказать, что в этих редких случаях встреч с ними действие, производимое на меня, состояло в сильной физической депрессии вследствие потери магнетизма. Наоборот, я чувствовал себя в контакте с такой ужасной силой, которую я могу сравнить только с близким ударом молнии во время сильной грозы, сопровождающимся затрудненным дыханием... Нервная протрация, о которой я говорю, сопровождалась холодным потом и кровотечением из носа, рта, а порой и ушей».

Не считая «мудрости Второй степени», аналогичной «осетрине второй свежести», симптоматика выписана со знанием дела. Опытному специалисту не составит большого труда определить заочный диагноз.

Но мы говорили о Тренкере. Уже упомянутый однажды Рейсс, остро нуждавшийся тогда в собственном кудеснике, даже предложил букинисту-окультисту возглавить орден Восточного Храма. После смерти последнего, Тренкер прибрал к рукам архивы ОТО, потребовав у фрау Рейсс все принадлежавшие покойному материалы.

Алистер Кроули появился на немецкой сцене в 1925 году. Его выступления перед рыцарями «внутреннего круга» произвели настоящую сенсацию. И хотя сексомагия уже давно не была новинкой, артистизм «зверя» завоевал ему множество поклонников. За его книгами и акварелями началась настоящая охота. Руководители ОТО и сам Тренкер сразу же поняли, что обрели в лице Кроули долгожданного мастера. «Зверю» тоже пришлось по нраву решительность германских братьев, и он поселился в доме Тренкера в тюрингской деревне Хохенлейбен.

Заполучив такого кита, Тренкер стал подумывать о том, чтобы оформить «внутренний круг» в отдельную организацию. Среди adeptов, из которых состоял тайный совет, были члены берлинского коллегиума Албин Грау (мастер Пацитиус) и Ойген Гроше (брат

Григориус), данцигский мастер Герхарди и Марта Кейнтцель из Данцига, представлявшая теософские круги.

Так возникло «Братство Сатурна», просуществовавшее до захвата власти нацистами и вновь возобновившее свою деятельность в 1945 году. Этот влиятельнейший оккультный трест вскоре располагал издательством «Телем» и большим книжным магазином, открытым Гроше в Берлине. Торговля магическими рецептами и астрологическими таблицами сексуальных поз оказалась необыкновенно прибыльным делом. «Братство Сатурна» продавало талисманы, пентакли и даже сперму отборных арийцев-производителей. Вопрос о том, какое положение должны занимать любовники в момент противостояния Марса и Сатурна, почему-то оказался необычайно актуальным в разоренной войной стране, охваченной всеобщим экономическим кризисом.

По широте размаха и смелости постановки дела «Братство Сатурна» далеко обогнало «Золотой Восход», связи с которым прервались в 1933 году. Любую тайную организацию гестапо подозревало либо в шпионаже, либо в принадлежности к масонству.

Детали ритуалов сексомагии, граничащей с садизмом, и «сатурналии» братства подробно описаны в беспрецедентной книге, изданной незначительным тиражом Адольфом Хембергером во Франкфурте-на-Майне в 1971 году.

«Финансовый маг» братства Гроше умер в 1964 году, но организация благоденствует по сей день, используя подходящую для порнобизнеса конъюнктуру. Это далеко не единственное оккультно-сексуальное общество. «Новые иллюминаты» оборудовали свой храм в частном доме на Адальбертштрассе во Франкфурте-на-Майне, большую активность развивают «телемиты» — последователи Кроули, анонимные лица щедро финансируют сомнительного свойства журналчик «Эзотера», пропагандирующий достижения «Золотого Восхода». Этот орден все еще действует в Англии и некоторых других странах, равно как и ОТО, чьи «закрытые» ложи существуют, помимо Германии, в Австрии и Швейцарии.

Публичные сексомагические спектакли по-прежнему приносят высокие дивиденды.

На фоне оккультной и сексуальной вседозволенности, напоминающей мрачные времена заката Веймарской республики, не замедлил воскреснуть и Эрих Ян Ганнусен, вернее Ганнусен II, чей проспект «чудесных предсказаний», отпечатанный почему-то в Лихтенштейне, можно бесплатно получить в магазине Гроше.

«Есть магические формулы, — говорил Штейнер, — которые на протяжении столетий истории духа продолжают действовать неизменно, как новые».

По сообщениям печати, Ганнусен II, за бесценок скупавший свои баснословно дорогие снадобья в соседней аптеке, как это делала во времена Людовика XIV компаньонка Гибур Катрин Дезейе, привлечен за мошенничество к уголовной ответственности.

Воистину порочный круг.

Но тех последних, неимоверно растянувшихся минут, отданных схватке оказалось достаточно, чтобы Кламен с Югом затерялись в крошечной тьме. Последний след оборвался в сталактитовом зале «Орган Ахерона», где отверзались зевы бесчисленных галерей. Никто не решился продолжить преследование. Только кучу факелов напрасно пожгли. Даже самые смелые крестоносцы, снискавшие славу под тамплиерским знаменем «Босан», вернулись обратно. Стонущий Аид поглотил таинственный ковчег с волшебной чашей.

Проклятие епископа д'Ан Марти оказалось пророческим.

Тулузское графство досталось в конечном счете французской короне, а ближайшего потомка Симона Монфора ожидал эшафот.

Когда Юг и Кламен, спрятав в потайных штольнях свой бесценный груз, вылезли из пещер, то не узнали родимой земли, пропахшей гарью и мертвечиной.

Множились легенды о спрятанных сокровищах. Изумрудную чашу посчитали священным Граалем с кровью Христа.

Немецкий историк Отто Ран с детства увлекся загадками древних цивилизаций. Подобно Шлиману, который, следуя рассыпанным в Илиаде указаниям, обнаружил легендарную Трою, он мечтал найти «Королевство Грааля». «Сказание о Нибелунгах», «Эдда», романы о рыцарях Круглого Стола сделались его настольными книгами. Подземные галереи Монсегюра и спрятанные в них неведомые святыни снились ему по ночам. Подобные умонастроения вполне отвечали духу времени. Немецкие оккультные группы и, прежде всего, «Туле», искавшие арийскую прародину в Северном Ледовитом океане, разработали целую систему «нордической мифологии». Особое значение в ней придавалось гностическим учениям с их вечным противоборством полярных сил. Коль скоро фюреры быстро набиравшего силу национал-социалистического движения тяготели к мрачному романтизму и яростно пропагандировали расистские бредни, исканиями Рана заинтересовались. Слух о несметных сокровищах Монсегюра докатился до Альфреда Розенберга. Автор «Мифа двадцатого века», теоретик и расовый эксперт партии дал псевдоисторическим разработкам Рана нужное идеологическое направление. В «нордической» интерпретации Монсегюр приравнивался к бретонскому Монсалвату — горе Спасения, где находился Священный Грааль рыцарей короля Артура. Погромщикам в коричневых рубашках штурмовиков, рвавшимся к власти, безумно хотелось быть похожими на рыцарей, а Генрих Гиммлер, лично отбиравший кандидатов в отряды СС, тшил придать своей банде убийц внешний декорум средневекового ордена. Грааль — сосуд, куда, по преданию, Иосиф Аримафейский собрал кровь Христа, — рисовался ему эдакой чашей мистического озарения.

Фантастические построения Рана грядущие сверхчеловеки претрели с просвещенным участием культуртрегеров. Его первая поездка в Монсегюр и дилетантски проведенная разведка местности получили широкое отражение в пронацистской прессе.

В 1933 году, уже после поджога рейхстага и захвата власти Гитлером, вышла в свет книга Рана «Крестовый поход против Грааля», полная псевдонаучных спекуляций. Желая польстить Розенбергу, сделавшемуся к тому времени рейхслейтером, новоявленный Шлиман внес в свою первоначальную схему некоторые коррективы, смешав символику Грааля с Ноевым ковчегом. Кроме церковной чаши — потира и сосуда со священной кровью, в Граале, которому посвящено множество литературных памятников европейского средневековья, видели и рог изобилия народных легенд, и магический камень алхимиков. Олицетворяя рыцарское начало, Грааль стал эмблемой мировой христианской империи, которую нацисты перелицевали в свой Третий рейх. Христианские идеалы были не в фаворе, и версию с божественной кровью пришлось благоразумно обойти. Новых хозяев заинтересовала совсем иная кровь. Ковчег — другое дело. Это понравилось. Решено было даже снарядить альпинистскую группу на Арарат.

В нацистской интерпретации Грааль стал чашей нибелунгов, нордической святыней, а сами катары были объявлены выходцами из Франконии, почти германцами.

Гремела музыка Вагнера, маршировали «нибелунги» в черных мундирах, на все лады воспевался культ «чистоты крови». Кровь, между тем, уже обильно лилась в корзины с опилками, куда падали срубленные на средневековый манер головы лучших сынов Германии.

В 1937 году «Аненербе» предоставил профессору Рану стипендию для организации археологических раскопок.

Второе посещение монсегюрских лабиринтов увенчалось долгожданным успехом. Пробившись сквозь многометровый завал, рабочие проложили узкий лаз в пещеру, которую Ран сперва принял за погребальную камеру. Всего насчитали одиннадцать высохших мумий, причем исключительно мужских, лежавших в хаотическом беспорядке и покрытых пушистым налетом многовековой пыли.

— Это скорее напоминает поле брани, — радостно улыбнулся Ран, поднимая тяжелый двуручный меч. — Смотрите! Почти нет следов ржавчины.

Изучив одежду, оружие и доспехи, он пришел к убеждению, что останки принадлежат девяти крестоносцам и двум катарам, прикрывшим отход сотоварищей, которые унесли драгоценные реликвии дальше, в глубь пещер.

После широко разрекламированной поездки по Лангедоку, закончившейся сенсационной находкой, профессор неожиданно исчез. Из Франции отбыл, а в Германию не вернулся.

Выпущенная перед самым отъездом его вторая книга «Люциферский двор Европы» привлекла всеобщее внимание хотя бы своим заголовком. Возможно, именно это и не понравилось фашистским главарям, усмотревшим здесь прозрачный намек. Однако скорее всего, сам автор допустил неизвестную нам промашку. Во всяком случае, с ним произошло то, что в те годы именовали «странной историей», хотя ничего особенно «странного» в ней не было, скорее наоборот.

В печати об исчезновении незадачливого вояжера сообщили как-то вскользь. Хоть и прошел слух о том, что автор «Люциферова двора Европы» сидит в концлагере, немцам, а французам тем паче, было не до него. Надвигались куда более значительные события: аншлюс Австрии, Судеты, Мюнхенская капитуляция.

История монсегюрских спекуляций в Третьем рейхе, однако, с исчезновением Рана не закончилась.

В июне 1943 года, когда, казалось бы, «нибелунгам» следовало думать совсем о других вещах, в Монсегюр прибыла комплексная научная экспедиция, в которую входили известные немецкие историки, этнологи, геологи, специалисты по исследованию пещер.

Под охраной подобострастной вишейской милиции «союзники» разбили палаточный лагерь и приступили к раскопкам. Работы продолжались вплоть до весны 1944 года, когда пришлось спешно уносить ноги. Но в самом рейхе разговоры об «арийском» Граале не утихали вплоть до окончательной развязки. Так, уже в марте 1945 года Розенберг, разъяснив гроссадмиралу Дёницу значение катарских сокровищ для национал-социализма, заикнулся о какой-то секретной экспедиции и просил выделить для этой цели специальную подводную лодку.

Одним словом, ошарашивающая своей шизоидной настырностью возня нацистов продолжалась вплоть до последнего часа, пока Советская армия не отняла у них возможность решать что бы то ни было, пусть даже на бумаге.

Уже после войны некто Сен-Лоу, написавший брошюру «Новые катары Монсегюра», справился насчет Рана у властей ФРГ и получил любопытный ответ:

— Согласно документации СС, Ран покончил жизнь самоубийством, приняв соединение циана на горе Куфштейн.

— Причина? — спросил Сен-Лоу.

— «На политико-мистической почве», — процитировал эсэсовский диагноз чиновник юстиции.

Каждый год в Монсегюр отправляются десятки альпинистов — охотников за сокровищами. Они все еще там, в недрах неприступной скалы. А на «Поле мучеников», где стоит скромный памятник, цветут алые маки.

ЯСНОВИДЕЦ ГАННУСЕН

Он опустил веки, почти совсем прикрыв свои дерзкие глаза В нем звучало «закливание огня» И медлительным, ищущим голосом он заговорил

— Я вижу Вижу все яснее Горит большое общественное здание Вот золотой купол Мы оба знаем это здание Это рейхстаг

Лион Фейхтвангер «Братья Лаутензак»

Прототипом Оскара Лаутензака послужил гипнотизер Эрик Ян Ганнусен¹, с триумфальным успехом выступавший перед охваченной мистическим восторгом берлинской публикой.

«Величайший пророк двадцатого века», «астролог фюрера», «провозвестник нацизма», как и Гитлер, родился в Австрии. Его ранние годы окутаны тайной, что свойственно авантюристам и магам. Мы ничего не знаем о родителях Германа Штайншнейдера (1889—1933) и даже не можем с полной уверенностью утверждать, что таково было его настоящее имя.

Кто станет отрицать, что характер человека формируется с ранних лет под воздействием семьи, школы, короче — среды? Но врожденные качества порой оказываются куда сильнее. По крайней мере, это полностью справедливо для Германа, который явился на свет законченным мошенником. Уже в девять-десять лет он мог обвести вокруг пальца кого угодно. Безудержная фантазия, изворотливость и инстинктивный артистизм, если можно так назвать, позволяли ему выходить победителем из любых передраг. Сколько раз сверстники, у которых он ловко выдурил карманные деньги, пытались задать ему трепку, но ловкач Герман словно заранее знал, где его подстерегает опасность. Ускользнув от простодушных заговорщиков, он как ни в чем не бывало являлся на другой день с готовой сказкой, от которой и у взрослого голова могла пойти кругом... Лавочки, трамвайные кондукторы, даже полицейские были его постоянными жертвами. Герман часто дурачил людей просто так, от нечего делать, не преследуя ощутимой выгоды. Впрочем, как знать. Совершенствуя мастерство, он вполне мог готовить свое будущее, не столько предвидя, сколько предощущая грядущую блистательную карьеру. Возможно, он обладал чутьем — звериным, подсознательным, сверхординарным. Его умение молниеносно оценить ситуацию и найти наилучший выход повергало окружающих в шок. Тугодумы долго приходили в себя, сясья понять, как же их околпачили. Высочайший класс проделок маленького негодяя вызывал у одних тупую злобу, у других — веселое изумление, но все в один голос пророчили ему тюрьму.

¹ Распространенное в нашей печати написание Правильнее Хануссен

В двенадцать лет Герман сбежал из дома и прибил к бродячему цирку. Ему не понадобилось чрезмерно напрягать силы, чтобы выйти на арену профессиональным клоуном. Став уже не Германом, а Гарри, он потешает публику сногшибательными импровизациями. Один выход не похож на другой, ни одна реприза не повторяется дважды. Строго говоря, то, что он выделяет, никакая не клоунада. Отсутствует чистота жанра. Кривлянье? С избытком. Ерничанье? Отчасти. Фокусничество? Пожалуй, именно фокусничество, но шутовское, с издевкой.

Где кочевала труппа, в каких городах разбивала шатры, никому не ведомо. Возможно, в Праге, возможно, во Львове, почти наверняка — в Братиславе и Будапеште — Австро-Венгрия велика...

Престарелый император Франц-Иосиф еще полон патриархального величия и, кажется, никогда не умрет. Но подлинная политика творится в замке Конопеште, под Прагой, где обосновался неистовый истребитель зверей эрцгерцог Франц-Фердинанд д'Эсте. Туда постоянно наезжает германский император Вильгельм — кузен «Ники», Николая II. В перерывах между выстрелами охотники строят грандиозные планы. Завалив красавца оленя, — в охотничьих листах наследника австро-венгерской короны мелькают четырехзначные числа — партнеры обмениваются мыслями насчет передела мира. Отведав жареной печени «на крови», совершают жертвоприношение богам войны Беллоне и Марсу. Нет-нет, не в прямом смысле. Никакой магии, никаких демонических заклинаний. Сплошь геополитические словеса. Хотя такая «наука» еще и не родилась, термины уже готовы: «жизненное пространство», «границы», «колонии».

Канун мировой войны Гарри — все английское пока еще в моде — встречается в Вене. Ему скоро исполнится двадцать шесть лет, он признанный иллюзионист, выступает в одном из популярных кабаре возле Пратер-Штерна, самого большого парка увеселений. Былое шутовство, если и проскальзывает, то лишь в манерах, в издевательской улыбке, промелькнувшей на чувственных подвижных губах. Клоунский балахон и тюрбан фокусника уже не устраивают, не вяжутся с отшлифованным новым обликом. Гарри предпочитает именоваться «психологом-экспериментатором». На родине Месмера и Фрейда на такое особенно падки. На афишах все чаще мелькает импозантная фигура в цилиндре и фраке под аршинными буквами: «Непревзойденный». Трость эбенового дерева, заколка с фальшивым бриллиантом, белая гвоздика в петлице — светский лев, джентльмен. А глаза! Словно насквозь просвечивают...

Штайншнейдер и впрямь выделяет чудеса. Он точно угадывает, что нужно публике, чувствует ее тревожные ожидания, тайные вожеления. Атавистическое чутье телепата помогает ему мгновенно отреагировать на любую неожиданность. Он становится все самоуверенней, ощущая, как крепнет в нем таинственный дар, черпая энергию в самой атмосфере, пропитанной мистикой.

Гарри берет уроки гипноза у серьезных специалистов, тренирует волю, часами сидит неподвижно, уставясь в черный кружок на стене. Сконцентрированный «демонический» взгляд должен привести клиента в состояние каталепсии.

Временами он чувствует, что профанирует заложенное в нем стихийное начало. Оно блекнет перед техническими трюками. Это вызывает тошнотное чувство почти суеверного страха. Природный дар, «шестое чувство» не терпит давления, принуждения. Оно капризно, непостоянно: то проявляется из темных глубин, когда его и не ждешь, то вдруг исчезает, и всякий раз кажется, что навсегда.

Гарри вместе с напарником готовит новые эффектные трюки, способные поразить публику. «Невероятно, фантастически великолепно!» — ширится молва о его концертах. «Божественная сверходержимость!» — не скупятся на восторги газетчики.

Должным образом оценив возможности прессы, Штайншнейдер учреждает собственный еженедельник «Блиц». И удивительно вовремя.

На сцене появился конкурент — телепат Рубини. Он демонстрирует «передачу мысли на расстоянии», внушает, угадывает. Это граничит с волшебством и в то же время знаменует некий прорыв в область неведомого, чуть ли не триумф науки. Публика особенно чутко реагирует именно на такие психологические новации.

Но телепатия — конек Штайншнейдера. Ко всему, что связано с этим таинственным и неуловимым явлением, он относится, как к личному достоянию. Уж он-то знает, что на публичных сеансах без фокусов не обойтись. Рубини работает чисто и, как будто, в одиночку, хотя помощник наверняка скрывается где-то за кулисами. Разоблачить соперника, значит подрубить дерево, на котором сидишь. Поэтому Гарри прибегает к обходному маневру. Пусть пыль в глаза — пара пустяков. Тем более, что ученые, будь они даже семи пядей во лбу, — чисто дети. Покрутившись возле корифеев экспериментальной психологии, Штайншнейдер легко вошел в новую роль «телепата-исследователя». Сумев убедить издателя влиятельного журнала «Либеро» в своей фанатичной приверженности «чистоте жанра», без трюков и подтасовок, он заручился его поддержкой. Одновременно ему удалось вкратость в доверие и к самому Рубини, человеку несомненно талантливому, но простодушному. За бутылкой вина артист поделился с коллегой своим главным секретом: разгадыванием мыслей по мышечному напряжению и произвольной мимике реципиента — внушаемого.

Разоблачительная статья в «Либеро» грянула, словно гром среди ясного неба, в самый разгар «дружбы» коллег. Штайншнейдер не только предал гласности профессиональную тайну, так называемые идеомоторные колебания, но и предпослал публикацию открытым письмом к излишне доверчивому конкуренту. «Рубини — враг нашего искусства, каковыми являются все те мелкие и крупные мошенники, кто демонстрирует приемы карманников под видом магии».

Неизвестно, как бы развивались события дальше, но выстрелы в Сараево, оборвавшие жизнь эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены, мигом переключили внимание общества на совсем иные, далекие от психологических изысков проблемы. Началась мировая война, унесшая пятьдесят миллионов жизней. Самому Гарри тоже стало как-то не до телепатии. Впервые его виртуозная изворотливость дала осечку. Отмотаться от призыва не удалось. Не помогла даже ловкая симуляция временного душевного расстройства и потери памяти. Напялив серую шинель, телепат, словно бы по следам незабвенного Швейка, отправился с маршевой ротой на галицийский поля.

Но плутовской дар выручает даже в окопах. Поразительное совпадение: рядовому Штайншнейдеру и, совсем на другом участке фронта во Фландрии, ефрейтору Шикльгруберу — будущему Гитлеру, приходит одна и та же мысль! В перерывах между атаками оба они неожиданно обретают пророческий голос.

— Не хочу огорчать тебя, Хуго, — как бы между прочим бросил Штайншнейдер (теперь уже снова Герман, не Гарри) своему приятелю, — но боюсь, что с твоим стариком что-то неблагополучно... Да ты и сам скоро об этом узнаешь.

И верно. Через несколько дней прикатил почтальон, и Хуго получил письмо от сестры, в котором сообщалось, что отец подхватил «испанку» — тяжелейший грипп.

— Позвольте поздравить Вас, господин капитан, — обратился немного позже Герман к ротному командиру, — у Вас родился сын!

— Глупая шутка, Штайншнейдер! С чего Вы взяли?

— А вот сами увидите! Не пройдет и недели.

Подтверждение не замедлило прийти со следующей почтой.

Трюк, к которому на сей раз прибег знаменитый телепат, не имел никакого отношения ни к идеомоторике, ни к гипнозу. Всего лишь природная сметливость Германа-Гарри. Узнав, что все письма проходят через военную цензуру, он подольстился к фельдфебелю, ведавшему перлюстрацией, и взялся «по дружбе» помогать ему распечатывать, а потом вновь заклеивать конверты. Все вести сразу становились ему известны.

Секретный сотрудник контрразведки Гитлер действовал куда тоньше. Причем, скорее по наитию, чем обдуманно, что вполне отвечало его «стихийной натуре». Покрутившись в штабе и вызвав последние новости, он облекал их в расплывчатую форму оракулов.

«На протяжении всей войны Гитлер был связным между штабом полка и передовыми позициями... на фронте он узнал пользу солидарности, получил какие-то навыки самодисциплины и, наконец, ту веру в судьбу, которыми будет отмечен патетический иррационализм его поколения в целом». (И. Фест «Адольф Гитлер»).

Слава о «пророчествах» Штайншнейдера облетела весь фронт. Такому человеку не место в окопах. Он благополучно отсидивается при штабах, восходя постепенно от роты к батальону, от полка — к дивизии. Теперь с ним, как с равным — все-таки венская знаме-

нитость! — советуются важные генералы. Склонившись над картой, испещренными разноцветными овалами группировок и стрелами направлений, он дает уже тактические рекомендации.

И, о чудо! Под Перемышлем австрийские батальоны одерживают победу. Сам командующий с тремя звездочками на золотых петлицах вручает Герману именные часы и командировочное предписание в распоряжение главного штаба. Телепату предстоит продемонстрировать свое искусство перед узкой, но зато избранной аудиторией.

Он загодя ощущает аромат Вены! Вот оно — истинное наитие. Дудки, назад он уже не вернется.

«Стратегические» успехи Штайншнейдера вне наших интересов. Строго секретно! Зато первый публичный концерт проходит с невиданным аншлагом. Его имя — а теперь он Эрик Ян Ганнусен — у всех на устах. Особенно потряс публику трюк с иголкой, которую он ухитрился подложить в театральный ридикюль эрцгерцогини фон Габсбург. Больше всех была поражена сама принцесса.

— Позвольте сохранить на память, Ваше высочество! — низко склонив набриолиненный пробор, изящный артист воткнул «найденный» предмет в отворот фрака.

«Гений!» — усердствуют журналисты. — «Национальное достояние». Отныне он под высочайшим покровительством царствующего дома. Но сроки исчислены. «Лоскутная», как ее называли, империя разваливается. Из войны Австрия выходит республикой, что, правда, ничуть не вредит артистической карьере великосветского мага. Как быстро Штайншнейдер, то бишь Ганнусен — «он и вправду из скандинавских викингов?» — приобрел соответствующие лоск и манеры!

Случай помогает лишь тем, кто умеет им воспользоваться. В банк, где на его счету скопилась солидная сумма, Ганнусен заглянул, повинувшись мгновенному импульсу, когда проезжал мимо на новеньком «даймлере». Не успел он войти, как в зал ворвался налетчик. Поднялась паника.

— Держите его! — молниеносноотреагировал «старый солдат», укрывшийся, на всякий случай, за мраморной колонной.

Казалось бы, ничего чудесного — нормальная реакция очевидца. Но уж он-то знает, как оказаться в центре внимания. Первые объяснения полиция получает из его уст. Перепуганные клиенты неуверенно поддакивают. А уж газетчиков не надо учить.

«Сенсация! Ганнусен — криминальный телепат!», «Ганнусен раскрывает ограбление австро-венгерского банка!», «С помощью чудодейственного метода ясновидец находит грабителей и деньги!». Ни слова правды, но свидетелям начинает казаться, что так оно и было.

Бум вокруг его имени достиг наивысшего накала, когда совершенно неожиданно разразился грандиозный скандал. В ночь с 10 на 11 февраля 1928 года мага вместе с помощником Теплиц-Шенау забрала полиция. Упоенный успехом, он и не подозревал, что про-

куратура постепенно накапливала убийственный материал. Не менее сорока человек, в основном промышленники и коммерсанты, дали показания против новоявленного провидца. Одно дело — эстрадные номера, совсем другое — частные консультации, за которые он драг сумасшедшие гонорары. Все его рекомендации оказались блефом. Клиенты потерпели крупные убытки.

Но Ганнусен не родился бы пройдохой Германом, если бы не нашел способа выкрутиться. Не пожалев денег, он нанял собственных «свидетелей», раз в десять превосходящих числом противную сторону, и призвал самого знаменитого адвоката. Только такому проходимцу могла прийти в голову идея превратить зал суда в театральные подмостки. Плевать он хотел на прокуроров и судей. В его телепатических способностях должны убедиться присяжные и публика... Слушание дела прошло, как по маслу. «Свидетели» защиты и «люди из публики», разумеется, тоже заранее подготовленные, превосходно отыграли свои роли. По сути, это был театр одного актера. Не обошлось, однако, без накладок.

Увлеченные невиданным зрелищем, пожелали попробовать себя действительно случайные посетители и даже кое-кто из присяжных.

— Вы пчеловод, — определил Ганнусен представшего перед ним мужчину с невыразительным, но не в меру румяным лицом.

— Нет, я — кондуктор.

В зале прозвучал легкий смешок.

— Но вы же занимались пчеловодством! — В голосе обвиняемого прозвучала настоящая нота. Он явственно ощущал запах свежего воска и ничего не мог с этим поделать.

— Лично я не имел дела с пчелами, — в ответе послышалась неуверенность.

— Пусть не вы! — Ганнусен овладел положением. — Кто-то в вашей семье! — Он внушал, пригвоздив кондуктора взглядом. — Ваш отец, например.

— Отец?.. Отец, верно, держал пасеку.

Раздались аплодисменты.

Дальше пошло хуже. Маг все больше запутывался и нес околесицу. Два-три более-менее верных ответа насчет времени и места рождения одного из присяжных не спасали положения.

И все же симпатии присутствующих явно склонялись на сторону обвиняемого. По его мясистому, с крупными чертами лицу стекали капли пота, голос срывался, глаза, еще недавно излучавшие уверенность и силу, бегали, но это уже не имело значения. Люди жалели артиста.

Понимая это, судебный эксперт, раздосадовано хлопнул рукой по столу:

— Благодарю вас, дамы и господа! Достаточно... Обвиняемый не достоин поддержки, которую вы столь явно ему оказываете. У здравомыслящего человека она способна вызвать протест и не заслуживает доброго слова. Я признателен вам за другое. С вашей помощью я смог убедиться в существовании массового гипноза. До

сего времени я и мысли не допускал, что столь интеллигентное общество способно поддаться примитивному внушению.

Бедный эксперт! Он не дожил до телевидения и не видел Кашировского.

Присяжные вынесли оправдательное решение, а газеты объявили о полной победе «величайшего оракула века». Со всех концов света посыпались приглашения. Ганнусен и его ассистент отправились в турне по Европе. Судебный процесс послужил отличной рекламой!

Берлин тридцатых годов встретил мага факельным шествием нацистов. Не проходило дня без какой-нибудь массовой демонстрации. Сегодня под красными знаменами со свастикой в белом круге маршировали коричневорубашечники, завтра по тем же улицам проходили колонны бойцов Рот фронта. Разобраться было трудно: те же красные полотнища, правда, с серпом и молотом, гимнастерки, португези, барабанный бой...

Ганнусен недолго колебался в выборе. На лозунги ему было наплевать, а к внутреннему голосу и взывать не стоило. Дружба с эрцгерцогиней открыла ему доступ в аристократические круги. Место артиста — возле больших денег. Титулованная знать и промышленники поддерживают национал-социалистов? Следовательно, выбор предreshен.

Ганнусен выступает в лучших берлинских варьете, у него яхта с дизельными моторами, великолепный особняк, его приглашают на все фешенебельные приемы. После войны интерес к телепатии и оккультизму вспыхнул с новой силой. Самое время основать свой журнал, дать собственную трактовку тайным пружинам, управляющим судьбами народов и государств.

В одном из первых номеров за 1932 год появляется «пророчество» Эриха Яна Ганнусена. Ясновидец предрекает нацистам победу на выборах. Граф Генрих фон Гельдорф, один из фюреров штурмовиков, торжественно представил провидца Адольфу Гитлеру. Им находится, о чем поговорить. Оба фронтовики, да еще и родились в один год, в одной стране. Их судьбы связаны таинственной нитью... При содействии писателя Ханса Эверса с чудотворцем познакомился и будущий глава службы безопасности Рейнгард Гейдрих. Умение гипнотизера извлечь тайную информацию и в подходящий момент, словно по высочайшему наитию, выкрикнуть в подходящее пророчество было для нацистских главарей настоящей находкой.

Популярность Ганнусена, который принимал у себя видных штурмовиков, промышленников и финансовых воротил, была необычайной. Сидя в центре освещенного кольца, на котором лежали дрожащие, униженные перстнями пальцы потрясенных клиентов, он открывал будущее и выведывал настоящее, о чем тут же становилось известно его нацистским покровителям. Издаваемая им «Ганнусен-цайтунг» выходила тиражом 200 тысяч экземпляров, на роскошной бумаге печаталось обозрение «Иной мир», содержащее глухие пророчества назревающих катаклизмов, трактуемых, разумеется, в угодном гитлеровцам духе. В его украшенных знаками

Зодиака и разными колдовскими символами апартаментах на Летценбургштрассе устраивались разнузданные оргии духа и плоти. Наэлектризованные близостью потусторонних сил, гости как-то забывали о том, что за резными панелями могут скрываться микрофоны. Как знать, может быть именно в этом «храме» пришла Гейдриху мысль открыть великосветский, напичканный подслушивающими устройствами, публичный дом, прославившийся потом в качестве «Салона Китти»?

Перед самым Рождеством вырос храм, прихотливо сочетающий в себе черты готики, «юнгштилле» и конструктивизма: бетон, стекло, нержавеющей сталь. В приемной на пирамидальном подиуме возвышался гигантский письменный стол, к которому со всех сторон вели многочисленные ступени. За креслом, напоминающим тронное, свисала тяжелая портьера, украшенная сверкающей восьмиконечной звездой. Только хозяин и его новый «антрепренер» Гейдрих знали о замаскированных записывающих устройствах, фиксирующих каждое слово посетителей, и скрытых кинокамерах.

26 февраля 1933 года состоялось торжественное открытие. В числе приглашенных были известные политики, финансисты, газетчики, кинозвезды. Церемония завершилась банкетом, во время которого подвыпившие гости стали все настойчивее просить хозяина провести сеанс телепатии. «Я буду вашим медиумом!» — воскликнула экзальтированная молодая актриса Мария Паудлер. Ганнусен, упорно внушавший ей это желание, милостиво согласился.

Через несколько мгновений яркий свет сменился таинственным полумраком. Маг взял дрожащую руку восхищенной кинодивы, прикрыл глаза и неторопливо, многозначительно заговорил о величии Германии. Так продолжалось с четверть часа, как вдруг его голос сорвался на крик: «Германия будет счастлива... Но у нее есть враги... Они сейчас готовят свой последний удар... Любое сопротивление их грязному плану бессмысленно... Я вижу огонь... Поджигатели действуют и в настоящий момент...»

Когда на следующий день, 27 февраля 1933 года, вспыхнул рейхстаг, весь Берлин поминал Ганнусена. Лишь немногие догадывались, что пророк вещал с чужого голоса. Но кто дал санкцию?!

У главаря штурмовых отрядов Эрнста Рема были все основания не слишком доверять оккультным способностям новоявленного оракула. У Гейдриха — тем более. Они-то знали, откуда черпает информацию кумир берлинского бомонда.

Ожесточенное соперничество между «черными» и «коричневыми» и, как развязка, «ночь длинных ножей» — была впереди, и ни Рем, ни Ганнусен не знали своего, столь недалекого будущего. Особенно Ганнусен, ибо Рем уже втайне принял решение убрать с дороги провозвестника национал-социалистического триумфа. Он отыграл свою роль и стал не нужен. Более того — опасен.

«Обнаружен загадочный труп!

В одном из лесных складов между Нойхоффом и Баром дровосеки нашли неизвестного мертвеца. Очевидно, его тело терзали

дикие звери и лежало оно здесь уже не первый день. При нем не найдено никаких документов. Берлинская уголовная полиция выехала на место происшествия для расследования преступления. По некоторым данным можно предположить, что это труп известного ясновидца Ганнусена».

Это сообщение появилось в «Фелькишер беобахтер» 8 апреля 1933 года.

Таков был закономерный финал сделки мага с дьяволом.

Появление на зловещем фоне заката Веймарской республики столь одиозной фигуры, как Ганнусен, отнюдь не является случайностью.

«Он, Оскар, нужен Гитлеру», — решает Лаутензак. И это верно, нужен. Нацизм тщился предстать в облике не только политического, но и магического сообщества тоже. Хагенкрейц — свастика — знак движения Солнца и просто «движения», как именovali себя немецкие фашисты на первых порах.

ГИТЛЕР И ЕГО ЖЕНЩИНЫ

Почему меня дьявол не заберет к себе? У него наверняка было бы лучше, чем здесь. Я ждала три часа перед «Карлтоном» и должна была наблюдать со стороны, как он покупает цветы Ондре и приглашает ее на ужин. Я ему нужна только для определенных целей, ничего другого и быть не может.

Когда он говорит, что любит меня, то это его сиюминутное настроение. Все равно, что его обещания, которые он никогда не выполняет. Почему он меня так мучает и не покончит дело сразу?

Из дневника Евы Браун

Киноактриса Анни Ондра, жена чемпиона мира по боксу Макса Шмелинга, не нужна была фюреру даже «для определенных целей». Ему вообще никто и никогда не был нужен. Даже мать — единственная, кого он, возможно, жалел.

«Жизнь Гитлера не стоило бы ни описывать, ни интерпретировать, если бы в ней не проявились надличностные тенденции и взаимоотношения, если бы его биография не была на всем своем протяжении одновременно и сколком биографии эпохи», — пишет Иоахим Фест, автор фундаментального биографического исследования «Адольф Гитлер».

Нацистский фюрер действительно явился исчадием эпохи, уместившейся в антракте между двумя мировыми войнами, с которыми ее неразрывно связывали массовые убийства и террор. За исключением краткого затишья 1924—1929 годов, планету раздирали катаклизмы войн и конвульсии потрясений: социальных, политических, экономических.

«Век мировых войн и революций», «эра тоталитаризма», «время диктаторов» — не слишком ли много для какой-то четверти столетия? Любая из этих характеристик бьет точно в цель, но не охватывает явления в целом. Понадобится множество метафорических оборотов из других понятийных рядов, чтобы хотя бы окинуть взглядом его границы. Здесь и «закат Европы» по Шпенглеру, и «бегство от свободы» по Фромму, и «Бог умер» Ницше, и «восстание масс», и «кризис духовных ценностей». Понятие «кризис» вообще звучало в те годы постоянным рефреном, о чем бы ни шла речь.

Что, если не мировой финансовый кризис 1929—1933 годов окончательно переполнило чашу терпения немецкого обывателя, едва оправившегося от инфляционных потрясений? Не надо никакой мистики, чтобы понять чувства людей, хорошо помнивших цену хотя бы кружки пива: 13 пфеннигов в 1913 году и 150 миллионов марок в 1923. Почти в миллиард раз больше!

Как это нам близко сейчас...

Не будь этого кризиса, Гитлер, как выразился в одной из своих книг первый президент ФРГ Теодор Хейс, остался бы всего лишь «воспоминанием времен инфляции».

Страхи, реальные и мнимые, глубокое недовольство, разочарование, злобу и зависть — все это аккумулировала толпа, образуя взрывчатую смесь. А Гитлер, безликий и пошлый, был типичным человеком толпы.

«Гитлер придает этим чувствам недовольства как среди гражданского населения, так и среди военных, единение, — пишет Фест, — руководство и направляющую силу... Его явление и впрямь кажется синтезированным продуктом всех этих страхов, пессимистических настроений, чувства расставания и защитных реакций, и для него война была мощным избавителем и учителем, и если есть некий «фашистский тип», то именно в нем он и нашел свое олицетворение».

В этом и заключался феномен нацистского вождя, и никакие демонические силы не причастны к его невероятному взлету.

«Как он явился катализатором масс, который не добавляя ничего нового, привел в движение могучие ускорения и кризисные процессы, так и массы катализировали его, они были его созданием, а он — одновременно — их творением».

«Толпа — женщина, — часто повторял Гитлер, — она любит, когда ее насилуют». Собственно, именно в отношениях с женщинами особенно полно раскрывается характер этого замкнутого невротика, терзаемого всевозможными комплексами. Прослеживая и анализируя убогие коллизии его связей, мы найдем подтверждение словам Феста о том, что «изначальное, удивительно непостоянное и колеблющееся между идеальной возвышенностью и темными чувствами страха, представление Гитлера об отношениях полов придает кое-какой вес предположению о наличии тут сексуально-патологических отклонений».

Начнем с конца, чтобы затем возвратиться к началу. На календаре 30 апреля 1945 года...

Свадебную церемонию пришлось задержать на несколько часов, так как в бункере имперской канцелярии не нашлось должностного лица, имеющего право скрепить брак своей подписью. Ева Браун (1912—1945) и, по-видимому, сам Гитлер хотели соблюсти все формальности. Законный брак — что еще мог предложить теперь фюрер своей избраннице? Загадочной женщине Третьего рейха, окруженной в глазах толпы чуть ли не мистическим ореолом. Для рядового немца Гитлер был эталоном нравственной чистоты и самоотречения. Эдакий «рыцарь-монах», целиком посвятивший себя Святой Деве, то бишь Германии. В том, что Ева была ему не женой, а подругой, скрывался глубокий смысл. Пропагандистская машина Геббельса неуклонно внедряла в массовое сознание не только идею о сверхчеловеческом гении богоданного вождя, но и о полной его деспотности в житейском, так сказать, смысле. По крайней мере нормальности, в чем люди осведомленные могли, мягко говоря, усомниться.

Взяв на себя все заботы о последней церемонии перед отходом в обитель героев Вальхалу, министр пропаганды и гаулейтер зажатой в огненное кольцо имперской столицы сбился с ног. Не успели они

с Борманом отправить эсэсовский отряд для ареста Геринга, объявившего себя наследником лишенного свободы действий рейхсканцлера, как та же проблема возникла с Гиммлером. Оба изменника готовили капитуляцию на Западном фронте. Собственно, именно по этой причине и был только что расстрелян группенфюрер Фогеляйн, женатый, кстати, на сестре Евы Браун. Не лучший подарок невесте, особенно если учесть, что Гитлер взял на себя роль и прокурора, и верховного судьи: эсэсовский генерал Бергер и молодежный фюрер Аксман были вроде как заседатели. Право, ничто не мешало ему назначить того же Аксмана уполномоченным по матримониальным вопросам. Ведь нельзя было терять ни минуты. Советская армия могла овладеть городом уже на следующий день. Почему всевластный диктатор не наделил надлежащими полномочиями любого из приближенных? Скорее всего, сказалось так и неизжитое филистерство. Но, к великому облегчению сбившихся в железобетонной банке пауков, высланные на поверхность эсэсовцы выловили где-то в развалинах нужного чиновника — мирового судью.

«Брачная ночь» обещала быть веселенькой.

Интимная жизнь Гитлера по сей день остается загадочной. Шеф зарубежной партийной пресс-службы Эрнст Франц Ханфштенгль рассказывал, что поднаторевший в сводничестве Геббельс безуспешно пытался подсунуть в постель хозяина какую-нибудь из своих красоток. Благо в его распоряжении находился целый выводок кинодив. Да и сам Ханфштенгль (по кличке Пуцци) не слишком преуспел на таких операциях. На его вопрос к очередной кандидатке насчет подробностей свидания следовала выразительная гримаса. Женщины определенно были разочарованы. Лишь немногие, подобно Юнити Митфорд, соглашались повторить встречу. Но Юнити — свояченица лидера британских нацистов Мосли — была фанатичной поклонницей фюрера и не пропускала ни одного партийного съезда. Она вбила себе в голову, что станет женой будущего владыки мира.

Между тем, у Гитлера была любовница. Обратившись к фактам его биографии, можно обнаружить определенную тенденцию, ибо и здесь, и там налицо кровосмесительные моменты. «Ненависть к собственному зачатию», по выражению психоаналитика Брассе, «Эдипов комплекс» — Лангера. Дескать, наблюдал в детстве соитие родителей и ненавидел отца за жестокость к матери, а ее — за «измену».

В чем проявилось кровосмесительство?

Клара Гитлер была женой родного дяди Алоиза Шикльгрубера, который потом тоже взял себе фамилию своей матери — Гитлер. «Шикльгрубер никогда бы не стал вождем!» — частенько говаривал Рем в беседе с собутыльниками Эрнстом и Хайнесом. Как бы там ни было, но, овдовев, австрийский таможенник Алоиз Шикльгрубер обвенчался с племянницей, которую держал в качестве служанки, и зачал с ней чудовище. Все случилось, как случилось. Историю не переиграть.

Адольф ненавидел отца и был вполне равнодушен к обожавшей его матери. Тем не менее, пошел по родительским стопам. Его избранницей стала Гели — Ангелика Раубаль, дочь одиноковровой

сестры, т. е. племянница. Как рассказывают очевидцы, это было странное сожительство. Гитлер безумно ревновал Гели, что не мешало ему чуть ли не еженощно ее истязать. Тайна ее смерти так и не была раскрыта. По официальной версии, опубликованной в газетах Веймарской республики, Гели стала жертвой несчастного случая. Она, якобы, нашла в дядюшкином столе револьвер — сам Гитлер разъезжал по стране перед выборами 1931 года — и случайно нажала на курок. Выстрел оказался смертельным.

Грегор Штрассер, один из вождей партии до роковой «ночи длинных ножей», прибыв на квартиру, выдвинул версию о самоубийстве. Однако расследование показало, что концы с концами не сходятся. Патологоанатомы выявили следы побоев, перелом пальцев правой (!) руки и кости подбородка.

Дело прикрыл баварский министр юстиции Франц Гюртнер, старый нацист. За эту услугу он вскоре получил аналогичный портфель в имперском правительстве. Труп Гели перевезли в Вену и тайно захоронили. Кое-какие подробности всплыли уже в 1937 году, когда Биргид Гитлер, жена брата рейхсканцлера, готовившего миру кровавую баню, развелась с мужем и уехала в Лондон. Она показала, что в тот день, 18 сентября, в мюнхенском доме Гитлера произошло шумное объяснение. Она сама слышала, как Гели объявила дяде о том, что уезжает в Вену, где надеется стать певицей. Фюрер впал в очередную истерику и набросился на нее с кулаками. Тогда она, почти на грани беспамятства, выкрикнула, что беременна и собирается выйти замуж. Когда Гитлер узнал, что ее любовником был художник из Линца, то окончательно потерял голову. Во-первых, он сам мечтал стать художником и архитектором, но его дважды провалили на экзаменах в Венскую Академию художеств, а во-вторых, и это, возможно, главное, он заподозрил соперника в неарийском происхождении. «Оскорбление расы» в собственном доме фюрера! Что могло быть кошмарнее? Судьба Гели решилась одновременно.

Ее убрал Эмиль Морис, личный шофер и телохранитель. Пройдет всего три года, и в «ночь длинных ножей» он вместе с хозяином ворвется в номер отеля «Хаузельбауэр» в Висзее, где спал, вместе с охранником, пьяный вождь штурмовых отрядов Эрнст Рем, а после застрелит обергруппенфюрера СА Эдмунда Хайнеса.

Но, как и положено, всем, кто слишком многое знает, Морис тоже исчезнет в урочный час. Кстати, он однажды домогался близости Гели, из-за чего разразился скандал.

«После этой трагедии Гитлер вел себя, как помешанный, — вспоминал Отто Штрассер, тоже бывший функционер, брат Грегора. — Носился с мыслью о самоубийстве. Я не думал, что это у него всерьез, ибо Гитлер слишком часто, по любому поводу впадал в ярость, грозил самоубийством».

По словам самой Гели, с которой Штрассер частенько встречался, дядя не выпускал ее из дому, а то и вовсе держал взаперти.

Как-то Отто пригласил ее на карнавал в «Немецком театре», что вызвало у Гитлера приступ бешенства.

«Этот номер не пройдет, — орал он с пеной у рта, — я посадил ее под домашний арест. Прошу не искать ее общества».

Только тут до Отто Штрассера дошло, что с «племянницей» дело не чисто. На другой день она тайно встретила с ним в Английском саду. Прерываясь рыданиями, страдая от стыда и отвращения, она поведала об интимных подробностях этой противостественной связи. В «любви» Гитлер был не только садистски жесток, но и отвратителен.

«Не думаю, — подвел итог Штрассер, — чтобы Гели покончила с собой... Мое мнение подтвердил отец Пант, который был духовником Гели. Он и похоронил ее в освященной земле».

«Мой дядя чудовище, — передает Ханфштенгль признание Гели, высказанное подруге. — Невозможно представить, чего он от меня требует!»

Неудавшийся художник, Гитлер воплотил свои «требования» не только в натуре, но и на бумаге. Однажды его шантажировал человек, завладевший порнографическими рисунками, на которых дядюшка изобразил племянницу в позах, которые, по словам казначея партии, «отказалась бы принимать любая натурщица». Казначей видел эти штудии, ибо вынужден был выдать требуемую сумму.

Так уж повелось, что интимная жизнь фюрера была густо сдобрена скандалами и уголовщиной. В 1936 году парижская «Журналь» опубликовала еще одно сенсационное разоблачение. На сей раз это касалось Женни Хауг, приходившейся сестрой Эрнсту, сменившему Эмиля Мориса на посту телохранителя и шофера. Женни оказалась тертым калачом. Кажется, впервые в жизни фюреру довелось испытать удовлетворение. Подробности весьма для него нелестными, Женни поделилась с подругой Гертой Мюллер, а та, в свою очередь, рассказала все французскому журналисту. Разразился невиданный скандал. Были задействованы соперничающие между собой СД и абвер, а также секретная служба МИДа. Завладеть компроматом хотелось всем. Преуспел Пален, посол рейха в доживающей последние дни Австрийской республике.

Он же напал еще на один пикантный след. Благо новая героиня надумала укрыться от домогательств фюрера не где-нибудь, а именно в Вене. Речь идет о Розе Эдельштайн, робкой восемнадцатилетней особе, на которую почему-то обратил внимание фюрер и рейхсканцлер. Спецслужбы сразу же вскрыли всю подноготную. Выяснилось, что отец девушки не отвечает нужным требованиям по части расовой чистоты. Устранить мелкого коммерсанта не составило труда, но сама Роза сумела ускользнуть, и за ней тоже началась охота.

«В отношениях с женщинами Гитлер обнаруживал такое же отсутствие любви, нежности или сострадания, как и с мужчинами», — отмечает Эрих Фромм в книге «Адольф Гитлер, клинический случай некрофилии». Дам, к которым он проявлял по крайней мере видимость интереса, можно разделить на две категории. Грубо говоря: верхи и низы. К женщинам из общества, как правило богатым и в возрасте, он испытывал известную тягу, но не вступал с

ними в связь. Принимал подарки и пожертвования для партии, целовал ручки, как это было принято в Австрии. Примерно так складывались его отношения с Хелен Бехштейн, более чем состоятельной женой фабриканта роялей. Фюрера иногда застигали стоящим перед ней на коленях. Уткнувшись носом в ее живот, он то всхлипывал, то бормотал ласковые слова, а она растроганно шептала: «Мой волчонок, волчонок» и успокоительно гладила по голове.

Одно время казалось, что он вздыхает по Магде Геббельс. Но знающие люди видели тут одно лицедейство. Причем, с обеих сторон. Известная киноактриса Рене Мюллер рассказала режиссеру А. Цейслеру о своем свидании с рейхсканцлером:

«Я была уверена, что он хочет со мной переспать. Мы оба были уже раздеты и вроде как собирались лечь, когда он вдруг повалился на пол и стал умолять, чтобы я его ударила. Я не решалась, но он все просил, униженно ползая на коленях. Ситуация стала совершенно невыносимой, и я ударила его. Он страшно возбудился и, что-то бормоча, попросил ударить еще...»

Вскоре после этой сцены Рене Мюллер покончила с собой. Пыталась совершить самоубийство и Юнити Милфорд. И это невзирая на то, что в контактах с уважаемыми людьми прояслялся мазохистский комплекс. С женщинами, происходившими из низов или равными себе, как Гели, Гитлер позволял себе все, что угодно. Здесь он выступал как завзятый садист. Еще в Линце, готовя штудию для поступления в Академию, пытался изнасиловать натурщицу.

На долю Евы Браун выпали обе стороны его природы, хотя на самом деле он был глубоко равнодушен и к ней. Ханфштенгль считал их союз откровенной мистификацией, необходимой фюреру для внешнего мира.

«Как женщине, мне от Гитлера нет никакого толку», — призналась она в одну из горьких минут.

Когда в 2 часа 25 минут 7 февраля 1912 года Ева Анна Паула появилась на свет, Гитлеру исполнилось 23 года. Она родилась в благополучной семье. Отец — Фриц Браун — был учителем гимназии, мать — Франциска Катарина Кренбюргер — тоже принадлежала к среднему классу. Она была хороша собой, слыла отличной спортсменкой. Друзья называли ее Фанни.

Когда родилась девочка, Фриц был немного разочарован. Он безумно хотел сына и уже приготовил ему имя: Рудольф — в честь австрийского кронпринца. Увы, вторая попытка тоже не доставила ему большой радости.

Опустим подробности счастливого в общем и целом детства. К 1929 году Ева превратилась в эффектную девицу, заурядную по уму и трогательно наивную. Она увлекалась модными танцами, училась машинописи, пробовала делать фотографии, но мечтала о роскошной жизни. Больше всего ее интересовали наряды, украшения и дорогая косметика. Обосновавшись в Мюнхене, она занялась рекламой в «Мюнхенер Нейсте Нахрихтен», а затем случай привел

ее на Шеллинг-штрассе, 50, где находилось шикарное ателье Генриха Гоффмана, личного фотографа Гитлера.

Вскоре состоялось знакомство, за которым ничего не последовало. Потом случился казус с Гели, когда Гитлеру понадобилось реабилитировать себя в глазах ближайших сподвижников, скандализованных историей с племянницей. Короче, в один не прекрасный день Ева вступила как бы хозяйкой в апартаменты на Принцрегентштрассе. Гоффман, чья дочь Генриетта была старше Евы всего на три дня, по-отечески благословил бывшую ассистентку, которой предстояло стать первой дамой рейха.

Как и ее предшественницы, Ева покушалась, причем дважды, на самоубийство. Вот запись из ее дневника:

«11 марта 1935 года. Я хочу только одного — тяжело заболеть, чтобы не видеть его хотя бы неделю. Почему со мной ничего не случится? Зачем мне все это? Если бы я его никогда не встречала! Я в отчаянии. Я снова покупаю снотворные порошки, чтобы забыться и больше об этом не думать».

И еще выдержка:

«28 мая 1935 года. Я только что отправила ему письмо... Я просто приму мои двадцать пять таблеток и незаметно... засну... Я решила принять тридцать пять таблеток. Теперь это уже наверняка».

Тогда не получилось...

Она не хотела уйти на тот свет любовницей. Пусть хоть что-нибудь будет, как у людей. Соблюсти все до мелочей, однако, не удастся. По закону от 1935 года, брачующиеся обязаны представить справки о расовой чистоте, но все осталось там, наверху, где рвутся снаряды. Взволнованный судья удовольствуется устным заявлением. Невеста старательно выводит первый и последний раз в жизни: Ева Гитлер. Молодые поднимают бокалы с шампанским. В соседней комнате ожидают ампулы с ядом. Они проверят его на овчарке Блонди — единственном существе, которое Гитлер как бы любил.

ПОСЛЕДНИЙ ГОРОСКОП ГИТЛЕРА

Для нас политика значит уничтожение всех сил, включая тех, что содействуют претворению единственной конструктивной идеи. В третьем рейхе мы должны запретить астрологию. Мы не можем разрешить астрологам следовать их призванию, исключая тех, кто работает на нас. В национал-социалистическом государстве астрология должна находиться в привилегированном положении. Она не предназначена для широких масс.

Вильгельм Вольф «Зодиак и свастика»

Астролог Вольф, ставивший генитуры эсэсовцам, приводит высказывание рейхсфюрера Гимmlера. В Третьем рейхе был даже возрожден средневековый закон о ведьмовстве, под который попадали и самодетельные астрологи. Однако случаи его применения не известны. Благодаря покровительству Гесса, гадания по звездам процветали по всей Германии, особенно во время войны.

Мистика, стоявшая у колыбели германского фашизма, не была не только его родительницей, но даже повивальной бабкой. Несмотря на очевидную приверженность заправил Третьего рейха к «запредельным силам», им отводилась сугубо утилитарная роль в арсенале коричневой пропаганды. Об этом следует помнить, потому что не перевелись еще «адвокаты дьявола», стремящиеся хоть как-то обелить преступный режим, изобразить заплочных дел мастеров «идеалистами», «рыцарями», «искателями Грааля».

Автор книги «Оккультизм в третьем рейхе» Жан-Мишель Анжебер явно пошел по такой проторенной дорожке, попытавшись провести параллель между средневековыми духовидцами и гимmlеровскими молодчиками.

Мало сказать, что это надругательство над пеплом мучеников инквизиции. Это, прежде всего, кощунственное издевательство над светлой памятью миллионов людей, сожженных в крематориях Освенцима. Не «рыцарями» были эти большие и малые фюреры, а мерзкими палачами. Далее черных плащей тевтонских псов-рыцарей, прославившихся бесчеловечностью даже в те жестокие времена, «исторические» притязания не шибко грамотных «нибелунгов» не простирались. Да и зачем им история, если они были первооткрывателями тщательно спланированной, разнесенной по бухгалтерским графам индустрии уничтожения с последующей переработкой человеческих тел?..

Еще более вздорной выглядит идея «ритуальной чистоты», которой руководствовались-де черные воители с серебряным черепом на фуражке. Да, нацисты огнем и мечом утверждали расистский принцип «чистоты крови», но что общего было у этих убийц и мародеров с отшельниками, проповедовавшими нравственную чистоту и аскетизм? Вагоны свалывшихся женских кос? Горы костылей и детских кукол? Выдранные клещами золотые коронки?

«Гностицизм», «ариизм», «тамплиерство» и «крест движения» — свастика — все это присутствовало в словоизвержениях «интеллектуалов», вроде Альфреда Розенберга, служа дымовой завесой для сокрытия глобальной уголовщины.

Изображать гитлеровцев в качестве «рыцарей великого неведомого» и уподобить Нюрнбергский процесс некому судилищу над «наследниками Грааля» значит идеализировать разбойничью банду.

Гороскоп Германской империи, составленный в день ее падения — 9 ноября 1918 года, был извлечен из архивов, когда уже набирала ускорение и мощь заключительная эпопея второй мировой войны в Европе — Берлинская операция.

В бункере имперской канцелярии сгущалась истерическая атмосфера неумолимого предчувствия конца. Еще в марте Гитлер, кривя и кусая губы сказал секретарю.

«Я не могу положиться ни на одного человека, все меня предадут. От этого я совершенно болен...»

Постоянно точившая его мания преследования, а вместе с ней и невроз, прогрессировали, и загнанный в крысиную нору вождь «тысячелетнего рейха» уже не выбирался из подземелья прогуливать овчарку Блонди.

В последний раз заправили империи собрались за одним столом, чтобы отпраздновать 26 апреля день рождения своего фюрера, которому исполнилось 56 лет. Последний день рождения и для некоторых последний день в бетонированной яме, ибо той же ночью Гиммлер и Риббентроп бежали из осажденной столицы. Геринг еще раньше оставил Берлин, не забыв позвонить в свой замок «Каринхаль», чтобы справиться о том, как идет эвакуация несметных ценностей, награбленных в оккупированной Европе.

Гebbельс, еще лелеявший надежду сделаться единственным наследником уже несуществующей империи и потому не отходивший от фюрера ни на шаг, взялся почитать ему что-нибудь из «Истории» Томаса Карлейля.

Книга сама раскрылась на замусоленном, сотни раз читанном месте, где излагались подробности развала русско-австрийского альянса и спасения прусского короля Фридриха II от неминуемой гибели. Нацистские главари, давно мечтавшие о распаде антигитлеровской коалиции, ныне просто-таки грезили о том, что вот-вот случится новое чудо, подобное внезапной смерти русской государыни Елизаветы, когда Петр III, он же Голштинский герцог, поспешно заключил мир.

На впавшего в депрессивное состояние Гитлера набивший оскомину эпизод произвел прямо-таки гальваническое воздействие. Ударившись в транс, он закружился на месте, придерживая дрожащую неповинующуюся руку, и зачастил голосом кликуши: «Судьба Фридриха... судьба Фридриха... судьба Фридриха».

Гebbельс тоже якобы впал в состояние мистического экстаза, напускной экзальтации и распорядился принести хранящиеся в сей-

фе гороскопы: тот самый, от 9 ноября 1918 года, и еще второй, который был составлен для самого фюрера в день захвата нацистами власти — 30 января 1933 года.

И два маньяка, два людоеда в лихорадке склонились над астрологическими чертежами Второго и Третьего рейха, ища в них спасительное знамение.

Между звездными знаками обнаружилась связь. Обе диаграммы сходились на том, что в 1939 году начнется война и самые тяжелые ее последствия для Германии придутся на вторую половину 1945 года. Далее, однако, намечалась некоторая стабилизация, а там и долгожданная победа в августе того же, 1945 года.

Не находя слов, Гитлер и его верный министр, молча, устали друг на друга. Фюрер, по свидетельству самого Геббельса, растроганно прослезился.

Когда же через считанные дни в бункер пришла шифровка о смерти президента США Франклина Делано Рузвельта, рейхсканцлер и верховный главнокомандующий, по словам его секретарши, «впал в совершеннейший экстаз». «Повелевавшие» им звезды не обманули! Пророчество начинало сбываться.

«Звезды указывают, что вторая половина апреля станет для нас поворотным пунктом», — твердил Геббельс.

Едва ли этот нацистский «интеллектуал», а уж тем более сам фюрер, были способны прочесть гороскоп. Ведь и псевдонауки требуют определенных знаний, которых у дорвавшихся до власти погромщиков не было и быть не могло. Впрочем, никакой особой работы и не требовалось. Обнаруженные впоследствии в бумагах Магды Геббельс оба чертежа были не только снабжены нужными печатями и подписями, но и надлежаще расписаны.

Гороскоп Гитлера, заверенный штампом Берлинского округа, а именно Геббельс был гауляйтером имперской столицы, содержал, в частности, следующую текстовку:

«В апреле 1945 года Германия окажется в состоянии все свои ударные силы перебросить на Восточный фронт, и по истечении пятнадцати месяцев Россия окончательно будет завоевана Германией. Коммунизм будет искоренен... Россия распадется на маленькое государство».

Совершенно ясно, что весь этот вздор был написан не в 1933 году и даже не в 1941, когда гитлеровцы были одержимы бредовой идеей блицкрига, а именно теперь, в преддверии развязки. Но таково свойство тотальной идеи, что она подчиняет себе разум самих обманщиков. Геббельс взирал на свеженькие подписи работников собственного аппарата, как на знак Божественного откровения.

«Это была атмосфера сумасшедшего дома, — отмечал, описывая ситуацию в бункере, американский журналист Уолтер Ширер в капитальной книге «Величие и падение третьего рейха». — Члены кабинета... возлагали надежды на предсказания звезд».

Но были исчислены сроки — до дней, до часов, до минут...

Гитлер покончил с собой 30 апреля, в 15 часов 30 минут, когда до конца «переломного» апреля оставались считанные часы. Отравив предварительно своих детей, ускользнули в могилу от неизбежной расплаты Йозеф и Марта Геббельс.

В указанном в гороскопе августе состоялась историческая Потсдамская конференция. Что же касается предсказанного срока в пятнадцать месяцев, оставшихся до «окончательной победы», то он истек в разгаре Нюрнбергского процесса, где Гитлер фигурировал как преступник № 1.

ВОЛЬФ МЕССИНГ

Он появился на свет на излете прошлого века. Пережив «эру диктаторов» и их самих, вступил в эпоху атома и космоса. Первую мировую войну встретил среди тех, кто ее развязал, вторую — там, где она началась, и великую победу — в стане победителей. Уникальная судьба феноменального человека.

После триумфального турне по столицам мира Вольф Мессинг возвратился в родную Варшаву. Публичные выступления составляли лишь малую часть его деятельности. Встречи с великим ясновидцем домогались президенты и банкиры, авантюристы и сумасшедшие, и тысячи-тысячи простых людей, которым жизнь не оставила ничего, кроме последней надежды на чудо.

Шел страшный, роковой, поворотный 1937 год. Военная машина Германии набирала обороты. Уже была оккупирована Рейнская зона, готовился аншлюс Австрии, смертельная угроза нависла над Чехословакией. В СССР на полную мощь работала кровавая мясорубка. В преддверии неизбежной войны Сталин уничтожал командные кадры армии. В обход наркомата иностранных дел, личный посланец вождя торгперед Канделаки вел в Берлине секретные переговоры с гитлеровским министром Шахтом. Намечались первые контуры раздела Европы между двумя диктаторами.

Легко догадаться, какие мысли владели варшавянами в то жаркое лето, запомнившееся душными ночами и грозowymi ливнями. Театр был переполнен. Люди стояли в проходах. Тысячные толпы ожидали на улице.

«Будет война? Он скажет, что станет с Польшей? Куда кинется Гитлер? Как поведет себя Сталин?..»

Мессинг особо остро чувствовал состояние аудитории. Привычных заданий с отгадыванием мыслей, поиском спрятанных портсигаров и прочей приевшейся дребедени сегодня не будет. Он прочитал единственный вопрос в темном зеркале коллективного бессознательного, где сливались потаенные страхи и чаяния миллионов.

— Да, варшавяне, готовьтесь к войне.

Он никогда не говорил людям об ожидающих их бедах, хотя ясно ощущал ледяное дуновение смерти. Пусть проживут оставшийся им краткий срок в неведении, питаюсь надеждой. Поэтому он, хоть и видел объятые огнем города, но не сказал, что война неизбежна. Пытаясь войти в оболочку — в темную ауру нацистского фюрера, тшился проникнуться владевшей им маниакальной идеей. Ясности не было. Польша обречена, но Гитлер пока не знал, что за этим последует. Он еще не принял решения, куда повернуть: на Восток или на Запад.

— Если Гитлер нападет на Советский Союз, Германия будет разгромлена, — сказал после долгой паузы Мессинг при гробовом

молчании зала и промокнул платком обильно выступивший пот. — 1945 год станет концом Гитлера и его режима, — добавил почти на последнем дыхании.

На следующий день все, без исключения, польские газеты напечатали предсказание на первых полосах. Заголовки были набраны самыми крупными литерами. На это живо откликнулась зарубежная пресса. Только в советской печати не появилось ни слова. Тому были две вполне очевидные причины: во-первых, мистика, фокусы, шарлатанство; во-вторых, о вожде рейха с некоторого момента было предписано упоминать скупно и сдержанно. Карикатуры на Геббельса и Геринга — сколько угодно, на Гитлера — табу. Пока Литвинов разглагольствовал о коллективной безопасности с западными демократиями, НКВД налаживал контакты с гестапо.

Газетные вырезки пополнили и без того пухлое досье Мессинга в архивах службы безопасности Рейнгарда Гейдриха. О том, как прореагировал на предсказание иностранный отдел в наркомате Ежова, чьи дни уже были сочтены, история пока умалчивает.

За несколько лет до на шумевшего концерта состоялась встреча с Юзефом Пилсудским (1867—1935). Далекое не первая, ибо начальный контакт ясновидца и легендарного «отца нации» имел место еще в 1924 году. Великие мира сего, надо сказать, мало отличаются от среднего обывателя.

«В роскошной гостиной собралось высшее «придворное» общество, — рассказал потом об этой аудиенции в своих автобиографических записках Мессинг, — блестящие военные, великолепно одетые дамы. Пилсудский был в подчеркнуто простом полувоенном платье, без орденов и знаков различия. Начался опыт. За портьерой был спрятан портсигар. Группа «придворных» следила за тем, как я его нашел. Право же, это было проще простого! Меня наградили аплодисментами. Более близкое знакомство с Пилсудским состоялось позднее в личном кабинете. «Начальник государства» (кстати, это был его официальный титул в те годы) был суверен, как женщина. Он занимался спиритизмом, любил «счастливое» число тринадцать. Ко мне он обратился с просьбой личного характера, о которой мне не хочется, да и неудобно сейчас вспоминать. Могу только сказать, что я ее выполнил».

О характере этой интимной просьбы Мессинга заставят подробно рассказать на допросах в НКВД, хотя Пилсудского уже давно не было на этом свете. Но это так, к слову...

Пока же нас куда больше интересует, как и когда величайший чтец мыслей двадцатого века открыл в себе удивительный дар.

Случилось это еще накануне Первой мировой войны. Голодный, плохо одетый мальчик из еврейского местечка Гора-Калевария, под Варшавой, отправился искать счастья в большом незнакомом мире. Где-то на затерянном полустанке он прокрался в вагон первого попавшегося поезда и, устроившись под полкой, заснул сном праведника. Так уж случилось, что поезд шел не куда-нибудь, а в Берлин, где кайзер Вильгельм уже готовил миру кровавую баню, в

которой суждено будет рухнуть великим империям, расчистив оперативный простор для фашизма и коммунизма.

Воистину чудны дела твои, Господь!

Перед остановкой в Познани вошел контролер и началась проверка билетов. Надо ли говорить, что у нищего школяра, с трудом одолевшего премудрости хедера, таких не было, как, впрочем, и документов?

Седоусый пан в форменной фуражке, с кожаной сумкой на животе, заглядывая в укромные места, где обычно прячутся «зайцы», неуклонно приближался к дрожащему мальчонке.

Как знать, не вместил ли тот первый приступ страха перед властью грядущие треволения? Ужели маячили за скромным головным убором железнодорожника Речи Посполитой черные с серебряными черепами околыши СС и синие тульи госбезопасности?

— Молодой человек, ваш билет!

«У меня в ушах и сегодня еще звучит этот голос», — признавался потом Вольф Григорьевич.

Затравленно оглядевшись по сторонам, он устался в замыганный пол, скупо освещенный свечным огарком в закопченном стекле фонаря. Между мешками и убогими, перевязанными веревкой узлами углядел обрывок газеты, схватил его и дрожащей рукой протянул контролеру.

«Наши взгляды встретились. Всей силой страсти мне захотелось, чтобы он принял эту грязную бумажку за билет... Он взял ее, как-то странно повертел в руках. Я даже сжался, напрягся, сжигаемый неистовым желанием. Наконец, контролер сунул ее в тяжелые челюсти компостера и щелкнул ими.

— Зачем же вы с билетом — и под лавкой едете? Есть же места. Через два часа будем в Берлине...

Только теперь маленький Вольф узнал, куда везут его постукивающие на стыках колеса.

И вот он, Берлин. Холод, мытарства, неизбывная нищета, голодный обморок на роскошной Фридрихштрассе и больничная койка. Тут-то и улыбнулась ему, впервые в жизни, удача. Он попал в руки профессора Абеля, знаменитого психиатра и невропатолога, открывшего в пришлое беспризорнике уникальную одаренность.

— Вы удивительный медиум, — констатировал профессор и предложил приступить к опытам.

Медиумизм и прочие тайны духа были в моде. «Чудо-мальчика», с легкой руки импресарио Цельмейстера, продемонстрировали в Берлинском паноптикуме, где вместо восковых фигур выставлялись на всеобщее обозрение живые экспонаты. Затем были варьете Винтергардена, цирк Буша: шумная известность, материальный достаток, лестные предложения.

Дальнейшей карьере помешала война. Вольфу Мессингу было тогда всего пятнадцать лет...

Впереди были долгие разговоры с корифеями мировой науки: Альбертом Эйнштейном и Зигмундом Фрейдом, серьезная работа по уни-

кальной системе психоанализа, шумные гастролы по всем континентам. Об одной встрече стоит упомянуть особо. С конкурентом по ремеслу, которого звали Эрик Ян Ганнусен. Мессинг сразу понял, что любимец берлинской публики начинает свои номера с подставных трюков и, лишь разогрев себя аплодисментами, приступает к неподдельным сеансам по телепатии. Мог ли думать молодой поляк, что его стремящийся к дешевому успеху соперник вскоре станет «личным ясновидцем» Гитлера? Теперь об этом остается только догадываться...

Перепрыгнем временной промежуток между двумя мировыми пожарами.

Польша, согласно «секретным протоколам», расчленена и оккупирована. Мессинг скрывается в подвале торговца мясом. Его повсюду ищут агенты СД, назначена награда в 200 000 рейхсмарок. Родные и близкие отправлены в лагерь смерти Майданек. Те немногие, кому удалось уцелеть, вскоре погибнут под дымящимися развалинами варшавского гетто.

Выйдя однажды на свежий воздух, он лицом к лицу столкнулся с офицером в черной униформе.

— Кто ты такой? — эсэсовец схватил его за волосы, длинные до плеч, как и положено артисту.

— Художник.

— Врешь! — немец вынул из нагрудного кармана сложенную вчетверо листовку с портретом. Медленно развернул ее и пристально взглянул на Мессинга. — Это ты предсказал смерть фюреру? — Последовал отработанный удар в лицо. Опрокинув арестованного на тротуар, немец брезгливо скривился на испачканную перчатку.

Вместе с кровью Мессинг выплюнул выбитые зубы. Брошенный в камеру ближайшего полицейского участка, он напугал все силы души и заставил охранников, одного за другим, прийти к нему. Он лежал неподвижно, как мертвый, когда они, не понимая, в чем дело, склонились над ним. Затем медленно поднялся, вышел в коридор и задвинул засов бронированной двери.

Ему помогли перейти границу, вернее переплыть на жалкой плоскодонке. На другом берегу Буга ожидала другая жизнь и новые испытания. О чем думал он той ненастной октябрьской ночью? Знал ли о судьбах тысяч беженцев, что надеялись найти защиту от фашизма под сенью красных знамен?

На допросах в НКВД он чистосердечно отвечал, что занимается «чтением мыслей». У одних следователей это вызывало озлобление, у других — насмешливую улыбку, но все в один голос тут же спрашивали:

— Ну, и о чем же я сейчас думаю?

Точный ответ обескураживал. Ироническая усмешка мгновенно слетала с губ, а откровенная злоба уступала место страху.

Арестанта отправляли в камеру, а следователь бежал докладывать начальству. Мессинга быстро «поднимали» по служебной лестнице: от лейтенантов до полковников госбезопасности. Увы, его имя им ровным счетом ничего не говорило, а странные рассказы лишь

укрепляли в уверенности, что задержан немецкий шпион. Впрочем, немцы были союзниками и это спасло от скорой расправы. И еще «чудеса», которые всякий раз приходилось проделывать в подтверждение профессиональных способностей.

Так он «дорос» до свидания с самим Пономаренко, секретарем ЦК КП(б) Белоруссии, будущим руководителем партизанского движения.

Рядом с Пономаренко сидел, храня многозначительное молчание, нарком внутренних дел. Оба были в защитных, как у вождя всех времен и народов, френчах.

— Вот человек, который хочет меня расстрелять, — печально кивнул Мессинг на наркома. — А вы секретарь самого господина Цека? — он обратил изучающий взгляд на Кондрата Пантелеймоновича. — Может быть, он тоже захочет меня выслушать?

Руководители республики только переглянулись: нарком действительно намеревался поставить гипнотизера к стенке. Мысли отгадывает, а что такое ЦК, не знает! Или придуривается? Докладные пошли в Москву Мессингу разрешили потихоньку выступать: по скромной программе, без ясновидений и пророчеств. Все по Булгакову: «магия» с непременным разоблачением. Великий роман был написан, его творец умирал, а маг из плоти и крови разъезжал по стране с «Психологическими опытами». Именно так называлась программа.

Во время гастролей в Гомеле Мессинга прямо на улице взяли двое в синих фуражках и повезли незнамо куда. Оказавшись в конце концов то ли в загородной гостинице, то ли на даче, принадлежащей высокопоставленной персоне, он вновь испытал памятное еще по берлинскому поезду потрясение, когда распахнулась дверь и в комнату вошел усатый человек в сапогах, так знакомый по бессчетным портретам. Вслед за ним на полусогнутых ножках просеменил бородатый Калинин.

— Здравствуйте, — закивал на приветствие вождя артист. — А я вас на руках носил.

— Как это на руках?

— На первомайской демонстрации.

— Портрет, портрет, — захихикал «всесоюзный старости».

Сталина интересовало положение в Польше. Он подробно расспросил о покойном Пилсудском, затем о других лидерах, делая упор на правительстве в Лондоне.

— Ох! И хитрец вы, Мессинг, — заключил Иосиф Виссарионович после двухчасовой беседы.

— Не я хитрец. Вот вы-таки действительно хитрец!

Если бы не Калинин, вовремя одернувший ясновидца, неизвестно, чем мог бы закончиться подобный обмен любезностями.

Потом пошли проверки, но уже в сталинском стиле. Куда было Пилсудскому до вожды мирового пролетариата!

Мессингу, например, приказали получить в Госбанке 100 000 рублей по чистому листу бумаги. Повторилась история с железнодорожным билетом, хотя кассиру это стоило инфаркта. Другое за-

вание исходило уже от Берии, который первым делом отправил гениального телепата в Бутырскую тюрьму. Ему предстояло выйти оттуда и, преодолев десятки постов, без пропуска нанести визит в наркомовский кабинет. Альтернативы не было. Об этом эпизоде Мессинг рассказывал крайне скупно, не называя имен. Он с блеском исполнил подвиг, достойный мифических героев. Лишь под конец жизни признался, что уход из гестаповского узилища потребовал значительно большей затраты сил.

О встречах с вождями вообще предпочитал не распространяться. Лишь намекнул, что проходя от поста к посту, он усиленно «вживался» в образ всемогущего министра, представлял себя в его обличье. Судя по тому, как четко козыряла охрана, роль удалась. Не знаю, чего тут больше: проблематичной телепатии или массового гипноза.

Думаю, что легенды о чудесах того же Аполлония Тианского не так уж далеки от действительности.

Известно лишь, что в самые последние дни войны Сталин, подзревая инсценировку, спросил его насчет смерти Гитлера.

— Он мертв, — с полной уверенностью отвечал ясновидец.

В первых числах мая 1945 года он получил правительственную телеграмму, в которой генералиссимус выражал благодарность артисту за точно названный день окончания войны.

А год был предсказан еще в Варшаве...

Мне дважды, еще подростком, довелось побывать на его концертах. Не будь этого, я, возможно, и не заинтересовался бы телепатией. В годы хрущевской «оттепели», когда такое стало возможно, я написал первый в популярной печати очерк об «эффекте-пси», как его называли на Западе, сопоставив все за и против.

Прошло тридцать лет, а проблема все на том же уровне. Весы по-прежнему колеблются между «может быть» и «абсолютно невозможно».

На одном из юбилеев артиста присутствовал Пономаренко, теперь уже член президиума ЦК. На вопросы гостей о том, при каких обстоятельствах произошло их знакомство, он кивнул Вольфу Григорьевичу:

— Расскажите сами.

— Все так и было? — спросил потом Эренбург.

Пономаренко кивнул, но вдруг встрепенулся и поднял бокал:

— Конечно же, никто расстреливать Вольфа Григорьевича не собирался! Сами понимаете, товарищи... Так пожелаем ему многие лета!

Раздался общий смех, более громкий и продолжительный, чем обычно и все принялись оживленно чокаться.

Сталиным уже занимались бальзамировщики, а в передовицах «Правды» все чаще мелькало непонятное словосочетание «культ личности».

Я учился тогда на первом курсе и хорошо помню объяснения преподавателя основ марксизма-ленинизма:

— К товарищу Сталину это не относится!

Мы знали, что все обстоит с точностью до наоборот, и понемногу начинали завязывать споры со своими политкомиссарами. Лично мне это стоило исключения. Предлогом послужил несданный зачет и «чтение гнилых есенинских стишков на вечере в честь Октябрьской революции».

Я читаю стихи проституткам
И с бандитами жарю спирт...

Это и впрямь прозвучало несколько необычно в те годы. Но все к лучшему. Я ни о чем не жалею. Оказавшись не у дел, я полгода, день за днем, ходил в Ленинскую библиотеку, где прилежно переписывал стихи символистов и поглощал книги по магии и оккультизму, к коим относились также работы по атлантологии и телепатии.

Однажды я лицом к лицу столкнулся в вестибюле с Вольфом Григорьевичем и, набравшись храбрости, заговорил:

— Существует ли телепатия? — переспросил он. — Спросите композитора, существует ли музыка, звучащая у него в душе.

Я восхитился ответом, хотя он и не удовлетворил мою любознательность. Много лет спустя пришло понимание, что есть вещи, невыразимые в слове.

Обратимся к воспоминаниям Мессинга (в лит. записи Мих. Васильева), декларативно озаглавленным «Я — телепат». Выбранная сцена воспроизводит разговор молодых людей, которых волновали примерно те же вопросы, что и меня в свое время. Впрочем, это и было скорее всего то же самое время.

«...Еще двое. Видимо, молодые физики. Продолжается начатый в фойе, а может и еще раньше, горячий спор:

— Но электромагнитный спектр изучен во всем диапазоне. От сверхжестких гамма-лучей до сверхдлинных радиоволн. В нем нет ни одного участка, в котором могла бы осуществляться телепатическая связь.

— Параспсихическая связь...

— Дело не в терминах...

— Понимаю, что не в терминах, но слово телепатия, к сожалению, скомпрометировано доморощенными всезнайками.

— Но все равно, материального поля, которое бы служило передачей информации непосредственно из мозга в мозг, не существует...

— Друг мой! Всего сто лет назад, если смотреть с этих позиций, не было материального поля для передачи звуков и изображений на большие расстояния. Ведь радиоволны-то были открыты Генрихом Герцем только в 1886 году.

— Ты думаешь, существует еще какое-нибудь поле?

— А почему бы и нет?

— Оно было бы уже замечено учеными.

— С помощью приборов, предназначенных для изучения электромагнитного поля? Попробуй ватерпасом или безменом замерить напряженность радиоволн.

— Да, ты прав... Было бы интересно поработать с самим Мессингом! Посадить его в заземленную медную клетку. Смог бы ли

он оттуда читать мысли? Это сразу бы исключило возможность участия здесь любых лучей электромагнитного спектра.

— Превратить Мессинга в подопытного кролика? Неприлично.

Они проходят в зал. Жаль... Умные ребята! И я бы не отказался от почетной, с моей точки зрения, роли подопытного кролика — посидеть в заземленной клетке. Мне самому было бы интересно узнать, участвует ли в моих психологических опытах электромагнитное поле? Или надо искать новые виды поля, которые не регистрируются и не отмечаются существующими сегодня приборами физиков».

И еще один «подслушанный» Мессингом разговор. Многим его информативная ценность покажется нулевой, но, надеюсь, не читателям этой книги, ибо от чего ушли, к тому и пришли.

«Две дамы в вечерних платьях:

— Милочка, это настоящий волшебник! Как граф Калиостро! Ах, ты не веришь мне: в наш материалистический век угасла вера в настоящее волшебство! Вот сама увидишь! То, что он показывает, — это сотая доля того, что он может. Он, например, может принимать облик любого животного, превращаться в тигра или собаку...

— Почему же он не превращается?

— Ему запретили это делать. Он подписку дал».

Дама, так и хочется сказать: «приятная во всех отношениях», во многом права. И сравнение с Калиостро вполне уместно, и насчет сотой доли возможностей она не ошиблась и даже по части ликантропии, т. е. превращения в животных, ничуть не переборщила.

Если можно было внушить охране МГБ, что перед ними сам Лаврентий Берия, то «превратиться» в тигра, на мой непросвещенный взгляд, и того проще.

От чего ушли, к тому и пришли...

Литератор Александр Жиркевич записал в своем дневнике 22 января 1921 года:

«Мне рассказывали, будто на одном из спиритических сеансов дух на вопрос, чем кончится вся нынешняя неразбериха, продиктовал два загадочных слова «молот — серп». Долго не могли разобраться в этой шутке. Наконец прочли оба слова вместе, но наоборот. Все это детски глупо, наивно, но интересно, как указывающее настроение общества. Игра в спиритические сеансы приняла повсюду чудовищные размеры. Говорят о видениях, пророчествах. Верят сну. Вообще мистицизм в небывалой моде. Россия похожа на вулкан, готовый к извержению, внутри которого бурлят, дают знать о себе загадочные невидимые силы».

Есть дурной и хороший есть глаз
Только лучше б ничей не следил:
Слишком много есть в каждом из нас
Неизвестных играющих сил...
О тоска! Через тысячи лет
Мы не сможем измерить души:
Мы услышим полет всех планет,
Громовые раскаты в тиши...
А пока — в неизвестном живем
И не ведаем сил мы своих,

И, как дети, играя с огнем,
Обжигаем себя и других...

Александр Блок, 18 декабря 1913

Итак, сам собой закольцевался наш непростой и чреватый всяческими сюрприжами сюжет. Начав с сиюминутных коллизий, достаточно тревожных и острых, мы углубились в кромешную тьму запутанных лабиринтов, чтобы вынырнуть в памятные для меня годы юности, годы хрущевской «оттепели».

Воистину время магии — «вечное теперь».

До полного стыка осталось всего ничего: в сущности не история — современность. Она у всех на виду и каждый волен делать собственные выводы, если захочет. Сравнить, проводить параллели, находить аналогии, сопоставлять. Массив данных, как выражаются социологи, вполне достаточный.

Последнее сказанье
Я б написал мое,
Но чаю наказанье,
Боюсь monsieur Veillot¹.

Ходить бывает склизко
По камешкам иным,
Итак, о том, что близко,
Мы лучше умолчим.

А. К. Толстой. «История государства
Российского от Гостомысла до Тимашева»

Мы, правда, замахнулись пошире — на всемирную историю, от фараонов до президентов, но кривая «От Рогозина до, скажем, Берии» пошла против стрелы времени и почти что замкнулась то ли в круг, то ли в эллипс «вечного теперь».

А совет Алексея Константиновича хорош!

И все же несколько слов о нас с Вами, читатель. В социологии существует таинственный закон Томаса, который не всегда соблюдается, а потому и не может считаться законом в строгом смысле слова. Формулировка его очень проста: «Если люди определяют ситуации как действительные, то они действительны по своим последствиям». Короче говоря, то чего упорно ждут, может претвориться в реальность. Вот почему сценарии будущего, которые мы рисуем себе, улавливая тончайшими антеннами сознания и подсознания надежды и чаяния, а вместе с ними и тревогу, разлитую в атмосфере, предопределяют образы нашего завтра.

Не надо быть астрологом или магом, чтобы с большой долей вероятности предугадать, что нас ожидает. Вглядитесь в окружающую действительность, прислушайтесь к себе и Вы поймете без лишнего слов неумолимую предопределенность потока жизни, протекающего из настоящего в будущее.

¹ Барон Иван Осипович Велио (1830—1899), директор почтового департамента МВД, занимавшийся перлюстрацией писем. В нашем случае вполне подпадает под категорию «охранника». (Примеч. авт.)

Изменить к лучшему вероятную модель грядущего возможно лишь согласованным усилием воли. При этом каждый должен осознать себя как независимую, свободную в выборе и самостоятельно мыслящую личность. И тогда мы сможем сказать о себе: Народ — Демос, а не толпа — охлос. Образ «мыслящего тростника» куда более отвечает понятию Homo sapiens, чем раздираемая низменными инстинктами и напичканная всевозможными предрассудками, выморочная фигура человека толпы — охломона.

Пусть тростник — трава, которую гнет ветер, все мы смертны, но наш мозг способен вместить в себя Вселенную. Мыслить и принимать самостоятельные решения способна личность, охломоны же всегда следуют за дудочкой крысолова.

Нас столько лет называли массой! Мы и были массой и все еще таковой остаемся. Обязательное определение «трудящаяся» не меняет сути, а употребляемое по красным дням календаря «ликующая», глубоко унижительно.

Что может быть отвратительнее «ликующей массы»? Страшнее «ярости масс»?

Вспомним времена политических процессов и лозунг, выкликаемый на митингах, написанный на транспарантах, напечатанный в передовицах газет: «Собакам — собачья смерть!». Это ли не «творчество масс»? Толпы в любой ипостаси — гневной или восторженной, «не обладают, — по словам философа Карла Ясперса, — свойствами личности, они ничего не знают и ничего не хотят, они лишены содержания и служат орудием того, кто льстит их влечениям и страстям».

Нынче такое называется «популизмом». Я беру это слово в кавычки лишь потому, что те, кто обвиняют в популизме своих конкурентов, занимаются тем же самым.

«Массы... вышли на места главных действующих лиц. Герои исчезли, остался хор. Масса — это множество людей без особых достоинств... Масса — это средний заурядный Человек... Масса навязывает обществу свои вкусы».

Хосе Ортега-и-Гассет

«Мас-медиа» и «массовую культуру», в частности. Отсюда убожество переходящее в дикую свистопляску и беснование, многих телевизионных программ, а заодно и шарлатанство самозваных «астрологов» и «колдунов», отмеченное еще в первых строках.

Иначе и быть не могло: телевидение, пресса, кинематограф не только представляют собой сообщающиеся сосуды, но являются составными частями единого целого.

Властитель — маг — охранник. Пусть отрывочно и не вдаваясь в скрупулезный анализ сопутствующих обстоятельств, но мы проследили чреватое роковыми коллизиями сосуществование означенной триады на широком плацдарме истории. Первоначально взятый посыл полностью подтвердился. Мистический флюид, как правило, оказывается важнейшим симптомом общественного неблагополучия.

Ничто так ярко не свидетельствует о том, что в «датском королевстве», говоря словами Гамлета, завелась гниль, как появление «мага» во властных структурах.

Сама жизнь лишний раз свидетельствует о надежности этого вернейшего из индикаторов и ставит закономерную точку в нашей истории. Молниеносная отставка ближайших к президенту охранников, чьи действия вышли далеко за рамки полномочий, позволяет надеяться на то, что и с пресловутой «башней Мерлина» за кремлевской стеной будет покончено. Как-никак столько охочий до роскоши и прочей оккультной премудрости генерал Рогозин был ближайшим сподручным генерала Коржакова, невольно, хотелось бы думать, соединившего в своем всеильном ведомстве охранные функции с потусторонними устремлениями, ставшими действенным политическим фактором.

Инцидент в «башней Мерлина» явился побудительной причиной для создания этой книги. Так уж случилось, что скандальная история исчерпала себя, когда рукопись уже находилась на редакторском столе. Тем приятнее было дополнить краткое резюме этими завершающими строками. Жизнь и в самом деле продиктовала финал. Значит все было верно: отправной пункт и его логическое развитие, увенчавшееся на радость автора полной закольцованностью сюжета. Не помню где, но я уже говорил, что сюжет должен быть закольцован. Стечением обстоятельств этому поспособствовали внешние факторы: молниеносно, повторяю, завершился цикл, объединивший «властелина», «охранника» и «мага».

Но не будем забывать, что циклам свойственно повторяться, и подтверждением тому не только буква, но и дух заключенного на данном слове повествования.

Короткое сообщение в газете «Московский комсомолец» ни в каких комментариях не нуждается:

ОТЕЦ РОССИЙСКОГО ПСИХОТРОПНОГО ОРУЖИЯ ОСВОБОЖДЕН ОТ ДОЛЖНОСТИ

Указом Бориса Ельцина от занимаемой должности освобожден первый заместитель руководителя Службы безопасности Президента РФ генерал-майор Георгий Рогозин

До последнего момента генерал Рогозин работал в предвыборном штабе Ельцина. Слухи о его отставке ходили уже более двух недель. Однако президент подписал указ, подготовленный в Государственном правовом управлении, лишь в конце прошлой недели.

Напомним, что Георгий Рогозин считается одним из ведущих специалистов в России по психотропному оружию. Проблема разработки этого оружия он занимался начиная с середи-

ны 70-х годов, когда служил в 3-м главке КГБ СССР

Кстати, в Службе безопасности президента Рогозин, являясь правой рукой Александра Коржакова, отвечал за подарки Борису Ельцину. Его кабинет был заставлен тульскими самоварами, изделиями народных промыслов всех регионов России и различных стран мира. Генерал Рогозин изучал, не заложены ли в дары какие-либо средства психотропного воздействия.

Дальнейшая судьба генерал-майора Рогозина пока неизвестна. Предполагается, что он может быть откомандирован в распоряжение директора Федеральной службы безопасности.

Andante

П. И. Чайковский. 5-я симфония. Тема рока

FINALE

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>Капитула восьмая.</i> ТАНЦЫ С САЛАМАНДРАМИ	3
<i>Капитула девятая.</i> НОЧИ НОСТРАДАМУСА	75
<i>Капитула десятая.</i> ЧЕРНЫЙ ОРДЕН	137
<i>Капитула одиннадцатая.</i> МУШКЕТЕРЫ КОРОЛЯ И БЕСЫ КАРДИНАЛА	185
<i>Капитула двенадцатая.</i> ФИГУРЫ ПОД МАСКОЙ	219
<i>Капитула тринадцатая.</i> ПЛЯСКИ ПОД ЗАНАВЕС	319
<i>Капитула четырнадцатая.</i> СВЯТОЙ ЧЕРТ	357
<i>Капитула пятнадцатая.</i> «ГИБЕЛЬ БОГОВ»	409
FINALE	461

ЕРЕМЕЙ ИУДОВИЧ ПАРНОВ
ВЛАСТИТЕЛИ И МАГИ
Книга 2

Редактор *И. Шурыгина*
Художественный редактор *И. Марев*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректор *В. Антонова*

ЛР № 030129 от 02.10.91 г.
Подписано в печать 01.10.96 г.
Уч.-изд. л. 33,67. Цена 20 500 р.
Цена для членов клуба 18 900 р.

Издательский центр «ТЕРРА».
113184, Москва, Озерковская наб., 18/1, а/я 27.

Оригинал-макет подготовлен ТОО «Макет».
141700, Московская обл., г. Долгопрудный,
ул. Первомайская, 21.

*Книги издательства «ТЕРРА» можно заказать по адресу:
109033, Москва, а/я 66.*

